

СБОР

НИКЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО

ИНСТИТУТА

КНИГА ПЪТВА

АЩ ПЪ

СБОРНИКЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАТО ИНСТИТУТА.

СБОРНИКЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

КНИГИ ПЯТОЙ

ПОЛОВИНА ПЕРВАЯ.

ИЗДАНА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Э. В. Калачова.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

1881.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
DEC 15 1925

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9-я лин., д. № 12.)

Печатаніе настоящей—*пятой*—книги Сборника Археологическаго Института началось еще весною текущаго года; но съ одной стороны необходимость посвящать всѣ силы этого учрежденія въ лѣтнее время обозрѣнію и описанію разныхъ памятниковъ древности, раскопкамъ кургановъ и въ особенности работамъ въ архивахъ разныхъ мѣстностей не дозволила мнѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по принимаемому мною лично участію въ экскурсіяхъ членовъ и слушателей Института, исполнять и обязанность редактора «Сборника»; а за тѣмъ, когда я могъ уже съ осени посвящать свободные отъ другихъ занятій минуты этому труду, я убѣдился, что денежныя средства завѣдуемаго мною учрежденія до того ничтожны, что пришлось бы новыя книги «Сборника» печатать на неопредѣленное время въ долгъ типографіямъ. А какъ, не смотря на это въ высшей степени неблагоприятное обстоятельство, не только матеріалы самаго интереснаго содержанія, но и изслѣдованія, обработанныя съ большимъ усердіемъ и знаніемъ дѣла, продолжали почти ежедневно поступать въ мои руки, я увидѣлъ себя въ необходимости выпустить скорѣе въ свѣтъ напечатанные уже листы новой книги, окончаніе же ея и выпускъ въ свѣтъ новыхъ книгъ пріостановить на нѣкоторое время и принять мѣры къ отклоненію дальнѣйшей присылки ко мнѣ матеріаловъ и статей откровеннымъ объясненіемъ несостоятельности Института.

Изготавливая, предъ окончаніемъ 1881 года, подробный отчетъ о тѣхъ результатахъ, какіе достигнуты Археологическимъ Институтомъ въ короткое время его существованія и о томъ довѣріи, какое онъ успѣлъ заслужить не только со стороны частныхъ лицъ, но и отъ пра-

вительственныхъ органовъ, которые неоднократно дѣлали ему порученія и запросы по спеціальнымъ предметамъ его занятій, я могу въ настоящее время лишь заявить, что, не смотря на пріостановку начатаго Институтомъ изданія, я почту долгомъ продолжать его при первой возможности до отпечатанія предназначенныхъ для него статей, хотя бы даже, за недостаткомъ средствъ, мнѣ суждено было закрыть и самый Археологическій Институтъ съ истеченіемъ четырехлѣтняго срока, на который учрежденіе его было Высочайше разрѣшено въ видѣ опыта.

Н. Калачовъ.

8 декабря 1881 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

	СТРАН
I.—Отчетъ объ осмотрѣ лѣтомъ и осенью 1880 г. членами и слушателями Археологическаго Института памятниковъ древностей и ихъ работахъ въ архивахъ, <i>директора Н. В. Калачова.</i>	1—30.
II.—Древности Толгскаго монастыря, <i>дѣйстви. члена А. В. Гаврилова.</i>	31—44
III.—Кіевскій центральный Архивъ (1852—1880 г.), <i>И. Каманина.</i>	45—56
IV.—Островъ Эзель и его древности, <i>дѣйстви. члена А. А. Благовѣщенскаго.</i>	57—234

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ за границу, въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ, <i>Н. П. Собко.</i>	237—332
--	---------

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рѣчи и отчеты, читанные въ Археологическомъ Институтѣ въ торжественномъ собраніи 15 февраля 1881 года:

1) О взаимной связи между науками, преподаваемыми въ Археологическомъ Институтѣ, <i>директора Н. В. Калачова.</i>	3—12
2) О значеніи и составѣ древней русской метрологіи, <i>почетнаго члена Д. И. Прозоровскаго.</i>	13—23
3) Отчетъ о состояніи Археологическаго Института за 1880 г., <i>проф. Н. В. Покровскаго.</i>	24—31
4) Рѣчь, произнесенная директоромъ Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ <i>барономъ Ф. А. Булеромъ.</i>	32

Приложеніе къ статьямъ гг. Каманина и Благовѣщенскаго рисунки исполнены почетнымъ членомъ Института В. А. Прохоровымъ, а портреты, приложенныя къ статьѣ г. Собко—въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

THE HISTORY OF

THE CITY OF

THE HISTORY OF THE CITY OF BOSTON, FROM THE FIRST SETTLEMENT TO THE PRESENT TIME. BY SAMUEL JOHNSON, ESQ. VOL. I. BOSTON: PUBLISHED BY S. KNEELAND, 1786.

CONTENTS.

THE FIRST SETTLEMENT OF THE CITY OF BOSTON, IN THE YEAR 1630. THE ARRIVAL OF THE PASSENGERS AT BOSTON. THE FIRST HOUSES BUILT. THE FIRST CHURCHES. THE FIRST SCHOOLS. THE FIRST COLLEGE. THE FIRST HOSPITAL. THE FIRST PRISON. THE FIRST MARKET. THE FIRST THEATRE. THE FIRST BANK. THE FIRST POST OFFICE. THE FIRST STEAMSHIP. THE FIRST RAILROAD. THE FIRST TELEGRAPH. THE FIRST AIRSHIP. THE FIRST SUBMARINE. THE FIRST SPACE SHIP. THE FIRST ROBOT. THE FIRST CLONING. THE FIRST GENETICALLY MODIFIED ORGANISM. THE FIRST SYNTHETIC LIFE. THE FIRST ARTIFICIAL INTELLIGENCE. THE FIRST QUANTUM COMPUTATION. THE FIRST NEURAL NETWORK. THE FIRST DEEP LEARNING. THE FIRST SELF-DIRECTING ROBOT. THE FIRST AUTONOMOUS VEHICLE. THE FIRST DRONE. THE FIRST 3D PRINTING. THE FIRST NANOTECHNOLOGY. THE FIRST NANOROBOT. THE FIRST NANOSATELLITE. THE FIRST NANOSWITCH. THE FIRST NANOSCALE DEVICE. THE FIRST NANOSCALE MATERIAL. THE FIRST NANOSCALE STRUCTURE. THE FIRST NANOSCALE SYSTEM. THE FIRST NANOSCALE DEVICE. THE FIRST NANOSCALE MATERIAL. THE FIRST NANOSCALE STRUCTURE. THE FIRST NANOSCALE SYSTEM.

• **ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.**

**Объ осмотрѣ лѣтомъ и осенью 1880 г. членами и слушателями
Археологическаго Института памятниковъ древностей и ихъ
работахъ въ Архивахъ.**

I.

(Вечернее чтеніе 21-го марта 1881 г.).

Передъ началомъ нашихъ экскурсій по раскопкамъ, которыя, на основаніи сдѣланныхъ намъ предложеній, рѣшено было не только продолжать въ мѣстности, гдѣ мы уже отчасти занимались ими въ прошедшемъ году, именно въ Новгородской губерніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ приступить и къ новымъ въ губерніяхъ Тверской и Ярославской, я призналъ необходимымъ съѣздить въ Тверь для полученія надлежащихъ свѣдѣній и пособій для предположенныхъ изслѣдованій. Эту поѣзду я предпринялъ тѣмъ охотнѣе, что почти съ самаго учрежденія Археологическаго Института меня влекло въ Тверь желаніе повидаться здѣсь съ моимъ сверстникомъ по первымъ моимъ архивнымъ трудамъ — съ переведеннымъ сюда въ то время изъ Харькова ученымъ святителемъ, снискавшимъ собѣ уже самыми ранними своими изданіями честь трудолюбиваго и свѣдущаго налеографа — архіепископомъ Саввою, а частью посмотреть музей, заведенный здѣсь неуспынными заботами управляющаго Тверскою Казенною Палатою Августомъ Казиміровичемъ Жизневскимъ. Послѣ теплаго, радушнаго приѣма, сдѣланнаго мнѣ архіепископомъ, — приѣма и бесѣды, которые навсегда останутся въ моей памяти, я, къ сожалѣнію, не засталъ г. Жизневскаго

въ городѣ, но музей открылъ мнѣ завѣдывающій имъ смотритель, который соединяетъ въ себѣ знаніе дѣла съ рѣдкою любовью и вниманіемъ къ памятникамъ, порученнымъ его наблюденію. Думая, однако, что это хранилище заслуживаетъ особаго описанія, я не буду распространяться о немъ здѣсь и скажу только, что Тверской музей можетъ служить образцомъ для музеевъ, учреждаемыхъ нынѣ во многихъ городахъ съ цѣлью знакомить ихъ посѣтителей не только съ мѣстными древностями, но и съ хозяйственными, этнографическими и бытовыми условіями той губерніи, гдѣ учреждается подобный музей. И я уже имѣлъ случай воспользоваться видѣннымъ мною здѣсь образцомъ: когда, по возвращеніи моемъ изъ археологическихъ экскурсій въ Петербургъ, я нашелъ въ Институтѣ запросы, обращенные ко мнѣ изъ разныхъ губерній относительно устройства музеевъ, то, благодаря впечатлѣніямъ, вынесеннымъ мною изъ Тверской поѣздки, я могъ составить и выслать желающимъ небольшую программу для устройства мѣстнаго губернскаго музея. Но не этимъ однимъ обязанъ я Твери въ мое кратковременное въ ней пребываніе. Съ одной стороны исправлявшій въ то время, за отсутствіемъ губернатора, его должность, вице-губернаторъ П. В. Неклюдовъ снабдилъ меня и слушателей Института необходимыми распоряженіями къ облегченію нашихъ разъѣздовъ по губерніи со стороны полиціи и земства; съ другой — трудолюбивые дѣятели въ научномъ отношеніи В. А. Плетневъ и В. А. Покровскій доставили мнѣ, первый отпечатанные имъ въ то время листы его интереснаго изданія: „О курганахъ и городищахъ Тверской губерніи“, а второй — составленную имъ нарочно для Института выписку о селеніяхъ, близъ коихъ встрѣчаются курганы и городища въ уѣздахъ Вышневолоцкомъ, Весьегонскомъ, Бѣжецкомъ и Кашинскомъ и для лучшей наглядности снабдилъ ее даже картами. Возвратясь затѣмъ въ Петербургъ, я нашелъ уже собравшуюся въ путь экспедицію изъ 8 членовъ и слушателей Института (1). Передъ отъѣздомъ мы запаслись изданными въ свѣтъ инструкціями для производства курганныхъ раскопокъ и подробными, чрезвычайно отчетливо составленными и изданными Главнымъ Штабомъ картами тѣхъ губерній, въ кото-

(1) Ее составляли: дѣйств. члены: Ваденюкъ, Гавриловъ, Давиловъ, Зарницкій и Шапошниковъ и слушатели: Марковъ, Родзевичъ и Черневскій.

рыя располагали отправиться; получили даровые билеты на проезд по желѣзнымъ дорогамъ и на провозъ нашихъ будущихъ приобретений по рѣкамъ Мологѣ и Волгѣ, благодаря любезному содѣйствію нашего почетнаго члена барона Г. О. Гинцбурга; закупили необходимые съѣстные припасы, чтобы продовольствоваться въ мѣстностяхъ, гдѣ при раскопкахъ не встрѣчается часто никакого жилья и 9-го іюля, въ 9¹/₂ часовъ вечера, отправились въ путь по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Въ 9 часовъ утра слѣдующаго дня мы прибыли на станцію въ с. Бологое, гдѣ насъ встрѣтилъ нашъ почетный членъ князь Павелъ Арсеньевичъ Путятинъ. Многіе изъ насъ уже были знакомы съ прекрасной дачей князя, стоящей живописно на берегу значительнаго озера, въ которому ведетъ съ балкона небольшой, но роскошно убранный цвѣтникъ, и посѣщали его сельскій музей и училище; но теперь познакомились съ ними и прочіе наши товарищи. Не прошло однако двухъ часовъ послѣ нашего пріѣзда въ Бологое, какъ мы уже отправились въ восьми-мѣстномъ старинномъ шарабанѣ и въ просторной телѣгѣ на назначенные княземъ археологическіе пункты. Предположено было прежде всего осмотрѣть два возвышенія, находящіеся верстахъ въ двухъ отъ Бологова и въ полуверстѣ отъ деревни Веселой Горки и Нестерова озера. Первое изъ нихъ ближе къ дорогѣ на Веселую Горку, другое же, съ обрывистымъ склономъ къ рѣкѣ Коломенкѣ, нѣсколько далѣе и занимаетъ болѣе пространство. Оба эти возвышенія, особенно первое, покрыты камнями разной величины, въ расположеніи которыхъ замѣтна нѣкоторая правильность, что заставляетъ предполагать бывшія здѣсь погребенія. Очевидно впрочемъ, что оба эти кургана уже сильно потерпѣли отъ времени и потому, не приступая къ ихъ раскопкѣ, мы отправились къ курганамъ, находящимся въ 8-ми верстномъ разстояніи отъ Бологова въ мѣстности, называемой *Озеревичи*. Площадь, на которой стояли эти курганы, представляла обширное, почти безлѣсное, песчаное пространство. Первый курганъ, къ раскопкѣ котораго мы приступили, имѣлъ отъ подошвы черезъ вершину 4³/₄, а въ основаніи 15 сажень кругомъ и сверху былъ покрытъ одерновкой; одинаковой величины былъ и второй курганъ. Раскопки, произведенныя въ обоихъ курганахъ траншеями, не обнаружили въ нихъ однако никакихъ остатковъ, кромѣ угольнаго слоя, который начался уже

на полуторѣ четверти разстоянія отъ одерновки и отдавалъ внизъ болѣе или менѣе значительными слѣдами углей. Но если оба эти кургана свидѣтельствовали только о бывшемъ здѣсь погребеніи посредствомъ сожженія, то окружающая ихъ песчаная поляна, съ выдававшимися въ разныхъ мѣстахъ низкими буграми, не могла быть оставлена безъ особаго вниманія. Покрытая множествомъ кремней самыхъ разнообразныхъ формъ и цвѣтовъ, она представляла собою мѣстность, на которой вовсе не случайно скопилось такое обиліе мелкаго камня. Разсматривая эти кремни, нельзя было сомнѣваться, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ подвергались искусственной обдѣлкѣ, а многіе представляли своими оконечностями выдѣланныя изъ камней стрѣлы. Такія стрѣлы нерѣдко собираются здѣшними поселянами, которые называютъ ихъ громовыми стрѣлами и употребляютъ для излеченія разныхъ болѣзней, покалывая ими больное мѣсто. Присутствіе же здѣсь человѣка еще въ глубокою древность подтверждается встрѣчающимися нерѣдко грудями какихъ-то мелкихъ костей, по видимому пищевыхъ остатковъ. Эти данныя послужили къ тому, что князь Путятинъ и одинъ изъ нашихъ дѣйствительныхъ членовъ, К. А. Шапошниковъ, занялись впоследствии подробнѣйшимъ изученіемъ массы собранныхъ ими здѣсь кремней, о чемъ скажу послѣ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ они пришли въ своихъ изслѣдованіяхъ къ неожиданнымъ для нихъ результатамъ.

Вечеромъ того-же дня, въ который мы пріѣхали въ Бологое, отправились мы по Рыбинской желѣзной дорогѣ до самого города Рыбинска, отсюда на пароходѣ по Волгѣ пріѣхали въ Ярославль. Отъ Толгскаго монастыря вмѣстѣ съ нами ѣхалъ до города мѣстный преосвященный Іонаеанъ, который оказалъ самое радушное вниманіе моимъ спутникамъ и пригласилъ насъ осмотрѣть не только Спасопреображенскій монастырь, что нынѣ архіерейскій домъ, но также Толгскій монастырь — его лѣтнее помѣщеніе, а меня съ пристани провезъ прямо къ моему брату — губернскому предводителю дворянства — Виктору Васильевичу. Вечеромъ у насъ собралось, кромѣ моихъ археологовъ, нѣсколько мѣстныхъ интеллигентныхъ дѣятелей, между прочими: директоръ Ярославскаго лицея М. Н. Капустинъ, предсѣдатель губернской земской управы А. В. Скульскій и изслѣдователь бычковаго права Е. И. Якушкинъ. По нашей части было рѣшено на другой-же день отправиться къ курганамъ, находящимся близъ деревни Петровской, верстахъ

въ двухъ разстояніемъ отъ Московскаго шоссе и въ предположенныхъ раскопкахъ намъ изъявили готовность участвовать мой братъ и Скульскій. Всѣхъ кургановъ въ означенной мѣстности было до 42 и изъ нихъ въ одной группѣ, расположенной склономъ къ рѣчкѣ Шатеркѣ, на которой мы остановились, до 26 разной величины; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ были недавно разрыты председателемъ Ростовской земскоѣ управы А. А. Титовымъ. Приступивъ къ дѣлу, мы тотчасъ убѣдились, что оно будетъ не такъ легко, ибо почва кургановъ оказалась глинистой и твердой; къ тому-же пошелъ дождь, который продолжался весь этотъ и слѣдующій день; раскопки облегчались однако сдѣланными прежде вырубками лѣсной поросли на всѣхъ курганахъ. Всего разрыто нами 7 кургановъ неравной величины, но большею частью имѣвшихъ каждый отъ 12—15 сажень въ окружности, а черезъ вершину въ діаметрѣ отъ 5—6 саж. и слѣдовательно довольно пологихъ. Угольные слои оказались только при раскопкѣ нѣкоторыхъ кургановъ съ сжжеными притомъ костями, въ другихъ попадались несжженные кости на разстояніи отъ вершины кургановъ не болѣе 1 аршина, а въ одномъ найденъ цѣлый костякъ длиною въ 5 футовъ и 2 дюйма, лежавшій въ направленіи отъ востока къ западу, при чемъ лицо было обращено къ востоку. Съ лѣвой стороны этого костяка, около пояса, найдена пряжка, а еще ниже, у лѣвой ноги, желѣзный ножики. Въ прочихъ-же курганахъ были сдѣланы слѣдующія находки: обтесанный оселокъ съ серебрянымъ кольцомъ, костяныя (можетъ быть рыбы) пластинки со шпеньками и нарѣзками на кости, остатокъ арабской монеты, какая-то буса чрезвычайно хрупкая, два ножа и желѣзная трубочка. Эта незначительность находокъ подала поводъ къ заключенію, что населеніе, оставившее въ своихъ могилахъ такіе бѣдные слѣды своего существованія, могло быть лишь на низкой ступени развитія; а съ другой стороны невозможность получить даже хорошіе экземпляры почти вовсе ислѣвшихъ череповъ и другихъ частей погребеннаго въ здѣшнихъ мѣстахъ населенія, заставили насъ прекратить дальнѣйшія раскопки и на слѣдующій-же день отправиться для другихъ поисковъ.

Мы поѣхали опять прежнимъ путемъ, по Волгѣ; опять остановились у Толгской пристани, гдѣ оставили нашего члена Гаврилова, пожелавшаго заняться мѣстными церковными древностями, а въ Рыбинскѣ пересѣли на желѣзную дорогу, но ѣхали по ней только до гор. Вѣжецка. Здѣсь мы раздѣли-

лись на двѣ партіи: одни изъ насъ (князь Путятинъ, я, Зарницкій, Шапошниковъ и Родзевичъ) отправились, черезъ Красный Холмъ, на Тихвинско-Устюженскій трактъ, въ лежащее за г. Устюжной-Желѣзопольской с. Избоищи, коего мѣстность усѣяна курганами; другіе-же продолжали путь по желѣзной дорогѣ до Троицкаго погоста, гдѣ имѣли въ виду сдѣлать раскопки замѣтныхъ у самой дороги кургановъ.

Не касаясь здѣсь свѣдѣній, собранныхъ нами въ Бѣжецкѣ относительно найденныхъ въ его мѣстности древностей при проведеніи желѣзной дороги, и предметовъ, привезенныхъ нами отчасти въ нашъ музей, я перехожу прямо къ сдѣланнымъ нами раскопкамъ въ окрестностяхъ с. Избоищи. Названіе этого села очень древнее и указываетъ на какое-то бывшее въ здѣшней мѣстности избиеніе. Въ сожалѣнію, писцовыхъ книгъ встрѣчающихся по р. Кобожѣ селеній и урочищъ мы не знаемъ ранѣе XVII вѣка, въ которыхъ конечно упоминается и с. Избоищи. Но, очевидно, къ глубочайшей древности слѣдуетъ отнести высокіе и объемистые курганы, стоящіе на рѣкѣ Кобождѣ, въ трехъ верстахъ отъ села, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ Избоищъ: ихъ три на берегу рѣки и одинъ въ лѣсу, ее окаймляющемъ. Мы рѣшили произвести раскопку по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, и оставились на одномъ изъ трехъ бережныхъ и именно на среднемъ, самомъ значительномъ, не смотря на требовавшійся при этомъ трудъ, такъ какъ курганъ былъ не только громаднѣе размѣровъ — окружность его основанія простиралась до 40 сажень, а высота отъ подошвы до 5 с., — но и перосъ большими соснами, елями и березами. При самомъ началѣ раскопки, какъ скоро была очищена поросшая сверху земля, мы были поражены одною особенностью, какою этотъ курганъ отличался отъ всѣхъ, изслѣдованныхъ нами прежде: почти вся его поверхность была покрыта какъ-бы помостомъ большими камнями, изъ коихъ многіе имѣли видъ искусно высѣченныхъ плитъ, какихъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ рабочихъ, бывшихъ при раскопкѣ, въ этой мѣстности не встрѣчается, но по словамъ другихъ, такой плитнякъ находится и нынѣ въ изобиліи на днѣ рѣки Кобожи. Какъ-бы то ни было, укладка его на сказанной высотѣ кургана площадью и притомъ правильнымъ помостомъ указывала на употребленную при этомъ особенную работу и на какое-то выдающееся значеніе кургана, тѣмъ болѣе, что и бока его были мѣстами укрѣплены такими-же или меньшаго размѣра плитами и

каменьями. Раскопка была начата траншеей съ запада на востокъ, по очищеніи всего верхняго пространства отъ лежащихъ на немъ плитъ. Вскорѣ найденъ въ рыхлой песчаной почвѣ каменный брусокъ, какой обыкновенно употребляется для точенія ножей, съ гладкими боками. Затѣмъ, углубившись только на $\frac{1}{4}$ аршина отъ вершины, мы попали на множество костей, лежащихъ въ совершенномъ безпорядкѣ, иногда притомъ цѣлыми кучами. Среди ихъ попадались головы пограбленныхъ, обращенныя частью лицомъ на СВ, съ черепами какъ-бы пробитыми туннымъ орудіемъ; такихъ головъ были цѣлыя десятки. Между костями встрѣчались и дѣтскія и женскія, а на западной сторонѣ кургана, близъ костей, найдены черепки горшковъ. Употребленіе огня при бывшемъ здѣсь погребеніи означалось болѣе или менѣе толстымъ пепельно-угольнымъ слоемъ неопредѣленной формы. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина отъ вершины находки костей прекратились. На западной сторонѣ траншеи показался полуметлѣвшій остатокъ дерева, стоявшаго вертикально къ основанію насыпи. Въ то же время, въ серединѣ кургана, на глубинѣ 1 сажени, показался рѣзкій угольный слой, небольшая песочная масса золотистаго цвѣта и два черепка отъ горшка. Продолжая затѣмъ разрывать насыпь, мы не нашли ничего, хотя отъ найденныхъ костей углубились до материка болѣе чѣмъ на двѣ сажени, на что потребовалось до двухъ дней усиленной работы восьми человѣкъ.

Обоначивъ раскопку, мы невольно задумались надъ разрытою нами глубокою пропастью, невольно спрашивали себя о значеніи этого кургана. Какая была цѣль положить погребенныхъ на такую высоту и покрыть ихъ плитянымъ помостомъ? Не былъ-ли этотъ курганъ сооруженъ съ такимъ трудомъ, чтобы воздать должную честь избитымъ соотечественникамъ въ сраженіи съ непріателемъ, на что какъ-бы намекаетъ самое названіе близлежащаго села? Или-же не справлялась-ли здѣсь тризна на могилѣ какого-нибудь знаменитаго лица съ избіеніемъ его домочадцевъ и прислуги? Съ другой стороны, помостъ на верку кургана не свидѣтельствуетъ-ли о томъ, что здѣсь могло происходить въ извѣстное время года языческое богослуженіе для того, чтобы оно было виднѣе народонаселенію, собиравшемуся вокругъ кургана? Что дѣйствительно здѣсь жило и живетъ воспоминаніе о какой-то святынѣ, доказываетъ воздвигнутая близъ кургана часовня во имя св. Козьмы и Даміана, въ которой находится каменный крестъ, очень по-

читаемый мѣстными жителями. Во всякомъ случаѣ вопросъ о значеніи разрытаго нами кургана остается открытымъ по крайней мѣрѣ до предполагаемой въ нынѣшнее лѣто раскопки остальныхъ двухъ кургановъ, стоящихъ по обѣ его стороны.

Между тѣмъ, какъ трое изъ насъ оканчивали раскопку упомянутого кургана, князь Путятинъ и К. А. Шапошниковъ успѣли разрыть 2 кургана близъ большой почтовой дороги, пролегающей изъ г. Устюжны въ Тихвинъ. Одинъ изъ нихъ, въ 12 верстахъ отъ Избоищъ, въ пустоши Кривые Луки, хотя и значительный по величинѣ, не вознаградилъ трудовъ нашихъ изслѣдователей: въ немъ не оказалось никакихъ слѣдовъ погребенія и никакихъ вещественныхъ остатковъ, почему, можетъ быть, разрытая насыпь и не имѣла значенія кургана. Въ другомъ-же, меньшемъ, желавшемъ на самой дорогѣ, между станціями Бѣлой и Любахинымъ, найдена большая погребальная глиняная урна съ сжеными костями человѣческаго остова и при нихъ желѣзный ножъ.

Возвратясь въ Бѣжецъ, я отправился отсюда въ Петербургъ, гдѣ нашелъ уже вернувшихся изъ поѣздки нѣкоторыхъ нашихъ членовъ и въ томъ числѣ Данилова и Ваденюка, которые рассказали мнѣ, что ихъ экскурсія въ Троицкій погостъ оказалась безуспѣшной, такъ какъ видные съ дороги курганы стоятъ на церковной землѣ, на которой производить раскопки мѣстный священникъ призналъ неудобнымъ. Другіе-же мои спутники: князь Путятинъ, Зарницкій, Родзевичъ и Шапошниковъ отправились изъ Бѣжецка къ погосту *Бѣжцы*, гдѣ расположенъ рядъ кургановъ. Они разрыли изъ нихъ 9 — одинъ большой и 8 малыхъ. Въ большомъ курганѣ найдены 12 костяковъ и около нихъ множество украшеній, какъ-то: белецъ, браслетъ, бронзовыхъ цѣпочекъ, бусъ, пряжка, 2 горшка и значительное число черепковъ глиняной посуды съ разнообразными орнаментами. Въ малыхъ курганахъ найдены также костяки и въ одномъ сожженный, при чемъ среди кострища попадались сженныя кости и черепки глиняной посуды; въ нихъ найдены также разнообразныя украшенія: браслетъ, кольца, цѣпочки, ножи, бубенчики и цѣльные глиняные сосуды. Послѣ этой удачной раскопки, гг. Зарницкій и Родзевичъ отправились въ Петербургъ, а князь Путятинъ и Шапошниковъ занялись обстоятельнымъ обслѣдованіемъ какъ упомянутой прежде, посѣщенной нами, мѣстности *Озеровичи* (въ Валдай-

скомъ уѣздѣ), такъ и взятыхъ отсюда массы кремней вмѣстѣ съ землею и другими предметами оставшихся здѣсь слѣдовъ первобытнаго человѣка и его обстановки въ такъ называемый каменный періодъ. Три образца сдѣланныхъ ими находокъ, относящихся къ каменному вѣку, были посланы княземъ Путятинимъ въ Лондонъ англійскому ученому Джону Леббоку, который сдѣлалъ объ нихъ сообщеніе Британскому Археологическому Обществу чрезъ его президента Эдуарда Тайлора и отвѣчалъ князю Путятину, что присланные имъ экземпляры относятся къ неолитическому періоду. Вообще-же о результатахъ своихъ научныхъ изслѣдованій въ мѣстности Озеревичи К. А. Шапошниковъ изготовляетъ подробный докладъ, въ которомъ констатируетъ, что найденные здѣсь остатки каменнаго періода не суть только орудія, которыми пользовался первобытный человѣкъ въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, какъ-то: стрѣлы, наконечники копій, топоры, молотки, скребки и проч., но также предметы, служившіе для украшенія и нарядовъ, фигурныя издѣлія, сходныя съ тѣми, которыми основатель доисторической археологій Boucher de Perthes посвятилъ свой трудъ „Antiquités celtiques et antediluvienues“, модели, иногда чрезвычайно малыхъ размѣровъ, каменныхъ орудій, неизвѣстныя доселѣ изображенія или рисунки на кремняхъ и проч., при чемъ нашъ изслѣдователь старается выяснитъ и самую цѣль всѣхъ такихъ издѣлій, именно религіозную и символическую, а иногда и чисто практическую.

Въ августѣ прошедшаго-же года нашъ почетный членъ А. А. Орловъ сообщилъ мнѣ предложеніе одного владѣльца въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи, генералъ-маіора Д. В. Савельева, сдѣлать раскопки кургановъ, находящихся на землѣ его тещи Е. Б. Вындомской въ такъ называемой пустони *Кіотъ*, близъ с. Бутова. Я воспользовался этимъ предложеніемъ и въ теченіи трехъ дней — А. А. Орловымъ, нашимъ дѣйств. членомъ Н. Н. Оглоблинымъ и мною, при содѣйствіи самого г. Савельева и при ближайшемъ даже участіи дамъ изъ его семейства, были разрыты всѣ бывшіе въ этой мѣстности 7 кургановъ. Не останавливаясь на размѣрахъ этихъ кургановъ, я скажу только, что они относятся безспорно къ періоду времени, слѣдовавшему за каменнымъ вѣкомъ, хотя тѣмъ не менѣе къ весьма древнему. Въ двухъ изъ кургановъ найдены еще удѣлѣвшіе костяки, въ другихъ-же лишь остатки череповъ и костей, лежавшихъ въ известковомъ слоѣ,

подъ насыпнымъ сверху его суглинкомъ, свойственнымъ занимаемой курганами мѣстности. Иногда при раскопкѣ попадались куски угля, а изъ вещественныхъ остатковъ найдены: два витые мѣдные браслета, два головныя украшенія въ формѣ коронокъ съ листьями, 2 серебряныя кольца, два кремневыхъ обломка, имѣвшихъ: одинъ—видъ ножа, другой стрѣлы, и 2 дѣланные на станкахъ и обожженные горшка, изъ коихъ одинъ былъ прикрытъ глиняной тарелкой. Объ этой раскопкѣ я повѣстилъ отчетъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ которомъ заявилъ, что лица желающія оказывать Археологическому Институту содѣйствіе въ занятіяхъ по этой части — разрѣшеніемъ разрывать курганы, находящіеся въ ихъ владѣніи, могутъ обращаться съ своими заявленіями въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи или же прямо въ Археологическій Институтъ. Съ тѣхъ поръ получено уже нѣсколько такихъ заявленій изъ разныхъ губерній и слѣдовательно можно сказать, что въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи есть лица, сочувствующія нашему дѣлу и что мы не напрасно положились на вниманіе общества къ нашимъ дальнѣйшимъ трудамъ и ихъ успѣхамъ. Но еще болѣе должны, кажется мнѣ, уяснить нашу задачу слѣдующіе два отчета, представленные мнѣ прошедшею осенью по тому же предмету нашихъ занятій — одинъ дѣйствительнымъ членомъ П. С. Яковлевымъ, а другой слушателемъ Института Г. Н. Песковымъ.

Отчетъ г. Яковлева, о его поѣздѣ съ профессоромъ Иностранцевымъ на Ладожское озеро и на берега Волхова, такъ интересенъ, что я не боюсь, и.м. г.г., утомятъ ваше вниманіе если сообщу вамъ небольшой отрывокъ изъ его дневника:

„Въ 1878 г., при прорытіи новаго Сясьскаго канала, найдены были два человѣческіе черепа и нѣсколько костяныхъ и каменныхъ орудій; они доставлены въ геологическій кабинетъ С.-Петербургскаго университета и послѣдствіемъ ихъ изученія явились изслѣдованія проф. Иностранцева „О человѣкѣ каменнаго вѣка на Ладожскомъ побережьи“. Главными выводами этихъ изслѣдованій слѣдуетъ считать: констатированіе мѣстообитанія человѣческаго племени по берегамъ Ладожскаго озера въ такъ называемый каменный вѣкъ; племя это, относящееся къ типу длинноголовыхъ, находилось на ступени первоначальной культуры полудикихъ рыбарей, занимав-

вшихся кромя того охотой на звѣрей и пользовавшихся для своихъ потребностей орудіями изъ камня и кости довольно совершенной отдѣлки.

Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года намъ представился случай посѣтить мѣстности, послужившія для открытій проф. Иностранцева и личными наблюденіями уяснить себѣ его выводы.

11 мая небольшая экспедиція, состоявшая изъ проф. Иностранцева, двухъ его помощниковъ-консерваторовъ, трехъ студентовъ-спеціалистовъ и двухъ волонтеровъ (въ числѣ послѣднихъ были и мы), отправилась вверхъ по р. Невѣ къ Шлиссельбургу и далѣе по Ладожскому каналу къ городу Новой Ладогѣ, куда мы прибыли 12 мая въ 6 часовъ утра и тотчасъ-же перebrались на правый берегъ р. Волхова, близъ его устья, въ дер. Немятово, гдѣ поселились и отсюда въ теченіи трехъ дней производили экскурсіи на прорываемый близъ названнаго селенія новый Сяьскій каналъ. Каналъ этотъ имѣетъ всего 10 верстъ протяженія и потому весьма удобенъ для осмотра; онъ соединяетъ устья рѣкъ Волхова и Сяси и начинаясь противъ города Новой Ладогы, оканчивается близъ селенія Сяьскіе Рядки. На всемъ своемъ протяженіи онъ вырытъ въ песчаномъ грунтѣ; только на днѣ его встрѣчаются слои торфа и глины. При его прорытіи, начиная съ глубины немного болѣе сажени вплоть до торфянаго слоя, попадались стволы дуба (нынѣ не растущаго въ этой мѣстности) до 3 арш. толщины и до сажени и болѣе въ длину. Эти-то дубовые остатки, вмѣстѣ съ изрѣдка попадавшимися костями, заставили, въ свое время, г. Иностранцева внимательно слѣдить за работами и въ результатѣ получилась находка 18 человѣческихъ подѣльныхъ и различныхъ кости лося, кабана, тюленя, волка, собаки, крысы, исполинскаго сома и др. рыбъ. Найдены кости и куски глинистаго сланца, діорита и песчаника, отдѣланные въ формѣ долотъ, стрѣлъ, скребковъ, иглъ, амулетовъ и другаго рода утварей. Нашлась также лодка, выдолбленная изъ цѣльнаго куска дуба.

Въ 1879 г. Сяьскій каналъ уже былъ оконченъ и наполненъ водою, когда буря осенью этого-же года разрушила его устье со стороны р. Волхова и размыла береговые откосы. Поэтому въ началѣ текущаго лѣта пришлось вновь откачивать воду изъ канала на протяженіи трехъ верстъ. Мы застали каналъ порожнимъ на указанномъ пространствѣ и поэтому сборъ костей и орудій можно было производить какъ на береговыхъ отвалахъ,

такъ и на днѣ канала. Земля, вынутая рабочими со дна канала, вывозилась на одноконныхъ тачкахъ на уровень почвы и здѣсь выбрасывалась въ отвалы, образующіе вторые высокіе берега; естественно что верхній слой отваловъ соответствовалъ нижнему слою въ каналѣ, поэтому-то сборъ вещей производился съ одинаковымъ успѣхомъ какъ на днѣ канала, такъ и на всемъ протяженіи отваловъ.

Въ теченіе трехъ дней нашего пребыванія на каналѣ были открыты: два неполные человѣческіе черепа, нѣсколько костей человѣческаго скелета, одинъ полный черепъ дикаго кабана, одинъ черепъ лося-самца, множество костей тюленя, бобра, собаки и сома. Значительная часть костей носила очевидные слѣды рукъ человѣческихъ, т. е. кости были расколоты и косо срѣзаны на вершинѣ; по срѣзамъ замѣчалась шлифовка. Нѣкоторыя кости украшены надрѣзами или царапинами въ формѣ спирали, идущей кругомъ кости. Изъ каменныхъ орудій чаще всего попадались скребки и нѣкоторые изъ нихъ съ дырочками, очевидно для привѣшиванія этихъ первобытныхъ ножей къ одеждѣ или поясу дикарей. Находились также стрѣлы и гарпуны изъ кости, а также иглы изъ рыбьихъ реберъ. Попадались наконецъ круглые и плоскіе каменья съ отверстиями, служившіе вѣроятно амулетами или составлявшіе ожерелья. Изъ большихъ орудій можно упомянуть о долотахъ изъ глинистаго сланца, достигавшихъ до фута длины съ отесанными и легко ошлифованными краями. Слѣдуетъ также указать на черепки глиняныхъ горшковъ темно-коричневаго цвѣта съ точечнымъ орнаментомъ.

На второй день мы съ проф. Иностранцевымъ совершили поѣзду вдоль всего Сяьскаго канала, въ Сяьскіе Рядки; остальные-же участники экспедиціи были направлены къ р. Волхову (напротивъ дер. Вельсы); здѣсь молодые натуралисты напали на дюны, получившія, благодаря изслѣдованіямъ гг. Докучаева и Кибальчича, особенный интересъ вслѣдствіе попадающихся на нихъ кремневыхъ орудій. На третій день мы всѣмъ обществомъ посѣтили найденныя дюны и могли убѣдиться, что кремневые остатки составляютъ, по видимому, непрѣвную принадлежность песчаныхъ холмовъ, сопровождающихъ теченіе большихъ рѣкъ. У проф. Иностранцева явилась мысль, не проходятъ-ли слои съ остатками первобытнаго человѣка отъ береговъ Ладоги вдоль по берегамъ Волхова, и кремневые

остатки, а равно и слѣды торфа, по видимому, подтверждаютъ это предположеніе.

Отправясь въ обратный путь вверхъ по Волхову, мы увидѣли, не доѣзжая Старой Ладого, возвышающіеся по обоимъ берегамъ рѣки курганы, съ начала по одиночѣмъ, затѣмъ группами по два, по три и наконецъ почти непрерывными рядами. По прибытіи въ Старую Ладого, экспедиція направилась къ осмотру ближайшихъ къ посаду кургановъ. Проф. Иностранцевъ остановилъ наше вниманіе на различныхъ формахъ этихъ кургановъ, какъ-то: полныхъ или цѣльныхъ, кургановъ съ обвалившеюся вершиною и наконецъ вполне разрушенныхъ внутренними обвалами. Счастливыи случай позволилъ намъ на другой день ознакомиться и съ содержаніемъ кургановъ. Близъ Никольскаго Староладожскаго монастыря, незадолго до нашего прибытія, была заложена каменоложня и при этомъ стали попадаться черепа и кости. Мѣстные жители думали, что здѣсь было нѣкогда кладбище, но въ виду того, что траншеи подошли къ высокому холму, совершенно схожему со многими изъ окрестныхъ кургановъ, можно думать, что мы присутствовали при вскрытіи кургана. Участники экспедиціи набрали съ десятокъ череповъ (типа круглоголовыхъ), нѣсколько стеклянныхъ бусъ съ позолотой и наконецъ попали на обломекъ мѣднаго таза, въ формѣ цилиндрическаго сосуда съ ручками и гвоздеобразными украшеніями“.

Другой докладъ, о которомъ я упомянулъ выше, принадлежитъ слушателю Института Г. Н. Пескову, который совершилъ въ теченіи лѣта поѣздку въ Крымъ на свои средства, заручившись только рекомендательнымъ отъ меня письмомъ къ мѣстнымъ властямъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, я могъ лишь просить г. Пескова на столько ознакомиться въ его поѣздкѣ съ мѣстными древностями, чтобы собранныя имъ свѣдѣнія могли служить маршрутомъ или указателемъ лицамъ, которыя будутъ впоследствии съ этою цѣлью командированы Институтомъ въ Крымъ. Въ исполненіе этого порученія, г. Песковъ составляетъ въ настоящее время отчетъ частію о генуезскихъ, новогреческихъ и татарскихъ древностяхъ съ XIII по XVII вѣкъ, частью-же о древностяхъ Кафо-Согдейскаго побережья. Но исполняя это порученіе, нашъ изслѣдователь задался въ своей поѣздкѣ личною цѣлью — сдѣлать раскопку хотя-бы одного изъ кургановъ такъ

называемых „Царской Скиеи“ или „Тавроскиеских“. Неудачи, которыми сопровождались до него такія раскопки, равно какъ незаселенность здѣшнихъ степей, дороговизна рабочихъ рукъ, вредные сиванскіе вѣтры, наконецъ невозможность добывать предметы первой необходимости — воду и хлѣбъ, не охладили его рвенія. Прибывъ, при жаркой температурѣ 45°, черезъ Шибанъ и Агибель, въ селеніе Петровское, находящееся почти въ равномъ разстояніи отъ Теодосіи и Керчи, онъ остановился на сѣверовосточной границѣ площади, лежащей отъ Петровскаго къ Азовскому морю, и началъ съ внимательнаго осмотра разбѣянныхъ здѣсь кургановъ, чтобы уяснить себѣ различныя ихъ строенія и формы, которыя дѣйствительно даютъ нѣкоторую возможность различать въ нихъ четыре категоріи насыпей. Выбранный для раскопки курганъ находился въ 4 верстахъ отъ Петровскаго и принадлежалъ къ пяти курганамъ, стоявшимъ по линіи естественнаго вала на югозападной сторонѣ означенной мѣстности. Курганъ этотъ назывался Дортъ-куль, что собственно значитъ „насыпь“ и имѣлъ въ окружности 140 шаговъ. Раскопка его началась 22 іюля при посредствѣ 10 татаръ, черезъ сдѣланное сверху углубленіе или колодезь, съ траншеей отъ него на востокъ. Уже на глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. показались въ колодецѣ малгіе камни и нѣсколько плитъ, изъ коихъ одна съ какими-то, по видимому, начертаніями. Опустивъ землю въ колодецѣ еще на $1\frac{1}{4}$ арш., найтъ исследователь встрѣтилъ на югѣ большую плиту (2 арш. длины и 11 вершковъ ширины) и лежавшія въ беспорядкѣ кости лошади, въ числѣ коихъ не оказалось однако головной. Признаковъ угля или пепла нигдѣ не встрѣчалось. Опустивъ колодезь еще на 1 саж. и расширивъ его до 2 саж. въ діаметрѣ, соединили съ нимъ выкопанную прежде траншею и сдѣлали новую — на югъ. При этой работѣ въ центрѣ колодца были открыты два каменные изображенія животныхъ, коихъ головы не были однако отысканы. Затѣмъ на юговостокѣ дна въ колодецѣ оказались два скелета, обращенные головами къ западу, съ двумя возлѣ нихъ заостренными кремнями и металлической пластинкой; на той-же поверхности къ западу лежали двѣ плиты съ наклонными прямолинейными начертаніями, а на южной сторонѣ стоялъ горшокъ съ маслянистой зеленоватою глиной, измѣнившейся черезъ день въ цвѣтъ и затвердѣвшей. При опущеніи траншеи, на глубинѣ $1\frac{3}{4}$ саж. были найдены: птичья голова, стоявшая на срединѣ очищенной площади и на

востокъ плита съ начертаніями, напоминающими надписи восточнаго типа. Еще на $\frac{1}{2}$ арш. ниже, въ югозападной части кургана, открыта гробница. Здѣсь на длинной плитѣ лежалъ скелетъ, закрытый плитами, имѣвшими $1\frac{1}{4}$ арш. высоты и сложенными угломъ; въ головѣ и ногахъ костяка были плиты, поставленныя вертикально. Положеніе самого скелета было неестественное: ноги скорчены, голова, лежавшая бокомъ на плечѣ, была обращена лѣвой стороной на западъ; поодаль отъ нея, внѣ могилы, стоялъ горшокъ, также, какъ и найденный прежде, съ какимъ-то зеленоватымъ веществомъ. Наконецъ, опустивъ колодезь еще на 2 арш., нашъ изслѣдователь нашелъ подъ очень большой плитой саркофагъ съ стѣнками изъ твердаго камня: это были бѣлыя плиты, 2 верш. толщиною, хорошо отдѣланныя, весь же саркофагъ имѣлъ 1 саж. $\frac{3}{4}$ арш. длины съ востока на западъ и $1\frac{1}{4}$ арш. ширины. Но вотъ вынули изъ саркофага землю на $1\frac{1}{2}$ арш., причѣмъ земля оказалась уже не жесткой, какъ была прежняя, а мягкой и черной, дорылись до материка и однако ничего не нашли. Какъ ни загадочно было отсутствіе покойника, для котораго былъ предназначенъ склепъ, г. Песковъ рѣшился продолжать работу. Онъ сталъ расширять колодезь на сѣверъ, хотя и вопреки мнѣнію кургановѣдцовъ, что въ сѣверной части могилъ погребеній не дѣлалось. Къ счастью, его работа не оказалась напрасной. На одномъ уровнѣ съ пустой гробницей онъ нашелъ части конскаго скелета, а нѣсколько ниже поверхности саркофага, параллельно ему и на аршинъ отъ него разстояніемъ, показались бока и крыша деревяннаго гроба подъ большими плитами. На внутренней сторонѣ одной изъ этихъ плитъ былъ вырубленъ орнаментъ. Самый гробъ состоялъ изъ досокъ, выгнутыхъ кверху ладьеобразно; длина его — съ запада на востокъ — 11 четвертей, ширина у головы 4 четв., а въ ногахъ $2\frac{1}{2}$ четв.; толщина досокъ до 2 вершковъ. Головой костякъ лежалъ на западъ; онъ очевидно принадлежалъ старухѣ и оказался совершенно рыхлымъ. Но тѣмъ цѣннѣе сдѣланныя при этомъ находки разныхъ предметовъ, окружавшихъ скелетъ. Сохранились, во первыхъ, остатки истлѣвшей одежды съ слѣдами пурпура; подъ головой лежала подстилка, въ которую была вшита съ правой стороны серебряная четырехгранная палочка, неупотребительной теперь лигатуры; на шеѣ было ожерелье изъ серебристаго золота, съ боковъ черепа ожезскія золотыя сословныя серьги, у запястья лѣвой руки — части тем-

каго золотого браслета, въ ногахъ съ лѣвой стороны деревянный гребешокъ, наконецъ въ головахъ съ лѣвой стороны — головка ящерицы или змѣйки, которая отъ соприкосновенія тотчасъ развалилась. Въ гроба, въ ногахъ скелета, отысканъ мѣдный казанъ съ землею, а въ ней такое-же вещество, какъ и въ найденныхъ выше горшкахъ, и остатокъ тонкой кожи, на которой мѣстами видны швы. Безъ сомнѣнiя, всѣ эти данныя такъ интересны и разнообразны, что невольно вызываютъ на раскопки въ изслѣдованной г. Песковымъ мѣстности и на будущее время.

Представивъ вамъ, мм. гг., отчетъ о нашихъ занятiяхъ въ прошедшiя лѣто и осень по предмету раскопокъ и осмотру кургановъ, я не могу позволить себѣ утруждать болѣе ваше вниманiе отчетомъ о нашихъ занятiяхъ въ тоже время въ разныхъ архивахъ и книгохранилищахъ и о достигнутыхъ этими работами научныхъ результатахъ. Оставляя поэтому сообщенiе о нихъ до нашего слѣдующаго вечерняго засѣданiя, я позволю себѣ однако, въ заключенiе моихъ словъ, остановиться на значенiи принятой на себя нашимъ учрежденiемъ обязанности, которая должна служить не только къ указанiю, но и къ дѣйствительному достиженiю общепользующей, — сiѣю даже думать — государственной цѣли. Задача Археологическаго Института не въ томъ заключается, чтобы удовлетворять временнымъ стремленiямъ, порывамъ и наклонностямъ хотя-бы и многихъ сочувствующихъ древностямъ лицъ. Нѣтъ, она гораздо глубже и несомнѣнно плодотворнѣе. Я уже не разъ высказывалъ съ этой катедры мою мысль, что изученiе древностей усиливаетъ въ насъ любовь къ отечеству вообще и въ частности привязываетъ къ той мѣстности, которую мы изучаемъ въ качествѣ-ли археологовъ или даже только любителей старины. Но теперь я скажу еще болѣе. Археологическому Институту предлежитъ взять на себя въ лицѣ своихъ членовъ и слушателей разработку съ исторической точки зрѣнiя не только основныхъ началъ нашего внутренняго быта и строя, но и поступательнаго движенiя Россiи сначала въ государственное единенiе, а затѣмъ въ самостоятельную державу, занявшую опредѣленное мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ. И эту обязанность я съ своей стороны, какъ директоръ этого учрежденiя, стараюсь проводить всѣми зависящими отъ меня средствами и долженъ сознаться, что исполненiе такой задачи признается за мною и другими учеными. Еще недавно одинъ изъ нашихъ

достоинѣйшихъ криминалистовъ ⁽¹⁾ писалъ мнѣ, что русское общество цѣнить и еще болѣе оцѣнить мои труды на пользу археологiи. Смѣю думать, что этими лестными словами знаменитый юристъ почтилъ меня лишь какъ одного изъ двигателей въ нашемъ отечествѣ той исторической школы, которая разцвѣла и дѣйствуетъ такъ успѣшно за границей, благодаря трудамъ Маколая, Гизо, Тьера и Тьера, Гримма, Савиньи, Эйхгорна, Канту и многихъ другихъ. И дѣйствительно, эта школа уже существуетъ и у насъ, наприѣръ, въ той комиссіи, которая работаетъ такъ усердно въ Москвѣ надъ громаднымъ изданіемъ внутренняго быта русскаго государства въ кратковременное царствованіе Іоанна Антоновича, котораго 1-й томъ такъ сочувственно былъ недавно разобранъ покойнымъ профессоромъ Лешковымъ ⁽²⁾. Духъ этой школы долженъ жить и въ дружно сплоченной семьѣ нашего Института, котораго члены и слушатели дѣйствительно не только усердно примыкаютъ къ работамъ, уже начатымъ ихъ предшественниками, но принимаютъ на себя и новыя въ томъ-же направленіи. И такъ да продолжаютъ они въ этомъ смыслѣ, на пользу русской исторiи, капитальные труды Барамзина, Соловьева, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Забѣлина и другихъ.

⁽¹⁾ А. О. Кистаковскій.

⁽²⁾ См. Юридич. Вѣстникъ 1884 г., кн. 3.

II.

(Вечернее чтеніе 28-го марта 1881 г.).

Изъ читанных мною прежде отчетовъ о занятіяхъ членовъ и слушателей Археологическаго Института вамъ, мм. гг., уже извѣстно, что два капитальные труда приняты на себя нашимъ учрежденіемъ и что выполненію того и другаго посвятили себя, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе изъ его дѣятелей, именно новое изданіе Уложенія царя Алексѣя Михайловича и составленіе памятной книжки археологическихъ трудовъ, исполненныхъ въ теченіи 25 - лѣтія царствованія покойнаго Императора Александра II. Въ отношеніи къ первому труду можно сказать, что главнѣйшая его задача — собрать всѣ старопечатныя изданія означеннаго Уложенія съ 1649 г. до конца XVIII столѣтія, не только выполнена, благодаря особенно заботамъ дѣйств. члена Д. М. Мейчика, который посѣщалъ для этой цѣли важнѣйшія книгохранилища въ Петербургѣ и Москвѣ, причѣмъ пользовался также экземплярами разныхъ изданій, доставленными въ Институтъ частными лицами, но имъ-же, при содѣйствіи слушателя Родзевича, сличены всѣ собранныя изданія, а Родзевичемъ сдѣланы снимки съ находящихся въ изданіяхъ, при текствѣ, заставокъ и съ водяныхъ знаковъ въ бумагахъ. Съ другой стороны для обширнаго предисловія, приготовленнаго къ этому изданію, извлечены необходимыя данныя не только изъ разныхъ соотвѣтствующихъ цѣли изданій, но также особенно изъ матеріаловъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, причѣмъ особенно интересны подробности, найденныя въ пополненіе біографическихкихъ свѣдѣній о лицахъ, трудившихся надъ составленіемъ и изданіемъ текста Уложенія. Въ настоящее время весь этотъ трудъ настолько подготовленъ, что составляются корректурные образцы для того, чтобы рѣшить вопросъ какъ о форматѣ и шрифтахъ, такъ и о другихъ подробностяхъ

новаго изданія. Что касается до втораго труда, то въ отношеніи къ нему подготовлены слѣдующія статьи, которыя вполнѣ должны войти въ его составъ: 1) Слушатель Института Черневскій составляетъ перечень изданій и статей, относящихся до археологіи, съ указаніемъ на содержаніе въ частности тѣхъ и другихъ. Въ настоящее время составляемый имъ съ этою цѣлью каталогъ вмѣщаетъ въ себѣ до 15000 названій. Онъ состоитъ изъ 12 отдѣловъ важнѣйшихъ отраслей археологіи. 2) Дѣйств. членъ Даниловъ представилъ составленную имъ на основаніи Полнаго Собранія Законовъ и другихъ источниковъ и матеріаловъ по русскому праву за XVIII и XIX столѣтія статью подъ заглавіемъ: „Правительственныя распоряженія относительно отечественныхъ древностей со временъ Петра Великаго и особенно въ послѣднее царствованіе“, а дѣйств. членъ Гавриловъ приготовилъ дополнительную къ ней статью, въ коей обзрѣваетъ постановленія св. Синода о храненіи и изученіи памятниковъ древностей съ 1855 по 1880 г. Дѣйств. членъ Зарницкій занимается для той-же цѣли указателемъ статей по предмету церковной археологіи и литургіи, помѣщенныхъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Съ своей стороны слушатели Марковъ и Родзевичъ составили статьи по предметамъ своихъ специальныхъ занятій: первый объ изданіяхъ монетъ и о вышедшихъ объ нихъ изслѣдованіяхъ съ 1780 г., а второй обзрѣніе всѣхъ вышедшихъ сочиненій и статей по русской геральдикѣ.

Независимо отъ этихъ трудовъ, вызванныхъ двумя означенными выше задачами, наши члены и слушатели трудились, каждый по излюбленной имъ части древностей, надъ слѣдующими темами: слушатель Марковъ написалъ статью: „О значеніи нумизматики въ историческихъ изслѣдованіяхъ“; Родзевичъ статью: „О русской сфрагистикѣ“. Дѣйств. членъ Зарницкій доставилъ статью: „О брачныхъ чинослѣдованіяхъ въ русской церкви по рукописямъ XIII—XVII вѣковъ“. Дѣйств. членъ Гавриловъ составилъ описаніе Толгскаго, что близъ г. Ярославля, монастыря и его древностей и представилъ отчетъ объ изданномъ имъ, по званію члена коммисіи, состоящей при св. Синодѣ для описанія его документовъ и дѣлъ, IV-мъ томъ этого описанія, относящемся къ 1724 году.

Почетный членъ князь Путятинъ занимался разсмотрѣніемъ вопроса о нашихъ первобытныхъ древностяхъ и этому-же вопросу посвятилъ свои

изысканія дѣйств. членъ Шапошниковъ, имѣя при этомъ подъ рукою лучшіе труды западныхъ ученыхъ, съ изысканіями коихъ онъ привелъ въ связь собственныя изслѣдованія на основаніи отысканныхъ имъ и княземъ Путятинимъ остатковъ каменнаго періода въ Валдайскомъ уѣздѣ. Въ то же время Шапошниковъ занимался историческимъ изслѣдованіемъ о нашемъ семейственномъ и родовомъ бытѣ, плоды котораго онъ представилъ въ видѣ программы для изученія и изслѣдованія этого вопроса въ его подробностяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Дѣйств. членъ Тимаевъ и слушатели Марковъ и Родзевичъ составили подробное описаніе монетъ, хранящихся въ музеѣ нашего Института; Тимаевъ-же и Яковлевъ приступили къ измѣренію и описанію череповъ, собранныхъ въ этомъ музеѣ, а членъ-сотрудникъ Туганъ - Мирза - Барановскій составилъ описаніе собранныхъ въ немъ оружій. Всѣ эти статьи и указатели будутъ помѣщены въ ближайшихъ книгахъ нашего Сборника, и въ эти-же книги войдутъ представленныя членомъ - сотрудникомъ Доброхотовымъ извлеченія изъ документовъ Петербургскихъ архивовъ, относящіяся къ царствованію Петра Великаго; опись нѣкоторыхъ столбцовъ нашего Институтскаго Архива, составленная почетнымъ членомъ барономъ Черкасскимъ, и статьи члена - сотрудника Шляпкина о нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ.

Отъ предыдущихъ работъ и изслѣдованій отличается трудъ дѣйств. члена Благовѣщенскаго, который, исполняя служебныя обязанности по военно-учебному вѣдомству, провелъ прошедшее лѣто на островѣ Эзелѣ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ своего пребыванія здѣсь, осматривая усердно мѣстныя древности и знакомясь съ обычаями и нравами жителей, нашъ даровитый членъ успѣлъ составить цѣлостный очеркъ исторіи и быта означеннаго острова, который и будетъ напечатанъ въ ближайшей книгѣ нашего изданія подъ заглавіемъ: „Островъ Эзелъ и его древности“. Въ этомъ трудѣ, весьма обширномъ, особаго вниманія заслуживаетъ, въ виду нашихъ спеціальныхъ занятій, составленный авторомъ историческій очеркъ заселенія острова, походы Эзельцевъ, ихъ замки и крестьянскія горы, описаніе Аренбургскаго музея и раскопокъ мѣстныхъ кургановъ. Въ то же время г. Благовѣщенскій приготовилъ къ печати еще другой трудъ: „Подробный историческій путеводитель по Аренбургу и Галсалу“.

Обращаюсь теперь къ трудамъ нашихъ Московскихъ членовъ:

Почетный членъ князь І. А. Мещерскій занимался въ Московскихъ архивахъ Межевомъ и Чертежной Межевой Канцеляріи извлеченіемъ данныхъ для составленія и объясненія карты засѣкъ на сторожевыхъ линіяхъ, ограждавшихъ Московское государство на первыхъ порахъ его развитія въ XV и XVI столѣтіяхъ отъ непріятельскихъ нападений, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Тульской, Орловской и Калужской, именно засѣвъ Столпичкой, Бобриковской, Федяшевской, Слободецкой, Перемышльской, Малиновской, Карницкой, Щегловской, Картасаневской, Веневской и Вожежской. Эти данныя онъ нашелъ въ официальныхъ документахъ генеральнаго межеванія и въ планахъ и межевыхъ книгахъ на владѣльческія дачи, образовавшіяся отъ продажи частей казенныхъ засѣкъ, и въ настоящее время эта сборная карта означенныхъ засѣвъ уже готова. Но данныя, полученныя княземъ Мещерскимъ изъ документовъ лишь XVIII и XIX столѣтій, прекрасно восполняются богатѣйшими матеріалами относительно первоначальнаго строенія засѣвъ, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ такъ называемыхъ засѣчныхъ и строельныхъ книгахъ. Эти матеріалы представляютъ величайшій интересъ, одни — самые ранніе — объясняя какъ засѣчная линія или *черта* (какъ называлась она технически) проводилась, именно съ помощью приписаннаго къ извѣстной мѣстности населенія и какъ селились на ней переведенные изъ отдаленныхъ иногда охранять служилые люди; а другіе — болѣе поздніе — указывая какъ тѣ или другія засѣки разрушались и затѣмъ исправлялись. Поэтому для пополненія статьи князя Мещерскаго объ исчисленныхъ выше засѣбахъ, мною извлечены обстоятельныя выписки, которыя и будутъ напечатаны въ связи съ его данными болѣе близкаго къ намъ времени. Смѣю думать, что этотъ ученый этюдъ, собранный изъ разныхъ архивовъ, покажетъ наглядно, какія богатые и притомъ разнородныя свѣдѣнія для нашей не только военной, но и бытовой исторіи ожидаютъ своего извлеченія и разработки чрезъ посредство нашихъ будущихъ архивистовъ.

Въ Москвѣ-же два другіе наши члена — почетный Орловъ и дѣйствительный Оглоблинъ, оба служащіе въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, работали надъ его матеріалами между прочимъ съ цѣлью доставить въ наше учрежденіе выписки изъ документовъ, интересующихъ насъ

по особому ихъ отношенію къ настоящему времени, когда приходится праздновать разомъ нѣсколько юбилеевъ. Одинъ изъ нихъ есть 300-лѣтній юбилей со времени покоренія Сибири Ермакомъ, который долженъ совершиться въ 1882 году. Вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ помянуть это важное событіе въ русской государственной жизни, можетъ конечно занимать членовъ и слушателей Археологическаго Института только въ томъ значеніи, чтобы собрать, оцѣнить и издать матеріалы, касающіеся сношеній и дѣствій правительства въ отношеніи Сибири. Съ этой точки зрѣнія мы и должны воспользоваться документами, хранящимися въ означенномъ Архивѣ подъ именемъ вообще дѣлъ Сибирскихъ и дѣлъ Сибирскаго Приказа. Изъ нихъ-то и задумалъ почетный членъ Орловъ составить небольшой сборникъ и на первый разъ сдѣлалъ извлеченіе изъ дѣлъ Сибирскихъ за года 1728 — 29: 1) о сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ, 2) о трактатахъ того времени въ отношеніи Сибири и 3) объ устройствѣ Сибирскихъ укрѣпленій. Съ другой стороны одинъ изъ слушателей Института Павлиновъ, служившій долгое время въ Пекинской миссіи, не могъ не обратить вниманія на готовящійся юбилей. Работая надъ одною рукописью того-же архива, интересною для исторіи Сибири, онъ занялся также рукописью, изданною въ прошедшемъ году Археографическою Коммиссіею, въ виду означеннаго юбилея, подъ именемъ „Краткой Сибирской лѣтописи“ (съ 154 рисунками). Эта рукопись принадлежитъ Академіи Наукъ, въ которую она поступила отъ профессора Миллера въ 1744 г., ему-же досталась въ Тобольскѣ отъ Енисейскаго воеводы Мировича съ поясненіемъ, что она составлена Тобольскимъ дворяниномъ Ремезовымъ. Г. Павлиновъ представилъ мнѣ отчетъ объ этомъ интересномъ изданіи, который и будетъ напечатанъ въ ближайшей книгѣ нашего Сборника. Что касается до другаго юбилея или, вѣрнѣе, цѣлаго ряда юбилеевъ, къ которымъ готовятся въ настоящее время разныя губерніи, то они относятся къ открытію въ каждой изъ нихъ намѣстничества и новыхъ правительственныхъ и судебныхъ учреждений императрицы Екатерины II, что происходило впрочемъ не одновременно, а началось въ 1781 г. и продолжалось до 1784 года. Поводомъ къ розысканію матеріаловъ, относящихся къ первымъ днямъ этихъ важныхъ въ губерніяхъ событій, послужило сообщенное мнѣ секретаремъ съѣзда Казанскаго университета г. Фастрицкимъ намѣреніе напечатать ко дню та-

кого юбилея въ Казани упомянуты мною во 2-ой книгѣ нашего Сборника матеріалы, находящіяся въ одномъ изъ сенатскихъ сборниковъ архива министерства юстиціи. Въ настоящее время, удовлетворивъ желанію г. Фастрицаго послать ему копій съ документовъ объ открытіи намѣстничества въ Казани, чиновники архива приступили, въ свободное отъ другихъ занятій время, къ извлеченію изъ сенатскихъ дѣлъ матеріаловъ, относящихся къ торжествамъ открытія и другихъ намѣстничествъ; по окончаніи же этого труда я намѣренъ издать его въ свѣтъ также въ одной изъ книгъ нашего сборника.

Дѣйств. членъ Оглоблинъ посвящаетъ все свое время изученію хранящихся въ томъ-же Московскомъ Архивѣ книгъ бывшаго разряднаго приказа, извлекая изъ нихъ данныя для географіи XVII вѣка, которую онъ сдѣлалъ предметомъ своихъ специальныхъ занятій. Въ истекшемъ году онъ разсмотрѣлъ отдѣлъ такъ называемыхъ „разрядовъ“, состоящій изъ 100 книгъ „дѣлъ разныхъ городовъ“ и 60 книгъ „дѣлъ разрядныхъ“. Довольно обширныя и разнообразныя географическія свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ этихъ матеріалахъ, можно, по сообщенію г. Оглоблина, подвести подъ слѣдующія рубрики: 1) данныя для топографіи городовъ, 2) извлеченія изъ писцовыхъ книгъ, заключающія въ себѣ болѣе или менѣе полныя описи земель, 3) данныя о рубежахъ, 4) списки становъ, волостей, селъ, деревень и проч., 5) данныя для гидрографіи — документы о постройкѣ судовъ, мостовъ, о перевозахъ и проч. Выбѣтъ съ этою обширною работою г. Оглоблинъ извлекаетъ иногда и другія интересныя свѣдѣнія изъ просматриваемыхъ имъ документовъ. Такъ, напримѣръ, у него собраны въ высшей степени рѣдкія и потому доселѣ неизвѣстныя данныя о положеніи въ Россіи провинціальныхъ архивовъ въ XVII вѣкѣ; для исторіи русскихъ архивовъ эти выборки будутъ, безъ сомнѣнія, очень полезны.

Другой нашъ дѣйствительный членъ, Д. П. Лебедевъ, проживающій также въ Москвѣ, гдѣ онъ состоитъ на службѣ въ тамошнемъ публичномъ музеѣ (извѣстномъ болѣе подъ именемъ Румянцеваго), посвящаетъ часы, остающіеся у него свободными отъ составленія описей рукописямъ, вновь поступающимъ въ этотъ музей, собранію и изученію матеріаловъ для изготовляемой имъ подробной исторіи Пронскаго княжества и всей его области до изданія положенія о губерніяхъ. Особенное вниманіе онъ намѣренъ

обратить въ этомъ трудѣ на древнѣйшую исторію княжества, на этнографію края, на древнѣйшія вселенія и выселенія, за тѣмъ на характеръ мѣстности и населенія, на положеніе и занятія слоевъ послѣдняго, особенно словія земледѣльческаго съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX столѣтія. Что касается настоящаго положенія Рязанской губерніи, то г. Лебедевъ предполагаетъ рассмотреть его только со стороны археологической, т. е. со стороны имѣющихся въ этой губерніи памятниковъ древности, объясняющихъ ея исторію, именно городищъ, засѣкъ, валовъ, кургановъ, языческихъ кладбищъ и проч. На изученіе этихъ памятниковъ онъ употребилъ прошедшее лѣто и уже достигъ двухъ результатовъ: съ одной стороны онъ осмотрѣлъ, измѣрилъ и описалъ, съ составленіемъ даже плановъ, главныя мѣстныя городища, а съ другой стороны собиралъ письменные памятники, для чего богатую руду представили ему фамильные архивы нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, которые весьма любезно уступали ему найденные имъ документы, нерѣдко подлинники, въ полную собственность. Но если это изготовляемое г. Лебедевымъ изслѣдованіе будетъ имъ издано самостоятельно, то другой предпринимаемый имъ трудъ онъ самъ предназначаетъ, если — говорить онъ по скромности — моя работа окажется того достойною, для Сборника Археологическаго Института. Этотъ трудъ относится къ области, которая для насъ дѣйствительно представляетъ величайшій интересъ, а между тѣмъ не имѣетъ еще въ Институтѣ особой кассидры, именно къ славяно-русской палеографіи. Г. Лебедевъ замѣчаетъ съ своей стороны совершенно справедливо, что, помимо этого недостатка въ научномъ преподаваніи въ Институтѣ, нѣтъ у насъ и вообще стройнаго руководства по этому предмету; отдѣльныя же палеографическія изслѣдованія разбросаны по разнымъ изданіямъ. Поэтому, говоритъ онъ, приходится дорожить хотя и неоконченными работами — сохранившимися послѣ нѣкоторыхъ палеографовъ собраніями ихъ замѣтокъ. И дѣйствительно подобный трудъ покойнаго петербургскаго палеографа Сахарова готовитъ нашъ членъ-сотрудникъ Шляпкинъ. А г. Лебедевъ намѣренъ познакомить насъ съ оставшимися не менѣе въ этомъ отношеніи важными замѣтками послѣ покойнаго московскаго ученаго — палеографа и библиографа В. М. Ундольскаго. Въ числѣ ихъ встрѣчается даже одна неоконченная тетрадь, носящая названіе „Опытъ славянской палеографіи или искусство распознавать время написанія руко-

писей и правильно читать оныя съ присовокупленіемъ снимковъ съ разныхъ кодексовъ и грамотъ съ XI по XVIII в.“ Этихъ палеографическихъ снимковъ было собрано Ундольскимъ 85, преимущественно изъ рукописей библіотекъ Троицкой Лавры, Московской Духовной Академіи, Синодальной, библіотекъ Общества Исторіи и Древностей, Воскресенскаго монастыря и проч. Правда — говорить въ заключеніе своего доклада г. Лебедевъ — самый объяснительный текстъ палеографическихъ работъ не только не оконченъ Ундольскимъ, а скорѣе даже только начатъ: имѣется его планъ палеографіи, вступленіе (также неоконченное), отдѣльные отрывки о чернилахъ, переплетахъ, о славянской криптографіи и нѣсколько рецептовъ, выписанныхъ изъ рукописей, касательно составленія чернилъ, киновари, позолоты и т. д., но, не смотря на несовершенную отдѣлку этого сочиненія, оно имѣетъ полное право быть обнародованнымъ и можетъ принести свою долю пользы занимающимся палеографіей.

Представляя, мм. гг., вашему вниманію этотъ отчетъ о своихъ трудахъ нашего дѣятельнаго сочлена, я не могу оставить также его случайнаго, но тѣмъ не менѣе для насъ весьма интереснаго упоминанія его объ одной еще работѣ, которою онъ занимается собственно для Румянцевскаго Музея. Это составленіе исторіи Румянцевскаго собранія. Къ юбилею 25-лѣтія перенесенія этого собранія въ Москву, говоритъ г. Лебедевъ, уваженіе къ памяти его собирателя обязываетъ каждаго служащаго въ Музей обнародовать настоящее состояніе той части, которою онъ завѣдуетъ. Поэтому нашъ сочленъ взялъ на себя составленіе исторіи означеннаго собранія и выясненіе услугъ, оказанныхъ графомъ Румянцевымъ этимъ собраніемъ отечественной наукѣ. Я постараюсь — ниivetъ онъ — перечислить какіе изъ документовъ, собранныхъ Румянцевымъ, остаются до сихъ поръ непечатанными, какіе напечатаны и гдѣ, о какихъ имѣются изслѣдованія и наконецъ какія изслѣдованія основаны, главнымъ образомъ, на документахъ его Музея. Этотъ трудъ долженъ быть напечатанъ уже въ началѣ нынѣшняго года.

Отъ этихъ работъ, исполняемыхъ съ такимъ усердіемъ нашими Московскими членами, позвольте мнѣ, мм. гг., перейти къ не менѣе важнымъ, но безъ сомнѣнія еще несравненно продолжительнѣйшимъ трудамъ, принятымъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ, въ которыхъ самое живое участіе

обязать также наши члены и слушатели. Я говорю о составлении Исторіи Москвы и Петербурга. Въ Москвѣ, какъ я имѣлъ честь сообщить въ актовъ моей рѣчи нынѣшняго года, уже нашлись ученые, изъявившіе готовность, подъ руководствомъ И. Е. Забѣлина, собирать матеріалы, необходимые какъ подготовительная работа для этого въ высшей степени важнаго изданія. Г. Забѣлинъ, снабженный для того достаточными средствами отъ Московской Городской Думы, намѣренъ каждому изъ Московскихъ архивовъ поручить, за особое вознагражденіе, выборку изъ его документовъ, потребныхъ для предстоящаго изданія матеріаловъ; и изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи мнѣ пишутъ, что не только наши члены, служащіе въ Архивѣ, но и другіе его чиновники готовы съ свойственнымъ имъ усердіемъ приняться за эту работу. Мысль о необходимости приступить къ такому-же описанію Петербурга уже достаточно, сколько мнѣ извѣстно, сознана и въ здѣшней столицѣ и можно надѣяться, что она получитъ практическое осуществленіе уже въ будущемъ 1882 году. Предвидя такой счастливый исходъ этого дѣла, нѣкоторые наши члены и слушатели уже заранѣе розыскиваютъ и описываютъ матеріалы, которые могутъ быть пригодны для этой цѣли и встрѣчаются притомъ не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ. Такъ именно почетный членъ Орловъ сдѣлалъ выписки изъ дѣлъ Правительствующаго Сената прошедшаго столѣтія: 1) о часахъ, бывшихъ на Петропавловской и Исакиевской колокольняхъ, 2) о покупке въ казену дома Аничковскаго, что нынѣ дворецъ Аничковъ и 3) объ описи, произведенной 7-го іюня 1737 года дворянъ и въ нихъ жителямъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ загородныхъ мѣстахъ. Эта опись чрезвычайно подробная и особенно интересная тѣмъ, что въ ней обозначены не только лица, коимъ принадлежатъ дворы, но также образъ ихъ жизни и занятія. Какое помимо того богатство матеріаловъ для историческаго описанія С.-Петербурга находится въ Московскихъ архивахъ, можно судить изъ изданнаго въ прошедшемъ году Московскимъ Архивомъ и-ва юстиціи 1-го тома документовъ, относящихся къ царствованію Іоанна Антоновича. Что касается до Петербургскихъ архивовъ, откуда можно конечно обильною рукою черпать данныя, боже или менѣе полезныя для предполагаемаго историческаго о немъ труда, то однимъ изъ нихъ можетъ быть названъ недавно устроенный Архивъ самого Археологическаго Института. Онъ заключаетъ въ себѣ цѣлую массу

дѣлъ, еще даже не окончательно приведенныхъ въ порядокъ, о разныхъ постройкахъ со времени Петра Великаго до императрицы Екатерины II. Объ этихъ матеріалахъ я не буду однако распространяться, такъ какъ объ нихъ намѣренъ сдѣлать особый докладъ нашъ дѣйств. членъ Д. М. Мейчигъ.

Не оставляютъ также наше учрежденіе не только извѣщеніями о своихъ занятіяхъ, но и присылаемыми намъ статьями и розысканіями наши члены, трудящіеся и въ болѣе отдаленныхъ отъ Петербурга мѣстностяхъ. Такъ почетный членъ В. А. Дялинъ, котораго статьи, полныя интереса, встрѣчающіяся во всѣхъ 4-хъ книгахъ нашего изданія, такъ живо описываютъ и характеризуютъ архивы нашего западнаго края, продолжаетъ, среди своихъ усиленныхъ педагогическихъ занятій въ царствѣ Польскомъ, трудиться на излюбленномъ имъ поприщѣ архивнаго дѣла и древностей. Другой нашъ членъ С. В. Арсеньевъ, которому завидны дарованія и трудъ открыли блестящую карьеру въ Филипполѣ, увѣдомляетъ насъ, что въ Болгаріи онъ тѣмъ же не менѣе продолжаетъ заниматься и памятниками древности, и описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ не преминетъ намъ въ скоромъ времени выслать. Наконецъ нѣкоторые члены, пріѣзжая на время въ Петербургъ изъ отдаленныхъ губерній — постоянного мѣста ихъ жительство, являются въ наше учрежденіе съ пріобрѣтенными ими матеріалами для нашего музея и книгохранилища. Такъ недавно нашъ почетный членъ А. В. Толстой, пріѣзжавшій сюда изъ Сызранскаго уѣзда, сдѣлалъ значительный вкладъ въ нашъ Институтъ собранными имъ на мѣстѣ предметами каменнаго періода, рисунками и рукописями. Такъ почетный членъ Кябальчичъ, занимающійся такъ удачно раскопками на Днѣпрѣ, доставилъ въ нашъ музей цѣлую коллекцію собранныхъ имъ въ Малороссіи предметовъ домашней утвари, одежды и изданій XVI и XVII столѣтій. Наша сотрудница В. М. Москвитина сообщила о находившемся въ Сентилеевскомъ уѣздѣ замкѣ или крѣпости, построенной Будаеяромъ, какъ тамошнее мѣстное преданіе называетъ старшаго брата Грознаго отъ первой супруги царя Василія Іоанновича. Наконецъ еще на прошедшей недѣлѣ Симбирскій же пошлѣицъ почетный членъ А. П. Мещериновъ доставилъ въ нашу бібліотеку собраніе документовъ изъ фамильнаго его архива.

Это послѣднее приношеніе, приводя его въ связь съ упомянутымъ

выше свидѣніемъ, полученнымъ отъ г. Лебедева, что многіе Рязанскіе помѣщики открыли ему фамиліные свои архивы, побуждастъ меня остаться, въ заключеніе моего настоящаго отчета, на значеніи, которое должно имѣть для дѣятельности нашихъ членовъ и слушателей этотъ еще почти вовсе нетронутый источникъ домашней, а часто и общественной жизни нашихъ предковъ. Извѣстно, что фамиліные архивы, принимая это выраженіе въ буквальномъ и строгомъ его смыслѣ, у насъ собственно не существуютъ; но нѣтъ сомнѣнія, что намъ слѣдуетъ желать и всѣми силами стараться, чтобы не только сознаніе о нихъ у насъ выработалось и опредѣлилось, но чтобы фамиліные архивы устроились и сдѣлались даже общедоступными. И это возможно, лишь-бы только наши богатые землевладельцы, представители старинныхъ боярскихъ родовъ, прониклись обязанностью отыскивать въ своихъ кладовыхъ забытые ящики со столбцами и грамотами или валяющіеся въ беспорядкѣ лоскутки бумагъ, и стали поручать привыкшимъ къ архивному дѣлу лицамъ приводить ихъ въ порядокъ и описывать. Мысль о пользѣ такихъ архивовъ и въ Россіи подало мнѣ недавно предложеніе князя Н. В. Юсупова составить указатель къ его вотчиннымъ бумагамъ. Этимъ предложеніемъ я воспользовался для того, чтобы представить князю всю важность, какую можетъ имѣть для науки приведеніе въ извѣстность и описаніе документовъ его богатыхъ владѣній. Пока у насъ существуетъ, сколько мнѣ извѣстно, только одна, но за то, можно сказать, классическая статья, составленная на основаніи такого рода фамиліныхъ бумагъ: она принадлежитъ нашему почетному члену сенатору Н. Н. Селифонтову и носитъ названіе: „Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столѣтія Василія Александровича Даудова“ (1). Но цѣлый рядъ такихъ живыхъ, богатыхъ очерковъ нашего дворянскаго быта и службы, по крайней мѣрѣ въ послѣдніа три столѣтія, представилось-бы намъ, безъ сомнѣнія, возможнымъ извлечь изъ хартій, исчезающихъ все болѣе и болѣе, исчезающихъ, не скажу съ каждымъ годомъ, а съ каждымъ мѣсяцемъ, можетъ быть съ каждымъ днемъ въ настоящее тяжелое время, когда дворянскія старинныя гвѣзда переходятъ въ руки капиталистовъ и купцовъ. Можно конечно утѣшать себя надеждой,

(1) См. Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи, кн. 2-ю.

что болѣе или менѣе отдаленные потомки этихъ денежныхъ аристократовъ научатся достойно цѣнить значеніе нашихъ историческихъ сокровищъ — а такіе примѣры есть уже и теперь — но пока невыносимо грустно и тяжело становится на душѣ, когда за ваше такъ дорогое вамъ наслѣдство, за каменные роскошныя усадьбы, выстроенныя вашими предками, со всею имущественною обстановкою временъ императрицы Екатерины II или императора Александра I, за ваши тѣнистыя парки съ ихъ гротами и статуями, вамъ предлагаютъ ничтожныя деньги, разцѣнивая стоимость всѣхъ вашихъ драгоценностей на ничтожныя рубли, какіе можно будетъ приобрести за кирпичи отъ сломанныхъ палатъ или за дрова отъ срубленнаго парка. Невольно поэтому возникаетъ въ насъ вопросъ: неужели мы — наслѣдники этихъ исчезающихъ для насъ богатствъ, — еще долго не научимся ими пользоваться съ помощью знаній, труда и доставляемаго этими нашими имѣніями оборотнаго капитала. И становится отрадно на душѣ, когда приведешь себя на память нѣкоторыя старинныя фамиліи, въ чьихъ рукахъ не только остались, но и процвѣтаютъ и даже усиливаются плодами новѣйшихъ изобрѣтеній по разнымъ отраслямъ знаній богатыя достоянія предковъ. Эти немногія, счастливыя и въ высшей степени достойныя фамиліи мы всѣ знаемъ, возлагаемъ на нихъ послѣднія надежды и указываемъ на нихъ, какъ на примѣръ, заслуживающій подражанія, нашимъ потомкамъ. И вотъ въ ихъ старинныхъ домахъ и усадьбахъ мы желали-бы видѣть учрежденными и описанными ихъ драгоценныя фамиліи архивы съ обстановкою, оружіемъ, утварью и посудой ихъ предковъ, въ родѣ малыхъ фамиліальныхъ музеевъ. Войдя въ эти архивы и музеи и разсматривая ихъ сокровища, по сѣтителю переносился-бы то въ ту, то въ другую историческую эпоху нашей минувшей, государственной и частной, жизни, а архивистъ или хранитель этихъ учреждений руководилъ-бы его съ помощью составленнаго имъ указателя. Такое именно чувство я испытывалъ самъ, находясь въ Вѣнѣ въ архивѣ князей Шварценбергскихъ. А что это возможно и у насъ, доказываютъ нѣкоторыя вышедшія даже недавно въ свѣтъ изданія подъ скромнымъ названіемъ „вспоминаній“ о томъ или другомъ старинномъ родѣ. Таковы, на примѣръ, 2 части изданія о родѣ князей Юсуповыхъ или-же только-что изготовляющійся, сколько мнѣ извѣстно, трудъ о родѣ графовъ Шереметевыхъ.

Во всѣхъ такихъ архивныхъ трудахъ могли-бы, повторяю я сѣло, принимать участіе наши члены и слушатели. Сдѣлать ихъ достойными этой чести я считаю моимъ священнѣйшимъ долгомъ и потому мнѣ особенно лестно и отрадно видѣть, что почетомъ быть нашими членами и сотрудниками дорожатъ даже лица, пріобрѣвшія извѣстность своими заслугами и знаніями. Принимая ихъ въ нашу среду, мы этимъ самымъ не только увеличиваемъ нашъ составъ, но и пролагаемъ нашему учрежденію дорогу для дальнѣйшей еще болѣе успѣшной дѣятельности.

Н. Калачовъ,
Директоръ Института.

Древности Толгскаго монастыря.

Находясь въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ раскопкахъ отъ Археологическаго Института кургановъ близъ Ярославля, я остановился на обратномъ пути къ Рыбинску въ Толгскомъ первоклассномъ монастырѣ, съ цѣлю осмотра имѣющихся въ немъ памятниковъ древности. Монастырь этотъ находится, въ 8 верстахъ отъ г. Ярославля, на правомъ берегу р. Волги и на лѣвомъ несуществующей нынѣ рѣчки Толги (Толгобалка-тоже), отъ которой и получилъ свое названіе. По преданію, записанному подъ 8 августа въ четь-минеехъ митрополита Макарія, онъ основанъ въ 1314 г. ростовскимъ епископомъ *Трифономъ* на мѣстѣ явленія ему чудотворной иконы Божіей Матери, известной подъ именемъ Толгской⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Въ 1314 г. ростовскій епископъ Трифонъ, по обзорѣнн своей епархіи, возвращаясь рѣкою Волгою изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, остановился для ночлега на горномъ берегу Волги, не подалеку отъ Ярославля. Въ полночь, пробудившись отъ сна, онъ видитъ въ шатрѣ своемъ свѣтъ, проныкавшій въ него извѣдъ, встаетъ, принимаетъ изъ шатра, спутниковъ своихъ—священниковъ, клариковъ, слугъ и сторожей находить спящими, страну за Волгою, противъ его ставки, видитъ озаренною необыкновеннымъ свѣтомъ и въ томъ свѣтѣ огненный столпъ, неизъяснимо сіяющій, отъ коего, разливаясь на всю окрестность, происходилъ и весь тотъ свѣтъ; чрезъ Волгу же видитъ мостъ до самаго того столпа. Съ ужасомъ удивляется святитель такому видѣнію. Помолвившись Богу и взявши свой жезлъ, идетъ къ рѣкѣ, никого не разбудивъ изъ своихъ спутниковъ, входитъ на зримый мостъ, идетъ по водѣ, какъ по дѣйствительному мосту, чувствуя то и самими ногами, подходитъ къ огненному столпу и посреди его видитъ образъ Божіей Матери съ предѣчнымъ на рукахъ Младенцемъ, стоящій на воздухѣ, въ возвышеніи отъ земли болѣе пяти локтей, такъ что человекъ, стоя на землѣ, не могъ достать его руками. Святитель повергается предъ образомъ съ сердечнымъ умиленіемъ и слезами и, помолвившись, возвращается по тому же мосту на свой ночлегъ, оставивъ, по забвенію, свой жезлъ на мѣстѣ моленія. На слѣдующій день, розыскавая посохъ святителя, свита

На сколько достовѣрно это преданіе, за неизмѣненіемъ историческихъ данныхъ, его подтверждающихъ, судить не беремся. Само же преданіе допускаетъ весьма грубые анахронизмы. Такъ, оно свидѣтельствуетъ, что явленіе Толгской иконы Божіей Матери послѣдовало ростовскому епископу Трифону, въ ночь съ 7 на 8 августа, на возвратномъ пути его въ епархію изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря⁽¹⁾. Между тѣмъ извѣстно, что Кирилло-Бѣлозерскій монастырь основанъ не ранѣе 1397 г.⁽²⁾ Обращаясь затѣмъ къ рукописному списку ростовскихъ іерарховъ⁽³⁾, находимъ, что съ 1311 по 1328 годъ ростовскую кафедру занималъ не Трифонъ, а Прохоръ. Последнюю несообразность авторъ „Исторіи Россійской Іерархіи“ старается примирить такимъ образомъ: „съ 1311 по 1327 годъ (?) былъ въ Ростовѣ архіепископомъ (?) Прохоръ; но онъ, можетъ быть, тотъ же, что и Трифонъ. — см. Чет-Миню августа въ 8 день“⁽⁴⁾, т. е. отсылаетъ въ тому же преданію, достовѣрность котораго нуждается въ подтвержденіи. Тѣмъ не менѣе, высказанное Амвросіемъ предположеніе графъ М. Толстой⁽⁵⁾, преосвященный Макарій (Булгаковъ)⁽⁶⁾ и архіепископъ Ярославскій Нилъ⁽⁷⁾ возводятъ уже на степень несомнѣннаго факта. Графъ Толстой утверждаетъ, что Прохоръ „престалъ въ сѣмъ подѣ именемъ Трифона, 7 сентября 1328 г., и погребенъ въ Ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ, въ которомъ

обрѣла икону Божіей Матери на землѣ, между деревьями, и при ней посохъ своего архіепископа. Немедленно самъ епископъ и находившіеся при немъ начали рубить деревья и строить церковь, которая въ тотъ же день, при содѣйствіи посѣщавшихъ на помощь жителей Ярославля, была окончена и освящена. На мѣстѣ явленія иконы основанъ монастырь. См. Чет-Мин. 8 августа; Яросл. Толгск. м-рь, изд. 1873 г., стр. 4—4; Ист. Р. Церкви арх. Макарія (Булгакова), т. IV, изд. 1866 г. стр. 245—246.

(1) Указаніе этоистики обходятъ молчаніемъ. Преосвященный Макарій (Булгаковъ) замѣняетъ его словами: «путешествуя по своей епархіи», а авторъ «Ярославскаго Толгскаго монастыря», замѣтивъ въ разсказѣ хронологическую несообразность, пишетъ, что Трифонъ возвращался въ «Бѣлозерской страны».

(2) Ист. Р. іерарх. ч. IV, стр. 385, изд. 1842 г.; И. Р. Ц. арх. Мак. Т. IV стр. 205.

(3) Рук. въ 1/2 л., хран. въ Музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ., стр. 14, по описи Д. И. Прозоровскаго № 69; спис. іерарх. и настоят. монаст. П. М. Строева, изд. Археогр. Комм. 1877 г. от VIII, стр. 330.

(4) Т. VI стр. 403, изд. 1845 г.

(5) Древн. святыхъ Ростова Великаго, изд. 2, 1860 г., стр. 16 прилож.

(6) Ист. Р. Церкви т. IV, изд. 1866 г. стр. 174.

(7) Яросл. Спасо-Преобр. мон., изд. 2, 1869 г., стр. 84—82.

ранѣ былъ архимандритомъ; мѣсто гроба его ознаменовано каменною часовнею за алтаремъ храма Преображенія*. Въ подтвержденіе сего онъ ссылается на 23 и 24 стр. Исторіи губернскаго города Ярославля протоіер. І. Троицкаго (изд. 1853 г.). Но тутъ выходитъ нѣчто странное. Толстой указываетъ на Троицкаго, а Троицкій—на Толстаго, и оба говорятъ одно и то же, т. е. что съ 1311 г. ростовскую архіерейскую кафедру занималъ Прохоръ, который названъ въ четъ-миней Макарія Трифономъ. Дѣло въ томъ, что „Древнія святыни Ростова Великаго“ графъ Толстой въ первый разъ напечаталъ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1847 г., откуда Троицкій *буквально* и выписалъ все то, что находится на 23 и 24 стр. его Исторіи г. Ярославля, не сдѣлавъ при этомъ ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ къ нему ссылки на источникъ.

Преосвященный Макарій (Булгаковъ) въ IV т. своей Исторіи Русской Церкви, перечисляя на 174 стр. монастыри, основанные въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в.в., между прочимъ, пишетъ: „Толгскій монастырь основанъ (около 1314 г.) въ семи верстахъ (?) отъ г. Ярославля на мѣстѣ, гдѣ явилась икона Вожіей Матери епископу ростовскому Прохору (*въ схимѣ* Трифону), известная подъ именемъ Толгской“, и въ подтвержденіе сказаннаго приводитъ стр. 396—397 перв. Степ. книги; стр. 107 т. III Ник. лѣт.; стр. 152 т. IV Ист. Карамз.; стр. 228, 229 и 402 т. VI Ист. Росс. Іерарх. и стр. 16 т. I Авт. Эксп. Тщательная провѣрка всѣхъ этихъ указаній не уясняетъ, однако, тождественности именъ Прохора и Трифона. На страницахъ 392—397 первой Степенной книги излагается житіе и обрѣтеніе мощей „святаго и праведнаго князя Феодора Ростиславича Смоленскаго, Ярославскаго чудотворца“. На страницѣ 398 упоминается имя ростовскаго святителя Трифона, усумнившася въ святости мощей названнаго князя и за это наказаннаго разслабленіемъ тѣла. Но, *во первыхъ*, событіе это отнесено къ 1476 году, что совершенно вѣрно, а *во вторыхъ*, святитель Трифонъ называется *архіепископомъ* ростовскимъ, что также вѣрно, такъ какъ первымъ архіепископомъ ростовскимъ былъ святой Феодоръ, „братаничъ преподобнаго Сергія, радонежскаго чудотворца“ (1). На страницѣ 107 т. III Никон. лѣтоп. правильно указывается время постав-

(1) Степ. кн. 1 кн. стр. 516—517, изд. 1775 г. Прок. Нестор. лѣт. стр. 190.

ленія Прохора во епископа ростовскаго (1311 г.), но ни слова о томъ, что Прохоръ и Трифонъ одно и тоже лицо. У Карамзина на страницахъ 151—155, по изд. 1819 г. (примѣчаній, а не текста) приведенъ ярлыкъ хана Узбека митрополиту Петру; на страницѣ же 150 упоминается имя „преподобнаго игумена Прохора“, который съ ростовскимъ епископомъ Симеономъ присутствовалъ въ Переславль-Залѣскомъ на соборѣ, осудившемъ тверскаго епископа Андрея за оклеветаніе святаго Петра митрополита (1), а въ концѣ 156 страницы говорится: „въ 1311 году Симеонъ ростовскій оставилъ епископію и на мѣсто его поставленъ ярославскій игуменъ Св. Спаса Прохоръ (2)“. Въ I-мъ т. Актовъ Экспедиціи на указанной страницѣ помѣщена „жалованная грамота В. К. Василія Димитріевича Спасо-Благовѣщенскому монастырю, отъ 20 февраля 1423 г., „объ освобожденіи отъ пошлинъ призванныхъ на Лысковскія и Курмышскія пустоши старожильцевъ“, въ которой ни по мѣсту, ни по времени не могло быть рѣчи о Прохорѣ ростовскомъ (въ схимѣ Трифонѣ). Несостоятельность предположенія архимандрита Амвросія мы видѣли выше. Здѣсь остается замѣтить, что на страницахъ 228 и 229 Исторіи Іерархіи онъ кратко сообщаетъ исторію Ярославскаго Спасскаго монастыря (нынѣ архіерейскій домъ), при чемъ не упоминаетъ ни Прохора, ни Трифона.

Наконецъ, архіепископъ Нилъ говоритъ, что „Прохоръ былъ 17-мъ епископомъ ростовскимъ; хиротонисанъ во епископа въ 1311 году изъ архимандритовъ Ярославскаго Преображенскаго монастыря; въ схимничествѣ носилъ имя Трифона; послѣ 15-лѣтняго управленія преставился 7 сентября 1327 года (3) и погребенъ въ помянутомъ монастырѣ за алтаремъ Преображенской церкви“. Для провѣрки сего Нилъ отсылаетъ читателя къ 82 и 84 стр. *Продолженія Несторовой лѣтописи*. А справка показываетъ, что лѣтописецъ, содержащій „Россійскую Исторію отъ 6714 (1206) лѣта до 7042 (1534) лѣта (3)“, не зналъ ни о принятіи Прохорова

(1) Степ. вв. 1 вв. стр. 417—418.

(2) Нил. лѣт. т. III стр. 107: «Въ лѣто 6819 епископъ Семіонъ ростовскій, иже бысть преже володимерскій, его же приведе изъ Володимера въ Ростовъ преосвященный Максимъ, митрополитъ кievскій и всеа Русіи, остави епискупью свою ростовскую. Того же лѣта преосвященный Петръ, митрополитъ кievскій (и) всеа Русіи, постави Прохора архимандрита Спасскаго, иже въ Ярославѣ, епискупомъ Ростову».

(3) Лѣтописецъ печатанъ въ Московской типографіи 1784 года. «Сей лѣтописецъ», сказано «въ

схимы, ни о мѣстѣ его погребенія. На стр. 80 (а не 82) онъ пишетъ: „въ 4 день августа лѣта 6835 (1327) освѣщена бысть церковь Успеніе святыя Богородица, каменная, на Москвѣ, епископомъ Прохоромъ ростовскимъ“, а на стр. 82 (не 84—на послѣдней нѣтъ ничего, относящагося къ дѣлу) говорить: „въ лѣто 6836 (1328), сентября въ 7 день, преставися епископъ Прохоръ ростовскій, и въ него мѣсто поставленъ бысть Ростову епископъ Антоній“.

Несомнѣнныя историческія данныя удостовѣряютъ, что епископъ Прохоръ не принималъ схимы во время управленія епархіею. Такъ, у Карамзина ростовскій епископъ, принимавшій участіе въ погребеніи, въ первую субботу великаго поста 1326 года, Московскаго князя Георгія Даниловича, убитаго въ Ордѣ Тверскимъ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ, называется Прохоромъ⁽¹⁾; онъ же Прохоръ, а не Трифонъ, освятилъ 14 августа 1327 г. первую каменную въ Москвѣ церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, основанную великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Калитою⁽²⁾; а лѣтопись, извѣстная подъ именемъ продолженія Несторовой, утверждаетъ, что Прохоръ и предъ смертію не принималъ схимы⁽³⁾. Это послѣднее указаніе подтверждается авторомъ упомянутаго нами выше списка ростовскихъ іерарховъ, который на 11 страницѣ пишетъ: „въ лѣто 6822 (1314) бысть явленіе чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы на Толгѣ рѣцѣ, подѣ Ярославлемъ, въ коемъ явленіи пишется епископъ быти Трифонъ; но оный Трифонъ не обрѣтается на семъ мѣстѣ въ лѣта оная ни въ синодику, ни въ лѣтописцу. Паче же въ лѣтописцу полудестевожъ въ лѣто 6836 пишется сице: *„преставися епископъ ростовскій Прохоръ, сентября 7, и поставиша Антонія“*. Между тѣмъ лѣтописцу хорошо были извѣстны случаи принятія ростовскими святителями схимы. Такъ на той же 11 стр. и далѣе

предупрежденіи къ читателю», «начинается также, какъ Никоновскій и Несторовъ, т. е. раздѣленіемъ по потоку между Ноевыми сынами земли, и почти отъ слова до слова сходенъ съ Несторовымъ до лѣта отъ созданія міра 6714, отъ Рождества же Христова 1206-го, того для печатано съ того мѣста, на коемъ печатаніемъ кончанъ Несторовъ»; слѣдовательно сей Типографскій лѣтописецъ есть продолженіе Несторова лѣтописца.

(1) Т. IV стр. 161 прим. 257.

(2) Степ. кн. I кв. стр. 406; Прод. Нест. лѣт. стр. 80.

(3) Прод. Нест. лѣт. стр. 82; Карамз. стр. 196 т. IV прим. 257.

говорится: „въ синодику церковномъ по Петръ (1364—1365) полагается Паревній, но мнится, яко той же есть, иже и Петръ; ибо въ книгѣ степенной въ 11-й степени (см. цифру 7), три рядомъ воспоминаются епископы ростовскіе, ихъ же святой Алексій ставилъ—Игнатій, Петръ и Арсеній, а Паревній по Петръ не воспоминается, но абіе Арсеній положенъ. *Обычно же есть во святой схимѣ претъняемымъ быти именамъ, и Петръ претъняется въ Паревнія въ пріятіи святыя схимы*“. Наконецъ, не можемъ не указать на святцы, извѣстныя подъ названіемъ: „книга, глаголемая описаніе о Россійскихъ святыхъ“, гдѣ епископъ Прохоръ значится, вмѣстѣ съ Ефремомъ и Кирилломъ, ростовскими іерархами, въ числѣ *мѣсто чинимыхъ святыхъ* (1). На основаніи сихъ данныхъ мы имѣемъ *нѣкоторое* право отнестъ сдѣланное въ царской грамотѣ, отъ 11 мая 1629 г., ярославскому воеводѣ Дмитрію Васильевичу Лодыгину и дьяку Василію Ларіонову, о воспрещеніи ярославскимъ жителямъ торговать въ день храмоваго праздника (8 августа) въ Толгскомъ монастырѣ хмѣльными напѣтками, упоминаніе о явленіи иконы Толгской Божіей Матери ростовскому святителю Трифону къ области благочестиваго преданія, тѣмъ болѣе, что святитель этотъ называется въ грамотѣ архіепископомъ, тогда какъ ранѣе святаго Теодора, какъ сказано выше, въ Ростовѣ архіепископовъ не было.

Оставляя такимъ образомъ открытымъ вопросъ о томъ, кто изъ ростовскихъ іерарховъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ явленія Толгской чудотворной иконы Божіей Матери, уважемъ на ищющіяся въ обители вещественныя и письменныя памятники древности. Къ сожалѣнію, такихъ памятниковъ, не смотря на сравнительную давность существованія монастыря, сохранилось не много; незначительное число ихъ относится къ XVI в., большая же часть принадлежитъ XVII в. Изъ жалованныхъ грамотъ видно, что Толгскій монастырь дважды подвергался почти совершенному уничтоженію. Въ XV в. обитель сгорѣла до тла. „Попусти Богъ сожженнѣи быти во обители Пресвятыя Богородицы церкви святой и всѣяже суть церковныя вещи, иконы, книги, сосуды церковныя и прочія, въ ней хранимыя, вещи, вся пояде огонь и ничтоже остави (2)“. Въ началѣ

(1) Рукоп. Моск. дух. акад. № 209; древн. свят. Ростова Велик., изд. 2-е 1860 г., стр. 2 и прим. 26 на стр. 15.

(2) См. книжку о чудесахъ Божіей Матери; Яросл. Толгск. монаст. изд. 1873 г., стр. 5. 06

XVII в. „Лисовскій съ польскими и съ литовскими людьми монастырь разорили, въ церквахъ Божіе милосердіе—образы и книги и казну пограбили и братью посѣвели и жалованныя грамоты въ разоренье пропали, (1). Но и то, что дошло до насъ, археологъ не можетъ не занести на страницы своей памятной книжки.

Между вещественными памятниками древности первое мѣсто занимаютъ, конечно, церкви. Ихъ въ монастырь четыре, и всѣ онѣ каменные: соборъ въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, Спасская, Николая Чудотворца и Воздвиженская. Соборъ — въ два этажа, о пяти главахъ—имѣетъ видъ четырехугольника, и сооруженъ на мѣстѣ прежней того же имени церкви, о которой упоминается въ выпискѣ изъ Ярославскихъ книгъ письма и мѣры Мирона Тимофеева Хлопова и подьячихъ Богдана Гаврилова да Якова Ларионова 1627, 1628 и 1629 гг. Изъ имѣющихся на стѣнахъ паперти надписей лѣпными буквами видно, что храмъ этотъ „начаса здатися въ лѣто 7189, мѣсяца іюня въ 3 день, при державѣ..... Феодора Алексѣевича и при святѣйшемъ курь Іоакимѣ патриархѣ и при митрополитѣ Іонѣ, совершенъ же бысть въ лѣто 7191, мѣсяца августа въ 30 день, при державѣ... Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича“, при тѣхъ же патриархѣ и митрополитѣ, „и при игуменѣ Гордіянѣ“. Внутренняя сторона храма и южное полукружіе алтаря въ 1690 г. росписаны „стѣннымъ иконнымъ писаніемъ“, а среднее и сѣверное полукружіе — живописью *al-fresco*. Въ 1839—1840 г. управлявшій монастыремъ архіепископъ Авраамъ возобновилъ по тѣмъ же чертамъ стѣнное иконное писмо. Высота храма съ крестомъ 55 аршинъ, длина съ алтаремъ 36, и ширина 25 аршинъ. Сводъ храма поддерживается двумя четырехугольными съ гранью столбами; иконостасъ пяти-арусный, коринфскаго ордена, работы 1839 года. Съ южной стороны храма находится придѣлъ во имя св. благовѣрныхъ князей Феодора и чадъ его Давида и Кон-

этомъ же событіи въ *судной правой* грамотѣ, 20 января 1501 г., старцы Ярославскаго Спаскаго монастыря Леонтій и Іона говорили ярославскому писцу Якову Морозову: «по грѣхомъ, господине, нашимъ горѣлъ монастырь нашъ у Пречистыя на Толзѣ, ино, господине, и данная князь Юрьева Константиновича на пустошь Большую Хиновку згорѣла, да и нынѣ крѣпости и грамоты земляныя погорѣли на наши деревни монастырскія». См. стр. 278 кн. грамотъ по Ростовск. епархіи въ Синод. библиот. № 13.

(1) См. тамъ же, стр. 294. Грамота отъ 15 января, лѣта 7131.

стантина, ярославскихъ чудотворцевъ. Онъ устроенъ одновременно съ соборною церковью, а росписанъ внутри „иконостѣннымиъ письмомъ въ лѣто 7199, мая въ 22 день, по вѣрѣ околничаго князя Василя Ѳеодоровича Жироваго - Засѣкина“; антиминъ освященъ въ 1700 г. митрополитомъ ростовскимъ Арсеніемъ. Въ сѣверовосточномъ углу монастыря стоитъ Спасская церковь, извѣстная подъ именемъ больничной. Время построения ея — неизвѣстно, но, судя по архитектурѣ и иконному письму, она не древнѣе половины XVII в. Высота ея съ крестомъ 28 аршинъ, длина съ алтаремъ 30 и ширина 13 аршинъ. На западной сторонѣ, въ 18 саженахъ отъ соборнаго храма, находится на святыхъ воротахъ церковь во имя святителя Николая чудотворца. Она построена около 1670 года; высота ея съ крестомъ 39, длина съ алтаремъ 22 и ширина 9 аршинъ. Къ югу отъ собора, на разстояніи 9 сажений, стоитъ теплая церковь въ честь воздвиженія Креста Господня. Время сооруженія ея также неизвѣстно. Въ помянутой выше выписи изъ ярославскихъ писцовыхъ книгъ она значится уже существующею. Высота ея съ крестомъ 39, длина съ алтаремъ 39 и ширина 21 аршинъ. У соборной церкви висится каменная колокольня о четырехъ ярусахъ и трибунъ съ куполомъ. Нижніе три яруса построены въ 1688 г., прочіе въ 1825 г. Во второмъ ярусѣ помѣщается монастырская ризница. Въ четвертомъ ярусѣ висятъ 11 колоколовъ различнаго вѣса, отъ 500 до 3-хъ пудовъ. Два изъ нихъ отлиты въ XVII в., именно: одинъ въ 100 пудовъ, по надписи вылитъ „мастеромъ Ѳеодоромъ Моториннымъ, на деньги — 1000 р. — околничаго князя Никиты Яковлевича Львова, лѣта 7185, мѣсяца сентября 25 дня“, другой — въ 100 пудовъ — вылитъ „Пресвятыя Богородицы Толгскаго монастыря казенными деньгами, при державѣ государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Руси, при игуменѣ Серапіонѣ съ братією, а цѣна 500 р., лѣта 7140, августа въ 1 день“. Монастырь окруженъ каменною оградой, устроенною въ XVIII в. Архитектура ея въ общемъ напоминаетъ стѣны ростовскаго кремля. Высота ограды 9, а ширина 3 аршина. Къ числу монастырскихъ древностей надо отнести прекрасную кедровую рощу. Судя по громадности кедровъ, слѣдуетъ полагать, что насажденіе ихъ относится къ отдаленному времени. Преданіе приписываетъ посадку деревьевъ игумену Ѳеодосію, управлявшему монастыремъ въ концѣ XVI в. Кедровая роща — един-

ственное наглядное доказательство древности обители. Въ 1851 г. монастырскіе рабочіе, распахивая около монастыря землю подъ картофель, нашли кладъ, состоявшій изъ 4,272 мелкихъ серебряныхъ монетъ, вѣсомъ во всѣхъ 4 ф. 81½ зол. Всѣ онѣ принадлежатъ XVII в., и относятся къ царствованію Михаила Ѳеодоровича. Пять изъ нихъ преосвященный Ионаанъ, епископъ Ярославскій и Ростовскій, передалъ въ музей нашего Института.

Изъ священныхъ предметовъ слѣдуетъ отмѣтить: 1) икону Толгской Божіей Матери, прекраснаго греческаго письма, длина ея около 14, и ширина 11 вершковъ; 2) Нерукотворенный образъ Спасителя — того-же письма, мѣрою въ длину 12, а въ ширину 10½ вершковъ, по преданію — вкладъ Грознаго; 3) плащаницу. На ней положеніе во гробъ Спасителя и изображенія предстоящихъ апостоловъ и святыхъ — „шиты по гарнитуру золотомъ, серебромъ и разными мелкими, вѣнцы и мѣста одеждъ обложены серебряною позолоченою кованицю; коймы изъ черной полосатой матеріи съ золотыми цвѣтками, подложена голубой китайкой“. Изъ надписи на плащаницѣ видно, что она „приложена въ домъ Пресвятыя Богородицы на Толгу лѣта 7005, при державѣ благовѣрнаго государя, царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича, всеа Руси самодержца, и при его благовѣрной царицѣ Иринѣ и святѣйшемъ патріархѣ Левѣ московскомъ и всеа Руси“; 4) два серебряныхъ гладкихъ подсвѣчника, имѣющіе на стволахъ по 6 яблокъ, а на верхнихъ кругахъ по пяти шавдаловъ, рѣзные, позолоченные; надписи говорятъ, что одинъ изъ нихъ „здѣланъ на престолъ въ домъ Пресвятыя Владычицы Бдѣ Толгскіе іюля въ 28 день, лѣта 7142-о“, а другой — „въ лѣто 7170, октября въ 13 день, при игумене Андрѣяне“.

Между письменными памятниками древности заслуживаютъ вниманія: 1) евангеліе, въ десть, московской печати, обложено малиновымъ бархатомъ. На откосахъ верхней доски имѣется надпись: „7145 сдѣлано сие евангеліе къ Введенію Прстѣя Бдѣ въ Толской монастырь при Гдѣре Цѣре і великомъ кѣзе Михайле Ѳеодоровиче всеа рус. . . мѣ гдѣне прѣшениномъ нитрополите Варламе Ростовскомъ и Ярослав.“; вѣсь евангелія 8 ф. 39 зол.; 2) евангеліе, въ листъ, московской-же печати. На верхней доскѣ написаны красками образа съ серебряными рѣзными на нихъ вѣнчиками, а вверху Господь Саваоѣ, въ срединѣ образъ Спасителя съ Божією Ма-

терью и Иоанномъ предтекою, по сторонамъ два ангела, внизу херувимъ, а по угламъ четыре евангелиста. Въ концѣ Иоаннова евангелія напечатано: „Божією помощію, сія богодухновенная книга начата печатати въ лѣто 7152, генваря въ 22 день, на память святаго апостола Тимоѳея и святаго преподобномученика Анастасія Персянина, въ богохранимомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ, при державѣ . . . Михаила Ѳеодоровича всеа Руся, въ 31-е лѣто богохранимаго царства его, при сынѣ его . . . Алексѣе Михайловичѣ. Совершена-же бысть того-же 152-го году, мѣсяца іюля въ 20 день, на память святаго пророка Или, въ 32-е лѣто благочестивыя державы . . . Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи самодержца, въ третіе лѣто патріаршества отца ихъ и богомольца курь Іосифа, патріарха московскаго“.

3) Евангеліе въ листъ, на полуалександрійской бумагѣ, московской печати. Верхняя доска его серебряная, гладкая, позолочена; по угламъ и въ срединѣ пять серебряныхъ-же, чеканныхъ, позлащенныхъ накладокъ, на коихъ изображены — по угламъ евангелисты, а въ срединѣ сошествіе Христа въ адъ. На исподней доскѣ четыре серебряныхъ наугольника, а по срединѣ большая серебряная доска, на которой вырѣзано: „построилъ сие святое евангеліе столникъ князь Петръ, князь Лукинъ сынъ Лвовъ, по даде своемъ по старцѣ Нилѣ, что въ мірѣ былъ околничей князь Никита Яковлевичъ Лвовъ, и по вѣхъ родителейъ. А отдано евангеліе въ ярославской уѣздъ, въ домъ Пресвятыя Богородицы чудотворныя иконы въ Толской монастырь, въ лѣто 7193 году, мѣсяца декабря 15 день. Строеніе *Естимея*, Лаврентьева сына. Напечатано въ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7190 г., отъ воплощенія-же Бога Слова 1681, индикта 5, мѣсяца октября“. Всѣ евангелія 24½ фун. Всѣ описанныя книги находятся въ монастырской ризницѣ. Тамъ-же хранятся копии: а) съ жалованныхъ грамотъ на монастырскія угодья, б) духовныхъ завѣщаній (вкладныхъ) и в) выписки изъ писцовыхъ книгъ и другихъ документовъ, относящихся къ владѣніямъ обители. Все это переплетено въ одну книгу въ 1775 году. На первомъ листѣ ея помѣщено предисловіе такого содержания: „Сія книга ярославскаго Толгскаго монастыря, которую должно вписать въ опись всей ризничной утвари. Если кто извольт похитить ее, тотъ въ семь вѣщъ да постраждеть всѣми членами своего брэннаго тѣла, въ будущемъ-же да не настѣдитъ царствія небеснаго; но да воспріиметь судъ и месть съ Дава-

номъ и Авирономъ, которне таковыхъ усердствуютъ себѣ въ собратство получить утѣшенія ради, что они не одни страждутъ и страдаютъ имутъ во вѣки муку вѣчную, пламень геенскій. Аминь. Игуменъ Филимонъ Терлецкій. 1775 г. декабря 31 дня“. Благодаря столь грозному прещенію, книга такъ была запрятана, что существованія ея, до нашего пріѣзда, не подозрѣвали и монастырскія власти. Гдѣ подлинники этихъ копій — неизвѣстно, и въ монастырѣ никто объясненій намъ на это не далъ.

Такъ какъ большая часть грамотъ, данныхъ Толгскому монастырю въ разное время, не напечатана, то считаемъ не лишнимъ привести ихъ заглавія, съ указаніемъ датъ. Таковы: 1) судная, *правая*, грамота ярославскаго писца Якова Дмитріевича Морозова на деревню Малую Хиновку, владѣніе которою оспаривалъ староста Шаховской волости Фили Гродинъ, утверждавшій, что та деревня стоитъ на землѣ ихъ волости. Грамоту писалъ Иванъ Леонтьевъ, сынъ Бѣлаго“ лѣта 7009, генваря въ 20 день“⁽¹⁾. 2) Жалованная грамоты: а) *царя и великаго князя Ивана Васильевича*: а) игумену Касьяну, лѣта 7049, февраля во 2-й день, объ отпускѣ монастырю изъ ярославскихъ царскихъ житницъ, ежегодно, на Срѣтеневъ день, „полосмадесять четвертой ржи и полосмадесять четвертой овса“⁽²⁾; б) игумену Іонѣ, лѣта 7063, іюля въ 3 день, объ укрѣпленіи за монастыремъ деревни Юрьева, завѣщанной княземъ Семеномъ Алабышевымъ, „во иноцѣхъ Іоасафомъ“⁽³⁾; в) тому же игумену, лѣта 7064, іюля въ 4 день (мѣновная), о припискѣ къ монастырскимъ вотчинамъ деревни Веретья, уступленной монастырю Норскою волостію, взаимѣнъ монастырскихъ деревень: Макарова, Половца, Роскутьева и починка Терехова, отошедшихъ къ названной волости⁽⁴⁾; г) игумену Θεодосію, лѣта 7086, февраля въ 21 день, объ утвержденіи за монастыремъ деревень Чурова и Тихарева, завѣщанныхъ въ обитель княземъ Иваномъ

(1) Изъ грамоты видно, что пустошь, на которой стояла старая деревня, пожалована монастырю княземъ Юріемъ Константиновичемъ, но жалованная грамота, вмѣстѣ съ другими документами, сгорѣла въ большой пожаръ, истребившій монастырь. См. стр. 278.

(2) На оборотѣ грамоты написано: «Князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи. Приказалъ бояривъ дворецкой, князь Иванъ Ивановичъ Кубенской».

(3) Подпись: «Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи». Утверждена красною воскою печатью.

(4) Грамоту скрѣпилъ подьячій Андруша Елисеевъ. Приложена черная восковая печать.

Федоровичемъ Жировниъ (1); д) ярославскимъ городовымъ прикащикамъ Дмитрію Балаешину да Пятому Матюшкину, лѣта 7090, февраля въ 10 день, по челобитью игумена Феодосіа, о недовolenіи архимандриту ярославскаго Спасскаго монастыря Феодосію взыскивать подать съ крестьянъ Толгскаго монастыря (2); 3) *царя и великаго князя Феодора Ивановича* — жалованная игумену Феодосію, лѣта 7099, апрѣля въ 23 день, на деревни Косвино и Горбу съ пустошами и со всѣми угоди (3); 4) *царя и великаго князя Василія Ивановича* — жалованная игумену Іонѣ, лѣта 7114, іюня въ 22 день, на рыбныя ловли въ р. Волгѣ, ниже Казани, и о ненарушеніи жалованныхъ грамотъ, данныхъ обители Грознымъ: отъ 21 февраля лѣта 7087 о безошлинномъ пропускѣ по Волгѣ торговаго монастырскаго судна и двухъ плотовъ лѣса на монастырскую нужду; отъ 13 февраля, лѣта 7090 — на рыбныя ловли тремя связями въ р. Волгѣ, ниже Казани, и Феодоромъ Ивановичемъ (когда дана не извѣстно) о безошлинной торговлѣ въ поволжскихъ городахъ и у Бѣлоозера, лѣтомъ на судѣ съ двадцатью людьми, а зимою на двадцати подводяхъ, и объ освобожденіи монастырскихъ слугъ и крестьянъ отъ суда намѣстниковъ и тиуновъ во всѣхъ дѣлахъ, исключая душегубства и разбоя съ поличнымъ (4). Эта грамота подтверждена царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ, лѣта 7122, декабря въ 6 день, и лѣта 7130, декабря въ 12 день; 5) *царя и великаго князя Михаила Феодоровича* ярославскимъ воеводамъ — князю Василю Агашевичу Теменскому и Ивану Васильевичу Лодыгину, лѣта 7124, декабря въ 3 день, по челобитью игумена Серапіона, о воспрещеніи ярославскимъ и норскимъ рыбакамъ ловить рыбу въ водахъ Толгскаго монастыря (5); его

(1) Подпись: Царь и великій князь. Скрѣпа: діакъ Андрей Мясной; справилъ подьячій Тершокъ Антопьевъ. Черная восковая печать.

(2) Напечатана въ 1 т. Акт. Эксп. № 313. На стр. 376, девятой строкѣ сверху, напечатано: «...де»; слѣдуетъ читать «о обиде». Грамота подписана: Царь и великій князь всея Русіи. Скрѣпа: діакъ Тимошей Федоровъ. Восковая черная печать приложена. Въ томъ же томѣ Акт. Эксп. напечатана грамота ярославскаго князя Феодора Феодоровича, безъ числа и года, см. № 15. Этой грамоты въ копіи мы не нашли.

(3) Подпись: Царь и великій князь. Скрѣпа: діакъ Богданъ Ивановъ, справилъ Ивашко Екимовъ; печать восковая черная.

(4) Подпись: Царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи. Скрѣпа: діакъ Захарей Свизевъ; справилъ: подьячій: Богданко Замятинъ да Дружинка Лукинъ; красная височная печать.

(5) Подпись: діакъ Богданъ Тимошеевъ.

же: а) *жалованная* игумену Серапіону, лѣта 7131, генваря въ 15 день, — на село Толгоболъ, въ Ярославскомъ уѣздѣ, съ деревнями и пустошами (1); б) *подтвердительная* тому же игумену, лѣта 7131, мая въ 7 день, на земли и вотчины, коиими монастырь владѣлъ на основаніи прежнихъ жалованныхъ грамотъ, съ освобожденіемъ монастырскихъ крестьянъ отъ всякихъ податей, кромѣ ямскихъ денегъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, а также городского и острожного дѣла, о подсудности монастырскихъ крестьянъ игумену во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, разбоя и татбы съ поличнымъ, и о беспошлинномъ провозѣ всякихъ церковныхъ и монастырскихъ запасовъ (2); в) *протъзая* — Нижегородскому воеводѣ Ивану Дмитріевичу Плещееву, лѣта 7132, февраля 27, по челобитью игумена Серапіона — о беспошлинномъ провозѣ въ монастырь изъ низовыхъ городовъ соли и рыбы для монастырскаго обихода (3); г) *послушная* — Нижегородскому воеводѣ князю Миرونу Михайловичу Шаховскому, лѣта 7133, мая 30 дня, по тому же предмету (4); д) Ярославскому воеводѣ Дмитрію Васильевичу Лодыгину и дьяву Василью Ларіонову, лѣта 7137, мая въ 11 день, по челобитью игумена Серапіона, о запрещеніи ярославскимъ жителямъ пріѣзжать въ монастырь на храмовой праздникъ (8 августа) для торговли хмѣльными напитками (5); е) имъ же — лѣта 7138, августа въ 9 день, по челобитью того же игумена, объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ, живущихъ въ Ярославлѣ и на посадѣ, отъ суда воеводы во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ разбоя и татбы съ поличнымъ (6); ж) на Угличъ и Пошехонье — таможеннымъ головамъ, цѣловальникамъ и откупщикамъ,

(1) Подпись: Царь и великій князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи самодержецъ. Грамота подтверждена царями — Алексѣемъ Михайловичемъ, лѣта 7161, мая 18 дня, и Федоромъ Алексѣевичемъ, лѣта 7185, іюня 21 дня.

(2) А подписалъ государевъ царевъ и великаго князя Михайла Федоровича, всеа Русіи, діакъ Прокопей Патиревъ. На оборотѣ: царь и великій князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи самодержецъ. Справилъ подъячій Гришко Старого. Восковая красная висячая печать.

(3) Подпись: діакъ Савва Романчиковъ. Справилъ Петрушка Филимоновъ.

(4) Подпись: діакъ Дементій Образцовъ. Справилъ Нефедко Галининъ. Грамота эта дана вслѣдствіе челобитья игумена Серапіона о томъ, что Нижегородскій таможенный голова, гость, Василій Юрьевъ, не взирая на протъзую грамоту отъ 27 февраля 7132 г., взял пошлины съ монастырскихъ провозныхъ запасовъ.

(5) Подписана: діакъ Герасимъ Мартеньяновъ. Справилъ подъячій Митка Михайловъ. Пошлина взята — 25 алтынъ.

(6) Подпись: діакъ Иванъ Поздѣвъ. Справилъ Тимошка Лебедевъ.

лѣта 7138, мая въ 29 день, по челобитью игумена Серапіона, о безпошлинномъ пропускѣ по рѣкамъ Мологѣ и Шекснѣ лѣса для монастырскаго обихода ⁽¹⁾; з) *жалованныя*: а) игумену Адріану, лѣта 7143, апрѣля въ 22 день, о подчиненіи монастыря съ слугами и крестьянами въ судебныхъ дѣлахъ Приказу Большаго Дворца, съ установленіемъ судныхъ сроковъ ⁽²⁾; б) тому же игумену, лѣта 7148, іюля въ 23 день, на укрѣпленіе за монастыремъ сельца Гавшинскаго съ деревнями и пустошами, купленнаго обителю у окольного Семена Ивановича Стрѣшнева ⁽³⁾.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ принести искреннюю благодарность настоятелю Толгской обители, преосвященному Іонафану, и намістнику о. архимандриту Павлу за то радушіе, съ какимъ я былъ принятъ въ обители, и за то содѣйствіе, какое они оказали мнѣ при обзорѣннн и описаніи упомянутыхъ древностей, а также за сдѣланное ими пожертвованіе пяти монетъ въ музей Археологическаго Института.

Дѣйств. членъ А. Гавриловъ.

⁽¹⁾ На оборотѣ подписано: царь и великій князь Михайло Федоровичъ. Справилъ подмѣш Митка Михайловъ. Восковая черная печать.

⁽²⁾ Подпись: Божією милостію, великій государь, царь и великій князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи самодержецъ. Восковая красная печать.

⁽³⁾ Подпись: царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи. Діакъ Андрей Строгъ. Справилъ Андряенко Аверкишевъ. Восковая черная печать. Грамота подтверждена Федоромъ Алексѣевичемъ, лѣта 7185, іюня 25, и Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, лѣта 7194, января 16 дн.

Кіевскій Центральный Архивъ.

(1852—1880 г.).

«Чтобы какое-нибудь учрежденіе поставило на основаніи прочныя и указать цѣль вѣрную и ему свойственную, необходимо изучитъ прежній ходъ дѣлъ и путемъ историческимъ дойти до выводовъ точныхъ и очевидныхъ: эти выводы сами собой укажутъ что дѣлать».

(Слова П. М. Строева при разборѣ имъ въ комитетѣ 6-го апрѣля 1845 года мнѣній о преобразованіи Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ. См. соч. Н. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева.» Спб. 1878 г., стр. 418).

Кіевскій Центральный Архивъ для древнихъ актовыхъ книгъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской учрежденъ по инициативѣ Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ, возникшей въ г. Кіевѣ въ 1843 году. Душой комиссіи былъ тогда главный редакторъ ея — покойный профессоръ университета Св. Владиміра Н. Д. Иванішевъ. Ему первому принадлежитъ честь ходатайства объ открытіи центральныхъ архивовъ въ западномъ и юго-западномъ краѣ и выбора для нихъ актовыхъ книгъ, важныхъ въ научномъ отношеніи. Подъ его диктовку, комиссія, въ своей

докладной запискѣ объ этомъ, поданной генераль-губернатору Д. Г. Бибикову, писала: „актовныя книги западныхъ губерній имѣютъ двоякую важность: онѣ заключаютъ въ себѣ документы дворянскихъ родовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могутъ служить богатѣйшимъ матеріаломъ для отечественной исторіи. Въ актовныя книги вносились правительственныя распоряженія и сдѣлки частныхъ лицъ. Каждое важное событіе обозначалось въ этихъ книгахъ съ подробностями, какихъ нельзя найти ни въ одной лѣтописи. Жизнь частная и общественная, измѣненія въ государственномъ устройствѣ, набѣги татаръ, постепенное образованіе козачества, промышленный бытъ городовъ и селеній, наконецъ исторія церкви изображаются въ актовныхъ книгахъ съ наглядной подробностью. Иногда записывались въ книги даже физическія явленія, поражавшія людей своей необычайностью“. Въ этой же запискѣ, комиссия, указывая на неудобства храненія и пользованія актовными книгами при разбросанности ихъ по многочисленнымъ архивамъ присутственныхъ мѣстъ края, находила полезнымъ учредить для нихъ центральныя архивы, цѣль и задачу которыхъ и опредѣлила при этомъ. Считая, съ своей стороны, вполне основательнымъ мнѣніе комиссіи, генераль-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ ходатайствовалъ въ 1850 году объ учрежденіи въ западномъ краѣ такихъ архивовъ, на что и изъявлено было Высочайшее соизволеніе, несмотря на то, что бывший тогда министромъ юстиціи графъ Панинъ, придавая актовнымъ книгамъ значеніе официальныхъ юридическихъ актовъ, не допускалъ возможности изъять ихъ изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, съ чѣмъ согласилось и большинство членовъ Государственнаго Совѣта. Въ силу вышеозначеннаго Высочайшаго соизволенія повелѣно было закрыть съ 1-го января 1852 года комиссіи, учрежденныя по западнымъ губерніямъ 2-го ноября 1842 года и имѣвшія цѣлью провѣрку подлинности документовъ и составленіе къ нимъ такихъ описей, какія поручено вести теперь центральнымъ архивамъ. Комиссія 1842 года вызвана была къ повѣркѣ актовныхъ книгъ вслѣдствіе открывшихся злоупотребленій и подлоговъ въ нихъ послѣ недосмотровъ такой же комиссіи, дѣйствовавшей въ краѣ съ 1833 по 1835 годъ.

Вслѣдъ за Высочайшимъ распоряженіемъ отъ 1-го января 1852 г., указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 2-го апрѣля того же года, повелѣвалось учредить Кіевскій Центральный Архивъ и одновременно съ

нимъ такіе же архивы въ Вильнѣ и Витобскѣ; въ нихъ должны быть собраны всѣ древнія актовныя книги до 1799 года включительно и не только изъ присутственныхъ мѣстъ, но и отъ частныхъ лицъ, причемъ полицейскимъ чинамъ строго запрещались притѣснительныя и противозаконныя дѣйствія. Присутственныя мѣста, по составленіи описи и опечатаніи книгъ, пересылали ихъ по назначенію, о чемъ тотчасъ же публиковалось въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Согласно вышеозначенному указу, заботы о Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ должно было принять на себя правленіе университета Св. Владимира. Поэтому, 28-го апрѣля, г. ректоръ увѣдомилъ бібліотекаря, которому предназначалась должность завѣдывающаго архивомъ, объ отводѣ для храненія актовыхъ книгъ помѣщенія въ нижнемъ этажѣ университетскаго зданія; но полугодовыя занятія въ этомъ помѣщеніи показали всѣ неудобства и тѣсноту его, и 28-го октября 1852 года, съ разрѣшенія правленія университета, архивъ расположился въ бывшей до того времени рекреационной залѣ, на третьемъ этажѣ, гдѣ остается и до сихъ поръ. Эта огромная зала со шкапами у стѣнъ, съ окнами, выходящими въ ботаническій садъ университета, и съ двумя кабинетами для занятій чиновниковъ, отапливается пневматическими печами (кабинеты же голандскими). Новое помѣщеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго, какъ по удобству освѣщенія, такъ и по сухости и простору. Высокіе шкапы, съ верху до низу наполненные или книгами или коробками съ отдѣльными документами, доступны при помощи двухъ такихъ же лѣстницъ, какія изображены на 18 и 19 рисункѣ въ приложеніи къ отчету г. Маевского, напечатанному во 2-ой книгѣ „Сборника Археологическаго Института“. Лѣстницы описываемаго архива безъ перилъ и колесъ, и потому, хотя труднѣе передвижимы, за то болѣе устойчивы. Предлагаемый къ нашей статьѣ планъ архива избавляетъ насъ отъ необходимости останавливаться дальше на его внѣшности и позволяетъ прямо перейти къ краткому очерку судьбы этого учрежденія за двадцативосьми-лѣтній періодъ времени его существованія.

Штатъ архива не великъ: онъ состоитъ изъ завѣдывающаго имъ бібліотекаря университета и двухъ его помощниковъ: постоянного и временнаго; послѣдній числится въ то же время и переводчикомъ. Должность архиваріуса занимали: *А. Я. Красовскій* (съ 1852 по 1866 г.) и *К. А. Царев-*

ский (съ 1866 по настоящее время)⁽¹⁾; при них постоянныхъ помощниковъ переѣвилось въ теченіи 28 лѣтъ шесть человекъ⁽²⁾, временныхъ же — семь⁽³⁾; такимъ образомъ, средняя продолжительность службы первыхъ равна $4\frac{2}{3}$ года, вторыхъ 4 годамъ. Изъ постоянныхъ помощниковъ высшее образованіе получали два лица, изъ временныхъ три.

Дѣятельность архива, по указу 2-го апрѣля 1852 года, распадается на административно-юридическую, состоящую въ выдачѣ и засвидѣтельствovanіи выписей изъ актовыхъ книгъ, и научную — въ составленіи краткихъ описей актовъ⁽⁴⁾. Первые годы архивъ былъ буквально заваленъ прошеніями и требованіями о выдачѣ выписей; думать о составленіи описей было почти невозможно. Такъ, напримѣръ, въ 1863 году, до польскаго мятежа, выписей было выдано 961; до этого года, число ихъ, начавшись 111-ю въ 1853 году, постоянно возростало, а послѣ него начинаетъ падать; особенно быстрое паденіе замѣтно въ 1866 и 1867 г., когда выдано было всего лишь около полусотни выписей; причина та, что въ этомъ году обнаруженъ былъ подлогъ въ актовыхъ книгахъ, назначена слѣдственная коммиссія для изслѣдованія дѣла о подлогахъ и приостановлено дѣлопроизводство о дворянскомъ достоинствѣ лицъ польскаго происхожденія на основаніи выписей, выдаваемыхъ изъ центральныхъ архивовъ; въ послѣдніе годы число выданныхъ выписей не доходитъ даже до десятка. Всего за 28 лѣтъ выдано приблизительно $6\frac{1}{2}$ тысячъ выписей, давшихъ пошлинного сбора безъ малаго 4,800 рублей.

На первомъ планѣ стояла и стоитъ научная дѣятельность Архива,

(1) А. Я. Красовскій былъ учителемъ кievской 1-ой гимназій до 1845 г., когда перешелъ на службу въ университетъ Св. Владиміра бібліотекаремъ. К. А. Царевскій — бывшій профессоръ Нѣжинскаго лицейа кн. Безбородко по кафедрѣ гражданскаго права.

(2) Якубовскій (1852—1859), Ленскій (1859—1861), Станкевичъ (1861—1866), Сасмо (1866—1869), Свидницкій (1869—1871) и Ильницкій (1871—по настоящее время).

(3) Крижановскій (1852—1858), Рогальскій (съ января по ноябрь 1858 г.), Вермиискій (1858—1868), Гауриленко (1868—1869), Семеновъ (1869—1875), Тальбергъ (1875—1876) и Федотовъ-Чеховскій (1876—по настоящее время).

(4) В. А. Дялинъ въ своихъ статьяхъ о Виленскомъ и Витебскомъ Архивахъ (Сборн. Археол. Института кн. 1-я и 3-я) видитъ научную ихъ дѣятельность въ изданіи древнихъ памятниковъ, ситшвая такимъ образомъ работы Архива съ работами Археографической Коммиссіи, двухъ учреждений съ различными задачами и цѣлями, имѣющихъ между собой общаго лишь одинъ разрабатываемый матеріалъ.

выражающаяся въ составленіи описей. Для скорѣйшаго достиженія этой цѣли г. генераль-губернаторомъ было предложено, въ 1853 году, правленію университета оставшуюся неизрасходованной тысячу рублей изъ общей суммы двухъ тысячъ, ассигнованной на первоначальное образованіе архива, употребить на вознагражденіе двухъ чиновниковъ⁽¹⁾, прикомандированныхъ изъ канцеляріи губернатора, по 250 рублей каждому въ годъ. Въ октябрѣ 1855 года деньги были издержаны и архивъ остался при своемъ малочисленномъ составѣ. Составленіе описей было прервано. Вслѣдствіе этого генераль-губернаторъ, пользуясь проѣздомъ черезъ Кіевъ Государя Императора въ сентябрѣ 1857 года, представилъ всеподданнѣйшій докладъ Его Величеству о состояніи центрального архива и получилъ Высочайшее повелѣніе увеличить штатъ этого учрежденія. Пока шла по этому поводу переписка, въ архивѣ стали снова заниматься чиновники изъ канцеляріи генераль-губернатора. Только съ 1863 года министерство народного просвѣщенія нашло возможнымъ ассигновывать по 1500 рублей ежегодно. По израсходованіи къ концу года ассигнованной суммы составленіе описей прекращалось впредь до новаго ассигнованія ея министерствомъ. Въ теченіи 2½ лѣтъ (со второй половины 1863 года по январь 1866 г.) въ архивѣ работало 24 человекъ⁽²⁾, получавшіе плату и задѣльно и помѣсячно (отъ 15 до 20 руб., а потомъ по 25 и 30 руб. въ мѣсяцъ). Надзоръ за составленіемъ описей былъ порученъ адъютанту греческой словесности К. Ф. Страшкевичу. За все это время было описано 216 актовыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ 45,756 актовъ и 33,240 отдѣльныхъ документовъ; изъ этого числа только описи къ 34 книгамъ XVIII-го вѣка были представлены завѣдывающимъ архивомъ въ правленіе университета для утвержденія къ напечатанію; но послѣднее признало ихъ неудовлетворительными вслѣдствіе отсутствія всякаго однообразія въ составленіи, вслѣдствіе темноты и двусмысленности изложенія содержанія актовъ; вслѣдствіе неправильнаго перевода юридическихъ терминовъ; вслѣдствіе погрѣшностей противъ грамматики русскаго языка; вслѣдствіе небрежности писанія, отчего

(1) Гг. *Василевскій* и *Каменскій*, оба окончившіе курсъ въ университетѣ.

(2) Съ высшимъ образованіемъ изъ нихъ было всего лишь девять.

произошли пропуски буквъ, словъ и даже цѣлыхъ выраженій; наконецъ, вообще, вслѣдствіе отсутствія въ составленныхъ описяхъ всякаго смысла.

Такимъ образомъ опытъ 14-ти лѣтъ показалъ всю трудность и важность работы надъ составленіемъ описей и привелъ къ сознанию необходимости привлечь къ этой работѣ людей, болѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ и болѣе подготовленныхъ къ нему. Поэтому, вступившій тогда въ завѣдываніе архивомъ г. Царевскій ходатайствовалъ о назначеніи двухъ временныхъ помощниковъ архиваріуса съ содержаніемъ каждому изъ нихъ по 650 рублей въ годъ изъ суммы 1500 рублей, ежегодно ассигнуемой министерствомъ на усиленіе средствъ архива. Ходатайство было уважено. Строгое отношеніе къ выбору лицъ на новыя должности привело къ желанному результату: въ 1869 году напечатаны, съ разрѣшенія правленія университета, первыя четыре описи актовыхъ книгъ. Составленіе и печатаніе описей не прекращается и продолжится, конечно, и на будущее время, если условія, въ какихъ стоитъ это дѣло теперь, если не улучшатся, то хотя не измѣнятся. Въ тринадцатилѣтній промежутокъ времени объ должности временныхъ помощниковъ были занимаемы девять лицами⁽¹⁾, изъ которыхъ высшаго образованія не получило только одно лицо, но и оно доказало свои способности, знанія и любовь къ наукѣ, какъ рядомъ напечатанныхъ архивныхъ описей, такъ и постояннымъ участіемъ въ трудахъ археографической комиссіи въ качествѣ ея члена. Средняя продолжительность службы каждаго изъ нихъ въ архивѣ не превышаетъ 3-хъ лѣтъ и 1½ мѣсяца. Новое ходатайство г. Царевского въ 1868 году объ увеличеніи содержанія помощникамъ архиваріуса до 800 рублей въ годъ оставлено безъ послѣдствій.

Что касается плана составленія краткихъ описей, то онъ долженъ оставаться, по мнѣнію г. завѣдывающаго архивомъ, такимъ, какъ начертанъ въ указѣ 1852 года, т. е. въ началѣ должно обозначать время со-

⁽¹⁾ Вотъ ихъ фамиліи: *М. Гавриленко* (1866 — 1867), *К. Козловскій* (1866 — 1873), *О. Гавриленко* (1867 — 1868), *М. Старикій* (1868 — 1869), *И. Новицкій* (1869 — 1874), *Г. Донцовъ* (1874 — 1876), *А. Бьлоусовъ* (1874 — 1879), *И. Каманинъ* (1876 — по настоящее время) и *О. Левицкій* (1879 — по настоящее время).

ставленія акта, потомъ время внесенія въ актовую книгу, далѣе слѣдуетъ изложеніе сущности содержанія акта, причеиъ поименовываються главныя дѣйствующія лица и перечисляются географическія названія; историческіе документы должны описываться подробнѣе. По вопросу о составленіи описей высказались также и гг. К. Козловскій и И. Новицкій. Первый въ мѣстной газетѣ помѣстилъ рядъ статей подъ заглавіемъ: „Кіевскій Центральный Архивъ и его будущность“ („Кіевлянинъ“ за 1869 г. № 87—89). Составляемыя и печатаемыя архивомъ описи авторъ признаетъ неудобстворяющими научнымъ цѣлямъ, вслѣдствіе ихъ краткости, бесполезными и даже вредными съ политической точки зрѣнія, потому что, служа ключомъ для отысканія документовъ польскимъ дворянамъ, только размножаютъ это дворянство. Вмѣсто того, онъ предлагаетъ составить однѣ описи краткія, неподлежащія печати — инвентарь архива; другія — „съ возможно полнымъ, систематическимъ и ученымъ характеромъ, которыя должны быть выпущены въ свѣтъ“. Краткія описи, по мнѣнію г. Козловскаго, можно составить изъ копій съ имѣющихся при самыхъ книгахъ описей; а гдѣ ихъ нѣтъ, то изъ копій съ заглавій отдѣльныхъ актовъ; при этомъ авторъ ссылается, въ подтвержденіе своего мнѣнія о ненужности составленія новыхъ описей къ тѣмъ книгамъ, при которыхъ онъ уже есть, на указъ 1852 года. Что касается до описей съ ученымъ характеромъ, то онѣ должны заключать въ себѣ только документы, служащіе матеріаломъ для ученыхъ изысканій; всѣ прочіе исключаются. При составленіи ученой описи поступается двояко: или подробно излагается содержаніе документа, а также приводятся наиболѣе любопытныя мѣста его, или документы, наиболѣе замѣчательные, печатаются цѣликомъ. На статьи г. Козловскаго, несостоятельность мнѣній котораго слишкомъ ясна сама по себѣ, возражалъ завѣдывающій архивомъ К. А. Царевскій въ своей отдѣльно напечатанной брошюркѣ: „*audiatur et altera pars*“. Въ ней онъ выдержками изъ вышедшихъ уже въ свѣтъ краткихъ описей доказываетъ ихъ годность для науки и при этомъ подчеркиваетъ тѣ мѣста у г. Козловскаго, въ которыхъ послѣдній, говоря о краткихъ описяхъ, признаетъ ихъ полезность, отрицаемую сначала. Далѣе, г. Царевскій предлагаетъ копій съ заглавій актовъ, могущихъ, по мнѣнію г. Козловскаго, служить краткой описью, заключающей въ себѣ содержаніе документа, и тѣмъ совер-

шенно обнаруживает их положительную негодность для каких-бы то ни было справок и невозможность предупредить ими подлога в актах. Отстаивая важность кратких описей, автор брошюры отрицает, наконец, необходимость ученых и подробных, по плану г. Козловскаго, описей, опираясь, съ одной стороны, вмѣстѣ со своимъ противникомъ, на авторитетъ Н. В. Калачова, замѣтившаго, что „опредѣленіе интереснаго и важнаго мѣста въ данномъ документѣ совершенно зависятъ отъ взгляда составителя описанія“, съ другой — на существованіе въ Кіевѣ Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ, задача которой состоитъ въ ученой сортировкѣ и изданіи архивнаго матеріала.

Г-нъ И. Новицкій, въ поданной имъ въ правленіе университета отъ 30 октября 1869 года „Запискѣ о состояніи актовъ и ихъ описей“, прежде всего повторяетъ аксіому о неисчерпаемыхъ богатствахъ архивнаго матеріала въ отношеніи внутренняго быта юго-западнаго края и затѣмъ уже старается выяснитъ наиболѣе рациональный и цѣлесообразный способъ описанія этого матеріала. Находя въ описи архива сходство съ каталогомъ бібліотеки, съ тою лишь разницею, что первая точнѣе и полнѣе передаетъ содержаніе матеріала, онъ высказываетъ при этомъ мнѣніе, что она должна опредѣлять научное значеніе акта (мысль, вполне достойная осуществленія). Но опредѣленіе научнаго содержанія возможно лишь тогда, когда составители описей будутъ обладать достаточными знаніями, способностью въ дѣлу и широтой взглядовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, для большей точности такого опредѣленія актовъ, авторъ находитъ необходимымъ поручить ученымъ специалистамъ составленіе для этой цѣли болѣе или менѣе подробной программы; дѣлать такіа опредѣленія и обозначенія научнаго значенія акта въ описи тѣмъ болѣе возможно, что для этого отъ составителя не требуется лишняго ни времени, ни мѣста.

Кстати приведемъ о напечатанныхъ архивомъ краткихъ описяхъ отзывъ извѣстнаго нашего археолога проф. В. Б. Антоновича, который 26-го октября 1871 года писалъ г. ректору университета: „описи вполне отвѣчаютъ цѣли, для которой назначены; представляя краткія и конкретныа опредѣленія какъ формы, такъ и содержанія описываемыхъ актовъ, не выпуская собственныхъ личныхъ и географическихъ именъ и указывая историческія и бытовыа подробности (дѣликомъ и безъ пропусковъ, что я вы-

и́тиль для себя, такъ и въ описахъ встрѣтилъ) описываемаго времени тамъ, гдѣ содержаніе акта представляетъ удобный къ тому случай, описи эти вполне пригодны, какъ для юридическихъ справокъ, такъ и для облегченія научныхъ занятій желающимъ извлечь изъ книгъ матеріалъ для историческихъ или историко-юридическихъ изслѣдованій. Для полноты изданія и удобства для справокъ, въ концѣ каждой серіи описей отдѣльныхъ книгъ, необходимо прилагать три алфавитныхъ указателя: личный, географическій и предметный“. Изъ этого мнѣнія уважаемаго профессора, пользовавшагося матеріалами нашего архива для своихъ изслѣдованій, ясно, какими должны быть архивныя описи.

7-й пунктъ указа 1852 года обязываетъ архивы, по составленіи краткихъ описей, приступить къ составленію полныхъ и подробныхъ каталоговъ, долженствующихъ заключать въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для ученыхъ изслѣдованій. Но мы видѣли выше, что изданныя архивомъ краткія описи, хотя отчасти и служатъ уже для означенной цѣли, все-таки, въ силу своей краткости, не могутъ вмѣщать въ себѣ весьма важныхъ подробностей, заключающихся въ самомъ актѣ. Этотъ недостатокъ, мы думаемъ, совершенно пополняется личнымъ, географическимъ и предметнымъ указателями къ самимъ актамъ. Къ составленію, одновременно съ описью, такихъ указателей и приступлено помощниками архивариуса по собственному почину, въ видѣ опыта и съ согласія г. завѣдывающаго архивомъ (1).

Съ 1866 года по 1879-й составлено 56 описей къ 56 актовымъ книгамъ, заключающимъ въ себѣ 15,484 отдѣльныхъ документа. Такимъ образомъ, среднимъ числомъ ежегодно описывается почти $4\frac{1}{3}$ книги или около 1200 актовъ. Итогъ работамъ 1880 года еще не подведенъ.

Актовныя книги нашего архива по наружному виду ничѣмъ не отличаются отъ виленскихъ и витебскихъ книгъ, описанныхъ г. Лялинымъ. Онѣ хранятся въ закрытыхъ на-глухо, но незастекленныхъ шкапахъ, и расположены на полкахъ въ одинъ рядъ, а въ шкапахъ, примыкающихъ къ стѣнамъ, въ два. Отдѣльные документы и подгнившія разбитыя книги уложены, кромѣ того, въ картонныя коробки. Книги расположены въ шкапахъ

(1) См. *Johann-Georg Seisinger*, Grundlinien der Archivwissenschaft. Dresden, 1863.

въ томъ же порядкѣ, въ какомъ расположены онѣ и въ „Спискѣ“, напечатанномъ въ 1862 — 1864 годахъ.

Всѣхъ книгъ въ архивѣ 5,883. Изъ нихъ къ XVI вѣку относится 166; книгъ, въ которыхъ встрѣчаются акты XVI и XVII вѣковъ, считается 139; къ XVII в. относится 746; книгъ съ актами XVII и XVIII вв. считается 23; къ XVIII в. — 4,745; книгъ съ актами XVI, XVII и XVIII вв. — 5; книгъ съ актами XVIII и XIX вв. — 58; и только одна книга относится къ началу XIX вѣка. По языку онѣ распределяются такимъ образомъ: книгъ съ актами на одномъ русскомъ языкѣ — 496; на русскомъ и польскомъ — 543; на польскомъ — 3,169; на польскомъ и латинскомъ — 763; на латинскомъ — 868; на польскомъ и еврейскомъ — 1; на русскомъ, польскомъ и латинскомъ — 4; на русскомъ и латинскомъ — 2; на польскомъ, латинскомъ и французскомъ — 2; на русскомъ, польскомъ и французскомъ — 1; на польскомъ и армянскомъ — 6; на армянскомъ — 26; на польскомъ и нѣмецкомъ — 1; на нѣмецкомъ — также 1. Отдѣльныхъ документовъ, писанныхъ на листахъ, полулистахъ, четвертухахъ и осьмухахъ, числится 454,979; между ними преобладаетъ по числу польскій языкъ надъ русскимъ и латинскимъ и XVIII вѣкъ — надъ XVII и XIX. Для болѣе точнаго распредѣленія языковъ по вѣкамъ, напомнимъ, что въ XVI столѣтїи всѣ книги и документы писались на русскомъ языкѣ въ Кїевскомъ и Волынскомъ воеводствахъ, и на латинскомъ и армянскомъ — въ Подольскомъ; съ половины XVII вѣка входитъ въ употребленіе польскій языкъ и господствуетъ всюду въ теченїи всего XVIII вѣка; съ присоединенїемъ юго-западнаго края къ Россїи, снова начинаетъ вводиться русскій языкъ. Древнѣйшія книги архива не восходятъ далѣе 1520 года, но записанные въ нихъ акты относятся даже къ концу XIV вѣка. Нѣсколько такихъ древнихъ актовъ изданы В. Б. Антоновичемъ и К. Е. Козловскимъ подъ заглавіемъ: „Грамоты великихъ князей литовскихъ съ 1390 (?) по 1569 годъ“ (См. Универ. изв., 1868 г. № 7 и 8). Хранящіеся въ университетѣ св. Владимїра древніе актовые книги и документы далеко еще не все, что уцѣлѣло изъ памятниковъ письменности отъ прошлыхъ столѣтїй. Весьма значительная часть ихъ до сихъ поръ еще тлѣетъ въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, монастырей и даже

перевей (1). Такимъ образомъ, собраніе всѣхъ, по возможности, памятниковъ старины нашего края въ одномъ общемъ центрѣ есть дѣло будущаго.

Въ заключеніе настоящей статьи считаемъ не лишнимъ указать на два документа, сохранившіеся въ актовой Овручской земской книгѣ 1794 года, которые доказываютъ, что о составленіи описей къ актовымъ книгамъ русское правительство стало заботиться тотчасъ по присоединеніи края къ Россіи, и что основаніемъ къ этой заботѣ послужили чисто практическія требованія суда и администраціи, а именно на сдѣланныя учрежденною въ гор. Житомирѣ главноуправляющимъ губерніями: Минскою, Изяславскою и Брацлавскою, генераль-поручикомъ Тимофеемъ Ивановичемъ Тутолминнымъ, третью комиссію, — въ виду передачи дѣлъ изъ старыхъ польскихъ судовъ въ новыя русскія присутственныя мѣста, — распоряженія отъ 5 января 1794 г. и отъ 23 февраля того же года. Первымъ изъ нихъ предписывалось составлять описи отдѣльно, какъ дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, а также дѣламъ рѣшеннымъ, нерѣшеннымъ и перенесеннымъ по апелляціи въ высшія инстанціи. Когда же изъ рапорта Каменецкаго городскаго суда обнаружилось, что въ судахъ юго-западнаго края велись не дѣла а книги, безъ раздѣленія на гражданскія и уголовныя, то 3-я комиссія разослала новое предписаніе — о составленіи лишь общей описи книгамъ записовымъ, поточнымъ, стемпловымъ, декретовымъ и проч. по годамъ, безъ изложенія содержанія заключающихся въ нихъ актовъ, оставляя въ силѣ свое первое требованіе только относительно дѣлъ нерѣшенныхъ и поданныхъ на апелляцію. Въ послѣдующее время, комиссія, назначавшаяся для пересмотра и описи актовыхъ книгъ, имѣли такую же практическую цѣль. Только съ учрежденіемъ археографическихъ комиссій выступаютъ все болѣе цѣли науки. Количество же выдаваемыхъ изъ нашего архива выписей и количество изданныхъ научныхъ матеріаловъ, надъ которыми преимущественно тру-

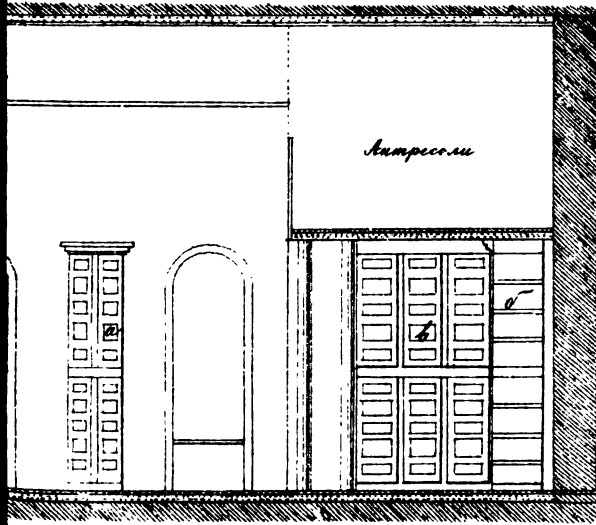
(1) См. Рефератъ Н. И. Петрова, читанный въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца и напечатанный въ 1-ой книгѣ «Чтеній» этого общества. Такія же свѣдѣнія мы имѣемъ и отъ другихъ розыскателей древнихъ памятниковъ.

дѣлись главные редакторы мѣстной археографической комиссіи Н. Д. Иванішевъ и В. В. Антоновичъ, рядомъ съ такими же работами Виленскихъ и Витебскихъ комиссій и архивовъ, ясно показываютъ, что практическое значеніе архивовъ совершенно падаетъ, а научное съ каждымъ годомъ все болѣе возрастаетъ; поэтому, недалеко, намъ кажется, то время, когда, сообразно научнымъ цѣлямъ, измѣнятся и положеніе этихъ учреждений, и программа ихъ дѣятельности.

И. Каманнъ.

ди́міра.

А в А Б

Размѣръ шкафовъ.

Высота	Ширину	Глубина	Число ящиковъ
--------	--------	---------	------------------

ОСТРОВЪ ЭЗЕЛЬ И ЕГО ДРЕВНОСТИ.

I. Топографія, гидрографія, геологія и орографія острова.

Островъ Эзель, наибольшій и важнѣйшій изъ всѣхъ острововъ Лифляндіи и всего Балтійскаго моря, расположенъ между 58 и 59° сѣверной шир. и 40 и 41 д., въ разстояніи 6 миль отъ Курляндскаго берега. Онъ занимаетъ 2270 кв. верстъ, въ длину 96, въ ширину 72 версты. Фигура его продолговата и дугообразна. Берега извилисты и образуютъ множество мысовъ и полуострововъ. Первоначально Эзель составлялъ съ Мономъ одинъ только островъ. Когда между ними образовался проливъ, достоверно неизвѣстно; нѣкоторые полагаютъ, что это было въ 1309 году, памятному по большому приливу моря. Всѣмъ растяженіемъ своимъ заслоня входъ въ Рижскій заливъ, два острова, Монъ и Эзель, теперь раздѣлены между собою мелководнымъ и узкимъ проливомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Малаго Зунда, и къ югу открываютъ ворота шириною въ 35 верстъ, а къ сѣверу и востоку отдѣляются отъ матерой земли и отъ острова Дагденъ двумя проливами — Большимъ Зундомъ и Соэло-Зундомъ; западнее же ихъ берега омываются Балтійскимъ моремъ. По очертанію и геогностической формации Монъ, составляя принадлежность Эзеля, всегда раздѣлялъ всѣ судьбы его, и нынѣ образуетъ одинъ изъ эзельскихъ приходовъ. Судя по окаменѣлымъ остаткамъ разнаго рода коралловъ и зоофитовъ, которыхъ встрѣчается несмѣтное множество въ известнякѣ Эзеля, Мона, Даго

и Готланда, острова эти относятся къ другой геологической эпохѣ, нежели балтійскія побережья, которыя поднялись со дна моря гораздо ранѣе. Основную почву Эзеля составляет известнякъ, медленно отложившійся болѣе или менѣе горизонтальными слоями, опредѣленіе послѣдовательности которыхъ облегчается тѣмъ, что море служило здѣсь естественнымъ горизонтомъ. На западномъ берегу эти слои простираются въ иныхъ мѣстахъ подъ водою верстъ на 13 отъ берега и составляютъ опасные рифы.

Подъ известнякомъ лежитъ песчаникъ, далѣе глинистый сланецъ и наконецъ глина. Въ известнякѣ часто встрѣчаются желѣзосодержащіе шиферные слои. Наносная почва состоитъ изъ смѣси извести, песку, глины и чернозема, и во многихъ мѣстахъ усѣяна гранитными валунами. Юго-западная часть Эзеля въ своихъ нижнихъ пластахъ отличается особенными родами раковъ (*Eurypterus*, *Pterigotus*). Въ среднемъ-же и верхнемъ песчаникахъ находится много остатковъ рыбъ (*Conodonten*, *Cephalospiden*, *Ranoiden*, *Coelolepiden* и др.). Эти высочайшія силурійскія образованія представляютъ переходъ къ формации девонской, которая особенно рѣзко обозначается въ бассейнахъ Пернавы, гдѣ, выше богатаго кремнеземомъ пентамернаго доломита, лежитъ песчаникъ безъ окаменѣлостей; сверху и среди послѣдняго видны на небольшомъ пространствѣ, какъ въ бассейнѣ Пернавы, такъ и при Торгелѣ, верхне-силурійскій глинистый мергель (*Thonmergel*) съ *Eurypterus*, *Enerimogus punctatus*, *Calymene*, *Blumenbachii* и др. На этихъ-то образованіяхъ лежатъ настоящіе девонскіе песчаники.

Относительно формы распространенія, верхнесилурійскія образованія Лифляндіи имѣютъ вообще связь съ таковыми-же Эстляндіи, гдѣ однако нижніе пласты силуры обнажены.

Лифляндскіе силурійскіе пласты на востокѣ, въ окрестностяхъ Лайсхольма, начинаютъ повышаться и немного сѣвернѣе достигаютъ высоты 300 фут. На западъ они все болѣе и болѣе понижаются и въ Бокенгу нисходятъ до 70; далѣе-же, у морскаго берега, они достигаютъ его уровня. У береговъ Мона и Эзеля пласты эти снова появляются на высотѣ 100. Поднятіе пластовъ на материкѣ бываетъ преимущественно съ NW къ SO, а на островахъ кромѣ того и съ NO къ SW. Весьма замѣчательно на островѣ Эзелѣ возвышеніе близъ имѣнія Заль, имѣющее воронкообразное

углубленіе въ видѣ кратера; возвышеніе это эллиптической фигуры, имѣетъ 25 — 30 ф. высоты надъ окружающею мѣстностью; скаты его покрыты лиственнымъ лѣсомъ, а пересѣченная вершина составляетъ верхъ воронкообразнаго углубленія, на днѣ котораго, въ 56-ти футахъ, находится прудъ. Обружность верхняго круга обращенной воронки простирается до 930 ф., діаметръ его до 315 ф., діаметръ нижняго круга, посреди котораго находится прудъ, — 160 — 170 ф. Въ прежнія времена глубина пруда была столь велика, что Люце, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, нашелъ ее неизмѣримою; въ настоящее-же время прудъ мелокъ и лѣтомъ обыкновенно высыхаетъ. Этотъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, кратеръ представляетъ правильный конусъ, заключенный въ холмъ и имѣющій около 33 сажень въ діаметръ и болѣе 7 сажень глубины. Я самъ видѣлъ этотъ спорный кратеръ. Дорожка къ нему постепенно поднималась, огибая холмъ между крупными, высокими деревьями и прекрасными кустами. Свѣжесть и сила ихъ, также какъ и травъ и цвѣтовъ, невольно обращали на себя наше вниманіе. Такой могучей растительности мы еще нигдѣ на Эзелѣ не видали. Меня удивляли простыя обыкновенныя лиловые колокольчики: они были настоящіе колокола и несмотря на густоту лѣса и тѣни, качались сотнями, во всѣхъ направленіяхъ, на своихъ высокихъ стебляхъ.

Когда мы поднялись выше, дорожка привела насъ къ уютному мѣстечку, уже внутри конуса, гдѣ вокругъ большаго каменнаго стола стоятъ скамейки. Гора, изъ которой внутренніе камни слоями, какъ ребра, выглядывали между заросшихъ лиственнымъ лѣсомъ отдѣльныхъ камней, служить мѣстечку стѣной и защитой съ двухъ сторонъ. Тѣни много, плещь, обыкновенный нашъ комнатный, пробивается тутъ вездѣ между трещинами, и разныя другія ползучія травки растутъ привольно и доказываютъ, что климатъ здѣсь менѣе суровъ, чѣмъ у насъ подѣ Петербургомъ, иначе-бы ихъ тутъ не было въ такомъ изобиліи.

Изъ бесѣдки совершенно видно, что вся середина холма образуетъ проваль, а на днѣ его, говорятъ впрочемъ очень глубокое, озерцо, точно какъ вставленное зеркальцо, въ которомъ отражается все его окружающее. Этотъ холмъ внутри весь покрытъ очень красивою и сильною растительностію, не смотря на то, что гора вся каменная и камень слоями вездѣ

видѣнь; внизу, у самой воды, между другими меньшими, стоитъ громадное дерево, кажется, ясень, поднимая гордо верхушку выше холма.

Но что-же образовало этотъ холмъ? Вулканическихъ причинъ или послѣдствій нигдѣ нѣтъ и слѣда; этотъ вопросъ, нерѣшенный до сихъ поръ, вѣроятно долго еще будетъ спорнымъ дѣломъ ученыхъ и геологовъ; но я скажу, что всякому постороннему и не ученому человѣку — интересно и любопытно видѣть эту странную глубокую яму въ круглой каменной горѣ, гдѣ природа какъ будто отступила отъ своихъ мѣстныхъ условій, чтобы создать что-то совершенно особое и непонятное. Образование этого кратера объясняютъ весьма различно: Эйхвальдъ полагаетъ, что провалившися известковые пласты образовали углубленіе, подобно тому, какъ оно находится у Паллокюля на островѣ Дагденѣ, гдѣ пласты эти расположены въ такомъ-же порядкѣ. Вагенгеймъ приписываетъ образование его дѣйствию подземной силы вулканическаго или плутоническаго свойства. Последнее мнѣніе болѣе согласуется съ наружнымъ видомъ кратера, кругообразный видъ котораго, съ известковыми пластами, правильно понижающимися (подъ угломъ 25° — 40°) отъ внутреннихъ боковъ воронки къ наружнымъ скатамъ горы, могъ, какъ кажется, образоваться только вслѣдствіе дѣйствія подземной силы. Провала здѣсь нельзя предполагать, обвала тоже, потому что, при горизонтальныхъ слояхъ известняка на Эзелѣ, нельзя объяснить большаго, полаго кольцеобразнаго пространства вокругъ кратера и, слѣдовательно, кругообразнаго опущенія внутрь и поднятія наружу. Кроетъ того, какъ объяснить происхожденіе глубокой впадины и окружающаго ее холма? На островѣ-же нѣтъ ни гипса, ни другихъ горныхъ породъ, способствующихъ образованію кольцеобразныхъ вымоинъ или пещеръ. Объ искусственномъ укрѣпленіи, кажется, нельзя и думать: углубленіе въ 24 аршина, съ глубокимъ озеромъ внутри и незначительнымъ наружнымъ валомъ не могло служить обороною даже при дѣтскихъ понятіяхъ о военномъ искусствѣ. Остается принять, что это углубленіе произведено силами природы. Взрывъ газовъ или другая, мгновенно подѣйствовавшая причина изъ центра кратера, гдѣ теперь находится озеро, подняла концентрически слой известняка, оставила по себѣ углубленіе съ холмомъ вокругъ и разбросала обломки камней на сосѣднія поля. Вообще, говоритъ г. Вангенгеймъ фонъ-Кваленъ, зальскій кратеръ представляетъ большое сходство съ такъ-

называемыми маарами или мофеттами при Эйфелъ на лѣвомъ берегу Рейна, въ Богеміи или Оверни, описанными Эли-де-Бомономъ, Фогтомъ и Науманомъ (Lehrb. d. Geognosie. Lpzg, 1849). Фогтъ и Науманъ производятъ ихъ отъ изверженія газовъ или паровъ и называютъ „кратерами отъ взрыва“ (Crateres d'explosion). Не смотря на все это, иные не вѣрятъ возможности существованія кратера и думаютъ, что это городище, казихъ много на островѣ и о которыхъ мы скажемъ далѣе.

На силлурійской и мѣстами девонской почвѣ Эзеля добываются для продажи въ Ригу и Ревель годный для извести матеріалъ и плита. Находящаяся на южномъ его берегу каменоломни, около мызъ Кости и Пихтендаль и кирки Піа, доставляютъ хорошій плитнякъ. Известковые слои ихъ не имѣютъ большой толщины и содержатъ много окаменѣлостей, камень-же имѣетъ синеватый отливъ и кристаллическое строеніе. Внутри острова, близъ Кармеля, Клаусгольма, Пихеля, Пиделя, Каргеля, Салля и Рео, известнякъ имѣетъ бѣло-сѣроватый цвѣтъ, твердъ, содержитъ очень мало окаменѣлостей и является огромными глыбами въ нѣсколько футъ толщины. Наибольшая изъ этихъ каменоломенъ пихельская. Въ кирхшилѣ Кармель добывается известнякъ, который по сильной примѣси песку становится мягче и поэтому оказывается годнымъ не только на постройки, но и на всякія скульптурныя работы. Изъ двухъ послѣднихъ каменоломенъ вывозится по большей части камень въ другія мѣста; онъ извѣстенъ подъ названіемъ аренбургскаго. По изобилію каменоломенъ на островѣ, большая часть строеній жилыхъ и хозяйственныхъ выведена изъ камня. Аренбургскія каменоломни, конечно, не такія какъ въ Саксоніи, на Рейнѣ, Швейцаріи, и, главное, въ Финляндіи, откуда была взята Александровская колонна. Но и эзельскій камень много способствуетъ къ украшенію города и составляетъ главный предметъ торговли.

Мѣстоположеніе острововъ Лифляндіи, по крайней мѣрѣ двухъ главныхъ, Эзеля и Моона, очень сходствуетъ съ мѣстностью Эстляндіи, которой они служатъ какъ-бы продолженіемъ. Равнина, постепенно поднимающаяся къ срединѣ и образующая тамъ плоскую возвышенность (Landfiskep), составляетъ главный ея характеръ.

Южная часть Эзеля — равнина, берегъ моря — плоскій. При Аренбургѣ, Лоде, Мурратцѣ, Кости, Пига, почва низменна и можно распознать,

что суша постепенно увеличивается такъ, что не остается сомнѣнія въ томъ, что Эзель, подобно другимъ островамъ скандинавскаго побережья, медленно поднимается изъ моря. Люде говорятъ, что въ теченіе 600 лѣтъ выныли изъ подъ воды большіе участки материка. Малый Зундъ доходилъ прежде до Торни - Мегги, гдѣ теперь на нѣсколько верстъ простираются сѣнокосы и пастбища; между Кескферомъ и Гольмгофомъ было море; названія многихъ помѣстій (Oggisaag, Sikkasaag) указываютъ, что это были острова, такъ что за 1000 лѣтъ островъ Эзель не былъ конечно и въ половину величиною противу нынѣшняго. Въ теченіе столѣтія глубина моря между Даго и Эзелемъ уменьшилась на $\frac{1}{4}$ сажени; между Эзелемъ и Мономъ вмѣсто $1\frac{1}{4}$ сажени нынѣ только 1 аршинъ глубины.

На памяти старожилловъ большія суда подходили къ самому Аренсбургу, теперь онѣ останавливаются верстахъ въ 12-ти отсюда. Гейнрихъ Латышъ, въ лѣтописи своей „Chronicon Livonicum vetus“ (изд. Гансена, стр. 123), говоритъ, что подплывшіе къ Эзелю, въ 1215 году, епископы Филиппъ и Дитерихъ спаслись отъ нападеній аборигеновъ на корабляхъ своихъ въ гавани, находившейся на южномъ берегу, и, проѣхавъ отсюда водоемъ на западный берегъ, отплыли въ Готландъ. И такъ, гавань эта составила тогда проливъ, отдѣлявшій Эзель отъ нынѣшняго полуострова Сворбе. Въ настоящее время остались лишь слѣды этого пролива: на восточной сторонѣ — рѣчка Зальмъ съ мелкимъ неудобнымъ для стоянія судовъ устьемъ, а на западной — обширные луга и болота.

Къ срединѣ острова Эзеля почва возвышается и пересекающіе ее холмы соединяются наконецъ въ плоскую возвышенность, идущую отъ сѣвера къ юго-западу, а по берегу моря покрытую песчаными возвышеніями, нѣкогда составлявшими окраину моря.

Самый возвышенный изъ береговъ острова сѣверный, и на немъ особенно Панскій мысъ, поднимающійся здѣсь на 113 футовъ надъ уровнемъ моря. Берегъ здѣсь нѣсколькими правильными уступами сходитъ къ морю, которое врѣзывается въ него обширною дугою. Весь берегъ имѣетъ видъ огромнаго амфитеатра, верхнія ступени котораго покрыты тощей зеленью, а нижнія толстымъ слоемъ водорослей. За деревнею Панкъ, беретъ разомъ поднимается стофутовый холмъ, который опускается къ морю въ нависшимъ сводомъ, то отвѣсною стѣною. Обнаженный бокъ его изрытъ

глубокими впадинами и пещерами. Весь берег здѣсь состоитъ изъ граувакковаго известняка съ безчисленнымъ множествомъ энкринитовъ. Панскій Носъ состоитъ изъ горизонтальныхъ слоевъ песчанистаго известняка съ отпечатками разныхъ энкринитовыхъ стеблей и раковинъ изъ рода *Orthis*. Выше онъ переходитъ въ мергельный известнякъ съ кристалами сѣрнаго колчедана и известковаго шпата, а надъ ними лежитъ доломитовый известнякъ, весьма распространенный на этой оконечности острова, имѣющій до 15 сажень толщины и состоящій почти пополамъ изъ углекислой извести и углекислаго горькозема. Мергельный известнякъ, изобилующій наиболѣе органическими остатками, встрѣчается въ особенности близъ Гоэнгольма, а черный плотный известнякъ, состоящій только изъ огромныхъ коралловъ, близъ Пига. Вообще въ верхнемъ ярусѣ острова Эзеля академикъ Эйхвальдъ нашелъ окаменѣлости изъ родовъ: *Stromatopora*, *Philodictya*, *Aulopora*, *Lithodendron*, *Cyatophyllum*, *Calamopora*, *Catenipora*, *Harmodites*, *Sacrinula*, *Heliopora*, *Eschara*, *Escharina*, *Gorgonia*, *Retepora*, *Coenites*, *Cyclocrinites*, *Hemiosmites*, *Pentacrinus*, *Spirifer*, *Lingula*, *Conularia*.

Юго-западная часть острова, Шворбе, входитъ узкою косой въ море, простираясь въ длину на 30, а въ ширину на 3—8 верстъ. Крутой, вырѣзанный бухтами, берегъ этотъ также интересенъ въ геологическомъ отношеніи, заключаая въ бѣломъ песчаникѣ множество окаменѣлостей различнаго рода. Вдоль юго-западнаго берега Шворбе лежитъ песчаный наносъ, прерываемый дѣсистыми холмами, который, начинаясь верстъ за 8 отъ Арнсбурга и постепенно возвышаясь, простирается до самаго его окончанія.

На высотахъ острова выказываются верхніе слои, на низменныхъ же пунктахъ въ каменоломняхъ находятся флисовые слои известняка. Они имѣютъ голубоватый цвѣтъ съ тонкими переслойками сѣрой или также голубой глины, либо бѣлаго и сѣраго некристаллическаго известняка. Въ этомъ бѣломъ и сѣромъ известнякѣ, который по мѣстамъ покрываетъ кристаллическій известнякъ, чаще, нежели въ последнемъ, находится сѣрный колчеданъ. Нижніе слои известняка (при Арнсбургѣ, Лоде), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преизобилуютъ окаменѣлостями. Г. Вангенгеймъ-фонъ-Кваленъ нашелъ здѣсь: *Telebratula prunum* His, *T. cassidea* His, *T. cracostis* His, *T. didyma*, *Orthis orbicularis* Murch, *Spirifer sulcatus* His (вдвое больше шведскаго), *Sp. chama* Eichw., *Turritella attenuata* His, три рода *Asaphus*,

виды которых нельзя было опредѣлить съ точностію, но изъ которыхъ одинъ былъ, кажется, *A. laciniatus*; наконецъ *Orthis Cyatophyllum, turbinatum* и другіе зоофиты. Кажется, однако же, что большая часть коралловъ, какъ *Catenipora, labyrinthica* Goldf., *Aulopora serpens*, *Calamopora Gottlandica*, *Millepora repens* L., *Calamopora polymorpha* var. *gamosa* Goldf., *Cyatophyllum caespitosum* Goldf., рѣже встрѣчаются въ голубоватомъ, кристаллическомъ известнякѣ, чѣмъ въ покрывающемъ его, сѣроватомъ. Г. Вангенгеймъ-фонъ-Кваленъ чрезвычайно удивлялся множеству трахитовъ, особенно въ баменоломныхъ при Касти, недалеко отъ морскаго берега, и въ Пига. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно велики; обломки въ 1 футъ длиною и въ 1½ дюйма толщиною не рѣдки. Позже онъ нашелъ пятиугольные трахиты: *Cyathocrinus rugosus* Goldf., *C. pentagonus* Goldf. такой же огромной величины. Эти нижніе слои известняка на южномъ берегу г. Вангенгеймъ-фонъ-Кваленъ считаетъ верхними слоями флисового известняка или мурчисоновой верхней плитой.

Выше при Кармель, Клаусгольмъ, Церель, Кергель, Заль, Ра и проч. является новая комбинація слоевъ известняка, образующихъ верхнее отложеніе. Этотъ верхній известнякъ сѣроватаго цвѣта, плотный, твердый, часто въ огромныхъ флесахъ или слояхъ толщиною въ футъ, бѣдые окаменѣlostями нижняго кристаллическаго флисового известняка. Большіе энкриниты здѣсь исчезаютъ, кораллы также встрѣчаются рѣже; иногда попадаются *Cyath. turb.*, остатки *Orthis*; особенно же характеризуютъ эти верхніе слои неясные остатки брюхоногихъ, *Cerithium* или *Turbo* и *Emphalus*. Породы *Azarhus* также совершенно исчезаютъ.

При низѣ Падель г. Вангенгеймъ-фонъ-Кваленъ нашелъ въ каменной изгороди *Orthoceratites rug.* Въ Клаусгольскихъ ломкахъ известнякъ содержитъ въ себѣ болѣе песку; окаменѣlostей въ немъ нѣтъ вовсе; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ покрытъ твердымъ известковымъ шиферомъ, въ которомъ снова часто попадаютъ остатки брюхоногихъ.

На сѣверо-восточной части острова лежитъ Килькондская бухта, на сѣверномъ берегу Таггалахтская, несравненно болѣе удобная, къ сѣверу отъ Шворбе — Церельская, нынѣ очень обмелѣвшая. Эзель, на всемъ протяжении береговъ своихъ, окруженъ отмелями, а во многихъ мѣстахъ и

опасными рифами и банками. На сѣверномъ берегу встрѣчаются мѣста, гдѣ кораблямъ можно близко подходить къ берегу; отъ Гарилайда же отмель и банки простираются далеко въ море и опоясываютъ широкую полосу весь западный берегъ до полуострова Шворбе; это пространство считается однимъ изъ самыхъ опасныхъ въ Балтійскомъ морѣ, что подтверждается часто происходящими здѣсь кораблекрушеніями. Около полуострова Шворбе ширина отмели значительно уменьшается, такъ что на восточной его сторонѣ корабли могутъ найти убѣжище отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ; по всему же южному берегу она опять увеличивается и не допускаетъ суда ближе 10 верстъ и болѣе.

Эзель изобилуетъ и нынѣ озерами и болотами, а въ старину ихъ было гораздо болѣе. Всѣхъ озеръ въ разныхъ мѣстахъ острова разбросано 8 большихъ и 14 — малыхъ; изъ нѣкоторыхъ выходятъ рѣчки и вливаются потомъ въ море. Самое большое изъ этихъ озеръ, извѣстное подъ именемъ *Большой Викъ*, лежитъ на южномъ берегу, въ 7-ми верстахъ отъ города Аренсбурга; оно поддерживается притокомъ съ сѣверной стороны нѣсколькихъ рѣчекъ, а выходящая изъ него рѣчка *Насва*, удобная къ ходу мелкихъ судовъ, впадаетъ въ аренбургскій рейдъ, или такъ называемое мѣсто „большую - котловину“. На восточной сторонѣ находится озеро *Коймское*, среди обширнаго болота; къ сѣверо - западу — озеро *Мерри*, получающее воду свою слияніемъ четырехъ малыхъ озеръ и нѣсколькихъ рѣчекъ и соединенное двумя истоками съ моремъ. Длина всѣхъ этихъ озеръ — отъ 2-хъ до 4-хъ, а ширина — отъ 1-й до 3-хъ верстъ.

Изъ острововъ Лифляндіи одинъ только островъ Эзель заключаетъ въ себѣ рѣчки, заслуживающія нѣкотораго вниманія, хотя длина ихъ не превосходитъ 12—15 верстъ и многія совершенно почти высыхаютъ лѣтомъ. Въ другихъ же островахъ имѣются только маленькіе ручьи.

Плоская возвышенность острова Эзеля, которая тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, раздѣляетъ воды, изливающіяся въ Рижскій заливъ, отъ текущихъ на сѣверъ, въ проливъ Зундъ и Балтійское море.

Всѣхъ рѣчекъ на Эзелѣ насчитывается до 50. Важнѣйшія изъ нихъ, кромя рѣки *Насвы*, *Зальмская* рѣчка, на сѣверномъ концѣ сворбскаго полуострова; *Педдустъ*, протекающая мимо города Аренсбурга; *Мева*, составляющая притокъ озера Мерри; *Кужемойская*, *Кергельская* и *Пагна*.

Послѣдняя имѣеть протяженія — 15, прочія — отъ 2-хъ до 9-ти верстъ. Замѣчательна наконецъ рѣчка *Вартса*, на сѣверо-западной окраинѣ острова, которая, истекая изъ круглой, наполненной водою котловины, исчезаетъ подъ землей, противъ мысы Бидимецъ, и потомъ, являясь опять наружу, впадаетъ въ море; длина ея, отъ истока до устья, не болѣе 7-ми верстъ.

Эзель содержитъ въ себѣ менѣе низменныхъ пространствъ и болотъ, чѣмъ прочія части Лифляндіи; наиболѣе замѣчательныя по величинѣ болота суть: *Суръ-Самликъ-Соо*, въ восточной части, и *Кейзеръ Самликъ-Соо*, почти въ центрѣ острова; первое содержитъ болѣе 30, а съ принадлежащими къ нему вѣтвями, *Марья-Соо* и другими — 45 квад. вер.; посреди его находится озеро *Койксъ*, изъ котораго проведены каналы къ Малому Зунду и въ *Ервстальское* озеро; *Кейзеръ-Самликъ-Соо* занимаетъ до 32 квад. вер., и соединено каналами съ рѣчками *Пагна* и *Тензо*. Къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, между мысами *Мецкюль*, *Охтъасъ* и *Эйкюль*, лежитъ группа довольно большихъ болотъ: *Пелли*, *Рабба* и другія. Въ средней части полуострова Шворбе встрѣчаются значительныя болота.

Условія растительности заключаются въ болѣе или менѣе толстыхъ слояхъ глинозема и песчаной розсыпи, которыми, попеременно, покрыта вся поверхность Эзеля. На сѣверо-западѣ почва достигаетъ по лощинамъ особенной плодородности, такъ что въ нихъ урожай пшеницы бываетъ самъ - 13 и болѣе. Земля имѣеть достаточную для обработки глубину; мѣстами лишь, близъ западныхъ береговъ, распашка иногда затрудняется каменистымъ грунтомъ и необыкновеннымъ множествомъ валуновъ. Эзель производитъ вообще всѣ хлѣбныя растенія, которыя родятся въ прибалтійскомъ краѣ. По изобилію прѣсныхъ водъ, близости моря и присутствію мергеля въ почвѣ, онъ отличается питательностью своихъ луговъ и обиліемъ сѣнокосовъ.

Древесная растительность не представляетъ замѣчательной разницы противъ матерой земли; кажется, однакожь, что почва особенно удобна къ произрастенію лиственнаго лѣса, который встрѣчается весьма часто. Флора Эзеля, по замѣчаніямъ натуралистовъ, имѣеть вообще характеръ горный, и несравненно болѣе разнообразна, чѣмъ флора сосѣдняго материка. Между разными породами деревьевъ, первое мѣсто принадлежитъ ясени,

это дерево въ большомъ числѣ распространено повсюду, такъ - что на туземномъ языкѣ оно имѣетъ даже одно и тоже названіе, какъ и самый островъ. Дубъ также встрѣчается вездѣ и достигаетъ необыкновенной красоты и старости; на восточной части острова находятся не малозначительныя дубовыя рощи, подвѣдомственныя департаменту корабельныхъ лѣсовъ. Кромѣ дуба и ясени, на Эзелѣ рождаются всѣ вообще деревья, свойственныя сосѣднему материку, какъ-то: ильмъ, сосна, ель, береза, ольха, осина, кленъ, липа, ива и дикорастущая яблоня. Всѣ эти деревья обыкновенно растутъ рощами, которыя, по богатству и разнообразію эзельской флоры и по множеству широколистныхъ кустарниковъ, образуютъ, особенно по берегамъ многихъ заливовъ, истинно-живописныя мѣстоположенія.

II. Названіе.

Эзель, въ старину называвшійся у русскихъ *Островскою землею*, по шведски значитъ „островъ - рѣшето“, и конечно не напрасно дано было это названіе острову, гдѣ и теперь еще много малыхъ озеръ и болотъ, а въ старину было гораздо болѣе, такъ что вся почва была какъ бы пробурвана ими и дѣйствительно должна была походить на рѣшето. Первое населеніе вѣроятно перешло сюда изъ Курляндіи, на что указываетъ и народное названіе острова „*Kura-saar*“, позже передѣланное въ „*Kurre-saar*“, — журавлиный островъ, и подавшее поводъ къ составленію герба съ изображеніемъ этой птицы, который былъ на монетахъ герцога-епископа эзельскаго Магнуса (1565 г.) и теперь употребляется на печати здѣшнимъ ландгерихтомъ.

Названія „Эзель“ нельзя произвести ни отъ „oesa“ и „allo“ (что значитъ „ночлегъ“), какъ объяснено въ Этимологіи П. фонъ-Буксгевдена, ни отъ „Inselieb“ (отъ „oe“ и „sel“ на шведскомъ языкѣ — по объясненію Люце). Такъ же мало имѣетъ это названіе общаго съ именами „*Basilia*“, „*Baltia*“, „*Abalus*“⁽¹⁾, которыя приводятъ нѣкоторые историки древности,

(1) Что такъ названныя мѣста дѣйствительно находятся въ водахъ сѣвернаго моря, ясно доказывается С. Нильсомъ въ книгѣ «Первобытные обитатели Скандинавскаго сѣвера».

желая показать этимъ обиліе янтара на морскомъ побережьи. На исландскомъ нарѣчій Эзелъ называется „Эйзиссель“ („ey“ = островъ и „sýsla“ — округъ, волостное правленіе = provincia) и означаетъ не только собственно островъ Эзелъ, но и всё относящіяся къ нему владѣнія.

Въ этомъ значеніи встрѣчается слово „Эйзиссель“ и въ старинныхъ исландскихъ сагахъ и даже сами хроники, вслѣдствіе отсутствія болѣе точныхъ географическихъ свѣдѣній по этому предмету, часто смѣшиваютъ эти имена (Эзелъ и Эзелцы), употребляя ихъ очевидно въ болѣе обширномъ смыслѣ. Къ этимъ владѣніямъ причисляются, кромѣ Эзеля, Мона и Дагена, всё мелкіе прилежащія острова, а также на материкѣ (Викъ) — приблизительно гансальскій округъ. По Генриху Латышу (XIX, 3) роталинцы считаютъ эстовъ эзелскихъ не только своими земляками, но даже именами тѣми, которые, потерпѣвши значительное пораженіе на Двинѣ, повредили тѣмъ своей общей выгодѣ. Такимъ образомъ дурной исходъ предпринятой эзелцами экспедиціи принудилъ ихъ свои завоеванія на материкѣ прекратить; вотъ какъ говоритъ объ этомъ лѣтописецъ: „Услышавъ отъ роталинцевъ о намѣреніи ливовъ напасть на нихъ (эстовъ), и сверхъ того узнавъ о быствѣ своихъ соотечественниковъ съ Двины, они и сами бѣжали“.

Связь вышепоименованныхъ острововъ съ Викомъ достаточно выясняется изъ многочисленныхъ источниковъ, но еще яснѣе видна изъ сочиненія Ширра: „25 матеріаловъ къ исторіи Лифляндіи въ XIII ст. Дерптъ. 1866“. Онъ говоритъ: „Въ 1228 году король Генрихъ вводитъ епископа эзелскаго во владѣніе пятью приходами на Эзелѣ и семью на Викѣ, вблизи пустыннаго острова Дагена, а также всеми извѣстными близлежащими островами“. Такъ какъ эти 5 эзелскихъ приходовъ, навѣрное, принадлежатъ къ древнеязыческимъ, то, очевидно, мы можемъ утверждать, что подъ этими семью приходами Вика подразумѣвается на материкѣ область эзелская (эйзисельская), въ настоящее время занимающая такое-же пространство, какъ и во времена язычества.

Въ настоящее время число жителей Эзеля, Мона и Дагена простирается, насколько мы могли узнать, до 69,000, но если прибавить къ этому числу населеніе острововъ Вормсъ, Нукъ, Одингольма и др., то цифра эта дойдетъ до 80,000. Сюда же нужно присоединить населеніе Вика, равняющееся приблизительно тому-же числу. Согласившись съ этимъ числомъ,

намъ остается только удивляться военнымъ силамъ эзелцевъ, и мы будемъ принуждены представить себѣ болѣе плотное населеніе ихъ и такую степень благоустройства, какой нельзя вообразить при взглядѣ на настоящее ихъ положеніе.

Сами эсты, для обозначенія земли своей и племени своего, особаго имени не имѣютъ. Островъ свой, какъ вѣроятно поступала и большая часть народовъ первобытныхъ, называютъ они на языкѣ своемъ „*meie maa*“ (наша земля), а самихъ себя *maa rahwas*; въ единственномъ числѣ эсть зоветъ себя „*maa mees*“ (мужемъ земли), или „*tallo poeg*“ (сыномъ земли). Названіе эстовъ, встрѣчающееся подъ формою *Aestii* еще у древнѣйшихъ римскихъ писателей, дано имъ неизвѣстно кѣмъ; ближайшіе сосѣди эстовъ — латыши называютъ ихъ по своему „*iggaits*“ — изгнанники, вѣроятно потому, что латыши нѣкогда выгнѣсили ихъ изъ болѣе южныхъ краевъ, которые сами же и заняли.

Фамильныхъ именъ эсты до послѣдняго времени также не имѣли, называясь одними личными именами, заимствованными изъ христіанскаго календаря, или древними языческими, напримѣръ: Абрагамъ, Ягубъ, Янъ, Петеръ, Юрри, Анцъ, Мацъ, Маддисъ, Тенне, Таниель, Марри, Лена, Лизо, Мило, Пило, Елло, Тіо, Май, Кай, Трино и т. п. А чтобы можно было различить одного Анца или Маца отъ другихъ и третьяго того же имени, прозывались они и продолжаютъ прозываться по названію тѣхъ мѣстностей, гдѣ живутъ, напримѣръ: Таммикъ-Анцъ — „Анцъ-Таммикскій“, живущій въ лѣсу Таммиеъ; Алликлепе-Мацъ — „Мацъ-Алликлепскій“, живущій на мызѣ Алликлепе. Фамильныя прозвища присвоены эстамъ только со времени уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, когда каждый долженъ былъ избрать себѣ такое прозвище при помощи ученыхъ помѣщиковъ и пасторовъ мѣстныхъ. Между эстами теперь встрѣчаются фамиліи *Веспасіановъ*, *Домиціановъ* и другія греческія и римскія.

III. Историческій очеркъ. Время владычества надъ островомъ Эзелемъ епископства и ордена, датскаго, шведскаго и русскаго.

Выгодное географическое положеніе и природныя преимущества Эзеля, съ незапамятныхъ временъ, породили въ населявшихъ его эстахъ сильную привязанность къ родной землѣ и особенную настойчивость въ защищеніи ея, возбуждая въ тоже время зависть сосѣднихъ владѣтелей, предпринимавшихъ неоднократно на нее набѣги, исторически извѣстные съ начала XIII столѣтія. Эти причины, къ которымъ должно присовокупить дикое язычество островитянъ и наклонность ихъ къ морскому разбойничеству, объясняютъ кратковременное утвержденіе на Эзелѣ шведовъ и датчанъ, продолжительную устойчивость кореннаго населенія противъ натиска крестоносцевъ и большой запасъ военной силы, требовавшейся на совершенное его покореніе.

Эзельцы издавна считали врагами своими нѣмцевъ, сивившихся поборить Лифляндію, но война съ ними ограничивалась частными спорами, пока наконецъ въ 1202 году произошла настоящая морская битва. Епископъ Альбертъ, на пути изъ Лифляндіи, встрѣтилъ 16 эзельскихъ кораблей, возвращавшихся съ разбоя. Но какъ эзельцы увѣрили епископа, что они заключили миръ съ рижскими нѣмцами, то имъ и позволено было продолжать путь. Нѣмцы возвратились въ Визби, — черезъ нѣсколько дней пришелъ туда и эзельскій флотъ. Тогда пилигримы, огорченные мирнымъ обращеніемъ готландскихъ христіанъ съ язычниками, просили епископа, чтобы онъ позволилъ имъ истреблять ихъ „ради отпущенія грѣховъ“. Сопротивленіе было упорно, но сила превозмогла; добычею нагрузили два эзельскихъ корабля и воспѣли *Te Deum*.

Въ 1205 году Вольдемаръ, король датскій, отищая эзельцагъ за разбой, собралъ многочисленное войско и съ архіепископомъ Андреемъ-Дугденскимъ, сдѣлавъ высадку на берегъ, срубилъ на Эзелѣ городокъ; но вско его не посмѣло сразиться съ эзельцами: Вольдемаръ сжегъ городокъ и возвратился домой.

Въ Дагденскомъ Зундѣ, при Села, остались слѣды этого городка: валъ съ тремя бастіонами; четвертаго, къ гавани, недостаетъ. Мѣсто это и доселѣ называется „*Wanna linn*“ (старый замокъ).

Въ 1210 году эзельцы, изъ ненависти къ новообращеннымъ христіанамъ, опустошили Лифляндію и возвратились съ множествомъ плѣнныхъ. Вскорѣ потомъ они сдѣлали новое нападеніе, жгли деревни, угоняли скотъ, но къ нѣмцамъ прибыла помощь изъ Риги. Эзельцы были разбиты, лишлись 300 кораблей, кромѣ малыхъ судовъ, и всѣхъ своихъ ваннемовъ, взятыхъ въ плѣнъ или разбѣжавшихся по лѣсамъ.

Едва оправившись эзельцы отъ страшной потери, какъ въ 1214 году рѣшились осадить Ригу и явились туда съ множествомъ большихъ и малыхъ судовъ. Малыя суда, наполнивъ камнями, они потопили въ устьѣ Двины, и затѣмъ приступили къ городу, но были отбиты и преслѣдованы водою и сухимъ путемъ.

Вскорѣ затѣмъ девять кораблей, шедшихъ изъ Риги въ Германію, были противнымъ вѣтромъ занесены въ эзельскую гавань. Эзельцы думали, что на одномъ изъ нихъ находится епископъ. Съ моря и съ сухаго пути спѣшили эзельцы вѣстѣ съ вѣстами твердой земли противъ общаго врага. Они думали запрудить гавань и забрать въ плѣнъ нѣмцевъ. Три горящихъ брандера были направлены на корабли, которые были связаны между собою для лучшей защиты, и тѣмъ болѣе подвергались опасности отъ огня. Но вѣтеръ перемѣнился и брандеры прошли мимо. Нѣмецкіе корабли были однако окружены непріятелями, которые бросали въ нихъ копыя, камни и стрѣлы. Тогда нѣмцы рѣшились на отчаянное средство: развязали корабли, подняли якорь и посреди непріятелей достигли открытаго моря. Обманувшись въ надеждахъ, эзельцы перессорились съ жителями твердой земли и разсѣялись.

Ожидая непрерывно нападенія нѣмцевъ и увѣренные, что нападеніе можетъ произойти только зимою, — такъ какъ эзельцы превосходили нѣмцевъ числомъ кораблей, и высадка на берегъ вездѣ представляла большую трудность, — островитяне выстроили на берегу, куда идетъ зимняя дорога съ материка, крѣпость. Она находилась на полукругломъ холмѣ у Малаго Зунда и состояла изъ башни, окруженной палисадомъ. Мѣсто это донинѣ называется Топні шаеггі (башенная гора), а самая крѣпость называлась Моне.

Опасенія эзельцевъ сбылись: въ 1214 году непріятель перешелъ по льду на Эзель, миновалъ крѣпость, ограбилъ, выжегъ селенія и забралъ

въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, но скоро возвратился домой, ибо наступилъ холода и опомнившіеся островитяне готовились дать отпоръ.

Въ отмщеніе эзельцы слѣдующею весною переправились на твердую землю къ новообращеннымъ латышамъ и заплатили имъ грабежомъ за грабежъ.

Въ томъ же 1215 году эзельцы, вмѣстѣ съ русскими и гарришскими эстами, осадили замокъ Оденне (Медвѣжьёу Голову), который и сдали нѣмцами на капитуляцію.

Въ 1216 году эзельцы опустошили Метсепеле, но были прогнаны съ урономъ.

Въ 1217 году они вмѣстѣ съ русскими хотѣли воевать съ нѣмцами; но какъ союзъ не удался, то отправились на корабляхъ къ Ригѣ, въ двинскихъ островахъ взяли нѣкоторыхъ жителей въ плѣнъ и ограбили, что могли.

Въ 1218 году эзельцы ворвались въ Гервенъ, опустошили его огнемъ и мечемъ; но нѣмцы въ союзъ съ ливами и латышами разбили ихъ; преслѣдуя, многихъ убили и отняли добычу.

Въ 1219 году эзельцы осадили шведовъ въ замкѣ Леаль, шведы сдѣлали вылазку, но были побиты вмѣстѣ съ герцогомъ Карломъ, кроми немногихъ, убѣжавшихъ въ Ревель.

Ободренные этой побѣдой, они вскорѣ потомъ съ большимъ войскомъ осадили Ревель, уничтожили всѣ вылазки датчанъ, и вѣроятно взяли бы городъ, но увидѣвъ приближеніе четырехъ кораблей, подумали, что король датскій идетъ съ новыми силами, и потому поспѣшили возвратиться домой.

Въ 1221 году король датскій Вольдемаръ II съ сильнымъ войскомъ прибылъ на Эзель и выстроилъ здѣсь каменный замокъ, но, не окончивъ его внутренней отдѣлки, снялъ осаду и ушелъ во-свои. Изъ этого замка датчане нѣсколько разъ дѣлали удачныя нападенія на жителей. Тогда эзельцы съ цѣлаго острова явились предъ замкомъ и начали разбивать его 17-ю осадными орудіями, изъ которыхъ бросали огромные камни, причинившіе много вреда зданію, такъ какъ неоконченный замокъ представлялъ мало средствъ къ оборонѣ. Наконецъ сами эзельцы предложили датчанамъ миръ и свободное отступленіе. Условіе было принято; оставивъ семерыхъ заложниковъ, и въ томъ числѣ епископа Дитериха, датчане возвратились

въ Ревель. Новый замокъ разрушенъ такъ, что не осталось камня на камнѣ.

Эзельцы думали уже, что соединенными силами можно будетъ совершенно вытѣснить датчанъ и нѣмцевъ; убили нѣсколько датчанъ и священниковъ въ замкѣ Вирболе, послали нарочныхъ и въ Вирландъ, съ предложеніемъ сдѣлать то же; но жители здѣсь не убивали духовныхъ, а только предложили имъ удалиться.

Вскорѣ эзельцы съ другими эстами отправились къ Ревелю и участвовали въ долговременной осадѣ этого города, кончившейся тѣмъ, что осажденные сдѣлали сильную вылазку, а осаждающіе бѣжали.

Въ 1222 году русскіе съ эстами и эзельцами приступили къ Ревелю, но вскорѣ, не кончивъ осады, бѣжали.

Въ томъ-же году нѣмцы взяли Юрьевъ. Эсты потеряли всякую бодрость, эзельцы также послали подарки въ Ригу и просили мира; епископъ Дитерихъ, находившійся въ плѣну заложникомъ, былъ отпущенъ. Когда потомъ епископъ изъ Модены прибылъ въ Лифляндію, эзельцы просили его заступничества у датчанъ. Но какъ епископъ на пути видѣлъ разбойничьи суда эзельцевъ, возвращавшихся изъ Швеціи, то предпочелъ отправиться въ Готландъ и возбудить тамошнихъ жителей въ походъ противъ эзельцевъ. Предложеніе было принято, но не готландцами, а проживавшими тамъ нѣмецкими купцами.

Наконецъ Альберту фонъ - Буесгевдену, третьему изъ ливонскихъ епископовъ, предоставлено было окончательно побѣдить эзельцевъ и обратить ихъ къ христіанству.

Альбертъ, прелать умный и честолюбивый, вскорѣ убѣдился, что, не смотря на первоначальные успѣхи, владычество его надъ краемъ непрочное и что необходимы болѣе надежныя и положительныя средства, и ихъ-то нашелъ онъ въ двухъ весьма важныхъ мѣрахъ: въ раздачѣ завоеванныхъ земель нѣмецкимъ крестоносцамъ въ видѣ леновъ и въ учрежденіи рыцарскаго ордена.

Когда первый энтузіазмъ европейцевъ къ крестовымъ походамъ въ Палестину охладѣлъ, нашлось много крестоносцевъ, предпочитавшихъ войну противъ европейскихъ язычниковъ отдаленнымъ походамъ въ Азію, тѣмъ болѣе, что папы, а въ особенности Иннокентій III, покровительствовали

этому. Такимъ образомъ, ливонскіе епископы всегда находили воиновъ для своихъ предпріятій, но крестоносцы эти, отслуживъ въ Ливоніи годовое орокъ, возвращались обыкновенно на родину, оставляя пріобрѣтенный край, до прибытія новой дружины, беззащитнымъ. Дабы удержать ихъ, Альбертъ началъ раздавать завоеванныя земли на ленномъ правѣ, съ обязанностию отправлять военную службу.

Въ то же время Альбертъ убѣдилъ Иннокентія III въ необходимости основать орденъ для исключительныхъ дѣйствій противъ ливонскихъ язычниковъ, влѣдствіе чего уже въ 1202 году (а по другимъ въ 1204) былъ учрежденъ рыцарскій орденъ братьевъ войска Христова (*fratres militiae Christi*), рыцарей Христа (*Christritter*), рыцарей Бога (*Gottesritter*), рыцарей меча (*Schwerdritter*) или меченосцевъ (*Gladiferi, Schwerdtträger, Porteglaeves*). Особою папскою буллою было предписано новому ордену признать надъ собою верховную власть рижскаго епископа и принять уставъ рыцарей храма (Тамплиеровъ), а также и одежду ихъ, съ тою только разницею, что на бѣлой мантии, вмѣсто одного краснаго креста, долженъ былъ быть изображенъ красный мечъ подъ малымъ крестомъ того же цвѣта. Рыцарь Винно-фонъ-Рорбахъ былъ назначенъ магистромъ новаго ордена, который получилъ третью часть завоеванныхъ земель, съ правомъ на такую же часть земель, которыя были бы завоеваны впоследствии; другія двѣ трети вѣхъ земель оставались въ пользу церкви, т. е. епископа. Винно основалъ г. Венденъ, сдѣлавшійся резиденціею гротемейстеровъ.

Надо сказать, что Ливоніей называлась тогда вся обширная мѣстность, которую теперь составляютъ лифляндская, курляндская и эстляндская губерніи. Въ началѣ X вѣка Ливонія была уже извѣстна русскимъ, которые при Владимірѣ Великомъ брали съ нея дань, а великій князь Ярославъ Владиміровичъ, во святомъ крещеніи Георгій или Юрій, обратилъ особенное вниманіе на Ливонію, и основалъ въ 1030 году городъ Юрьевъ, впоследствии Дерптъ. Въ XII вѣкѣ вся восточная часть Ливоніи была данницею князя Полоцкаго. У него были на Двинѣ свои крѣпости. Но междоусобныя войны русскихъ удѣльныхъ князей лишили наконецъ Россію этой страны и нечаянный случай познакомилъ съ нею нѣмцевъ. Въ 1138 году нѣсколько бременскихъ купцовъ, ѣхавшихъ въ г. Висбю, были занесены бурей въ устье Западной Двины; ихъ встрѣтили какъ враговъ,

но, какъ болѣе образованные и хорошо вооруженные, они отбили туземцевъ и заключили съ ними миръ на выгодныхъ условіяхъ, выговоривъ себѣ право производить свободную торговлю. Возвратившись восвояси, эти купцы-бременцы возбудили тогда же въ нѣкоторыхъ духовныхъ нѣмецкихъ рыцаряхъ желаніе обратить туземцевъ въ римско-католической церкви и завоевать страну.

Общее мнѣніе полагаетъ, что западъ первоначально ввелъ христіанство въ Ливонію, но это совершенно несправедливо; доказательства противнаго находятся въ извѣстныхъ историческихъ памятникахъ, тѣмъ болѣе важныхъ, что они принадлежатъ западу, а не востоку. По ливонской лѣтописи Генриха Латыша, воспитаннаго на западѣ, секретаря и панегириста епископа Альберта, извѣстно, что священникъ Альбрантъ былъ посланъ съ рыцарями и дружиной въ Ливонію, съ предложеніемъ народу принять святое крещеніе, что народъ ливонскій бросилъ жребій, и спрашивалъ у своихъ боговъ, которая вѣра лучшая—псковская или латинская. Народъ, очевидно, предпочиталъ псковскую, то есть православную, и только изъ страха принималъ крещеніе отъ западнаго духовенства. Изъ словъ лѣтописца ясно, что до появленія креста и меча западнаго нѣмецкаго рыцарства въ этой обширной мѣстности, уже въ ней были христіане въ значительномъ числѣ, и что пастыри православія исполняли свое дѣло въ отношеніи къ язычникамъ въ духѣ евангельскомъ, проповѣдывали крещеніе словами мира и любви, и совершали его только надъ желающими принять его.

Русскіе долго это помнили. Царь Іоаннъ Грозный писалъ Фридриху II, королю датскому: „великій князь Георгій Владиміровичъ, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ тамъ церкви православныя и обложилъ всю землю данью“ (Карамзинъ, Ист. Рос. Рос. т. VIII, стр. 292).

Рыцари ливонскаго ордена вели ожесточенную войну со всѣмъ этимъ побережьемъ; кромѣ ихъ, датчане, шведы и русскіе по очереди отнимали другъ у друга города, крѣпости и цѣлыя области. Въмѣстѣ съ военными дѣйствіями распространялось и христіанское ученіе. Съ разрѣшенія папы, Альбертъ учредилъ, въ зависимости отъ епископства рижскаго, другія епископства: 1) леальское, потерявшее однакожь чрезъ нѣсколько лѣтъ свою самостоятельность и соединившееся сперва съ дерптскимъ, а потомъ съ эзельскимъ; 2) дерптское, 3) эзельское въ Галсалѣ.

По учрежденіи въ 1219 году въ замѣкъ Леаль (напротивъ Эзеля, на твердой землѣ, въ нынѣшнемъ вискомѣ округѣ эстляндской губерніи) епископства, Альбертъ, при содѣйствіи папскаго легата, епископа Вильгельма моденскаго и магистра ордена меча Волкина, составивъ изъ рыцарей меча, крестоносцевъ, гражданъ города Риги, разныхъ вассаловъ и новообращенныхъ леговъ, ливовъ и эстовъ полчище въ количествѣ 20,000 человекъ, самъ двинулся въ походъ въ началѣ февраля 1227 года, перешелъ по льду на Эзель, прямо къ замку Моне. Осажденные, послѣ долгой и храброй защиты, прислали наконецъ просить мира и крещенія. Епископъ согласился потребовать заложниковъ. Крѣпости Моне и Вольде сдались, а эзельцевъ начали крестить. Идолы ихъ, особенно Терапутте, были ниспровергнуты, разбросаны, островъ присоединенъ къ составу епископства леальскаго, съ полнымъ подчиненіемъ тамошнему епископу Готфриду. Леальскіе епископы, съ 1290 года, приняли на себя и названіе эзельскихъ.

Самобытное существованіе эзельцевъ прекратилось уже навсегда. Въ теченіе перваго столѣтія покоренія ихъ они неоднократно отпадали отъ христіанства и возставали противъ побѣдителей своихъ; но каждый разъ огнемъ и мечемъ были обращаемы къ покорности. Между тѣмъ, военно-духовное братство рыцарей тевтонскаго ордена (въ составъ котораго въ 1237 году вошелъ и орденъ меченосцевъ), получивъ отъ епископовъ, въ видѣ лена, значительную часть острова, успѣло утвердиться окончательно въ своихъ владѣніяхъ. Гражданамъ рижскимъ, въ награду за оказанную ими помощь при завоеваніи Эзеля, по первоначальному раздѣлу (1231 года), также досталась часть его, именно сворбскій полуостровъ, но они скоро затѣмъ уступили свою долю епископамъ.

Новая область эзельская подчинялась въ іерархическомъ отношеніи рижскому архіепископу и папѣ, состоя по дѣламъ ордена подъ зависимою магистра ливонскаго и подъ верховнымъ покровительствомъ великаго магистра тевтонскаго и римскаго императора. Буллою 14-го мая 1237 года, папа Григорій IX утвердилъ соединеніе орденовъ на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: 1) орденъ тевтонскій вступаетъ во владѣніе землями, принадлежащими меченосцамъ; 2) въ Ливоніи орденъ признаетъ себя вассаломъ мѣстныхъ епископовъ; 3) часть Эстляндіи, отнятая у датчанъ, имъ возвращается. По соединеніи орденовъ, часть Ливоніи, принадлежав-

шая меченосцаѣ, переименовалась въ провинцію Тевтонскаго ордена и получила устройство одинаковое съ прочими провинціями его, которыхъ до того было три: Сицилія, Германія и Пруссія; каждая изъ нихъ состояла подъ управленіемъ особаго провинціального магистра; въ Пруссіи же мѣсто это занималъ самъ гофмейстеръ. Магистры ливонскіе стали именоваться магистрами Тевтонскаго ордена въ Ливоніи (*Magister ordinis Theutonici per Livoniam.*, *Meister des deutschen Ordens in Livland*), а въ послѣдствіи гермейстерами.

Отношенія Тевтонскаго ордена съ мѣстными епископамъ въ Ливоніи были не таковы, какъ въ Пруссіи, гдѣ орденъ былъ независимъ отъ духовной власти, а епископы были даже ему подчинены въ гражданскомъ управленіи; въ Ливоніи-же, на основаніи папской буллы, орденъ долженъ былъ признавать надъ собою власть епископовъ и получалъ отъ нихъ земли въ видѣ лена. Эти-то отношенія и были причиною продолжительныхъ раздоровъ между орденомъ и рижскимъ архіепископомъ и эзельскими епископами.

Возникшіе съ самаго начала раздоры братьевъ ордена съ вассалами епископа (такъ называемыя рыцарствомъ штифта, то есть епископства) и попытки королей датскихъ возстановить владычество свое на островѣ, прекращены были на время заключенными въ 1238 году договорами. Король датскій Вольдемаръ призналъ Эзель, со включеніемъ территоріи леальскаго епископства, самобытнимъ владѣніемъ, присвоивъ себѣ однакожъ верховную надъ ними власть. Договоръ, заключенный рыцарями съ епископомъ, ближе опредѣлялъ обоюдныя ихъ владѣнія.

Хотя Данія въ послѣдствіи отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла эзельскія, особою грамотою, утвержденною въ 1251 году королемъ Авелемъ; но епископы и рыцарство, во все продолженіе самостоятельнаго существованія Эзеля, неоднократно выпрашивали у королей датскихъ утвержденія и объявленія своихъ привилегій, и наконецъ попали совершенно подъ владычество Даніи.

Внутреннее состояніе Эзеля и всей Лифляндіи въ эту эпоху было такое-же, какъ и во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ господствовало феодальное право. Дворяне и духовенство владѣли землею и были полные властители надъ обитавшими въ ней туземцами. Горожане занимались торговлею, богатѣли и пользовались своими льготами. Одни крестьяне не

имѣли правъ и переносили все тягости рабства. Бѣдственное положеніе ихъ произвело наконецъ возстаніе: населеніе острова Эзеля и датской части Эстляндіи взялось за оружіе, и въ 1341 году загорѣлась крестьянская война, не долговременная, но жестокая. Епископъ эзельскій Германъ Оснабрюгскій, подавивъ при помощи ордена это возстаніе, въ 1341 году заставилъ эзельцевъ, въ наказаніе за возмущеніе, построить на южномъ берегу острова замокъ Аренсбургъ. По построеніи этого замка, въ епископахъ обнаруживается стремленіе округлять свои владѣнія около Аренсбурга, а отсюда должны были возобновляться прежніе раздоры ихъ съ орденомъ. Къ тому же двойственность авторитетовъ, между которыми раздѣлялась власть на Эзелѣ, обнаруживаясь главнымъ образомъ при выборѣ епископа, порождала и поддерживала внутреннее безпокойство и разединеніе партій.

Одновременное возстаніе двухъ и болѣе соискателей епископскаго сана начинается уже съ 1423 года, повторяясь внослѣдствіи нѣсколько разъ. Первымъ такимъ претендентомъ былъ монахъ Христіанъ Кубандъ, посвященный въ епископы папой Мартиномъ V въ 1423 году, послѣ избранія мѣстнымъ эзельскимъ капитуломъ каноника Іоанна Шютте: послѣднему удалось, однакожъ, утвердиться окончательно на своей кафедрѣ. Усмиривъ хотя на короткое время внутренніе поземельные раздоры съ орденомъ, Шютте, въ 1438 году, заключилъ съ нимъ новый договоръ, въ силу котораго удержалъ за собою весь Эзель, за исключеніемъ лишь прихода Пейде (сѣверо-восточной оконечности острова), доставшагося ордену съ малыми островами и виесою областью.

Спокойствіе возстановилось ненадолго: два года спустя, оно нарушено было вновь появленіемъ двухъ соискателей епископской власти. Лудольфъ, избранный на мѣстѣ, не былъ утвержденъ великимъ магистромъ и папой Евгеніемъ IV, которые, въ 1439 году, назначили въ епископы духовнаго брата тевтонскаго ордена, Іоанна Крауэля. Тѣснымъ орденскимъ магистромъ, Лудольфъ обратился къ Даніи, прося объ оказаніи ему помощи. Этотъ шагъ казался слишкомъ опаснымъ ордену. Усилиямъ его послѣ шестилѣтняго волненія удалось согласить обоихъ епископовъ къ миру: Іоаннъ Крауэль, получивъ отъ Лудольфа 6,000 червонныхъ и 8 жеребцовъ, отказался отъ своихъ притязаній на епископство.

Религиозный переворотъ, совершившійся въ Германіи въ началѣ XVI столѣтія, скоро распространилъ вліяніе свое и на орденскія владѣнія прибалтійскаго края: Эзель сталъ усерднымъ приверженцемъ Лютерова ученія. Но отпаденіе отъ латинской церкви неминуемо должно было вести къ потрясенію и наконецъ къ совершенному разрушенію всего политическаго устройства, на этомъ началѣ основаннаго. Возраставшее съ послѣдней половины XV вѣка могущество ордена, всюду взявшаго перевѣсъ надъ епископами, и быстрое распространеніе реформаціи, ознаменовались на Эзелѣ важною привилегіей епископа Іоанна Кивеля, данной имъ рыцарству въ 1524 году. Грамота эта свидѣтельствуетъ объ угасавшей духовной власти и утвердившейся силѣ братьевъ тевтонскаго ордена. Епископъ, утверждая въ своихъ владѣніяхъ свободу евангелическаго ученія и подкрѣпляя всѣ древнія преимущества рыцарей штафта, самъ подчиняется высшему мѣстному судилищу и предоставляетъ рыцарству участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія, въ избраніи епископовъ и въ объявленіи войны и мира. Депутаты рыцарства, въ 1528 году, выпросили торжественное утвержденіе этой привилегіи у римскаго императора Карла V, который при этомъ случаѣ присвоилъ епископамъ эзельскимъ достоинство „князей римской имперіи“.

Спустя пять лѣтъ послѣ Кивелева господства (конецъ котораго доходить до 1527 года), вновь явилось два соискателя каедръ епископской; споръ, на этотъ разъ, уже не кончился мирною. Кoadьюторъ архіепископа рижскаго, Вильгельмъ, маркграфъ бранденбургскій, недовольный зависимостью своего положенія, желалъ пріобрѣсть самостоятельное епископство. Это, какъ нельзя болѣе, согласовалось съ видами могущественнаго члена вицекскаго дворянства, вассала рижской церкви, Георга фонъ-Унгерна, который, со времени избранія, въ 1530 году, въ епископы не сына его, а каноника Рейнгольда фонъ-Буксгевдена, питалъ къ послѣднему непримиримую вражду, и радъ былъ случаю вредить ему. Поэтому, узнавъ о желаніяхъ маркграфа бранденбургскаго, Унгернъ, въ 1532 году, средствами интриги и угрозами заставилъ вицекское рыцарство и часть епископскаго капитула избрать въ епископы Вильгельма. Буксгевденъ, человекъ рѣшительнаго характера и строго приверженный къ латинской церкви, не думалъ уступить права своего претенденту. Послѣдній прибѣгнулъ къ оружію. Зимой 1532 года, войско Вильгельма подступило къ городу и замку Гапсалу, и

взяло его приступомъ, а за нимъ замки Леаль и Лоде, сдѣлавъ, такимъ образомъ, маркграфа бранденбургскаго владѣтелемъ всей страны висской. Буксгевденъ долженъ былъ отступить и заключиться въ замокъ Аренбургъ. Тутъ оба начали искать помощи въ другихъ областяхъ Ливоніи и за границей. Вильгельмъ обратился къ шурину своему, королю датскому, къ рижскому императору и папѣ; Буксгевденъ просилъ содѣйствія у ливонскаго магистра; междоусобныя распри продолжались слишкомъ два года. Наконецъ магистръ Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ, ставшій открыто на сторону Буксгевдена, вытѣснилъ Вильгельма изъ завоеванной имъ висской области и заставилъ его безусловно отказаться отъ епископства. Утвердившись окончательно въ своихъ владѣніяхъ, Буксгевденъ въ 1539 году сдѣлалъ обычное утвержденіе орденовскихъ привилегій.

Послѣ смерти магистра фонъ-Плеттенберга, ливонскій орденъ быстро сталъ клониться къ паденію. Преданный лютерову ученію, преимникъ Буксгевдена, курляндскій епископъ Іоаннъ фонъ-Мѣннихсгаузенъ, который былъ вмѣстѣ и епископомъ эзельскимъ, видя во внутреннемъ настроеніи и въ непрерывныхъ расприхъ ордена признаки неизбежнаго его сокрушенія, созвалъ капитулъ и рыцарство и предложилъ имъ передаться давнему покровителю Эзеля, королю датскому. Это предложеніе было принято. Епископскія владѣнія Мѣннихсгаузена, какъ курляндскія, такъ и эзельскія, въ 1559 году, съ разрѣшенія рыцарствъ и капитула, были проданы королю Даніи Фридриху, за 30,000 альбертовыхъ талеровъ. Мѣннихсгаузенъ удалился въ Германію; король назначилъ въ епископы курляндскіе и эзельскіе брата своего Магнуса, герцога гольштинскаго.

Такимъ образомъ, продолжавшееся слишкомъ три столѣтія (1227—1560 г.) самобытное существованіе Эзеля прекратилось; надъ нимъ господствовали, отъ Готфрида до герцога Магнуса, тридцать епископовъ.

Съ тѣхъ поръ, островъ, подобно прочимъ распадавшимся частямъ древней Ливоніи, былъ попеременно принадлежностью сосѣдственныхъ державъ, перешедшею, въ теченіи полутора вѣка, изъ рукъ Даніи къ Швеціи и отъ послѣдней къ Россіи. Постепенно сливаясь съ исторіей этихъ державъ, исторія Эзеля теряетъ интересъ самобытной политической жизни и представляетъ лишь картину продолжительной устойчивости ста-

рой гражданской организаціи при новыхъ установленіяхъ, обусловленныхъ духомъ и потребностями господствовавшихъ государствъ.

Правленіе герцога Магнуса на правахъ епископа было не продолжительно. Пользуясь покровительствомъ царя Іоанна Грознаго, который подарилъ ему взятый русскими въ 1559 году замокъ Оберпаленъ и пожаловалъ его въ королѣ лифляндскіе, Магнусъ щедро раздавалъ вассаламъ своимъ епископскія маестности, началъ споры съ сосѣдями, особенно съ городомъ Ревелемъ, который онъ безуспѣшно осаждалъ болѣе полугода, и заставилъ наконецъ короля Фридриха уничтожить вовсе званіе епископское на Эзелѣ и присоединить въ 1574 году весь островъ безусловно къ Даніи, съ назначеніемъ, съ того времени, въ правители его королевскихъ намѣстниковъ. Магнусъ, удержавъ за собой званіе и права епископа курляндскаго, удалился въ свой замокъ Пильтенъ, гдѣ и умеръ въ 1583 году.

Во внутреннемъ устройствѣ и управленіи острова не произошло однако при этомъ важныхъ перемѣнъ. Высшее судилище или епископскій совѣтъ, состоя оттолѣ, вмѣсто канониковъ и рыцарей штифта, изъ членовъ земскаго дворянства, получило названіе „земскаго суда“; четыре члена его или ландрата избирались дворянствомъ, а предсѣдательство вѣрялось, вмѣсто епископовъ, королевскимъ намѣстникамъ. Власть исполнительная, возложенная на нижнихъ судей или фогтовъ, равномерно оставалась въ рукахъ дворянъ. Различіе между членами ордена и вассалами епископа, или рыцарями штифта, исчезло; оба общества слились въ одно братство. Членамъ его предоставлялось исключительное право получать въ ленъ бывшія епископскія владѣнія.

Въ продолженіе господства Даніи, Эзелъ, не смотря на непріятельскія вторженія и участіе въ войнахъ съ Швеціею, пользовался внутреннимъ порядкомъ и благосостояніемъ. Главную причину этого должно искать въ полной свободѣ, предоставленной датскими королями мѣстной торговлѣ; однимъ изъ первыхъ дѣйствій герцога Магнуса было возведеніе образованнаго около замка Аренсбурга торговаго селенія на степень города и пожалованіе ему „*права рижскаго*“. Между тѣмъ, со времени расторгненія кальмарскаго союза, Швеція начала имѣть перевѣсъ въ дѣлахъ сѣвера; послѣ неоднократныхъ войнъ съ Даніею, послѣдняя, по миру, заключенному въ

городъ Бремзебро, 1645 года, должна была (между прочими владѣніями) уступить первой и Эзель.

Неминуемымъ слѣдствіемъ той роли, которую играла Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка, былъ однакожь беспорядокъ въ финансахъ, дошедшихъ наконецъ до чувствительнаго истощенія при королевѣ Христинѣ; монархиня эта такъ щедро жаловала государственныя имѣнія дворянамъ, что, по смерти ея, всѣ почти подобныя владѣнія, какъ въ самой Швеціи, такъ равно и въ Лифляндіи, Эстляндіи и на Эзелѣ, оказались въ рукахъ дворянства. По воцареніи Карла XI, на государственномъ сеймѣ 1680 года состоялось положеніе — всѣ розданныя дворянамъ имѣнія отобрать у владѣльцевъ и обратить въ казну. Мѣру эту, при ея исполненіи, стали примѣнять не только къ имѣніямъ, пожалованнымъ шведскими королями, но и къ такимъ, которыя достались дворянству отъ прежнихъ владѣтелей; при чемъ Эзель долженъ былъ удовлетворять одновременно требованіямъ Карла XI и королевы Христины, пользовавшейся пожизненно его доходами. Поэтому отбирание дворянскихъ имѣній въ казну, извѣстное подъ названіемъ „редукція“, повредило благосостоянію всего острова. Приготовительными къ этому распоряженіямъ занималась съ 1684 года особая коммисія, подъ руководствомъ королевскаго ландсгевдинга или губернатора. Въ 1690 году дворянство лишено было уже цѣлой трети своихъ владѣній; пять лѣтъ спустя, уничтоженъ замковскій или верховный земскій судъ, съ обращеніемъ въ казну земель ландратовъ, пожалованныхъ имъ королями датскими. Число государственныхъ имѣній удвоилось; но вмѣсто того, чтобы достигнуть своей цѣли, Карлъ XI разорилъ въ конецъ одно изъ лучшихъ своихъ владѣній: по прошествіи двадцати лѣтъ, $\frac{1}{3}$ обработанной и плодотворной почвы острова превратились въ пустыню.

Съ наступленіемъ XVII столѣтія, вспыхнула сѣверная война; къ бѣдствіямъ „редукція“ присоединились стѣснительные налоги на учрежденіе милиціи, на укрѣпленіе Аренсбурга и на содержаніе войскъ; наконецъ, къ довершенію постигшаго Эзель несчастія, моръ и голодъ опустошали его съ 1708 по 1711 годъ. Все это сильно потрясло въ умахъ жителей приверженность къ Швеціи; военные сборы не вносились добровольно, а брались силою, и при первомъ подступленіи къ Аренсбургу полковника Эрнгельма съ отрядами русскихъ войскъ, крѣпость эта сдалась безъ выстрѣла, 15-го

сентября 1710 года. Весь Эзель окончательно присоединенъ къ Россіи нисштадтскимъ миромъ, заключеннымъ 30-го августа 1721 года.

Сравнивая оба послѣдніе періода исторіи Эзеля, мы открываемъ между ними замѣчательное различіе. Господство Даніи оставляло безъ важнаго измѣненія гражданское устройство и управленіе, довольствовалось доставшимся ему епископскими владѣніями, покровительствовало торговлѣ, охраняло внутреннюю безопасность и довело вообще жителей до рѣдкой въ тѣ времена степени благосостоянія. Напротивъ того, шведское правительство, нарушивъ издавна утвердившійся порядокъ внутренняго управленія, отобравъ, безъ законнаго основанія, въ казну большую часть дворянскихъ имѣній, и постоянными войнами задавивъ живительныя начала торговли и промышленности, передало наконецъ область эзельскую Россіи въ самомъ истощенномъ, запущенномъ состояніи.

Изъ этого разрушенія Эзель постепенно возстановлялся подъ сѣнію русскаго скипетра.

Спустя не болѣе года послѣ нисштадтскаго мира, учреждена была въ Аренсбургѣ особая коммисія, съ цѣлію возвратить дворянамъ имѣнія, отнятыя у нихъ вслѣдствіе редуцціи. Всѣ владѣнія дворянъ, сверхъ того, особо утверждены были за ними Императоромъ Петромъ II, и велѣно дальнѣйшія ходатайства по этому предмету окончательно прекратить. Между тѣмъ какъ гражданское управленіе острова ввѣрено было сначала особому ландсгауптману, имѣвшему предсѣдательство въ областной канцеляріи и подчинявшемуся генераль-губернатору лифляндскому и эстляндскому, дѣла дворянства вѣдались по прежнему ландратами и предводителямъ или ландмаршаламъ. Отмѣненный Карломъ XI верховный судъ не возстановлялся уже болѣе; но за то, по подчиненіи судебной части рижскому гофгерихту, выборъ одного изъ членовъ его предоставленъ былъ эзельскому дворянству. Затѣмъ, въ 1783 году, по повелѣнію императрицы Еватерини II, сила губернскаго учрежденія 7-го ноября 1775 года распространена была и на Эзель, съ переименованіемъ его въ уѣздъ, съ подчиненіемъ рижскому гражданскому губернатору, упраздненіемъ должностей ландратовъ и ландмаршала и нѣкоторыми другими болѣе спеціальными переимѣнами; впрочемъ самостоятельная форма дворянскаго общества осталась безъ измѣненія, дѣла его вѣдались особыми предводителями, и оно продолжало пользоваться всѣми

правами, дворянству прочихъ губерній и областей имперіи дарованными. По вступленіи же на престолъ Императора Павла I-го и эти перегибы по большей части исчезли: въ 1797 году коренныя учрежденія острова были возстановлены, съ пожалованіемъ сверхъ того дворянству четырехъ имѣній, въ вознагражденіе за ландратскія земли, отобранныя въ казну во время шведской „редукціи“.

Такъ образовалось нынѣшнее состояніе острова Эзеля, хотя и присоединеннаго въ званіи уѣзда къ лифляндской губерніи, но по самостоятельности дворянскаго общества, по нѣкоторымъ особымъ общественнымъ учрежденіямъ, по устройству своего крестьянскаго населенія и по историческому своему развитію вообще, составляющаго своеобразное цѣлое. Историческія событія, опредѣляющія судьбу народовъ и имѣющія столь могущественное вліяніе на всѣ отрасли ихъ развитія, не могутъ не отразиться и на законодательствѣ; вліяніе ихъ въ этомъ отношеніи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе въ государствѣ политической самостоятельности и чѣмъ разнороднѣе были власти, имъ управляшія.

Остзейскій край и Эзель представляютъ тому примѣръ. Дѣйствующіе въ Лифляндіи и на островѣ Эзелѣ законы составлялись изъ разнородныхъ источниковъ, подъ вліяніемъ безпрестанно измѣнявшихся обстоятельствъ. Съ начала они издавались рижскимъ архіепископомъ, епископами и магистрами, владѣвшими краемъ и имѣвшими въ рукахъ своихъ и законодательную власть. Впослѣдствіи, когда, по паденіи ордена и власти епископовъ. Лифляндія обращена была въ польскую, а затѣмъ въ шведскую провинцію, и островъ Эзель поступилъ въ подданство Даніи, а съ 1645 года Швеціи, внутреннее устройство основывалось на постановленіяхъ короля, сейма датскаго и шведскаго правительства. Съ присоединеніемъ наконецъ Лифляндіи въ 1710 году, а острова Эзеля въ 1721 году, къ Россіи, наступилъ и новый періодъ въ отношеніи законодательства. Связь между законодательствомъ и политическими событіями столь велика, что исторія перваго, подобно исторіи политической, можетъ быть раздѣлена на три періода: первый изъ нихъ обнимаетъ законодательство Лифляндіи со временъ прибытія германскихъ выходцевъ до паденія ордена и прекращенія независимаго существованія Ливоніи; второй заключаетъ въ себѣ учрежденія шведскаго и датскаго правительства; въ третьемъ, наконецъ, предста-

вляется внутреннее устройство края со времени покоренія его Россією. Бромъ этого, при историческомъ обзорѣни, законодательство Лифляндіи должно быть раздѣлено на земское и городское; раздѣленіе это имѣетъ значеніе и начало также историческія: въ Лифляндіи и на остр. Эзелѣ, какъ и въ другихъ областяхъ остзейскихъ, образовались, съ самаго начала ихъ политическаго существованія, состоянія: земское или дворянское (покоренные крестьяне подлежали дѣйствию законовъ земскихъ) и городское; каждое изъ сихъ состояній отличалось во всѣ времена особыми правами, учрежденіями и законами; отсюда существенное различіе между законами земскими и городскими.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Время владычества епископовъ и ордена. Законы земскіе.

По формѣ и содержанію своему, земскіе законы въ Лифляндіи и на остр. Эзелѣ, во время владычества епископовъ и ордена, проявляются въ трехъ видахъ: 1) въ грамотахъ, 2) въ собраніи законовъ или кодексахъ и 3) въ положеніяхъ ландтаговъ и другихъ собраній, въ договорахъ и т. п.

Грамоты.

1) Грамоты, по своему происхожденію и содержанію, могутъ быть раздѣлены на два разряда: а) данныя папами и римскими императорами, какъ верховными государями и покровителями Ливоніи и б) данныя епископами и орденомъ, какъ мѣстными владѣтелями края.

Къ первымъ относятся папскія буллы и грамоты, данныя острову Эзелю римскими императорами и датскими королями, каковы: 1) грамота римскаго императора Фридриха II отъ 7-го іюня 1238 г., по которой Вольдемаръ, датскій король, призналъ Эзелъ, со включеніемъ Вика, владѣніемъ эзелскаго епископа. Данія въ 1238 г. не могла спокойно смотрѣть на раздоры ордена съ епископами. Между королемъ Вольдемаромъ и рижскимъ епископомъ Альбертомъ началась вражда, въ которой епископъ нашель себѣ опору въ Лифляндскомъ орденѣ. Заинтересованный въ этихъ спорахъ папскій легатъ Вильгельмъ, обратившись къ римскому императору Фридриху II, вызвалъ эту грамоту.

2) Милостивый рескриптъ датскаго короля Авеля отъ 19-го августа 1251 г. съ самой древней привилегіей для эзельскаго рыцарства (собраніе привилегій въ рыцарскомъ правѣ). Къ этому же году относится грамота Авеля, по которой Данія отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Эзеля. Грамота эта подарена изъ уваженія епископу Герману фонъ-Буксгевдену, бывшему канцлеру при Авелѣ.

3) Приказъ датскаго короля Эриха въ 1279 г. по поводу жалобъ торговцевъ изъ Висби на морскіе разбои со стороны эзельцевъ и эстляндцевъ. Приказъ этотъ сообщенъ чрезъ штатгалтера въ Ревелѣ Ахельсона, эзельскихъ совѣтниковъ Генриха фонъ-Лоде, Германа Буксгевдена, Вольдемара Розена и Гельмонда фонъ-Лоде.

4) Грамота папская въ 1301 г. относительно разрѣшенія споровъ между орденмейстеромъ Готфридомъ фонъ-Рогге и эзельскимъ епископомъ Кондратомъ фонъ-Эзель.

5) Грамота папская въ 1320 г. по особому обстоятельству. Эзельскій епископъ Гартвигъ донесъ папскому кардиналу, что одинъ орденскій начальникъ убилъ эзельскаго каноника фонъ-Гапсаль въ родительскомъ домѣ за то, что послѣдній жаловался папѣ.

6) Грамота папы Урбана XVII въ 1385 г. объ эзельскомъ каноникѣ Германѣ Больнѣ, обвинявшемся въ убійствѣ эзельскаго и гапсальскаго епископа Генриха. Послѣдняго обвиняли въ томъ, будто онъ хотѣлъ отдать ордену свои епископскія владѣнія въ Гапсаль. Поэтому онъ насильно препровожденъ былъ въ Аренбургскій замокъ. Тамъ его нашли однажды на полу потаенной комнаты задушеннымъ. Попалъ ли онъ туда нечаянно или можетъ быть онъ хотѣлъ убѣжать чрезъ отверстіе въ той комнаткѣ, осталось тайной. Между тѣмъ Больне былъ обвиненъ въ томъ, что онъ задушилъ Генриха. Такой нечаянной кончины, говоритъ Кранцъ¹⁾, до Генриха не имѣлъ ни одинъ прелатъ.

7) Грамота папы Евгенія IV отъ 24 марта 1439 г. о назначеніи въ епископы духовнаго брата тевтонскаго ордена Іоанна Крауэля. Въ грамотѣ между прочимъ было написано, чтобы епископа, избраннаго отъ него (отъ

¹⁾ Сочиненіе барона Буксгевдена: Beiträge zur Geschichte der Provinz Oesell. 1838 год. стр. 6.

папы) приняли, оказывали ему всякую почесть и препроводили съ почетомъ на владѣніе эзельскимъ епископствомъ.

Указанныя здѣсь грамоты, со времени послѣдовавшей въ 1561 году перемѣны въ судьбѣ Ливоніи, потеряли всякое значеніе и силу и въ настоящее время любопытны и важны только, какъ акты историческіе.

Грамоты епископовъ и магистровъ.

Грамоты мѣстныхъ владѣтелей Ливоніи, эзельскихъ епископовъ и магистровъ двойкаго рода: одніе относятся къ внутреннимъ распоряженіямъ по управленію и къ взаимнымъ отношеніямъ епископовъ между собою и къ владѣніямъ ордена, какъ напр. грамота 1234 г. 20 декабря о раздѣленіи Эзеля на три участка: 1) Кармель и Сворбе, состоявшіе изъ 100 гаковъ, 2) Монъ изъ 300 гаковъ, 3) Вольде — 200 гаковъ. Во избѣжаніе споровъ былъ брошенъ жребій: получили: епископъ — Вольде, Рига — Сворбе и Кармель, рыцарство — Монъ. Рига половину уступила папскому легату Вильгельму фонъ-Моденъ. Въ 1255 г. начальникъ ордена Андрей фонъ-Штюккандъ заключилъ съ эзельцами договоръ, который подписанъ былъ туземцами Эзеля, Илле, Кулле, Эмме, Мурханде, Тавете, Вальде, Мезете, Каке. Въ 1266 г. начальникъ ордена Юргенъ фонъ-Эйхштадтъ выигралъ большую побѣду при Кармелѣ и принудилъ эзельскихъ туземцевъ исполнить договоръ 1255 г. Въ 1328 г. орденъ согласился съ епископствомъ относительно четвертой части наслѣдства послѣ умершаго безроднаго. Епископъ далъ за это ордену 30 гаковъ земли и 30 марокъ. Къ 1365 г. относится грамота, гдѣ епископъ съ орденомъ послѣ объясненій установили, что слѣдуетъ брать за проѣздъ чрезъ оба Зунда. Къ 1407 г. относится грамота епископа о рыбной ловлѣ при Кармелѣ. Въ 1458 и 1459 г. выдана грамота епископомъ Іаковомъ съ предложеніемъ мира и спокойствія между королемъ Казиміромъ и орденомъ и между жителями Данцига. Другія грамоты заключаютъ въ себѣ права, дарованныя вассаламъ, и учрежденія леннаго владѣнія, какъ напр. грамота эзельскаго епископа Кивеля 1524 г. и сохранившаяся одна только подобная грамота орденская магистра Врюггена 1546 г.

Съ измѣненіемъ устройства Лифляндіи и остр. Эзеля грамоты перваго рода потеряли свою силу, грамоты же втораго рода служатъ во многихъ

отношеніяхъ и въ настоящее время основаніемъ правъ и преимуществъ лифляндцевъ и эзельцевъ.

Собраніе законовъ.

Обычай и законы, образовавшіеся въ Ливоніи подъ вліяніемъ германскихъ правовъ, по примѣру Германіи же, были собраны для вассаловъ каждой области, отчего и составились такъ называемыя книги правъ (*Rechtbücher*). Къ числу ихъ принадлежатъ: право рыцарское (*Ritterrecht*), 2) Виекъ-Эзельское ленное право (*Wiek-Oeselsches Lehnrecht*), 3) уставъ судопроизводства или правила для адвокатовъ (*formulare procuratorum Fabri*), 4) особыя узаконенія для крестьянъ.

Право рыцарское, въ томъ видѣ какъ оно составлено епископомъ рижскимъ Албертомъ, съ совѣта магистра Волкина и его ордена и съ согласія его дворянства, состоитъ (1228 г.) изъ 67 главъ и статей, заключающихъ въ себѣ инвеституру на лены, права и обязанности вассаловъ по владѣнію ленами, опеку и судопроизводство по ленамъ, владѣніе крестьянами и проч.

Виекъ - Эзельское ленное право, относящееся къ нынѣшней Лифляндіи и остр. Эзелю, раздѣляется на 5 книгъ, изъ которыхъ три первыя заключаютъ въ себѣ всѣ статьи средняго рыцарскаго права, взятыя изъ зеркала саксонскаго, четвертая — постановленія для крестьянъ эзельскаго епископства, пятая — древне - рыцарское право, нѣсколько сокращенное.

Для крестьянъ исключительно издано было Виекское крестьянское право, имѣвшее силу на остр. Эзелѣ. Въ этихъ кодексахъ заключены постановленія объ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, о наследствѣ, о бракѣ, о правѣ уголовномъ, о преступленіяхъ и наказаніяхъ и т. п.

Законодательство г. Риги составляло источникъ и образецъ для другихъ городовъ Лифляндіи и для Эзеля, и заключало въ себѣ почти всѣ городскіе законы. Сюда относятся: 1) грамоты и привилегіи, 2) древніе статуты, 3) такъ называемыя гражданскія права и 4) положенія о гильдіяхъ и цѣхахъ. Устройство и законодательство Эзеля изложены кромѣ того въ грамотахъ, дарованныхъ мѣстными владѣтелями, какова напр. грамота датскаго короля Фридриха II (1574 г.) гор. Аренсбургу.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Датское и Шведское владычество надъ Эзелемъ.

Островъ Эзелъ во время датскаго владычества сохранилъ свои мѣстные законы. Время шведскаго владычества представляетъ съ одной стороны усилія правительства ввести въ Лифляндіи и на Эзелѣ шведскія узаконенія, а съ другой—домогательство дворянъ сохранить мѣстные законы. Такъ герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, въ 1601 году, предложилъ дворянству присоединенныхъ къ Швеціи округовъ принять шведскіе земскіе законы, а Карлъ XII, не смотря на то, что съ 1705 года вся почти Лифляндія была уже занята русскими войсками, особою грамотою 12 іюня 1707 года, предписалъ руководствоваться одними шведскими законами.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Въ виештадскомъ трактатѣ, заключенномъ 30 августа 1721 года, въ Лифляндіи и остр. Эзелю относятся три статьи, именно: ст. IX, по которой всѣ жители, магистраты, гильдіи и цѣхи сохраняютъ привилегіи, обыкновенія, права и преимущества, которыми они пользовались подъ шведскимъ правленіемъ; ст. X, по которой не имѣетъ быть допускаемо принужденія въ дѣлѣ религіи; ст. XI, по которой возвращались забранныя шведскимъ правительствомъ помѣстья всѣмъ лицамъ, которыя имѣли на оныя справедливыя требованія и законныя права.

Приведеніе мѣстныхъ законовъ въ правильный и однообразный составъ было предметомъ ряда русскихъ комисій почти цѣлаго столѣтія въ гг. 1728, 1767, 1803, 1819, 1828—1829. Права и привилегіи, съ которыми эзельское дворянство перешло въ подданство Россіи, подтверждены: Анною Іоанновною 28 марта 1731 года, Елизаветою Петровною 27 октября 1742 года, Екатериною II 17 апрѣля 1764 года, Александромъ I 13 октября 1802 года. Привилегіи города Аренсбурга подтверждены Екатериною II 17 февраля 1764 года.

IV. Историческія свѣдѣнія о заселеніи Эзеля и этнографическія изслѣдованія о жителяхъ его. Нравы, обычаи, повѣрья и пословицы.

Первыя извѣстія объ Остзейскомъ краѣ встрѣчаются у греческихъ и римскихъ писателей, а въ особенности у Тацита и готскаго историка Иорнанда (Iordanes, 530 г. по Р. Х.). Извѣстія эти, вообще весьма скудныя, относятся преимущественно къ географическому положенію морей и странъ, мало касаясь жизни и быта ихъ обитателей; почерпнуты же они изъ путешествій и сношеній торговыхъ, о дѣйствительномъ существованіи которыхъ въ то время свидѣтельствуютъ найденныя монеты и древности временъ Александра Македонскаго и римскихъ императоровъ; въ значительномъ количествѣ монеты эти между прочимъ отысканы у Кальцева близъ Риги и на остр. Эзелѣ.

Изъ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ извѣстій видно, что, еще въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., земли между низовьями Вислы и р. Виндавою были заняты *Венедами*, народомъ латышско-литовскаго племени; дагѣ же за р. Виндавою и на о. Эзелѣ обитало племя *финское*, пришедшее изъ Азіи. Во время общаго передвиженія народовъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, будучи вѣроятно тѣсними сосѣдними готами, племена эти удалились на сѣверо-востокъ и овладѣли мѣстами нынѣшняго своего жительства. Можетъ быть эсты, поселившіеся на востокѣ, и получили вслѣдствіе этого свое названіе (отъ слова *ost, est*); племена же литовско-латышскія раздробились и подъ именемъ леттовъ, куроновъ и семигаловъ заняли Лифляндію, Бурляндію и Семигалію. Такимъ образомъ пограничная черта между финскимъ и литовскимъ племенами, которую въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. составляла рѣка Виндава, передвинулась на сѣверъ, въ самую Лифляндію. Въ XII столѣтіи, когда германскіе выходцы первые появились на берегахъ Двины, земля латышей и эстовъ представляла обширную страну, покрытую лѣсами и болотами, среди которыхъ изрѣдка встрѣчались поселенія. Эсты занимали округи: Гарріенъ, Ервенъ, Викъ, Вирландъ (нынѣшняя Эстляндія) и Унганію съ Сакалою (теперешніе дерптскій и феллинскій уѣзды), а также острова Эзелъ, Монъ и Даго; семигалы занимали пространство къ западу отъ р. Виндавы, а куроны — къ востоку отъ

этой послѣдней до лѣваго берега Двины; ливы были распространены вдоль морскаго берега, между р.р. Виндавою и Перновою; вся же средняя часть, составляющая нынѣшнюю Лифляндію, была занята леттами. Въ настоящее время граница эта въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ раздѣленіемъ на уѣзды, изъ которыхъ перновскій, феллинскій, дерптскій, верроскій и эзелскій населены эстами, а вольмарскій, валкскій, венденскій и рижскій — леттами.

Докторъ Люце, много сдѣлавшій для исторіи, этнографіи и народнаго образованія на Эзелѣ, полагаетъ, что первые поселенцы нашли уже здѣсь, именно на Шворбе, шведскую колонію, и въ самомъ дѣлѣ народонаселеніе на Шворбѣ типомъ лица, говоромъ, одеждою и проч., значительно отличается отъ всѣхъ жителей острова Эзеля. Сами эзелцы называютъ себя туземнымъ народомъ, *шаа-гаһуас* (народъ земли), эзелъ — своею землею, *шеіе шаа*. Языкъ ихъ есть одна изъ отраслей древняго финскаго самага чистаго и мягкаго нарѣчія.

О религиозныхъ понятіяхъ эстовъ, до введенія христіанства, достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. Генрихъ Латышъ въ хроникѣ своей упоминаетъ ни объ одномъ божествѣ, а просто называетъ эстовъ идолопоклонниками. По показаніямъ же историковъ⁽¹⁾, кромѣ солнца, луны и звѣздъ, ими обожаемы были и разныя животныя, змѣи и деревья, особенно дубъ. Генрихъ Латышъ упоминаетъ о предвѣщателяхъ, которые, при спросѣ боговъ о будущности, совершали священные обряды. Главное божество эстовъ создатель міра — *Ванна - изса*, окружено героями, изъ которыхъ первыя мѣста занимаютъ *Ваннемуне*, богъ стихотвореній и пѣсенъ, *Иммарине*, богъ искусствъ, *Леммекюне*, богъ веселости, и *Виббрание*, богъ стрѣлокъ. Для созданія неба *Иммарине* свовалъ изъ стали сводъ и пригвоздилъ къ нему серебряныя звѣзды. Главнымъ жилищемъ боговъ были утесы. Замѣчательны также сказанія о великанахъ *Сони*, *Калева* и другихъ. *Вонго* има водянаго духа, котораго нынѣ призываютъ иногда, купая дѣтей. Рѣчное божество является въ видѣ мужика съ синими и желтыми чулками на ногахъ. *Pergel* и *Iuuda* — имена злыхъ духовъ, нынѣ

⁽¹⁾Бриндаса, Фабриціуса, Кельха; сочиненіе Брахмена: Die Reformation in Lifland, издавное остзейскимъ археологич. обществомъ.

означають діавола. Жертвы приносились богамъ для умилоствленія ихъ, или при гаданіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ отрубали голову животному, и если она падала на право, значило *да*, если же на лѣво — *нѣтъ*. Или вѣдрили быка, либо коня чрезъ копье, и если животное переступало чрезъ него прежде правою ногою, то это означало утвержденіе вопроса, если же лѣвою, то отрицаніе. Древніе эзелцы приносили и человѣческія жертвы для умилоствленія боговъ. Генрихъ Латышь утверждаетъ, что въ 1204 году многіе плѣнные были принесены въ жертву (1). Введеніе христіанской вѣры на Эзелѣ относится ко времени прибытія нѣмецкихъ выходцевъ въ началѣ XIII столѣт.; сообразно съ духомъ того времени, покореніе острова и обращеніе язычниковъ производились одновременно. Католичество не встрѣтило большихъ препятствій со стороны леттовъ, и въ теченіе перваго десятилѣтія сдѣлало большіе успѣхи; между эстами, особенно эзелскими, оно производилось медленнѣе и труднѣе. Вскорѣ однако католическая вѣра, по крайней мѣрѣ по наружности, сдѣлалась исключительною на островѣ и оставалась таковою въ теченіи трехъ столѣтій. Но тѣмъ не менѣе католицизмъ не пустилъ глубокихъ корней въ народѣ. Умственное образованіе во всей Лифляндіи, до реформаціи, не оставило никакихъ слѣдovъ. Католическое духовенство, соединяя съ духовной властью и свѣтскую, слишкомъ было занято заботами объ удержаніи послѣдней, чтобы имѣть возможность предаться исключительно духовнымъ своимъ обязанностямъ; большая часть католическихъ священниковъ, не зная народнаго нарѣчія, проповѣдывали на нѣмецкомъ языкѣ, — вслѣдствіе чего церковь весьма мало посѣщались и религія вообще не могла прочно утвердиться въ народѣ. Какъ мало католицизмъ привился въ Лифляндіи и на Эзелѣ доказывается быстрымъ и безпрепятственнымъ распространеніемъ реформаціи; притомъ же и въ настоящее время, встрѣчая у обитателей Эзеля множество преданій и предрасудковъ язычества, мы не находимъ почти никакихъ слѣдovъ католицизма.

Вѣрованія въ предсказанія, колдовство и чародѣйство были тѣсно связаны съ религіею древнихъ обитателей Эзеля; они были настолько склонны къ подобнымъ повѣрьямъ, что многія изъ преданій язычества со-

(1) Рихтеръ: Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen, т. I, стр. 57—58.

хранились до настоящаго времени, не смотря на всѣ старанія просвѣщеннаго духовенства очистить религіозныя идеи отъ суевѣрія. Послѣ принятія христіанской вѣры, идолопоклонство втайнѣ еще долго продолжалось и совершенно искоренилось лишь послѣ реформаціи. Суевѣрія сохранились однакожь доннѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то странное почитаніе древнихъ боговъ; такъ напр. старинный обычай зажигать костры на высотахъ, у береговъ рѣкъ и озеръ, въ честь бога радости *Лиго*, сохранился до нашего времени и повторяется ежегодно въ день св. Іоанна Крестителя, 24 іюня, причемъ воспѣвается какъ св. Іоаннъ, такъ и Лиго. Соблюденіе извѣстныхъ обрядовъ большею частью совпадаетъ съ христіанскими праздниками; это произошло вѣроятно оттого, что католическое духовенство, при введеніи христіанства, видя невозможность искоренить старыя вѣрованія и обычаи, желало дать имъ другое направленіе и приняло ихъ нѣкоторымъ образомъ подъ свое покровительство; такъ напр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились, предъ праздникомъ Р. Хр., тихіе вечера (*Jäobhdad*), въ которые запрещается громкій разговоръ, хохотъ, пряденіе, тканье, вообще всякій шумъ, съ цѣлью отвратить сильныя грозы. Въ другихъ мѣстахъ сохранился обычай не брать сита въ день св. Матеея, 21-го сентября, для охраненія дома отъ гадинъ и насѣкомыхъ; не рубить дрова въ день св. Георгія, 23-го апрѣля, для защиты отъ волковъ; не пахать въ день св. Марка, 25-го апрѣля, для охраненія отъ падежа и проч.

Слѣды прежняго варварства эзельцевъ остались только въ нѣкоторыхъ обычаяхъ. Пѣсни намъ ничего не скажутъ въ этомъ отношеніи. Постоянныя войны много способствовали развитію принципа: пользоваться настоящимъ и не думать ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Вслѣдствіе такого воззрѣнія семейство не представляло никакой отрады для жителя Эзеля; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не чувствовалъ склонности къ поэзіи, а слѣдовательно къ пѣснямъ и сказкамъ. Странно, что въ отношеніи къ женщинѣ сохранились всего лучше воззрѣнія эстонца - островитянина. Онъ до сихъ поръ не требуетъ отъ жены ничего, кромѣ здоровья, и не придаетъ никакого значенія, если молодая его жена принесетъ ему незаконнорожденное дитя, лишь бы только не отъ нѣмца. Жена для эзельца ни больше, ни меньше, какъ работница и въ бракѣ онъ видитъ одинъ только пустой обрядъ. Въ качествѣ невѣсты, будущая жена переходитъ къ мужу и съ пер-

ваго же дня вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей: все хозяйство лежитъ на ея рукахъ, женихъ почти исключительно занимается рыбной ловлей и торговыми операціями. Наканунѣ свадьбы мать надѣваетъ на невѣсту чепчикъ, который она сбрасываетъ два раза на землю, за что получаетъ каждый разъ пощечину съ приличнымъ внушеніемъ: *Karda omša meest!* (повинуйся твоему мужу); въ третій разъ невѣста обязана удержать чепчикъ на головѣ. Вскорѣ послѣ этого невѣста покидаетъ окончательно родительскій домъ, положивъ предварительно въ карманъ три корки хлѣба и погладивъ три раза печку, чтобы унести съ собой все счастье, которое сопровождало ея жизнь подъ родительскимъ кровомъ. На слѣдующій день послѣ свадьбы теща приноситъ молодой женѣ всѣ старыя рубашки мужа для починки, — съ этого начинается дѣятельность молодой супруги. Не смотря на все равнодушіе, съ которымъ эстонецъ вообще смотритъ на женщину, беременность молодыхъ дѣвушекъ преслѣдовалась еще до прошлаго столѣтія; онѣ обязаны были покрывать голову чепчикомъ; многія изъ нихъ во избѣжаніе такого позора убивали своихъ дѣтей. Когда настанетъ время родовъ, то въ домъ къ родильницѣ собираются всѣ свѣдущія въ этомъ дѣлѣ женщины и выражаютъ свои заботы о бѣдной больной самымъ грубымъ, даже, можно сказать, истинно варварскимъ образомъ: ее поднимаютъ на воздухъ, раскачиваютъ, вѣшаютъ подъ руки, заставляютъ скакать со второй или третьей ступени лѣстницы и кувыряться черезъ голову. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ варварскій обычай болѣе и болѣе уступаетъ духу времени. Во время крещенія ребенку распеленываютъ только руки, чтобы онъ былъ на всю жизнь трудолюбивъ. На другой день послѣ крещенія домашніе и новыя духовныя родственники отправляются въ баню, гдѣ бабка сѣчетъ кума; иногда эта шутка принимаетъ довольно серьезный характеръ.

Праздничные обычаи.

1) *Рождество Христово.* По торжественности первое мѣсто послѣ свадебныхъ обрядовъ принадлежитъ рождественскимъ; притомъ праздникъ этотъ бываетъ въ такое время, когда даже у бѣдняковъ не истощился еще осенній запасъ хлѣба. Приготовленія къ празднику заключаются въ томъ, что варятъ пиво, колютъ свинью и дѣлаютъ колбасы. Безъ двухъ послѣд-

нихъ кушаньевъ нельзя и думать о празднованіи Рождества: свинину и колбасу естъ и не называетъ иначе какъ „рождественскимъ кушаньемъ“. Вечеромъ, наканунѣ праздника, вносится въ избу солома, и всѣ, старъ и младъ, располагаются на ней вповалку. Но между тѣмъ, какъ старшіе съ спокойствіемъ ожидаютъ наступленія праздника, младшіе члены семейства заводятъ любимую національную игру — *passilooma* (битье жгутомъ). Каждый играющій вьетъ себѣ жгутъ изъ соломы и старается ударить имъ по той части тѣла своего сосѣда, которая отвѣчаетъ обыкновенно за всѣ проступки провинившагося, и, въ свою очередь, подвергается такимъ же ударамъ отъ сосѣда. Это обоюдное стеганье дѣлается, разумѣется, въ шутку, но часто кончается тѣмъ, что играющіе начинаютъ драться серьезно и таскать другъ друга за волосы. Отецъ семейства прекращаетъ ссору приглашеніемъ разгорячившихся игроковъ къ столу, произноситъ краткую молитву, и рождественское кушанье, состоящее въ похлебкѣ изъ колбасы и капусты, уничтожается. Послѣ ужина начинаютъ снова игру, продолжающуюся до поздней ночи, и все засыпаетъ тутъ же на соломѣ. Праздничный столъ остается накрытымъ до слѣдующаго утра, на случай прихода какого-нибудь гостя или заблудившагося странника, который въ этотъ день повсюду между эстами найдетъ дружелюбный приѣмъ и угощеніе; да и вообще существуетъ у нихъ патріархальный обычай, по которому, не смотря на время дня или ночи, гостю изъ своихъ всегда подается пища, разумѣется, если у самихъ хозяевъ есть чѣмъ угостить.

2) *Новый годъ*. Въ полночь, съ начатіемъ новаго года, хозяинъ беретъ по горсти каждаго рода хлѣба и бросаетъ вверхъ къ потолку, приговаривая: „дай Богъ, чтобъ такъ высоко росло зерно въ этомъ году!“ Въ санный же день новаго года, на всѣхъ дверяхъ, на всей домашней утвари и даже на хлѣбѣ творится знаменіе креста, чтобы врагъ рода человѣческаго не имѣлъ доступа къ жилищу. Даже на саяхъ, на которыхъ въ этотъ день отправляются въ церковь, видны начертанные мѣломъ кресты. Лошади, назначенныя къ поѣзду въ церковь, получаютъ въ этотъ день хлѣба, овса и пива вдоволь; пивомъ поятъ ихъ, чтобы придать огня: дѣло въ томъ, что, по окончаніи службы, всякій торопится, какъ только можетъ, чтобы поспѣть домой раньше другихъ, ибо, по мнѣнію ихъ, кто пріѣдетъ раньше всѣхъ, будетъ въ продолженіи цѣлаго наступающаго года

скорѣе и успѣшнѣе всѣхъ кончатъ свои работы. Въмѣсто соломы разстилается въ этотъ день на полу сѣно. Нѣкоторые отливаютъ также такъ называемую „новогоднюю свѣчу“: это простая толстая свѣча, которая вверху расходится двумя или четырьмя концами.

3) *Масляница*. Въ первый день этого праздника ѣдятъ соленыя ноги колотыхъ осенью свиней, и на младшемъ изъ сидящихъ за столомъ лежитъ обязанность перенести по-одиночкѣ въ зубахъ всѣ кости съѣденной имъ ноги на чердакъ.

4) *Благовѣщеніе*. Это любимый праздникъ женщинъ, ибо прекрасный полъ, чтобы получить румянецъ, напивается въ этотъ день до-пьяна. Не позволяется также въ Благовѣщеніе зажигать въ избѣ свѣчу, ибо предполагается, что поднимающаяся рожь можетъ оттого пострадать.

5) *Ивановъ-день*. Въ этотъ день зажигаютъ различные огни, деревья, смоляныя бочки и т. п., и собираютъ цѣлебныя травы. Молодые дѣвки приносятъ домой по пучку благовонныхъ травъ и кладутъ ихъ подъ головную подушку, чтобы видѣть въ слѣдующую ночь пріятный сонъ.

6) *День св. Оомы*. Въ этотъ день съ различными обрядами зарѣзываютъ барана.

7) 29-го іюня многіе изъ эзельскихъ крестьянъ считаютъ обязанностью убить какое либо животное въ пищу и говорятъ: „въ Олаевъ день должно ножъ окривавить“.

8) *День встѣхъ усопшихъ*. Въ прежнія времена день этотъ, 2-го ноября, игралъ значительную роль: приготовлялась трапеза для душъ умершихъ. Каждый отецъ семейства, смотря по состоянію, готовилъ болѣе или менѣе великолѣпный ужинъ; около полуночи приказывалъ подавать на столъ, посылалъ всѣхъ домашнихъ скрыться на скотный дворъ или въ какой либо другой уголокъ, и оставался въ жилой избѣ одинъ, ожидая пока глѣніе пѣтуха означитъ наступленіе полночи. Тогда отворялъ онъ двери и, называя по имени cadaго изъ умершихъ родныхъ и друзей, приглашалъ ихъ на трапезу, принималъ cadaго изъ невидимыхъ гостей радушными словами и поклономъ, и просилъ садиться за столъ. Когда невидимые, по его мнѣнію, всѣ собрались и усѣлись, хозяинъ спрашивалъ гостей, какъ они поживаютъ со времени разлуки, и самъ рассказывалъ имъ про свою судьбу, про свое счастье и несчастье, не забывая при этомъ упра-

шивать гостей, чтобы они кушали. Увѣря себя, наконецъ, что невидимые поѣли всего вдоволь, онъ снова растворяетъ двери, свѣтитъ лучиною, проситъ гостей отправиться домой, не осудить его за простое угощеніе, благодаритъ за честь посѣщенія, проситъ о такомъ же и на слѣдующій годъ, и каждому на прощанье махаетъ по три раза бѣлымъ платкомъ, поручая иногда поклониться и другимъ знакомымъ въ царствѣ тѣней. Послѣ такихъ проводовъ домашніе вызывались изъ засады, и скоро и весело истребляли оставшіяся послѣ невидимыхъ кушанья. Въ настоящее время день этотъ уже не празднуется на Эзелѣ.

9) *Вечера Яо*. Существуетъ обычай проводить особымъ образомъ девять дней, предшествующіе празднику Рождества Христова. Это называется *läöbhto piddamine* (держатъ вечера Яо). Въ теченіе всѣхъ этихъ девяти дней, всякій шумъ воспрещается наистрожайше: никто не смѣетъ ни рубить дровъ, ни прастъ, ни стирать, ни производить какую либо другую работу, сопряженную съ шумомъ; даже громкій говоръ избѣгается по возможности. Гробовая тишина, такъ сказать, царствуетъ въ это время въ жилищахъ эстовъ; если же кто уронитъ какую вещь, или другимъ образомъ произведетъ нечаянно стукъ или шумъ, вся семья приходитъ въ отчаяніе. Справляемое такимъ образомъ празднество служитъ, по понятіямъ эстовъ, къ тому, чтобы защитить наступающій годъ отъ бурныхъ непогодъ и грозъ.

Похоронные.

Объ уходѣ за больнымъ не слишкомъ заботятся, стараются только побольше накормить его. Эсты полагаютъ, что не должно умирать на кровати. Поэтому лежащаго въ борьбѣ со смертью поднимаютъ съ постели и кладутъ на полъ, на соломенную подстилку, что по-эстски называется *rikka õlline rappema* — класть на длинную солому. Покойника тщательно омываютъ и одѣтаго кладутъ потомъ на столъ. Ночью караулятъ его, и караульщики угощаютъ моченымъ, слегка посоленнымъ горохомъ, чтобы было имъ чѣмъ разгонять сонъ и скуку. По свидѣтельству Люде, еще лѣтъ сто тому назадъ кой гдѣ существовалъ обычай зарывать съ покойникомъ головную щетку, кусокъ мыла, мелкую монету, склянку съ водой, иглу и пряжку для штюпанья чулокъ и топоръ, при чемъ мертвому говорили слова, приводимыя Карамзинымъ: „иди, несчастный, въ міръ лучшій, гдѣ вѣщцы

уже не могут властвовать надъ тобою, а будутъ твоими рабами!" (Истор. госуд. росейск. изд. 2, том. III, стр. 143). Иной старикъ, неизмѣющій родственниковъ, справлялъ по себѣ поминки еще при жизни, для чего приглашалъ крестниковъ или сосѣднихъ парней и угощалъ ихъ какъ водится. По смерти его поминокъ уже не дѣлалось; да и къ чему, когда преду-смотрительный старикъ остался не въ накладѣ. Гробъ ставятъ на телѣгу, на которую садятся всѣ приближенные умершаго, нѣкоторые — даже и на самый гробъ; за этою телѣгою слѣдуютъ другія съ множествомъ провожающихъ мужчинъ и съ женщинами, окутанными въ бѣлые платки. Всѣ поютъ и при этомъ держатся за вѣдущій на рысяхъ гробъ. Предъ опу-сканіемъ покойнаго въ могилу, одинъ изъ приближенныхъ, пятею лѣвой ноги, три раза ударяетъ по гробу, чтобы мертвый не беспокоилъ родныхъ своими ночными посѣщеніями. Погребенія совершались прежде очень скоро, и умершій по утру, къ вечеру былъ уже на кладбищѣ.

Суевѣрія.

Еще разнообразіе вѣрованія эстовъ въ благодѣтельныхъ и нечистыхъ духовъ, коимъ поэтическое воображеніе придадо привлекательныя черты: у нихъ существуютъ ундины (Näk, Wessi Hallias), эльфы, лѣшіе (Mets-Hallias), подземные духи (Maе allused), колдуны и колдуньи, которые могутъ превращаться въ разныхъ животныхъ, преимущественно въ волковъ.

1) *Подземные духи* (Maе allused) выходятъ иногда, напр. въ ночь предъ новымъ годомъ, изъ своихъ жилищъ и издѣваются надъ людьми. Въ полночной тишинѣ, приложивъ ухо къ землѣ, въ теченіе 7 ночей, отъ Рождества до новаго года, можно слышать какъ подземные духи курутъ металлы; можно даже различить желѣзо, серебро или золото звучить подъ молотомъ. Подземные духи сковали корону змѣиному царю. Ослѣпительный блескъ ея вызвалъ отвсюду змѣй, собравшихся вокругъ своего побѣдителя въ видѣ большой конны, изъ которой голова его сіяла какъ солнце. Если сѣсть на мѣсто, подъ которымъ живутъ подземные духи, то они надуваютъ различныя сыпы, особенно липаи. Чтобы избѣжать бѣды, прежде чѣмъ сѣсть, слѣдуетъ на это мѣсто три раза плюнуть. Между Анзеюлемъ и Корки, въ лѣсу, жители Шворбе набрасываютъ груду дубинъ. Это мѣсто

считается жилищем злых духовъ, а дубины бросаютъ для того, чтобы удержать ихъ въ почтеніи. Такимъ признается всякое мѣсто, гдѣ случилось какое-либо несчастье, или что нибудь непонятное.

2) *Домовые* считаются духами добрыми, приносящими пользу тому дому, гдѣ поселяются. Всякій, говорятъ эсты, самъ можетъ завести себѣ такого домового: стоитъ только сдѣлать, по извѣстной формѣ колдовства, наружную оболочку его изъ пакли, старыхъ тряпокъ, сосновой коры и т. п., и потомъ три четверга сряду, по вечерамъ, на одной изъ перекрестныхъ дорогъ, звать „чернаго“, который, по заключенному съ нимъ договору, и приводитъ приготовленное чучело въ дѣятельность. Чортъ за это требуетъ въ задатокъ чернаго зайца; но хитрый эсть обманываетъ его: вмѣсто зайца даетъ чернаго кота, и обманъ этотъ дурныхъ послѣдствій не имѣетъ, потому что всегда остается ненаказаннымъ. Домовой вылетаетъ изъ дому за поживой въ ночное время и всегда возвращается съ богатой добычей; при этомъ похищенное имъ имущество образуетъ въ воздухѣ огненный хвостъ. Кто, замѣтивъ такое явленіе, успѣетъ, по правиламъ колдовства, перерѣзать себѣ на лѣвой ногѣ перекрестныя завязки башмаковъ, тотъ получаетъ часть похищенной домовымъ добычи: домовой бросаетъ ее на лету, принужденный къ тому предѣланной операціей.

3) *Русалокъ* эзельскихъ никто не видалъ, слышать только ихъ хотеть. Онѣ живутъ въ источникахъ, озерахъ, но особенно въ текучей водѣ и преимущественно въ пучинѣ. Подойдетъ ли купающійся близко къ такому мѣсту, гдѣ вода вертится воронкой, русалка тянетъ его въ воду и онъ погибаетъ на вѣки. Про русалку, которая по эстски называется *Naek*, или *Wessi-hallias*, рассказываютъ, что это прекрасная дѣвушка съ длинными волосами, которая часто въ лѣтніе дни купается на морскомъ берегу, качается на волнахъ, рѣвится, поетъ и расчесываетъ свои роскошныя волосы, оставляя одежду свою для просушки на камняхъ. Иногда русалка превращается вдругъ въ хорошенькаго, великолѣпно осѣдланнаго жеребчика; въ этомъ видѣ любить она присоединяться къ играющимъ дѣтямъ, бываетъ съ ними смирна, обходительна и даже позволяетъ садиться на себя. При этомъ конь и сѣдло могутъ увеличиваться по произволу, такъ что дюжина и болѣе дѣтей, всѣ вмѣстѣ, могутъ усѣсться и кататься. Но какъ скоро кто нибудь, по неосторожности, произнесетъ *naek*, лошадь и сѣдло исче-

зають, оставляя на берегу цѣлый рядъ сѣдиковъ, съ растопыренными ногами и разинутыми отъ недоумѣнія ртами.

4) *Лъшій*. Лѣшаго, по-эстски *Mets-hallias*, представляютъ себѣ съ отвратительною наружностью, духомъ злымъ, который образуетъ эхо и любитъ дразнить заблудившихся по ночамъ путниковъ. Суевѣрные эсты боятся его и до сихъ поръ.

5) У эзельцевъ есть еще *страшилища*, пугающія людей: Тонтъ, Метса-Тонтъ и Онгъ, но что это такое, никто навѣрное не знаетъ. Заслышавъ звукъ на верху избы, говорятъ: „это Тонты и Онги“.

6) *Kueltking* есть душа умершаго, негодная ни въ рай, ни въ адъ, и потому блуждающая по землѣ, до тѣхъ поръ, пока съѣстъ ее волкъ, ѣжится особенно лакомый до такихъ блюдъ.

7) *Эзельскіе утыри* несравненно благонравнѣе всѣхъ своихъ собратій. Обыкновенно это строгіе хозяева, которые возвращаются иногда на бѣлый свѣтъ за тѣмъ, чтобъ шумомъ и стукомъ напомнить своимъ ближнимъ объ ихъ обязанностяхъ. Единственная ихъ шалость состоитъ въ томъ, что они пугаютъ иногда дѣтей тѣхъ родителей, которые не сдѣлали имъ личной гризны.

8) *Вообще нечистая сила*. Нѣкоторые, по роду своихъ занятій, считаютъ себя какъ бы обязанными входить въ сношенія съ „нечистой силой“: пастухи, чтобы предохранить стада свои отъ разныхъ несчастій, лѣтомъ въ особенности отъ хищныхъ звѣрей; охотники — чтобы имѣть удачу въ стрѣльбѣ.

9) *Колдовство*. Вездѣ, гдѣ существуетъ вѣра въ духовъ, есть и люди, которымъ приписывается сношеніе съ ними, и которые будто бы могутъ преимущественно это, по произволу, обращать въ пользу или во вредъ. Колдуны и колдуньи умѣютъ будто бы отыскивать пропавшія вещи, дѣлать побои нечувствительными, укрощать гнѣвъ господъ, заговаривать, давать пастухамъ посохи для охраненія отъ бѣдствій въ пастушескомъ быту.

Волка крестьянинъ называетъ сѣднимъ старикомъ, смѣльчакомъ, лѣсной птичкой. Говоря объ овцѣ, зарѣзанной волкомъ, мужикъ увѣряетъ, что это сдѣлалъ лѣсъ. Эзельцы вообще уважали волка.

Многіе думаютъ, что кто имѣетъ при себѣ ужа, тому на морѣ нечего бояться ни несчастья, ни противныхъ вѣтровъ. Въ островѣ Нуебъ, увиди

змѣю, говорятъ: „*reiöke, reiöke, pruidike taleb!*— женишокъ, женишокъ, невѣстуха идетъ! Если заговоръ не помогаетъ, значить змѣя — самка, и тогда говорятъ: „*pruidike, pruidike, reiök taleb!*“ — невѣстуха, невѣстуха, женишокъ идетъ! Змѣя лежитъ и не смѣетъ удалиться. Поставивъ ольховый крестъ предъ порою, вызываютъ изъ нея змѣю. Змѣя есть проявленіе злаго или разгнѣваннаго духа.

Всякая болѣзнь, не происходящая отъ Бога, исходитъ отъ *оттра*, насылаемая чарами. (Не русское ли это „*носптупіе*“!)

Здѣшніе крестьяне носятъ съ собою ножъ въ кожаныхъ ножнахъ. Потерявъ ножъ, крестьянинъ тотчасъ втыкаетъ вмѣсто него палочку, и вотъ почему: во время грозы Юмалъ преслѣдуетъ громомъ и молніею дьявола; встрѣтивъ на лету пустня ножны, дьяволъ влѣзаетъ туда и такимъ образомъ освобождается отъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

Вихрь есть душа старухи, выходящая на грабежъ, такъ какъ вихрь все поднимаетъ съ земли и крутитъ съ собою. Пока душа вертится вихремъ, тѣло лежитъ въ состояніи близкомъ къ смерти, и если его перевернуть ничемъ, то душа свищетъ и визжитъ, пока найдетъ свободный входъ.

О забавной прудѣльцѣ эзельцевъ при видѣ метеоровъ, интересующіеся могутъ прочитать у Люде (*Wahrheit und Muthmassung*, 106).

Само собою разумѣется, что племя, совершившее на своемъ вѣку такъ много морскихъ путешествій, должно было усвоить нѣкоторыя свѣдѣнія по астрономіи. И дѣйствительно здѣшніе крестьяне не чужды самыхъ общихъ астрономическихъ познаній. Мнѣ извѣстенъ случай такого рода. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ буря сорвала съ якоря двѣ или три лодки, въ которыхъ безопасно спали рыболовы. Одинъ изъ нихъ, помѣщавшійся въ отдѣльной лодкѣ, увидаль знакомую звѣзду, которая на минуту открылась среди непроницаемой темноты. Тотчасъ сообразивъ мѣстность, рыболовъ направилъ свою лодку какъ должно и вскорѣ благополучно достигъ гавани. Прочіе товарищи его погибли.

Исторія Эзеля передаетъ намъ, что болѣе чѣмъ за сто лѣтъ, когда не печатались календари на эстонскомъ языкѣ, между крестьянами водились составители календарей, которые вполне удовлетворяли потребностямъ жителей. Такой календарь состоялъ изъ палочекъ, длиною въ футъ. На этихъ палочкахъ были вырѣзаны различныя фигуры. Съ нѣкоторыми измѣненіями

подобный календарь могъ служить на всѣ годы. Въ настоящее время изображеніе его можно найти только въ рисункѣ.

Появленіе кометы, какъ и вообще всего необыкновеннаго, эзельцъ считаетъ за худое предзнаменованіе. Кроме того, онъ боится вѣжи и олицетворяетъ ее въ видѣ злой вѣдьмы, которая разбѣзжаетъ по полямъ.

Въ селеніи Панкѣ, гдѣ крутой берегъ въ видѣ стѣны вышиною въ 102 фут., разказываютъ слѣдующее преданіе: въ прежнее время каждый годъ море уносило съ берега въ этомъ мѣстѣ по одному человѣку, котораго проглатывалъ морской богъ. Чтобы избавиться отъ такого постоянного несчастія, жители рѣшили ежегодно приносить жертву морскому богу; можно полагать, что жертва состояла въ пивѣ и водкѣ, потому что и теперь есть обычай вывозить эти напитки въ море и выливать ихъ въ то мѣсто, гдѣ происходитъ сильный водоворотъ.

Въ дѣлахъ своихъ и пренріятіяхъ крестьянинъ соображается то съ направленіемъ вѣтра, то съ лунными фазами: такъ при сѣверномъ вѣтрѣ не должно закалывать животныхъ, чтобъ мясо не было жестко, и проч. Дерево становится лучше и прочнѣе, если оно срублено въ извѣстную пору. Такъ однажды помѣщикъ, заказывая экипажъ, предлагалъ своему мастеру вопросы: когда лучше рубить дерево для ступицъ, спицъ, косяковъ, осей и т. п.? Мастеръ смѣло отвѣчалъ: въ новолуніе, въ полнолуніе, въ первую четверть, въ послѣднюю четверть мѣсяца, но когда всѣ отвѣты истощились, онъ затруднился, и запинаясь, произнесъ: „когда... когда... совсѣмъ не будетъ мѣсяца!“

Сѣра и *assa foetida* играютъ у эзельцевъ важную роль противъ чаръ. Рожу, какъ у насъ лишай и другія сыпи, присѣкаютъ огнивомъ. Зубную боль передаютъ, при извѣстныхъ заговорахъ, животнымъ — собакѣ, воронѣ. Въ болѣзняхъ почки употребляютъ растенія съ почкообразными листьями. Противъ оспы одинъ крестьянинъ удачно употребилъ растеніе вороній глазъ (*ragis quadrifolia*). Вообще доморощенные врачи всѣ свои медицинскія соображенія основываютъ на сходствѣ больного члена съ какими нибудь отдѣльными частями растенія.

Легенды, преданія и пословицы.

Нѣтъ въ мірѣ такого малообразованнаго народа, который существованіе свое ограничивалъ бы однимъ настоящимъ и не вынесъ изъ прошлаго своего хотя какого либо умственнаго запаса. Финновъ, у которыхъ отыскался цѣлый народный эпосъ, менѣе всего можно назвать такимъ народомъ, а эсты, какъ и финны финляндскіе, сохраняютъ сказанія, дошедшія къ нимъ изъ глубокой древности, и дѣйствующими лицами въ этихъ сказкахъ являются эстонскіе богатыри, напр. Тэль, Калевичъ и др.

Тэль былъ страшный великанъ и храбрый витязь; оружіемъ, съ которымъ онъ ходилъ на врага, служило ему стропило или телѣжное колесо, но и безъ того онъ кулакомъ разбивалъ дома. У него было двое братьевъ; одинъ жилъ на Даго, другой былъ ваннемомъ въ Вольде; съ послѣднимъ у него былъ одинъ заступъ. Понадобится ли Телю заступъ, онъ свиснетъ брату, и тотъ вынетъ заступъ въ Тѣллистъ. Огородъ у него былъ на Руно. Поставивъ котелъ на огонь, отправлялся Тэль за 9 миль пѣшкомъ, моремъ, и поспѣвалъ съ капустой, чуть вода закипала. Умирая, утѣшалъ онъ друзей горько плакавшихъ: „если пойдутъ на васъ враги, закричите надъ моею могилою: Тэль, враги идутъ! И я встану и помогу вамъ“. Умеръ Тэль, и былъ схороненъ въ Тѣллистѣ, и теперь показываютъ его могилу. Много прошло времени — враги не являлись, но мальчишкы-пастухи, слышавшіе про обѣщаніе Тѣля, вздумали испытать его честность; они побѣжали къ его могилѣ и разомъ вскричали: Тэль, враги идутъ! Тэль выпрямился, но тотчасъ догадался, что его обманули и снова легъ. И теперь уже напрасно сталъ бы кто кричать: Тэль, враги идутъ: разсерженный Тэль не встанетъ.

Верховное божество древнихъ финновъ, владѣтель сѣвера — *Вейне-мойнемъ* есть сынъ родоначальника великановъ — *Калева*. Народнымъ героемъ у эстовъ, какъ эстляндскихъ, такъ и лифляндскихъ, является сынъ этого Калева — *Калевепоегъ* (Kalewe-roeg) или Калевичъ, сильно напоминающій нашего Илью Муромца. Преданіе представляетъ его гигантомъ, жившимъ, впрочемъ во времена не весьма отдаленныя, когда земля эстовъ завоевывалась рыцарями. Вотъ нѣкоторые рассказы о подвигахъ этого героя, доселѣ повторяющіеся въ устахъ эстовъ. Однажды три

отважные и сильные рыцаря (по эстски *gaud mehhed* — „железные мужи“) вызвали Калевича на поединокъ. Противостать всѣмъ тремъ разомъ онъ счелъ неблагоразумнымъ, а потому и началъ отступать, маня ихъ за собой. Рыцари стали преслѣдовать отступающаго, каждый сколько могъ скорѣе, и когда въ погонѣ поотстали они на значительное разстояніе одинъ отъ другаго, Калевичъ остановился и началъ бой съ ближайшимъ изъ преслѣдователей, самымъ сильнымъ изъ трехъ. Послѣ непродолжительной борьбы, схватилъ онъ рыцаря за плечи, приподнял и ударилъ о землю такъ сильно, что вбилъ въ нее по колѣни; тутъ уже не трудно ему было сломать рыцарю ноги боковымъ ударомъ. Побѣдивъ такимъ образомъ перваго противника, схватился онъ со вторымъ, и такимъ же образомъ воткнулъ его въ землю по самую шею, а потомъ ударомъ ноги отшибъ голову. Третій рыцарь, вѣроятно самый слабый, былъ ударенъ о землю съ такою силою, что голова его ушла на нѣсколько футовъ ниже земной поверхности. Разсердившись однажды на жителей одной мѣстности, Калевичъ испортилъ ихъ землю, перепахалъ ее своимъ конемъ великаномъ и обратилъ въ болото.

Сказка о сборищахъ въ Блоксбергѣ существуетъ и здѣсь. Двѣ дѣвушки хотѣли однажды посмотрѣть какъ блоксбергскіе гости отправятся въ ночной поѣздъ. Ихъ предупредили, что ни въ какомъ случаѣ не должно надъ этимъ смѣяться. Гости готовы были отправиться, кто на козлѣ, кто на помелѣ, и куренія были уже окончены, какъ вдругъ оказалось, что одному изъ гостей не на чемъ ѣхать. Вонъ мышь въ углу, садись на нее, вскричалъ хозяинъ. Гость вскочилъ на мышь и хлопнулъ бичемъ. Это показалось такъ смѣшно одной изъ дѣвушекъ, что она захохотала и треснула. У мужика не было переднихъ зубовъ, но никогда никому не хотѣлъ онъ сказать, какъ и гдѣ онъ ихъ лишился. На смертномъ одрѣ признался онъ наконецъ, что былъ однажды на Блоксбергѣ. Тамъ было много нѣмцевъ, для которыхъ готовилось кушанье. Мужикъ захотѣлось узнать, каково это кушанье, и потому онъ заглянулъ въ котель, но бѣсъ, исправлявшій должность повара, такъ ловко угодилъ ему желѣзнымъ уполовникомъ, что вышибъ всѣ передніе зубы.

Пятна на лунѣ старинное сказаніе объясняетъ такъ: два вора, нена сытные въ своемъ ремеслѣ, рѣшились на дерзкое предпріятіе — украсть мѣ-

сящъ. Они взобрались туда, но сойти имъ запрещено, и тамъ они остались доселѣ.

Вообще поэтическія преданія эстовъ состоятъ изъ разсказовъ безъ рѣзмъ. Докторъ Фельманъ собралъ нѣкоторые изъ этихъ преданій и напечаталъ ихъ въ запискахъ Эстонскаго Ученаго Общества въ Дерптѣ. Приводимъ изъ нихъ одно слѣдующее, по нашему мнѣнію, лучшее и древнѣйшее.

І. Пѣсня Ваннемунне.

„У людей и у звѣрей былъ одинъ языкъ. И до сихъ поръ есть люди, которые понимаютъ языкъ звѣрей, и звѣри имъ повинуются. Но языкъ этотъ служилъ для будничнаго употребленія, для нужды жизни. Однажды же всѣ твари сованы были на общій сборъ, чтобы научиться праздничному языку, т. е. пѣснямъ — въ отраду себѣ и для прославленія боговъ. И собралось все, въ чемъ была жизнь и дыханіе, собралось у Дерпта, вокругъ Соборной Горы, гдѣ была священная роща. Вдругъ раздалось въ воздухѣ вѣяніе, умиляющее сердце, и спустился на землю Ваннемунне, богъ пѣннѣя. Онъ раскинулъ свои кудри, оправилъ одежду, разгладилъ бороду и ударилъ по струнамъ“.

„Сперва сыгралъ онъ прелюдію, а потомъ запѣлъ гимнъ. Все было въ восторгѣ, а самъ онъ больше всѣхъ. Тишина воцарилась въ собраніи: все внимало пѣнію. Эмбахъ остановилъ свое теченіе, вѣтеръ забылъ свою рѣзвость; деревья, звѣри и птицы напрягли слухъ, и эхо, любящее дразнить, притаилось за лѣсомъ. Но слушавшіе не всѣ равно поняли. Деревья рощи почували вѣяніе при нисхожденіи бога, и если, идя по рощѣ, услышите вы шумъ, то знайте, что божество недалеко отъ васъ. Эмбахъ вслушался въ шелестъ его одежды, и весною, когда празднуетъ возвратъ юности, журчаніемъ своимъ старается подражать этому шелесту. Вѣтеръ поймалъ на свою долю самые рѣзкіе звуки; изъ звѣрей же, однихъ поразилъ скрипъ колковъ, а другихъ звонъ струнъ. Пѣвчія птицы, особенно соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію. Всѣхъ меньше досталось рыбамъ: высунувъ изъ воды головы свои лишь по уши, онѣ видѣли только движенія устъ Ваннемунне, и научились подражать имъ, но остались нѣмы. Только человекъ понялъ все: оттого и пѣсни его доходятъ до глубины души и до жилища боговъ“.

„И пѣлъ Ваннемунне о величіи неба, о великолѣпїи земли, о врасотѣ береговъ Эмбаха, о томъ, что они лишатся нѣкогда своей очаровательности, о счастіи и несчастіи человѣческаго рода. И такъ былъ онъ растроганъ своимъ пѣніемъ, что плакалъ горячими слезами, отъ которыхъ прожegli на немъ всѣ шесть кафтановъ и семь рубахъ. Потомъ отлетѣлъ онъ въ жилищу Все-Отца, чтобы пѣть и играть передъ нимъ, и посвященному слуху дано внимать иногда далекимъ отголоскамъ, несущимся свыше. А чтобы люди не забыли пѣсней, отъ времени до времени онъ посылаетъ на землю своихъ вѣстниковъ. И самъ онъ опять придетъ къ намъ, когда на юдоль нашу снова взглянетъ око счастія“.

Пословицы.

- Не всѣ куры могутъ вскочить на шестокъ (счастіе не ко всѣмъ одинаково благосклонно).
- Кто работаетъ, долженъ замараться.
- Старая дорога, старыи другъ.
- Бери у рака шерсть (взятки гладки).

Загадки.

- Что подымается безъ крыльевъ? — Пухъ.
- Шевелится, качается, а никогда не падаетъ. — Дымъ.
- Одна бочка, а двухъ сортовъ пиво въ ней. — Яицо.
- Красная собачка лаетъ за костянымъ заборомъ. — Языкъ.
- Снизу одушевлено, сверху одушевлено, а посрединѣ не одушевлено. — Лошадь съ сѣдломъ и всадникомъ.

V. Внутренній бытъ.

Народонаселеніе Эзеля въдревности было очень значительно; въ XII-м столѣтїи эзельцы поставляли войновъ тысячами и снаряжали сотни судовъ. Первоначальное гражданское устройство было патріархальное; главою каждаго семейства былъ отецъ, старшїи — ваннемъ. Скоро общїе интересы ставили отдѣльныя семейства соединиться въ союзы, главою которыхъ былъ избираемъ одинъ изъ ваннемовъ. На обязанности ваннема лежали

судъ и расправа. Весь островъ послѣ раздѣлялся на восемь участковъ, управлявшихся ваннами.

Это раздѣленіе и донынѣ видно въ различіи цвѣтовъ одежды; такъ въ Пейде носятъ платье темнобурое, въ Вольде и Каргелѣ темносѣрое, свѣтлосѣрое на Шворбе, словомъ каждый приходъ имѣетъ свой особый нарядъ. Одежда женщинъ весьма разнообразна въ различныхъ частяхъ острова; главное различіе является въ головномъ уборѣ, который носятъ всеми замужними женщинами; не замужнія же плетутъ длинные волосы свои въ двѣ косы, обвязанныя кругомъ головы лентами, или же распускаютъ ихъ кругомъ плечъ. Различіе одежды у мужчинъ, и въ особенности у женщинъ, столь велико, что жителей двухъ сосѣднихъ деревень по платью можно отнести къ различнымъ племенамъ. Бромѣ коричневыхъ и свѣтлосѣрыхъ кафтановъ, встрѣчается и родъ куртокъ съ металлическими пуговицами; на Моонѣ и Шворбе крестьянами употребляются лапти изъ тюленьей кожи, въ остальныхъ же мѣстахъ сапоги или башмаки. Въ однихъ мѣстахъ мужчины носятъ обыкновенныя круглыя шляпы, а въ другихъ — мѣховыя шапки изъ бараньихъ шкуръ, шерстью наружу. У женщинъ головной уборъ составляетъ одну изъ главныхъ особенностей приходскаго костюма и принимаетъ весьма оригинальныя формы: то онъ приближается къ нашему кокошнику, остроконечному колпаку, или двурогой мѣховой шапкѣ, изъ овечьихъ шкуръ, украшенныхъ въ верхней части разноцвѣтнымъ сукномъ, то весьма подходитъ къ шапкамъ лейбъ-гусаровъ, то наконецъ принимаетъ такія фантастическія формы, что рѣшительно становишься въ тупикъ, когда и откуда залетѣли онѣ сюда. Быть-можетъ, онѣ возникли во времена рыцарства, когда островъ раздѣлялся на лены. Короткая куртка женщинъ или спензеръ бываетъ обыкновенно краснаго цвѣта и безъ рукавовъ; темная юбка, съ широкими цвѣтными полосами, доходитъ до половины икръ, сѣрые или синіе шерстяные чулки по праздникамъ замѣняются чулками краснаго цвѣта. Зимой, сверхъ описаннаго платья, женщины надѣваютъ еще особаго поероя кафтанъ изъ того же сукна — вадмаль. Особенно замѣчательенъ нарядъ женщинъ мустельскаго прихода. На бѣлокурую голову надѣвается черная баранья шапка, формы гири, съ двумя рогами, согнутыми въ дугу другъ къ другу. Признаюсь откровенно, что я, прогуливаясь по окрестностямъ города, часто ожидалъ увидѣть между эвель-

скими женщинами голубоокихъ и золотоволосыхъ нимфъ самой заманчивой наружности. Причиной такой фантазіи была картина одного даровитаго художника, нѣсколько лѣтъ тому назадъ украшавшая академическую выставку. Картина называлась такъ: „Жница съ острова Эзеля“, и надо сказать правду, представляла зрителямъ самое милое женское личико и самый оригинальный, даже самый блестящій костюмъ изъ всѣхъ костюмовъ, мнѣ извѣстныхъ. Къ изумленію моему оказалось, что дѣйствительныя поселанки Эзеля вовсе не сходны съ ихъ милымъ изображеніемъ. Также и костюмъ этихъ фей можетъ назваться скорѣе страннымъ, чѣмъ великолѣпнымъ. На просторѣ я часто любовался бѣлыми шерстяными юбками эзельскихъ женщинъ съ поперечными разноцвѣтными полосами, ихъ коричневыми кофтами, обхватывающими плотно станъ, ихъ синими или красными шерстяными чулками, башмаками и свѣтлыми и опрятными кафтанами. Мнѣ особенно нравились у нѣкоторыхъ дѣвицъ распущенные волосы, когда, крупные и волнистые, они роскошно выпадали изъ-подъ шерстянаго полосатаго колпака, надѣтаго на бочекъ, окаймляя загорѣлое лицо эстонки, не всегда красивой, но свѣжей, рослой и большею частію очень пріятной наружности.

Эзелецъ вообще рослъ и крупенъ, съ живописнымъ покроемъ всего его наряда; но всѣ движенія его не только не свободны, но и вялы. Въ Аренсбургѣ на каждомъ шагу встрѣчается субъектъ, который такъ и просится, какъ натура, въ мастерскую художника-живописца. Вотъ старикъ, съ длинными посѣдѣлыми уже волосами, развѣвающимися по воздуху, съ худощавымъ лицомъ и мутными глазами изъ-подъ изношенной шляпы, въ полосатыхъ чулкахъ и башмакахъ, въ коричневомъ камзолѣ съ большими карманами и красномъ жилетѣ, изъ-подъ котораго видна шерстяная рубашка, и пришитыя на ней бѣлыя пуговицы у самаго ворота представляютъ вѣрный крестъ †. Онъ опирается на узловатую свою палку; видно, что молодость его прошла, давно прошла, но старикъ еще въ силѣ — въ немъ своя прелесть — иному и молодому ея у него не отнять.

То бѣжить крупнымъ шагомъ дѣвушка лѣтъ шестнадцати, бѣлокурая какъ лень, въ полосатой красной съ синими юбкѣ, волосы ея связаны пучкомъ сзади, и незаплетенные спущены на спину. На ней какой-то вѣничекъ съ шерстяными красными тесьмами, потомъ на ней большой бѣлый

воротникъ, въ родѣ кружева, и пестрый ситцевый передникъ: иногда она подвязана шелковымъ яркимъ цвѣтовъ платочкомъ, въ другой разъ ея сѣрая кофта, застегнутая на пуговицахъ, оторочена красными тесьмами. Дѣвушка стройна и полна, насколько это можетъ придать ей красоты. Щеки ея такъ и рдѣютъ здоровьемъ. Иногда цѣлая группа на телѣгѣ и женщинъ и дѣтей такъ живописно рисуется всѣми своими движеніями и позами, оригинальными нарядами и головными уборами, что такъ бы ихъ и срисоваль для любого художническаго альбома. Мы и знать не знаемъ, какъ красивы и характерны костюмы столькихъ народовъ и племенъ нашей родины Россіи, и кому не было бы отрадно съ ними ближе познакомиться? Въ Лифляндіи народные наряды держатся еще неприкосновенными, и, кажется, какъ нельзя лучше приспособлены къ климату и мѣстности своей губерніи.

Многіе изъ костюмовъ эзельскихъ крестьяночекъ отличаются нѣкоторою щеголеватостью убранства, которая встрѣчается только въ Финляндіи. Объединеніе крестьянокъ лишило большую часть эстонокъ одной изъ главныхъ принадлежностей наряда — большой серебряной, выпуклой бляхи (pgees), которою застегивается на груди рубаха или верхнее платье: мѣстами онѣ еще носятъ, но гораздо меньшихъ размѣровъ.

Судъ и расправу производили въ мирное время ваннены, а въ военное они были предводителями войскъ. Различій въ правахъ между ними не было; всѣ пользовались личною свободою и одни только военно-плѣнные подвергались рабству. Старшины жили въ уврѣжденных мѣстахъ, служившихъ общимъ убѣжищемъ въ военное время. Генрихъ Латышъ приводитъ частые примѣры жестокости эзельцевъ не только противъ враговъ, но и противъ одноземцевъ, принявшихъ христіанство. Междоусобія почти не прерывались. Первые жители Эзеля занимались земледѣліемъ, но болѣе рыбною ловлею и морскими разбоями, извѣстія о которыхъ сохранились въ древнихъ шведскихъ, датскихъ и прусскихъ хроникахъ. Оружіе они выдѣлывали сами, равно какъ и суда, на которыхъ предпринимали смѣлые торговые, а больше удалые разбойничьи походы. Находимыя и теперь монеты свидѣтельствуютъ, что онѣ были въ ходу, и что эсты были въ сношеніяхъ съ прочими прибалтійскими народами. Когда у сосѣднихъ народовъ начали проявляться зародыши будущей цивилизаціи и стало утверждаться монархическое начало, своеволіе эстовъ и отсутствіе всякихъ общихъ интере-

совъ не допускали никакого организованнаго правленія а тѣмъ менѣе средоточія власти; напротивъ, отдѣльныя общества спорили и нерѣдко враждовали между собою. Въ такомъ положеніи разъединенія и внутренней слабости эсты были застигнуты германскими выходцами; къ этому еще нужно прибавить, что отношенія ихъ къ народу, съ которымъ они непрестанно сталкивались и были связаны одинаковыми политическими интересами, вслѣдствіе взаимной независимости, были постоянно враждебныя. Съ покореніемъ Эзеля ливонцами быстро распространилось владычество ихъ надъ туземцами; слѣдствіемъ его было рабство, утвержденное въ Лифляндіи, какъ и въ другихъ странахъ, современными понятіями и предразсудками. Образовавшійся при такихъ обстоятельствахъ характеръ эстовъ сохранился до сихъ поръ, не смотря на то, что обстоятельства, при которыхъ онъ сложился, давно измѣнились и природныя свойства должны были смягчиться при вліяніи религіи и просвѣщенія. Безпрестанныя войны съ ближайшими сосѣдями породили хитрость и наклонность къ волкымъ насмѣшкамъ; независимость — нѣкоторую энергію и настойчивость; невольное подчиненіе чужеземцамъ — ненависть къ обладателямъ земли, какою бы націи они ни были; обиды, ими перенесенныя — злопамятность и мстительность; отсутствіе собственности и бѣдность — своеправіе и вѣтреность. Если характеристика эта весьма не отрадна, то съ другой стороны нужно сказать, что многія качества эстовъ общають самостоятельное развитіе ихъ нравственныхъ силъ: остроуміе свидѣтельствуетъ о способности логичнаго мышленія, а настойчивость изобличаетъ безстрашіе и хладнокровное мужество. Впрочемъ, не всѣ эсты въ одинаковой степени обладаютъ описанными свойствами; большая разница, даже въ наружномъ видѣ, замѣчается между обитателями Верросскаго уѣзда и жителями сѣверныхъ частей Лифляндіи, всей Эстляндіи и въ особенности острова Эзеля и другихъ острововъ; у этихъ послѣднихъ всего яснѣе выражаются отличительныя черты эстонскаго характера. Умственныя способности эстовъ съ перваго взгляда поражаютъ неразвитостью и даже ограниченностью; при болѣе же тщательномъ ознакомленіи съ ними, нельзя не замѣтить, что они обладаютъ умомъ весьма лукавымъ и острымъ; къ тому же не лишены и поэтической способности: повѣія ихъ имѣють характеръ эпическій, предметы воинственныхъ разсказовъ относятся къ исторіи народа и чуднымъ дѣяніямъ боговъ и героевъ,

а изложеніе имѣетъ повѣствовательную форму въ третьемъ лицѣ. Настоящій есть трудолюбивъ, честенъ, терпѣливъ, упрямъ. Шестъ дней въ недѣлѣ онъ работаетъ неутомимо, воскресенье посвящаетъ сперва молитвѣ, а потомъ увеселеніямъ. Вино оказывается на него (и это всегда, безъ исключенія) самое вредное дѣйствіе. Чѣмъ больше пьетъ онъ, тѣмъ становится угрюмѣй и горе пріятелю, который захочетъ развеvelить эту апатическую натуру. Вялое лицо чухонца при ссорѣ подергивается странными судорогами; онъ неукротимъ въ эту минуту, обижается всѣмъ, лѣзетъ на ссору, и даже на людей, не обращающихъ на него никакого вниманія, смотритъ дико. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливымъ оказывается афоризмъ одного умнаго медика: жителямъ остзейскихъ губерній надо избѣгать вина пуще яда— для нихъ, какъ и для всѣхъ жителей Германіи, судьба создала пиво.

Земледѣліе не составляетъ главнаго занятія эста. Иные изъ прибрежныхъ поселянъ предпочитаютъ контрабанду всѣмъ отраслямъ промышленности. И не мудрено. За бочку ржи, онъ получаетъ въ Швеціи двѣ бочки соли, и за нихъ выручаетъ у себя дома четыре бочки ржи. Такимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ на сто 400°. Эсть-контрабандистъ есть лицо, будто созданное для романа съ эффектами. Онъ силенъ, терпѣливъ, неустрашимъ, предприимчивъ. На небольшой парусной лодкѣ онъ смѣло переплываетъ Балтійское море, и выручивъ барышъ за свою неустрашимость, отважно поднимаетъ парусъ и возвращается на родину. Здѣсь предстоятъ ему тысячи опасностей, непрерывная цѣпь изъ пограничныхъ стражниковъ выжидаетъ его; но борьба съ упрямою натурою эста не всегда легка. Онъ пристаеетъ къ берегу, усѣянному камнями, сврывается въ тростникъ и лишь предстоитъ ему опасность быть пойманнымъ, спѣшить въ открытое море. Между тѣмъ сообщники его, разсѣянные по берегу, извѣщаютъ его, то пѣснями, то огнями, то наконецъ имъ однимъ извѣстными знаками. Чаше контрабандистъ обманываетъ бдительность стражи, появляется вдругъ на нѣсколькихъ пунктахъ и благополучно выгружаетъ свою добычу. Въ крайности контрабандистъ смѣло состязуется съ стражемъ, и въ старое время бывали примѣры дивныхъ и кровопролитныхъ схватокъ на берегу моря. Въ Аренсбургѣ ходитъ много легендъ про старыя времена контрабандныхъ привлеченій, про сторожей, зашитыхъ въ мѣшки и бро-

шенныхъ въ море, про цѣлыя битвы, про единоборства и подвиги геркулесовой силы, про хитрости, мастерски задуманныя и выполненныя. Въ удовольствіи мирныхъ путешественниковъ — теперь не случается подобныхъ приключеній. Былые же эзельскіе контрабандисты напоминаютъ отчасти своихъ предковъ, которые, по сказаніямъ исторіи, въ XII и XIII в. были отважными пиратами и грабили окрестные берега Балтійскаго моря до предѣловъ Дани; въ средніе вѣка, зажигая ложные огни, они наводили мореплавателей на рифы, окружавшіе острова, при чемъ пользовались, во имя береговаго права, жизнью и имуществомъ несчастливцевъ, потергѣвшихъ крушеніе.

VI. Характеръ эзельцевъ.

Самыя раннія извѣстія относительно эзельцевъ представляютъ ихъ племенемъ, достигшимъ, благодаря унаслѣдованному отъ предковъ занятію морскимъ разбоемъ (1), прагматическаго и всесторонняго взгляда на вещи. Также, благодаря своимъ морскимъ путешествіямъ, познакомились они съ народами, о которыхъ ихъ соплеменники на материкѣ не имѣли понятія. Тоже мореходство довело ихъ до пріобрѣтенія нѣкоторыхъ знаній путемъ опыта. Крѣпкіе тѣлосложеніемъ отъ чистаго воздуха открытаго моря, эзельцы не признавали никакихъ законовъ о чужой собственности, не знали надъ собой никакой власти, кромѣ силы оружія. Дитлибъ фонъ-Альпекке, называя эзельцевъ „гордыми язычниками“, очевидно хочетъ выставить ихъ отважными, непреклонными, надѣющимися на свою силу.

Что эзельцы выдѣлялись изъ среды другихъ эстовъ болѣе высокой культурой и болѣшимъ духомъ предпріимчивости, намъ не нужно выводить изъ многочисленныхъ разсказовъ объ отдѣльныхъ подвигахъ, но мы вполне удовлетворимся выписками изъ хроникъ Генриха Латыша. Онъ приравни-

(1) Генрихъ Латышъ такими словами подтверждаетъ это: «Когда епископъ Альбертъ возвращался въ 1203 году изъ Германіи, встрѣтилъ онъ эзельскихъ эстовъ-язычниковъ на 16 корабляхъ, которые только что сожгли церква, убили жителей, немногихъ захватили въ плѣнъ; онъ также опустошилъ страну, разбилъ колокола и церковные сосуды, какъ поступаютъ до сихъ поръ язычнныя асты и куры въ Даниіи и Швеціи (VII, 4)». Дитлибъ ф. Альпекке разсказываетъ: «Иногда, какъ мнѣ извѣстно, они (эзельцы) опустошаютъ окрестности; куда только могутъ они добраться по водѣ, вездѣ они разбойничаютъ и у христіанъ и у язычниковъ (ст. 361, также 1624)».

васть къ нимъ въ этомъ отношеніи только гарріевъ, которые „увлеклись предложеніями эзелъцевъ (заниматься грабежомъ въ союзъ съ ними), тогда какъ другіе (напр. жители Вьерланда и Герве) не согласились на подобныя предложенія“.

Эзелъцы выказывали не только отважный, воинственный, рѣшительный, но и въ высшей степени жестокой характеръ.

Адамъ Бременскій говоритъ: „На томъ (Восточномъ) морѣ лежитъ большой островъ Эстландія; жители его вообще не признаютъ христіанскаго Бога, но обожаютъ птицъ и дракона, которымъ приносятъ въ жертву живыхъ людей, пріобрѣтенныхъ отъ купцовъ“. И дальше: „на этомъ морѣ находятся и другіе большіе острова, населенные жестокими варварами, и поэтому мореплаватели обходятъ ихъ“.

Этими словами онъ указываетъ на островитянъ (съ Эзеля, Мона и Дагена), которыхъ онъ весьма рѣзко называетъ „дивными, варварскими народами“. Уже древнія исландскія саги говорятъ объ эзелъцахъ, какъ о хищныхъ морскихъ разбойникахъ. На основаніи этихъ словъ и другихъ разсказовъ о различныхъ походахъ скандинавскихъ героевъ противъ Эйзисселя мы должны предположить, что въ древности эзелъцы грабили побережье Восточнаго моря и выказывали при этомъ большую жестокость.

Изъ Ніалекскихъ сагъ 1150 года видно, что въ концѣ X-го столѣтія Гуннаръ фонъ-Глидарендъ и Кользекъ предпринимали походъ въ Рафалу (Ревель) и въ Эйзиссель. Равнымъ образомъ Эрикъ ярль Шведскій сдѣлалъ около 1000-го года нападеніе на Эйзиссель и другіе острова. Около того-же времени (1008 г.) Олафъ Святой опустошилъ Эйзиссель и, когда жители оказали сопротивленіе, разбилъ ихъ на голову.

Всѣ эти походы скандинавскихъ королей на Эйзиссельскую область, очевидно, имѣютъ цѣлью отмщеніе; между прочимъ Генрихъ Латышъ, при разсказѣ о походѣ датскаго короля и епископа лундскаго противъ Эзеля въ 1206 году, говоритъ, что онъ былъ „предпринятъ единственно ради отмщенія“ (Генр. Лат. X, 13).

По Псковской лѣтописи возеляне, подъ которыми разумѣются эзелъцы, напали на Юрьевъ (Дерптъ) и сожгли его (около 1060 г.); затѣмъ они сдѣлали набѣгъ также на самый Псковъ, но были разбиты соединенными силами новгородцевъ и псковитянъ.

Въ 1180 году сдѣланъ былъ хищный набѣгъ на Швецію; по всей вѣроятности въ немъ участвовали эзельцы въ соединеніи съ другими эстами.

Легко видѣть, какъ боялись свирѣпыхъ эзельцевъ сосѣди, если обратить больше вниманія на приводимое здѣсь изъ хроникъ Генриха Латинга мѣсто: „Когда въ 1203 году плывшіе въ Лифляндію паллигримы увидѣли въ Висби (на Готландѣ) эзельцевъ на 16 полныхъ добычею корабляхъ, то упрекали мѣстныхъ купцовъ въ томъ, что они дозволяютъ врагамъ христіанъ приставать такъ безнаказанно къ ихъ гавани. Тѣ однако умоляли отъ рѣшительныхъ дѣйствій и предпочитали жить съ эзельцами въ мирѣ“ (VII, 1, 2).

Въ 1226 году даже папскій легатъ Вильгельмъ Моденскій не могъ склонить готландцевъ и датчанъ къ нападенію на язычниковъ, только что возвратившихся на корабляхъ изъ Швеціи съ богатою добычею. „Нѣщцы оказались послушными“, говоритъ Генр. Латингъ: „но готландцы и датчане не выказали ни малѣйшей охоты“ (XXX, I). Тамъ же находимъ: „эзельцы наносятъ много вреда, выказывая большую жестокость и предаваясь постыднымъ страстямъ; часто они насилуютъ плѣнныхъ женщинъ и дѣвушекъ, или же берутъ ихъ себѣ въ наложницы, каждый по двѣ, или по три; продаютъ ихъ курамъ и другимъ язычишкамъ, однимъ словомъ, все недозволенное считаютъ дозволеннымъ“. Еще болѣе должны были вселить страхъ къ эзельцамъ жестокости, подобныя нижеприведеннымъ: „Послѣ пасхи картезіанскій монахъ Фридрихъ Целле вмѣстѣ со своимъ ученикомъ и нѣсколькими ливами отправились въ Ригу. И вотъ при устьѣ р. Аа на нихъ наткнулись эзельцы; бросившись на монаховъ, они связали ихъ, привели на корабли и, приставши въ устьѣ р. Аддіа, страшно истязали ихъ. Напримѣръ, когда Целле, обративши взоръ къ небу, пѣлъ съ ученикомъ благодарственный гимнъ Богу, эзельцы насмѣхались надъ нимъ, ударяя его по головѣ и спинѣ дубинами и приговаривая: „пой, пой, поплѣ!“ Наконецъ, вонзивъ имъ подъ ногти заостренные колышки и растерзавъ на куски, сожгли ихъ на кострѣ (XVIII, 8)“. Другія подобныя жестокости, которыя Генрихъ Латингъ приписываетъ эстамъ (XIV, 8; XIX, 3; XXVI, 6), но которыя характеризуютъ также и эзельцевъ, мы оставляемъ въ сторонѣ.

Помимо всѣхъ этихъ жестокостей, они однако не были лишены и

воинскихъ доблестей; въ сраженіяхъ они были неустрашими и храбры. Объ этомъ не менѣе часто упоминаетъ Генрихъ Латышъ. Дитлибъ Альнпекке, при описаніи Кармельской битвы (ст. 6199), прямо выставляетъ ихъ народомъ храбрымъ, который „при общей сумятицѣ остается непоколебимо на полѣ битвы“. Какъ указаніе на рѣшимость эзельцевъ, читаемъ мы у Генриха Латыша (подъ 1203 годомъ): „Когда эзельцы, ограбивъ датскія церкви, съ большою добычею возвращались назадъ, они были задержаны у острова Готланда нѣмецкими пилигримами и, не смотря на большое численное превосходство послѣднихъ, тотчасъ рѣшились вступить въ бой. Когда же на одною изъ кораблей изъ 30 человекъ было убито 22, оставшіеся 8, чувствуя себя болѣе не въ силахъ сражаться, рѣшились сжечь свой корабль, лишенный почти всего экипажа, съ тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, не замедлить отплытіе своихъ судовъ, съ другой же, чтобы даже пустой корабль не достался нѣмцамъ“. Также въ 1204 году нѣмецкіе пилигримы близъ Висби подверглись нападенію эстовъ, но отбили ихъ, при чемъ эсты (1) изъ 22 кораблей потеряли 2. Когда экипажъ одного изъ кораблей замѣтилъ, что нѣмцы одолеваютъ его, то „гордые язычники“ предпочли броситься въ море, лишь бы не попасть въ руки непріятелей и отъ нихъ ожидать себѣ пощады (VIII, 4).

Если эзельцы во всѣхъ почти стычкахъ съ нѣмцами принуждены были уступать имъ, бѣжать и часто терпѣть потери, иногда довольно большія, то это еще не служитъ признакомъ трусости, или малодушія, но только доказываетъ превосходство нѣмецкаго вооруженія. Особенно при отступленіи, вслѣдствіе отсутствія правильной команды и дисциплины, эзельцы несли большія потери.

Сражаясь неудачно съ нѣмцами, они имѣли однако большой успѣхъ въ борьбѣ съ датчанами и шведами. Такъ, однажды они завладѣли шведскимъ замкомъ Леаль, не смотря на то, что гарнизонъ его состоялъ изъ 500 человекъ (Генр. Лат. XXIV, 3). Въ томъ же году послѣ 14 дневной осады Ревеля они побѣдили датчанъ (ib. XXIV, 7). Равнымъ образомъ разбили они датскаго короля, который (въ 1222 г.), собравъ большое,

(1) Согласно съ Ардтомъ (I, 38 примѣч.) и мы считаемъ этихъ эстовъ за островитянъ эзельцевъ.

надежное войско, рѣшился дать сраженіе на островѣ Эзелѣ. Однако король вскорѣ получилъ подкрѣпленіе, разбилъ эзельцевъ и построилъ рудами плѣнныхъ каменный дворецъ, въ которомъ оставилъ въ видѣ гарнизона своихъ датчанъ и нѣсколькихъ нѣмецкихъ рыцарей. Но эзельцы до тѣхъ поръ осаждали замокъ, пока не принудили осажденныхъ сдаться на капитуляцію. Только противъ напора нѣмцевъ, особенно, въ открытомъ полѣ, эзельцы ничего не могли сдѣлать. Съ другими же племенами они болѣе или менѣе справлялись. Поэтому нужно удивляться, какъ эзельцы, не смотря на столь громадныя ежегодныя потери, были въ состояніи снаряжать экспедиціи. И въ то время, какъ нѣмцы ежегодно усиливались переселенцами изъ Германіи, приходившими оттуда въ большомъ количествѣ, и постоянно въ походахъ призывали къ себѣ на помощь ливовъ, латшій, а впослѣдствіи и покоренныхъ эстовъ, эзельцы опирались единственно на свои средства; вслѣдствіе чего мы принуждены считать средства эзельцевъ гораздо значительнѣйшими, чѣмъ можно себѣ представить.

Непоколебимо-твердый характеръ этихъ либераловъ-пиратовъ выказывается въ часто повторявшихся попыткахъ къ возстанію. Такъ они возставали въ 1241, 1255, 1266 годахъ противъ своихъ притѣснителей, которыхъ непомерныя требованія очевидно были причиною возстаній.

Арядтъ пишетъ: „Если вѣрить большинству писателей, то господа чрезвычайно жестоко поступали съ доведенными до отчаянія крестьянами и вотъ, когда, въ 1343 году, возстаніе приняло рѣшительный характеръ, эзельцы не задумались подчиниться лифляндскому ордену, лишь бы не быть рабами. Они располагали войскомъ въ 10,000 челов., но не игнорировали случая упражняться въ военномъ искусствѣ, страдали недостаткомъ оружія и преимущественно недовѣриемъ къ своему дѣлу, такъ какъ вражде боялись мести своихъ господъ, которая неминуемо постигла бы ихъ. Вслѣдствіе этого они такъ были разбиты подъ Ревелемъ, что весьма немногимъ удалось увидѣть родину“ (1).

На полѣ битвы подъ Ревелемъ утасла навсегда для эзельцевъ надежда на свободу; гдѣ же воспоминанія о прошедшемъ своего народа въ

(1) Полководецъ Бургардтъ фонъ-Дрейлевенъ въ 1345 г. изрубилъ при Каррисѣ 9000 ч. остальныхъ принудилъ выстроить крѣпость Эюнебургъ.

погибли, тамъ они доведены были до забвенія силою оружія. У эзельцевъ ничего не осталось отъ прежней доблести, кромѣ горькой ненависти къ своимъ господамъ и неохотной готовности имъ повиноваться.

О характерѣ настоящихъ эзельскихъ эстовъ всѣ безпристрастные наблюдатели отзываются съ похвалою: чувство правоты и чести развито у нихъ до мелочей и честность доходить часто до упрямства. Они вообще мягки и смиренны: драки, насилія, убійства случаются между ними весьма рѣдко. Но эта мягкость характера нисколько не мѣшаетъ его упругости: эсты упрямы по природѣ, а раздраженный или обиженный до глубины души, онъ становится мстителемъ, злорадивъ и стоекъ во враждѣ. При этомъ, не слишкомъ чувствительные къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, эсты обладаютъ большою смѣлостью, при легкой рѣшительности ихъ часто переходящею въ самую дерзкую отважность, въ совершенное презрѣніе смерти; но самоубійствомъ эсты, въ противоположность племенамъ, находящимся на одинаковой степени развитія, гнушаются, какъ ужаснѣйшимъ преступленіемъ. Изъ дурныхъ качествъ эстовъ на первомъ планѣ являются лѣнь и безпечность: при обыкновенной бѣдности многіе незапасливы до того, что въ неурожайные годы умираютъ съ голоду. Притомъ всѣ они не прочь всегда выпить. Занимаются преимущественно земледѣіемъ. Платье, телѣжки, посуду, лодки и проч. готовятъ они сами.

VII. Вооруженіе.

Въ древности эсты дѣлали оружіе изъ камня. По Инглинской сагѣ (гл. 15) эстонцы выступаютъ противъ короля Ингвара, вторгнувшагося въ Эстляндію, недалеко отъ Састамы, и разбиваютъ шведовъ каменнымъ оружіемъ (Гревингъ „каменные древности“, стр. 74); это случилось во второй половинѣ VI столѣтія. И теперь еще нерѣдко находятъ въ землѣ каменное оружіе; все, что извѣстно объ этихъ находкахъ, мы передаемъ ниже на основаніи протоколовъ засѣданій ученаго общества въ Дерптѣ, а также по даннымъ профессора Гревинга. Нижеупомянутыя вещи находятся въ коллекціи Общества изученія древностей острова Эзеля, за исключеніемъ № 1 и № 2, въ которыхъ общество имѣетъ только гипсовые снимки.

№ 1. Сѣкира, съ круглымъ отверстіемъ для рукоятки, въ формѣ часо-

ваго стекла; лезвіе хорошо сохранилось, немного закривлено; длина 148 миллиметровъ, толщина 45, ширина 70. Поперечный разръзъ отверстія 25 и 28 миллиметровъ. Тщательно сдѣлана изъ діорита, и вначалѣ видимо была хорошо отшлифована, но сдѣлалась немного шерховатой отъ вывѣтриванія. Найдена на Эзелѣ.

№ 2. Каменный топоръ съ острова Мона. Тщательно и со вкусомъ сдѣланъ изъ діорита; вѣроятно употреблялся для обработыванія другихъ металлическихъ издѣлій; хорошо сохранился. Длина 144 миллим., вышина 44, толщина 64. Диаметръ отверстія 26—28 миллим. (Фигура 1).

№ 3. Каменный топоръ съ отверстіемъ для рукоятки. Длина 145 миллим., ширина 69, толщина 59. Поперечный разръзъ отверстія 25—28 миллим. Сдѣланъ изъ крупнозернистаго діорита; полевой шпатель, тамъ, гдѣ былъ, вывѣтрился. Найдень на берегу Эзеля (Фигура 2).

№ 4. Топоръ (каменный) съ отверстіемъ; длина 116 мм., ширина 45, толщина 42, поперечникъ отверстія 17 и 19 мм. Сдѣланъ изъ мелкозернистаго діорита, полевой шпатель вывѣтрился. Найдень на берегу Эзеля.

№ 5. Половина кам. топора, но съ цѣлымъ отверстіемъ; внутренніе края топора нѣсколько попорчены. Направленіе и качество лезвія можно узнать по маленькому кусочку полеваго шпата, еще оставшагося, не смотря на сильное вывѣтриваніе, убавившее толщину кусочка на 4 мм. Вышина 36 мм., толщина 65 мм., поперечникъ отверстія 30 и 28. Сдѣланъ изъ зіенита, нѣсколько отложившагося, а потому и при обработкѣ былъ шерховатымъ. Найдень на морскомъ берегу Эзеля.

№ 6. Сѣкира (ф. III) съ отверстіемъ; конецъ, противоположный лезвію, имѣетъ форму часоваго стекла; лезвіе нѣсколько попорчено, шерховато и загнуто сверху. Длина 154 мм., ширина 68, вышина 46, поперечникъ отверстія 24 и 27 мм. Центръ его лежитъ въ 98 мм. отъ лезвія и въ 56 отъ обуха. Сдѣлана изъ діорита и очень тщательно. Поверхность чрезвычайно хорошо отполирована. По формѣ совершенно соответствуетъ описанію проф. Гревинга (№ 107). Эта сѣкира найдена въ 1865 г. въ верстѣ отъ кармельскихъ крестьянскихъ холмовъ, на глубинѣ 1 фута подъ зыбучимъ пескомъ сосноваго лѣса, покрывающаго поле кармельской битвы.

№ 7. Половина топора съ половиной отверстія. Проф. Гревингъ такъ

описываетъ его: „Обломокъ просверленнаго топора найденъ при церкви Мона; сдѣланъ изъ рѣдко встрѣчающейся породы порфира, описанной мною въ моихъ „каменныхъ древностяхъ“ (§ 32); порода эта состоитъ изъ волокнообразно расположенныхъ частицъ порфира; такой родъ порфира встрѣчается только еще въ Христіаніи. Видно, весь топоръ впоследствии былъ отшлифованъ, вслѣдствіе чего лезвіе сдѣлалось острѣе“.

Были ли эти инструменты сдѣланы туземцами, или же они введены промѣномъ и покупкой, сказать утвердительно нельзя, какъ по причинѣ неодинаковой работы, такъ и вслѣдствіе продолжительности времени. Однако клеймо на буравѣ, найденномъ въ имѣніи Кизелы, ясно доказываетъ, что и эзельцамъ не было чуждо искусство выдѣлыванія каменнаго оружія. Оно было въ употребленіи, рядомъ съ металлическимъ, даже еще въ XIII столѣтіи, но абсолютно каменное оружіе употреблялось только до VI вѣка (Гревингъ „Кам. древн.“ стр. 108). Въ битвѣ при Бравалѣ, при Азенскомъ озерѣ, которую относятъ къ VIII стол., но которая имѣетъ мало исторической достовѣрности, каменное оружіе замѣнено было металлическимъ. Въ этой битвѣ эсты, ливы и куры такъ сильно и ловко бросали копья, что имъ не могъ противостоять никакой щитъ (Гревингъ, стр. 75). Тѣмъ не менѣе должно предположить, что наравнѣ съ металлическимъ употреблялось и каменное оружіе, тѣмъ болѣе, что въ Кармельской битвѣ (1266 г.) были нѣкоторые случаи употребленія каменнаго оружія, подобнаго находкѣ подъ № 6. Вообще же оружіе Эстовъ далеко не было хорошо, что можно заключить изъ того извѣстнаго факта, что нѣмцы, послѣ своихъ частыхъ побѣдъ надъ эстами, никогда не пользовались отнятымъ у нихъ оружіемъ. Замѣчательно, что Генрихъ Латышъ, въ описаніи взятія дерптской цитадели (1224 г.), упоминаетъ объ оружіи русскихъ, но объ оружіи эстовъ и ливовъ, принимавшихъ участіе въ этомъ сраженіи, умалчиваетъ. Онъ прямо пишетъ: „Стрѣлки, посланные изъ Риги къ ливамъ для охраны замка, сразились въ открытомъ полѣ съ эстами (съ материка и съ Эзеля), причѣмъ многихъ ранили и убили, такъ какъ эсты не имѣли оружія, а если и имѣли нѣкоторые изъ нихъ, то не освоились еще съ его употребленіемъ (XV, 9)“. Зная недостатокъ оружія у эзельцевъ, необходимо предположить, что они пользовались такимъ, которое нивакимъ образомъ нельзя причислить къ разряду оружія. Такъ напримѣръ нѣсколько времени тому назадъ на Тут-

гульскомъ лугу, на глубинѣ трехъ футовъ, найденъ однимъ крестьяниномъ клинокъ (ф. 4), называемый также рѣзцомъ. Длина его $8\frac{1}{2}$ дюймовъ, ширина $4\frac{1}{4}$. Лезвіе значительно закривлено. Ручка плоская и шириною въ 1 д. Весь клинокъ отъ ржавчины кажется покрытымъ лакомъ (см. прим. 1 въ концѣ главы). Рукоять подобнаго оружія была или такая же, какъ у сѣкиры, или просто прямая. Что клинокъ этотъ служилъ оружіемъ эзельцевъ, признано изслѣдователями древности (Нильсонъ, стр. 143), хотя это, можетъ быть, только единичные случаи. Вообще вооруженіе эзельцевъ, такъ насъ интересующихъ, было сходно съ вооруженіемъ язычниковъ, занимавшихъ побережье Балтійскаго моря. Всѣ эти оружія перечислены въ старинной лѣтописи города Ніенштадта (Матеріалы для исторіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, стр. 422, I, 3), гдѣ говорится, что вооруженіе эзельцевъ состояло изъ лука, серповъ, косъ, топоровъ съ длинными рукоятками, рогатинъ, копій, молотовъ и пращей, подобныхъ той, изъ которой Давидъ пустилъ камень въ Голиафа. Но главную роль, безъ сомнѣнія, играли дубины. Тацитъ пишетъ (Герм. 45), что эсты, впрочемъ не родоначальники нынѣшнихъ эстовъ, бѣдны желѣзомъ, но часто пользуются дубинами. Даже спустя 1000 лѣтъ, когда металлъ получилъ болѣе обширное приженіе, оружіе это было еще въ употребленіи. Такъ, извѣстно, что эзельцы убивали священника Фридриха Целле дубинами (Генр. Л. XVIII, 8). Какое оружіе были эти дубины, можно судить по „обитымъ кольцами (железными) и отводами (пальцами), отнятымъ у ливонъ, какъ трофей, и хранящимся въ Билгофѣ въ „Schwarz-Haupter-Hause“ (Матер. въ ист. Лифл. и др. стр. 144, III, 11) и др.

Въ Нидерландѣ дубинами и пальцами въ большомъ ходу были у эзельцевъ, въ связи съ въ 1215 году упомянутою жестокостью, также и сѣкиры. Ихъ еще и теперь находятъ, причѣмъ форма ихъ совершенно такая же, какъ въ описаніи. Курзе въ своемъ „атласѣ“ „Neerolivonica“. Нужно также упомянуть (о стрѣлахъ и дубинахъ) употребившаго эзельцами въ сраженіи 1215 года въ новой Эзельской гавани (Генр. Л. XVIII, 5). По Ганзену стр. 198. и 205). Шведскими остріями стрѣлы собираются въ коллекціи „Общества разсѣланій по острову Эзелю“ (доп. архива Голландіи у Голландскаго консула въ Ригѣ). Что касается ищей, то увѣривъ, что эзельцы вовсе не знали такого оружія, однако это трудно согласовать съ тѣмъ, какъ въ образцѣ

этотъ народъ вести столько войнъ безъ этого необходимѣйшаго оружія. Да наконецъ много мечей находили въ эзельскихъ могилахъ и Крузе снялъ съ большей части ихъ снимки гипсовые. „Общество собранія древностей острова Эзеля“ имѣетъ одинъ такой мечъ (ф. V). Мечъ этотъ былъ найденъ въ 1866 году въ хрящевомъ курганѣ, возлѣ скелета въ согнутомъ положеніи; онъ лежалъ такъ, что рукоять приходилась между колѣнами, а лезвіе между подошвами ногъ. При раскопкѣ оказалось, что ручка меча (длина всего меча 20 д., ширина $1\frac{1}{4}$ д.) была совсѣмъ разломана. Клинокъ лежалъ очевидно въ ножнахъ изъ кожи или дерева, причемъ мѣсто, приходившееся противъ лезвія, было обито латунью, во избѣжаніе порчи лезвія. Равно и снаружи ножны были украшены зигзагообразно полосками латуни, прибитой маленькими штифтиками. Матеріалъ же, изъ котораго были сдѣланы ножны, неслѣлъ. Въ общемъ величина и видъ найденнаго меча вполне похожи на снимокъ Крузе (табл. 2 фиг. 8). Другимъ доказательствомъ невѣроятности сдѣланнаго предположенія, будто эзельцы не употребляли мечей, служить слѣдующее мѣсто въ лѣтописи Генриха Латыша. Тамъ рассказываетъ, какъ эзельцы вмѣстѣ съ другими эстами пускали тучи стрѣлъ на христіанъ. „Когда вышелъ запасъ стрѣлъ, они, схватясь за мечи, подступили ближе; дѣло дошло до рукопашнаго боя; раненные христіане падаютъ, а язычники мужественно борются (XV, 3)*. Какимъ бы образомъ могли эсты внушить нѣмцамъ уваженіе къ своей храбрости во время рукопашнаго боя, если бы они не имѣли мало-мальски порядочнаго оружія, тогда какъ Генр. Л. упоминаетъ объ этомъ уваженіи нѣмцевъ къ эстамъ (см. прим. 2). Къ тому же лѣтописецъ рассказываетъ, что въ битвѣ эзельцевъ со шведами при замкѣ Леаль (въ 1220 г.) почти всѣ шведы пали отъ ударовъ мечей: „*ceteri (Swecorum) in ore gladii omnes conuerunt*“ (XXIV, 3). Это выраженіе „*in ore gladii*“ т. е. „остріемъ меча“ Генр. Л. употребляетъ часто, говоря и о нѣмецкихъ мечахъ („*in ore gladii cunctos perimentes*“ XXIII, 9). Это выраженіе нельзя употребить въ свободной рѣчи, ибо едва-ли оно равносильно: „они пали отъ дубинъ и дротиковъ“. Такимъ образомъ мнѣніе, что эзельцы имѣли мечи, подтверждается. Конечно, нельзя отвергать, что мечи эстовъ во всемъ были подобны мечамъ нѣмцевъ.

Самымъ важнымъ и употребительнымъ оружіемъ былъ дротикъ, или копье; объ нихъ Генрихъ Л. упоминаетъ при описаніяхъ почти всѣхъ битвъ

(напр. XV, 3; XIX, 5; XXX, 4). Они бросались на подобіе метательных копій. Между находками съ острова Эзеля копыя или дротики занимают самое большое мѣсто, притомъ имѣють разнообразныя формы. Длина ихъ колеблется между 8—12 дюймами. Остріе собственно метательныхъ копій маленькое и укороченной формы. Наравнѣ съ копыями эзельцы употребляли также и щиты, какъ наприм. въ битвѣ при Іерве (противъ ливовъ, латышей и нѣмцевъ въ 1220 г. XXIII, 9). Изъ описанія Трейденской битвы (1211 г.) видно, что всѣ эсты (по большей части эзельцы) были снабжены щитами (Г. Л. XV, 3). Читая дальше, мы увидимъ, что язычники взились за щиты, а нѣмцы отражали непріятельскія копыя своими „железными“ (ferris gladiis) мечами; на этомъ основаніи мы можемъ предположить, что щиты эзельцевъ были не желѣзные, но сдѣланы были изъ кожи, или изъ дерева. Также не имѣли они ничего общаго съ щитами куровъ (описанными у Г. Л. XIV, 5), кромѣ того, что и тѣ были сдѣланы изъ дерева. Въ заключеніе скажемъ, что эсты, безъ сомнѣнія, употребляли пращу, которую изобразилъ Крузе въ своемъ атласѣ подъ № 9. „Общество собиранія рѣдкостей острова Эзеля“ также имѣеть въ своей коллекціи одинъ экземпляръ пращи, найденный въ пескѣ на полѣ Кармельской битвы, вмѣстѣ съ другими остатками вооруженія. О способѣ метанія камней изъ пращи будемъ говорить впоследствии подробнѣе. Другое оружіе врядъ-ли было у эзельцевъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, случайно приобретенныхъ вещей. Такъ попадались у нихъ кинжалы и ножи. Крузе описываетъ одинъ кинжалъ, найденный въ Апенраде, говоря, что онъ висѣлъ на грудныхъ цѣпочкахъ до половины туловища. Ножны сдѣланы изъ кожи и обиты латуною. Подобный инструментъ изображенъ у Крузе въ табл. 11, 4, а обломокъ въ табл. 16, ф. 2, а. Другой, подобный вышеописанному, обломокъ найденъ на Кармельской равнинѣ; только здѣсь цѣпочка, оторванная отъ ноженъ, лежала подлѣ. Въ ножнахъ находились три заржавленные клинка, ручки у которыхъ вывѣтривались. Описанная вещь находится въ коллекціи „Общества розысканія древностей острова Эзеля“ (ф. 6).

Все вышесказанное касается пѣхоты. Конница же эзельцевъ едва-ли имѣла кромѣ копыя какое-либо другое оружіе, какъ напр. мечъ или кинжалъ. Оборонительнымъ оружіемъ служилъ имъ щитъ (Г. Л. XV, 3). Такъ какъ въ запискахъ нашего лѣтописца нигдѣ нѣтъ даже намековъ на что-

либо подобное сѣдлу, то мы вынуждены согласиться, что эзельцы обходились безъ него, что впрочемъ легко можно предположить, принимая во вниманіе ихъ дикій характеръ и образъ жизни. Чѣмъ проще было оружіе эзельской конницы въ сравненіи съ рыцарскою нѣмецкою, тѣмъ больше было число оружія, какъ въ послѣдствіи нами будетъ доказано.

Нашимъ современнымъ артиллерійскимъ снарядамъ мы можемъ приравнять осадныя машины эзельцевъ, благодаря которымъ язычники эти такъ упорно держались противъ христіанъ. Метаніе громадныхъ камней самый естественный способъ обороны, вслѣдствіе чего этого рода машины встрѣчаются у всѣхъ тогдашнихъ народовъ. Уже писатели древности говорятъ объ осадныхъ машинахъ. Въ первыхъ сношеніяхъ своихъ съ нѣмцами эзельцы познакомились съ этими машинами посредствомъ сильнаго дѣйствія ихъ. Мало-по-малу по образу нѣмецкихъ машинъ эзельцы сдѣлали и себѣ. Уже въ 1215 г. (Г. Л. XIX, 5) они съ кораблей метали на нѣмцевъ изъ своихъ петерелловъ громадные камни. Такъ какъ дѣйствіе этихъ машинъ было рассчитано на небольшое разстояніе (ибо едва-ли тогдашніе корабли могутъ поразить насъ своей величиной), то, вѣроятно, подобныя метательныя орудія были не особенно большихъ размѣровъ. Въ 1222 году только эзельцы познакомились ближе съ машиной, которую датчане послали варболенцамъ, своимъ подданнымъ, въ видѣ подарка. Возвратившись домой, эзельцы тотчасъ построили 17 такихъ же машинъ и такъ стѣснили датчанъ, что тѣ принуждены были сдаться на капитуляцію (Г. Л. XXVI, 3). Изъ того, что передаетъ лѣтописецъ въ этихъ двухъ мѣстахъ, можно заключить, что онъ имѣлъ въ виду сказать о двухъ родахъ машинъ, большихъ и малыхъ. Машинами большого калибра эзельцы защищали свой замокъ Монъ въ 1227 г. Различіе между машинами видно, между прочимъ, изъ того, что лѣтописецъ, имѣя въ виду большія машины, пишетъ: „petegella“, а маленькія называетъ „ballistae“ (см. пр. 3). Но и „petegella“ были, смотря по нуждѣ, большого и меньшаго калибра (XIV, 10; XXIII, 8; XXVII, 2; XXVIII, 5). Изъ записокъ Генр. Л. видно, что подобными машинами метались не только камни, но и копья, намазанныя смолою, или варомъ, или другимъ казнимъ-либо горючимъ веществомъ (Г. Л. въ XXIII, 8 рассказываетъ объ особенномъ успѣхѣ этихъ метательныхъ машинъ). Къ такимъ результатамъ пришелъ и Левисъ въ своемъ описаніи метательныхъ

машинъ (Матер. т. I, ч. 2, стр. 227). Но онъ также мало даетъ намъ понятія объ этихъ машинахъ, какъ и Генрихъ Латышъ. Что говоритъ Бангертъ въ своемъ „ad Arnoldum Lubicensem“ объ этихъ „petterella“ мы сказать не можемъ, такъ какъ не могли достать этого сочиненія. За то мы можемъ представить подробное описаніе этихъ машинъ изъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Прусскій сборникъ всѣхъ до сихъ поръ вышедшихъ сообщений, матеріаловъ и извѣстій“ (т. 3, 8. Данцигъ, 1750 г.). Хотя тамъ описаны машины, употреблявшіяся рыцарями и пруссами во взаимныхъ войнахъ, но безъ всякаго сомнѣнія мы можемъ предположить, что это тѣ самыя орудія, которыя употреблялись рыцарями и датчанами противъ ливовъ, куровъ и эстовъ и впоследствии переняты послѣдними у рыцарей. Такъ какъ названная книга сдѣлалась теперь большою рѣдкостью, то мы рѣшились помѣстить здѣсь описаніе этой машины въ томъ объемѣ, который показался намъ достаточнымъ для уясненія нужнаго изображенія.

Какъ говоритъ неизвѣстный сочинитель въ введеніи (т. I стр. 1—28), описаніе машинъ основано не на его собственныхъ наблюденіяхъ, но на собранныхъ извѣстіяхъ, которыя онъ нашелъ у составителей древней прусской исторіи и у нѣкоторыхъ другихъ писателей. Кажется, что онъ пользовался и такими источниками, которые теперь затеряны. Онъ говоритъ, что машины, о которыхъ идетъ дѣло, назывались блидами или блейдами (свинчатками). Онъ назывались иногда „instrumenta bellica“ (Дусбергъ т. III гл. 37), вообще же „machinae egestae“ (ib. гл. 38). При осадахъ крѣпостей, какъ и башенъ, пользовались обыкновенно тремя блидами (см. пр. 4), судя по гл. 89, 112, 113 и 114, или двумя, по гл. 117. Въ той же 117 главѣ ясно описаны блиды; мы передаемъ вкратцѣ эту главу съ нѣмецкаго перевода Ерошина: „Литовцы подошли къ крѣпости съ блидами; но съ непріятельской стороны стрѣляли въ продолженіи 8 дней непрерывно также изъ блидъ. Непріятели пускали изъ луковъ острые стрѣлы, а изъ блидъ метали большіе камни и зажигательныя снаряды, отъ которыхъ литовцы терпѣли большой убытокъ. Особенно тутъ отличился одинъ воинъ, по имени Генрихъ Тупадель, чрезвычайно искусный въ метаніи стрѣлъ. Онъ убилъ знатнаго литовца. Потомъ онъ замѣтилъ литовца, взбирающагося на верхъ блида, чтобы исправить механизмъ и направить стрѣльбу на крѣпость; когда мастеръ

взобрался на токи, Генрихъ пустилъ стрѣлу и такъ удачно, что пригвоздилъ руку мастера къ блиду^а.

Описаніе блидовъ⁽¹⁾ показываетъ, что это было ничто иное, какъ орудіе, посредствомъ котораго метались въ городъ или въ войско громадные камни, съ цѣлью нанести возможно большій вредъ. Вполнѣ справедливо можно назвать эти машины пращами для камней; въ такомъ случаѣ онѣ соотвѣтствовали бы римскимъ катапультамъ. Нужно замѣтить, что это были высокіе подмостки, по которымъ можно было взбираться въ вышину машины, отсюда мастеръ, стоя на докѣ⁽²⁾ (или токѣ), направлялъ дѣйствіе машины. Они были необходимою принадлежностью машины. Иначе, съ какою цѣлью мастеръ долженъ бы былъ входить на верхъ машины, если бы снизу можно было направлять полетъ. Между тѣмъ изъ вышеприведеннаго отрывка Дусберга видно, что „мастеръ, взшедшій на машину для управленія, былъ раненъ стрѣлою“.

Блиды употреблялись не только осаждающими, но и осажденными для защиты отъ непріятелей. Такъ изъ 112 гл. III т. Дусберга видно, что крѣпость Везенбергъ осаждаема была пруссаками 3 года и ежедневно обстрѣливалась изъ трехъ блидовъ. Братья ордена, завладѣвъ однимъ блидомъ, втащили его въ крѣпость, храбро боролись при его помощи противъ непріятелей. Значить, его можно было передвигать съ одного мѣста на другое; кромѣ того, изъ блида средняго калибра можно было стрѣлять и большими камнями. Такъ какъ при осадахъ крѣпостей употреблялось по два и по три блида, то дѣйствіе ихъ было значительно, иначе не ограничивались бы такимъ незначительнымъ числомъ. Также необходимы были люди, наблюдавшіе за машинами и управлявшіе ими; поэтому были особенные мастера, приносившіе большую пользу при осадѣ. Было 2 рода блидовъ; одни бросали большіе камни, другіе малые; одни были въ состояніи пустить одно бревно, другіе же нѣсколько, причежъ убивалось много непріятелей. Когда

(1) На ниже-нѣмецкомъ нарѣчій блидъ—веселый; названіе, вѣроятно, дано вслѣдствіе того, что весело было стрѣлять изъ нихъ.

(2) Докъ, или токъ; это такой снарядъ, посредствомъ котораго можно было измѣнять направление полета камней; въ токарныхъ станкахъ они извѣстны подъ именемъ «бабки». Можно предположить, что этотъ снарядъ состоялъ изъ двухъ столбовъ, между которыми повертывалось бревно, а затѣмъ пускалось на непріятельское войско, или въ укрѣпленное мѣсто.

чувствовался недостатокъ въ стрѣлахъ, пускались въ ходъ и камни. На этомъ основаніи Локценій пишетъ: „катапультами метались и длинныя копыя и небольшіе камни“ („Шведскія и Готскія древности“ кн. III гл. 2). Изъ блидовъ бросались и столбы и камни въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ. Но такъ какъ всѣ орудія, изъ которыхъ стрѣляли, назывались „ballistae“, то и блиды назывались иногда баллистами. Такъ, Дусбергъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Генрихъ Тупадель убилъ одного знатнаго литовца выстрѣломъ изъ баллисты“ (117 г., ч. 3).

Теперь скажемъ о тумлерахъ. О нихъ упоминаетъ Каспаръ Шютце, въ Вартебергской хроникѣ: „Затѣмъ на всякомъ удобномъ мѣстѣ поставили (противъ кавовъ) снаряды и орудія, называвшіяся блидами и тумлерами; это были орудія, при помощи которыхъ бросались большіе камни, иногда зажигательные снаряды“ (II хр. о Прусской землѣ, стр. 76). Линденблаттъ въ данномъ случаѣ прибавляетъ: „это были пищали для стрѣбы не только камнями, но и дробью“. Это нужно принимать въ томъ смыслѣ, что и тогда существовали уже огнестрѣльные орудія, изъ которыхъ бросались однако маленькіе шары, не болѣе 1 лота вѣсомъ. Жерла же, изъ которыхъ бросались большіе камни, тогда еще не были въ употребленіи. Поэтому Шютце ошибается, говоря, что эти орудія при завоеваніи были наилучшія, пока не появились адскія пищали, изобрѣтенныя 20 лѣтъ спустя.

Вышеназванный Линденблаттъ подъ 1385 г. передаетъ, что литовцы и русскіе расположились лагеремъ подъ Маріенвердеромъ, близъ литовской границы, и сражались при помощи блидовъ, тумлеровъ и пищалей, причѣмъ стрѣляли изъ нихъ въ продолженіи 6 недѣль непрерывно день и ночь. Поэтому мы можемъ представить себѣ тумлеры орудіями, которыми метались въ крѣпость громадные камни, а иногда и цѣлыя бочки съ горючими матеріалами. Это ясно подтверждается словами Шютце, а также слѣдующимъ отрывкомъ:

„Отъ выстрѣловъ блидовъ и тумлеровъ дождь былъ поврежденъ со всѣхъ сторонъ, хотя осажденные ничего не предпринимали, надѣясь на крѣпость и толщину своихъ стѣнъ и башенъ. Но наканунѣ пасхи непріатели обратили противъ стѣнъ всѣ свои орудія; они метали сверху въ городъ бочки съ горючимъ матеріаломъ (т. е. съ соломой, прутьями и т. п., намазан-

ными смолой и дегтем); а такъ какъ большинство домовъ было деревянныхъ, то произошелъ пожаръ, постепенно усиливаясь“.

Разсматривая эти описанія, увидимъ, что скорѣе всего къ тумлерамъ подходили баллисты.

На стр. 13—18 неизв. составитель даетъ даже картину разрушенія, производимаго выстрѣлами блидовъ; все это почерпнуто имъ изъ богатыхъ источниковъ почти всѣхъ извѣстныхъ народовъ (книга Маеккаевеовъ VI, стр. 51; Флавій Иосифъ, кн. V; у большинства греческихъ и римскихъ писателей; у шведскихъ и испанскихъ лѣтописцевъ). Онъ говоритъ, что на неприятеля метались камни, отъ 100 до 360 фунтовъ вѣсомъ, иногда цѣлыя бочки, наполненныя горючими веществами, балки (бревна) въ 12 фут. длины, жернова, бревна, обитыя желѣзомъ. Что касается ихъ силы, то издатель говоритъ, что марсельскія бревна, усыпанныя желѣзными иглами, длиною до 12 футовъ, были издаемы съ такою силой, что вонзались въ землю, пролетѣвъ черезъ 4 соединенныя брони. Такія бревна (они дѣлались изъ клена) валяли людей цѣлыми рядами⁽¹⁾. Подобными тумлерами проламывались ворота, пробивались стѣны и башни. Камни въ 120 ф. вѣсомъ летали на 2 поприща, а въ 360 ф. около 800 футовъ. Также была значительна и скорость стрѣльбы. Въ одной испанской хроникѣ разсказывается, что изъ одного тумлера ночью было сдѣлано 500 выстрѣловъ, а днемъ около 1000.

Сила выстрѣла зависѣла отъ степени натянутости тетивы. Чѣмъ болѣе натягивали ее, тѣмъ сильнѣе былъ выстрѣлъ; на тетивы употребляли, въ случаѣ нужды, лошадиные и женскіе волосы.

12 снимковъ съ тумлеровъ можно найти въ III книгѣ Лирвіа, въ его 3-мъ разговорѣ объ осадномъ искусствѣ. Но различныхъ родовъ было больше, чѣмъ представлено на рисункахъ, такъ какъ много было еще названій, попадающихся въ другихъ книгахъ. Такъ существовали тумлеры, называемые „scorpiões“, „onagri“, и т. д.

(1) Генр. Л. объ осадѣ Мезотена говоритъ: «Самъ Альбертъ Саксонскій принялъ на себя управленіе этой машиной; бросилъ первый камень и сбилъ башни (у семигаловъ) и людей съ вѣхъ. Бросилъ второй и повалилъ на землю цѣлыя части укрѣпленій. Бросилъ третій—проломилъ три толстые столба у укрѣпленій, опрокинулъ ихъ и убилъ много людей (XIII, 8)».

Чтобы легче понять устройство этихъ снарядовъ, ихъ можно раздѣлить на 5 группъ.

Къ 1-му разряду можно причислить арбалеты или самострѣлы, коихъ сила дѣйствія и быстрота полета зависятъ отъ удара тетивы въ стрѣлу, которую надо пустить. Вообще можно сказать, что чѣмъ болѣе натянута дуга и тетива, тѣмъ скорѣе летитъ стрѣла, или что либо подобное. Пусть сила, съ какою натянута тетива a , — будетъ k ; сила же, съ какою тетива натянута до b , — $2k$; въ такомъ случаѣ натянутость тетивы и дуги въ a — будетъ 1; а въ b — 2 единицы. И если нѣтъ препятствія, то стрѣла изъ a полетитъ со скоростью единицы, а изъ b — со скоростью двухъ единицъ. Если пространство, пролетаемое стрѣлою a , — назовемъ черезъ w , то во второмъ случаѣ пространство будетъ $2w$ (въ два раза больше), предполагая, что нѣтъ никакого препятствія, или что стрѣла движется въ пустомъ пространствѣ. Расстояніе же a отъ точки опоры тетивы составитъ болѣе $\frac{1}{2}$ пространства отъ той же точки до натянутости b , такъ какъ дуга, обладая эластичностью, тѣмъ менѣе можетъ быть согнута, чѣмъ болѣе она введена уже изъ своего обыкновеннаго положенія.

Если бы давленіе дуги равнялось давленію воздуха, то можно бы было вычислить силу напряженія; тогда тетива заняла бы свое мѣсто на квадратъ расстоянія отъ точки опоры. Если давленіе стальной дуги не равно давленію воздуха, то разница все же не поразительна, что и видно изъ опыта.

Сообразно съ толщиной дуга можно было удлиннять и утолщать саму тетиву и пускать, благодаря этому, не только стрѣлы, но и другія тѣла. Иногда 2 тетивы соединялись вмѣстѣ, такъ что въ серединѣ образовывалась какъ бы сѣть, куда клались стрѣлы или камни. Тетива такъ устроивалась, что при малѣйшемъ ударѣ молотка отскакивала и ударяла въ стрѣлу или камень. О другихъ особенностяхъ этого рода луковъ, о его разныхъ положеніяхъ, крѣпости тетивы и т. п. не станемъ болѣе распространяться.

Второй родъ состоялъ въ томъ, что для отбрасыванія стрѣлы употреблялась не только тетива, но и натянута дуга. Съ той же скоростью, съ какою въ первомъ родѣ тетива приходитъ въ прежнее положеніе, здѣсь движется дуга, или точнѣе концы ея. Если нѣтъ тетивы, а только укрѣпленная въ серединѣ дуга, то ее при помощи веревокъ приводятъ въ

наиболѣе далекое разстояніе отъ точки опоры (до предѣла упругости) и затѣмъ отпускаютъ веревки; тогда дуга, стремясь занять свое прежнее положеніе, по пути задѣваетъ за стрѣлу, которая летитъ какъ бы пущенная тетивой, то есть, съ такой же скоростью, какъ и въ первомъ случаѣ. Верева, которая натягиваетъ дугу, такъ должна быть устроена, чтобы отскакивала сама собою, когда дуга получитъ наибольшую упругость. Вмѣсто цѣлой дуги можно пользоваться и половиной, даже примымъ тѣломъ. Тогда они, будучи прикрѣплены къ другому тѣлу, предназначенному для стрѣлы и проч., и отведенныя на столько, сколько позволяетъ ихъ гибкость, отпускаются и такимъ образомъ приводятъ въ движеніе стрѣлы, ударяясь объ нихъ. Это можно понять, сгибая шпагу или рапиру и затѣмъ давая ей возможность возвратиться въ прежнее положеніе. Конечно, движеніе не будетъ столь же быстро, какъ въ лукѣ съ тетивой, гдѣ стрѣла движется тѣмъ скорѣе, чѣмъ короче тетива, при одномъ и томъ же напряженіи.

Если тѣло, взятое вмѣсто дуги, совсѣмъ не гнется, то необходимо придѣлать тетиву. Такъ какъ послѣдняя всегда эластична, то, стремясь принять прежнее положеніе, увлекаетъ съ собою стрѣлу. Конечно, нужно наблюдать извѣстную пропорцію между тяжестью тѣла и эластичностью тетивы и чтобы тетива при движеніи не встрѣтила препятствія.

Третій родъ состоитъ изъ рычага, плечи котораго не равны. Короткое плечо приводится въ сильное движеніе, вслѣдствіе чего длинное быстро ударяетъ въ стрѣлу и тѣмъ отбрасываетъ ее. Если короткое плечо рычага вдвое короче длиннаго, то движеніе длиннаго плеча вдвое быстрѣе, такъ что быстрота полета стрѣлы зависитъ отъ ея соразмѣрности и отъ силы удара. Такъ, напр., если вѣсъ стрѣлы будетъ слишкомъ великъ, то и быстрота полета будетъ меньше.

Четвертый родъ оружія представляетъ подражаніе пращѣ, приспособленной къ постановкѣ на землю. Здѣсь не нужно вертѣть нѣсколько разъ пращу, но эта машина устроена такъ, что камень подбрасывается только одинъ разъ и сейчасъ же уносится. Скорость и силу полета камня можно бы было увеличить, сдѣлавши колесо, которымъ вращается праща, съ большою окружностью, какъ въ ручной пращѣ, гдѣ радіусъ окружности вращенія достаточно великъ. Это орудіе годится только для болѣе легкихъ

по вѣсу камней; въ тому же ово мало приноситъ пользы. Другіе писатели ничего не упоминаютъ объ этой машинѣ.

При *пятомъ родѣ* достигается большая скорость полета тѣла, чѣмъ при другихъ машинахъ. Такое ускореніе зависитъ частію отъ неравнобѣрности плечъ рычага, частію отъ высоты, съ которой тѣло падаетъ, частію отъ вѣса тѣла. Къ этому роду нужно отнести и туммлеръ, изображенный на ф. VII. Онъ состоитъ изъ столба, оканчивающагося винтомъ *e*, около котораго движается ось *cd*; концы этой оси проходятъ черезъ два колѣна *if* и *cg* короткаго плеча рычага; длиннымъ плечомъ рычага будетъ разстояніе отъ *h* до *e*; на фигурѣ туммлеръ представленъ въ томъ положеніи, когда камень приготовленъ къ полету. Камень лежитъ въ пращѣ *k*; къ обоимъ колѣнамъ короткаго плеча рычага придѣланы ящики *bg* и *af*, наполненные гириями (эти гири вынимаютъ, если хотятъ перенести туммлеръ на другое мѣсто). Какъ только засовъ *mz* помощью веревки *n* отдернуть, сейчасъ же ящики съ гириями стремительно потянутъ внизъ короткое плечо рычага; тогда длинное плечо поднимается вверхъ, таща за собой веревку съ пращей *k*; петля отвязывается и камень улетаетъ; затѣмъ опять палкою надѣваютъ на конецъ длиннаго плеча кольцо *o* и, надѣвши, намотываютъ на валъ *p*. Если нужно было пустить какой-либо горючій матеріалъ, то для этого употребляли ухватъ *q*, который привинчивали къ концу длиннаго плеча рычага; для бросанія цѣлой бочки употреблялся ухватъ другаго рода, съ лапами, въ которыя вставлялась бочка.

Легко понять, какимъ образомъ увеличивалась сила метанія—очевидно укорачиваніемъ короткаго плеча рычага; если короткое плечо составляло $\frac{1}{5}$ длиннаго, то скорость полета вверхъ была въ 5 разъ больше скорости паденія короткаго плеча, ибо въ одно и то же время длинному плечу приходилось пройти разстояніе въ 5 разъ больше того, какое нужно было пройти короткому. Затѣмъ, если увеличить тяжесть короткаго плеча (накладываніемъ въ ящики большаго количества гирь) въ 5 разъ, то скорость паденія будетъ въ 5 разъ больше, слѣдовательно скорость поднятія длиннаго плеча въ 5 разъ больше. При совокупности этихъ условій (т. е. увеличивая длину длиннаго рычага и тяжесть короткаго въ 5 разъ) тѣло взлетитъ въ 25 разъ скорѣе. Это можно понять на вѣсахъ.

взявъ одно плечо въ 5 разъ длиннѣе другаго и увеличивъ вѣсъ его также въ 5 разъ.

При метаніи камней и проч. главную роль играетъ праща съ веревками, которая при своемъ движеніи отъ k имѣетъ большій кругъ движенія, чѣмъ конецъ h длиннаго плеча рычага. Преимущества и выгоды этого ясно видны изъ опыта, причѣмъ легко усмотрѣть и всѣ недостатки. Но всѣ случаи нельзя изслѣдовать за неизмѣнимъ настоящаго тумлера; также нельзя опредѣлить и силу движенія съ надлежащею точностью.

Были и такіе тумлеры, которые походили на тотъ шесть, коимъ поднимается въ колодецѣ ведро съ водою. Въ этихъ тумлерахъ большая гири привѣшивалась къ короткому рукаву, доходившему вслѣдствіе этого почти до земли; выстрѣлы производились вторымъ плечомъ. Вообще, гири всегда двигались вокругъ оси s , съ тою цѣлью, чтобы при натягиваніи онѣ были ближе къ точкѣ опоры и не находились въ горизонтальномъ положеніи; вторыхъ, чтобы, благодаря подвижности и длинѣ, рычагъ приходилъ скорѣе въ спокойное положеніе“.

Такъ оканчиваетъ авторъ свое описаніе блидовъ и тумлеровъ. Какъ вѣжется, кромѣ названныхъ источниковъ, у него были и другіе, о которыхъ онъ не упоминаетъ. Какъ бы ни было трудно рѣшить, сколько тутъ невѣрностей или гипотезъ, все таки мы не думаемъ, что предприняли бесполезный трудъ, сдѣлавъ рефератъ объ этомъ столь рѣдкомъ сочиненіи, которое проливаетъ свѣтъ на темную главу о блидахъ и тумлерахъ, и сохранивъ его чрезъ это отъ окончательной гибели.

ПРИМѢЧАНІЯ:

I. Это оружіе вполне противорѣчитъ описанному Линденшидтомъ въ его „Древностяхъ нашихъ предковъ-язычниковъ“ (т. I, тетр. I, табл. 3, ф. 12). Вопросъ, указываетъ ли оно, вмѣстѣ съ найденными Крузе монетами (1 греч. и 4 римскихъ) на островъ Эзелъ, на взаимныя сношенія римлянъ, при первыхъ императорахъ, съ эзельцами, или же, что они приобрѣтены отъ датчанъ и шведовъ, — можетъ быть рѣшенъ только при большемъ количествѣ данныхъ.

II. Чтобы понять данное мѣсто, надо имѣть подъ руками лат. текстъ

Christiani lanceas clipeis ferreis accipiunt. Quibus exhaustis gladios arripiunt, propius accedunt, bellum committunt, cadunt vulnerati, pugnant viriliter pagani“. Кто утверждаетъ, что у эстовъ не было мечей, тотъ долженъ слова: arripiunt и т. д. отнести къ христіанамъ. Но это значитъ насиловать лат. текстъ, ибо *эсты* нападаютъ, *ихъ* храбрость изумительна, такъ что „propius accedunt, bellum committunt“ мы также должны приписать эстамъ. Это доказываютъ слова „viriliter pugnant“. Они такъ храбро сражались, что христіане остоленѣли, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца (сравни переводъ Папста стр. 148, прим. 23).

III. XIV, 10; XXIII, 8; XXVII, 2; XVIII, 5; слово „petrellus“ встрѣчается у Генр. Лат. Разъясненія Ганзена въ этимологическомъ отношеніи не приносятъ намъ никакой пользы (сочиненіе его „Origines Livoniae“ стр. 100). Аридтъ и Ганзенъ при переводѣ „ballistarius“ погрѣшили тѣмъ, что переводятъ его различно, то черезъ „таранъ“, то „катапультъ“, то „баллиста“ и т. д. Кто сошлется на нѣмецкій текстъ, тотъ едва ли подѣ этими названіями станетъ подразумѣвать одинъ и тотъ же предметъ. Лучше всего, за нѣимѣніемъ подходящаго слова, ввести подлинное въ русскій языкъ. Ballistarius — это солдатъ, вооруженный „ballista“, оружіемъ, похожимъ на арбалетъ (самострѣлъ), которое такъ было приспособлено, что изъ него можно было метать и камни, и стрѣлы. Но „ballista“ существенно отличалась отъ лука съ тетивой (arcus), такъ какъ лѣтописецъ въ XXVIII, 5 употребляетъ рядомъ оба слова (sagittarios arcuum et ballistarios). Лучше объясненъ смыслъ этого слова у Аридта (I стр. 7). Онъ, между прочимъ, говоритъ: „Самыя маленькія бросали грузъ въ 5 фунтовъ, большія же до 1 тонны, на разстояніи 500 шаговъ, причеиъ онѣ могли все раздроблять. Отъ выстрѣловъ изъ этой машины прятались за кожаными, набитыми мягиною тюфяками и за протянутыми парусами. Иногда же изъ нихъ метались бревна, на концѣ заостренныя и обитыя желѣзомъ, такъ что petrella, ballista и catapulta составляютъ одно и то же и различаются только величиною“.

Такъ какъ мы выше ссылались на Г. Л. (XIX, 5), то необходимо слѣдять еще слѣдующее замѣчаніе. Папстъ, при переводѣ лѣтописи Г. Л. на основаніи подробнаго кодекса (XII, 2), читаетъ вмѣсто: „lancearum ac sagittarum missione“ — „lancearum ac pedorum m.“ и въ XIX, 5 вл.

„lanceis et sagittis“ — „lanceis et pedis“. Авторъ подь „pedum“ разумѣть палку, приспособленную въ верху къ пращѣ. Но такъ какъ значеніе „pedum“ должно быть заранѣе объяснено, между тѣмъ какъ чтеніе „sagitta“ упорно подтверждается, то почти немислимо принять такое измѣненіе текста. Но если чтеніе „pedum“ все таки вѣрно, то „sagitta“ должно счесть излишнимъ комментариемъ, а слѣд., значеніе, приданное Папстомъ слову „pedum“, не можетъ имѣть мѣста.

IV. Ершинъ переводитъ латинское „propugnaculum“ — „Bergfriede“. Какъ устраивались „Bergfriede“, говоритъ Дусбургъ въ гл. 98: „на каждомъ концѣ моста было сдѣлано сильное укрѣпленіе на подобіе башни“. Онѣ были деревянные. Далѣе, въ гл. 125: „Они защищались въ деревянныхъ башняхъ названнаго лагеря“.

Цѣль этихъ Bergfriede — давать осаждающимъ въ этой маленькой деревянной башнѣ безопасное убѣжище противъ вылазки осажденныхъ. Затѣмъ старались такъ запереть осажденную крѣпость, чтобы подвозъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и подкрѣпленія людьми были отрѣзаны. Съ этою цѣлью располагались на такой горѣ, или возвышенности, которая господствовала бы надъ крѣпостью и ея окрестностями, такъ что ни изъ крѣпости, ни туда не могли взойти безъ позволенія осаждающихъ. Въ то время это было необходимо, иначе осада могла бы затянуться на долгое время. Наконецъ, эти „Bergfriede“ строились для сопротивленія, иногда окружались валомъ или рвомъ и защищались около 400 людей, которые были снабжены пищей и военными припасами. Поэтому Дусбургъ (III, стр. 90) называетъ ихъ: „propugnacula firma et vallata plurimis armigeris viris bellicosus et in armis strenuis. . . . itaque non patebat via intrandi aut exeundi obsessis (сильныя укрѣпленія, защищенныя большимъ числомъ вооруженныхъ людей, смѣлыхъ въ войнѣ... и такъ входъ и выходъ для осажденныхъ были закрыты). Осажденные могли съ внѣшнею помощью завоевывать и разрушать такія крѣпостцы, или же только украдкою могли улизнуть изъ осажденной крѣпости, если не могли въ ней долѣе держаться (гл. 91, 98, 115 и 89, 92, 112, 113 и 116 этой книги).

VIII. Многочисленность экспедицій эзельцевъ и крѣпость ихъ войска.

Объ обыденной жизни, ежегодныхъ военныхъ походахъ и набѣгахъ эзельцевъ скорѣе всего можно составить себѣ понятіе, если эти событія (преимущественно упомянутыя у Г. Л.) поставить въ хронологическій порядокъ, подобный нижеслѣдующему (нужно замѣтить, что не всѣ эти событія имѣютъ полную историческую достовѣрность):

- 1203 годъ. Набѣгъ на Данію.
- 1204 „ Битва морская съ нѣмцами у береговъ Эстляндіи.
- 1206 „ Походъ короля Вольдемара для усмиренія эзельцевъ на къ островъ.
- 1211 „ Походъ по р. Аа на Трейденъ.
- 1215 „ Эзельцы на нѣсколькихъ корабляхъ въ устьѣ р. Аа.
- 1215 „ Дѣло въ новой гавани Эзеля.
- 1215 „ Походъ въ Двину (гор.) и разрушеніе ея.
- 1216 „ (Зимой) Нѣмцы на о-въ Эзелъ.
- 1216 „ Походъ въ Сались до Астьерва.
- 1217 „ (Зимой) Осада Оденпе въ союзѣ съ Русскими.
- 1217 „ Походъ въ Метзеполь.
- 1218 „ Походъ въ Двину.
- 1220 „ Отнятіе у шведовъ замка Леаль.
- 1221 „ Эзельцы подъ Ревелемъ.
- 1222 „ Осада и разрушеніе датскаго замка на Эзелѣ.
- 1223 „ Эзельцы (съ другими эстами) осаждаютъ Ревель. Осенью того же года соединились съ русскими для этой же цѣли.
- 1226 „ Набѣгъ въ Швецію.
- 1227 „ Последняя борьба эзельцевъ за ихъ свободу (происходила въ самомъ островѣ).

Разбирая эти приключенія и событія, легко замѣчаемъ, что летописецъ говоритъ только о тѣхъ походахъ и дѣлахъ эзельцевъ, которыя происходили у нихъ съ нѣмцами, исключая осады Ревеля и разрушенія Леаль. Но эти мѣста (Ревель и Леаль), бывшія въ рукахъ шведовъ и датчанъ,

нѣмцы считали, какъ видно изъ лѣтон. Генр. Л., принадлежащими Пресвятой Дѣвѣ и потому находившимися подъ ея защитой. Съ увѣренностью можно сказать, что кромѣ вышеупомянутыхъ походовъ эзельцы дѣлали набѣги на сѣверъ и югъ, о которыхъ Генрихъ Латышъ или ничего не зналъ, или же умалчиваетъ, такъ какъ они не имѣли ничего общаго съ религіозными войнами нѣмцевъ съ эзельцами. Такъ, мы находимъ у Иоганна Мессенія въ его „Scandia illustrata“ т. II, стр. 24 подъ 1220 годомъ такое замѣчаніе: „Между тѣмъ король шведскій Иоганнъ (младшій или благочестивый) былъ встревоженъ вооруженіями эстовъ [Ардтъ говоритъ (т. I стр. 53), что датскіе писатели, которымъ слѣдуютъ другіе, причисляютъ Эзель въ Эстляндію, а потому эзельцевъ называютъ эстами. Эти походы часто предпринимались въ союзѣ съ эстами (съ острововъ и съ материка)]. Генрихъ Л. не упоминаетъ также ни объ одномъ походѣ эзельцевъ въ Швецію до 1226 г., между тѣмъ какъ ихъ было нѣсколько.

Если эзельцы отправлялись въ походъ, не ради грабежа, то численность ихъ была значительна. Въ 1211 году возвратилось 9000 человекъ, причеиъ конныхъ было 4000. Эти числа можно вывести изъ слѣдующаго: кораблей было 300, а экипажъ каждаго состоялъ изъ 30 человекъ; затѣмъ, по указанію Г. Л., отнято было у эзельцевъ 2000 лошадей, такъ что мы не сдѣлаемъ большой погрѣшности, если число убѣжавшихъ и убитыхъ лошадей также положимъ 2000. Такъ какъ Г. Л. говоритъ, что въ этой битвѣ пала сила Эстляндіи, т. е., старѣйшіе изъ эзельцевъ и роталинцевъ и т. п., то, по моему мнѣнію, число пѣхотинцевъ простиралось до 10,000 человекъ. Эти цифры не велики, но все же онѣ показываютъ, что эзельцы могли выставить около 23,000, изъ которыхъ 13,000 съ острова, а остальные съ Вика; потери ихъ были поразительны; всѣ ихъ корабли (300) попали въ руки непріятелей; но черезъ 4 года они опять выставили 200 кораблей. Изъ солдатъ тогда (въ 1211 г.), какъ кажется, спаслась едва четвертая часть. Г. Л. говоритъ объ этой экспедиціи: „convocant exercitum magnum et fortem“. Подобныя выраженія встрѣчаются у него нерѣдко при описаніяхъ походовъ эзельцевъ. Въ 1217 году русскіе осадили Оденпе вмѣстѣ съ эзельцами, къ которымъ применили ихъ соотечественники изъ Савкалы и Гарріа, однако въ ограниченномъ числѣ. Число осаждающихъ доходило до 20,000. Союзъ этотъ не удался, и русскіе и эзельцы при этомъ

потеряли половину войска. Такую численность войска нужно представить себѣ также подъ Ревелемъ и Леалемъ, такъ какъ лѣтописецъ вообще говоритъ, что они выставили сильное войско (*congregato exercitu magno — cum exercitu magno — venerunt omnes cum exercitu magno* и т. д.).

Если же эзельцы дѣлали набѣгъ, численность ихъ была меньше. Въ 1217 г. 1000 эзельцевъ отправились въ походъ на Метзеполь. Также въ 1220 году, во время ихъ набѣга на Герве, когда они нечаянно встрѣтились съ нѣмцами, число ихъ едва доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Такъ какъ ихъ пало отъ 500 до 600, то приблизительно можно считать ихъ войско состоящимъ въ данномъ случаѣ изъ трехъ тысячъ. При сравненіи этихъ цифръ съ численностью населенія Эзеля, можно сказать, что война была для эзельцевъ вещь обыкновенною, что она была ихъ любимымъ удовольствіемъ, даже какъ-бы второй натурой.

IX. Эзельцы въ своихъ походахъ.

Если требовалось выставить войско, то ваннемъ (старшина) прихода посылалъ вербовщиковъ набирать солдатъ. Это приказаніе, кажется, исполнялось буквально. Ибо когда въ 1215 году эзельцы захватили нѣсколько нѣмецкихъ кораблей въ новой гавани Эзеля, то „дали знать по всему прибрежью (вѣроятно Вика), что они заперли рижскаго епископа со всѣмъ войскомъ. Тотчасъ эзельцы явились въ громадномъ числѣ. Рано утромъ въ другой день все море казалось чернымъ отъ ихъ кораблей и они сражались противъ насъ въ продолженіи цѣлаго дня (XIX, 5)“. Разсказъ этотъ можно понять такъ, что войско эзельцевъ стягивалось день и ночь для окончательнаго военнаго совѣщанія, которое происходило въ заранѣ определенномъ мѣстѣ. По свидѣтельству лѣтописца мѣсто это называлось таја (XV. 7; XXIII, 9); тутъ же для объясненія Г. Л. прибавляетъ: „*id est congregatio* (мѣсто собранія)“ (Вообще слово таја на языкѣ эстовъ значитъ бесѣдка, хижина, ночлеги, а здѣсь — по Арндту I, стр. 95 — стояныя лагерь въ полѣ).

Передъ началомъ похода спрашивали боговъ объ исходѣ предпріятія. Когда эзельцы въ 1211 г. осаждали Треденъ, разсказываетъ Г. Л. XV,

З, они выслали людей для грабежа, жгли деревни и церкви, умерщвляли пойманных ливовъ, другихъ уводили въ плѣнъ, захватывали много добычи, угоняли стада воловъ и мелкаго скота, приносили ихъ въ жертву богамъ, чтобы узнать ихъ расположеніе. Мясо, упавшее при разрубиваніи на лѣвую сторону, указывало на гнѣвъ боговъ и предвѣщало дурной исходъ предпріятія. Подъ 1220 г. Г. Л. пишетъ: „Такъ какъ эзельцы, собравши большое войско, спрашивали у боговъ, идти-ли имъ на Ревель противъ датчанъ, или напасть на іервянъ, то жребій палъ на Іерве“. Изъ этого можно заключить, что передъ каждымъ большимъ походомъ спрашивали совѣта боговъ (см. прим. I).

При снятіи лагеря, выступали сплотившись въ кучу, причемъ особеннаго порядка движенія не было; такой способъ движенія называется у Генр. Латыша „*maleva*“. Слово это до сихъ поръ еще не нашло себѣ удовлетворительнаго разъясненія. По всему судя, оно означаетъ стражу въ конкретномъ смыслѣ: „*custodia*“ (отъ *custodes* (sc. *finium*)). У древнихъ эзельцевъ слово это имѣло другое значеніе (см. прим. II).

Если останавливались на какомъ нибудь мѣстѣ, избравъ его опорнымъ пунктомъ своихъ дѣйствій, то устраивали какъ-бы укрѣпленный лагерь. Г. Л. говоритъ (XV, 3): „Когда язычники увидѣли приближеніе нѣмцевъ, понимая ужасъ своего положенія, рѣшились, схвативъ щиты, убѣжать, причемъ одни убѣжали къ лошадямъ, другіе прыгали черезъ заборы (*seres*), собираясь въ кучу“ . . . *Seres* — означаетъ деревянный заборъ, или плетень, которымъ обносились посѣвы и т. п. Поэтому, вѣроятно, лагерь подъ Трейденомъ представлялъ огороженное пространство, обнесенное палисадомъ (см. прим. III). Не надо, впрочемъ, думать, что палисады должны были быть непременно вколоты въ землю; они могли, при одинаковой тратѣ времени и труда, такъ быть прикрѣплены, что достаточно было вырыть небольшой ровъ, опустить туда нижніе концы палисадъ и засыпать землей до уровня почвы. Употреблялись-ли при этомъ какіе-либо сложные способы защиты, нельзя узнать отъ нашего историка.

Если войско шло противъ сильнаго непріятеля, то оно всегда оставалось въ кучѣ. Отправляясь же на грабежъ, раздѣлялось на отряды, сожигало всѣ жилища, вообще строенія, убивало мужчинъ, женъ и дѣтей уводило въ плѣнъ, угоняло скоть, опустошало поля и похищало все мало-маль-

ски цѣнное. Подобныя нападенія были такъ неожиданны, что несчастные, застигнутые врасплохъ, не имѣли даже времени убѣжать въ сосѣдніе лѣса. Но несчастье такъ быстро и проходило.

Въ битву же эзельцы всегда храбро бросались. Г. Л. въ двухъ мѣстахъ подробно передаетъ намъ о способѣ ихъ сраженія (XV, 3 и XXIII, 9). Въ первомъ случаѣ дрались преимущественно эзельцы, а также эсты съ материка; во второмъ исключительно эзельцы, нечаянно встрѣтившіеся съ христіанами. Въ обоихъ случаяхъ битву начинали эзельцы. Они бросались на непріятеля съ крикомъ, сопровождая его стукомъ въ щиты, и, приблизившись на известное разстояніе, осыпали его градомъ копій и стрѣлъ. Нѣмцы же хладнокровно, прикрывшись щитами, выдерживали этотъ натискъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не доходило до рукопашнаго боя, въ которомъ эзельцы, истощивъ силы и оружіе, скоро побѣждались, тѣмъ болѣе, что ихъ оружіе не въ примѣръ хуже было оружія нѣмцевъ. Въ этомъ то и состояла главная ошибка эзельцевъ, отъ которой они и терпѣли всегда пораженія, такъ какъ уже вначалѣ теряли множество оружія, не причиняя врагу существеннаго вреда.

Какъ только эзельцамъ въ походѣ попадалась крѣпость, тотчасъ приступали они къ осадѣ (каковую долженъ былъ выдержать и Трейденсій замокъ). Съ одной стороны становился лагерьмъ флотскій экипажъ, на другой конница, подкрѣпленная пѣхотинцами: „они овладѣли замкомъ, подожгли дрова и сдѣлавъ подкопъ подъ стѣну“ (Г. Л. XV, 3). Дрова же складывались для облегченія осады. Подъ такимъ прикрытіемъ они дѣлали подкопъ подъ гору, на которой обыкновенно стоялъ замокъ, чтобы такимъ образомъ скорѣе заставить крѣпость сдаться. Были-ли у нихъ особняки этого орудія, лѣтописецъ не говоритъ; но надо полагать, что были, такъ какъ эзельцы, увидавъ гдѣ нибудь новую машину, тотчасъ строили такую же. Въ XXVI, 4 гл.: „Эзельцы, разрушивъ датскій замокъ, побуждали эстовъ дѣлать тоже самое, такъ какъ крѣпости датчанъ легко завоевывались. Они же учили ихъ строить машины (петереллы, туммеры“ и др.). Такъ какъ дѣло идетъ объ осадѣ замка, то имѣются въ виду тараны, вѣроятно и другія подобныя орудія.

Въ большемъ употребленія при осадахъ былъ также огонь. Руссовъ подъ 1208 годомъ говоритъ: „Когда король (Іоаннъ Шведскій) отправился

въ Лифляндію, эзельцы съ Вика осадили ихъ замокъ и навели страхъ огнемъ“. (Руссовъ стр. 13; также Dionysius Fabricius стр. 446). Г. Л., относя это событіе къ 1220 г., говоритъ: „Они (эзельцы) осадили шведовъ, дрались съ ними и подкладывали огонь подъ стѣны замка“ (XXIV, 3). Этимъ они принудили враговъ къ вылазкѣ, въ которой всѣ они погибли со своимъ епископомъ. Въ 1221 году эзельцы осадили датчанъ въ Ревелѣ, также употребляя въ дѣло огонь (XXIV, 7). Можно утверждать, что огни эти помощью различныхъ приспособленій метались противъ непріятелей или въ видѣ дротиковъ, намазанныхъ горючимъ составомъ, или особыми машинами въ видѣ пращей (метательныхъ), которыми, по свидѣтельству лѣтописца, эзельцы уже въ 1215 году владѣли въ совершенствѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Эзельцы часто на опытѣ могли убѣдиться, что ихъ боги не всегда были къ нимъ расположены. Напримѣръ, противъ ихъ воли, они начали осаждать и штурмовать Трейдентъ; въ другой разъ воля боговъ привела эзельцевъ прямо въ руки нѣмцевъ, съ которыми они не были приготовлены биться и потому погибли всѣ до одного.

II. Груберъ въ своей запискѣ h подъ 1214 г. говоритъ: „Если бы было написано *malina* или *malinea*, то я понималъ бы подъ этимъ быстрый походъ по льду, который они нерѣдко совершали; есть у автора другое жѣсто, изъ котораго можно заключить, что *malewa* у него равносильно — большой толпѣ (См. подъ 1218 г. 2 и 1218, 7). Намъ неизвѣстно, откуда и съ какого языка взято это слово. У эстовъ *malpane* означаетъ „непріятель“. Измѣнилъ-ли авторъ это слово въ *malewan*, не могу съ точностью утверждать.

III. Мы не думаемъ, чтобы здѣсь подъ *seres* разумѣлся непрочный заборъ, въ который загоняли лошадей и добытый скотъ. Язычники, строя заборъ, рассчитывали на него, какъ на защиту.

X. Замки и крестьянскія горы эзельцевъ.

1) Монъ.

Въ 1216 году, во время своего похода на островъ Эзель, нѣмцы нат-

кнулись на одинъ замокъ, который они назначили сборнымъ пунктомъ для разсѣявшихся для грабежа воиновъ. При разсужденіи, оказывается, что они не могли назначить сборнымъ пунктомъ замокъ, котораго еще не видали; слѣдовательно, тутъ говорится объ укрѣпленномъ мѣстѣ, которое первое попало имъ на глаза и откуда они отправились на грабежъ. Первый же замокъ на пути съ материка на Эзель — крестьянская гора на Монѣ („castrum Mone“ Г. Л.). Впрочемъ Генрихъ Латышъ нигдѣ не упоминаетъ объ островѣ Монѣ, хотя замокъ Монѣ принимаетъ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Мы же ни на минуту не сомнѣваемся, что какъ въ 1217, такъ и въ 1227 г. нѣмцы, при походѣ съ материка на югъ, шли мимо Мона и достигли Малаго Зунда. Въ такомъ случаѣ, у нихъ съ правой стороны былъ замокъ Монѣ, слѣва же мѣсто, на которомъ, по утверженію Люце, стоялъ замокъ прежде.

Въ тѣхъ только мѣстахъ мы несогласны съ Люце, гдѣ описаніе этой мѣстности противорѣчатъ описанію Генр. Латыша. Люце говоритъ на стр. 20 своей школьной программы (Schulprogramm) отъ 1811 года, что возвышеніе, на которомъ стоитъ замокъ Монѣ, круто; онъ же пишетъ на стр. 18: „Тогні-шаеггі нѣкогда лежало при Зундѣ и представляло гору, или значительно крутое возвышеніе“. Онъ долженъ бы былъ написать: „Торняметта составляетъ возвышеніе“. Но это возвышеніе такого протяженія и уровня высоты такъ колеблется, что трудно понять слова Г. Л. „одни молятся болванамъ, другіе Иисусу, во имя котораго взбираются и достигаютъ вершины; но тѣ храбро ихъ отражаютъ. Первый взобравшійся сильно задерживался копиями и камнями, но Богъ сохранялъ его среди столькихъ разъяренныхъ враговъ. Всякій разъ, какъ онъ поднимался, кучи враговъ тѣснили его назадъ и это повторялось нѣсколько разъ, пока одинъ нѣмецъ, урываясь щитомъ отъ вражескихъ копій и поднятый ангеломъ Божіимъ, не достигъ верхней части, находившейся надъ головами непріятелей. Богъ послалъ ему на помощь втораго и третьяго товарища; но третій былъ отбѣненъ и упалъ съ высоты (это фактически невозможно). За первымъ слѣдовали другіе нѣмцы, желая поскорѣе помочь товарищамъ; хотя и тѣхъ враги толкали назадъ и многіе изъ нихъ получили раны, а другіе упали, но всетаки съ Божьей помощью они достигли вершины, съ большимъ трудомъ одолевъ непріятелей. Однако взбираться на гору было трудно и опасно, такъ какъ земля

была мерзлая и представляла ровную ледяную поверхность... (XXX, 4)^а. Кто внимательно прочел эти строки и видѣлъ Торнимегги подъ Нейенгофомъ, тотъ врядъ-ли узнаеть въ этомъ описаніи замокъ Монъ. Не нужно никакихъ ангеловъ и чудесъ, чтобы взобраться на эти вершины даже при гололедицѣ. Все войско заразъ могло свободно взобраться. Но если Люце пишетъ (стр. 19): „Это была природная возвышенность, на которой стояла крѣпость, бывшая прежде замѣтна, а теперь вслѣдствіе распаханія уменьшившаяся“ — то мы все еще не въ состояніи убѣдиться, чтобы обширная плоская возвышенность могла образоваться изъ крутаго вала отъ вспаханія по эзельскому обычаю. Если бы это случилось даже до Люце, то едвали бы это сильное вспаханіе могло вырыть упомянутыя у него (на стр. 19) дубовыя стволы. И если оруженосецъ Люце впервые выкопалъ эти стволы, то врядъ ли до него эти мѣста глубоко пропахивали (¹). Г. Л. вовсе не упоминаеть о горѣ, но говоритъ о валѣ. Правда, въ одномъ мѣстѣ попадаетъ у него слово *mons*; но по всему его разсказу — это *mons* можно принять въ смыслѣ *vallum*. Уже тѣ противорѣчія, которыя представляетъ естественное устройство мѣстности съ историческимъ описаніемъ, принуждаютъ не полагаться на слова и убѣжденія Люце. Однако, слова Г. Л., что замокъ Монъ есть крестьянская гора на островѣ Монѣ, вполне правдоподобны, если обратить вниманіе на выраженіе Дитлиба ф. Алпекке, который (стр. 1660) говоритъ: „онъ (графъ Эршштейнъ) привезъ съ собою домой въ Монъ гордыхъ гостей, которымъ эзельцы не весьма были рады...“ Здѣсь Монъ означаетъ не замокъ, но страну, мѣстность, островъ, на которомъ находился замокъ. Такъ какъ на Монѣ нѣтъ слѣдовъ другаго эзельскаго укрѣпленія, то, вѣроятно, крестьянская гора и есть — *castrum Mone*. Гіерне пишетъ на стр. 144: „Тяжелымъ путемъ отправились они (20,000 конницы и пѣхоты) въ Монъ, гдѣ у враговъ была крѣпость, отъ которой и теперь еще можно найти *Rudega*, или, какъ ихъ еще называютъ, крестьянскія горы, возлѣ одной деревни *Lippus*, къ югу отъ Эзеля“. Поэтому мы не только полагаемъ, но даже увѣрены, что Монъ (замокъ) находится на

(¹) Во всякомъ случаѣ, найденныя Люце древности показывали поле сраженія, а не замокъ Монъ. Хотя Г. Л. нигдѣ не говоритъ «Монъ на Эзелѣ», одизко Люце всѣ свои выводы строить на этомъ положеніи.

Монъ и только одинъ изъ тамошнихъ крестьянскихъ холмовъ и есть Монъ. Теперь необходимо представить себѣ настоящій видъ Монской крестьянской горы, чтобъ затѣмъ довершить это представленіе описаніемъ Г. Л., на сколько это будетъ возможно. Линнузе малинь, какъ называютъ эсти монскій крестьянскій холмъ⁽¹⁾, лежитъ на разстояніи 2 версты отъ Малаго Зунда; на такое же разстояніе лежатъ по другую сторону Торнигетти. Дно какъ здѣсь, такъ и тамъ, вѣроятно, поднялось, такъ что прежде Монскій замокъ лежалъ на морскомъ берегу. Длина вала у основанія 838 ф., высота 23 ф., ширина 6 ф., ви́шній скатъ 43½ ф., внутренній только 25 фут., такъ что дно внутренняго пространства значительно выше окрестности. Насыпь, состоящая изъ нагроможденныхъ въ кучу дикихъ камней, надъ которыми мѣстами лежитъ плотный слой земли, замыкаетъ пространство, діаметръ котораго отъ востока къ з. 190 ф., а отъ с. къ ю. 192 ф. Почти въ срединѣ крѣпостнаго пространства находится колодезь, который, не смотря на постоянное обрушиваніе камней, представляетъ какъ бы вазу, діаметромъ въ 12 ф. Ваза эта наполнена отличной, чистой, холодной водой. При внимательномъ наблюденіи слышно даже журчаніе. У основанія насыпи лежатъ нагроможденные въ кучу камни, которые, какъ мы думаемъ, составляли упоминаемую Г. Л. на насыпи стѣну, отъ давности рухнувшую. Одинъ выходъ лежитъ къ югозападу, другой къ сѣверовостоку; у послѣдняго на правой сторонѣ (считая изнутри) воротъ валъ; здѣсь насыпь на разстояніи 36 ф. ниже другихъ мѣстъ на 3—4 ф. Можетъ быть здѣсь было такое же приспособленіе для защиты воротъ, которое было при Бергель-Мустельскомъ крестьянскомъ холмѣ. Особенно замѣчательны четырехъ-угольныя отверстія по обѣимъ сторонамъ югозападныхъ воротъ. Южное больше сохранилось, чѣмъ другія. И такъ, кто того мнѣнія, что Г. Л. сказалъ слишкомъ много, говоря о *stipus* эзелъцевъ, тотъ пусть основательно осмотритъ не только способъ укладки камней, но и способъ соединенія

(1) Отъ близлежащей деревни Ланузе.

(2) Фактъ поднятія почвы неоспоримъ. Люце справедливо пишетъ на стр. 19: «Я видѣлъ какъ изъ рифовъ дѣлались острова, изъ острововъ полуострова, изъ болотъ—сухая почва; изъ вѣтродимыхъ топей дѣлались пастбища; островъ увеличился на много версты, обаженные морскіе берега покрылись сочною травою, особенно у Лода и Насва». Старинные помѣщики прибрежные значительно увеличили свои мѣтнія.

стѣнъ въ правомъ углу. Полежимъ, что извести больше не видно; но какъ же иначе назвать эту постройку, какъ не стѣною? Отвѣрстія лежатъ на половинѣ вышины насыпи и расположены такъ, что два лучше сохранившихся лежатъ другъ отъ друга на разстояніи 12 ф. (на лѣвой сторонѣ воротъ). На такомъ же разстояніи отъ этого отвѣрстія лежитъ другое, на половину засыпанное, вѣроятно, илѣвшее прежде такой же видъ. При хорошо сохранившемся отвѣртіи разстояніе между стѣнами 6—7 ф. Первоначальное углубленіе болѣе не замѣтно, такъ какъ оно засыпано известью и землею и поросло травой. Теперь оно = 4 ф. приблизительно. О назначеніи этихъ приспособленій можно только догадываться. Вѣроятно, по обѣ стороны южнаго выхода стояли башни, подпоры которыхъ находились въ этихъ углубленіяхъ. Теперь еще замѣтно, что замокъ былъ обнесенъ ровомъ, шириною 36 ф. Г. Л. не могъ упомянуть объ этомъ, ибо 3 февраля этотъ ровъ былъ покрытъ льдомъ и не представлялъ никакихъ затрудненій для завоеванія крѣпости. Слѣды рововъ, какъ увидимъ, находятся при всѣхъ крестьянскихъ горахъ. Все это тѣмъ болѣе достовѣрно, что ровъ Монскаго замка легко могъ быть наполняемъ водою изъ сосѣдняго озера. Теперь онъ заваленъ и образуетъ вокругъ крестьянскаго холма кольцо, заросшее ячменемъ и льномъ и внѣшняя сторона котораго обнаруживаетъ разрушенное каменное сооруженіе. Конечно, и это могло служить защитой осажденнымъ, хотя ничего положительнаго сказать нельзя. Если только что описанныя развалины замка Мона запомнить, то прежде всего нужно себѣ представить стѣны на насыпи крестьянской горы, которыя превышаютъ человѣческой ростъ, ибо лѣтописецъ говоритъ о нихъ: „*Suprema munitio, quae super capita hostium fuerat*“. Валъ и стѣны отъ вліянія климата покрылись совершенно глетомъ (свинцовою окисью), такъ какъ „послѣ южныхъ вѣтровъ, приносящихъ дождь, слѣдовали морозы“. Мѣсто на насыпи передъ стѣнами, вѣроятно, было узко, такъ какъ тутъ не было битвъ. На верху же ширина стѣны была достаточна, чтобы двое могли стоять другъ противъ друга. Внутри замкнутаго пространства стояла защитительная постройка. Г. Л. рассказываетъ, что „нѣмцы со своей башни бросали стрѣлы, копыя и дротики на езельцевъ и ихъ сооруженія. Тѣже бросали камни и дротики черезъ ихъ головы“. Отсюда ясно, что язычники метали извнутри съ вышненнаго мѣста. Далѣе нашъ рассказчикъ говоритъ: „Борьба была упор-

ная съ ранняго утра, такъ что нѣмцы уже при помощи кривыхъ ломовъ и желѣзныхъ крюковъ пробивали укрѣпленія и вытаскивали большіе куски дерева, на которые опиралось укрѣпленіе, вслѣдствіе чего часть его уже обрушилась“. Было ли это укрѣпленіемъ одной башни, или же была одна большая башенная постройка, прилегавшая къ внутренней насыпи и находившаяся въ сообщеніи со стѣной на валу — нельзя видѣть изъ описанія лѣтописца. Что дерева было много, видно изъ выраженія: „Огонь пожираетъ укрѣпленія эзелцевъ“. Къ этимъ сгорѣвшимъ деревяннымъ сооруженіямъ надо причислить также „domicilia castrî“ во внутреннемъ погѣщеніи. Такъ какъ, по отчету Дитлиба ф. Алпекке, въ Монѣ было убито 2,500 мужчинъ, женщинъ и дѣтей (ст. 1666), то строенія эти должны были занимать довольно значительное пространство. Во всякомъ случаѣ онѣ были выстроены внутри насыпи и замыкали пространство, въ срединѣ котораго былъ колодезь и отъ котораго расходились дороги къ выходамъ. Подъ шлѣ Генриха Латыша нужно подразумѣвать *domicilia castrî*; тѣмъ не мене трудно понять, какимъ образомъ 2,500 человекъ, лошади и скотъ могли помѣститься въ крѣпости. Отсюда можно вывести, что вблизи замка находился городъ, отъ котораго можно найти слѣды въ названіи деревни Линнузе. Но нѣмцы навѣрное въ древности разграбили и сожгли этотъ городъ (Л. XXX, 4).

2) Пейде.

Пейдская крестьянская гора, называемая эстами Кегутской — отъ близлежащей деревни Кегутсъ, лежитъ на разстояніи 5 верстъ отъ Малаго Зунда. Она образуетъ валъ, насыпь котораго двумя воротами, обращенными къ югозападу и къ сѣверовостоку, дѣлится на 2 не вполне дугообразныя половины, изъ которыхъ сѣверозападная длиною 348 ф., а юговост. 426 ф. Длина всей насыпи, считая и ширину воротъ = 932 ф. Ширина вала = 6 ф. приблизительно; внѣшній скатъ имѣетъ 77 ф., а внутренній 58; ширина насыпи при основаніи = 33 ф. Поверхность внутренняго пространства лежитъ почти на $\frac{1}{4}$ вышины вала выше окрестности. Съ внѣшней стороны стѣны этой насыпи довольно круты. Насыпь сдѣлана изъ дикихъ, хрупкихъ камней, опять таки съ помощью земли вмѣсто цемента. Весь обводъ хорошо сохранившагося, хотя и обросшаго травой кольца, при

въѣинемъ скатъ равень 520 шагамъ (шагъ = $2\frac{1}{2}$ ф.). Ворота въ 2 раза ниже насыпи и теперь еще замѣтенъ въѣздъ съ юговосточной стороны. Почти въ серединѣ внутренняго пространства замѣтно углубленіе въ землѣ, заваленное камнями. Это, вѣроятно, засыпанный колодезь, каменную кладку котораго нельзя замѣтить. Діаметръ внутренняго пространства съ сѣверовост. на югозападъ 288 ф.; а съ югост. на сѣверозападъ 168 ф.

Пейдская крестьянская гора находится на такомъ мѣстѣ, которое по свойству мѣстности давало большія преимущества осажденнымъ; съ юговостока на сѣверъ тянутся болота (топи), сначала въ 300 шагахъ отъ насыпи, а далѣе къ западу въ 400. Относительно самого замка у эстовъ ходитъ отъ отца къ сыну преданіе, что ихъ предки въ этихъ окопахъ, извѣстныхъ также подъ именемъ „линна-вайль“, похѣщали своихъ женъ и дѣтей уже въ началѣ войны, если чувствовали себя не въ силахъ сражаться въ открытомъ полѣ. Также этики окопами пользовались для сопротивленія непріязненнымъ старшинамъ, когда еще въ странѣ эзельцевъ не было нѣмцевъ.

Здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ о другомъ сооруженіи, лежащемъ въ округѣ Пейдскомъ, не далеко отъ Малаго Зунда, а именно Торнимегги подъ Нейенгофомъ. Мы видѣли, что не тамъ находился замокъ Моуъ; рассмотримъ же, что это такое. Самое названіе показываетъ, что на задней сторонѣ этого укрѣпленія находилась башня, служившая сторожевымъ постомъ для наблюденія надъ окрестностями, особенно въ какихъ-нибудь важныхъ случаяхъ. Мы считаемъ это настоящей его цѣлью; эта башня однако была чрезчуръ близка къ другому подобному зданію, которое легко можно было бы обратить въ укрѣпленіе. И тогда въ Торнимегги поднималась бы массивная, крѣпко построенная изъ дерева башня. Лице въ своемъ описаніи „Замокъ Моуъ на Эзалѣ“ (стр. 19) говоритъ: „Вѣроятно, замокъ этотъ имѣлъ еще какія-нибудь приспособленія, такъ какъ старичекъ мужикъ, съ которымъ г. Гольцмейеръ разговаривалъ въ Торнимегги, говорилъ ему, что онъ, будучи юношей и вспахивая землю при горной башнѣ, часто выкапывалъ отвѣсно стоявіе, гнилыя деревянныя стволы, которые, по его словамъ, шли вокругъ горы и занимали ея середину; какъ кажется, это были палисады, остатки которыхъ, по соженіи замка, остались въ землѣ“. Весьма вѣроятно, что передняя часть этого замка окружалась рвомъ,

который, по видимому, былъ необходимымъ сооруженіемъ при всякомъ зельскомъ замкѣ, чѣмъ представлялъ большую гарантію въ безопасности. Стрелецкой башней для обширнаго пространства служило сооруженіе на окружающей мѣстности, предполагая даже, что оно было посредственной высоты. Какъ бальверкъ (бастіонъ), оно было въ состояніи защитить отъ вражескаго набѣга прилежащій портовый городъ; мы говоримъ портовый городъ, такъ какъ у Люце ему отведено возвышенное мѣсто, какъ Lippstaegg (городская гора). Потому тамъ долженъ былъ находиться городъ. На частые наши вопросы туземцы объяснили, что такого Линнаметти не находится, но что есть Силламетти (портовая мостовая гора) и указывали тотъ холмъ, гдѣ теперь русское кладбище. Вѣрно это такъ и есть, ибо указанія Люце преимущественно имѣютъ цѣлью Линнаметти; тамъ, должно быть, и былъ городъ, что подтверждается показаніями жителей. Теперь названія мѣсть утратились. При Силламетти находился мостъ, опускавшійся далеко въ море, чтобы дать удобное пристанище кораблямъ, такъ какъ, по словамъ туземцевъ, сюда въ старину приставали корабли. Въ случаѣ большой опасности жители города перебирались на крестьянскую гору, стоявшую отъ города на 6 верстѣ.

Гдѣ же скрывалась Пейдская крестьянская гора, когда мѣщичьи войска доносили или отъ Мона къ Вольде? Быть можетъ сосѣдніе лѣса скрыли ее отъ глазъ непріятели? Развѣ мѣщичи съ умисломъ не обратили бы вниманія на вражескій замокъ, остававшійся у нихъ въ тылу?

3) Каррисъ.

Менѣе всего разрушилась крестьянская гора возлѣ деревни Пундъ въ Каррисѣ. На возвышеніи, окруженномъ большимъ болотомъ, на западной оконечности плоской возвышенности, образующей эти длинныя холмы, находится почти на краю болота крестьянская гора. Непосредственно возлѣ пролегающей тамъ дороги возвышаются въ большомъ количествѣ неправильными группами высокія и крутыя песчаные холмы. Этимъ называютъ ихъ Коольметти. Эти холмы обязаны своимъ происхожденіемъ человѣческими руками, ибо они содержатъ многочисленныя остатки павшихъ эстовъ, по указанію Бургардта ф. Дрейлевена, подъ 1345 годомъ. Перейдя эти холмы можно достигнуть насыпи, по видимому сдѣланной изъ камней. Возлѣ

этотъ болѣе длиннаго вала находится другой, короткій; однако связь между ними незамѣтна. У болѣе насыпи лежатъ разбросанные по песку лѣса камни, на разстояніи приблизительно 135 ф. отъ насыпи. Далѣе идетъ насыпь вышиною въ 15 ф. и длиною около 275, которая, поворачивая направо (если смотрѣть съ дороги), тянется вплоть до болота. Разбросанные камни, лежащіе передъ сохранившеюся насыпью, ясно показываютъ, что разрушенная часть насыпи поворачивала направо и представляла соединеніе съ меньшей насыпью. Въ концѣ ея разсыпанные камни достигаютъ вышины въ 2 фута. Слѣдуя за этими камнями до меньшей насыпи, доходить до параллельнаго съ болѣею насыпью направленія, длиною около 100 ф.; но далѣе уже не видно никакихъ слѣдовъ камней; отсюда меньшій валъ (вышина котораго въ данномъ мѣстѣ 12 ф.) тянется на 140 ф. къ болоту и притомъ такъ, что между этими насыпями образуется пространство въ 30 ф., также усыпанное камнями. Такъ какъ разстояніе между насыпями = 80 ф. и длина крѣпостныхъ построекъ значительно болѣе ширины, то крестьянская гора представляетъ собою длинный овалъ. Ширина вала при основаніи равна 6—7 ф., при меньшей же насыпи весьма незначительна. Спускъ какъ съ внутренней, такъ и съ наружной стороны теперь уже не такъ крутъ. Относительно постройки, можно сказать, что камни накладывались одинъ на другой, а отверстія между ними замазывались тѣмъ же пескомъ и мелкими камешками. Камни дикіе, песчанникъ по болѣе части. Мѣстность выбрана очень удачно: къ западной сторонѣ примыкаетъ болото; трава, растущая на сѣверной сторонѣ, ясно указываетъ на то, что здѣсь прежде была вода, на протяженіи почти 100 ф. шириною. Съ восточной и южной стороны тѣсно прилегаютъ крутые песчаные холмы, вышиною отъ 20 до 25 футовъ.

4) Вольде.

Вольдская крестьянская гора, которую зѣты называютъ Валльяла малинь, лежитъ на версту къ югу отъ вольдскаго пастората. Мѣстоположеніе здѣсь носитъ какой-то особенный характеръ. Крутомъ масса песчаныхъ холмовъ, которые образуютъ плоскую возвышенность, вышиною отъ 3 до 8 ф. надъ окрестностью. Эта же послѣдняя вся состоитъ изъ болотъ. Между этими-то холмами и лежитъ Вольдская крестьянская гора, или по

Г. Л. замокъ Waldia, имѣющая видъ неправильнаго овала, основаніемъ которому служитъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ холмовъ; поперечный разрѣзъ внутренней площади = 215 ф. въ длину и 140 ф. въ ширину. Размѣры эти прежде были, безъ сомнѣнія, значительнѣе, такъ какъ съ внутренней стороны замѣтны большія массы камней. Съ внѣшней стороны насыпь покрыта травой, внутри же камни безъ всякаго порядка лежатъ одинъ на другомъ. Это приводитъ насъ къ тому мнѣнію, что у подножія съ внутренней стороны, ширина котораго приблиз. 10 ф., былъ брустверь (то, что Г. Л. называетъ *mugus*), брошенный при завоеваніи замка съ насыпи во заросшему скату во внутрь. И, дѣйствительно, при рытьѣхъ подъ толстѣмъ слоемъ нагроможденныхъ другъ на друга камней, показался отличный черноземъ. Подъ нимъ лежали камни, служившіе фундаментомъ для этой насыпи. Наше мнѣніе, что Вольдская крестьянская гора со стороны лѣса имѣла парапеть, подтверждается тѣмъ, что нигдѣ не было видно слѣдовъ деревянныхъ стволонъ или углей, прошедевшихъ изъ палисадовъ. Высота насыпи 20 ф., длина всего края приблизительно 900 ф.

На восточной сторонѣ насыпи одинъ крестьянинъ показалъ намъ мѣсто, гдѣ лѣтъ 30 тому назадъ выкапывали камни, чтобы убрать ихъ; когда вырыли ровъ, глубиною около $1\frac{1}{2}$ саж., наткнулись на 2 отстояющія балки, упиравшіяся въ основаніе насыпи и отстоявшія другъ отъ друга на 2 ф. Эти на половину сгнившія балки казались крестьянѣмъ дверными косяками; впрочемъ, они и теперь выдаютъ ихъ за таковыя; но дверь ведетъ всегда къ какому-нибудь строенію; отсюда и возникъ у вольдскихъ жителей разсказъ о сводахъ замка. Уже раньше, до этого осмотра, изслѣдователи слышали объ этихъ повѣрьяхъ, но сомнѣвались въ ихъ достоверности. Желая же придти къ чему-либо положительному, они начали рыть на одномъ мѣстѣ. Послѣ того, какъ слой камней на 3 фута былъ снятъ, показались мокрыя, покрытыя какими-то желтоватыми наростами камни. Отъ влажности сдѣлалось холодно, но работникъ увѣрилъ насъ, что это онъ чувствуетъ теченіе воздуха. Стали рыть далѣе, но камни все лежали въ такомъ же порядкѣ и не показывали признаковъ плотнаго соединенія, безъ котораго сводъ не мыслимъ. Мнѣніе же жителей относительно пустаго пространства внутри объясняется тѣмъ, что между камнями, изъ которыхъ большинство песчаники, совсѣмъ плоскіе, было много отвер-

стій, незасыпанныхъ землею, такъ какъ эти камни лежали другъ на другѣ и закрывали эти отверстія. На поверхности насыпи много такихъ отверстій, которыя, какъ вѣжется, ведутъ внутрь, подъ своды. Однако всѣ произведенные опыты показали несостоятельность этого предположенія. Въ опредѣленности въ этомъ спорномъ вопросѣ можно прийти только послѣ тщательныхъ поисковъ, сдѣлать которые еще не пришлось.

На юго-западной сторонѣ очевидно были ворота; тамъ и теперь еще виднѣтъ вѣздъ, ведущій къ большому отверстию въ насыпи. На этомъ мѣстѣ лежатъ громадныя массы легко набросанныхъ другъ на друга камней; мы подозреваемъ, что здѣсь было какое либо фортификаціонное укрѣпленіе предъ воротами, чтобы защитить входъ, подобное тому, какое сохранилось при Бергель-Мустьельской крестьянской горѣ⁽¹⁾, съ тою только разницею, что матеріаломъ здѣсь служилъ камень.

Внутренняя поверхность не представляетъ никакихъ неровностей. На сѣверной сторонѣ насыпи, почти у самой ея подошвы, лежитъ колодезь, діаметръ котораго 5 фут.; онъ хорошо сохранился, немного засыпанъ камнями; ограда состоитъ изъ различныхъ, большихъ камней, тщательно положенныхъ одинъ на другой. Что насыпь была окружена рвомъ, шириною въ 35 ф., еще и теперь видно на глазомѣрѣ. Если же съ вала кинемъ взглядъ на окрестности и станемъ искать мѣстность, упоминаемую Г. Л. при описаніи его *Castrum Waldia* подъ 1227 г., то приходится отказаться отъ мысли узнать что-либо вѣрное. Уже раньше сказано было, что въ прилежащей къ вольдскому крестьянскому холму мѣстности лежали холмы, раздѣленные болотами (см. *Waldia* табл. 1). Самый большой изъ нихъ лежитъ къ сѣверу отъ крѣпостнаго вала и тянется къ востоку. Разстояніе между ними отъ 200 до 300 шаговъ. Еще теперь вѣсты называютъ этотъ холмъ Линна-мегги. Длина его приблизительно 500 шаг., ширина 80. Далеко простирающаяся сѣверная оконечность его покрыта болотомъ, прежде болѣе глубокимъ, даже можетъ быть, бывшимъ озеромъ. Къ восточной сторонѣ приныкаетъ другой, меньшій холмъ, по направленію къ югу идущій. Жители называютъ его Тугги-мегги (гора, на которой стоитъ крѣпостная башня;

⁽¹⁾ Изъ близлежащихъ камней молодые пастухи выстроили на одной сторонѣ входа два небольшія укрѣпленія въ вышину груди очень искусно.

Tuggi == подпора). Отъ крестьянской горы онъ отстоитъ приблизительно на $\frac{1}{4}$ версты. Тоже названіе носить холмъ, отстоящій отъ крестьянской горы на $\frac{1}{2}$ версты къ юго-западу, гдѣ теперь находится жилище для загонщиковъ. Едва ли слѣдуетъ замѣчать, что подъ Линнамегги нужно имѣть въ виду urbs Г. Л., о которомъ онъ говоритъ; „Вольде самый сильный городъ между другими эзельскими городами (1)“. При незначительномъ протяженіи холма городъ быть бы не особенно великъ. Поэтому мы думаемъ, что Вольдіанцы и на нѣкоторыхъ другихъ холмахъ имѣли жилища, напр. на западныхъ и южныхъ, считая отъ крестьянской горы; только самый большой изъ нихъ удержалъ свое названіе. Если теперь рассмотримъ еще разъ всю окрестность, то найдемъ, что Вольде имѣлъ отличную позицію. Въ серединѣ лежитъ, какъ цитадель, castrum, окруженный рвомъ; кругомъ холмы съ домами города; вѣроятно и другіе холмы въ отдѣльности были укрѣплены. что можно заключить изъ того, что для закладки города эзельцы всегда избирали мѣста, хорошо защищенные природою и удобныя для устройства укрѣпленій. Обѣ стороны къ югозападу и сѣверовостоку ограждены Туппа-мегги, которая представляетъ крѣпкую защиту. Сюда присоединяется въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ западной стороны рѣча, запасъ воды которой можно было увеличить плотиною.

Отъ домовъ и тому подобныхъ строеній нельзя теперь найти никакихъ слѣдовъ. Но такова судьба эзельскихъ городовъ; напримѣръ, куда дѣвался Рекеръ?

На разстояніи $4\frac{1}{2}$ версты на юго-западъ отъ Вольдской церкви лежатъ длинный и широкій холмъ, задняя часть котораго почти на 12 ф. выше окрестныхъ болотъ. На его западной сторонѣ вколочены въ протяженіи 80 шаговъ по одной линіи крѣпкіе гранитные куски. На плоской возвышенности позади этой линіи легко можно замѣтить поперечные ряды маленькихъ камней, служившіе, очевидно, подпорами тѣхъ гранитныхъ бусковъ. Вообще здѣсь больше камней, чѣмъ на окружающемъ Линнамегги пастбищѣ. Влажность мѣстности показываетъ, что нѣсколько сто-

(1) Нельзя думать, что жилища людей были въ крѣпости; ибо при незначительномъ пространствѣ ея этого не могло быть. Это сомнительное основаніе, чтобы говорить, что при городѣ находился лагерь.

лѣтій назадъ этотъ холмъ тоже защищенъ былъ водою. На $\frac{1}{2}$ верстѣ къ сѣверу отъ Линнамегги, на продолженіи холма, выдается возвышенное мѣсто Торнимегги. Здѣсь также стояла башня, могущая служить защитой близлежащему городу. Она строилась изъ дерева и окружалась каменнымъ валомъ, или заборомъ изъ камней ⁽¹⁾. Это было также укрѣпленіемъ для Вадльяла-малингъ и служила сторожевой башней, такъ какъ по ея положенію (она была удалена отъ озера на 6 верстѣ къ югу и настолько же отъ Пейдской границы къ востоку) съ нея можно бы увидѣть непріятеля издали. Поэтому намъ кажется, что настоящее мѣсто башни какъ при Торнимегги, такъ и позади Нейенгофа, при Маломъ Зундѣ.

5) Кармель.

Этотъ укрѣпленный лагерь у Дитлиба ф. Аल्पке въ его описаніи Кармельской битвы (стр. 6196—6248) носитъ постоянно названіе хагъ (Hag). Также и въ хроникѣ Руссова (стр. 20) упоминается объ этой крестьянской горѣ подъ именемъ хагъ; тамъ говорится: „между тѣмъ какъ начальникъ сражался съ литовцами, на эзельцевъ напали христіане; многихъ эзельцевъ они убили при хагѣ Бармеля и такимъ образомъ опять привели ихъ въ повиновеніе“. Хагъ означаетъ плетень, заборъ, огороженное мѣсто, а у лѣтописцевъ того времени имѣло значеніе постоянно крѣпостной ограды, сдѣланной изъ дерева. Такъ говоритъ Фойгтъ въ своей прусской исторіи, т. I, стр. 644, что лѣтописецъ Геннебергеръ въ своихъ запискахъ упоминаетъ о „крѣпкомъ плетнѣ изъ большихъ бревенъ“ жителей Замы. Г. Л. описываетъ подобный хагъ (засѣка, частоколъ) возлѣ Дерпта такимъ образомъ: „Въ чрезвычайно густой рощѣ язычники сдѣлали нѣкоторую засѣку, окруживши ее большими бревнами, чтобы спастись при приближеніи войска“. И когда ливы укрѣпляли Герзике, они строили хагъ. Ніенштедтъ говоритъ объ этомъ: „Вокругъ горы отгородили они частоколомъ лугъ для своихъ лошадей и прочаго скота, чтобы защитить свой скотъ и имущество (гл. IX, стр. 20)“. Также говоритъ объ этомъ старинное извѣстіе: „возлѣ горы у

(1) Одна мельница, при постройкѣ мельницы около Торнимегги, нашелъ у фундамента бронзовое ожерелье и совершенно разломанную сѣкву изъ желѣза.

нихъ былъ плетень, когда они укрѣпляли Герзике, и здѣсь охраняли они скотъ“ (Матеріал. т. I, тетр. 3, стр. 421). Такъ какъ Руссовъ и Дитлибъ ф. Алпике укрѣпленное мѣсто эзелцевъ при Кармелѣ называютъ хагофъ, то намъ приходится предположить, что и здѣсь были деревянные ошты, хотя глазъ видитъ только каменные постройки. Защита Кармеля состояла изъ палисадовъ, закопанныхъ въ землю на 6 футовъ. Существованіе этихъ палисадовъ доказывается большимъ количествомъ найденнаго угля, лежащаго въ упомянутомъ углубленіи на спускѣ. Уголь пронзосель вѣроятно отъ деревянныхъ пней, въ діаметрѣ имѣвшихъ не менѣе половины фута. Этотъ заборъ стоялъ на валу, имѣющемъ видъ дуги лука. Болѣе крѣпкая часть представляетъ собою подкову, между тѣмъ какъ другая часть, какъ бы тетивой, соединяетъ оба конца дуги, не соприкасаясь съ ними. Происходящіе отсюда промежутки настолько широки, что можетъ проѣхать повозка; они образуютъ входъ къ сборному мѣсту для войскъ. Оба конца тетивы медленно отклоняются, чѣмъ дуга и возвышается надъ нею. Что касается до изобрѣненій этихъ сооружений, то наши цифры слѣдующія: высота подковы = 15 фут., вѣшній склонъ 45 фут., внутренній 33 фут.; ширина сѣта на верху = 10 фут., его основаніе 82 фут., длина дуги 682 фут. Поперечная плотина съ сѣверной стороны не особенно сильна, вѣроятно потому, что съ этой стороны не особенно боялись непріятельскаго нападенія. Высота ея 10 ф., вѣшній склонъ 45 ф., внутр. = 39; ширина сѣта на верху 6 ф., его основаніе 82 фута. Длина вала 480 ф. Все это захватываетъ площадь, діаметръ которой 270 и 176 ф. Въ серединѣ ея, почти вымощенной, находится колодезь, который, хотя и заваленъ землей и камнями, однако довольно замѣтенъ. При раскопкахъ найдена часть каменной ограды. Діаметръ колодца = 4 ф. Благодаря этимъ же раскопкамъ обнаружился способъ постройки вала. Онъ состоитъ изъ положенныхъ другъ на друга песчаниковъ, такимъ образомъ, что крѣпкіе лежатъ внизу, а крупніе вверху. Цементомъ служила обыкновенная земля, брошенная между камнями; она давала возможность сражающимся идти безопасно на верхъ и стоять тамъ. На разстояніи 25 шаговъ отъ восточнаго выхода изъ брестянской горы находится быстрая рѣчка, шириною отъ 10—15 фут. Эту называютъ ее Линнасъзообгги (болотная рѣчка города). Прежде, по видимому, она была стремительна, шире и глубже, такъ какъ несла большой за-

пасъ воды; ибо, если съ вала осмотрѣть окрестность укрѣпленія, то вокругъ крестьянскаго холма увидимъ множество болотъ, теперь не соединяющихся, но когда-то составлявшихъ крѣпостной ровъ, снабжавшійся водою именно изъ этой рѣчки. Причина тому, что Дитлибъ ф. Алнпекъ не упоминаетъ объ этомъ ровѣ, заключается въ томъ, что онъ тогда (экспедиція, описанная Дитлибомъ, была зимняя) замерзъ и не представлялъ поэтому затрудненій къ завоеванію. Мы скоро убѣдились въ полной справедливости сдѣланнаго предположенія, благодаря извѣстію, копія съ котораго сохранилась въ кармельскомъ церковномъ архивѣ. Она выдана въ 1407 г. епископомъ кармельскимъ и гласитъ: „такъ какъ рыболовство, при крѣпостномъ кармельскомъ валу находящееся, принадлежитъ коменданту, то никто не имѣетъ права ловить рыбу, кромѣ коменданта Кармеля“. Ровъ этотъ долженъ былъ имѣть значительную глубину и ширину, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ непосредственно соприкасается съ валомъ. Тамъ, гдѣ ровъ на юго-востокъ соприкасается съ рѣчкой, что можно вывести изъ устройства мѣстности, былъ устроенъ водоемъ, шедшій отъ рва обратно къ валу и окруженный землянымъ возвышеніемъ. А сдѣлано это возвышеніе для того, чтобы защитить людей, берущихъ воду, и скотъ, идущій на водопой; земля же выкопанная, вѣроятно, была употреблена на скрѣпленіе камней вала.

Такъ какъ кармельское поле битвы, судя по найденному оружію, лежитъ между деревней Уддоферъ, имѣніемъ Кармельгофъ и крестьянской горой, то эзельцы при вторичной схваткѣ были оттѣснены за рѣчку. Зимой она не могла препятствовать отступленію; чтобы предотвратить бѣдствіе, могущее произойти при поспѣшномъ отступленіи лѣтомъ, черезъ рѣчку былъ устроенъ переходъ. Въ косомъ направленіи отъ восточнаго выхода крестьянской горы находятъ въ одномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ рѣчки, прямо насупротивъ лежащіе громадные камни, правильно спускающіеся къ водѣ, такъ что между этими, какъ бы каменными, плотинами, ширина которыхъ 8 ф., остается только 10 ф. промежутка. Плотина эта была прежде болѣе обрѣжена водою, вслѣдствіе чего она и заняла теперь большое пространство. Тамъ же былъ деревянный мостъ, представлявшій то удобство, что легко могъ быть сломанъ; притомъ же давалъ возможность проѣхать даже широкой повозкѣ. Намъ кажется, что эзельцы для прикрытія своего отступленія и для защиты моста соорудили нѣчто въ родѣ тетъ-де-пона. Вблизи моста

находятся два песчаные холма, которые со стороны рѣчки представляют двѣ расходящіяся линіи, съ противоположной же сходящіяся. Они приближаются подъ весьма острымъ угломъ, имѣющимъ въ вершинѣ проходъ. Конечно, нельзя узнать, сдѣланы ли эти возвышенія человѣческой рукой и имѣютъ ли они какое-нибудь стратегическое значеніе въ отношеніи къ другимъ постройкамъ, но при внимательномъ наблюденіи является сомнѣніе, не естественныя ли это возвышенія? Помимо названія Кармамалинъ зельцы имѣютъ для кармельской крестьянской горы специальное названіе „lippar“ (цитадель), изъ чего можно заключить, что у крестьянской горы былъ тоже городъ.

На разстояніи $\frac{1}{4}$ версты отъ Кармельской крестьянской горы, къ югу, на нѣкоторомъ возвышеніи, уцѣлѣлъ храмъ Кармелитскаго католическаго монастыря; онъ стоитъ между зеленью и деревьями, какъ красивая картина, которую мы встрѣчаемъ во многихъ коллекціяхъ германскихъ древнихъ построекъ. Каменный, высокій съ остроконечной башней и черной крышей, суроваго стила, съ гладкими и потемнѣвшими отъ времени стѣнами, съ узенькими прорѣзанными окнами, онъ живо напоминаетъ средневѣковыя сооруженія.

Пробираясь полузаросшими тропинками между вѣковыхъ тополей, ольхъ и густаго кустарника, мы стали чуть-чуть подниматься и пришли къ воротамъ, открыли ихъ настежь и вошли во дворъ.

Монастырь построенъ въ 1407 году, какъ высѣчено на камнѣ надъ самымъ входомъ. Онъ мраченъ, высокъ, обширенъ, но стоитъ твердо и непоколебимо; внутренніе своды отличаются чрезвычайною легкостью и красотою. Тонкія каменные колонны поддерживаютъ ихъ и совершенно гармонируютъ съ ихъ мягкими линіями. За алтаремъ довольно большія окна съ рисованными на стеклахъ изображеніями.

Но церковь ли уцѣлѣла въ этомъ прекрасномъ памятникѣ? Нѣтъ — уцѣлѣли ея стѣны, уцѣлѣло рукотворенное, а небесное, божественное, амстольское измѣнилось совершенно. Въ началѣ XVI столѣтія, вмѣстѣ съ реформаціей, перебравшейся на Эзель, и католическій Кармелитскій монастырь преобразился въ церковь лютеранскую; онъ отрекся отъ своихъ вѣрованій, и снялъ съ своего храма всѣ наружныя украшенія — уничтожилъ всѣ статуи святыхъ, да и святыхъ съ ними, и даже, признавъ чистоту и

непорочность храма христіанскаго въ голой и непремѣнной простотѣ его стѣнъ, не смотря на роскошь сооруженія, думалъ устоять вѣчно въ этомъ отреченіи, въ которомъ, по моему, нѣтъ ничего божественнаго.

Украшать благолѣпіемъ храмъ Божій, мнѣ кажется, значитъ сдѣлать тоже, что сдѣлала Марія, изливъ драгоценное миро на ноги смиреннаго Иисуса. Любовь христіанская можетъ выражаться добровольной жертвой, какою бы то ни было, и равно пріятна должна быть Богу.

Между тѣмъ та же самая лютеранская церковь, которая отвергла всякое наружное украшеніе, не имѣя на стѣнахъ ни статуй, ни картинъ, была обвѣшана рыцарскими и баронскими гербами, иными деревянными, раскрашенными самымъ пошлымъ и безыскусственнымъ образомъ. Всѣ эти, отличающіеся древностью поломанные латы и шлемы съ перьями, казались мнѣ чѣмъ-то балаганнымъ. Не въ тысячу ли разъ имъ мѣсто приличнѣе въ аренбургскомъ музеѣ древностей о. Эзеля? Что же церкви до гербовъ, до галебардъ, до всѣхъ этихъ уродливыхъ и напыщенныхъ тщеславіемъ изображеній?

Поминовеній въ лютеранскихъ обрядахъ не существуетъ; но не явно ли, что, несмотря на это, всѣ серебряныя и бронзовыя доски съ гербами и именами повѣшаны тутъ по непреодолимому чувству человѣка ввѣрять церкви на сохраненіе память любимыхъ людей? Не то же ли это самое поминовеніе? Вѣдь на церковномъ кладбищѣ, которое расположено сейчасъ же за пасторатскимъ садомъ, положены надписи, доски съ гербами и именами. Къ чему же повторять это на церковныхъ стѣнахъ? Не просить ли это поминовеніе молитвъ? Съ уничтоженіемъ обрядовъ, не осталось ли въ лютеранской церкви то, что служило имъ основаніемъ? По моему разумѣнію, неумѣстны только гербы, эти смѣшныя и отжившія выраженія давно схороненныхъ идей. Память умершихъ несравненно естественнѣе внести въ церковь, чѣмъ желать увѣковѣчить ее какимъ-нибудь памятникомъ. Церковь одна стоитъ вѣчно и вѣчно молится.

На лѣвой сторонѣ церкви каедрa для проповѣди, древняя, деревянная, рѣзная, — она украшена живописью, очень хорошо сохранившею яркость красокъ; на ней цѣлая длинная картина изъ ветхаго завѣта, крайне грубо, и должно быть очень давно написанная. Внизу надпись. На алтарѣ рѣзныя и грубо раскрашенныя, должно быть давнихъ временъ, статуи 12

апостоловъ, рѣзныя изображенія нѣкоторыхъ событій изъ св. исторіи. На правой сторонѣ, у стѣны, деревянныя древнія сидѣнья, въ видѣ большой скамейки съ высокой спинкой. Мѣста всѣ разгорожены. Эта вещь должна, какъ кажется, принадлежать еще католическому богослуженію, хотя равно употребляется и при лютеранскомъ. Потомъ на верху органъ, ходъ къ нему пристроенъ деревянный. Замѣчательна еще входная дубовая дверь; старая почти истлѣла, хотя еще лежитъ тутъ въ сторонѣ; съ нея сняли украшенія, которыми она была окована и одѣли ими новую дверь; ея петли, задвижки и замокъ такъ и смотрятъ стариной.

Общее впечатлѣніе этой древней церкви грустное. По стѣнамъ от сырости зелень и мохъ; все какъ-то черно, гулко, мрачно: такъ она высока — и такъ пуста. Изъ двери на лѣво отъ алтаря темный ходъ въ комнату, назначенную теперь для прихожей пастора. Въ проходѣ въ эту комнату такъ холодно и вѣтрено, что можно предположить лѣстницу въ подвальный этажъ. Объ этомъ не отъ кого было узнать. Утверждаютъ, что изъ Архсбургскаго замка въ Кармель есть подземный ходъ (12 верстъ). При церкви есть интересный архивъ. Въ другой разъ я былъ въ этой церкви во время лютеранской обѣдни, спрашивалъ пастора и дьячка о древностяхъ на стѣнахъ церковныхъ, но они, оказалось, ничего не разумѣютъ. Пасторъ отказался даже растолковать сюжеты рѣзныхъ алтарныхъ иконъ, и вообще былъ не любезенъ со мной и уклончивъ. Мнѣ хотѣлось знать, какія онъ получаетъ средства отъ правительства и отъ прихожанъ. И въ разговорѣ объ этомъ не было правдивой откровенности, какъ оказалось послѣ изрѣчей дьячка Калласа. Общее церковное пѣніе крестьянъ произвело на меня хорошее впечатлѣніе.

6) Кергель-Мустель.

Въ Кергельской церковной книгѣ находится слѣдующая замѣтка, писанная 100 лѣтъ тому назадъ: „Крестьянская гора, или шанецъ лежитъ въ 1 милѣ отъ церкви и называется Леолинъ, городъ жаворонковъ, который былъ построенъ въ языческія времена“. У Люце находимъ (стр. 40): „эстонцы называютъ Кергельскую крестьянскую гору *Lihho linna mägi* (гора у Лигголина), потому что, какъ кажется, здѣсь находился домъ или замокъ. Объ этой крестьянской горѣ есть еще повѣрье, что она была выс-

троена противъ набѣга дагенскихъ эстовъ“. Въ другихъ книгахъ, гдѣ находятя намеки на эту крестьянскую гору, этотъ замокъ вовсе не считается памятникомъ древности, потому, очевидно, что онъ стоитъ въ лѣсу и на рѣдко посѣщаемой дорогѣ, кромя того онъ вовсе не видается въ глаза, такъ какъ вообще вся мѣстность холмиста.

Что же касается названія, то, на основаніи одного достовѣрнаго источника, можно считать „Lihholin“ самымъ вѣрнымъ. „Leolin“ только испорченная для краткости въ разговорѣ форма перваго названія. Такое же названіе выставлено на Меллинской картѣ (Lihhulin).

Эта крестьянская гора самая большая изъ эзельскихъ. Она образуетъ неправильный овалъ, котораго длинная сторона на западѣ представляетъ прямо выведенный валъ. На этой сторонѣ вышина самая незначительная; валъ, при неравной высотѣ, увеличивающейся на югѣ, идетъ къ югу; на востокъ склонъ крутой; южная сторона и примыкающія небольшія части восточной и западной покрыты красной глиной, тогда какъ въ общемъ валъ свободенъ и покрытъ только травой. Причина такой растительности заключается въ томъ, что строителямъ представилась естественная преграда, состоящая изъ песчанаго бугра, вышиною около 30 ф., который составляетъ южную дугу крестьянской горы. Чтобы сравнить поверхность, наносился матеріалъ, такъ что въ одной мѣстѣ цѣлые слои песку, чернозема и суглинка перемежались между собою. Въ этой-то почвѣ и находятся корни деревьевъ. Этотъ песчаный валъ искусно обратили въ кольцо, нагромодивъ булыжнику и песчанику. И на бугрѣ, по видимому, песокъ такъ былъ обложенъ камнями, что представлялъ надежную опору для ногъ. Длина всего вала около 1575 ф.; высота 25—30 ф. (такъ какъ мѣстность представляетъ значительныя неудобства для измѣреній болѣе или менѣе точныхъ, то вмѣсто футовъ лучше считать широкіи шаги). За исключеніемъ западной стороны валъ хорошо сохранился. Почти по серединѣ находится въѣздъ во внутрь, а именно тамъ, гдѣ валъ достигаетъ половины своей вышины. Такъ какъ на другихъ мѣстахъ нѣтъ ясныхъ слѣдовъ входовъ, которые во всякомъ случаѣ должны быть, то ворота вѣроятно находились въ данномъ мѣстѣ. Предположеніе это доказывается сдѣланнымъ открытіемъ. На другой сторонѣ воротъ были найдены двѣ поперечныя балки (на высотѣ нѣсколькихъ футовъ), толщиною въ 2 фута, шедшія параллельно на разстоя-

ни почти 10 ф., на половину обуглившіяся. Онѣ, очевидно, составили часть фундамента оборонительной постройки, имѣвшей цѣлью отбивать нападенія враговъ. Было интересно видѣть, какъ одинъ конецъ этой балки, до которой едва дотронулся огонь, показываетъ слѣдъ работы пилой; вслѣдствіе чего пила должна была быть знакома строителямъ. На этомъ мѣстѣ раньше былъ найденъ человѣческой скелетъ. На другой сторонѣ воротъ валъ поднимается даже до высоты холма. На лѣвой сторонѣ воротъ стояла башенная оборонительная постройка, съ которой крѣпостной гарнизонъ долженъ былъ одолевать враговъ, врывавшихся въ ворота. Бой долженъ былъ происходить съ обѣихъ сторонъ, потому что при занертыи і заваленныхъ воротахъ отбитіе враговъ немислимо. Найденныя же на восточной сторонѣ угли и куски камня доказываютъ, что здѣсь свирѣпствовалъ огонь, или, другими словами, что здѣсь былъ деревянный брустверъ или палисадъ.

Если теперь обратимъ взглядъ съ вала во внутрь замыкаемаго имъ пространства, то найдемъ возвышенную плоскость, поперечникъ которой 525 и 350 ф. Вообще уровень внутренняго пространства лежитъ почти на $\frac{1}{2}$ высоты вала выше уровня окрестности. Сѣверо-восточный конецъ дуга образуетъ холмъ, сложенный изъ камней и наводящій на мысль, что здѣсь была постройка. Одинъ старый естонецъ, живущій у самой крестьянской горн. подтвердилъ то, что въ молодыхъ годахъ самъ онъ видѣлъ, что эта, по видимому безъ плана построенная, каменная кладка скрываетъ внутри подвалы, имѣвшіе раньше отверстія, но теперь во всякомъ случаѣ засыпанные і такими образомъ исчезнувшіе. Вѣроятно, при болѣе основательныхъ раскопкахъ чѣмъ тѣ, какія дѣлались при первомъ обыскѣ, было бы возможно доказать каковъ былъ способъ постройки этихъ сводовъ и какія заключенія можно отсюда вывести относительно этого, прежде находившагося въ забвеніи, зданія. Теперь же можно только полагать, что на этихъ сводахъ находилась башнеобразная постройка, похожая на таковую же при Монскомъ замкѣ. На сторонѣ между востокомъ и югомъ старикъ естонецъ показывалъ намъ мѣсто, гдѣ раньше былъ колодезь. Онъ еще припоминалъ, что колодезь былъ въ полтора фута глубиною и настолько наполненъ водою, что легко можно было черпать кувшиномъ. По раскопкѣ этого очевидца стѣнки колодца состоятъ изъ положенныхъ другъ на другъ

булыжниковъ. Незадолго передъ тѣмъ колодезь былъ совершенно засыпанъ при разработкѣ глубокой хорошей земли внутренняго пространства.

Отъ рва, окружающаго все это пространство, мы не нашли никакихъ слѣдовъ. Но только на сѣверозападной сторонѣ крестьянской горы находится ручей, простымъ способомъ могущій сдѣлаться значительнымъ препятствіемъ для нападающаго съ западной, наиболѣе открытой для нападенія стороны непріятеля. Кроме того, съ двухъ сторонъ лежатъ копи и очень легко могло случиться, что весь окопъ былъ окруженъ таковыми, такъ какъ зыбучій песокъ въ Кергелескомъ приходѣ произвелъ не мало измѣненій ⁽¹⁾.

Что касается до цѣли этого сооруженія, то слова Люце вполне подтверждаются часто упоминаемымъ нами свидѣтелемъ. Вѣроятно, сообщеніе Люце почерпнуто изъ этого источника. Люце говоритъ, что этотъ больверкъ выстроенъ противъ набѣговъ дагенскихъ эстовъ. Это преданіе легко можетъ быть исторически вѣрно и если мы будемъ считать его таковымъ, то нужно будетъ положить, что построеніе этой крестьянской горы случилось во времена язычниковъ. Въ подтвержденіе этого положенія нельзя найти доказательствъ. За него говоритъ только устройство мѣстности, такъ какъ противъ набѣговъ дагенскихъ эстовъ эзельцы легче всего могли бы защититься, располагая свои укрѣпленія возможно дальше отъ морскаго берега. Тутъ можно задать себѣ вопросъ: почему Мустель, лежащій со всѣмъ своимъ округомъ передъ Кергелемъ, не устроилъ своей крестьянской горы противъ дагенскихъ пиратовъ? и почему устроилъ таковую Кергель, который вовсе не касается моря? На это можно отвѣтить, что Мустель отдѣлился поединѣе отъ прихода, какъ самостоятельный округъ. Также эсты утверждаютъ, что упоминаемая крестьянская гора выстроена кергельцами и мустельцами сообща и составляетъ ихъ нераздѣльную собственность. Такъ какъ во время постройки замка не существовало приходовъ кергельскаго и мустельскаго и границы области часто мѣнялись, то вѣрнѣе всего будетъ положить, что тѣже эзельцы, которые населяютъ теперь Кергель и Мустель, были и основателями этого замка.

⁽¹⁾ Въ Кергельской церковной книгѣ находится слѣдующая замѣтка: «въ 1700 г. весь приходъ состоялъ изъ 89 $\frac{1}{4}$ гаковъ; но нанесенный песокъ, который зимой и лѣтомъ въ 41 гакахъ уничтожилъ пастбища, сѣнокосы и пашни, причинилъ много вреда и значительно уменьшилъ прежнее число гаковъ (haaken)».

7) Килькондъ.

Почти въ шести верстахъ отъ морскаго берега между Килькондскою церковью и имѣніемъ Пиддуль возвышается на песчаной почвѣ Килькондская крестьянская гора. Выстроена она на подобіе Кергель-Муфельской, такъ какъ для вала воспользовались песчаными буграми. Въ сильно разрушенной крѣпостной застройкѣ идутъ съ востока на западъ 2 параллельные вала, на концахъ связанные другъ съ другомъ очень низкой, дугообразной плотиной. Сѣверный валъ въ длину имѣетъ 250 ф.; южный почти 435 ф.; расстояние же между ними равняется 50 ф. Оба вала, связанные на концахъ прямыми линиями, образуютъ не прямоугольникъ, но трапецію. На концахъ валовъ находятся возвышенія въ 30 ф., состояція изъ песку и только на вершинѣ по скатамъ обложенныя камнями. Восточная соединительная плотина, при средней высотѣ въ 6 ф., длиною 210 ф., западная же, при средней высотѣ въ 10 ф., длиною въ 110 ф. Обѣ онѣ искусно выстроены и, конечно, прежде были выше. Судя по настоящему виду крестьянской горы, входъ долженъ былъ находиться на восточной сторонѣ. Внутреннее пространство выше уровня окрестностей. Прежде оно было значительнѣе, такъ какъ наносный песокъ много способствовалъ засыпкѣ внутренняго пространства и разрушенію валовъ. Отъ колодца нѣтъ ни малѣйшаго слѣда: песокъ совсѣмъ его засыпалъ. Разрушеніе постройки и теперь еще продолжается, ибо крестьяне при всякомъ удобномъ случаѣ собираютъ и умостятъ булыжники; но послѣдніе рѣже попадаются, чѣмъ песчаники.

Что касается мѣстоположенія этой крестьянской горы, то, безъ сомнѣнія, она была заложена на болотѣ, хотя лежація вокругъ песчаныя мшцы по видимому, противорѣчатъ этому. Но такъ какъ на этожъ песокъ растетъ родъ тростника, а вокругъ крестьянской горы, въ нѣкоторомъ отдаленіи, является рядъ болотистыхъ лужъ и на сѣверной сторонѣ видны остатки рва, наполненнаго водой и заросшаго молодымъ чернодѣсьемъ (тогда какъ на крестьянской горѣ и возлѣ нея растетъ красный лѣсъ), то нужно положить, что и эта постройка эстовъ была окружена водой во рвѣ, или, въ крайней мѣрѣ, глубокимъ болотомъ. Килькондскіе крестьяне называютъ эту оборонительную постройку „schlechtweg malin (schlechtweg = безъ затѣи. просто).

8) Залль.

Въ имѣннн Залль, влѣво отъ большой дороги изъ Аренсбурга къ Монъ-Зунду, находится спорный залльскій кратеръ. Этотъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательный кратеръ, представляетъ правильный конусъ, заключенный въ холмъ и имѣющій около 33 сажень въ діаметръ и болѣе 7 сажень глубины. Весь этотъ конусъ внутри покрытъ густымъ листовеннымъ лѣсомъ и кустарникомъ, примѣрно до 18 аршинъ глубины. Здѣсь крутизна увеличивается, черноземъ и кустарники исчезаютъ и только валуны и обломки камней покрываютъ почву, которая съ 5—6 аршинъ отсюда опускается отлого до озера, по самой срединѣ углубленія, окружностью аршинъ въ 70 и глубиною въ 1 сажень. 35 лѣтъ тому назадъ, говоритъ Люце, это озеро было чрезвычайно глубоко.

По всей окружности кратера, поросшей лѣсомъ, выдаются обломки известняка, приподнятыя, и притомъ такъ, что слои известняка радіусами обращены къ центру углубленія. Известнякъ въ кратерѣ безъ примѣси песку, твердъ, плотенъ, сѣрватаго цвѣта. Окаменѣлостей въ немъ очень мало: кой гдѣ отпечатки или остатки брюхоногихъ, кажется *Turbo* или *Trochus*. Нѣтъ слѣдовъ ни огня, ни лавы, ни базальта, ни лапиллей.

Что такое этотъ кратеръ? Провала здѣсь нельзя предполагать, обвала тоже, потому что при горизонтальныхъ слояхъ известняка на Эзелѣ нельзя объяснить большаго, полаго кольцеобразнаго пространства вокругъ кратера и, слѣдовательно, кругообразнаго опущенія внутрь и поднятія наружу. Кроме того, какъ объяснить происхожденіе глубокой впадины и окружающаго ее холма? На островѣ же нѣтъ ни гипса, ни другихъ горныхъ породъ, способствующихъ образованію кольцеобразныхъ вымоинъ или пещеръ.

Нѣкоторые полагаютъ, что это остатки городища, но объ искусственномъ укрѣпленіи здѣсь трудно и думать: углубленіе въ 24 аршина, съ глубокимъ озеромъ внутри и незначительнымъ наружнымъ валомъ не могло служить обороною, даже при дѣтскихъ понятіяхъ о военномъ искусствѣ.

ОБЩІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Изъ отдѣльнаго описанія каждой крестьянской горы попробуемъ теперь вывести общія замѣчанія.

Г. Л. называетъ Монъ и Вольде „castrum“ (замокъ, городъ, докъ, лагерь). Но видъ ихъ такой-же, какъ и другихъ болѣе или менѣе хорошо сохранившихся замковъ. Значить и эти также были „castra“. На это намѣкаетъ самъ Генрихъ Л. „Эзельцамъ приказываютъ выдать плѣнныхъ шведовъ обоюго пола, они повинуются, общають ихъ выдать, принимаютъ священниковъ въ свои замки (ad sua castra). . . Такимъ образомъ священники крестили во всѣхъ замкахъ Эзеля (in omnibus castris)“. Ихъ было 7. По собраннымъ въ 1866 г. и опубликованнымъ Ширромъ извѣстіямъ на Эзелѣ въ 1228 г. было пять ¹⁾ округовъ (приходовъ ²⁾ (quinque kelicontas) и въ четырехъ изъ нихъ находится крестьянская гора. Они зовутся по дѣленію 1234 г.: Монъ, Хорелъ, Вальдель, Кармелъ, Килигудъ. Хорелъ ³⁾ обхватывалъ очевидно весь востокъ острова Эзеля, т. е. Каррисъ и Пейде съ ихъ замками. Такимъ образомъ остается только Кергель-Мустель, который, какъ говорятъ, былъ выстроенъ жителями сообща противъ дагенцевъ. Относительно способа постройки можно составить слѣдующія правила ⁴⁾:

1) Эзельцы закладывали свои замки среди болотъ, или по крайней мѣрѣ, окружали ихъ рвами.

2) Круглый или овальный валъ строился изъ камней и земли, причемъ часто пользовались естественными возвышеніями почвы.

3) Поверхность внутренняго пространства всегда выше уровня окрестностей.

4) Въ каждомъ замкѣ колодезь.

5) Большинство крестьянскихъ горъ имѣетъ двое воротъ; гдѣ же замѣтны однѣ только, и тамъ видны неясныя очертанія вторыхъ.

6) Ворота, по всему судя, имѣли особыя защитительныя сооруженія.

7) На валу стоялъ каменный брустверь или были деревянные палисады.

8) Всѣ замки носятъ названіе „malin“, кромѣ особеннаго specialнаго, мѣстнаго имени. Только Лиггомень, не принадлежащій ни къ какому

приходу, не имѣть этого названія. Кармельская же крестьянская гора, кромѣ названія „Kagha malin“, имѣть еще названіе „Linnparä“.

Что касается времени сооруженія этихъ крестьянскихъ горъ, то, кажется, мы не ошибемся, предположивъ, что онѣ выстроены до пришествія христіанъ. Это мы выводимъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: такіа колоссальныя сооруженія, какъ крестьянскія горы, не могли быть выстроены при угрожающемъ нападеніи нѣмцевъ. Даже разсматривая размѣры среднихъ построекъ ⁵⁾ (средней величины), мы находимъ громадныя числа. Главный валъ кармельской крестьянской горы при вышинѣ въ 15 ф. и ширинѣ гребня въ 6 ф., имѣть съ наружной стороны скать въ 45 ф., а съ внутренней въ 33 ф. Ширина же основанія 77,8 ф. Поперечный разрѣзъ большаго вала содержитъ такимъ образомъ 628,5 кв. ф., а кубическая мѣра всего вала, при длинѣ въ 682 ф., равна 428.637 куб. ф. = 1984 куб. саж. (считая сажень въ 6 ф.). На куб. сажень въ 6 ф. на Эзелѣ считаютъ обыкновенно 20 фудеровъ (возовъ). Слѣдовательно, весь валъ содержитъ 39.680 возовъ камней. Сюда же нужно присчитать и меньшій валъ, вышина котораго 10 ф., внѣшній скать 45 ф., внутренній 39.; ширина гребня 6 ф., основаніе 82 ф. (точно 81,6). Поперечный разрѣзъ = 468 кв. ф.; кубическая вмѣстимость = 224.640 куб. ф., или 1040 куб. сажень, на что требовалось 20.800 возовъ камней. Такимъ образомъ для постройки всего сооруженія понадобилось 60.480 возовъ камней. Цифры эти увеличатся, если принять во вниманіе, что внутренніе скаты по вышинѣ доходятъ не до собственнаго основанія вала, но только до поверхности внутренняго пространства, которое обыкновенно гораздо выше окрестностей, кромѣ того, внутреннее пространство выложено какъ бы мостовой изъ камня, толщина которой осталась неизвѣстна. Какія же цифры представимъ мы для большихъ крестьянскихъ горъ? Громадныя цифры эти показываютъ, что крѣпости эзелцевъ построены не по мгновенной надобности, т. е. не для отраженія угрожающаго непріятели, но чтобы съ теченіемъ времени доставить въ случаѣ опасности надежную защиту.

Кромѣ того, излишне было бы окружать постройки ровомъ съ водою, такъ какъ нѣмцы нападали преимущественно зимою, когда воды замерзали; слѣды же ровъ видны при всѣхъ крестьянскихъ горахъ, а при Кармельской горѣ существованіе рва доказывается даже извѣстіемъ. Если

бы замки эзельцевъ служили только временными сооруже́ніями противъ нападений нѣмцевъ, то постройку кармельской крестьянской горы нужно было бы отнести къ 1265—66 г. Весьма обременительно было бы эзельцамъ въ такое короткое время, какое давали имъ нѣмцы, выстроить Кармельскій замокъ, тѣмъ болѣе, что нѣмцы всѣми силами старались пожъщать эти постройки и по мѣрѣ возможности разрушали старыя. Монъ же существовалъ уже въ 1216 г., когда нѣмцы въ первый разъ явились на Эзель, не имѣя въ виду покорить его. Что въ то время существовали и другія крестьянскія горы, мы заключаемъ изъ выраженія Г. Л. XIX, 9: „*arud enim castrum conveniunt*“. Также не малымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія служить преданіе о назначеніи Кергель-Муфельской крестьянской горы. Хищные походы дагенцевъ на Эзель не могли происходить во времена христіанства. Относительно Пейдскаго замка тамошніе эсты говорятъ, что онъ выстроенъ изъ за внутреннихъ войнъ и напираютъ на то, что время его основанія совпадаетъ съ временемъ до прибытія нѣмцевъ.

Точно и положительно опредѣлить время построенія крестьянскихъ горъ очень трудно. Если ближе опредѣлять это время, то безъ опасности ошибиться, ихъ основаніе можно отнести къ тѣмъ столѣтіямъ, когда эзельцы были вовлечены въ войну съ датскими и шведскими королями, т. е. въ девятое или, по крайней мѣрѣ, въ десятое столѣтіе. Но легко отнести и къ болѣе раннему времени. Ибо если обратимъ вниманіе на другія громадныя каменныя постройки подобнаго рода въ томъ краѣ, то особенно бросится въ глаза постройка въ Састамѣ на югѣ Вика, которую описываетъ Русвурмъ въ „*Eibofolke*“ т. I ст. 71. При вышинѣ отъ 12—15 ф. длинъ ея превышаетъ 50 ф. и ширина 30 ф. Многіе изслѣдователи относятъ постройку этой каменной горы къ тому времени, въ которомъ также сопоставляютъ событія, по сѣвернымъ источникамъ, случившіяся въ VI столѣтіи. Жаль, что въ этихъ замѣткахъ не сказано, за сколько раньше сдѣланы эти постройки, чтобы мы не казались слишкомъ самоувѣренными, считая послѣднимъ временемъ ихъ происхожденія IX и X столѣтія.

Съ принятіемъ вѣроятнаго времени возникновенія крестьянскихъ горъ связано также ихъ назначеніе. Онѣ служили для защиты отдѣльных общинъ отъ непріятельскихъ нападений, легко могущихъ случиться отъ соседей. При описаніи Кармельской крестьянской горы мы уже замѣтили, что

и у другихъ племенъ (эстовъ, ливовъ и пруссовъ) замѣтны слѣды подобныхъ крѣпостныхъ сооружений. Какъ у нихъ, такъ и у эзелъцевъ эти постройки служили прикрытіемъ прилежащему городу и вообще окрестности. Свое вообще имущество эзелъцы оставляли въ городахъ. Изъ описанія вѣзгтя крѣпостей Мона и Вольде видно, что города оставались пустыми. Дитлибъ ф. Алнпеке говоритъ, что въ Монѣ убито 2,500 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Г. Л. пишетъ: „они берутъ городъ, захватываютъ добычу, покидаютъ собственность и драгоценности и угоняютъ скотъ“. Также и въ Вольде жители города собирались въ крѣпость. Г. Л. пишетъ: „Такъ какъ вольдѣйцы не могли снести сыпавшіеся на нихъ камни по причинѣ многочисленности народа въ крѣпости...“. Крещеніе также происходило въ замкахъ, гдѣ прежде всѣхъ крестились старѣйшины; затѣмъ крестили мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Такъ какъ городъ вольдѣйцевъ былъ пощаженъ, то нельзя узнать, спасенъ ли былъ скотъ и прочее имущество въ замкѣ. Но послѣднее покажется невѣроятнымъ, ибо внутреннее пространство этого замка значительно меньше, чѣмъ въ Монской крестьянской горѣ. Иначе было дѣло въ 1266 году въ Кармельской битвѣ: „Когда братья выбили эзелъцевъ изъ ихъ хаговъ, добыча ихъ была несмѣтна.... Христіане уносили и угоняли къ себѣ все, находящееся въ хагѣ (Дитлибъ ф. Алнпеке с. 6235 и 6245). Такимъ образомъ эзелъцы и скотъ скрыли въ хагѣ, иначе нельзя понять слово „угонять“ въ ст. 6245.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ.

1) Остальные приходы обязаны своимъ происхожденіемъ позднѣйшему, искусственному дѣленію.

2) Слово „Kihhelkond“ состоитъ изъ: „Kihlama“ — обругать, сговаривать; вторая часть этого слова — „kond“ равносильно теперешнему нѣмецкому „schaft“ въ словахъ Nachbarschaft, Eidgenossenschaft (союзъ, конфедерация); послѣднее значеніе очень подходитъ въ данномъ случаѣ. Поэтому, вмѣсто „Kihhelkond“ — можно писать „Kihlascond“.

3) Утраченное теперь названіе еще не разъяснено. Но можно подразумѣвать, что какой нибудь писецъ въ матеріалахъ, не зная эстонскаго

языка, внесъ слово *Nogele* вмѣсто подобозвучающаго слова, означающаго *Karris*. Нѣкоторые думали, что корень слова *Nogele* скрытъ въ словѣ *Ogri-saag*, *Ogriküll*, къ которымъ еще можно прибавить *Ogripem* и *Ogriak*.

4) Таковъ же по постройкѣ городъ *Гарриевъ*, который лежитъ при деревнѣ *Варбіала* и при *Г. Л.* назывался *Варбола*.

5) Подобной (т. е. средней) величины слѣдующія крестьянскія горы: *Кергаль*, *Мустель*, *Пейде*, *Кармель*, *Монъ*, *Вольде*, *Килькондъ*, *Баррисъ*.

XI. Эзельцы во время осады.

Генрихъ Латышъ и Дитлибъ фонъ-Алнпекъ сообщаютъ намъ о четырехъ осадахъ, которыя должны были выдержать эзельцы въ своихъ замкахъ. Въ 1216 г. нѣмцы, идя мимо Мона, сражались съ тѣми, которые находились въ замкѣ (*Г. Л. XIX, 9*). Лѣтописецъ ничего болѣе точнаго не говоритъ. Съ 1227 г. совпадаетъ осада Мона и Вольде. Объ осадѣ перваго упоминаетъ также Дитлибъ фонъ-Алнпекъ, не касаясь однако мелочей. Все таки *Г. Л.* рассказываетъ, что эзельцы своими петереллами метали изъ замка камни и дротики. Также, кажется, бросали они руками копыя и камни, особенно, когда непріатели пытались взойти на валъ. При Вольдѣ до битвы не дошло. Также о битвѣ при Кармелѣ въ 1266 г. не знаемъ мы подробностей изъ хроники. Вообще Дитлибъ фонъ-Алнпекъ рассказываетъ, что эзельцы сражались отчаянно, что видно и изъ того, что они не запирались отъ страху въ свой хагъ, но предлагали нѣмцамъ открытую битву (на открытомъ полѣ внѣ крѣпости). Отсюда можно видѣть, что Кармельское поле битвы начинается въ 3-хъ верстахъ отъ крестьянской горы и тянется вплоть до самаго замка. На дорогѣ изъ Арнсбурга въ Баррисъ, на 11-й верстѣ, на лѣво отъ дороги, лежитъ деревня *Уддоферъ*. Здѣсь на песчаномъ холмѣ, высота котораго 5—6 ф., есть вѣтряная мельница. На этомъ мѣстѣ эзельцы выдержали первый натискъ нѣмцевъ; въ хроникѣ (въ стихахъ) они отбили христіанъ, тѣ напали вторично (*ст. 6210*). „Не одинъ эзелецъ получалъ раны, присѣдалъ къ землѣ и забывалъ о битвѣ; такъ шло дѣло въ продолженіе дня; часть эзелецевъ лежала мертвыми передъ хагомъ“. Вѣроятно, эзельцы боролись отчаянно, такъ какъ

въ песокѣ найдено много скелетовъ; отсюда битва перешла къ крестьянской горѣ и здѣсь эзельцы собрали свои послѣднія силы.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ защитительномъ оружїи. Изслѣдуя Кергель-Мустельскую крестьянскую гору, археологи слышали отъ вышеупомянутаго стараго эстонца, что онъ, будучи молодымъ, слышалъ отъ людей разсказъ о находимыхъ кускахъ круглыхъ балоковъ, въ которне были вколочены заостренныя деревяшки. Такіе валики пускались со стѣны въ непрїателя. Подобное оружїе могло нанести значительный вредъ, такъ какъ ранило враговъ и служило имъ значительнымъ препятствїемъ на дорогѣ. Если оно оставалось на склонѣ вала, то, попадаясь подъ ноги непрїателямъ, увлекало ихъ съ собою. Жители Кармеля разсказываютъ, что для защиты употреблялись также стволы деревъ, которые скатывались подъ ноги непрїателей съ вершины вала. Также и жители Пейде передаютъ, что при защитѣ крестьянской горы съ крутаго вала спускали стволы деревъ массами, если непрїатели толпами пытались взобраться на валъ.

Эзельцы, навѣрно, прибѣгали и къ другимъ средствамъ для отраженія враговъ. Здѣсь можно упомянуть и объ эстонскихъ огненныхъ колесахъ (Г. Л. XXVIII, 6).

ХII. Эзельцы на морѣ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнїю, что эзельцы были отличными моряками. Хищные ихъ походы въ Данїю доказываютъ, какъ хорошо могли они управляться съ этою стихїей. Они мало цѣнили мирную дѣятельность на родной землѣ; ибо, какъ уже было показано, почти постоянно были въ походахъ, внѣ своей страны. По словамъ древнихъ писателей, они, оторванные отъ своего острова, дѣлались смѣлыми, не боялись мести за нарушенный миръ, и, какъ показываютъ попытки датскаго короля сдѣлаться ихъ повелителемъ, не имѣли даже нужды бояться. „На корабляхъ — ихъ наибольшее могущество“ говоритъ Дитлибъ фонъ-Алнпеке (въ ст. 366); да и вообще не трудно заключить изъ нѣсколькихъ мѣстъ различныхъ авторовъ, что у нихъ были значительныя, хорошо организованныя морскія силы. Изъ сообщеннаго Ширромъ (25 матеріаловъ et cet. 1866) извѣстія (отъ 13 мая 1254 г.) № 18 видно, что одна гавань называется Зоттезатгема,

или вѣрнѣе, по двумъ другимъ рукописямъ, Зоттезаттема. Авторъ матеріаловъ, не зная эстонскаго языка, перековеркалъ это слово „Зоттезаттема“ и латинизировалъ его изъ „sõdda — saddam“ (военный портъ). Если же эзельцы и жители Вика владѣли гаванью, которую они называли не иначе какъ „sõdda-saddam“, то тамъ, вѣроятно, стоялъ у нихъ флотъ. Въ приложеніи къ этой книгѣ мы покажемъ, гдѣ и какъ въ особенности лежалъ эта гавань (портъ). Если мы далѣе узнаемъ, что эзельцы для военныхъ цѣлей въ одно мгновеніе имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлыя флоты, то это будетъ не малымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія. По Г. Л. эзельцы въ 1211 г. были при Трейденѣ съ 300 хищническихъ кораблей, несчитая малыхъ. Они потеряли тогда весь свой флотъ; однако въ 1215 г. въ новой гавани Эзеля, гдѣ былъ запертъ епископъ со своими кораблями, опять появилось 200 кораблей. Они были собраны въ весьма короткое время, ибо Г. Л. говоритъ: „Уже передъ разсвѣтомъ все море противъ насъ казалось чернымъ, покрытое ихъ кораблями (1)“. (XIX, 5). Поэтому они должны были явиться изъ какого-нибудь мѣста, гдѣ стояли уже собравшись.

Эти хищные корабли, которые Г. Л. называетъ *rigaticeae*, по величинѣ, постройкѣ и снаряженію, должны были быть равными, или по крайней мѣрѣ, одинаковыми. Лѣтописецъ (гл. XIX, 5) упоминаетъ объ одной *rigaticea* „которая была велика и наполнена людьми“ и далѣе говоритъ: „вѣнцы отняли у эзельцевъ большій корабль и увели съ собою въ Готландъ“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что большіе корабли составляли исключеніе.

Обыкновенно экипажъ состоялъ изъ 30 человѣкъ. Это видно изъ описанія морской битвы, выдержанной эзельцами въ 1203 г. на возвратномъ пути изъ Даніи передъ Висби. На двухъ корабляхъ были убиты 60 человѣкъ. На третьемъ погибли 22 человѣка, послѣ чего оставшіеся 8 натянули паруса и поспѣшили уплыть (VII, 2. Г. Л.).

Вѣроятно эзельскіе хищническіе или военные корабли существенно отличались отъ другихъ кораблей. Лѣтописецъ во многихъ мѣстахъ отличаетъ ихъ военные корабли отъ „другихъ“ или „меньшихъ“, обыкновенно называемыхъ имъ „*libugnae*“. Но эти послѣдніе не должно смѣшивать съ нашими лодками или яликами. Для лодокъ у Г. Л. есть особое названіе *Sumba* (челнъ)²). Поэтому „*libugnae*“ мы скорѣе приравняли бы нашимъ

„бортовымъ“ кораблямъ (bording). Хищные корабли были больше, чѣмъ „libuinae“ (судно, скорое на ходу; фелука); различіе это даже бросается въ глаза. Что они были снабжены мачтами и парусами, видно изъ VII, 2 и XIX, 5. Они были также устроены и для весель (Г. Л. XIX, 5), такъ что не зависѣли отъ вѣтра и потому легче управлялись въ битвѣ. Какъ сильно гребли, видно изъ того, что одинъ корабль отъ сильнаго движенія веслами (vehementi remigatione) такъ сильно ударился о другой, что съ сильнымъ трескомъ раскололся пополамъ (XIX, 5). Весьма также вѣроятно, что хищническіе корабли имѣли палубу, такъ какъ нельзя думать, что скамьи для гребцовъ стояли на днищѣ корабля, тѣмъ болѣе, что эзельцы сюда же помѣщали угнанный скотъ, колокола, церковные сосуды и плѣнныхъ христіанъ, и все это на корабль, гдѣ своихъ было 30 человекъ и который долженъ былъ еще исполнять свои обязанности въ борьбѣ. Въ 1215 г. они стрѣляли съ кораблей изъ петерелловъ (XIX, 5).

Если на основаніи сказаннаго попробуемъ опредѣлить приблизительную величину эзельскаго хищническаго корабля, то поставимъ ихъ весьма близко къ нашимъ кораблямъ въ 50 ластовъ (ласть = 4000 ф.), съ той только разницей, что эзельскіе корабли были немного легче и длиннѣе.

Своими морскими силами эзельцы отлично умѣли распоряжаться. Они выработали себѣ даже родъ морской науки, практически передаваемый отъ отца къ сыну. Такъ какъ они изучали астрономію и хорошо были знакомы съ звѣзднымъ небомъ, то и теперь еще эзельцы, занимающіеся морскимъ ремесломъ (лоцманствомъ, рыболовствомъ), хорошо знакомы съ звѣздами, покрывающими въ ночное время небесный сводъ, хотя эта наука не преподается въ эстонскихъ школахъ. Названія звѣздъ, напр. roehja-nael (головка гвоздя) и õhha-täht (погасшая звѣзда) для полярной звѣзды; soel (рѣшето) для семизвѣздія (плеяды); taewa-wanker (небесная колесница) для большой медвѣдицы; woore-rattad (повозка, товарный вагонъ) для воза; elkias-täht (мраморная звѣзда) для неподвижной звѣзды; linno-gadda (птичья дорога) для млечнаго пути; koido-täht (сумеречная звѣзда) для утренней звѣзды; santi-saapad (палка нищаго) для трехъ-звѣздія вблизи луны; orja täht (рабская звѣзда), oja-tähhed (звѣзда водолея) для звѣзды на восточномъ краю неба; ku sullane (рабъ луны) и т. д., ясно доказываютъ, что это не только простой переводъ, но что въ основаніи по крайней мѣрѣ части

ихъ лежитъ непосредственное наблюденіе. Какъ точно эзельцы знали сѣверное море! Въ настоящее время къ услугамъ моряковъ находятся морскія карты; все таки много значить, что и теперь еще эзельскій купеческій корабль ходитъ только до Любека, между тѣмъ какъ эзельцы на своихъ крошечныхъ лодочкахъ съ непостижимой скоростью плывутъ къ берегамъ Швеціи и Финляндіи.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) Въ этомъ мѣстѣ сказано у нашего историка: „И было ихъ много тысячъ, которые пришли на коняхъ и пѣшіе изъ всей Эстляндіи на почти двухъ стахъ корабляхъ“. Если по всей вѣроятности эти слова „изъ всей Эстляндіи“ преувеличены, то, въ виду этого выраженія, конечно нельзя опровергать, что и эсты съ материка пришли въ Эзель (такъ какъ „новѣя гавань“ надо искать на островахъ). Слѣдовательно, они должны были привести съ собою нѣкоторую часть кораблей. Изъ этого, а также изъ того обстоятельства, что единственный извѣстный намъ военный портъ эзельцевъ (Södda-Saddam) находился на материкѣ, а не на островахъ, мы выводимъ, что эсты съ материка были такими же отважными пиратами, какъ и эсты съ острововъ. Напрасны были усилія датчанъ и нѣмцевъ стѣснить эзельцевъ расположенными на Вигѣ крѣпостями; онѣ только тогда имѣли бы смыслъ, если бы не только островитяне, но и эсты съ Вика участвовали въ набѣгахъ хищническихъ. Мы думаемъ, что это примѣчаніе необходимо помѣстить здѣсь, такъ какъ Папстъ на стр. 34 своего перевода говоритъ: „Пиратами были только эсты съ Эзеля; другіе же эсты вовсе не были таковыми.“

2) Большіе морскіе корабли или товарныя суда нѣмцевъ Генрихъ Латышъ называетъ *soogones*. По Руссурму измѣненіе корня „soog“ у различныхъ народовъ такое: „kogg — древнешведское *kahn* (челнъ), среднелатинское *soogo*, голландское *kogge*, исландское *kuggt*, кельтическое *siock*, англійское *sock*, *sockboat*, французское *soche*, латышское *kuggis*“.

Война на морѣ.

Если эзельцы иногда принуждены были къ сраженію во время плаванія, то они дѣйствовали по известному плану. Въ 1203 году они возвращались съ 16 кораблями изъ Даніи. При Висби они были задержаны. Эсты раздѣлили свои корабли на 2 отдѣленія (по 8 кораблей), „отодвинулись другъ отъ друга нѣсколько, въ намѣреніи запереть пилигримовъ, если они пойдутъ въ середину, и такимъ образомъ захватить снаряженные противъ нихъ корабли (VII, 2)“.

Во время морскаго сраженія стрѣляли они стрѣлами изъ луковъ и метали камни изъ петерелль въ корабли рижанъ (XIX, 5). Такъ какъ въ 1215 г. нѣмцы не имѣли простора для движенія кораблей, ибо были заперты въ „новой гавани“, то эзельцы удобно могли дѣйствовать при этомъ случаѣ огнемъ. Для этого построили они 3 брандера (поджигательное судно) такимъ образомъ: на сколоченный изъ большихъ стволовъ плотъ они положили сухія полѣнья, обмазанныя жиромъ животныхъ; эти полѣнья хорошо поддерживали огонь. Все это пылало „выше, чѣмъ какой-либо купеческій корабль“ и подходило подъ бортъ нѣмецкаго корабля, такъ что запертые въ гавани нѣмцы были очень стѣснены.

Эзельцы потому старались причинить своимъ врагамъ возможно больше вреда, что тѣ препятствовали ихъ торговымъ сношеніямъ, запирая для нихъ водные пути. Такъ, въ 1215 году они опустошили Двину (городъ) за то, что „они (нѣмцы) наполнили челноки камнями и опустили ихъ на дно моря, въ устье рѣки, и они устроили деревянные сооруженія, и, наполнивъ ихъ соответствующимъ количествомъ камней, опустили при устьѣ Двины“. Слѣдовательно, они устраивали ящики деревянные, что видно изъ слова „наполняли“. Эта работа покажется очень значительною, если возьмемъ во вниманіе ширину и глубину устья Двины. Работа была доведена до конца, какъ видно изъ окончанія разсказа Генриха Л. (XIX, 2). Чтобы море въ бурю не разбило челны въ дребезги, „нѣмцы вытащили и уничтожили ихъ, и этимъ дали свободный путь всѣмъ, кто хотѣлъ вѣхъ въ Двину“. Совершенно такимъ же образомъ заперли эзельцы въ томъ же году нѣмцевъ въ „новой гавани“ на Эзелѣ (объ этой гавани смотри въ прибавленіи).

Это имъ удалось такъ хорошо, что корабли нѣмцевъ, о которыхъ морякъ Альбертъ Слукъ у Г. Латыша (XIX, 5) говоритъ, что они „не нагружены были, но свободны и имъ было достаточно незначительной глубины“, съ большими трудомъ и опасностью были вытаны въ открытое море на канатахъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Указатель мѣстныхъ названій, находящихся въ извѣстїи отъ 13 мая 1254 года.

(Ширръ: 25 матеріаловъ къ исторїи Лифляндіи въ XIII столѣтіи. Дерптъ. 1866 г. № 18).

Такъ какъ мы въ этой работѣ часто бывали вынуждены ссылаться на мѣстныя названія, приведенныя въ этомъ „Извѣстїи“, то считаемъ весьма умѣстнымъ дать понятіе объ остальныхъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе, что не каждому, вѣроятно, извѣстны отдѣльныя мѣстности.

1) Villa Cirra. Это — лежащая при замкѣ Леаль деревня Cirra; здѣсь же находится имѣніе того же названія.

2) Insula Saast. Теперь это уже полуостровъ и называется Sastama. Руссургъ въ „Eibofolke“ § 81 говоритъ: Sastama, Sasten, Sasthamo, Sastnamah, Saesen должно быть получила свое названіе отъ слова „saastama“ (нечистая страна), по причинѣ илистой, часто затопляемой почвы острова. Въ 1589 году Sasten островъ состоялъ изъ 5 хавовъ. И теперь Састама при высокой водѣ дѣлается островомъ.

3) Solavenn (или по двумъ спискамъ извѣстія вѣрнѣе Solawen). Это Soela Sund или эстонское Soelawein. Извѣстіе подразумѣваетъ подъ словомъ Solavenn морской берегъ (littus), получившій, очевидно, свое имя отъ омывающей его воды.

4) Duo rivi et stagnum hominum de Karyes. Это „stagnum“ = Ridama-jerw. „Rivi“ = Carjamoisa-jöggi и Terge-soo. Первая протекаетъ мимо Карриса и впадаетъ въ море у Феккерортъ. Прежде она была водѣе, такъ какъ сѣвернѣе Карриса приводила въ движеніе одну (или болѣе?) водяную мельницу, гдѣ и теперь еще живетъ родъ Вески; тотъ же ручей называется tuulinga-jöggi. Terge-soo — ручей, протекающій черезъ Ridama-jerw.

5) Stagnum hominum de Poide. Подъ этимъ нужно подразумѣвать

Кюйдскія озера въ Пейде. Ихъ три, называемыя эстами такъ: *suug järg* (большое озеро), *pik järg* (длинное озеро) и *must-järg* (черное озеро).

6) *Magnus lapis* (большой камень) — большое каменное возвышеніе у Састамы, попросту въ скандинавскихъ сагахъ называемое „камень“ (такъ король Ингваръ по Инглинской сагѣ (37) былъ разбитъ „при камнѣ“) и такъ описываемое Русвурмомъ (*Eibofolke* § 81):

„Недалеко отъ Састамы лежитъ холмъ, окруженный низменнымъ, иногда затопляемымъ лугомъ; онъ возвышается надъ уровнемъ моря на 20 ф. и господствуетъ надъ массой правильно нагроможденныхъ огромныхъ камней 12—15 футами. Внизу эта каменная масса длиною въ 50 ф., шириною 30 ф. и къ востоку заостряется. Камни отъ давности покрыты мхомъ и между ними растутъ столбтніе дубы, тогда какъ окрестность безлѣсна. Эстонскіе крестьяне, передъ чумой, отъ которой вымерло шведское населеніе, выселившіеся, называютъ гору *Roggimaeggi* (грязная гора), можетъ быть потому, что считаютъ ее языческой святыней, или отъ *rõggo* и *maeggi* (адская гора). Этотъ холмъ иными считается памятникомъ, воздвигнутымъ для короля Ингвара въ Адальзисселѣ при камнѣ (*Kiwiderä*, каменная голова).

7) *Portus Sottesatkema* (болѣе вѣрно *Sottesattema*). Въ Извѣстіи сказано, что при этой гавани находится „большой камень“. Это, слѣдовательно, долженъ быть „*Einwiek*“ (Мацальскій Викъ). Название эстонскаго происхожденія и означаетъ собственно „*sõdda-saddam*“ (высокая гавань). Лучшей гавани эзельцы не могли выбрать. Она глубоко врѣзывается въ страну, имѣетъ соразмѣрно узкій проходъ и лежитъ очень удобно между эстами острововъ и эстонскимъ берегомъ. Въ то же время она очень хорошо скрыта отъ послѣдняго группою острововъ, такъ что было бы очень смѣлымъ поступкомъ проникнуть туда съ непріазненнымъ флотомъ, между тѣмъ какъ эзельцы очень удобно дѣлали отсюда набѣги къ югу противъ рижанъ и къ сѣверу противъ шведовъ и датчанъ.

8) *Portus Sarwo*. Его надо искать на Дагенѣ. Юговосточный полуостровъ Дагена имѣетъ на южномъ концѣ бухту, на внутренней сторонѣ которой лежитъ большая деревня Сарве, которая дала имя гавани. Подъ „*finis portus Sarwo*“ „Извѣстіе“ подразумѣваетъ Сарве — предгорье, *Sarwepenna* (восточный громъ этого полуострова). Здѣсь прежде была якорная

стоянба, теперь это мѣсто обмелѣло. Старожилы еще видѣли большой корабль на якорѣ передъ деревней. Поэтому въ Извѣстїи это мѣсто также названо „portus“. Сарвъ по эстонски означаетъ — рогъ.

9) Ogrriwosko (вѣрнѣе Oguosk) — это островъ Кассаръ съ нѣвнїемъ Ogrriak на южномъ берегу Дагена. На этомъ островѣ находится также Ogrriako-Säär. Въ XIII столѣтїи Кассаръ не существовалъ ни подъ этимъ именемъ, ни въ теперешнемъ видѣ.

10) Ronku (по другому списку Ranku). Это маленькій островъ почти возлѣ Ogrriwosko, называемый теперь Roicks и на меллинской картѣ Reik. Эти названїя, такъ неслыханно звучащїя, все таки означаютъ одинъ и тотъ же маленькій островъ. Мы позаимствуемъ изъ мемуаровъ Русвурма (§ 108) то, что онъ сообщаетъ о Дагенскомъ приходѣ Roicks, при чисто этимологическомъ разборѣ данного случая. Онъ говоритъ: Rowkell, Röcke, Rokie, Roskeby, Reckz, Raika, Röckis, и т. д. получили свое названїе очевидно отъ исландскаго слова геукг, англосаксонскаго гёс, шведскаго gösk — дымъ, соотвѣтственно произносимое на Даго, Руно, Рого и Нуко gaick (en) и только на Вормѣ гёск и преимущественно въ Исландїи давшее имя столькимъ мѣстностямъ. Первый изъ какого нибудь мѣста поднимавшїйся или съ моря видный дымъ, первый очагъ въ новозавоеванной области были удобными предлогами для названїя обитаемаго мѣста. Имя Reika, которое носятъ одно семейство въ Кертелдѣ, произошло, конечно, отъ имени Roicks, произносимое шведами какъ Райке“. Все, что въ этомъ разсужденїи говорится о приходѣ Roicks, можно перенести на островъ Roicks.

11) Portus novus qui dicitur pilaiaseri (вѣрнѣе Pylayasary) — лежитъ почти на югѣ Дагена, западнѣе гавани Сарво и получила свое имя отъ лежащаго передъ нею острова Pihlasaag (ежевика острова). Это маленькій островъ, на которомъ росли три куста ежевики. Папстъ говоритъ на стр. 206 своего перевода Генриха Латыша, что эту гавань, можетъ быть, надо искать въ приходѣ Roicks (эстонское Rihla). Но этому противорѣчатъ слова: „Insulae vero aliae circumiacentes“ (другіе вокругъ лежащїе острова) въ Извѣстїи. Эти острова должны лежать на югѣ отъ Дагена, также какъ Ogrriwosko и Ronku; подъ ними слѣдуетъ подразумѣвать Saaguack, Hannikats и др.

Примѣчаніе къ пункту 11-му.

Если „Извѣстіе“ называетъ эту гавань новою, то прежде всего является вопросъ: почему прилежащая гавань Sarwo и гавань Sottesattema не названы также новыми? Можетъ быть гавань Pihlazaag построена между 1227 и 1254 г., когда двѣ другія уже были извѣстны нѣмцамъ? На это нельзя дать отвѣта. Поэтому весьма удобно перевести „новая гавань“.

Можетъ быть они уже раньше окрестностей узнали объ этой гавани, даже раньше того времени, когда они уже владѣли Дагеномъ, такъ что слова „новая гавань“ послужили названіемъ этой мѣстности. Эстонское же названіе пришло къ ней позднѣе. Гендрихъ Л. называетъ (XIX, 5) гавань на Эзелѣ (въ области острова) также portus novus. Здѣсь переводъ „новая гавань“ вѣренъ. Когда рижане были разбиты въ этой гавани, они врядъ ли искали бы добровольно убѣжища въ этихъ гаваняхъ, тѣмъ болѣе, что нѣмцы боялись покорить эти острова. Если рулевой Альбертъ Слукъ, по видимому, знаетъ эту гавань, то ему вовсе не было надобности быть въ гавани, онъ могъ названіе это узнать у себя. До 1227 года нѣмцы знали только эту новую, именно Церельскую гавань, такъ какъ въ ихъ путешествіяхъ дорога шла мимо нея; уже поэтому Генрихъ Латышъ подъ Церельскою гаванью не подразумеваетъ portus novus. Относительно рѣвки Зальмы Панстъ представляетъ намъ (1854 г. № 23) весьма важныя разъясненія. Гавань же, въ которой христіане въ 1215 г. должны были перенести столько бѣдствій, никогда не исчезнетъ изъ ихъ памяти и, говоря о ней, они, не зная другаго названія, должны были сказать „гавань въ Эзелѣ“ или, въ противоположность знакомой имъ прежде Церельской гавани, „новая гавань въ Эзелѣ“. Но если это такъ, то „portus novus“ лѣтописца тождественъ съ названіемъ „Извѣстія“; ибо немислимо, чтобы нѣмцы для двухъ различныхъ гаваней употребляли одно и то же выраженіе. Что лѣтописецъ говоритъ въ отдѣльности относительно событій въ этой гавани, вполнѣ соответствуетъ мѣстности (см. мелинскую карту Эзеля). Если пилигримы при попутномъ вѣтрѣ пріѣхали изъ Риги приблизительно до Руно, то легко могли быть унесены бурей, свирѣпствовавшей эту ночь и слѣдующій день, черезъ большой Зундъ къ Дагону, и не легко понять, какимъ образомъ южный вѣтеръ

могъ ихъ отнести отсюда въ Готландъ. Развѣ если буря шла съ юго-востока? Не смотря на это затрудненіе, мы подѣ „новой гаванью“ Г. Д. будемъ подразумѣвать пока „Pihlasaar“.

XIII. Исторія и описаніе замка съ крѣпостью и происхожденія города Аренсбурга.

Изъ памятниковъ глубокой старины Аренсбургъ сохранилъ лишь епископскій замокъ, какъ лучшее свое украшеніе и наглядный остатокъ своего прежняго величія въ эпоху рыцарскихъ временъ. Теперь въ замкѣ только гнѣздятся птицы и живутъ мыши, бесплатно пользуясь сохраняющимися въ замковыхъ комнатахъ хлѣбомъ эзельскаго земельнаго брестьянскаго бана. Но нѣкогда было совсѣмъ иное: въ замкѣ была резиденція епископовъ (1341 — 1560), рыцарей и намѣстниковъ королей Даніи и Швеціи (1560 — 1710), городская тюрьма для осужденныхъ и тайное судилище (Vehmgerichte).

Убѣдившись, что, для распространенія и учрежденія владѣтельства церкви, одной духовной власти недостаточно, епископы стали искать власти свѣтской, которая бы оставалась въ зависимости отъ церкви; они нашли въ учрежденномъ ими съ 1202 г. рыцарскомъ орднѣ меченосцевъ. Между тѣмъ начались несогласія духовной власти съ свѣтской — епископа съ орденомъ. Первая причина несогласія заключалась въ раздѣлахъ земель. треть или извѣстная часть которыхъ на Эзелѣ была отдана ордену; понятно, что при этомъ раздоры были неизбѣжны, особенно, когда меченосцы соединились съ тевтонскимъ орденомъ (1237 г.), отношенія котораго къ мѣстнымъ епископамъ были совершенно независимы. Съ другой стороны внутреннее состояніе Эзеля, какъ и всей Лифляндіи, въ ту эпоху было такое же, какъ и во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ господствовало феодальное право. Дворяне и духовенство владѣли землею и были полными властителями надъ крестьянами, которые не имѣли правъ и переносили всѣ тягости рабства. Бѣдственное положеніе ихъ произвело наконецъ въ 1340—41 г. возстаніе: населеніе острова Эзеля взялось за оружіе, и такимъ образомъ возгорѣлась крестьянская война.

Эзельскій епископъ Германъ Оснабрюгге, чтобы съ одной стороны успѣшнѣе было враждовать съ гордымъ тевтонскимъ орденомъ, съ другой стороны, чтобы утвердить свою власть на Эзелѣ, округлять владѣнія и подавлять крестьянское возстаніе, руками эзельцевъ въ 1341 году построилъ замокъ и назвалъ его въ честь магистра графа Аренсбурга, одного изъ участниковъ и виновниковъ завоеванія Эзеля. Нѣкоторые полагаютъ, что замокъ основанъ ливонскимъ магистромъ Эбергардомъ фонъ-Монгеймъ въ 1336—1338 году, но это невѣрно. Достоверно то, что 1) эзельцы еще въ XII вѣкѣ на мѣстѣ настоящаго замка имѣли свое укрѣпленіе *kurgesaage* или *zagemalip*, какимъ именемъ зовутъ они и настоящій городъ, 2) что еще въ 1221 г. король датскій Вольдемаръ II построилъ деревянный замокъ, имъ же сожженный въ 1227 году.

Около замка, подъ его защитою, стали селиться рыбаки, открылись особня слободы или посады, и такимъ образомъ положили основаніе будущему городу. Черезъ 200 слишкомъ лѣтъ послѣ основанія замка явился и городъ Аренсбургъ. Историческимъ началомъ его должно считать 1563 г., тотъ годъ, когда при началѣ распаденія орденско-епископской организаціи, послѣдній епископъ эзельскій и датскій герцогъ Магнусъ даровалъ городское „*рижское право*“ всѣмъ жителямъ, поселившимся около замка, и основалъ первое училище. Подписанный имъ актъ о городскихъ правахъ не сгорѣлъ въ большой пожаръ 1575 г. въ Аренсбургѣ, доселѣ хранится въ городскомъ архивѣ и составляетъ основаніе настоящихъ городскихъ учрежденій Аренсбурга.

Судьба замка связана съ исторіей Эзеля, переходившаго изъ рукъ въ руки: до 1561 г. владѣли имъ вмѣстѣ съ Гапсалемъ 30 епископовъ, не считая Магнуса, датскаго герцога, хорошо извѣстнаго въ исторіи Ливоніи. Съ 1561 по 1645 г. островъ Эзель съ г. Аренсбургомъ находился во владѣніи датчанъ; затѣмъ по Бразембредскому миру онъ поступилъ въ составъ шведскихъ владѣній и оставался таже до присоединенія его къ Россіи. Послѣ взятія Пернова и капитуляціи Риги, гарнизонъ аренсбургскаго замка сдался безъ сопротивленія русскимъ въ 1710 г.; окончательное же присоединеніе Эзеля къ Россіи состоялось только въ 1721 г. по Ништадтскому трактату. Теперь Аренсбургъ уѣздный городъ эзельскаго округа въ лифляндской губерніи.

Замокъ стоитъ внутри крѣпости, расположенной между гаванью и югозападной оконечностью города. Крѣпость стоитъ выше, чѣмъ городъ, дорога къ ней поднимается и проходитъ по земляной насыпи сѣвернаго гласиса, черезъ мостъ надъ рвомъ, подъ ворота съ длинными сводами, и ведетъ мимо казармъ въ самый замокъ. Замокъ этотъ еще гораздо выше крѣпости, и до сей поры твердо, неприкосновенно и мрачно смотритъ своими удѣльскими каменными стѣнами на городъ и на море, и видѣтъ издали на очень большое разстояніе. Аренбургъ стоитъ на плоскомъ мѣстѣ, такъ что крѣпость и замокъ—единственная въ городѣ возвышенность—мѣшаютъ видѣть море и дышать тѣмъ свѣжимъ, питательнымъ морскимъ воздухомъ, который невидимыми волнами такъ васъ и обдаетъ, когда, обойдя крѣпость кругомъ, вы усядетесь на морскомъ берегу. Въ прибалтійскомъ краѣ во времена Ливонскаго ордена и рыцарства устроено было болѣе 20 замковъ. Изъ нихъ одни исчезли, а другіе, напримѣръ, въ Венденѣ, Гапсалѣ, Вольмарѣ, Лемзальѣ и др. сохранились донныѣ въ развалинахъ.

Замокъ Аренбургскій переходилъ изъ рукъ въ руки шведовъ, датчанъ, русскихъ, но не выдерживалъ разрушительныхъ осадъ, какъ другіе замки, напримѣръ въ Венденѣ, Гапсалѣ, и оттого сохранился. Онъ иррачентъ, высокъ, обширенъ, но стоитъ твердо и непоколебимо. Снаружи вообще превосходно устоялъ противъ времени и непогодъ. Но чего не сдѣлала рука времени, сдѣлали человѣческія руки. Восточная башня прежде имѣла видъ конуса и кончалась шпиремъ; стѣны замка и западной башни были зубчатыя и украшались карнизомъ. По наружнымъ обнамъ замокъ представлялся трехъ-этажнымъ зданіемъ, съ балконами, навѣсами. Послѣ пожара въ 1801 г. зубчатыя стѣны сравнены и одѣты крышей на башняхъ деревянной а на замкѣ черепичной; кой гдѣ оставлены карнизы; наружныя окна и балконы почти все грубо замурованы или передѣланы. На западной и восточной сторонѣ во второмъ этажѣ видны слѣды балконовъ и навѣсовъ съ массивными украшеніями по бокамъ (на западной). Окна наружныя въ замкѣ почти все задѣланы. За то пробиты двѣ двери въ подвалы для болѣе удобной нагрузки сюда оптовыхъ товаровъ, напримѣръ Аренбургскимъ мноторговцемъ Данско.

Замокъ не представляетъ собой что нибудь въ родѣ фантастическихъ зданій, описанныхъ Вальтеръ-Скоттомъ и г-ею Радклиффъ; онъ ни болѣе

ни менѣ какъ массивное, четырехъ-угольное, мрачное зданіе въ 400 кв. саж., готическаго стиля, съ гладкими почернѣвшими отъ времени стѣнами; по сторонамъ сѣверовосточнаго фаса укрѣплень двумя высокими башнями. Плотничная деревянная работа была въ немъ развѣ только на чердакахъ. Онъ весь выстроенъ изъ квадратныхъ тесаныхъ гранитныхъ плитъ. Глядя на массивныя и толстыя каменные стѣны мрачнаго зданія, и теперь удивляешься крѣпости постройки. Особенно бросаются въ глаза крѣпкія, неприкосновенныя и снаружи хорошо уцѣлѣвшія стѣны башень, на укрѣпленіе которыхъ, какъ видно, архитекторы обратили особенное вниманіе. Одна башня широкая съ западной стороны, другая, съ восточной, сравнительно уже и нѣсколько выше. Въ нихъ уцѣлѣли узенькія прорѣзанныя окна въ видѣ подвальныхъ отдушинъ.

Единственныя большія ворота замка имѣютъ видъ готической арки. Надъ ними прежде были двѣ навѣсныя стрѣльницы, или мѣста сверху крытия, а снизу имѣющія отверстія, чрезъ которыя защитники замка могли лить горячія вещества, бросать тяжести на осаждавшихъ и въ случаѣ нужды дѣлать вылазки на непріятелей. По бокамъ воротъ доселѣ уцѣлѣли отъ стрѣльницъ двѣ колонны. Надъ аркой надворотной красуется гербъ замка, вытесанный изъ камня въ позднѣйшее время. Онъ состоитъ изъ щита, вверху котораго шлемъ съ развѣвающимися двумя лентами; на шлемѣ стоитъ готовый летѣть журавль; надъ головой журавля висятъ двѣ перекрещенныя вѣтки, по всей вѣроятности, ясени.

На щитѣ вырѣзаны буквы: D. W. G. V. E., девизъ 8-го стиха 40-й главы пророка Исаи: *Das Wort Gottes Bleibet Ewiglich* („слово Божіе да будетъ вѣчно“). Это изреченіе было любимымъ у Фридриха Мудраго, курфюрста Саксонскаго и вѣроятно было написано въ іерархію эзельскаго епископа Кивеля, который съ этимъ девизомъ былъ усерднымъ почитателемъ Лютера. При немъ же на двухъ синихъ лентахъ около герба положена золотыми буквами надпись: „*Glow der Ritterscorp de Wiek und up Oesell*“ (вѣрѣ рыцарству Эзеля и Вика. Это значило: слово Божіе вѣчно; вѣра и вѣрность, дочери Неба, никогда не удаляйтесь изъ дорогаго нашего отечества (Эзеля и Вика). Настоящій гербъ замковый (щитъ, шлемъ съ двумя лентами, на шлемѣ журавль съ двумя вѣтками надъ его головой), высѣченный изъ известковой сѣрой плиты, возобновленъ неточно и невѣрно.

На древнемъ оригинальномъ гербѣ вмѣсто щита было высѣчено неправильной формы косое, синее поле, представлявшее очертаніе — плащь Эзеля, который дѣйствительно изображаетъ собой фигуру, похожую на поле герба. Завитокъ съ правой стороны представлялъ собой Арнебургъ, расположенный къ югу; крутые надрѣзы съ лѣвой стороны напротивъ завитка изображаютъ очертанія высокаго, скалистаго, сѣвернаго берега острова. На щитѣ съ опущеннымъ внизъ забраломъ (личникомъ), отъ котораго въ обѣ стороны висятъ два коричневыхъ лошадиныхъ хвоста, стоитъ сѣрый журавль съ распушенными крыльями и надъ головой его двѣ перекрещенныя зеленыя вѣтви ясени. Первое населеніе вѣроятно перешло сюда изъ Курляндіи, на что указываетъ и народное названіе острова Кугга-сааг, позже передѣланное въ Кугге-сааг (журавлиный островъ), и подавшее поводъ къ составленію герба съ изображеніемъ этой птицы, который встрѣчается на монетахъ герцога Магнуса, на двери Ратуши 1670 г. и доселѣ употребляется здѣшнимъ ландгерихтомъ. Островъ Эзелемъ называемъ теперь мы да нѣмцы, а туземные жители — простой народъ — величаютъ его Кугге-сааг или Saagemaalin. На Эзелѣ особенно много растетъ большой и красивой ясени, и народная любовь къ ней, какъ извѣстно, доходила до того, что по этому дереву назывались мѣстности и давались фамиліи. Такой простой гербъ былъ вѣроятно въ XIV в. Голубая лента съ надписью золотыми эстляндскими буквами и голубое поле съ золотыми нѣмецкими буквами прибавлены въ XVI ст. епископомъ Бивелемъ. Такимъ образомъ гербъ представляетъ самый островъ, объясняетъ его названіе на эстляндскомъ языкѣ и содержитъ вѣроисповѣданіе его жителей на нѣмецкомъ, представивъ этимъ два господствующіе языка. Лошадиные хвосты и опущенное забрало (личникъ) означаютъ побѣду вѣры надъ храбростью.

Теперь мы у входа въ самый замокъ, и съ любопытствомъ желаемъ осмотрѣть внутренній нарядъ хорошаго, крестовныя комнаты съ молебнымъ иконостасомъ, стѣнную живопись, меблировку — столы, скамьи, стулья, картины, эстампы, паннокадила, органы, фигурную рѣзбу, устройство оконъ и оконницъ, оконный и дверной приборы, печи, комнатный нарядъ, тронъ — каяедру епископа, подземелья, тюрьму и проч. Устройство и внутреннее расположеніе епископскаго жилища весьма любопытны: они живо могли бы характеризовать намъ время и его обывателей. Замокъ, конечно, богатъ

былъ нѣкогда своими уставами, положеніями, формами, своею чинностью, чтивостью, угодливостью, корыстолюбіемъ, интригами, этикетомъ. Епископы были не святые люди; безнравственность и роскошь католическаго духовенства въ 14—15 в. достигли, какъ извѣстно, высшей степени. Если уже у современныхъ русскихъ архіереевъ по сочиненіямъ Лѣскова есть въ жизни „мелочи“, то что нѣкогда продѣлывали владѣтельные князья-епископы въ твердыхъ стѣнахъ своего замка? Соединяя съ духовной властью и свѣтскую, они слишкомъ были заняты заботами объ удержаніи послѣдней, не имѣли возможности предаваться исключительно духовнымъ своимъ обязанностямъ. Интересно было бы посмотрѣть, какъ епископы здѣсь въ крѣпкихъ стѣнахъ вели споръ съ гордымъ тевтонскимъ орденомъ, какъ они держали себя съ народомъ, съ рыцарями, знатными и малочинными людьми, съ канониками; кто могъ входить въ хоромы епископскіе, какія отдѣленія были недоступны для всѣхъ, гдѣ были потаенныя двери, какъ охранялись замокъ, честь и покой епископства, въ какой комнатѣ давались торжественныя аудіенціи, въ какихъ мѣстахъ стояли почетные караулы, гдѣ раздавались ночью тихія рѣчи засѣданій тайнаго судилища, гдѣ самъ епископъ давалъ судъ и расправу, слушалъ челобитныя, доклады и вообще занимался текущими дѣлами, въ какихъ покояхъ раздавалось подъ органъ стройное пѣніе католиковъ, гдѣ былъ склепъ епископскій, гдѣ стояли инквизиціонныя орудія разныхъ пытокъ? Здѣсь возвеличилось и измелчало, отжило свое время епископство, навѣки забыло о своемъ прежнемъ княжескомъ величій. Здѣсь типъ средневѣковаго епископа-князя, переходя въ своемъ развитіи изъ фазы въ фазу, къ концу дороги вовсе разложился, угасъ, оставивъ по себѣ одно имя, какъ археологическую рѣдкость. Съ 1227—1560 г., въ теченіи 333 годовъ, Эзелемъ и Галсалемъ правили 30 епископовъ: 1) Готфридъ (1226—1228), 2) Генрихъ (1228—1241), 3) Германъ Буксгевденъ (1241—1251), 4) Генрихъ (1252—1256), 5) Германъ Буксгевденъ (1271—1277), 6) Генрихъ (1293—1294), 7) Яковъ (1294—1298), 8) Конрадъ (1298—1308), 9) Маркусъ (1308—1310), 10) Гартвигъ (1310—1320), 11) Яковъ (1324—1337), 12) Германъ Оснабрюгскій (1338—), 13) Конрадъ (до 1380), 14) Генрихъ (1381), 15) Винрихъ Книперодъ (1381—1408), 16) Каспаръ Шенфельдъ (1408—1422), 17) Христіанъ Кубандъ (1424—1430), 18) Іоаннъ Шютте (1434—

1438), 19) Лудольфъ (1446—1457), 20) Иоаннъ Крауель (1446—1460), 21) Иодукъсъ Хегерштейнъ (1448—1461), 22) Иоаннъ Ватеканскій (1461), 23) Петръ Веддбергъ (1472—1481), 24), Петръ Оргисъ (1499—1515), 25) Иоаннъ Кивель (1516—1527), 26), Георгъ Тизенгаузенъ (1528—1536), 27) Вильгельмъ маркграфъ фонъ-Бранденбургскій (1532), Регольдъ Буксгевденъ (1530—1539), 29) Иоаннъ Мюнхгаузенъ (1539—1559) и 30) Георгъ Магнусъ (1560). Послѣдній духовный владѣтель Эзеля и Гапсала Магнусъ въ 1560 г., во время разгрома Ливоніи Иоанномъ Грознымъ, бѣжалъ изъ Гапсала на островъ Эзель, и привезъ съ собою въ Аренбургскій замокъ архивъ и всю церковную собственность. Изъ нихъ одинъ Генрихъ (1381 г.) былъ въ замкѣ же задушенъ будто бы каноникомъ Бальне. Хроникеръ Кранцъ увѣряетъ, что изъ 30 епископовъ только одинъ такъ печально скончался, но при враждебныхъ отношеніяхъ къ каждому ордену возможны были и другія подобныя жертвы.

Замокъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ ихъ подвиговъ, торжествъ и бѣдствій. Сколько важныхъ, историческихъ событій, сколько драматическихъ сценъ происходило въ немъ? Изъ этихъ послѣднихъ неизгладимой останется, конечно, та, въ которой положенъ конецъ существованію эзельскихъ епископовъ, когда (1560 г.) исторія Эзеля потеряла свой самостоятельный характеръ и слилась съ исторіей сосѣднихъ государствъ. Въ XVI столѣтіи вмѣстѣ съ реформаціей, перебравшейся на Эзель, замокъ отрекся отъ католичества, отъ своихъ коренныхъ вѣрованій въ пользу Лютера. Все, что творилось въ этомъ замкѣ во время оно, мы можемъ узнать только по историческимъ документамъ, въ средневѣковой исторіи, въ одной изъ повѣстей Марлинскаго, а въ самомъ замкѣ мы увидимъ только пустыя черныя комнаты, грубо выштукатуренныя, корридоры, окна, темные переходы, лѣстницы. Внутренность замка не сохранила признаковъ прежняго величія и только отчасти можетъ характеризовать время и ея обывателей. Путешествіе по замку, его подземельямъ и темнымъ переходамъ невольно переносятъ васъ въ средневѣковой, желѣзный и тяжелый вѣкъ. Средневѣковая исторія всегда на школьной скамьѣ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, была инѣ противна, скучна и ненавистна. Меня почти съ дѣтства донельзя оскорбляло все, что творилось чудовищнаго во имя броткой христіанской религіи, и эти впечатлѣнія оставили на всю мою жизнь страшное нерасположеніе къ средневѣко-

выми памятникамъ, на которые я смотрю съ робостью и замираніемъ. Замокъ пустой, а мнѣ такъ и кажется, что въ его темнымъ переходахъ и темницахъ еще носится духъ страшной тираніи и ложнаго христіанства, духъ рыцарства и іезуитства, духъ матеріальной силы и угнетенія народовъ. Не будь во мнѣ археологической страстишки, я можетъ быть остался бы у входа въ этотъ противный мнѣ замокъ, и не заглянулъ бы въ его внутренность, гдѣ рисуются мрачныя картины людской слабости, самовластиа, эгоизма, гдѣ на каждомъ шагѣ представляется узникъ, пострадавшій за вѣру.

Войдя подъ своды воротъ, гдѣ въ боковыхъ каменныхъ столбахъ видны пазы, въ которыхъ двигалась подъемная желѣзная дверь, вступаемъ въ первый дворикъ и въ другія узкія боковыя ворота, надъ сводомъ которыхъ видны окна, слѣды балконовъ, навѣсовъ, трубъ и вездѣ почернѣвшія стѣны, кой гдѣ украшенныя въ трещинахъ свѣжей зеленою рослыхъ рабинъ и кустарниковъ. Здѣсь между воротами и слѣдующей за ними аркой, говорить, были апартаменты епископа. Два ряда оконъ, хорошо сохранившихся, свидѣтельствуютъ, что каеэдра епископа была въ двухъ этажахъ. Наравнѣ съ этими окнами въ стѣнахъ нѣсколько дверей, ведущихъ во внутренность замка. Внизу, около арки, дверь въ корридоръ втораго этажа; чрезъ нее же обитатели замка имѣли сообщеніе съ дворомъ. Арка съ 4 окнами, выходящими на внутренній дворъ, представляетъ очень живописныя развалины; на нее опиралась крыша епископской палаты, слѣдомъ которой остался громадный рубецъ на башнѣ. Отсюда входъ во внутренній дворъ, на который со всѣхъ сторонъ обращенъ рядъ оконъ. Бродя по угламъ четырехъ-угольнаго двора, то попадаешь въ сырой, мрачный, обвалившійся погребъ, то въ квартиру сторожа крѣпостнаго и устроенныя имъ отхожее мѣсто и стойла для коровъ, то въ заваленный колодезь. Въ подземельѣ подъ замкомъ устроенъ обширный подземный ходъ, подобный тѣмъ, какіе устроены іезуитами въ Полоцкѣ. Онъ проложенъ подъ основаніемъ замка и города Аренсбурга будто бы на 12 верстѣ до Кармелитскаго монастыря, гдѣ владыцы замка имѣли загородный домъ. Внутри этихъ подземельевъ, сверху заштукатуренныхъ, а снизу и боковъ выложенныхъ гранитомъ, находятся въ стѣнахъ подѣланныя ниши. Я спускался въ такое подземелье, но сырость и зловоніе были столь сильны, что я скоро по необходимости выскочилъ назадъ точно изъ помойной ямы. Первый подземный этажъ замка

углубляется въ землю аршина на 3. Встарину въ эти подземелья вели 11 дверей, которыя теперь почти всё заложены. Въ обширныхъ комнатахъ здѣсь множество обломковъ и камней; къ чему онѣ служили, теперь уже и угадать трудно. Всё комнаты съ высокими сводами соединены между собой проходами и арками. На южной сторонѣ подъ церковью эти комнаты особенно обширны и украшены колоннами и арками. Не здѣсь-ли нѣкогда раздавались тихія рѣчи засѣданій тайнаго судилища? Не тутъ ли былъ склепъ или усыпальница епископовъ? Теперь эти подземелья отдаются торговцамъ подъ склады вина, картофеля, черепицы и др., и такимъ образомъ составляютъ для дворянства доходную статью, которая идетъ на поддержку замка и на содержаніе сторожа.

На внутреннемъ дворѣ для входа во второй этажъ устроена каменная лѣстница 13 лѣтъ тому назадъ, когда замковая церковь или капелла преобразована была въ кирку для эстонцевъ протестантскаго вѣроисповѣданія. Лѣстница новая настолько широка и отлога, что заняла почти половину небольшого внутренняго четырехъ-угольнаго двора. Съ нея двѣ двери ведутъ въ крестовый съ стрельчатымъ готическимъ сводомъ корридоръ, ведущій по второму этажу въ видѣ широкой буквы П. Красивый стрельчатый сводъ сохранился только въ двухъ его поворотахъ, въ третьемъ на лѣвой сторонѣ онъ провалился и видны только голыя балки. Корридоръ вообще узокъ; какъ видно, прежде былъ выложенъ плитами, но теперь онѣ почти всё зачѣмъ-то сняты и замѣнены кирпичемъ. Корридорныя готическія окна снизу узки, потомъ расширяются въ видѣ амбразуры; къ нѣкоторымъ изъ нихъ ведутъ двѣ три ступени. Въ нѣкоторыхъ окнахъ уцѣлѣли узорчатые каменные косяки, на одномъ сохранилась верхняя часть узоръ, высѣченныхъ изъ камня и замѣнявшихъ нынѣшнія рамы. Такихъ оконъ въ корридорѣ и въ замкѣ было много, но, въ сожалѣнію, онѣ задѣланы деревомъ или замурованы, что придаетъ всему зданію какой-то мрачный видъ. И двѣ двери въ корридоръ выбиты и устроены на мѣстѣ двухъ готическихъ оконъ. Въ корридорѣ теперь 7 оконъ.

Въ среднемъ корридорѣ, противъ наружныхъ входныхъ въ него двухъ дверей, вы видите каменную цистерну и красивый входъ въ капеллу въ видѣ готической арки. Для цистерны устроена въ стѣнѣ ниша; средину ея занимаетъ выдающаяся впередъ каменная плита съ крестообразнымъ отвер-

стіемъ по срединѣ и впадиной для св. воды. Мой первый чичероне крѣпостной сторожъ увѣрялъ меня, что это не купель или водохранилище, а эшафотъ, и въ доказательство указывалъ большіе и глубокіе рубцы на краяхъ плиты, нанесенные тяжелымъ рѣжущимъ оружіемъ. Сторожу эстонцу, должно быть, противенъ и ненавистенъ оберегаемый имъ замокъ, и потому онъ вездѣ готовъ вамъ указать плаху или мѣсто, гдѣ нашли будто-бы орудія инквизиціи, только довѣрчиво послушайте его, что было здѣсь!

Церковь въ срединѣ замка занимаетъ большую залу. Четыре грубой работы и формы каменные колонны поддерживаютъ потолокъ съ готическимъ сводомъ, спускающимся на боковыя стѣны въ видѣ тяжелыхъ массивныхъ украшеній. Алтарь отдѣляется двумя арками и колоннами. Около него уцѣлѣли двѣ ниши въ стѣнѣ, съ выдающимися украшеніями; одна изъ нихъ вела прежде въ рефекторіумъ — трапезу канониковъ. На правой сторонѣ церкви деревянная каеэдра для проповѣди. На стѣнахъ высѣчены кресты, какъ символъ христіанства. Алтарь освѣщается двумя большими готическими окнами, остальная часть церкви — 7-ю широкими обыкновенными окнами, устроенными 13 лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ первобытныхъ готическихъ. Мнѣ говорили, что эта незначительная передѣлка потребовала ужасно много средствъ. На что это? Можетъ быть въ Арнсбургѣ дороги разноцвѣтныя стекла, которыя не кстати поставлены въ новыхъ рамахъ? Но уцѣлѣла ли въ замкѣ епископская монастырская крѣпостная церковь? Нѣтъ, уцѣлѣли ея стѣны, уцѣлѣло рукотворенное, а вѣроисповѣданіе измѣнилось. Въ началѣ XVI столѣтія, вмѣстѣ съ реформаціей, перебравшейся на Эзель, и католическій монастырь здѣсь преобразился въ церковь лютеранскую, отрекся отъ своихъ вѣрованій, снялъ съ своего храма всѣ наружныя украшенія — уничтожилъ всѣ статуи святыхъ, да и святыхъ съ ними, оставилъ на память одинъ маленькій звонкій колоколь, который и теперь лежитъ въ нишѣ у алтаря; на немъ нѣтъ, къ сожалѣнію, его біографіи. На лѣвой сторонѣ отъ выхода изъ капеллы, въ концѣ корридора, гдѣ онъ поворачиваетъ направо, вы увидите 1) нѣсколько занумерованныхъ недавно комнатъ, напр. № 3, 2) каменную лѣстницу къ старинной двери на внутренней дворъ, 3) надъ ней въ стѣнѣ лѣстницу и дверь въ епископскіе покои, 4) налѣво отъ нея въ другой стѣнѣ такую же лѣстницу съ замурованною дверью въ западную башню и 5) входъ въ 3-й этажъ. Части этихъ

этажей хорошо бережены, только онѣ за казенными или частными печатями и не доступны, потому что здѣсь берегаются хлѣбныя запасны крестьянскаго эзельскаго ссудно-земельнаго банка (собственно въ № 3 и сосѣднихъ комнатахъ) и товары (хлѣбъ, ленъ, черепица) постороннихъ торговцевъ. Здѣсь въ 3-мъ этажѣ нѣсколько комнатъ и между ними двѣ громадныя залы, назначенныя, можетъ быть, для рыцарей и воиновъ. Въ одной изъ нихъ послѣ пробита дверь наружу и устроенъ вертикальный валъ съ намотаннымъ банатомъ, съ помощью котораго крестьяне выгружаютъ и грузятъ хлѣбъ. Изъ этой двери открывается великолѣпный видъ на море. Западная башня имѣла три жилыхъ этажа, которые давно обрушились; за то на стѣнахъ здѣсь вы увидите различныя ниши, арки, различной величины окна, большая часть которыхъ замурованы. Изъ этой башни узенькая лѣстница вела въ подвалы. Теперь этотъ ходъ заложенъ. Изъ верхняго этажа башни чрезъ небольшую угловую дверь былъ выходъ на площадку — мѣсто между башней, крышей и сосѣдней стѣной, вакъ разъ надъ воротами замка. Площадка эта длиною болѣе 2 сажень, шириною аршина два, была сторожевымъ пунктомъ, своего рода каланчей. Видъ на море и городъ Аренсбургъ съ башни ратуши, съ колоколенъ православной и лютеранской церквей живописенъ, но еще живописнѣе и обширнѣе этотъ видъ съ замковой площадки. Съ площадки можно пройти на чердаки замка. Противъ комнаты № 3, въ противоположномъ концѣ корридора, видны двери въ прежнюю столовую монаховъ (refectorium); къ нимъ ведутъ полукруглыя лѣстницы въ нѣсколько ступеней. Полъ здѣсь провалился. Проходя далѣе мимо слѣдующихъ комнатъ на правой и на лѣвой сторонѣ, съ двумя окнами, вы встрѣчаете полутемный подъемъ въ довольно широкій простѣнокъ; земляной полъ замѣтно поднимается; по срединѣ труба, а за ней маленькая лѣстница къ узкому окну наружной стѣны замка. Здѣсь вы увидите заложанный застѣнокъ, гдѣ нашли замурованнаго рыцаря.

Около трубы, противъ замурованной арки, ведущей въ комнату, въ стѣнѣ подъемъ на верхъ. Поднявшись по узенькой лѣстницѣ, вы удобно входите въ небольшой простѣнокъ съ двумя выходами: 1) въ 3-й этажъ замка, 2) въ львиную яму и тюрьму въ восточной инквизиторской башнѣ, вообще хорошо сохранившейся. И въ яму и въ тюрьму я спускался по веревочной лѣстницѣ.

Львиная яма, какъ называютъ теперь здѣсь эту темную галлерею въ видѣ печатной лежачей буквы **└┘**, была прежде будто бы запаснымъ артиллерійскимъ магазиномъ. Глубина въ ней $2\frac{1}{2}$ сажени; она завалена землей, щебнемъ, черепицей, булыжникомъ. При раскопкѣ этого облежавшагося мусора аршина на 2, я нашелъ груды костей различныхъ животныхъ и птицъ. Найденныя кости сложены въ груды и оставлены мной на днѣ ямы до пріѣзда какого нибудь археолога-анатомиста. Здѣсь же я нашелъ каменный ручной эстонскій жерновъ, и отдалъ въ аренбургскій музей черезъ г. Гольцмейера. Въ ямѣ есть два въ настоящее время замурованные выхода въ подземелье. Потолокъ ямы провалился. Слѣдами его остались пазы, симметрично расположенные въ стѣнахъ. До послѣднихъ годовъ здѣсь оставались желѣзныя шпалы, подавшія поводъ къ легендѣ, будто осужденные на смерть и брошенные въ яму на съѣденіе хищнымъ львамъ напередъ уродовались или разбивались объ эти шпалы.

Рядомъ съ львиной ямой за стѣной находится темница; она въ видѣ квадратнаго колодца, выложена изъ тесаныхъ плитъ, глубины $3\frac{1}{2}$ сажени, къ концу расширяется аршина на 2. На полу 3-хъ-угольная плита, запущенная въ стѣну, была сидѣньемъ арестанта. Здѣсь найденъ разломанный деревянный стулъ и кости животныхъ. И дно темницы засыпано мусоромъ аршина на $1\frac{1}{2}$. Арестанта спускали сюда на веревкѣ, и затѣмъ маленькая подъемная дверь затворялась, оставляя его въ совершенной темнотѣ и безъ воздуха въ такомъ пространствѣ, гдѣ онъ могъ только свободно повернуться и лежать скорчившись.

Этотъ замокъ нѣкогда знаменитъ былъ происходившими въ немъ засѣданіями „тайнаго судилища“ (Vehmgerichte), о которыхъ преданіе сохранило безчисленное множество страшныхъ легендъ.

Тайныя судилища (Freigerichte, Vehmgerichte, Heimliche gerichte) явились въ Ливоніи вмѣстѣ съ рыцарствомъ. Учрежденныя во времена грубѣйшихъ насилій и слабости королевской власти, въ періодъ владычества „булачнаго права“, какъ оплотъ непризнававшихъ ничьей власти бароновъ, тайныя судилища были ужасомъ сильныхъ и предметомъ шопотливыхъ вечернихъ разсказовъ простолюдиновъ. Главное судилище находилось въ Вестфалии, на таинственномъ языкѣ вольныхъ судей (фрейшэффы) называвшейся Красною Землею (Rother-Land), откуда одно отдѣленіе перенесено

въ Ливонію, а потомъ и на Эзель, послѣ покоренія острова остзейскими нѣмцами. Въ подземельяхъ аренбургскаго замка бывали ночныя засѣданія вольныхъ судей тайнаго судилища.

Къ воротамъ обвиняемаго въ преступленіи невидимо прибывался письменный *позывъ* — явиться въ такому-то часу ночи въ такомъ-то мѣстѣ. Три зарубки, сдѣланныя кинжаломъ около бумаги, служили несомнѣннымъ признакомъ дѣйствительности приглашенія, которому слѣдовало повиноваться.

Призванный являлся въ назначенное мѣсто, гдѣ встрѣчалъ его приставъ, отбиралъ оружіе и, завязавъ глаза, велъ.... куда, не было известно никому, кромѣ посвященныхъ въ тайну. По прибытіи на мѣсто, повязка снималась и глазамъ обвиненнаго представлялась низкая, обширная зала: на одномъ концѣ ея, на возвышеніи, стоялъ простаго дерева столъ, на которомъ крестообразно лежала ивовая вѣтвь и обнаженный кинжалъ, символы милосердія и строгости. За столомъ сидѣлъ фрейграфъ и „семи вольныхъ судей“, окруженные прочею братією, въ широкихъ плащахъ, съ вынутыми на голову капюшонами. Одна лампада горѣла въ дверяхъ, другая предъ судьями.

Посреди сумрака, слабо разгоняемаго мерцаніемъ лампады, посреди страшной тишины, невольно сжималось сердце обвиняемаго, и онъ съ ужасомъ слушалъ первыя слова фрейграфа: „спрашиваю тебя, приставъ, время ли начинать судъ и расправу“? — „Время“, глухо отвѣчалъ приставъ. Тря удара молоткомъ громко раздавались по подземелью и возвѣщали начало засѣданія. Подсудимому вновь завязывали глаза, а судьи, сбросивъ съ головъ капюшоны и снявъ перчатки, стоя повторяли слова фрейграфа, громко произносившаго слѣдующую формулу: „кланусь творить праведный судъ поды опасеніемъ гнѣва Императора священной римской Имперіи, отъ его имени, его властію, при содѣйствіи вѣрныхъ и вольныхъ членовъ тайнаго судилища съ правомъ предать виновнаго мечу и веревкѣ“.

Судьи покрывались и садились; съ подсудимаго снимали повязку, затѣмъ слѣдовало изложеніе обвиненія и требовались оправданія и объясненія. Какое бы ни было рѣшеніе суда, подсудимому непремѣнно показывали лицо обвинителя. Если призваннаго объявляли невиннымъ, то, по произнесеніи радостныхъ словъ: „свободенъ отъ феме“, брали клятву въ ненарушеніи

молчаніи о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, и послѣ троекратнаго удара молоткомъ, возвѣщавшаго конецъ засѣданія, оправданнаго съ обычными предосторожностями, отводили на прежнее мѣсто. Но оправданія случались рѣдко, потому что призывали съ большою разборчивостью, только дѣйствительно виновныхъ, которые по силѣ и связямъ своимъ презирали судъ обыкновенный. Очевидно, что эти господа не торопились на зовъ таинственныхъ судей, которыхъ они не хотѣли знать, какъ и прочихъ судей. Въ такомъ случаѣ, позывъ повторяли во второй и въ третій разъ. Если и затѣмъ приглашенный всетаки не являлся на мѣсто свиданія, то у воротъ его жилища, въ одно утро, всѣ прохожіе могли читать слѣдующій, написанный на пергаментѣ, приговоръ :

„Я объявляю такого-то обвиненнаго, непокорнаго человѣка, лишеннымъ всѣхъ правъ и вольностей, которыя императоръ Карлъ даровалъ, папа Левъ утвердилъ, и всѣ князья, владѣльцы, рыцари, рабы, вольные люди и судьи клятвенно признали, и обращаю его въ прахъ, и подвергаю со всѣми его правами и вольностями государственной опалѣ, императорскому гнѣву и немилости, и отнимаю отъ него званіе, достоинство, доброе имя, гербъ, голосъ, всѣ права, и по уставу тайнаго судилища лишаю его покровительства законовъ и предаю его веревкѣ, трупъ птицамъ и звѣрямъ, а душу поручаю Богу на небесахъ въ его власть, и объявляю владѣнія его и помѣстья принадлежащими государю, отъ котораго онъ получилъ, или святой церкви, а жену его вдовою, дѣтей сиротами“.

Непокорнаго начинали преслѣдовать во всѣхъ концахъ Европы, гдѣ только были тайныя судилища, а были они вездѣ, и, рано или поздно, жертва не ускользала отъ рукъ неумолимыхъ и падала подъ ударами кинжала или удавливалась петлею — привилегированнымъ способомъ казни. Въ знакъ правосудія тайнаго судилища, около трупа втыкали кинжалъ, и всѣ съ ужасомъ бѣжали отъ этого грознаго символа, оставляя трупъ въ добычу звѣрямъ и птицамъ.

Гдѣ глубокая пещера, въ которой стояли орудія инвизиціи? Гдѣ же допрашивали и подвергали пыткамъ? Гдѣ самъ епископъ давалъ судъ и расправу? Гдѣ было отдѣленіе тайнаго судилища? Гдѣ стоялъ караулъ? Глухія подземелья аренбургскаго замка сохранились хорошо, а между тѣмъ, при осмотрѣ ихъ, я не могъ добиться ничего положительнаго о настоящей

исторіи этого подземелья — ветерана, пережившаго нѣсколько столѣтій. Упрекнулъ я съ досады лѣтописца Генриха Латипа, зачѣмъ онъ не шёлъ въ виду моего любопытства, и, описывая военный бытъ и характеръ эзельцевъ, не оставилъ намъ путеводаителя по замку. Впрочемъ и безъ чичерона мнѣ живо представлялось, какъ

Въ глухомъ подземельѣ, за чернымъ столомъ,
Сидѣли угрюмо монахи.
Предъ ними усердно работала палачъ....
Болѣзненный стонъ раздавался и плачь:
— То жертва стонала на плахѣ.
И взоромъ спокойнымъ слѣдили отцы,
Какъ въ воздухѣ съ свистомъ тройчатки концы
Вились и въ жертву впивались....
И брызгала кровь отъ ужасныхъ плетей
На лица и руки угрюмыхъ судей;
И изрѣдка судьи шептались.
„Довольно“ одинъ вдругъ сказалъ палачу.
И, молча, поправивъ свою епанчу,
Какъ тѣнь приподнялся съ сидѣнья.
„Покайся!“ онъ жертвѣ недвижной сказалъ: —
„Покайся“, и такъ ты довольно страдаешь,
„Покайся, получишь прощенье“....
„Покайся, не то упадетъ голова“.
Но были напрасны для жертвы слова:
Ужъ жизнь отъ нея отлетѣла.
Предъ судьями молча лежало теперь,
Упершись ногами въ желѣзную дверь,
Холодное мертвое тѣло.
И молча всѣ съ мѣстъ поднялись они,
И стали шептать: „О Господь, помини
Его, Ты, въ обители рая;
Прими его душу, помилуй его“....
Молились отцы, на распятыѣ Того

(Святое распятіе стояло за чернымъ столомъ),
Кто умеръ за правду, взирая.
Во мракъ невѣжества гибли они,
Не зная, что тотъ, кого юные дни
Предъ ними сейчасъ прекратились,
За правду такую же точно страдалъ,
Съ любовью на крестъ передъ смертью взиралъ
Очами, что смертью затмились.
И молча служители трупъ унесли,
И жертву другую пытать привели....
Ужь кровью палачъ обагрился,
Всѣ сѣли опять.... а на нихъ со креста
Смотрѣли глаза, какъ живые, Христа,
И ликъ Его чудно свѣтился....
Но видѣли судьи лишь плети, да кровь,
Ихъ черствого сердца чуждалась любовь
И вѣры въ права человѣка.
Коснѣли они въ безразсвѣтной ночи —
Святые невинныхъ людей палачи,
Исчадія мрачнаго вѣка.

Въ аренбургскомъ замкѣ, особенно въ подземельѣ и сѣверовосточной баннѣ пытокъ (Pientburg), служившей городской темницей, вѣроятно пролито было много крови. Въ замкѣ и до сей поры уцѣлѣли застѣнки. Годовъ 75 тому назадъ въ одномъ изъ нихъ пріѣзжіе, кажется, дерптскіе археологи нашли замурованного рыцаря, и оставили копію рисунка, снятаго въ ту минуту, когда проломанная стѣна открыла останки плѣнника, разсыпавшагося вскорѣ отъ дѣйствія свѣжаго воздуха. Рыцарь въ полныхъ доспѣхахъ сидитъ на дубовомъ стулѣ, съ опущенными руками, съ вытанутыми ногами. Предъ нимъ столъ, на немъ кружка съ водою и кучка пыли, вѣроятно истлѣвшій хлѣбъ. Въ столѣ четки, изъ чего можно заключить, что плѣнникъ былъ католикъ. На стѣнѣ виситъ шляпа съ перомъ. Положеніе рыцаря и остатки недоконченной трапезы заставляютъ думать, что плѣнникъ умеръ отъ сильнаго яда. Посѣтителямъ замка теперь показываютъ

этотъ застѣнокъ — маленькую комнатку въ 3-мъ этажѣ недалеко отъ башни пытокъ. Входъ въ застѣнокъ, къ сожалѣнію, заложень къ чему-то дикими камнями. Въ боковыхъ каменныхъ плитахъ видны пазы, въ которыхъ были рельсы, скрѣплявшіе замуровку. Къ застѣнку ведетъ каменная въ 3—4 ступени лѣстница, замусоренная обвалившимся камнемъ. Новѣйшая завладка входной двери въ застѣнокъ устроена плохо и на скорую руку, безъ промазки щелей, такъ что я въ разныхъ мѣстахъ просовывалъ свою дорежуную палочку, которая касалась внутреннихъ стѣнъ маленькой тюрьмы. Можеть быть въ замкѣ и еще со временемъ найдутъ замурованныхъ рыцарей. Застѣнки есть еще неоткупоренные. Мой молотокъ во многихъ мѣстахъ замка выдавалъ пустоту.

Вообще же Аренбургскій замокъ далеко не представляетъ собой что нибудь въ родѣ фантастическихъ зданій, описанныхъ Вальтеръ-Скоттомъ и г-жею Радклифъ. Общее же впечатлѣніе отъ него грустное. На стѣнахъ вмѣсто архитектуры и украшеній видишь вездѣ только грубую штукатурку; все какъ-то черно, мрачно; насколько онъ высокъ и обширенъ, настолько же и пустъ. Двѣ его высокія башни и теперь наводятъ на раздумье, особенно когда въ лунную, свѣтлую ночь гуляешь по валамъ крѣпости или по темнымъ дворамъ и переходамъ замка; средневѣковій, желѣзный вѣкъ невольно возстаетъ предъ вами, какъ страшное загробное привидѣніе, и кажется, что надъ замкомъ и крѣпостью носится духъ рыцарства, духъ матеріальной силы и угнетенія народовъ, духъ ложнаго христіанства и страшной тираніи. Здѣсь, какъ и въ Шильонскомъ замкѣ на Женевскомъ озерѣ, послушайте только — что было! Что творилось чудовищнаго во имя кроткой христіанской религіи въ подобныхъ средневѣковыхъ памятникахъ, на которыхъ я и теперь смотрю съ робостью и замираніемъ сердца. Невольно приходится обратиться съ благодарностью къ нашему блаженному 19-му вѣку, какъ къ вѣку истиннаго христіанства, изливающаго на народы милостивые и равноправные законы и учрежденія. Богъ дастъ и на эзельскихъ эстовъ скорѣе прольется свѣтлый лучъ новыхъ узаконеній, и грядущія ихъ поколѣнія будутъ вознаграждены за все тяжкое угнетеніе, которое вынесли ихъ предки въ этомъ замкѣ (смотри рисунокъ № 4).

Шведы, завладѣвши въ 1645 г. Эзелемъ, для защиты и безопасности особенно отъ нѣмцевъ, обнесли замокъ крѣпостью. Карлъ XI и Христианъ

укрѣпили ее и снабдили артиллеріей. Извѣстно, что Эзель завоеванъ русскимъ оружіемъ при Петрѣ I, и что въ 1711 г., по приказанію генерала Боура, взорваны были укрѣпленія Аренсбурга. Между тѣмъ, по заключеніи Нисштадтскаго мира въ 1721 г., аренбургская крѣпость была возставлена и служила крайнимъ западнымъ оплотомъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, пока не была упразднена въ 1836 году, когда возникли укрѣпленія Бомарзунда на аландскихъ островахъ, куда переправлены были изъ Аренсбурга всѣ воинскія принадлежности, вся артиллерія и кавалерія; самая же крѣпость съ замкомъ князей, эзельскихъ епископовъ и со всѣми прочими зданіями для солдатъ и коменданта — главнаго начальника города передана во владѣніе эзельскому дворянству. При Екатеринѣ II она была возобновлена; наружныя стѣны одѣты тесаными евадратными плитами, на рavelинахъ положены особенныя плиты съ русской надписью, напр. „Зюдъ остъ рав.“, на сѣверо-западномъ входѣ въ крѣпость въ аркѣ надворотной заложена плита съ тремя буквами и годомъ: $\overset{\text{CRS}}{1645}$ (т. е. Christina Regina Savoniæ).

Крѣпость образуетъ четырехъ-угольный бастионный шанецъ 1) съ четырьмя по угламъ массивными рavelинами — наружными укрѣпленіями въ видѣ выступовъ, 2) съ наружнымъ широкимъ рвомъ вокругъ вала, 3) тремя насыпями (глазисы) впереди наружнаго крѣпостнаго рва, сливающимися съ поверхностью крѣпостнаго вала и 5) единственными сѣверовосточными воротами. Въ крѣпости прежде были казематы, обширныя пороховыя магазины, двухъ-этажныя катакомбы или селены. Внутри этихъ катакомбъ, сверху заштукатуренныхъ, а снизу и боковъ выложенныхъ гранитомъ, находятся въ стѣнахъ выемы или ниши, совершенно лишенные свѣта и чистаго воздуха. Я открылъ нѣсколько такихъ пещеръ, и нарочно вмѣсто пещерныхъ путевоодителей оставилъ для желающихъ спуститься туда большіе пещерные входы, хорошо замѣтные даже издали. Валъ крѣпостной, вышиною болѣе $2\frac{1}{2}$ сажень, устроенъ изъ дикаго камня, земли и известковой связи; снаружы онъ былъ вездѣ обшитъ плитной одеждой. И вотъ эта крѣпость съ массивными бастионами, когда-то укрѣпленная и снабженная орудіями, теперь, къ сожалѣнію, распадается по камню, разрушается *„какъ упраздненная“*. Плитная ея одежда во многихъ мѣстахъ совсѣмъ развалилась, по бастионамъ и глазисамъ вездѣ раскинуты деревья, кусты и лавочки,

что много придает ей красы. Ровъ заросъ тростникомъ и сочной травой, двухъ-ярусный валъ покрылся множествомъ полевыхъ цвѣтовъ, которые роскошно растутъ въ защитѣ отъ сѣвернаго вѣтра. Сырые казематы по стѣнамъ покрылись сталактитами. Въ 1875 г. езелское дворянство позволило доктору Мержеевскому, для устройства грязелечебнаго заведенія, снять плитную одежду крѣпости съ трехъ сторонъ за 97 рублей. Какъ дешево! Г. Мержеевскій, обдирая плиты, взялъ даже тѣ памятники, на которыхъ означены были рavelины. Крѣпость отъ этой операціи будетъ быстро разрушаться, такъ что со временемъ гор. Аренсбургъ памятникомъ Петру Великому будетъ имѣть заведеніе Мержеевского, который для этого, можетъ быть, въ верхнемъ углу восточной стороны своихъ банъ утвердилъ крѣпостную памятную плиту съ надписью: „*Зюдъ остъ рав.*“

XIV. Кладбище.

Въ 1861 г. бургомистръ аренбургскій Гуго-фонъ Боргъ за сѣвернымъ глазисомъ крѣпости развелъ общественный паркъ. При посадкѣ деревьевъ и рытвѣ канавы вокругъ парка рабочіе наткнулись на человѣчскія кости и надгробныя плиты. Кости и плиты частію перевезены были на городское кладбище, частію сложены въ паркѣ въ одной могилѣ, на которой изъ двухъ надгробныхъ известковыхъ плитъ устроены трехъ-сторонній пирамидальный памятникъ, вышиною больше сажени. Основаніе, стороны и верхъ памятника выложены ноздреватымъ камнемъ. На сѣверной сторонѣ утверждена плита съ нѣмецкой надписью о времени и причинѣ основанія памятника въ 1861 г. Могильная плита съ южной стороны съ надписью и виньеткой:

ANNO 1587 DEN 10 FEBRUARS STARE CHRISTO HAS DEM

ANNO 1588 DEN 3 APRIL 1515 TMEINSONP PETER

OTCERSGESTO

RBENUNDMEIN TOCHTER URSULA ANNO 1595 DEN 5 IVNI.

На плитѣ западной стороны я разобралъ только нѣкоторыя слова:

ANNO 1593 DEN 1 MAY STARE
IVRGEN KOCK⁽¹⁾
ANNO 1604 DEN 13 MAY STARE.

Одинъ туристъ въ 1858 г. находилъ возлѣ крѣпости разбросанными въ полѣ подобныя же надгробныя плиты. Надпись на одной изъ нихъ онъ записалъ въ свою памятную книжку:

ANNO 1593 DEN 1 MAY STARE GESKE RALVES DER SELEN
GODT GENEDICH SI.

Въ 2½ верстахъ отъ Арнсбурга находится городское древнее кладбище нѣмецкихъ рыцарей и бароновъ; на него-то и свезены кости и нѣкоторые камни съ того мѣста, которое поступило подѣ общественный паркъ; оно служить теперь и городскимъ кладбищемъ. Я ходилъ туда пѣшкомъ. Пройдя съ полверсты мощенными камнемъ улицами, очень пріятно было выдти за городъ, на просторъ, видѣть кругомъ и поля, и мельницы, и дальніе лѣса, и нѣсколько отдѣльныхъ строеній, отлично крытыхъ соломой, съ маленькими ихъ хозяйствами и огородами. Деревень подѣ Арнсбургомъ совсѣмъ нѣтъ. Земли арендуются особыми мызами; эсты живутъ въ нихъ семьями, и, какъ кажется, не нуждаются ни въ близкомъ сосѣдствѣ, ни въ малѣйшихъ требованіяхъ жизни общественной. Всѣ поля огорожены стѣнками каменными. Для этихъ стѣнъ обираютъ камни съ полей и тѣмъ самымъ очищаютъ ихъ и дѣлаютъ землю болѣе производительною.

Кладбище большое, также огорожено стѣною, съ каменными воротами, съ деревьями, кустами и зеленью, но въ безпорядкѣ; тутъ и безтолково, и не разчищено, и даже заброшено. Арнсбургъ вообще отличается во всемъ высшимъ порядкомъ, и я невольно искалъ его и тутъ. Есть фамильные

(1) Рисунки см. въ приложеніи.

большіе склепы еще рыцарскихъ временъ, съ высѣченными на камнѣ гербами 1520 года. Есть кресты каменные же, не выше аршина, вѣроятно однимъ концомъ прямо воткнутые въ землю, такіе толстые, массивные, что они должны устоять противъ времени; такой крестъ не легко разбить или своротить съ мѣста. Какое удивительное стремленіе человѣка увѣковѣчить свое имя на землѣ! И для чего? И тутъ же видно, что, не смотря на всѣ его старанія, время беретъ свое, и все, все уничтожаетъ. Всѣ эти крупные и массивные памятники минувшихъ вѣковъ разваливаются и разрушаются, потому что пережили вѣроятно самый родъ подъ ними схороненныхъ рыцарей и бароновъ, и некому ихъ поддерживать. Лѣстницы и входы поломаны, крыши, полы и потолки обвалились, точно тутъ было землетрясеніе. Гробовныя доски, восты и черепа — все перемѣшано. Крутомъ заросло все репейникомъ и сорными травами, вездѣ дикое запустѣніе, а надъ дверями высѣченный на камнѣ гербъ представляетъ какого нибудь пѣтуха, льва или оленя подъ защитою средневѣковой галебарды, которую держитъ покрытый латами оруженосецъ; онъ стоитъ до сей поры безсмѣннымъ часовымъ надъ прахомъ давно истлѣвшаго рода, давно забытаго имени! Какъ не сказать: суета суетъ, все въ свѣтѣ суета? Между могильными древними плитами попадались и болѣе свѣжіе памятники, иные были обсажены цвѣтами, и такого рода заботливость мнѣ болѣе правилась, хотя и тутъ — какое это утѣшеніе?

Русская церковь въ Арнсбургѣ и ея старинный большой колоколь.

Арнсбургская православная церковь, вслѣдствіе представленія ландтаугауптмана эзельской провинціи, фонъ-Тунцельмана, указомъ св. Правительствующаго Синода, отъ 4-го августа 1747 года, предназначена къ построенію въ первый разъ деревянная, которая и была построена въ 1748 г. на ассигнованную изъ штатсъ-конторы лифляндкой губерніи сумму — 497 руб. 96 коп. ассигнаціями, въ царствованіе Елисаветы Петровны, при преосвященномъ Симонѣ, епископѣ псковскомъ и нарвскомъ, а въ 1750 году была освящена во имя святителя и чудотворца Николая. Въ 1774 году, вмѣсто сей обветшавшей деревянной церкви, вслѣдствіе ходатайства гражданскихъ и воинскихъ чиновъ, Императрица Екатерина II повелѣла построить каменную церковь въ 11,600 р. ассигнаціями, каковая, съ благословенія Инно-

кентія, архієпископа псковскаго и лифляндскаго, и была заложена въ 1786 году, во имя того же святителя и чудотворца Николая.

Извѣстно, что островъ Эзелъ завоеванъ русскимъ оружіемъ при императорѣ Петрѣ I и что Аренбургская крѣпость съ того времени служила крайнимъ западнымъ оплотомъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, пока не была упразднена въ 1836 году, когда возникли укрѣпленія Бомарзунда, на Аландскихъ островахъ, куда переправлены были изъ Аренсбурга всѣ воинскія принадлежности; самая же крѣпость съ находившимся въ ней замкомъ князей, епископовъ эзельскихъ и со всѣми прочими зданіями передана во владѣніе эзельскому дворянству.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что русская крѣпость не могла обойтись безъ православнаго храма. Если же первыя свѣдѣнія о заложеніи православной церкви въ Аренбургѣ относятся лишь къ царствованію императрицы Елисаветы Петровны, то слѣдуетъ съ нѣкоторою достовѣрностью предполагать, что на первыхъ порахъ довольствовались временнымъ для церкви помѣщеніемъ, съ походнымъ антиминсомъ.

Во всякомъ случаѣ, первый постоянный храмъ православія въ Аренбургѣ, да и на всемъ Эзелѣ, учредился лишь во дни августѣйшей дщери державнаго завоевателя этого острова. Что же касается находящагося въ аренбургскомъ православномъ храмѣ древняго колокола, то имѣющаяся на немъ надпись гласитъ такъ: „Божією милостію и помощію святыхъ живоначальныхъ Троицы лѣта „С“ шестидесятаго, а мѣсяца сентября въ 8-й день на рождество Пресвятой Владычицы слить бысть колоколь сей при державѣ царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и при архіепископѣ великаго Новгорода и Пскова владыки (ѣ) Серапіона (ѣ) а лить мастеръ псковитянинъ Прокофій Григорьевъ сынъ колокольникъ—слава Богу, аминь“. Какимъ образомъ колоколь этотъ попалъ въ Аренбургъ, объ этомъ нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Мѣстное преданіе говоритъ только, что онъ былъ уже въ прежней деревянной церкви. По всей вѣроятности, послѣдняя надѣлена была богослужебными принадлежностями изъ ближайшихъ къ прибалтійскому краю мѣстъ, причемъ присланъ былъ въ Саремалинъ и упомянутый колоколь.

Не дивна ли судьба колокола? Отлитый въ лѣто взятія Казани (7060 годъ по Р. Х.), при державѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго,

въ упорной борьбѣ отстаивавшаго исконныя права русскаго народа на прибалтійскую окраину и созывавшій нѣкогда на молитву православныхъ чадъ святой Руси въ предѣлахъ смежной области псковской, нынѣ, волею Провидѣнія, онъ мирно благовѣствуетъ православіе въ бывшемъ стольномъ градѣ датскаго принца Магнуса, коего Грозный царь посадилъ было своимъ присяжникомъ и королемъ лежавшей у ногъ Ливоніи, оженивъ его на двоюродной своей племянницѣ, Маріи Владиміровнѣ, нашедшей послѣднее упокоеніе на милой родинѣ, въ стѣнахъ обители св. Сергія, между тѣмъ какъ супругъ ея окончилъ обильную превратностями жизнь свою въ опустѣломъ нынѣ курляндскомъ городѣ Пильтенѣ, округъ коего составлялъ древле часть епископства эзельскаго.

Не взываетъ-ли саремалинскій колоколъ сей, современникъ давно исчезнувшихъ поколѣній, вразумительнымъ для вѣрующаго сердца гласомъ: „Люди проходятъ яко тѣнь на земли! вѣчна и неизбѣма едина Вѣра Христова, лучезарно сіяющая въ церкви православнаго Востока! Какъ нѣкогда Іоаннъ IV велъ съ недругами святой Руси за прибалтійскій край упорную борьбу, погрѣхамъ его и предковъ нашихъ неудачно окончившуюся, такъ и восточное православіе, коего я служу провозвѣстникомъ на дальней окраинѣ моря варяжскаго, воинствуетъ и борется за древнія права исконнаго христіанства, не иссякннаго человѣческими мудрованіями и нѣкогда мирно водворявшася въ прибалтійскомъ краѣ, за-долго до нашествія иноплеменниковъ; воинствуетъ же и борется оно въ несомнѣнной надеждѣ, что ему провозвѣщено устами самаго Господа: „одержатъ полную побѣду и благодатнымъ своимъ свѣтомъ озарятъ языки, сѣдѣющіе еще во тьмѣ заблужденія“.

Ратуша.

Въ самомъ Арнсбургѣ изъ старинныхъ зданій остались только 1) домъ на Langstrasse съ надписью тысяча пяти-сотыхъ годовъ и 2) ратуша съ надписью надъ входомъ: „Semper officium fungitur utilitati hominum et societati consulens“.

Anno MDCLXX

(1670 г.)

На печати въ ратушѣ гербъ замка представленъ нѣсколько иначе: замокъ представляетъ трехъ-этажное зданіе, одна башня кончается конусомъ, другая—зубчатой крышей; въ отпертыхъ и отворенныхъ воротахъ замка журавль, поднимающійся съ рыцарскаго шлема на воздухъ; надъ головой его двѣ вѣтки. Свѣтуемъ лѣтнимъ посѣтителемъ Арнсбурга подняться на высокую башню ратуши. Отсюда открывается прекрасный видъ на городъ, его низменныя окрестности и на море.

Дворянское собраніе (Ritterhaus).

Сюда собирается коренное дворянство Эзеля для совѣщанія о своихъ дѣлахъ и для выборовъ каждые три года на обыкновенныя ландтаги (сеймы). Здѣсь по стѣнамъ развѣшены 53 герба коренныхъ, потомственныхъ дворянъ—графовъ, бароновъ старинныхъ рыцарскихъ и другихъ, позже принятыхъ въ матрикулу дворянскихъ родовъ. Гербы расположены по важности и древности фамилій. На правой сторонѣ: 1) Толля, 2) Остенъ-Сакена, 3) графа Буксгевдена, 4) Веймарна, 5) Адеркасъ, 6) Нолькенъ, 7) Бергъ, 8 и 9) Штакельбергъ, 10) Фитингофъ, 11) Зассъ, 12) Толль, 13 и 14) Экеспаръ, 15) Бурмейстеръ, 16) Дитмаръ, 17) Моллеръ, 18) Фрейтагъ Лорингофенъ, 19) Тунцельманъ, 20) Регекампфъ, 21) Лилинфельдъ, 22) Хеллеръ, 23) Кубе, 24) Данненштернъ, 25) Люде, 26) Тизенгаузенъ, 27) Ханъ, 28) Лауенбергъ, 29) Баранова, 30) Гимельштернъ, 31) Варденбургъ, 32) Минквитцъ, 33) Струкова, 34) Бунгенъ, 35) Брефтингъ, 36) Рубушъ, 37) Стершанцъ (послѣднія 4 фамиліи вымерли). На лѣвой сторонѣ: 1) Рейнгольдъ-Буксгевденъ, епископа острова, 2) Буксгевденъ, 3) графъ Остенъ-Сакенъ, 4) Лоде, 5) Полль, 6) Гильденштубе, 7) Брюденеръ, 8) Брадке, 9) Ререшъ, 10) Курселль, 11) Зейнбушъ, 12) Пиларъ, 13) Ренненкампфъ, 14) Бартоломей, 15) Ремлингенъ, 16) Дерфильденъ. Первые мѣста занимаютъ гербы графскіе съ 9 кугелями (коронками), вторыя—баронскіе съ 7 кугелями, третьи—дворянскіе съ 5 кугелями. Кугели поддерживаются вооруженными двумя или тремя рыцарями. По сторонамъ изображены львы, журавли, медвѣди, звѣзды, рыбы, олени и т. п. Внизу гербовъ есть надписи, напр. 2-го у Остенъ-Сакенъ по русски: „Вогъ моя надежда“, 17-го у Моллера (профессора-художника): *virtute et merito*, 18-го Фрейтага:

„esto fidelis usque ad mortem“. Въ сосѣдной комнатѣ вы увидите 1) портреты ландмаршаловъ и особенно знатныхъ дворянъ: Буксгевденъ, Веймаръ, Гьлденштубе, нынѣшняго ландмаршала Экеспаръ, 2) планъ Эзеля и дворянскія имѣнія. Дворянство — высшій и господствующій здѣсь классъ, вѣстать сказать, дома чрезъ три отъ дворянскаго собранія, имѣетъ свой клубъ, почти недоступный для другихъ классовъ общества, и какъ я предполагаю, это, можетъ быть, одна изъ причинъ, по которой зарождается вѣковая ненависть классовъ между собою. Не навязывая своего мнѣнія никому, мнѣ кажется, что людей должно равнять образованіе и состояніе. Невѣжеству и бѣдности никогда не будетъ мѣста рядомъ съ людьми воспитанными и богатыми. Когда случай приведетъ познакомиться съ человѣкомъ ученымъ или замѣчательнымъ, чѣмъ бы то ни было, даже богатствомъ, кому въ свѣтъ въ ужъ предеть спросить: „не былъ ли Римъ спасенъ его предками“? А бѣдному чловѣку неловко самому между людьми высшими по состоянію: не затворите же предъ нимъ дверей, онъ самъ въ нихъ не войдетъ. Его благородныя гордость вынесетъ скорѣе и лишене и нужду и отсутствіе общества, чѣмъ одинъ взглядъ укоризны за его бѣдность. Въ большихъ городахъ, особенно въ столицахъ, такого рода учрежденія не производятъ зависти и злобы, потому что громадность населенія и безъ того раздроблена на сотни кружковъ, даже между самыми классами, въ которыхъ должны неволью проявлять мелочныя страсти и притязанія, а въ провинціальныхъ городахъ они ссорятъ не на шутку, и отнимаютъ у провинціальной жизни легчайшее средство приводить все свое общество постепенно къ общему уровню, и гдѣ въ главѣ своихъ лучшихъ представителей и сближая всѣхъ другихъ членовъ, какъ по состоянію, такъ и по образованію. Я, къ счастью или несчастью, провелъ одинъ вечеръ въ обществѣ бароновъ и рыцарей, и предполагаю, что произвелъ на нихъ тоже самое первое впечатлѣніе, что они на меня — людей благородныхъ и воспитанныхъ. Удивляло меня только, что никто изъ нихъ не говоритъ по-русски. Но гдѣ же имъ, впрочемъ, и научиться по-русски? въ школахъ и гимназіяхъ въ Арнсбургѣ даже русскую грамматику учатъ по нѣмецкому учебнику. Французскій языкъ также мало въ употребленіи, но французскія книгъ достать еще можно, тогда какъ русскихъ ни одной. Ихъ надо выписывать изъ Петербурга. Когда за границей случается столкнуться съ русскими нѣмцами, они вездѣ съ гордостью

называютъ себя русскими, опираясь на это могучее слово и драпируясь въ него, какъ въ классическую римскую тогу, — почему же эта холодность — къ русскому, у себя дома, въ Россіи? Какъ бы имъ, кажется, не желать слянія болѣе тѣснаго съ тою громадною семьей, которая растетъ и крѣпнеть, опираясь на все болѣе благія и равноправныя учрежденія, а возможное ли это дѣло безъ знанія русскаго языка наравнѣ съ нѣмецкимъ?

XV. Аренбургскій музей и раскопка кургановъ на о. Эзелѣ.

Въ Остзейскомъ краѣ есть свои ученые общества, основаны обширные музеи, куда стекаются драгоценныя антропологическіе и этнографическіе матеріалы, возникли изданія, спеціально посвященныя археологій, напр. въ Ригѣ „Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи прибалтійскаго края“, изд. редакторомъ „Рижскаго Вѣстника“ Чепихинымъ. Въ Дерптѣ при университетѣ есть: 1) *музей искусствъ*, заключающій въ себѣ собраніе монетъ и медалей, картинную галерею, собраніе гравюръ и литографій, а равно и книгъ съ гравюрами и артистическими изданіями; дактиліотеку, собраніе разныхъ гипсовыхъ отливокъ египетскихъ и греческихъ древностей изъ камня и металла. Въ музей еще въ 1860-хъ годахъ было 18,000 номеровъ, цѣною въ 30,000 р. сер. 2) *Этнографическое собраніе*. 3) *Центральный музей отечественныхъ древностей*, въ немъ до 5,000 №№. 4) *Эстонское ученое общество*, имѣющее цѣлью изученіе языка, исторіи, литературы эстонцевъ. Свои ученые труды это общество издаетъ въ „Запискахъ“. Въ Ригѣ есть: 1) литературное общество для латышскаго языка, открытое въ 1827 году, 2) общество для изслѣдованія исторіи и древностей балтійскаго края, основанное въ 1834 г. съ цѣлью способствовать распространенію и сохраненію всего относящагося къ исторіи и древностямъ трехъ остзейскихъ провинцій. Общество это имѣетъ библіотеку, различныя собранія и музей.

На о. Эзелѣ, именно въ Аренбургѣ, еще въ 1818 году основано ученое эстонское общество (*Esthnische Gesellschaft*) съ цѣлью изучать и разработывать эстонское нарѣчіе и древности острова. У этого общества нашлись даже силы и средства для созданія особаго эзелскаго музея ан-

тропологиі и этнографіи. Въ музеѣ всѣхъ предметовъ 688, преимущественно найденныхъ при раскопкѣ могилъ, кургановъ и городищъ на о. Эзелѣ, Монѣ и Даго. Далѣе это собраніе пополнялось покупкой, приношеніями особенно гг. Фрейтлингъ, Фрейтагъ, Зейнбушъ, Адеркасъ, Моллеръ и др. Г. Фрейтлингу музей обязанъ нѣкоторыми копіями. Главная цѣнность собранія заключается въ томъ, что 1) почти всѣ вещи найдены въ предѣлахъ только трехъ острововъ, 2) представляютъ образцы орудій каменнаго и бронзоваго вѣка и 3) составляютъ въ большинствѣ оригиналы. При музеѣ есть письменный нѣмецкій каталогъ. Въ немъ сначала перечислены чужеземные представители — предметы, прибрѣтенные, напр. въ Норвегіи, Висландѣ (каменный ножикъ, наконечникъ пика и др.), Майнцѣ (глиняная посуда), а за тѣмъ описаны эзельскіе образцы орудій каменнаго и бронзоваго вѣка. Орудія каменнаго вѣка описаны отдѣльно отъ предметовъ изъ бронзы и желѣза, другими словами все собраніе раздѣлено на двѣ большія группы: 1) орудія каменнаго и 2) орудія бронзоваго вѣка. При этомъ не имѣетъ замѣтить, что хотя нѣкоторые писатели (какъ напримѣръ Луи Фитцъ въ своемъ сочиненіи „о первобытномъ человѣкѣ“) и дѣлятъ исторію первобытнаго человѣчества на два большіе періода: 1) каменнаго и 2) металлическаго вѣковъ, но составители описанія арнсбургскаго музея, кажется, не имѣли претензіи раздѣленіемъ наличныхъ предметовъ собранія на двѣ вышеупомянутыя группы опредѣлять эпоху происхожденія орудій, а приняли это дѣленіе единственно въ видѣ удобства описанія. Описаніе сопровождалось измѣреніемъ миллиметрами, футами.

Чужеземныхъ представителей въ музеѣ	37
Предметовъ Эзеля и Мона всѣхъ	651
Орудій каменнаго вѣка	48
Именно: топоровъ	13
долотъ	16
шаръ гранитный	1
лопъ (колотъ)	1
точиловъ	3
ручныхъ жернововъ	10
формъ для литья	4

Всѣхъ предметовъ изъ бронзы и желѣза	497
Вещей для украшенія	290

Именно: а) булавокъ	21
b) брошекъ	39
c) спиралей	15
d) пряжекъ	16
e) пуговиць	2
e) крючковъ и ушко	8
f) кушаковъ	9
g) ручныхъ колець и перстней	45
h) браслетъ	18
i) шейныхъ колець и ожерелій	9
k) предметовъ для подвѣски (цѣпочки, монеты, разные орнаменты, амулеты, арабески и др.)	34
l) бусъ	12
m) сережекъ	3
n) бубенчиковъ	3
o) бронзовое колечко для одежды	1

Представителей оружія всѣхъ 62

Именно: а) наконечниковъ копій и стрѣлъ	30
b) мечей	12
c) топоровъ боевыхъ (клевцовъ)	7
d) кинжаловъ и ножей	7
e) смычковъ и другихъ частей лука	5
f) фрагментъ желѣзнаго щита	1

Вещей безъ назначенія (напр. крестъ желѣзный, обломки посуды, замки и др.)	17
---	----

Предметовъ утвари всѣхъ	42
-----------------------------------	----

Именно: а) ножницъ	4
b) ножей	13
c) ключей	5
d) замковъ	4

e) посуды	9
f) предметовъ мѣры и вѣсовъ	3
g) долотъ	3
h) ложка	1

Предметовъ сбруи всѣхъ 72

Именно: a) цѣпочекъ	21
b) удиль, крючковъ и колець узды	20
c) принадлежностей отъ грудной и спинной конской сбруи	13
d) шпоръ	14
e) стрежень	4

Минералогическій характеръ каменныхъ орудій не отличается разнообразіемъ: за исключеніемъ кремневыхъ предметовъ, остальные орудія каменной эпохи выдѣланы изъ различнаго рода сланцовъ — глинистаго, известковаго, песочнаго. Встрѣчается также незначительное количество вещей изъ гранита, шифера, флинкса. Вообще каменные орудія характеризуются не столько матеріаломъ, сколько своею наружною формою; относительно послѣдней или точнѣе типовъ каменныхъ орудій въ каталогъ можно различать военные топоры съ широкимъ рѣжущимъ краемъ прямымъ, полукруглымъ, кругообразнымъ, съ отверстіемъ или безъ отверстія для топора или рукоятки, красиво отдѣланные и гладко полированные. Оригиналы топоровъ (№ 1 и 2) взяты въ Дерптскій музей, а здѣсь только копи съ нихъ. Топоръ съ отверстіемъ просверленнымъ (№ 7) найденъ съ бронзовыми вещами во время паши на о. Монъ недалеко отъ церкви. Замѣчательнъ топоръ двойной подъ № 11, съ кругообразными концами, найденный въ Гирмуствѣ въ 1869 г. Формы для литья (32—35 №№) женскихъ украшеній найдены вмѣстѣ съ другими бронзовыми и желѣзными вещами въ саду г. Отто Нолькенъ, въ двухъ верстахъ отъ Заль. По мѣстонахожденію каменныхъ орудій имѣютъ представителей съ о. Мона, его крѣпостнаго вѣдѣностей Зундвара, Вахтааста, Меннико, съ о. Эзеля, изъ Кармельской, Пейдеской и др. крестьянскихъ горъ Карриса, Мустеля, Гирмуста, Регель, Рандеферъ, Хаукулъ и др.

Бронзовыя орудія не представляли затрудненія по отношенію къ вѣ-

теріалу, изъ котораго онѣ сдѣланы, хотя нужно замѣтить, что въ значительное собраніе вошли оригиналы изъ бронзы, желѣза, серебра и вообще металла. Относительно формы и назначенія орудій здѣсь можно найти большое разнообразіе; кромѣ предметовъ домашней утвари и украшеній — колець, серегъ, браслетъ и т. п., музей въ числѣ бронзовыхъ орудій представляетъ топоры широкіе и короткіе, мечи, ножи, кинжалы, наконечники копій и стрѣлы. Особенно замѣчательны по орнаментамъ кольца, перстни и кинжалы. Подъ № 43 (b) напр. бронзовый перстень съ печатью; діаметръ его 23 мм.; около печати на верху 14, внизу 5 мм., толщина 3. Печать украшена листьями; на 8-гранномъ ея щитѣ, который 14 мм. ширины, изображено горящее пламенное сердце, съ двумя стрѣлами, проходящими съвозъ него. Пластинка, гдѣ печать, спаяна. Найденъ въ 1872 г. на Кармельскомъ полѣ. Тамъ же найденъ кинжалъ (№ 1 букв. д), висѣвшій на цѣпочкѣ въ срединѣ человѣческаго корпуса. Ножанья ножны обдѣланы были бронзой. Такой же кинжалъ описанъ у Крузе въ табл. 11 № 4. По мѣсто-нахожденію бронзовыя украшенія и оружія имѣютъ представителей изъ Килькона, Удоферъ, Перзамъ, Заль, преимущественно же Кармель, Вольде, Пейде, Бергель, о. Монъ и Даго. Въ описаніи, къ сожалѣнію, не обозначены волость, разстояніе отъ Аренсбурга или села. Описывая мѣру, мѣсто-нахожденіе, насколько сохранились находки, составитель часто не означалъ вѣсъ, не указывалъ на вещество, изъ котораго сдѣланы предметы, и ихъ назначеніе. Въ каталогѣ перечисляются между топорами долота, между долотами топоры, между жерновками опять топоры и т. д. Въ отдѣлѣ „вещи безъ назначенія, изъ бронзы и желѣза“ описаны предметы домашней утвари, напр. посуда. Описывая орудія каменнаго вѣка отдѣльно отъ предметовъ бронзы и желѣза, составитель въ концѣ каталога принялъ другую систему географическую, т. е. предметы расположилъ по мѣсту ихъ раскопки, напр. въ Пильскомъ курганѣ. Здѣсь перечислены находки по курганамъ.

На о. Эзелѣ и Монѣ раскопано нѣсколько десятковъ кургановъ. Раскопки эти произведены были въ 1865—1880 г. Учитель аренбургской гимназіи г. Гольцмейеръ въ 1880 г. въ отдѣльной брошюркѣ (Osiliana, въ 40 страницъ) представилъ отчетъ объ этихъ курганныхъ раскопкахъ на о. Эзелѣ и Монѣ. При описаніи имъ была принята система географическая,

т. е., послѣ описанія раскопки извѣстнаго кургана, перечислены всѣ найденные въ немъ предметы.

А. КУРГАНЫ НА О. ЭЗЕЛЪ.

1) Курганъ въ Ладьялѣ.

На дорогѣ, ведущей въ Зонла и прилегающей къ имѣнію Ладьяль, въ 1866 г. въ большой хрящевой ямѣ найденъ былъ на значительной глубинѣ скелетъ въ сидячемъ положеніи. При немъ былъ мечъ, лежавшій такъ, что рукоятка приходилась между колѣнъ, а остріе между ступнями. Желѣзные клиновъ длиною въ 500 мм. ⁽¹⁾, а шириною 31 мм. Онъ былъ вложенъ въ ножны изъ кожи или изъ дерева, которые, на той сторонѣ, гдѣ было лезвіе меча, были украшены двумя изящно и красиво вырѣзанными бронзовыми полосками, доходившими до самаго острія. Кромѣ того остальная часть ноженъ обложена была зубчатой, на подобіе гребня, бронзированной жесткой полоской, закрѣпленной на концахъ весьма малыми и теперь еще видными бронзовыми штифтиками. Костяная рукоятка была вынута изъ земли уже растреснувшаяся. Матеріаль ноженъ совсѣмъ уже сгнилъ. По величинѣ и виду онъ вполне соответствуетъ описанному у Крузе въ „Nescolivonica“ табл. 8 ф. 2. Изображеніе здѣсь описаннаго меча помѣщено въ т. I, ф. 5.

2) Курганы въ Пилѣ.

Первый курганъ.

Возлѣ имѣнія Пила, по направленію къ Еукиллу, на скотномъ луѣ находится цѣлая мѣстность, покрытая курганами, всегда привлекавшая вниманіе собирателей и изслѣдователей древностей; поэтому тамъ курганы тщательно изслѣдованы и, вѣроятно, не одинъ разъ.

Первый курганъ, открытый въ 1868 г., казалось, былъ нетронутымъ. При внутр. діаметрѣ въ 8 футовъ онъ содержалъ въ себѣ каменное сооруженіе изъ гранитныхъ обломковъ, діаметръ которыхъ доходилъ до 3 футовъ. Внутри его лежали безъ всякаго порядка одинаковые камни, глубина

(1) Мм. означаетъ миллиметръ.

вадшіеся въ землю; между ними лежали меньшіе; здѣсь скорѣе всего можно предположить каменную крышу. Подъ этими камнями показалась земля, смѣшанная съ золою и кусками угля, на глубину $\frac{1}{2}$ фута. Въ этой-то ямѣ и находилось 20 слѣдующихъ предметовъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка:

1) Желѣзн. остріе метательнаго копья. Длина влагалища 30 мм., ширина 16; длина вѣшной поверхности 103 мм., ширина 37 мм. Тамъ, гдѣ поверхность соприкасается съ влагалищемъ, идутъ 3 кольцеобразныя возвышенія вокругъ замыкаемаго ими влагалища. Хорошо сохранилось.

2) Бронзовая пряжка; отлично сохранилась, хорошей закалки, почти круглая, внутр. діаметръ 44 и 40 мм. Пугови, шир. 9 мм., украшены углубленіями: противъ этихъ углубленій, при ширинѣ пряжки въ 15 мм., насажено змѣеобразное украшеніе витое, длиною 35 мм.; отъ него до пуговинокъ кольцо украшено простою гравировкой. Шпенекъ широкимъ концомъ сообщается съ серединой пряжки, посредствомъ расходящихся двойныхъ линій (табл. I, фиг. 1, въ $\frac{1}{2}$ натур. величины).

3) Бронзовая пряжка самой простой формы, немного согнута; овално-внутреній діаметръ 38 и 28 мм. Шпенька нѣтъ.

4) Бронз. спираль изъ 15 оборотовъ, ширина 6 мм.

5) Обломокъ бронз. браслета; длина 31 мм., ширина 25 мм.; украшенія, обыкновенно выгравированныя, вслѣдствіе сильнаго окисленія, почти незамѣтны; выпрямленъ.

6) Бронзовое остріе кинжала или меча, вполне похожее на фиг. 4, табл. 15, у Вера (Ливонскіе курганы).

7) Обломокъ бронз. шейнаго кольца, составленнаго изъ 2-хъ проволокъ, отъ 2—3 мм. толщины. Длина 107 мм. Похожъ на ф. В, табл. 3 у Крузе.

8) Половина оправы (какъ бы кушака), изъ массивной бронзы, длина 50 мм., ширина 18 и толщина 6. На выпуклой поверхности находятся 5 паръ ромбическихъ косоугольныхъ углубленій; удалены другъ отъ друга на 6 мм. Вокругъ этой выпуклой поверхности, по нижнему краю, находятся 5 маленькихъ колечекъ. Внизу гладкой стороны находятся 2 штифта, длиною 9 мм. и шириною 5 мм.; къ концу длины оправы прикрѣплены 2 штифа, діаметръ которыхъ 6 мм.

9) Обломокъ бронзоваго браслета, дл. 52 мм., почти прямой, сдѣланъ изъ проволоки, толщ. 3 мм. и шириною 6. Браслетъ этотъ внутри гладокъ, снаружи со вкусомъ украшенъ кругомъ гравировкой.

10) Обломокъ бронз. браслета, круглый, толщиной почти 6 мм., изъ гладкой проволоки. Длина 78 мм.

11) Серебряная брошка круглая, внутр. діаметръ 16 мм.; тонкое, вдающееся во внутрь кольцо, имѣетъ въ ширину 4 мм.; не хватаетъ 4-й части кольца и шпенька.

12) Серебр. перстень, состоящій изъ полоски, толщиной 1 мм., шириной 6 мм., имѣющій на внѣшней сторонѣ весьма простое гравированное украшеніе; разломанъ на двѣ части.

13) Желѣзное кольцо; толщ. 6 мм., діаметръ 75 мм.; виситъ на ушкѣ, которое вверху, на мѣстѣ прикрѣпленія двумя гвоздиками, представляетъ бляху, шир. 31 мм., толщиной въ 1 мм. Бляха эта внизу, гдѣ привѣшено кольцо, суживается до 3 мм., а утолщается до 4 мм.; длина ушка 63 мм.

14) 18 бронз. колечекъ, 2 маленькіе и сильно заржавѣвшіе обломки спирали и 2 обломка бронзовыхъ цѣпочекъ, звенья которыхъ состоятъ изъ 2 колечекъ; одинъ обломокъ состоитъ изъ 5 звеньевъ, другой изъ 3 звеньевъ.

15) Бронзовое кольцо; внутренній діаметръ 40 мм., ширина 6 мм.

16) Бронзовый обломанный перстень; спираль изъ проволоки, шириною 3 мм., внутри плоской, снаружи закругленной, имѣетъ 3 оборота; теперь діаметръ = 16 мм.

17) Брошка, подобная № 11. Сломана на 3 части, но со шпенькомъ.

18) Желѣзный топоръ, длиною 132 мм., высота отверстія для рукоятки 37 мм., высота лезвія 21 мм. Діаметръ отверстія 34 и 21 мм.; самая малая ширина по срединѣ 15 мм.; теперешняя длина лезвія, сильно загнутаго внизъ и весьма остраго, 82 мм., первоначальная, вѣроятно, 100 мм. По отверстию и лезвію очень похожъ на изображенный у Бринъ въ табл. I-й; очень хорошо сохранился.

19) Желѣзный топоръ, самой обыкновенной формы, длина 119 мм.; длина мало заостреннаго лезвія 82 мм.; высота сильно испорченныхъ рукоятки 37 мм.

20) Буфическая монета; имѣетъ 3 отверстія отъ края до того мѣста.

гдѣ привѣрѣлась къ другимъ украшеніямъ; одна сторона немного обломана. Г. Гольцмейеръ точно и съ увѣренностью признаетъ ее за описанную Ганзеномъ подъ № 7, на которой онъ прочиталъ: „Cusus jussi Emiri Samanidae Ismail (filii Ahmed) anno 282=895,3 in urbe Schasch, Chalifa Mutassed Billah“.

Второй курганъ.

Онъ находится тамъ же, гдѣ и вышеупомянутый первый; относительно его возникновенія и состоянія, въ которомъ онъ былъ найденъ мною, можно сказать тоже, что о предыдущемъ. Онъ также былъ изслѣдованъ въ 1868 г.; заключалъ въ себѣ слѣдующіе предметы:

1) Бронзов. оправа. Нельзя опредѣлить, къ чему принадлежала; на тоненькой бронзовой полоскѣ, длин. 100 мм., шириною 13, частью свернутой въ трубку, находится по срединѣ одного края бронзовый кусокъ, діаметръ 15 мм. и толщ. 2 мм., въ которомъ сдѣлано круглое, въ 5 мм. ширины, отверстіе.

2) Неопредѣленный кусокъ желѣза. 4-хъ гранная, въ 150 мм. длины и 3 мм. ширины, согнутая на одномъ концѣ на 40 мм. желѣзная проволока, также согнута и на другомъ концѣ, такъ что обѣ части изгибовъ близки другъ къ другу; согнутый конецъ почти по срединѣ всего куска свернуть въ кольцо, съ діаметромъ въ 4 мм.

3) 2 обломка глинянаго сосуда, ббольшій (вышина 57, ширина 64, толщина 4 мм.) есть кусокъ отъ верхняго края сосуда; судя по изгибу края, сосудъ на верху былъ по окружности приблизительно въ 225 мм.; второй, мѣншій, выломанъ изъ середины; глина смѣшана съ довольно крупнымъ пескомъ и слабо обожжена. Внѣшняя плоскость сосуда довольно шероховата.

4) Желѣзное остріе дротика, вполне похоже на № 1 перваго кургана, съ тою только разницей, что недостаетъ 3-хъ кольцеобразныхъ возвышеній между внѣшней поверхностью и влагалищемъ. Длина 158 мм.; сильно заржавѣло.

5) Бронзовая игла отъ одежной шпильки. Длина 75 мм.

6) Маленькое желѣзное кольцо, внутренній діаметръ 6 мм.; въ немъ

находилась согнутая бронзовая полоска съ концами, скрѣпленными помощью шпенька. Длина полоски 16 мм., ширина 13 мм.

7) Половина бронз. кольца, внутренній діаметръ 46 мм.; кольцо состояло изъ проволоки, толщиною въ 6 мм.; его верхняя сторона совсѣмъ закруглена, а на нижней, плоской, находится нѣсколько возвышеній, должно быть, сломанные шпеньки.

8) Бронзовая полоска, дл. 40 мм., ширина 9; на одной сторонѣ видны 3 шпенька, толщ. 1 мм.

9) Желѣзная дубина (палица), сломанная и сверху и снизу, длиною въ 50 мм., шириною вверху 17, внизу 12. Толщина вверху 12, внизу 6 мм. Сильно заржавѣла.

10) Обломокъ шейнаго или груднаго украшенія, состоящій изъ желѣзнаго, въ 2 мм. толщиною, кольца, со внутреннимъ діаметромъ въ 16 мм.; на одной сторонѣ представляетъ оно какъ бы 3 желѣзн., въ 65 мм. длины, палочки, на обоихъ концахъ имѣющія крючки, которыми вдѣвались въ кольца. Между крючками палочки эти тѣсно обиты бронзовой проволокой, толщиною въ 1 мм. Въ крючкахъ, удаленныхъ отъ перваго кольца, видны остатки другаго кольца. Противъ 3-хъ прикрѣпленныхъ къ кольцу палочекъ находится еще другая желѣзная, также крючкомъ къ кольцу прикрѣпленная, длиною до 60 мм., свитая изъ двухъ желѣзныхъ проволокъ, толщ. въ 2 мм. Второй крючекъ этой палочки отломанъ. Къ этому украшенію принадлежитъ также еще одна, сломанная, обернутая бронзовой проволокой, палочка, длиною 40 мм.; оба крючка ея сломаны.

11) Желѣзный бубенчикъ. Петелька отломана, также одна изъ 4 копастей въ концѣ отломана. По формѣ соответствуетъ изображеннымъ у Брузе на табл. III. G и H. Сильно заржавѣлъ.

12) Головка одежной бронзовой шпильки 13 мм. длиною, вогнутая въ формѣ полушарія; внутренній діаметръ нижняго края 21 мм. Головка вогнута на 2 мм. Отъ прикрѣпленной къ головкѣ иглы остался кусокъ длиною въ 25 мм., а толщиною въ 2 мм.

13) Бронзовая пряжка, толщиною 46 мм., шириною 34 мм., совершенно одинакова съ описанной въ каталогѣ Гартмана, табл. 8, 24. Здѣсь недостаетъ шпенька и средняго прутика, на которомъ шпенецъ держался.

14) Желѣзный топоръ, дл. 95 мм., теперь вышина сильно загнутаго

внизъ лезвія 57 мм.: оно въ одномъ мѣстѣ очень остро, такъ что первоначальная длина лезвія могла доходить до 88 мм. Отверстіе, вообще весь топоръ, имѣють ту же форму, что и № 18 перваго кургана, однако въ меньшихъ размѣрахъ. Внешняя поверхность здѣсь описаннаго топора сильно заржавѣла.

15) Бронзовые куски спиралей, весьма незначительные по ширинѣ, въ разрѣзѣ 3 мм.; длина самаго большаго обломка 32 мм.

16) 5 бронзовыхъ жемчужинъ, изъ нихъ наибольшая по формѣ соотвѣтствуетъ стеклянной жемчужинѣ, описанной у Гартмана въ его каталогѣ подъ № 49 табл. 3, съ той только разницей, что размѣры нашей больше, причѣмъ отверстія имѣють сглаженные края. Длина 15 мм., ширина 19; діам. отверстія 8 мм. Вторая вполне соотвѣтствуетъ ф. 30 табл. 13 каталога Гартмана. Длина 9 мм., толщина бронзы 2 мм., діаметръ отверстія 7 мм. Остальные 3 равны другъ другу, длина 5 мм., ширина 9 мм., діаметръ отверстія 7 мм. Всѣ четырехъ-угольныя со скошенными углами. См. табл. I ф. 2.

17) 3 куска бронзовой цѣпочки; большій изъ нихъ былъ въ свою очередь разломанъ, но опять соединенъ помощью маленькихъ желѣзныхъ колець. Колечки не всѣ равны; діаметръ ихъ средній — 9 мм.

18) Бронзовая цѣпочка, составленная изъ двухъ кусковъ, длиною около 75 мм., каждое звено состоитъ изъ 2-хъ колечекъ съ діаметромъ въ 8 мм. При этомъ къ одной сторонѣ привѣшенъ кусокъ въ 58 мм. длины, вначалѣ очевидно принадлежавшій къ № 17. На другой сторонѣ привѣшены къ болѣе крѣпкой цѣпочкѣ 4 звена, состоящія изъ одного кольца каждое; затѣмъ вѣдѣто маленькое бронзовое колечко, держащее въ свою очередь 2 желѣзныхъ кольца, висящія одно на другомъ. Всѣ связи отдѣльныхъ крючковъ закрѣплены между собой помощью желѣзныхъ колець, шириною въ 20 мм.

Третій курганъ.

Въ 1872 году въ Пилѣ изслѣдованы г. Гольцмейеромъ нѣсколько кургановъ, въ той же мѣстности находящихся, гдѣ и прежніе. Добыча была незначительна, но интересна въ томъ отношеніи, что найденъ былъ

глиняный черепокъ, давшій, вмѣстѣ съ другими, возможность представить формы цѣлаго сосуда. Профессоръ Брузе нашелъ курганы еще нетронутыми и могъ поэтому опредѣлить вышину найденныхъ имъ сосудовъ въ 1 футъ; у его сосудовъ орнаментальныя линіи тѣже, что и на найденныхъ г. Гольцмейеромъ обломкахъ. Все это, а также то, что найденные черепки даютъ возможность опредѣлить видъ краевъ и мѣру широкой части сосудовъ, помогло г. Гольцмейеру, при участіи горшечника Фрейндлиха, работавшаго съ замѣчательной добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, представить формы трехъ сосудовъ, находящихся въ коллекціи Эзельскаго Общества, а также въ Дерптскомъ музеѣ. См. табл. I, ф. 3 и 4 (въ $\frac{1}{8}$ натуральной величины). Тамъ найдены:

1) Обломокъ глинянаго сосуда отъ верхняго края. Длина по краю 60 мм., внизу 40 мм., ширина 41 мм., толщина 4 мм. Цвѣтъ этой грубой и мало обожженной глины черно-сѣрый. Діаметръ этого сосуда на верхнемъ краю, вѣроятно, доходилъ до 120 мм.

2) Тоже изъ мягкой, тщательно обожженной глины; принадлежалъ къ той части сосуда, гдѣ горлышко переходитъ въ выпуклость. Переходъ этотъ замѣтенъ по сильно выдающемуся, угловатому краю. Немного ниже находятся орнаментальныя линіи. Затѣмъ идутъ 3 круговыя линіи, параллельно другъ къ другу на разстояніи 2 мм.; еще ниже, на томъ же разстояніи, идутъ 2 зигзагообразныя линіи; подъ ними опять 4 параллельныя линіи. Углубленіе всѣхъ линій равняется 1 мм. Длина обломка приблизительно 40 мм., вышина 35—50 мм., толщина 5 мм. Цвѣтъ коричнево-сѣрый.

3) Обломокъ бронзоваго шейнаго, или ручнаго ожерелья, длиною въ 90 мм., согнутый подъ прямымъ угломъ и свитый изъ 3-хъ проволокъ, толщиною въ 2 мм.

4) Обвитая бронзовою проволокою желѣзная палка, одинакова по частямъ № 10 изъ 2-го Пильскаго кургана.

5) Бронзовое кольцо, толщиною въ 3 и 4 мм., внутренній поперечникъ 30 мм.; совершенно гладкое.

6) Бронзовый обломокъ. На бронзовомъ кольцѣ, толщиною 2 и 3 мм., виситъ бронзовая же полоска, длиною 110 мм., шириною 8 мм. и толщиною 1 мм.; загнута такъ, что равныя концы отстоятъ другъ отъ друга на 3 мм.; они нѣсколькими гвоздями прикрѣплены другъ къ другу. При

помощи двухъ отверстій кольцо проходитъ черезъ обѣ лопасти возлѣ соединенныхъ концовъ.

3) Курганъ въ Клаусгольмѣ,

Старинное Клаусгольмское кладбище имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и кладбище между Пилой и Букиль, т. е., курганы въ обоихъ мѣстахъ одинаковы и въ такомъ же состояніи. Большинство изъ нихъ уже раскопано и даже тѣ, которые по внѣшности кажутся нетронутыми, при разрытіи доказываютъ противоположное. При изслѣдованіяхъ Крузе они нерѣдко раскапывались крестьянами, тѣмъ болѣе, что въ нихъ часто находили золотыя монеты и украшенія изъ серебра. Остальное при изслѣдованіи было разломано, снова брошено въ яму и закрыто камнями. Со временемъ дернъ опять выросталъ и внѣшній видъ кургана дѣлался сходенъ съ первоначальнымъ. Остался ли хоть одинъ клаусгольмскій курганъ нетронутымъ, могло доказать только внутреннее состояніе. Раскопавъ неудачно 3 кургана, наконецъ нашли четвертый еще нетронутымъ. Могила эта была обложена такъ, что внутри кольцеобразной оправы, съ діаметромъ въ 9 фут., составленной изъ гранита, толщиною въ $1\frac{1}{2}$ или 3 фута, былъ сильно истлѣвшій отъ огня трупъ. Вещи здѣсь найденныя, показываютъ, что и онѣ были въ огнѣ, ибо по этой причинѣ онѣ частью испорчены, частью совсѣмъ исчезли. На этомъ пострадавшемъ отъ огня мѣстѣ положены были камни, діаметромъ отъ 2 до 3 фут., между которыми находились еще меньшіе; такимъ образомъ и здѣсь образовался родъ каменной крыши. Открытъ этотъ курганъ въ 1874 году. Здѣсь найдены:

1) Бронзовое кольцо на палецъ; въ окружности длина 17 мм. Одинаково по формѣ съ № 11 табл. 11 каталога Гартмана.

2) Половина такого же кольца.

3) Кольцо на палецъ изъ бронзовой спирали; поперечникъ 15 мм.; совершенно одинаковое съ № 2 табл. 11 каталога Гартмана, гдѣ также конецъ спирали отломанъ.

4) Обломокъ ручнаго и шейнаго кольца бронзоваго, немного согнутаго и свитаго изъ 3 проволокъ. Длина 65, толщина 5 мм.; совершенно одинаковъ съ № 3 третьяго кургана въ Пилѣ.

5) Удила желѣзныя, не цѣлыя; состоятъ изъ 4-хъ частей; изъ нихъ каждая такъ свита изъ желѣзной проволоки, толщиной въ 2 мм., что въ серединѣ образуются 4 косыхъ оборота; на концахъ каждой части находится почти круглый крючекъ, къ которому въ свою очередь придѣлана слѣдующая часть; длина отдѣльныхъ звеньевъ отъ 36 до 43 мм. Ширина крючковъ 12 мм. На одномъ концѣ цѣпочки находится желѣзное кольцо, толщиной 3 мм., съ внутреннимъ діаметромъ въ 9 мм. На другомъ концѣ виситъ желѣзное кольцо, толщиной въ 5 мм., съ внутреннимъ діаметромъ въ 6 мм.; къ нему прицѣплено еще бронзовое кольцо, толщиной 3 и внутреннимъ діаметромъ 19 мм. Длина всего куска 184 мм.

6) Бронзовое кольцо отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 мм. толщиной; внутренній діаметръ 16 мм.

7) 8 бронзовыхъ колечекъ, толщиной въ 1 мм., внутренній діаметръ 5 мм. Такихъ колечекъ въ этомъ курганѣ было большое количество, но уже разломанныхъ.

8) 17 бронзовыхъ спиралей; самая длинная имѣетъ 33 мм. съ 28 оборотами. Внутренній діаметръ 3 и 4 мм.

9) Обломокъ бронзоваго браслета, шириною 36 мм., длиною 30 мм. Немного выпуклъ, украшенъ 3-мя вѣзанными желобками, шириною въ 1 мм.

10) Бронзовый слитокъ, получившійся отъ расплавленныхъ бронзовыхъ вещей.

11) Оправа ноженъ меча или кинжала, вѣзанная и согнутая изъ бронзированной жести, толщиной въ 1 мм.; на краяхъ соединена помощью гвоздочковъ, и теперь еще замѣтныхъ (см. въ табл. I, ф. 5, въ $\frac{1}{2}$ натур. величины).

12) Бронзовая пряжка отъ ремня безъ шпенька, по формѣ сходна съ № 12 табл. 3 каталога Гартмана, только на описываемой пряжкѣ оправа ременная гладка и сама пряжка украшена; шпенежъ былъ прикрученъ къ самой пряжкѣ, но къ находящемуся передъ пряжкой кольцу; длина оправы ремня 41 мм., ширина въ концѣ 18 мм. Длина пряжки 40 мм., наибольшая ширина также 40 мм.

13) 4 болѣе или менѣе сломанныхъ, различной величины, попарно

спаянныхъ, бронзированныхъ жестяныхъ кусковъ. Длина наибольшаго 40, ширина 17 мм.

14) Обломокъ глинянаго сосуда, представляющій возможность реставрировать самый сосудъ; онъ изъ грубой, сильно обожженной глины, толщиной въ 5 мм., по мѣрѣ приближенія ко дну сосуда доходитъ до 10 мм. Ширина сосуда на верхнемъ реставрированномъ краѣ 85 мм., высота 114 мм. Широкая часть сосуда замѣтно расширяется, начиная съ верху, на 15 мм.; но мало суживается внизу. Величину его точно опредѣлить нельзя (см. ф. 6 табл. I, $\frac{1}{8}$ нат. в.)

4) Курганъ въ Пайомойсѣ.

Разрытъ 10 июля 1874 года г. Гольцмейеромъ. Отчетъ объ этомъ курганѣ таковъ:

При пути въ Билькондъ, на лѣво отъ ведущей туда изъ Пайомойса дороги, находится обширное поле, за заборомъ, отдѣляющимъ его отъ дороги; оно ограничено полукруглой возвышенностью, находящеюся за ригюю. Самая возвышенность, при приближеніи къ дорогѣ, постепенно понижается. По находкамъ на этомъ полѣ можно заключить, что здѣсь происходила битва между эстами и нѣмцами. Когда, 50 или 60 лѣтъ тому назадъ, рыли ровъ для фундамента риги, то найдено было 2 полныхъ рыцарскихъ вооруженія, вмѣстѣ съ принадлежащимъ къ нимъ оружіемъ; они были подарены тамошнимъ обществомъ для коллекцій. Во время стычки нѣмцы, занимая большою дугою лежащую возвышенность, отражали нападавшихъ эстовъ со стороны наклана. Всѣ вещи, находящіяся въ коллекціи „Общества розыскателей на островѣ Эзелѣ“, добытыя въ Пайомойсѣ, найдены на этомъ полѣ. За упомянутой ригюю находится холмъ, по вѣншему виду нетронутый (онъ оказался могилою павшихъ въ этой битвѣ эстовъ). Въ длину онъ имѣлъ 20 футовъ, въ ширину 10 ф. и представлялъ покрытое травой мѣсто, къ которому поднималось нѣчто въ родѣ дороги, ибо на ЮВ холма, идущаго съ ЮЗ на СВ, находится пониженіе, доходящее до 24 ф. длиною и увеличивающееся къ низу, что можно заключить изъ удобнаго подъема. Отвѣсная высота холма $4\frac{1}{2}$ фута, состоитъ изъ песку, въ обилии здѣсь находящагося. Тотчасъ послѣ того, какъ лопата нѣсколько разъ во-

шла въ землю, найдены были останки, принадлежавшіе 5 личностямъ, по всей вѣроятности, воинамъ. Продолжали копать на концѣ холма, обращенномъ къ ЮЗ, и мало-по-малу показался двойной рядъ каменнаго сооруженія, лежавшій подъ дерномъ и примыкавшій къ плоскости холма. Верхній рядъ состоялъ изъ большихъ, въ $\frac{3}{4}$ —1 фута толщины, камней, нижній изъ меньшихъ, около $\frac{1}{2}$ ф. въ толщину. Между этими рядами, въ серединѣ холма, найдены черноземъ, смѣшанный съ золой и кусками угля—признакъ бывшаго сожженія. Тутъ же показались разныя вещи эстонскаго вооруженія, рядомъ лежащія въ черноземѣ между рядами камней. Эти вещи слѣдующія:

1) Желѣзная оконечность копья, сильно заржавѣвшая; длина 230 мм., длина влагалища 120 мм., ширина 17 мм.; наибольшая ширина внѣшней поверхности 25 мм.

2) Тоже, сильно заржавѣвшее, кончикъ отломанъ; длина 210 мм., длина влагалища 120 мм., ширина 19 мм.; наибольшая ширина внѣшней поверхности 28 мм.

3) Желѣзный ножъ больше, чѣмъ обыкновенно находимые, сильно заржавѣлъ. Длина черенка 57 мм., длина языка 117 мм., ширина 20 мм., толщина 3 мм.; кончикъ отломанъ; онъ имѣетъ въ длину 26 мм.

4) Желѣзный рѣзецъ, сильно заржавѣвшій; діаметръ влагалища 35 мм., толщина желѣза на краю отверстія 5 мм.; длина влагалища 83 мм. Конецъ лезвія къ влагалищу толщиной 25 мм., шириною 35 мм. По направленію къ малосогнутому острію рѣзецъ становится тоньше и наконецъ расширяется до 53 мм. (см. табл. I, ф. 7).

5) Брусокъ, похожій по формѣ на ткацкій челнокъ — одинаковъ съ ф. 23, табл. 3 „каменныхъ древностей Остзейскихъ провинцій“. При поднятіи ряда камней, отломился кусочекъ. Длина возобновленнаго экземпляра 100 мм., ширина 46, толщина 24 мм. Сдѣланъ изъ сѣроватаго, мелкозернистаго песку. На внѣшней поверхности видны слѣды отъ точенія металлическихъ инструментовъ объ брусокъ (см. табл. II, ф. 33; $\frac{1}{2}$ нат. в.).

5) Курганы въ Курресерѣ.

За Курресеромъ, лежащимъ вправо отъ дороги въ Таггамоисъ, почти на половинѣ дороги изъ Паймойса въ Таггамоисъ, находится возвышеніе, отъ

котораго на югъ и западъ лежатъ крестьянскія поля. На этихъ поляхъ между выкинутыми изъ земли камнями лежатъ курганы. Разрывая ихъ, г. Гольцмейеръ находилъ только золу, кусочки угля и кости. Древности попадались только въ слѣдующихъ курганахъ:

Первый курганъ.

Видъ его кольцеобразный; сдѣланъ изъ камня; діаметръ $8\frac{1}{2}$ футовъ; съ сѣвера и востока камни были заложены съ промежутками; діаметръ каменной 2 фута; по устраненіи камней (въ діаметръ имѣвшихъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 фута), глубиною на 6 дюймовъ лежала земля, смѣшанная съ золою, углями и остатками костей; подъ этимъ пескомъ, смѣшаннымъ съ пепломъ, показался рѣшетъ (рѣшетка) (randud Kivwid), какъ называютъ эсты искусственное сооруженіе изъ камней, въ отличіе отъ природнаго ихъ расположенія. Въ курганѣ, къ В и З подлѣ камней, лежали вплотную черепки горшковъ; къ Ю, опять таки около камней, лежали нарядныя украшенія; на ЮЗ лежало остріе копья, на С же ничего не было. По точному описанію найденныя вещи слѣдующія:

1) Бронзовая одежная шпилька безъ иглы; видъ точно такой-же, какъ и на табл. 49, а, у Крузе. Размѣры Курреферской значительнѣе: въ вышину 70 мм. и въ ширину 76 мм. Въмѣсто трехъ концентрическихъ колець (у Крузе) головка шпильки снабжена богатымъ выпуклымъ украшеніемъ. Къ этой шпилькѣ была припаяна неуклюжая желѣзная иглка, отъ которой и теперь еще осталось 2 шпенька. Что касается украшенія, то эту шпильку можно сравнить съ ф. 1, табл. IX, у Гартмана, которая по украшенію далеко ниже здѣшней. Правая сторона немного повреждена.

2) Бронзовая вѣшалка для цѣпочекъ (см. ф. 8 табл. I) ($\frac{1}{2}$ натур. велич.).

3) Бронзовая пряжка (одинакова съ ф. 49 табл. VII каталога Гартмана) съ болѣе простымъ украшеніемъ, при чемъ на нижней сторонѣ вѣшняго края просверлены маленькія отверстія, вслѣдствіе чего на верхней сторонѣ образовались бугорки.

4) Бронзовый подвѣсокъ для цѣпочекъ (см. ф. 9, табл. I).

5) Бронзовый бубенчикъ (изображеніе у Вера, табл. X, ф. 16).

6) Желѣзная оконечность копья, остріе отломано, также—большая часть влагалища; длина всего куска 240 мм. (длина теперь безъ отломаннаго куска 140 мм.); наибольшая ширина 50 мм.; согнута назадъ.

7) Обломки глинянаго сосуда, изъ которыхъ сохранены только 3 небольшихъ, такъ какъ мелкіе не были полезны. Судя по обломкамъ, можно представить видъ всего сосуда, при чемъ внутр. діаметръ, какъ у верхняго края, такъ и у широкой части, 260 мм. и высота 50 мм. Слѣдовательно, эта была чашка (см. табл. I, ф. 10). Глина мало обожжена и чашка сдѣлана, очевидно, безъ помощи гончарнаго круга. Черепки отъ этого сосуда лежали на восточномъ краю кургана. На западной найдены обломки другаго сосуда; однако его нельзя составить въ прежнемъ видѣ.

Второй курганъ.

Мѣстоположеніе и устройство такое же, какъ и перваго, только діаметръ его по направленію отъ ЮВ къ СВ длиннѣе на 1 футъ и каменный рядъ безъ промежутковъ. На южномъ краю могилы лежали безъ всякаго порядка слѣдующія вещи:

1) Серебряная пряжка (см. табл. I, ф. 11; $\frac{1}{2}$ натуральной велич.).

2) Нарядное украшеніе изъ бронзы высеребренное для навѣшиванія. Украшеніе привѣшено къ маленькой бронзовой пряжкѣ, которой недостаетъ шпенька и пуговокъ, помощью неувязкаго, припаиваемаго къ украшенію, крючка. Толщина $1\frac{1}{2}$ мм. (Во всемъ остальномъ сравни табл. I, ф. 12; $\frac{1}{2}$ натур. величины).

3) Бронзовый браслетъ, разбитый на двѣ части, первоначальная длина 210 мм.; меньшій кусокъ, длиною въ 58 мм., на концѣ такъ согнутъ, что представляетъ трижды плотно согнутый кусокъ, и такъ какъ вещь эта была подвержена жару, то поверхности частью сплавилась. Наибольшая ширина 30 мм. По украшенію сходенъ съ ф. 12 табл. X каталога Гартнау.

4) Тоже, но безъ средней части. Одна часть имѣетъ въ длину 55 мм. другая 45 мм. Размѣры его не такъ велики, какъ у предыдущаго. Нѣсколько истершееся украшеніе, очевидно, сдѣлано тщательнѣе и съ большимъ вкусомъ.

5) Бронзовый перстень (ф. 8 табл. XI каталога Гартмана). Внутр. діаметръ 26 мм., ширина на верху 9 мм.; въ общемъ весьма массивенъ.

6) Тоже; внутр. діаметръ 20 мм., ширина на верху 9 мм. Видъ такой же, какъ и у № 5.

7) Тоже (см. ф. 12 табл. XI каталога Гартмана). Внутр. діам. 20 мм., ширина вверху 8 мм.

8) Бронзовый кольцообразный кушакъ. Обломокъ состоитъ изъ 2 частей (см. табл. I, ф. 13, $\frac{1}{2}$ наст. велич.).

Такихъ предметовъ въ коллекціи „Общества изысканій древностей острова Эзеля“ много.

9) Бронзовая жемчужина. По виду подобна найденной во второмъ курганѣ въ Пилѣ (№ 16). Длина 10 мм., толщина 4 мм., діаметръ отверстия 4 мм.

Описанная вещь подобна ф. и табл. XLIX у Крузе, какъ поддержка обоихъ колець. Такъ какъ подобныя вещи въ коллекціи, „Общества изысканій острова Эзеля“ еще меньшихъ размѣровъ, то, можно думать, что онѣ, нанизанныя на шнурокъ, служили украшеніемъ.

10) Бронзовая цѣпочка. Длина обломка 70 мм.; по устройству и величинѣ кольца подобна № 5 ганзенгофскаго кургана.

11) Бронзовая гиля. Больше всего сходна съ изображенной у Крузе (ф. 7, табл. LIV).

14) Желѣзный ножъ сильно заржавѣвшій. Длина языка и черенка вмѣстѣ 152 мм. Длина самого языка 102 мм., ширина ножа 16 мм.

6) Курганъ въ Таггамоисѣ.

Подъ каменной крышей въ черной землѣ, смѣшанной съ пепломъ и углемъ, вмѣстѣ съ бронзовыми вещами, были найдены въ 1869 г. и доставлены въ музей 4 вещи, сдѣланныя изъ лучшаго серебра:

1) Пряжка. Хранитель музея отдавалъ ее тщательно вычистить, чтобы замѣтнѣе было украшеніе, сдѣланное съ большимъ вкусомъ (см. табл. II ф. 27).

2) Изящный перстень; діаметръ 18 мм. (см. табл. I, ф. 19).

3) Изящная сережка; діаметръ 38 мм. (см. табл. I, ф. 20).

4) Выпуклая плитка съ ручкой, сквозь которую продѣто кольцо. Диаметръ 73 мм., толщина 1 мм. (см. табл. I ф. 21 а).

Такъ какъ эти серебряныя вещи лежали съ бронзовыми, то онѣ покрылись бронзовой окисью; къ сожалѣнію, бронз. вещи въ музей не попали; съ этихъ же 4 вещей есть снимки.

7) Курганъ въ Логгомѣ.

Курганъ этотъ (близъ Таггамоиса) раскопанъ лѣтомъ 1874 г. Здѣсь находился большой круглый каменный холмъ, первоначальныхъ размѣровъ котораго опредѣлить нельзя, такъ какъ при вспахиваніи примыкающаго къ холму поля было выброшено большое количество камней. Судя по состоянію внутренности, этотъ курганъ былъ открытъ раньше 1874 г. Кроме человѣческихъ останковъ, лежавшихъ такъ, что нельзя опредѣлить первоначальное положеніе трупа, и заржавѣвшаго буска отъ середины меча, здѣсь нашли еще двѣ слѣдующія вещи:

1) Желѣзное остріе копья, сильно заржавѣвшее, разломанное на 3 части, длина 332 мм., вначалѣ была, вѣроятно, больше.

2) Брусокъ съ дырой для шнурка, миниатюрной формы; длина 98 мм., ширина одного конца 21, другаго 18 мм., середины 29; толщина 10 мм.; сдѣланъ изъ краснаго, мелкозернистаго песчаника, см. ф. 31 табл. II.

В. КУРГАНЫ ОСТРОВА МОНА.

8) Курганъ въ Війракулѣ.

Недалеко отъ Монской церкви, близъ дороги въ деревню Війракулъ, на сѣверъ лежитъ песчаный холмъ, содержащій курганы. При выкапываніи картофеля и ямъ для храненія его, крестьяне уже издавна находили различныя древности, перешедшія въ собственность частью прежняго монскаго суперинтенданта Шмидта, частью дерптскаго и ревельскаго музеевъ.

Въ 1872 г. удалось отыскать въ этомъ песчаномъ холмѣ одинъ не-

тронутый курганъ. На глубинѣ четырехъ футовъ лежалъ скелетъ, головою къ СВ. Никакихъ слѣдовъ отъ обжиганія не оказалось. Вместе съ скелетомъ найдены были слѣдующія украшенія:

1) 2 бронзовыхъ браслета, лежавшихъ надъ кистью руки. Они были разломаны въ куски, однако ихъ можно было связать. У обоихъ не хватаетъ концовъ. Сдѣланы спирально, съ діаметромъ въ 53 мм., шириною 6 мм., толщиной 1 мм.; 8 оборотовъ, но безъ концовъ. Вслѣдствіе сильной ржавчины, въ одному браслету прилипъ кусокъ матеріи отъ рукава, хорошо сохранившійся, шириною въ 93 мм.; въ другомъ браслетѣ находится шнурокъ, протянутый сквозь спираль, искусно сдѣланный изъ 4-хъ дважды скрученныхъ нитей; длина 80 мм., толщина 6 мм.

2) Бронзовое ожерелье, состоящее изъ 2-хъ скрученныхъ проволокъ, толщиной каждая въ 2 мм.; на протяженіи 30 мм. отъ концовъ проволоки раскручены, должно быть для того, чтобы прицѣпить крючекъ, большая часть котораго отломана; другой конецъ оканчивается петлей, совсѣмъ отломанной; длина 330 мм.; почти въ серединѣ кольцо немного сломано и одна половина согнута.

3) Бронзовый перстень (см. каталогъ Гартмана № 8 табл. XI).

4) Бронзовая цѣпочка цѣлая; каждое звено длиною 10 мм. и овально, изъ проволоки, толщиной $1\frac{1}{2}$ мм.; симметричная и тщательная работа; сохранилась въ наилучшемъ видѣ. Длина 380 мм.

5) Бронзовая пряжка безъ шпенька (сходна съ № 11, табл. XIII, каталога Гартмана); отличается только размѣрами. Длина 40 мм., ширина у кольца 30 мм., а гдѣ владывается кушакъ 26 мм.

6) Остатки хлопчатобумажнаго платья; 6 различныхъ по величинѣ кусковъ, съ крапинками; ткань очень грубая и крѣпкая, хорошо сохранилась отъ лежавшей сверху бронзы; наибольшій кусокъ длиною 80 мм.; такой же ширины. На одномъ кускѣ находится кромка, съ частью шнурка, уже упомянутаго подъ № 1. Другой кусокъ—часть отъ шейной вырѣзки, тамъ, гдѣ она спускается къ груди, обшита бронзовыми колечками и спиральками, величиною въ 9 мм. (см. табл. XVI, ф. 14 у Вара). На меньшихъ кускахъ находятся также бронзовыя кольца; отъ другихъ кусковъ крючки и кольца отпали, но слѣды отъ нихъ остались; наибольшій кусокъ или имѣлъ складки, или же матерія случайно сложилась 3-мя рядами.

Шерстяной кусокъ, приставшій къ браслету (см. зд. № 1), той же работи и принадлежитъ одной и той же одеждѣ (для нагляднаго представленія см. ф. 30 табл. II).

7) Ключъ изъ необыкновенно твердой стали (см. табл. I, ф. 17).
Длина 60 мм.

9) Курганъ въ Ганзенгофѣ.

Когда, весной 1872 г., въ имѣніи Ганзенгофъ на Монѣ, рыли яму для фундамента, то на глубинѣ 2 футовъ въ черноземѣ, смѣшанномъ съ золой и углями, найдены были слѣдующія вещи:

1) Бронзовая пряжка безъ шпенька, по величинѣ и виду вполне соответствуетъ изображенной у Крузе на табл. III, курганъ 2, в. На этой пряжкѣ висѣли:

2) 2 бронз. спиральныхъ перстня, изъ нихъ одинъ хорошо сохранился; состоитъ изъ 7 оборотовъ, діаметръ 19 мм. Другой состоитъ изъ 4 оборотовъ; у него отломанъ конецъ; діаметръ, однакоже, такой, какъ и у перваго.

3) Бронз. пряжка (сходна по виду и украшеніямъ съ ф. 7 табл. VII каталога Гартмана). Разница въ томъ, что пуговицы углублены на 1 мм. Отъ шпенька отломанъ острый конецъ. Діаметръ 45 и 38 мм.

4) Тоже безъ шпенька; гораздо меньше и слабѣе № 3; форма одинакова; сильно окислилась, такъ что нельзя узнать, была ли она плоская или съ украшеніями.

5) 2 обложка бронз. цѣпочекъ. Одинъ длиною 50 мм.; каждое звено состоитъ изъ 2-хъ колечекъ, величиною въ 10 мм., изъ проволоки, толщиной 2 мм.; сильно заржавѣлъ. Длина другаго 63 мм., звено состоитъ изъ 2 бронз. колецъ изъ проволоки, толщина 3 мм.; ширина звена 15 мм. На одномъ концѣ ясно видны слѣды огня.

6) Бронз. кусокъ отъ ноженъ меча или кинжала; снятъ въ натуральную величину. Ширина 38 мм. (см. табл. I, ф. 22).

7) Желѣзное остріе дротика, хорошо сохранившееся. Длина 215 мм., длина влагалища 45 мм., ширина 25; ширина внѣшней поверхности 27 мм.

8) Тоже отъ копья; во всю свою длину сохранилось, но сильно зар-

жавѣло; длина 370 мм.; длина влагалища 95 мм.; наибольшая ширина вѣншией поверхности 38 мм.; 4 грани идутъ совершенно ровно.

9) Желѣзные удила (сходны съ табл. VI, ф. 2, Крузе); размѣры меньше и одна изъ среднихъ частей привѣшена къ кольцу посредствомъ изгиба, имѣющаго видъ ∞ . Длина обѣихъ среднихъ частей 65 мм.; длина кольѣна (∞) 45 мм.; диаметръ колець приблизительно 25 мм.; длина всей штуки 200 мм.

10) Курганы въ Мелла (деревня).

На пастбищѣ деревни Мелла, принадлежащей имѣнiю Гроссенгофъ на островѣ Монѣ, находится древнее кладбище, носящее у эстовъ названiе аудадеметти (холмъ погребенiя). Это названiе, равно какъ и устройство мѣстности, побудили сдѣлать тамъ изслѣдованiя въ 1874 г. Курганы лежатъ здѣсь близко одинъ отъ другаго, иногда даже совсѣмъ примыкаютъ. На разстоянiи 50 шаговъ къ СВ отъ этой мѣстности находится отдѣльная могила на окружающихъ мѣстность холмахъ. При наблюденiи холмъ погребенiя привлекъ вниманiе изслѣдователей. Диаметръ его 10 футовъ, а вышина каменной кладки 4 фута; извнѣ онъ былъ окруженъ каменнымъ кольцомъ (камни диаметромъ $1\frac{1}{2}$ ф.). Диаметръ же внутреннихъ камней—1 ф. По вынутiи камней, увидѣли слѣдующее: внутри кольца въ центрѣ лежало 4 большихъ камня, съ диаметромъ въ 2 фута, такъ положенныхъ, что между ними образовалось крестообразное пространство, шириною въ $1\frac{1}{2}$ ф. Между этими камнями клали горючiй материалъ, доверху, а на камни клали трупъ. Этотъ курганъ содержалъ также куски угля и осколки костей въ слои пепла, глубиною 2—4 дюйма, и остатки черной земли. Потасивъ огонь, опускали въ промежутокъ между камнями вещи, находимыя въ курганѣ. Частью это наряды, частью остатки военного оружiя. Онѣ были слѣдующiя:

1) 4 одежныя шпильки, всѣ длиною отъ 160 до 165 мм.; по формѣ одинаковы съ изображенными въ каталогѣ Гартмана (см. табл. IX, ф. 5), съ тою разницей, что вмѣсто находящагося въ серединѣ головки пустаго шарика, здѣсь пуговка, и такихъ пуговокъ не двѣ, а одна. Пуговка удалена отъ концовъ головки на 35—40 мм. На каждой изъ этихъ шпи-

лекъ находится бронзовое кольцо, внутренній діаметръ котораго 10 мм. На немъ висятъ, судя по хорошо сохранившемуся остатку, двѣ цѣпочки (длина ихъ въ разныхъ шпилькахъ неодинакова: отъ 65 до 110 мм.). На нижнемъ концѣ цѣпочки виситъ другое кольцо; на немъ еще цѣпочка, но длину этой послѣдней нельзя опредѣлить. Длина наибольшаго обломка цѣпочекъ 215 мм. Работа цѣпочекъ одинакова; онѣ состоятъ изъ колечекъ, діаметромъ 6 мм., сдѣланныхъ изъ бронзовыхъ полосокъ, шириною 4 и толщиной 1 мм. Эти шпильки лежали одна отъ другой на разстояніи 60 мм.; между ними были цѣпочки; пять обломковъ такихъ цѣпочекъ, изъ которыхъ наибольшій = 86 мм., лежали тутъ же, но нельзя было опредѣлить, къ какой цѣпочкѣ они принадлежатъ. Подъ только что описанными шпильками лежали другія, такъ, что головки ихъ приходились въ пустомъ пространствѣ, оставшемся между вышеупомянутыми шпильками, а именно:

2) 3 бронзовыя одежныя шпильки. Одна изъ нихъ, толщиной 3—5 мм., имѣетъ почти полукруглую пуговку, съ отверстіемъ внизу, къ которому припаяна шпилька. Одна шпилька длиною 217 мм., поперечникъ головки 21 мм.; на разстояніи 42 мм. внизъ отъ головки на крючекъ, встрѣчающемся обыкновенно у всѣхъ шпилекъ, виситъ кольцо, діаметромъ 6 мм., черезъ которое пропущена бронзовая полоса, длиною 90 мм. и шириною на одномъ концѣ 8 мм., на другомъ 3 мм.; она согнута, вѣроятно для того, чтобы пропустить кожаную полоску. Шпеньковъ нѣтъ никакихъ.

Вторая шпилька, 190 мм. длины, съ діаметромъ головки 16 мм.; кольцо, приврѣщенное къ крючку, висащему на 30 мм. ниже головки, потеряно. Бронзовая полоска, гдѣ она согнута вокругъ кольца, разломана и поддерживается къ выходящему извнѣ концу помощью шпенька. Такія бронзовыя полоски имѣютъ въ длину 34 мм., но по ширинѣ различны, отъ 8 мм.—3—4 мм. (см. табл. I, ф. 15). Третья булавка длиною 170 мм., діаметръ головки 16 мм. Крючекъ съ кольцомъ находится на 34 мм. ниже головки. Одна изъ бронзовыхъ полосокъ въ длину 51 мм. и въ ширину 6 мм., другая 37 мм. въ длину и 3 въ ширину, безъ шпеньковъ.

Между этими булавками были еще двѣ, незначительныя въ сравненіи съ вышеупомянутыми.

3) Бронзовыя шпильки (форма одинакова съ № 1—4 мм.). Головка гладкая; на концахъ имѣетъ пуговки. Разстояніе между пуговками 19 мм.;

длина одной шпильки 69 мм., другой 72 мм. У обѣихъ нѣтъ лѣвой пуговицы; подъ головкой, тамъ гдѣ насажена игла, пробуровлено отверстие, въ которое была вдѣта, вѣроятно, цѣпочка; отъ нея слѣдовъ не осталось.

4) 2 бронзовыя оправы отъ кушака. У обѣихъ пряжки состоятъ изъ овальнаго, толщиною 4 мм., кольца, съ внутреннимъ діаметромъ въ 17 и 12 мм. Но у шпенька кольцо расширяется и толщина его не 4, а 9 мм.; вмѣстѣ съ этимъ шпенокъ такъ согнутъ, что почти плотно приходится къ этой толстой части кольца. На большей оправѣ пряжка обтянута бронзовой полоской, длиною и вверху и внизу 110 мм., шириною же вверху 15, внизу только 8 мм. Оба конца соединены шпеньками. На меньшей оправѣ полоска въ длину такая же, шириною же вверху 14, внизу 8 мм.; шпенокъ выломанъ. Между тѣмъ какъ эта оправка на внѣшней поверхности гладка, большая украшена: въ серединѣ идутъ пунктиромъ 2 линіи, на разстояніи 1 мм.; эти точки состоятъ изъ маленькихъ треугольниковъ; одинъ уголъ каждаго изъ нихъ обращенъ къ серединѣ; трехъ-угольники эти выбиты.

Къ украшеніямъ похороненнаго здѣсь человѣка принадлежали также:

5) Бронзовый перстень — спиральное разломанное кольцо, имѣющее 6 оборотовъ, шириною въ 2 мм., діаметръ 16 мм. и

6) Обломки бронзовой спирали, изъ плоской, шириною въ 2 мм., проволоки. Длина 36 мм., діаметръ $2\frac{1}{2}$ мм.

Военные доспѣхи этого человѣка состояли изъ 2 остріевъ копья и 2 дротиковъ, параллельно лежавшихъ съ обращенными внизъ остріями тамъ, гдѣ приблизительно должна была находиться правая рука трупа. Всѣ эти вещи сильно заржавѣли.

7) Бóльшій изъ этихъ дротиковъ, особенно бросающійся въ глаза среди эстонскихъ копій, имѣетъ въ длину 380 мм.; длина отъ конца уже невиднаго почти влагалища до внѣшней поверхности 180 мм., наибольшая ширина внѣшней поверхности 36 мм. Діаметръ влагалища 20 мм.; кончикъ острія загнуть.

8) Маленькое копье, въ длину 302 мм., влагалища совсѣмъ нѣтъ; длина отъ верхней части влагалища до внѣшней поверхности 120 мм.; наи-

большая ширина внешней поверхности 36 мм.; на расстоянии 65 мм. от конца острья, острье загнуто на уголъ.

9) Металлический дротикъ, весьма остро и круто ведущій къ концу, такъ что внешняя поверхность очень плоска и неграненная; длина 208 мм.; длина влагалища, не очень хорошо сохранившагося и засореннаго, 70 мм.; діаметръ влагалища 18 мм.

10) Тоже, внешняя поверхность въ обыкновенной формѣ; кончикъ нѣтъ; длина оставшагося 182 мм.; длина неполнаго влагалища 105 мм.; діаметръ влагалища 7 мм.; наибольшая ширина внутренней поверхности 30 мм. Разломанъ на 2 части.

11) Кроме того нашли еще въ этомъ курганѣ желѣзную полосу длиною въ 89 мм., шириною въ 6 мм., толщиною 1 мм.; названіе ея трудно опредѣлить.

Такъ какъ положеніе этихъ вещей въ могилѣ вполне соответствовало ихъ назначенію и такъ какъ онѣ находились вокругъ туловища чловѣка, которому служили украшеніемъ, особенно досѣхи, то необходимо замѣтить, что при погребеніи соблюдался какой-то обычный порядокъ, причѣмъ голова всегда была обращена къ ВСВ (или къ В).

Кромѣ этого кургана было разрыто 20 другихъ, лежащихъ на курганномъ полѣ, въ 50 шагахъ отъ вышеупомянутаго. Древности были найдены только въ двухъ курганахъ (устройство всѣхъ было одинаково). Въ одномъ была найдена одна только вещь, очевидно украшеніе изъ кости (см. табл. I ф. 16). Діаметръ 45 мм.; ширина отверстія 15 мм., глубина 15 мм.; толщина внешнего края 2 мм. Нижняя и верхняя стороны вынуты. На дорогѣ въ Дерптъ, куда эта вещь была отправлена для изслѣдованія, она была потеряна, такъ что неизвѣстно, изъ какой кости она была сдѣлана. Въ третьемъ курганѣ нашли медаль съ ручкой, вылитую изъ свинца и тоже служившую для украшенія (см. табл. II, ф. 24). Для лучшаго разъясненія мы помѣстили тутъ же другую, найденную 10 лѣтъ тому назадъ на островѣ Дагенъ (см. табл. II, ф. 25).

По раскопкѣ всѣхъ остальныхъ 23, выше упомянутыхъ, кургановъ мы можемъ представить слѣдующіе результаты:

1) Первый откопанный гробъ содержалъ въ себѣ тѣло мужчины, другіе же женщины.

2) Сожиганіе груновъ на этомъ кладбищѣ доказываетъ, что описываемые курганы возникли во времена язычества.

3) Найденныя древности принадлежали эстамъ.

4) Первый курганъ служилъ могилой важнаго лица (можетъ быть ванна); это можно заключить по богатымъ вещамъ, въ немъ найденнымъ, а также по удлиненному положенію на возвышенной мѣстности.

5) По полному отсутствію костей животныхъ, остатковъ съѣстныхъ припасовъ, горшечныхъ черепковъ и домашней рухляди можно заключить, что у тамошнихъ народовъ надъ могилой не совершали трезвны.

11) Курганъ въ Граббенгофѣ.

На версту къ СЗ отъ Монской церкви находится равнина въ 4 кв. версты, идущая къ востоку подъ острымъ угломъ. Границей ея служить на югъ поле Монской церкви, на западѣ Монское кладбище, на СЗ новая русская Граббенгофская церковь, на С. Pättakulla, на В Нie mets. На СВ. равнина эта поросла старинными и высокими можжевельновыми кустами и носитъ здѣсь названіе Kalmotak. Относительно устройства поверхности можно сказать, что нижній слой состоитъ изъ известковой глинны съ кварцемъ; онъ и теперь еще выступаетъ на ЮВ равнины; чѣмъ дальше къ СЗ, тѣмъ больше на глинѣ чернозема, достигающаго у кургановъ 10 дюймовъ толщины. Курганы расположены только въ сѣверной половинѣ равнины. Нужно еще замѣтить, что курганы съ зимы 1868—69 годовъ измѣнились въ вѣдѣности, что видно изъ взаимнаго сравненія. Надъ ними первоначально лежала плотная куча камней, но во время постройки плотины черезъ Малый Зундъ лежавшіе камни были сложены въ кучу и такъ положены для вывоза, какъ ихъ и теперь еще находятъ. Камни слишкомъ тяжелые, или негодные по своей громадности, остались на мѣстѣ, поэтому первоначальный видъ кургановъ сохранился лучше у тѣхъ, которыхъ не касались руки собирателей камней; у нѣкоторыхъ видно еще каменное кольцо, котораго нельзя было испортить, у другихъ же сохранились еще и внутреннія масны. При изслѣдованіи въ 1872 г. раскопки начаты были именно съ этого кургана, который богатствомъ содержанія вознаградила трудъ изслѣдователей. Уда-

ливши нагроможденные надъ могилой камни, они увидѣли слѣдующее состояніе могилы:

Вся равнина съ курганами была окружена каменнымъ кольцомъ, камни котораго въ діаметрѣ имѣли среднимъ числомъ 2 фута. Огражденное такимъ образомъ пространство простиралось отъ Ю къ С на 12 футовъ, а отъ В къ З на 10 футовъ, такъ что представляло собою овалъ, болѣе острый на сѣверномъ концѣ. Внутри этого кольца лежали 4 большихъ камня, очевидно снесенные туда еще до устройства кольца, что можно заключить изъ того, что въ противномъ случаѣ соорудители кургана сдѣлали бы себѣ работу очень затруднительную. На южномъ концѣ кургана, на разстояніи 2 футовъ отъ кольца, лежатъ 2 камня изъ числа 4-хъ, находящихся внутри, такъ положенныхъ, что разстояніе ихъ плоскихъ граней другъ отъ друга $1\frac{1}{2}$ ф. Правый камень состоялъ изъ красноватаго гранита, имѣлъ въ длину 5 футовъ, въ ширину $2\frac{1}{2}$ и въ высоту $1\frac{3}{4}$ фута; лѣвый также изъ красноватаго гранита въ длину 3 фута, въ высоту $1\frac{1}{2}$ ф. и въ ширину 3. Всѣ четыре камня носили на внутреннихъ, обращенныхъ другъ къ другу, граняхъ, ясныя слѣды огня и сильнаго жара. Другимъ доказательствомъ бывшаго здѣсь сожиганія служатъ остатки каменнаго угля, въ большомъ количествѣ найденнаго не только въ черноземѣ, но и въ лежащей подъ нимъ глинѣ, особенно между четырьмя камнями. Между ними лежали дровяныя болѣе къ югу, причемъ всѣ вещи были охвачены спиральнымъ кольцомъ; только серебряная плитка тѣсно прилегалась къ южной сторонѣ обращеннаго къ С камня. Однако ни малѣйшихъ слѣдовъ огня на вещахъ не видно. Было найдено:

1) Бронзовое ожерелье, представляющее спираль изъ проволоки, толщиной въ 2 мм., съ внутреннимъ діаметромъ въ 6 мм.; 184 оборота; шнуръ загнута полукругомъ и хорошо сохранилась; концы отломаны (см. табл. II, ф. 32).

2) 6 серебряныхъ пластинокъ для навѣшиванія къ вышеописанному кольцу. Серебро различной доброты, но вообще малоцѣнное (см. табл. I, въ нат. вел. ф. 21 b.): ф. 23 a, поперечникъ 48 мм.; ф. 23 b, діаметръ 41 мм.; ф. 23 c, діаметръ 53 мм.; ф. 23 d, діаметръ 56 мм.; ф. 23 e, діаметръ 41 мм.

3) Серебряная серьга (см. табл. II, ф. 29).

4) Серебряная пряжка (табл. II, ф. 28).

5) Бронзовая пряжка обыкновенной формы, внизу плоская, сверху выпуклая; ширина 6—10 мм.; толщина кольца $3\frac{1}{2}$ мм. и внутр. диаметр 60 мм. Концы выгнуты на 10 мм. и носят пуговку, длина которой 12 мм., ширина 8 мм., съ 5 углублениями въ 2 мм. На каждой сторонѣ пуговицы по серединѣ находится зарубка. На верху самого кольца выпуклая, въ 2 мм. ширины, полоса, къ которой сходятся вырѣзанныя кривыя, отъ 2 до 3 мм. длины, линіи. Шпенекъ, имѣющій въ длину 65 мм., въ толщину $2\frac{1}{2}$, въ ширину 2—6 мм., на широкомъ концѣ оканчивается тоненькой пластинкой, обхватывающей кольцо въ $1\frac{1}{2}$ оборота; наибольшая ширина 29 мм., наименьшая 4 мм.

6) 61 бронзовое колечко, вѣроятно прикрѣпленныя прежде къ матеріи, какъ сказано выше. Длина проволоки $1\frac{1}{2}$ мм., внутр. диаметръ 5 мм.; колечки не совсѣмъ соединены краями, но оставляютъ между ними пространство въ 1 мм.

7) Бронзовая спираль. Всего 11 штукъ, изъ которыхъ наибольшая, при 29 оборотахъ, имѣетъ 25 мм., а наименьшая, при 17 оборотахъ, 15 мм. длины. Толщина проволоки не доходитъ до 1 мм., внутр. диаметръ спирали 3 мм. Эти вещи еще интересны въ томъ отношеніи, что пять изъ нихъ и теперь еще висятъ на шнурѣ, на который онѣ были нанизаны, Шнурокъ состоитъ изъ 4 крученыхъ изъ шерсти нитокъ и толщина его $1\frac{1}{2}$ мм. Шерсть шнура пропитана теперь мѣднымъ купоросомъ.

8) Бронзовая спираль, длиную 60 мм. Толщина проволоки одинъ миллиметръ и внутр. диаметръ $5\frac{1}{2}$ мм.; 39 оборотовъ.

9) Бронзовая оправа кушака (см. табл. I, ф. 14); длина 67 мм.

10) Бронзовая цѣпочка въ 5 кускахъ. Каждое звено состоитъ изъ 2 колечекъ изъ бронзовой проволоки въ 2 мм. толщины; внутр. диаметръ каждаго колечка 6 мм.; на нѣкоторыхъ висятъ остатки другихъ большихъ колечекъ изъ желѣза. Длина кусковъ 217, 215, 182, 140 и 133 мм.

11) Бронзовая плитка (похожа на ф. 4, табл. VIII, Бѣра); имѣетъ сердцеобразную форму и огружена у концовъ; на той сторонѣ, гдѣ у плитки Бѣра висятъ цѣпочки, было 3 крючка, а на противоположной сторонѣ 1 крючекъ, какъ часто встрѣчается у подобныхъ пластинокъ для навѣшиванія цѣпочки. Наибольшая первоначальная ширина крючковъ приблизительно 75 мм., разстояніе отъ конца до основанія отдѣльнаго крючка 60 мм.

12) 2 обитыя бронзой палочки, какъ у описаннаго обломка № 10 во 2-мъ Пильскомъ курганѣ, у котораго обломаны кольцеобразные концы; въ общемъ сильно заржавѣли.

13) 2 незначительныхъ, сильно заржавѣвшихъ, обломка желѣзнаго замка.

14) Нарядная вещь для навѣшиванія. Она превосходной работы и раздѣлена на нѣсколько частей. Металлъ — сильно красноватая бронза, отливающая болѣе на поверхности разными цвѣтами, чѣмъ на обратной сторонѣ и въ разломахъ. Углубленія этого овала (см. табл. II, ф. 26) отливаютъ красиво золотомъ, между тѣмъ какъ другія части сіяютъ зеленовато-золотистымъ отливомъ, какъ напримѣръ искусственные цвѣты, имѣющіе натуральный цвѣтъ бронзы. Исслѣдованіе этой вещи доказало, что она была не только позолочена въ разныхъ мѣстахъ, но и бронзирована въ различные цвѣта. Верхній конецъ, согнутый крючкомъ, отломанъ.

15) Серебряная медаль. Хорошо сохранилась, но безъ надписи и штемпель на ней едва замѣтенъ (см. табл. I, ф. 18).

16) Серебряная монета короля Этельреда, по штемпелю Лаврели *с*; выпущена, слѣдовательно, во время отъ 978 до 1016 года. На ней выбито: „Aedelred. Rex Ang.“ Коронованный грудной портретъ въ нагнѣ. Въ серединѣ маленькій крестъ.

Теперь, представивъ точный ходъ раскопокъ и находокъ въ отдѣльныхъ курганахъ, можно вывести такіа заключенія:

1) Положеніе кургановъ. 4 большіхъ камня своими плоскими сторонами ставились въ опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга. Затѣмъ замигался между этими камнями огонь, на которомъ сожигали трупъ, причемъ иногда не оставалось и слѣда отъ костей. Потушивъ огонь, клали въ этотъ же промежутокъ между камнями принадлежавшія покойнику вещи; затѣмъ, все это покрывалось сверху меньшими камнями (діаметромъ въ 1 футъ) до вышины отъ 4 до 5 футовъ.

2) Въ найденныхъ древностяхъ попадаются такіа вещи, которыхъ

ислѣдователи не встрѣчали уже при позднѣйшихъ раскопкахъ на Монѣ и Эзелѣ.

3) Такъ какъ весьма рѣдко сравнительно попадаются оружіе и военные инструменты, въ большомъ же количествѣ нарядныя вещи, носимыя еще и теперь въ такомъ же почти видѣ женщинами, и притомъ серебряныя, то должно заключить, что это могилы женщинъ и притомъ достаточныхъ, что и доказываютъ остальные раскопки на этомъ могильномъ полѣ.

4) Относительно времени сооруженія кургановъ можно сказать слѣдующее: такъ какъ это громадное количество кургановъ находится возлѣ Монской церкви, основанной почти въ одно время съ вторженіемъ христіанъ, и такъ какъ нельзя допустить, что могло происходить правильное погребеніе съ сожиганіемъ по языческимъ обрядамъ во времена христіанства, то сооруженіе этихъ кургановъ имѣло мѣсто до 1227 г. Съ другой стороны найденная монета съ изображеніемъ короля Этельреда доказываетъ, что курганъ заложенъ не раньше 978 года.

5) По отсутствію глиняныхъ черепковъ и костей животныхъ, можно заключить, что при похоронахъ не совершалась тризна.

Объ успѣхахъ дальнѣйшихъ раскопокъ, предпринятыхъ г. Гольцмейеромъ въ тѣхъ курганахъ, которые по вѣщности хорошо сохранились, можно передать въ немногихъ словахъ, такъ какъ въ этихъ курганахъ древностей найдено не было.

8 такимъ образомъ вскрытыхъ кургановъ показали, что всѣ они имѣли кольцо, діаметромъ въ 10 футовъ, изъ камней съ діаметромъ въ 2 фута. Надъ глиняной почвой лежалъ черноземъ, толщиною въ 10 дюймовъ; въ обихъ слояхъ находили уголь. На черноземѣ въ семи холмахъ было 2 камня, стороны которыхъ показывали болѣе или менѣе ясныя слѣды огня. Однако они были такъ положены, что нельзя было замѣтить порядка въ расположеніи и направленіи еъ странамъ свѣта, вслѣдствіе чего можно допустить, что направленіе вышеописаннаго кургана еъ С случайно. Въ восьмомъ курганѣ былъ большой гранитный камень, длиною въ 5 футовъ, шириною въ 4 фута и такою же вышиною, положенный въ серединѣ и притомъ упирившійся на подложенный подъ руку трупа рошперъ; онъ не показывалъ никакихъ слѣдовъ обжиганія. При всѣхъ 8 курганахъ была насыпь изъ

каменной (1 ф. въ діам.), которая возводилась на высоту четырехъ футовъ; такъ она осталась и теперь нетронутой.

Такимъ образомъ эти 8 кургановъ подтверждали сказанное о Граббенгофскомъ. Противорѣчіе, что въ первомъ курганѣ были довольно богатыя находки, тогда какъ въ другихъ 8 не было даже слѣдовъ вещей, можно объяснить тѣмъ, что, вѣроятно, не было обязательно класть вмѣстѣ съ группомъ вещи покойника (но это опровергается находками въ другихъ курганахъ на Эзелѣ и Монѣ), или тѣмъ, что здѣсь была похоронена богатая женщина, въ другихъ же курганахъ были похоронены бѣдняки. О времени сооруженія этихъ кургановъ можно заключить, основываясь на аналогическомъ устройствѣ ихъ съ первымъ и на положеніи ихъ около него, что они были устроены въ одно и тоже время; въ нихъ также не было слѣдовъ, указывающихъ на тризну надъ покойникомъ.

XVI. Объясненіе таблицъ.

Фигуры 1. Бронзовая пряжка, въ $\frac{1}{2}$ натуральной величины. № 2-й 1-го пильскаго кургана.

Ф. 2. Бронзовая жемчужина. Пильскій 2-й курганъ № 16.

Ф. 3 и 4. Урны погребальныя; въ $\frac{1}{8}$ нат. величины. 3-й пильскій курганъ.

Ф. 5. Обломовъ ноженъ изъ бронзы. Клаусгольмскій курганъ № 11.

Ф. 6. Урна изъ Клаусгольмскаго кургана № 14 (въ $\frac{1}{8}$ нат. величины).

Ф. 7. Желѣзный рѣзецъ. Курганъ въ Пайомойсѣ № 4.

Ф. 8. Вѣшалка для цѣпочекъ изъ бронзы. Первый Курреферскій курганъ № 2.

Ф. 9. Тоже № 4.

Ф. 10. Глиняный сосудъ. Первый Курреферскій курганъ № 7.

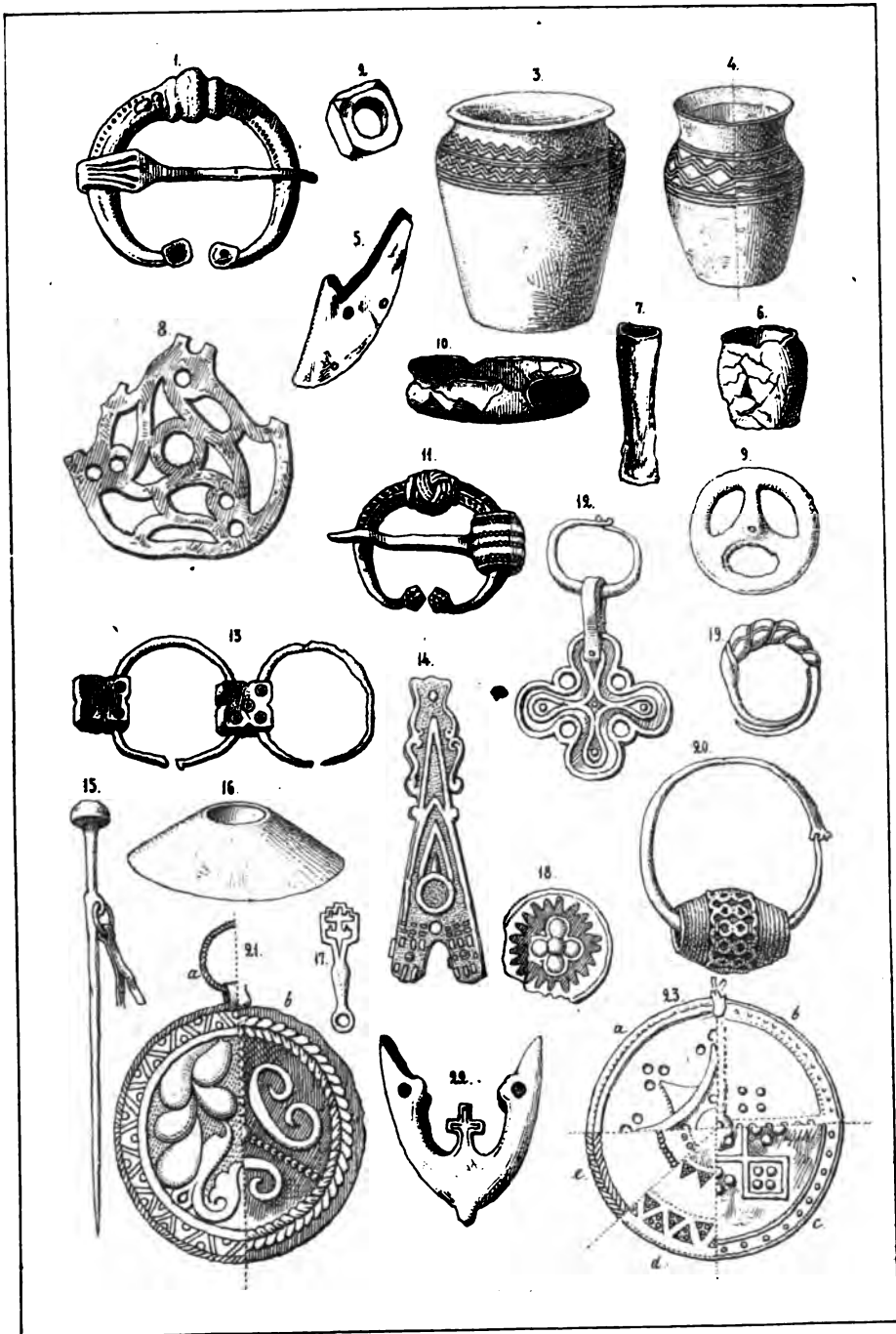
Ф. 11. Бронзовая пряжка (въ $\frac{1}{2}$ нат. величины). 2-й Курреферскій курганъ № 1.

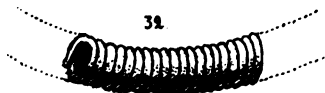
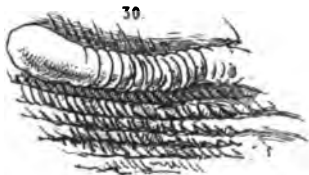
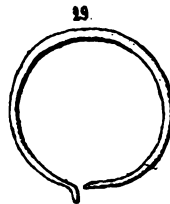
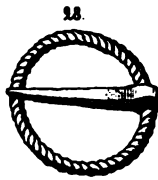
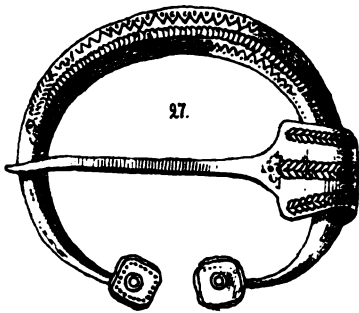
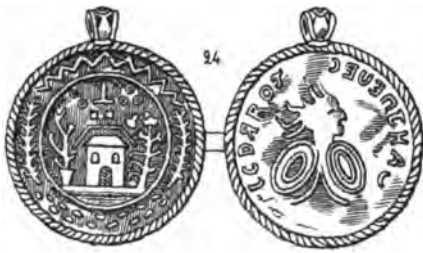
Ф. 12. Бронзовое украшеніе ($\frac{1}{2}$ нат. вел.). Тамъ же № 2.

- Ф. 13. Двѣ части бронзоваго кольца отъ кушана. Тамъ же № 8.
- Ф. 14. Бронзовая пластинка. Граббенгофскій курганъ № 9.
- Ф. 15. Одежная шпилька бронзовая. Мелла-Дорфъ № 2.
- Ф. 16. Костяное украшеніе. Тамъ же.
- Ф. 17. Желѣзный ключъ ($\frac{1}{3}$ нат. велич.). Монскій курганъ № 1.
- Ф. 18. Серебряная медаль. Граббенгофъ. № 15.
- Ф. 19. Серебряное кольцо, Тагга-Мойсь № 2.
- Ф. 20. Серебряная серьга. Тамъ же № 3.
- Ф. 21—а. Серебряная пластинка съ ручкою. Тамъ же № 4.
- Ф. 21—б. Серебряная пластинка съ ручкою. Граббенгофскій курганъ № 2.
- Ф. 22. Обломокъ отъ ноженъ винжала бронзовый. Ганзенгофскій курганъ № 6.
- Ф. 23 а—е. Серебряныя пластинки съ ручкой. Граббенгофскій курганъ № 2.
- Ф. 24. Свинцовая медаль съ ручкой. Мелладорфскій курганъ.
- Ф. 25. Тоже съ острова Дагена.
- Ф. 26. Украшеніе бронзовое для навѣшиванія. Ганзенгофъ № 14.
- Ф. 27. Серебряная пряжка. Тагга-Мойсь № 1.
- Ф. 28. Тоже. Граббенгофъ № 4.
- Ф. 29. Серебряная серьга. Тамъ же № 3.
- Ф. 30. Кусочекъ матеріи съ бронзовыми колечками. Вѣйракулла. Монскій курганъ № 6.
- Ф. 31. Оселокъ ($\frac{1}{3}$ нат. вел.). Логгюма.
- Ф. 32. Спиральное ожерелье изъ бронзовой проволоки. Граббенгофъ № 1.
- Ф. 33. Оселокъ, имѣющій форму ткацкаго челнока. Поймомойсь № 5 ($\frac{1}{3}$ нат. вел.).

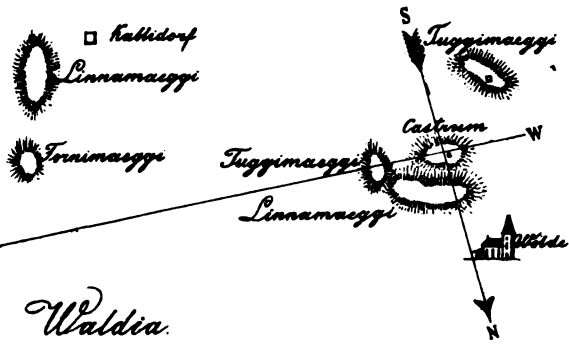
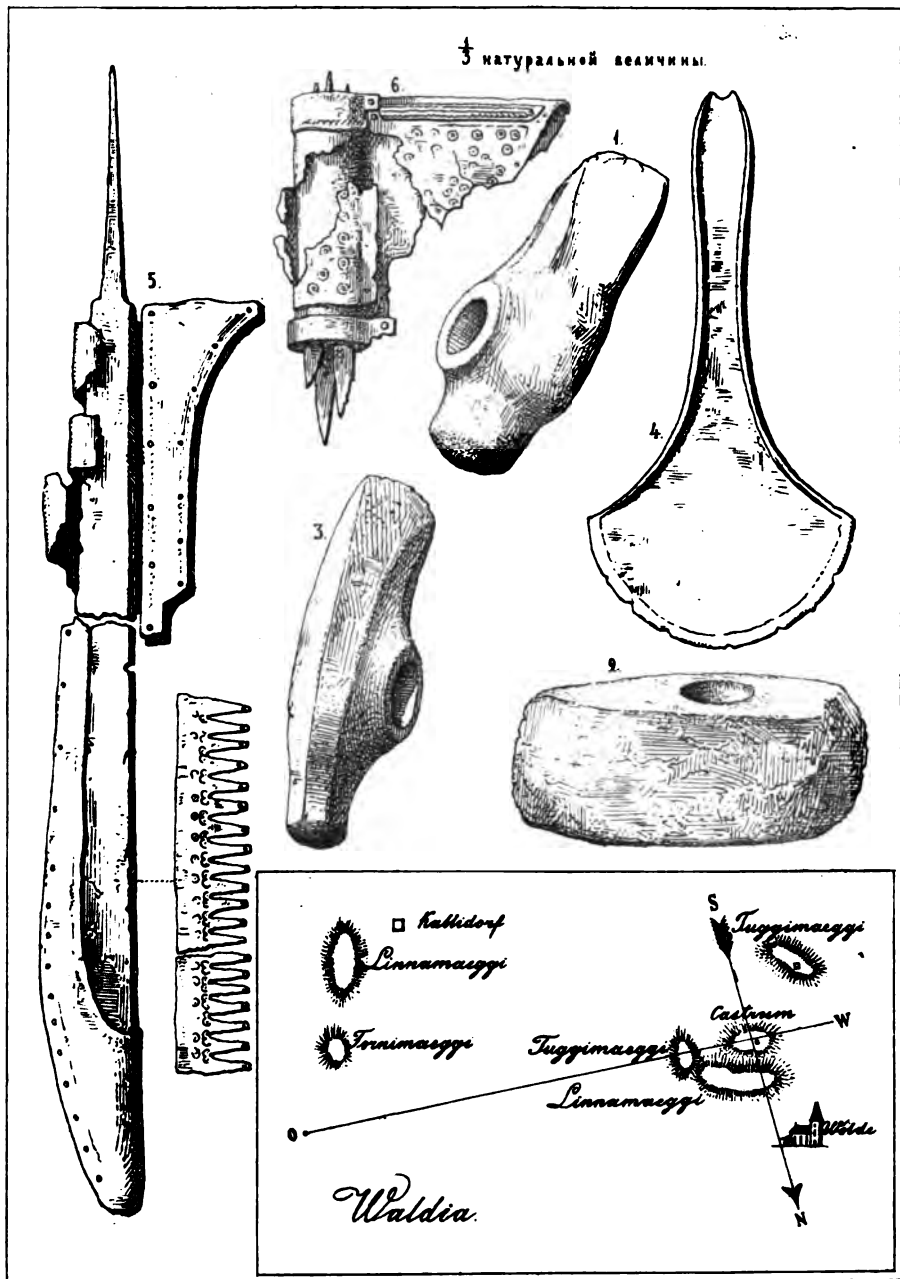
Кромѣ историческихъ сочиненій объ остзейскомъ краѣ и Лифляндіи и отрывочныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ журналовъ и собранныхъ на мѣстѣ, матеріалами для историческаго и топографическаго очерка о. Эзель служили: 1) хроника Генриха Латыша, 2) сочиненія доктора Луце, особенно *Wahrheit und Muthmassung*, 3) Hupel: *Topographische Nachrichten von Liv- und Ehistland* (1774—82), 4) Fischer: *Versuch einer Naturgeschichte von Livland*. 1778, 5) сочиненіе Брахмена: „*die Reformation in Livland*“, изданное остзейскимъ обществомъ исторіи и археологіи, 6) Рихтера: „*Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen*“, 7) преимущественно же барона П. В. Вуксевдена: „*Beiträge zur Geschichte der Provinz Oesel*“. 1838 г. Рига и 8) Гольцмейера: „*Osiliana*“, 1868 г.

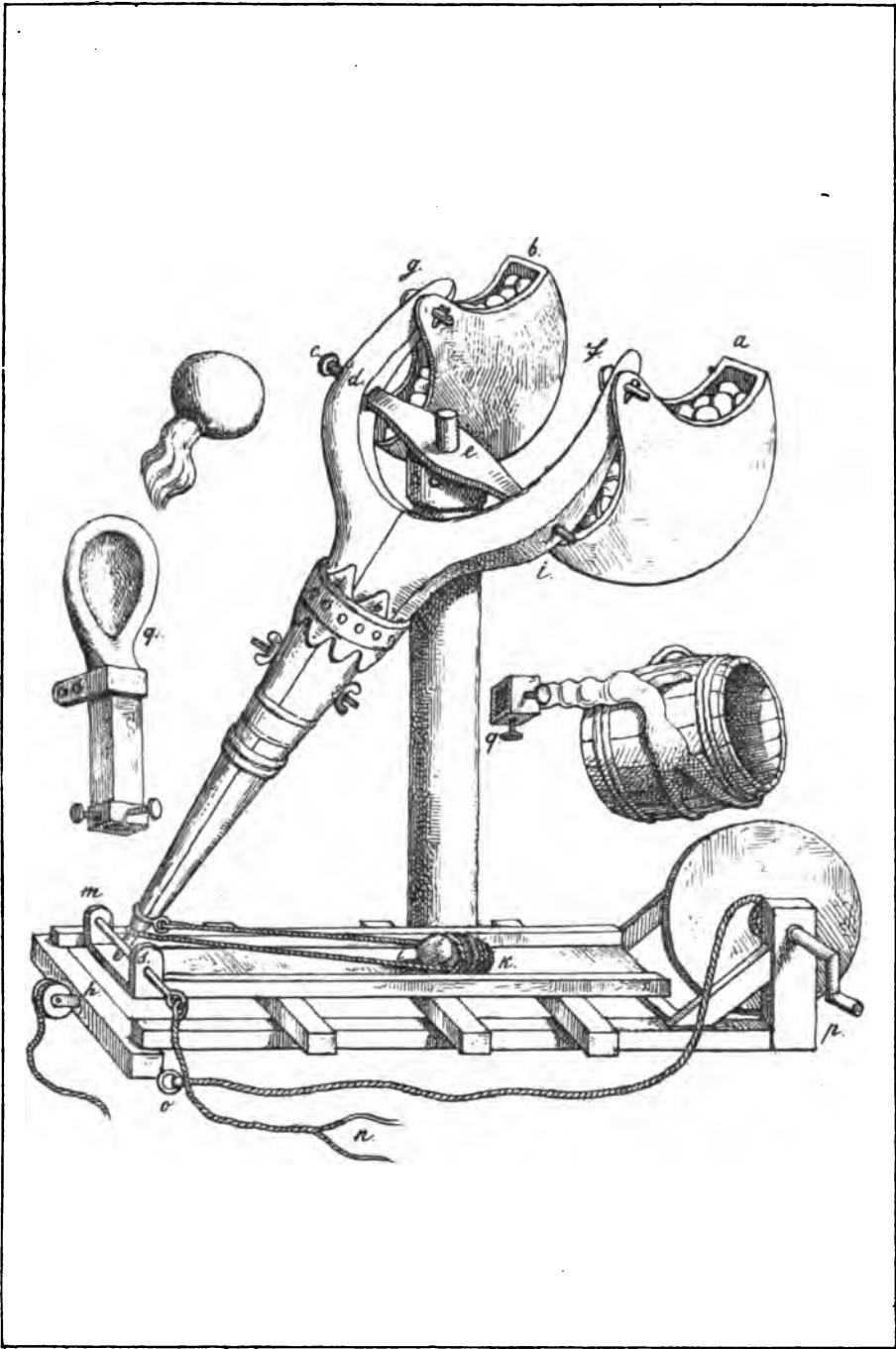
Дѣйств. членъ А. Благотѣнскій.

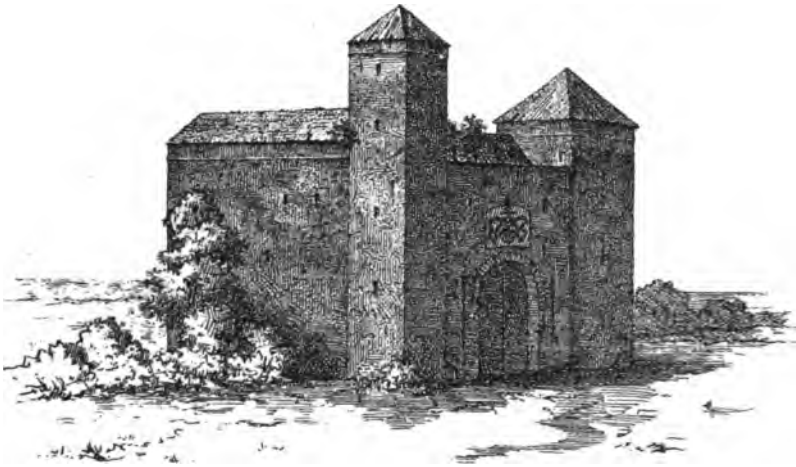

† натуральной величины.

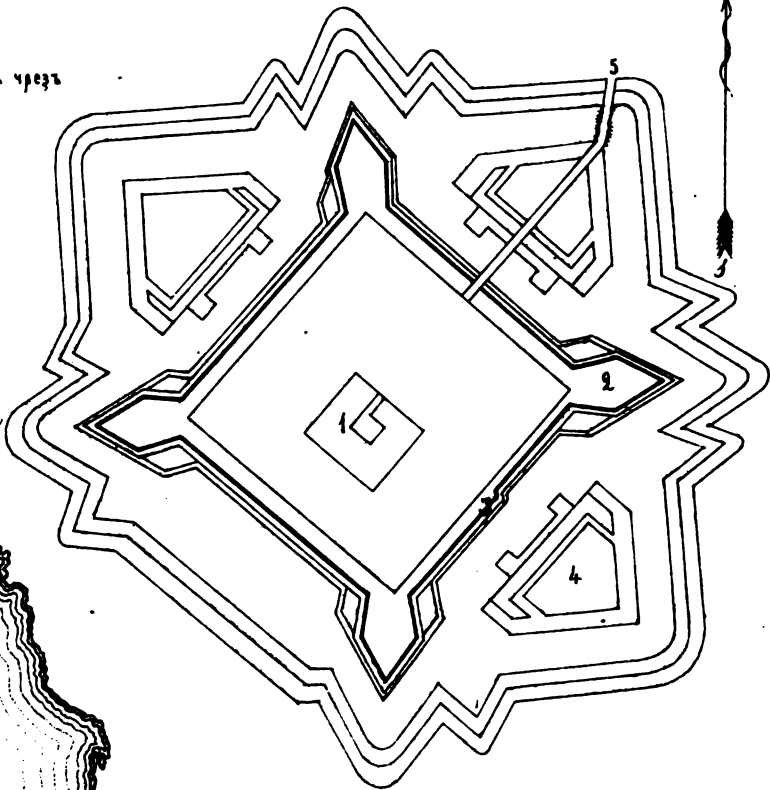

Крепость города Аренсбурга.

1. Замок.
2. Рavelинъ.
3. Валъ.
4. Глазисъ.
5. Дорога изъ крепости чрезъ
сѣверный глазисъ.
6. Морской берегъ.

ANNO 1587 DEN 10 FEBRUARS

STARE CHRISTO HAS DEM

ANNO 1588 DEN 3 APRIL

1515 MEIN SOHN

PETER

OTTERS GESTO

RENNUNDEIN TOCHTER

URSULA ANNO 1595 DEN

5 IUNY

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДРЕВНІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ И ИХЪ ПОСОЛЬСТВЪ ЗА ГРАНИЦУ, ВЪ СТАРЫХЪ И НОВЫХЪ ГРАВЮРАХЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Обзоръ древнѣйшихъ портретовъ русскихъ князей до Іоанна IV.

Древнѣйшіе портреты русскихъ великихъ князей относятся въ XI вѣку: такъ до насъ дошло изображеніе членовъ семейства Святослава Ярославича († 1076), — всѣ въ ростъ и впрямь, — рисованное металлическими красками на бѣломъ тонкомъ пергаментѣ для харатейнаго Изборника 1073 г., извѣстнаго подъ именемъ Святославова и писаннаго дьякомъ Іоанномъ⁽¹⁾. Затѣмъ встрѣчаются изображенія князей отъ XII в., какъ напр.: Всеволода-Гавриила Новгородскаго и Псковскаго († 1137), сына Мстислава Владиміровича и внука Мономаха, — въ ростъ, на миниатюрѣ пергамина рукописи „Иполита епискоупа съказаніе о Христосѣ и о антихристѣ“ XII в., хранящейся въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ⁽²⁾, и Андрея Боголюб-

(1) Подлинникъ этого изображенія находится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ; въ Сборникѣ же, хранящемся въ Синодальной библиотекѣ (бывшей Патріаршей ризницѣ) тамъ же, помѣщена копія, сдѣланная академикомъ Солицевымъ. Снимки съ этого изображенія можно найти въ изданіяхъ: 1) Объясненіе фигуръ къ письму о Слованахъ отъ временъ Траана и Русскихъ до нашествія Татаръ (А. Н. Оленина). Спб. 1833 (1832), въ т. № III (безъ красокъ); 2) Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. М. 1837. Ч. VII; 3) Достопамятности Москвы, Корнилія Тромонина. М. 1845. 4^о; 4) Древности Россійскаго Государства. М. 1851, въ т. Отд. IV, № 2; 5) Русскія Древности, издаваемые подъ редакцію В. Прохорова. Спб. 1871. 4^о. Кн. II. Матеріалы по исторіи рус. одежды, изд. нѣтъ же. Спб. 1881. 4^о; 6) Изборникъ В. К. Святослава Ярославича. Изд. Общества любителей древней письменности. Спб. 1880, въ т. I.

(2) См. И. Срезневскаго, Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и невзвѣстныхъ памятникахъ (изъ «Записокъ Имп. Академіи Наукъ». Спб. 1867. 8^о. Вып. II. стр. 41—48. № XIV) и К. Невоструева, Слово св. Иполита объ антихристѣ (М. 1868. 8^о. Стр. 2—3). Снимокъ наход. въ изд.: Русск. Древн., В. Прохорова (1871. Кн. III).

скаго († 1174), сына Юрія Владиміровича и другаго внука Мономахова, — тоже въ ростѣ, на доскѣ, снятой по преданію съ гроба его при обрѣтеніи его мощей и вставленной потомъ въ иконостасъ Владимірскаго Успенскаго собора^(*). Кроме того известны изображенія князей на церковныхъ стѣнахъ XII—XIII вв., а именно: строителей Кіевскихъ церквей Владиміра Святославича († 1015), съ сыновьями Борисомъ и Глѣбомъ, Ярослава Владиміровича († 1054), Святослава Ярославича († 1076), Святополка Изяславича († 1112) и Всеволода Святославича († 1215) — на сѣверо-восточной сторонѣ верхней галлерей Кіево-Софійскаго собора^(*), и Ярослава Владиміровича Новгородскаго († 1205), строителя Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода (1198—99 гг.), — на сожженной стѣнѣ той церкви^(*). Чаще же всего попадаются изображенія св. Бориса и Глѣба († 1015), начиная съ XII в.; какъ напр.: финифтивныя-поясныя, — на окладѣ Евангелія, писаннаго до 1117 г. для Новгородскаго князя Мстислава († 1132), сына Мономахова, и находящагося въ Моск. Архангельскомъ соборѣ^(*), и подобныя же — на княжескихъ бармахъ XII—XIII в., найденныхъ въ 1822 г. близъ села Старой Рязани и хранящихся въ Моск. Оружейной палатѣ^(*); скульптурныя — въ ростѣ, на сѣверной наружной стѣнѣ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ (построеннаго въ 1194—97 гг.)^(*), и фресковныя — тоже въ ростѣ, на стѣнахъ Новгородскихъ церквей: Николы на Липпѣ близъ Новгорода (XIII в.) и Ѳеодора Стратилата

(*) См. И. Снегирева, Объ иконномъ портретѣ В. К. Василія Іоанновича IV (Русскій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ редакціею профессора Погодина. М. 1837. 8°. Т. 1, кн. 2, стр. 73—74).

(*) См. Митрополита Евгенія, Описаніе Кіево-Софійскаго собора. К. 1825. 4°, стр. 44.

(*) Снимки съ обонхъ изображеній послѣдняго, со стараго и съ поновленнаго, — въ Русс. Древн., Прохорова (1874, кн. IV и III).

(*) См. Г. Филимонова, Окладъ Мстиславова Евангелія (Чтенія въ Имп. Обществѣ Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. 1860, кн. IV, отд. I, стр. 40—115). Снимки находятся въ изд.: 1. Памят. Моск. Древн., И. Снегирева. М. 1842—45. 4°, при стр. 18 (весь окладъ); 2. Древн. Росс. Гос., etc же. М. 1851, въ л. Отд. I, № 77 (тоже); 3. Русс. Древн., Прохорова. 1874, кн. III.

(*) См. А. Оленина, Рязанскія Русскія Древности, или извѣстіе о старинныхъ и богатыхъ великокняжескихъ или царскихъ убранствахъ, найденныхъ въ 1822 г. близъ с. Старая Рязань. Спб. 1831. 8°. Стр. 33—38. — Снимки находятся въ изд.: 1. Объясненіе фигуръ къ письму о Славянахъ, А. Оленина. Спб. 1832, № IV. Лнт. F (безъ красокъ); 2. Древн. Росс. Гос. М. 1851, Отд. II. № 33—37; 3. Русс. Древн., Прохорова. 1874, кн. III.

(*) Снимки находятся въ изд.: 1. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Отгребенъ отъ 1194 до 1197 года. (Соч. гр. С. Г. Строганова). М. 1849, въ л. Табл. IX. № d, e; 2. Русс. Древн., Прохорова. 1874, кн. III.

(построенной или возобновленной въ 1369 г.), — въ послѣдней по бокамъ св. Владиміра и рядомъ съ изображеніемъ св. Ольги (9); миниатюрныя, въ рукописномъ „Сказаніи о св. Борисѣ и Глѣбѣ“ по Сильвестровскому списку XIV в., Моск. Синодальной библіотеки, — иногда въ сценахъ вмѣстѣ съ изображеніями ихъ отца Владиміра и братьевъ Святополка и Изяслава (10), — и другія, писанныя водяными красками на пергаментѣ, въ харатейной рукописи „Похвала в. к. Владиміру“ 1414 г., принадлежавшей гр. А. И. Мусину-Пушкину, — въ послѣдней опять по бокамъ св. Владиміра (11). Потомъ извѣстны: изображенія в. к. Юрія Львовича Галицкаго (1316 г.) и Александра Михайловича Новгородскаго (1325—26 г.) — на печатяхъ при грамотахъ (11a); вышитыя шелками и золотомъ лики в. к. Василя Дмитриевича († 1425 г.) и супруги его Софіи Витовтовны († 1453 г.) — на саккосѣ митроп. Фотія (1410 г.), хранящемся въ Моск. Патриаршей ризницѣ (11b); писанное корпусными красками изображеніе в. к. Василя Васильевича († 1462 г.) и его бояръ — въ лицевомъ житіи св. Зосимы и Савватія XVII в., въ л., находящемся въ Соловецкомъ монастырѣ (11c). Наконецъ сохранились сцены съ изображеніями разныхъ князей въ „Нестеровой Лѣтописи“ по Радзивилловскому или Кѣнигсбергскому списку XV—XVI в., въ Имп. Академіи Наукъ (12).

(9) Снимки находятся въ изд.: 1. Археологическій Вѣстникъ, издаваемый Моск. Археолог. Обществомъ подъ ред. д. чл. А. А. Котляревскаго. М. 1867. 4^о. Рис. III и IV (при статьѣ И. Срезневскаго: Древнія изображенія В. К. Владиміра и В. К. Ольги); 2. Русс. Древн., Прохорова. 1874, кн. IV. — Изображенія эти сходны съ гравированными на деревѣ, въ книгѣ Лазара Барановича: Проповѣди Слова Божьяго или Труды Словесъ Проповѣдныхъ на нарочитые дни праздниковъ; послѣднія скопированы въ изд.: Объясненіе фигуръ къ письму о Словянахъ, Оленина. Спб. 1832, № IV. Лт. 6, Н.

(10) Снимки находятся въ изд.: 1. Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV в. Изд. И. И. Срезневскій. Спб. 1860. 4^о; 2. Русс. Древн., Прохорова. 1874, кн. V.

(11) См. А. Оленина, Письмо къ гр. А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутараканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ, въ 1792 г., съ описаніемъ картинъ къ письму приложенныхъ. Спб. 1806. 4^о, стр. 39—41, и И. Срезневскаго, О малозвѣст. и невѣст. памятникахъ. 1866, вып. II, стр. 82—88. № XVIII. — Снимки находятся въ изд.: 1. Объясненіе фигуръ къ письму о Словянахъ, Оленина. Спб. 1832, № IV. Лт. А; 2. Археолог. Вѣстн. М. 1867, рис. II.

(11a) См. И. Срезневскаго, Древніе памятники русскаго письма и азбуки. Спб. 1863. 4^о, стр. 84 и 87.

(11b) Снимокъ наход. въ изд.: Памяти Моск. Древн., Снегирева. М. 1842—45. 4^о, при 173.

(11c) См. Д. Ровинскаго, Русскія народныя картины. Спб. 1884. 8^о. Т. IV, стр. 755.

(12) Нѣкоторые снимки отсюда находятся въ изд.: 1. Археолог. Вѣстн. М. 1867, рис. V (4 изображенія св. Ольги); 2. Русс. Древн., Прохорова. 1874, кн. VI (6 листовъ съ нѣсколькими рисунками).

Но все подобныя изображенія дѣлались преимущественно по известному идеалу (умственно), или по разнымъ преданіямъ, иногда на основаніи болѣе древнихъ образцовъ, во всякомъ случаѣ не прямо съ натуры, и потому не могутъ быть названы портретами, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Только съ XV и XVI в. появляются въ Россіи болѣе достовѣрныя изображенія; впрочемъ и тѣ писаны еще иконнымъ способомъ, подъ влияніемъ византійскаго пошиба, хотя съ того времени и проникають къ намъ съ Запада настоящіе портреты (иностранныхъ личностей), которые могли служить образцами для русскихъ художниковъ. Такъ известно, что папа Павелъ II прислалъ Іоанну III съ его посланникомъ Иваномъ Фрязинимъ въ 1472 г. — портретъ царевны Софіи, невѣсты князя; что англ. королева Елисавета прислала Іоанну IV съ его посломъ Ѳедоромъ Писемскимъ въ 1583 г. — портретъ своей племянницы Маріи Гастингсъ, съ которою царь хотѣлъ сочетаться бракомъ, и что англ. посланникъ Іеронимъ Ваусъ обѣщалъ въ томъ же году и тому же Іоанну, именемъ своей королевы, прислать портреты 10 лондонскихъ красавицъ знатнаго происхожденія, для выбора изъ себя невѣсты ⁽¹³⁾.

Живописнаго портрета Іоанна III не сохранилось; но въ Моск. Оружейной палатѣ есть образъ св. митрополита Петра (1479), съ изображеніемъ сего в. к. на лошади. Современные же портреты Василія IV и Іоанна IV дошли до насъ.

Такъ у южныхъ дверей Моск. Архангельскаго собора, надъ гробницей Василія IV, находится его образъ, писанный на толстой липовой доскѣ и поставленный тутъ вѣроятно вскорѣ послѣ его кончины его супругою и сыномъ. Великій князь изображенъ здѣсь рядомъ со своимъ ангеломъ св. Василиемъ Великимъ; оба въ ростъ (2 арш. 1 верш.), — одинъ въ монашеской одеждѣ, другой въ святительскомъ облаченіи, — съ вѣнцами вокругъ головъ; надъ ними образъ Знаменія Божіей Матери въ маломъ видѣ, съ двумя парящими ангелами по бокамъ; надъ головой в. к. древняя поновленная надпись: „Благовѣрный Князь Великій Василій Іоанновичъ Самодержецъ всея Русіи, во иноческомъ чину инокъ Варлаамъ“; пошибъ или стиль образа болѣе греческій или иконный чѣмъ фряжскій или портретный: рис-

⁽¹³⁾ Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. въ изд. Эйнерлинга (Спб. 1843), VI. 39; IX. пр. 743 и стр. 255.

скій иконописецъ подчинилъ лицо, весь внѣшній видъ и костюмъ в. к. принятому иконному пошибу и прежнимъ образцамъ, какіе предлагались въ древнихъ подлинникахъ, такъ что трудно отыскать въ портретѣ характеристическія черты; сходство его съ иностранными изображениями того же князя, гравированными въ XVI в., весьма отдаленное и проявляется лишь въ общихъ чертахъ; болѣе сходства онъ имѣеть съ изображеніемъ, писаннымъ на паперти Моск. Благовѣщенскаго собора, возлѣ Дмитрія Донскаго, съ вѣнцомъ вокругъ головы и съ надписью, гдѣ Василій названъ святымъ (14).

Современные портреты Іоанна IV сохраняются въ Саввиномъ монастырѣ и въ Троицкой лаврѣ (15), но и эти писаны скорѣе иконнымъ способомъ; кромѣ того изображенія его находятся: при одной грамотѣ 1571 г. (въ бібліотекѣ Черткова) и въ Царственной книгѣ XVI же вѣка (въ Моск. Синод. бібліотекѣ) (16).

Но болѣе значенія представляютъ современные портреты русскихъ великихъ князей иностранной гравировки — съ подлинниковъ, имѣющихъ за собою много достовѣрности. До насъ дошли напр. такіе портреты: Іоанна III — съ рисунка, даннаго въ 1550 г. однимъ галатскимъ грекомъ французскому путешественнику Тэва, который и помѣстилъ съ него копию въ своей „Cosmographie Universelle“ 1575 г.; Василя IV — съ рисунка, вѣроятно привезеннаго изъ Россіи въ Вѣну имперскимъ посланникомъ барономъ Герберштейномъ, въ одно изъ его посольствъ къ в. к., въ 1517 и 1526 гг., и исполненнаго въ гравюрѣ на мѣди Гиршфогелемъ въ 1547 г., а также съ другаго рисунка, доставленнаго русскимъ толмачемъ Дмитріемъ Герасимовымъ новокомскому епископу Павлу Іовію въ Римѣ въ 1525 г. и помѣщеннаго въ копию въ его книгѣ „Elogia virorum bellica virtute illustrium“ 1575 г.; Іоанна IV — съ рисунка, можетъ быть завезеннаго въ Регенсбургъ въ 1576 г. кѣмъ нибудь изъ членовъ русскаго посольства къ имп. Максимилиану II и сохранившагося въ анонимной гравюрѣ того времени, а также съ другаго рисунка, присланнаго въ Нюренбергъ пожалуй

(14) См. упомянутую въ выноскѣ 3-й статьи И. Снегирева объ этомъ образѣ, въ Русс. Истор. Сборн. (М. 1837). Т. I. кн. 2. стр. 67—78.

(15) См. А. Муравьева, Путешествіе ко св. мѣстамъ Русскимъ. Изд. 4-е. Сиб. 1846. 8°. Ч. I. стр. 177.

(16) См. ниже въ спискѣ портретовъ Іоанна IV (№№ 58 и 64).

какимъ нибудь нѣмецъ или полякомъ послѣ взятія Полоцка въ 1579 г. и изданнаго Гансомъ Вейгелемъ.

Вокругъ вышеозначенныхъ портретовъ группируются всѣ остальные⁽¹⁷⁾; къ нимъ можно прибавить еще маленькій портретъ Іоанна IV внутри двуглаваго орла, гравированнаго на деревѣ и оттиснутаго на современномъ переплетѣ Моск. Апостола 1564 г., хотя онъ и не повторяется болѣе нигдѣ⁽¹⁸⁾. Остается перечислить изображенія русскихъ князей и царей, писанныя на дворцовыхъ и церковныхъ стѣнахъ въ Москвѣ въ XVI и XVII стол., а также рисованныя — въ рукописяхъ XVII в., и тогда весь матеріалъ по этому предмету будетъ исчерпанъ.

Въ Большой Грановитой палатѣ, при Θεодорѣ Іоанновичѣ († 1598), были написаны на стѣнахъ — сыновья св. Владиміра (представленные въ мтрахъ, въ одеждахъ камчатныхъ, съ оплечьями и съ поясами златыи), Ярославъ Великій, Всеволодъ I, Мономахъ въ царской утвари, Георгій Долгорукій, Александръ Невскій, Даниилъ Московскій, Калита, Донской и преемники его до самаго Θεодора (который, сидя на тронѣ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ съ нараменикомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ златою цѣпию груди, держалъ въ рукахъ скипетръ и яблоко царское; у трона стоялъ правитель, Борисъ Годуновъ, въ шапкѣ *мурманкѣ*, въ верхней златой одеждѣ *на опашку*); къ сожалѣнію живопись эта не сохранилась до нашего времени (она погибла вѣроятно во время Троицкаго пожара 1737 г.) и известна только по описи, которую сдѣлали, по указу уже Алексѣя Михайловича 23 марта 180 г. (1672), „Приказу Большаго Дворца подъячей Иванъ Клементьевъ да *иконописецъ* Симонъ Ушаковъ“⁽¹⁹⁾.

Въ Архангельскомъ соборѣ въ XVI в. писаны клееными красками по сухой штукатуркѣ (al secco), греческими и отечественными иконописцами, расположенныя горизонтальными рядами сверху до низу изображенія потребныхъ тамъ государей, начиная съ Калиты (кромя Василія Темнаго, Іоанна IV, Іоанна V и Петра II), — всѣ въ ростъ, по большей части съ непокрытыми головами, въ ферезяхъ, въ шубахъ и охабняхъ съ откидными

⁽¹⁷⁾ См. ниже въ спискахъ портретовъ Іоанна III (№ 4), Василія IV (№№ 4 и 25), Іоанна V (№№ 15 и 9).

⁽¹⁸⁾ См. ниже въ примѣч. къ портретамъ Василія IV (№ 22).

⁽¹⁹⁾ См. Карамзина (Ист. Гос. Росс. X, 453 и пр. 453), у котораго былъ подлинникъ этого описанія.

рукавами и ожерельями; надъ ними — лики ихъ ангеловъ, тѣ и другіе съ вѣнцами вокругъ головы. Стѣнопись эта поновлялась не разъ: въ 1680—81 гг. Доросеевъ Ермолаевымъ, затѣмъ въ 1743 г., потомъ въ 1772 г. ⁽²⁰⁾.

На стѣнахъ, простѣнкахъ и паперти Благовѣщенскаго собора написаны при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ († 1676) и поновлены въ 1697 и 1770 гг. изображенія русскихъ великихъ князей въ ростъ, съ вѣнцами вокругъ головы, а именно: Данила Александровича, Дмитрія Іоанновича, Василія Іоанновича ⁽²¹⁾.

На паперти Крутицкаго Успенскаго собора въ XVII же вѣкѣ были написаны русскіе государи въ ростъ, отъ Владиміра святаго до Алексѣя Михайловича, но изображенія эти изглажены со стѣнъ въ концѣ XVIII столѣтія ⁽²²⁾.

На сводахъ паперти Преображенскаго собора въ Новоспаскомъ монастырѣ изображено Родословное Древо Государей Россійскихъ (длиною 17 арш., шириною 6½), писанное клеевыми красками по лазоревому полю въ 1689 г. и возобновленное масляными — въ 1837 г. У корня стоятъ св. Владиміръ и Ольга и поливаютъ дерево изъ алаватровъ (сходныхъ съ тѣмъ, въ которомъ хранится муро въ Патріаршей ризницѣ); по сторонамъ ихъ св. Борисъ и Глѣбъ; въ слѣдующихъ 10 рядахъ представлены 30 великихъ князей и царей русскихъ до Θεодора Іоанновича и царевича Дмитрія включительно, по 3 въ рядъ; по склонамъ свода и по разсвѣтамъ оконъ и дверей — съ лѣвой стороны еще 15, а съ правой еще 22; итого 71, всѣ въ ростъ; на головахъ у нихъ, озаренныхъ вѣнцами святыхъ (какъ часто изображались русскіе государи до XVIII в. по своему преставленію), — княжескія шапки (кромѣ св. Владиміра, Ольги и Андрея Боголюбскаго, на которыхъ — царскія короны); цари Іоаннъ Васильевичъ и Θεодоръ Іоанновичъ въ однихъ далматикахъ или фerezяхъ, съ кружевами по распашкѣ ихъ и вокругъ подольниковъ, и препоясаны поясами, такъ что тѣ и другіе образуютъ спереди кресты; прочіе же ииѣютъ, сверхъ далматиковъ, охабни или коцы, застегнутые на груди запонами; у нѣкоторыхъ на шеѣ

⁽²⁰⁾ См. И. Снегирева, Памятники Московской Древности. Изд. А. Семена. М. 1842—45. 40, стр. 62—64 и 75—77 (гдѣ исчислены всѣ изображенія).

⁽²¹⁾ См. тамъ же, стр. 86.

⁽²²⁾ См. тамъ же, стр. LXVIII, и въ Очеркахъ Тромонина, стр. 56.

ожерелья или аламы, сходные съ бармами; у всѣхъ въ правой рукѣ поскептру, затѣмъ у Ярослава I и Владиміра Мономаха въ лѣвой рукѣ по церкви, а у другихъ по державѣ (яблоку). Всѣ 11-ть степеней древа идутъ въ восходящемъ порядкѣ, но въ боковыхъ и нисходящихъ линіяхъ помѣщены иногда такіа лица, которыя должны бы стоять въ прямыхъ и восходящихъ, и наоборотъ: такъ Александръ Невскій находится въ боковой, а сыновья его Дмитрій и Даніилъ въ прямой; гдѣ должны быть братья, тамъ помѣщены сыновья; нѣкоторые великіе князья пропущены въ прямой линіи, напр. Дмитрій Донской, а въ боковыхъ вставлены посторонніе и въ такомъ порядкѣ, что трудно опредѣлить ихъ отношеніе и значеніе; святыми наименованы князья, не причисленные еще церковью къ лику ихъ: Ярославъ II Ярославичъ, Андрей II Ярославичъ и Іоаннъ Рязанскій; Годуновы и Шуйскій исключены совсѣмъ, вѣроятно по политическимъ видамъ того времени. Какъ видно, лица и имена перепутаны сочинителемъ или живописцами, которые, какъ значитса въ дѣлахъ Оружейной палаты 7160—7200 гг., вызывались въ Москву изъ разныхъ городовъ: Ростова, Ярославля, Кинешмы, Рязани; они то вѣроятно влючили въ эту родословную таблицу и прежнихъ своихъ князей. Хотя древо это и несогласно съ генеалогическими правилами, но оно любопытно, какъ единственный въ Москвѣ памятникъ такого рода; болѣе древнихъ, сколько извѣстно, не сохранилось до насъ, но вѣроятно живописецъ этого древа имѣлъ ихъ въ виду.

Въ томъ же храмѣ, при входѣ на крыльцо паперти, на подлугѣ, прилегающей къ своду галлерей, написаны: св. кн. Феодоръ Ярославичъ съ сыновьями Давидомъ и Константиномъ, въ монашескомъ одѣяніи; на правой столбѣ изображены храмоздатели, цари Михаилъ и Алексѣй, а въ алтарѣ русскіе патріархи: Іовъ (1589—1605), Гермогенъ (1606—11), Филаретъ (1619—34), Іоасафъ I (1634—41), Іосифъ (1642—52), Никонъ (1652—67), Іоасафъ II (1667—72), Питиримъ (1672—73), Іоакимъ (1673—90), и митрополитъ Кипріянь, — всѣ съ вѣнцами вокругъ головы. Стиль или пошибъ всѣхъ лицъ греческій, близко подходящий къ иконному; лица болѣе различаются возрастомъ, чѣмъ характеристическими чертами портретовъ, съ натуры писанныхъ, хотя можно предполагать, что нѣкоторые изъ нихъ, ближайшіе къ XVII в., сняты съ современныхъ имъ портретовъ, прочіе же сдѣланы согласно съ преданіями гдѣ-

тописей и миниатюрными изображениями въ рукописяхъ, насколько хватало искусства древнихъ и старыхъ зографовъ⁽²³⁾.

Къ несчастію только всѣ произведенія стѣнописи дошли до насъ записанными и поновленными, такъ что первобытныя черты ихъ болѣе или менѣе измѣнены. Сохранились неприкосновенными миниатюрныя изображенія русскихъ князей и царей, писанныя водными красками, — въ „Титулярникѣ“, составленномъ очень тщательно, стараніями боярина А. С. Матвѣева, для употребленія при царскомъ дворѣ и озаглавленномъ: „Книга, а въ ней Собраніе откуда произыде корень Великихъ Государей, Царей і Великихъ Князей Россійскихъ... Состроена сія книга въ нынѣшнемъ р̄т (7180, т. е. 1672) году“, въ л. Въ книгѣ этой 95 картинокъ: 2 титульныхъ, 30 портретовъ русскихъ государей отъ Рюрика до царевича Алексѣя Алексѣвича включительно, 12 гербовъ русскихъ областей, 1 съ 5-ью образами, 13 портретовъ русскихъ патріарховъ, 22 портрета иностранныхъ государей, 16 иностранныхъ гербовъ. Но надо замѣтить, что болѣе древніе портреты (до Іоанна IV) составлены живописцемъ по преданіямъ весьма невѣрными, судя по доспѣхамъ XVI в. на Рюрикѣ и Игорѣ и по большой бородѣ у Святослава, который, какъ извѣстно, брилъ ее; позднѣйшіе же списаны съ существовавшихъ тогда оригиналовъ. Рукопись эта хранилась сперва въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, какъ видно изъ стараго каталога, гдѣ она описана подъ № 32; въ 1768 г. ее вытребовалъ въ С.-Петербургѣ вице-канцлеръ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ и съ тѣхъ поръ она не была возвращена въ Архивъ; впоследствии она досталась А. Н. Оленину, который принесъ ее въ даръ отъ своего имени Спб. Академіи Художествъ⁽²⁴⁾, гдѣ она находилась еще въ 1831 г.⁽²⁵⁾; наконецъ попала въ Эрмитажъ — она была тамъ уже въ 1838 г.⁽²⁶⁾. Изъ сохра-

⁽²³⁾ См. И. Снегирева, Родословное древо государей російскихъ, — въ періодическихъ изданіяхъ: Моск. Вѣд., Спб. Вѣд., Ж. М. В. Д. и отдѣльно: М. 1837. 4^о, а также, съ дополненіями, — въ книгѣ: Очерки съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваанія и зодчества съ краткимъ описаніемъ и біографіями художниковъ. Изд. Корнелія Як. Тромонна. Тетр. 1. М. 1839. 4^о. Стр. 49—58, со снимками (№№ 22, 33 и 23), рис. и грав. К. Тромоннымъ.

⁽²⁴⁾ Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая санъ царя за великимъ княземъ Іоанномъ IV Васильевичемъ, въ 1561 г. Съ Высоч. соизволенія издава К. М. А. Оболенскимъ. М. 1850. 4^о. Стр. 48. Прим. II.

⁽²⁵⁾ Рязанскія Русскія Древности, Оленина. Спб. 1834. 8^о. Стр. 5—6, прим. 2, и стр. 27—28.

⁽²⁶⁾ Журн. Мин. Нароѣ. Просв. 1838. Ч. XVIII, стр. 294—295 (Донесеніе правителя дѣлъ

нившихся въ разныхъ библіотекахъ списковъ этого „Титулярника“ можно заключить, что было два подлинника этого памятника: одинъ 1672 г., другой 1678 г. (27).

Кромѣ миниатюрныхъ изображеній русскихъ князей и царей, есть еще портреты масляными красками: такъ въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ хранится собраніе портретовъ, начиная съ Рюрика, изъ которыхъ нѣкоторые, позднѣйшіе, — можетъ быть и современные, или снятые съ современныхъ (28); въ Моск. Оружейной палатѣ имѣются такіе же портреты, отъ Рюрика до Елисаветы, и сверхъ того мраморныя изображенія, отъ Рюрика до Екатерины II (29).

По заказу Петра I была начата Доршемъ и потомъ продолжена Академіей Наукъ коллекція медалей съ изображеніями русскихъ князей и царей, причѣмъ древнѣйшія — опять вымышленныя, какъ и въ „Титулярникѣ“ 1672 г.; съ этихъ медалей были сдѣланы копіи, съ нѣкоторыми измѣненіями и прибавленіями, — при Елисаветѣ, Екатеринѣ II и Александрѣ I (30).

Какъ болѣе достовѣрными мы займемся главнымъ образомъ гравированными портретами иностранной работы XVI в., тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ совсѣмъ или почти неизвѣстны до сихъ поръ; для полноты мы прилагаемъ впрочемъ списковъ и новыхъ гравированныхъ портретовъ, расположивъ какъ тѣ, какъ и другіе, въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, по типамъ.

Покуда мы ограничимся только портретами трехъ первыхъ русскихъ царей: Иоанна III, Василія IV и Иоанна IV, оставляя прочіе до другаго раза.

Археограф. Коммиссія, г. Коркунова, г. предсѣдателю этой Коммиссіи, читанное въ засѣданіи 14 марта 1838 г.).

(27) Текстъ одной изъ копій напечатанъ въ сборникѣ: Древняя Россійская Визлюевка. Изд. Николаемъ Новиковымъ. Изд. 2-е. М. 1791. 8°. Ч. XVI, стр. 86—251, №№ VI—XXIX. — Нѣкоторые изображенія русскихъ государей изъ „Титулярника“ 1672 г. заимствованы А. В. Висковатовымъ въ атласъ: „Рисунки Одежды и Вооруженія Россійскихъ Войскъ“ (Спб. 1843) къ его труду: „Историческое описаніе одежды и вооруженія руссійскихъ войскъ. Спб. 1841“, въ I.

(28) См. Павла Попова, О древнѣйшемъ портретѣ царя Феодора Иоанновича, въ период. изд.: Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Имп. Моск. Университетѣ, 1830. Ч. V. кн. I, стр. 179.

(29) См. Снегирева, Памяти. Моск. Древн., стр. 277.

(30) См. ниже въ примѣч. къ портретамъ Иоанна III (№ 3).

А. Портреты Ивана III (*).

а. Древній.

I. Типъ Тэвз.

Профильный, поясной.

1. Вправо; съ вьющимися волосами и косматою бородою; въ остроко-
нечной мѣховою шапкѣ и въ кафтанѣ съ большимъ мѣховымъ воротникомъ;
съ мечомъ въ сложенныхъ рукахъ; подъ аркой. Слѣва на полѣ напечатано:
„*Pourtrait | de Jean pre | mier d'entre | les Moscoui | tes, qui por | ta
tiltre de | grand Duc*“.

Гравюра на деревѣ: в. 5. 3, ш. 3. 10 (во франц. дюймахъ и линияхъ).
Наход. на обор. 853 л. въ книгѣ:

LA | COSMOGRA | PHIE VNIVERSELLE | D'ANDRÉ THEVET
COSMO- | GRAPHE DV ROY. || ILLVSTREE DE DIVERSES FIGV-
RES DES | CHOSES PLVS REMARQVABLES VEVEÈS PAR | l'Auteur,
& incogneuës de noz Anciens & Modernes. || Tome Second. || A PARIS, |
Chez Pierre l'Huillier, rue S. Jaques, à l'Oliuier. | 1575. | Avec Priui-
lege du Roy. | fol.

2. Тоже; точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фото-
литографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ из-
даніи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

б. Новые.

(вымышленные).

II. Типъ Дорша.

3. Грудной, $\frac{3}{4}$ вправо; въ латахъ, съ открытой головою; въ бриту,
безъ подписи.

(*) В. к. Іоаннъ-Тамовой III, сынъ Василія Васильевича Темнаго отъ брака его съ Софіей
Витовтовою, род. въ Москвѣ 22 янв. 1440 г.; женился 4 іюня 1452 г. — на Маріи, дочери кн. Бо-
риса Александровича Тверскаго, и вторично 13 нояб. 1473 г. — на Софіи, дочери греч.
имп. Ѳомы Палеолога, отъ которой имѣлъ потомъ сына Василія; вступилъ на престолъ по смерти
отца своего († 17 марта 1462 г.); † 27 окт. 1505 г.

Грав. на мѣди; въ собраніи медалей, гравиров. Гав. Харитоновичъ и И. Макаровымъ (доски которыхъ хран. въ Академіи Художествъ), двѣ приложенія къ соч. Екатерины II:

Выпись хронологическая изъ исторіи Руской. 2 ч. (Спб., около 1783 г.). 4^о (1).

4. Тоже; въ овалѣ. Вверху — двѣ лавровыхъ вѣтви, внизу — плита съ надписью: „IVAM (sic) III VAZILIEVITZ | monte sur le trône en 1462. et | regne 43 ans.“ и разное оружіе. Надъ портретомъ: „Tome II — Page 224“; подъ нимъ: „Dessiné par Chevalier — Dirigé par Née — Gravé par Chenu“.

Грав. рѣзцомъ, въ книгѣ:

Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Par M. Le Clerc. Tome II. A Paris. M.DCC.LXXXIII. 4^о.

5. Тоже; въ кружкѣ, съ надписью: „ВЕЛИКІИ КНЯЗЬ ИОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ“.

Грав. пунктиромъ; на одномъ листѣ съ 14 портретами другихъ великихъ князей русскихъ, съ подписью: „Drawn & Engraved by I. Charman from a Series of Medals in the possession of the Rev^d. W^m. Tooke | London Published Feby. 1800 by Messrs. Longman & Rees Pater Noster Row“. Находится въ книгѣ:

History of Russia, By W. Tooke. Vol. II. London. Printed by A. Straban. 1800. 8^о.

6. Тоже; съ прибавленіемъ шубы поверхъ лавъ и плита въ правой рукѣ; въ овалѣ, гдѣ едва видна внизу подпись: „Грав. Е. Цынтеровъ“; съ двугл. орломъ вверху и четырехъ-угольной плитой внизу, на которой надпись: „ИОАННЪ III | Вел. Кн. Россійскій“.

Грав. пунктиромъ, въ книгѣ:

Краткое историческое и хронологическое описаніе жизни и дѣяній Великихъ Князей Россійскихъ, Царей, Императоровъ и ихъ пресвѣтлѣйшихъ супруговъ и дѣтей; ... Съ изображеніемъ гравированныхъ ихъ портретовъ. Часть вторая. Издвненіемъ и трудами, изъ разныхъ достовѣрныхъ бытописателей и манускриптовъ собранное и въ свѣтъ изданное, Кол. Сов. Еф.

(1) См. Отеч. Записки, издав. П. Свиньиннымъ. 1830. Ч. 42, № 120, стр. 131—137.

Филиповскимъ. Москва, въ типографіи Платона Бекетова, 1807 или (по гравиров. заглавію): Пантеонъ Россійскихъ Государей, съ Изображеніемъ гравированныхъ Ихъ портретовъ. Часть II. Изданъ трудами и издывеніемъ кол. сов. Ефр. Филиповскаго... 4°.

7. Поясной, $\frac{3}{4}$ вправо; съ прибавленіемъ меча въ лѣвой рукѣ; съ надписью: „43 | Великій Князь, | Иоаннъ III Васильевичъ. | род. 1439 год. княж. отъ 1462 по 1505. || 154“.

Грав. пунктиромъ, плохой работы (Аванасьева?); на одномъ листѣ съ 7 портретами другихъ князей и царей русскихъ, отъ Дмитрія IV до Бориса Годунова включительно, подъ №№ 40—42, 44—47. (Въ Имп. Публ. Библ.).

Всѣхъ листовъ вышло 8, на нихъ было 63 портрета (отъ Рюрика до Александра I включительно) и 1 картинка (призваніе Варяговъ на царство). На новыхъ оттискахъ — внизу подписи: „съ Мет. А. Логинова.— Печ. позв. Мос. 23 Нояб. 1851 г. Цен. Д. Ржевской“.

Тѣже портреты, нарѣзанные отдѣльно, находятся въ книгахъ:

а) Россійская Исторія отъ Рюрика до дней нынѣ благополучно царствующаго государя императора Александра I Павловича... Соч. Семеномъ Ушаковымъ (Тоже по французски). Въ С.-Петербургѣ печатано въ типографіи Е. Дрехслера 1811. 8°.

б) Собраніе портретовъ | Великихъ Князей, Царей | Императоровъ и Императрицъ | Россійской Имперіи | рисовано и гравировано | съ вѣрнѣйшихъ Оригиналловъ. | Шавальера и Беннера. | для | изданныхъ | Исторіи Россійскаго | Государства. || Продаются у книгопродавца | Василья Логинова. на Ни | кольской улицѣ. | Москва. | 1825. 8°, съ фронтисписомъ (призваніе Варяговъ) и съ 63 портретами. (Въ библ. Д. Θ. Кобеко).

8. Грудной, влѣво; безъ меча и щита въ рукахъ; въ четырехъ-угольной рамѣ. Справа вверху — „41“, внизу — „IVAN III, VASSILIEVITCH“.

Грав. очеркомъ, въ книгѣ:

Atlas de l'histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe, par P.-Ch. Levesque. A. Paris, 1812. 4°.

9. Тоже, вправо; въ кружкѣ, съ надписью: „43. ИОАНЪ 3 васильевичъ. ро. 1439. к. съ 1462 до 1505“.

Грав. пунетиромъ; на большомъ листѣ съ 63 портретами князей и царей русскихъ, отъ Рюрика до Александра I, въ медальонахъ, и съ подписью: „**ВЕЛИКІЯ КНЯЗЯ ЦАРИ ИМПЕРАТОРЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ**“. (Въ собр. Д. А. Ровинскаго) (1^а).

Въ новыхъ оттискахъ, съ 65 портретами, подъ этой подписью прибавлено: „*П. въ Мет. А. Логинова. М. 1858. Г.—Печ. дозв. М. Цен. П. Капитанъ. Юля 14: д. 1858 г.*“ (Въ Имп. Публ. Библ.).

10. Тоже; безъ надписи, но съ № 43; на большомъ листѣ съ 53 портретами князей и царей русскихъ, отъ Рюрика до Иоанна V Алексѣевича, и съ подписями: слѣва „*Dessiné par Chavalier*“ (sic) и ниже „**ВЕЛИКІЕ КНЯЗЯ И ЦАРИ РОССИЙСКІЕ** (слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ 53 портретовъ), въ Москвѣ расположилъ I издавъ Василей Логиновъ. Продастся У него Тверской Части 3 квартала № 281 и Хрустальному ряду № 30“. (Въ собр. Д. А. Ровинскаго).

Тѣже портреты, вырѣзанные кружечками и вставленные въ прорѣзные рамки съ двугл. орломъ вверху, находятся въ книгѣ:

Памятникъ событій въ церкви и отечествѣ,... Соч. Яковымъ Орловымъ: а) 5 ч. Спб., Въ Типографіи Байкова 1816, и б) Изд. второе, исправленное и многими статьями дополненное. 6 ч. Москва. Въ Типографіи С. Селивановскаго. 1818. 8^о.

11. Тоже; копія съ № 6, безъ рамки. Внизу подпись: „**ІОАННЪ Ш. ВАСИ | ЛЬВИЧЪ. | Великій | Вел. Кн. Россійскій**“; справа въ углу №: „42“.

Грав. пунетиромъ, въ трехъ изданіяхъ книги Д. Д. Похорскаго:

а) Исторія Россійскихъ Государей... Посвящается Отечеству, съ 62-мя портретами, гравирован. А. Афонасьевымъ. Москва 1819-го года (по первому, гравированному, загл. листу) *или*: Россійская Исторія, изображающая важнѣйшія дѣянія русскіихъ государей. Москва. Въ Унив. Типографіи. 1819 (по второму, печатному, загл. листу). 8^о;

б) Россійская Исторія съ 63 портретами великихъ государей. Изд.

(1^а) См. Д. Ровинскаго, Русскія народныя картинки. Спб. 1884. 8^о. Т. II, стр. 225, № 525.

2-е, вновь исправл. и умнож. М. Въ Унив. Тип. 1823. 8°, съ прибавкой къ прежней подписи подь портретомъ; „съ 1462 по 1505“;

с) Idem. Изд. 3-е. М. Въ Унив. Тип. 1837. 8°; съ той же прибавкой къ подписки подь портретомъ.

12. Тоже; въ двухъ изданіяхъ книги:

Братская Исторія Россійскаго Государства отъ основанія онаго до нынѣшняго времени, содержащая въ себѣ удовлетворительную Исторію каждаго Государя съ характерами и дѣлами ихъ порознь (и вообще цѣлаго Государства): а) Москва. Въ тип. Авг. Семена. 1824 (съ прибавл. на обор. з. л.: продается у книгопрод. Вас. Логинова, на Никольской улицѣ) и б) Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1828 (съ прибавл. статьи объ имп. Николаѣ I). 18°. (Въ Имп. Публ. Библ. и въ Акад. Наукъ безъ портретовъ)⁽²⁾.

13. Тоже; безъ меча и щита; съ надписью: „*Ioannz III. Васильевичъ, | Великій. | Великій Князь Россійскій*“.

Грав. пунктиромъ, въ книгѣ:

Исторія Государства Россійскаго, въ назиданіе юношества (изданіе Егора Андреева, какъ сказано на гравиров. титулѣ 1-й части). Ч. 2. Москва. Въ Тип. П. Кузнецова. 1824. 12°. (Въ собр. П. А. Ефремова)^(2а).

14. Тоже; въ овальной рамкѣ, украшенной сверху — короной, по бокамъ — военными арматурами и внизу — лавровыми вѣтвями; съ той же подписью, какъ № 13.

Грав. пунктиромъ, въ книгѣ:

Исторія Государства Россійскаго. Ч. 2. Москва. Въ Тип. Н. Степанова. 1829. 12°, представляющей 2-е изд. предыдущаго сочиненія. (Въ Имп. Пуб. Библ. и въ Акад. Наукъ).

15. Оплечный; въ овалѣ, заключенномъ въ четырехъ-угольникъ; подь оваломъ—№ „43“, ниже—бѣлая дощечка съ надписью: „*Ioannz 3. | Васильевичъ*“.

Грав. пунктиромъ: в. 1.8, ш. 1.0; въ собраніи 64 портретовъ рус. князей и царей, отъ Рюрика до Николая I. (Въ Имп. Публ. Библ.).

16. Поясной; въ кружечкѣ подь № 43, рядомъ съ портретомъ Ва-

(2) О нихъ упом. у Смирдина, подь № 2427. (2а) Сообщ. Д. А. Ровинскимъ.

силія IV, въ другомъ кружечкѣ подѣ № 44, и съ краткимъ жизнеописаніемъ внизу.

Грав. пунктиромъ, въ изданіи:

Ручныя таблички Россійской Исторіи для дѣтей, гравера А. А. Осипова, М. 1839 г., въ 16°, съ 64 портретами рос. государей отъ Рюрика до Николая I и ихъ краткими жизнеописаніями⁽³⁾. (Въ собр. П. А. Ефремова — неполный экземпляръ).

17. Поясной; въ шубѣ и со щитомъ. Вверху: „№ — 42“, внизу: „ІОАННЪ III ВАСИЛЬЕВИЧЪ | ВЕЛИКІЙ | *Велик. Кн. Россійскій; вступилъ | на престолъ въ 1462 году; померъ | въ 1505 году; княжилъ 43 года*“.

Грав. пунктиромъ, плохой работы. Наход. въ книгѣ:

Слава Россіи или Исторія Государства Русскаго, съ гравированными портретами. Изданіе Дмитрія Трегубова. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. 12°, съ грав. фронтисписомъ. (Въ Имп. Публ. Библ.).

18. Въ ростъ; въ рыцарскомъ костюмѣ, держа щитъ въ лѣвой рукѣ и опираясь на мечъ правую; съ подписью: „ЦАРЬ ІОАННЪ. III. | *Отъ 1462 до 1505 г. || 44*“.

Грав. очеркомъ съ легкой тѣнью. Наход. въ изданіи:

Портреты 66-ти Россійскихъ Государей отъ Рюрика до Николая I-го. Гравированныя въ ростъ съ краткой Русской исторіей для дѣтей. Изд. Х. Ваханскаго. Печ. въ металлогр. Аванасьева въ Москвѣ. Печ. позв. 16 марта 1847 г. Цен. В. Флеровъ. 4° obl. (Въ Имп. Публ. Библ.).

III. Типъ Пикара.

19. Грудной, $\frac{3}{4}$ влѣво; безъ усовъ и бороды; въ средне-вѣковомъ костюмѣ: въ плащѣ поверхъ латы и въ круглой шляпѣ съ зубцами сверху; въ овалѣ, съ подписью на широкой лентѣ внизу: „25 || Іоаннъ || *Третій снѣ василіевъ... 1505*“ (7 строкъ).

Грав. рѣзцомъ; на большомъ листѣ съ 33 изображеніями князей и царей русскихъ (отъ Рюрика до Іоанна V Алексѣевича) по сторонамъ портрета Петра I въ ростъ, подѣ которымъ помѣщ. изображеніе разныхъ его баталій и подписи: слѣва — „Грыдорвалъ въ С^т: пите^рбурхе Петръ пикаръ |

⁽³⁾ См. Очерки съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, валянія и зодчества. Изд. Корнилія Як. Тромоняна. М. 1839. 4°, стр. 109.

1717: го^л“: „ниже въ картушѣ — ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ || Црѣ ИПОВЕ-
ЛИТЕЛЬ ВСЕРОССИЙСКІИ, || . . .“ (слѣдуютъ еще 22 строки мелкимъ
шрифтомъ) (4).

20. Тоже, съ подписью: „Іоаннъ | третій . . . 1505“.

Грав. рѣзцомъ; на большомъ листѣ лубочной работы 2-й половины
XVIII стол., съ 42 портретами князей и царей русскихъ (отъ Рюрика до
Петра III) по бокамъ изображенія Екатерины II съ маленькимъ Павломъ
Петровичемъ въ ростъ, передъ Кремлемъ. (Въ собр. Д. А. Ровинскаго на
синей бумагѣ) (5).

IV. Типъ Зубова.

21. Грудной, $\frac{3}{4}$ вправо; въ великокняжескомъ костюмѣ: шапкѣ и
шубѣ, отороченныхъ горностаемъ; въ кружечкѣ, съ надписью; „Іоанъ Тре-
тіѣ Великіи Кнѣзь Россійскій || 47“.

Грав. рѣзцомъ; на большомъ листѣ съ 56 изображеніями князей и
царей русскихъ (отъ Рюрика до Петра I) вокругъ портрета Екатерины I
въ ростъ, съ подписями: слѣва — „1725 Грыдорова Алеѣѣи Зубовъ“,
ниже — „Екатерина Алеѣѣевна Императрица и Самодержица всеероссійская...“
(Въ собр. Д. А. Ровинскаго) (6).

22. Тоже, съ подписью: „ІОАННЪ ТРЕТІИ ВЕЛИКІИ КНѢЗЬ
РОССИЙСКІИ || 47“.

Грав. крѣпкой водкой; на большомъ листѣ лубочной работы 1-й по-
ловины XVIII стол., съ 58 изображеніями князей и царей русскихъ (отъ
Рюрика до Петра II) вокругъ портрета Анны Іоанновны въ ростъ, съ под-
писью въ овалѣ: „АННА | ІОАННОВНА | ІМПЕРАТРИЦА | И СА-
МОДЕРЖИЦА | ВСЕРОССИЙСКАЯ“. (Въ Имп. Публ. Библ., въ собр.
Погодина, I. 30).

(4) См. объ этомъ листѣ въ соч. Д. Ровинскаго: 1. Русскіе граверы (М. 1870), стр. 265,
№ 4; 2. Словарь рус. грав. портретовъ (Спб. 1872), стр. 126, № 254; 3. Русскія народн. кар-
тинки (Спб. 1884), т. II, стр. 237—243, № 539.

(5) См. Д. Ровинскаго, Рус. народн. картинки, т. II, стр. 237, и т. IV, стр. 457, № 539.

(6) См. объ этомъ листѣ въ соч. Д. Ровинскаго: 1. Русскіе граверы (М. 1870), стр. 197,
№ 46; 2. Словарь рус. грав. портретовъ (Спб. 1872), стр. 47, № 4.

В. Портреты Василя IV (*).

а. Древніе.

І. Титъ Гиришфогеля-Герберштейна.

Профильный, въ ростъ.

1. Влѣво, съ орлинымъ носомъ и закрученной бородой; въ длинномъ и широкомъ кафтанѣ съ узкими рукавами, четырьмя нашитыми петлями на груди и отложнымъ мѣховымъ воротникомъ; въ шапкѣ-колпакѣ, отороченной мѣхомъ по краямъ, и въ сапогахъ съ загнутыми вверху носами. Великій князь, опершись руками на колѣни, сидитъ на широкой скамьѣ съ высокой спинкой, немного отогнутой вверху назадъ и украшенной по бокамъ дельфиновыми головами, отъ которыхъ идутъ вверху листья; ножки скамьи не видно. Къ сидѣнью прислоненъ закругленный внизу щитъ, съ бѣлой полоской вверху — для надписи и съ изображеніемъ ниже древнерусскаго герба: св. Георгій представленъ здѣсь въ видѣ нагаго мальчика, скачущаго влѣво на несѣдланной лошади съ поднятымъ вверху хвостомъ и вонзающаго копьё лѣвой рукой въ шею крылатаго дракона, котораго онъ повалилъ навзничь. На землѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ — камушки, а слѣва — кустикъ травы; подъ самыми ногами в. к. — монограмма Августина Гиришфогеля, состоящая изъ буквъ АНГ, соединенныхъ вмѣстѣ и поставленныхъ между цифрами 15—47, что означаетъ: „Augustinus Hirschvogel“.

(*) В. к. Василій-Гаврилъ (въ монастырѣ Варлаамъ), сынъ Іоанна III Васильевича и второй супруги его Софіи Фоминичны Палеологъ, род. въ Москвѣ 25 марта 1488; женился 4 сент. 1505 — на Соломоніи, дочери Юрія Константиновича Сабурова; вступилъ на престолъ, по смерти отца своего, 28 окт. того же года; за безплодіе постригъ свою супругу въ монахини 28 нояб. 1525, въ Рождественскомъ монастырѣ въ Москвѣ, подъ именемъ Софіи, а потомъ заключилъ въ Покровскій монастырь въ Суздаль (гдѣ она и скончалась 18 дек. 1542); женился вторично 24 янв. 1526 — на княжѣ Еленѣ, дочери Василя Львовича Глинскаго, отъ которой и имѣлъ потомъ сына Іоанна, прозваннаго Грознымъ; † 3 дек. 1533.

«Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лице миловидное (*specie corporis eximia* — по свидѣтельству Павла Іовія), взоръ пронизательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени» (см. Карамзина, Ист. Гос. Росс., VII. 405 и пр. 333).

gel fecit 1547“. Надъ головой в. в. напечатаны наборнымъ шрифтомъ латинскіе гекзаметры: „Russorum Rex & Dominus sum, iure paterni | Sanguinis, imperij titulos a nemine, quavis | Mercatus prece vel precio, neq legibus vllis | Subditus alterius, sed CHRISTO credulus vni | Emendicatos alijs, aspernor honores“.

Грав. на мѣди крѣпкой водкой. Величина одной фигуры: в. 4.11, ш. 3.7 (отъ правой ноги в. в. до герба); вмѣстѣ съ гербомъ: в. 5.3, ш. 4.6 (отъ края герба до кустика слѣва); всей гравюры, со стихами: в. 7.6, ш. 4.11. Дѣлана для 1-го изданія соч. Герберштейна:

REXVM MOSCO | VITICARVM CO | MENTARII. | JN hijs commentarijs sparsim contenta habebis | candide Lector. | Russiæ, & que nunc eius Metropolis est, Moscouiæ | breuissimam descriptionem. | De Religione quoq; varia inserta sunt: Et que nostra | cum Religione non conueniunt. | Corographiam deniq; totius imperij Moscici: Et vicinorum | quorundam mentionem. | Quis deniq; modus excipiendi & tractandi oratores: | disferitur. | Jtineraria quoq; duo, in Moscouiam sunt adiuncta (подъ посвящ.: Viennæ Austriæ prima Martij. M. D. XLIX). f^o.

Извѣстные мнѣ оттиски этого рѣдкаго портрета находятся:

Въ Митавѣ.

1) Въ экземплярѣ вышеупомянутой книги, купленномъ послѣ академика Ф. Ф. Шуберга Ф. К. Эльсгольцомъ, а отъ этого послѣдняго — гр. Леонидомъ Паленомъ, въ библіотекѣ котораго, въ его имѣнїи Гофшумбергъ, онъ и хранится теперь.

Въ Герцогенбургѣ (въ Австріи).

2) Въ экземплярѣ той же книги, описанномъ у Дени⁽¹⁾.

Въ Вѣнѣ.

3) Съ большими полями — въ экземплярѣ той же книги, принадле-

(1) Wien's Buchdruckergeschichte bis M. D. LX. Von Michael Denis. Wien 1781. 40. S. 656, № 705.

жавшемъ самому Герберштейну, который сдѣлалъ въ немъ собственноручныя поправки, и хранящемся теперь въ Имп.-Кор. библіотекѣ (№ 63. В. 2).

4) Въ рукописной автобіографіи Герберштейна съ 1486 по 1553 г., съ замѣтками самого автора, въ книжкѣ in 4°, между 51 и 52 лл., въ Императорско-Королевскомъ Тайномъ Домашнемъ, Придворномъ и Государственномъ Архивѣ⁽²⁾.

5) и 6) Въ собраніяхъ гравюръ Гиршфогеля: въ Имп.-Кор. библіотекѣ (л. 24) и въ Альбертинѣ (л. 30).

Въ Регенсбургъ или Нюрнбергъ.

7) Съ надписями древнею рукою: надъ фигурой в. к. (вмѣсто латинскихъ гекзаметровъ) — „Ich bin der Reissen Herr vnd König, | Meines Ahnlichen erbs begnüegig. | Hab nichts erbetten noch erkhaufft, | Bin im Namen Gottes ein Christ getaufft“, и на бѣлой полоскѣ щита съ гербомъ — „WASILIVS REX MOSCOVIÆ“.

Въ книгѣ съ 158 гравюрами Гиршфогеля (1543—50 г.г.) и другихъ мастеровъ, принадлежавшей прежде, какъ можно полагать, самому Гиршфогелю и доставшейся затѣмъ: сперва купцу Бертраму въ Регенсбургѣ, потомъ — Шрейберу, который показывалъ ее І. А. Бёрнеру въ Нюрнбергѣ; послѣдній составилъ подробное описаніе этого тома, напечатанное уже послѣ его смерти⁽³⁾.

Въ Лондонъ.

8) У сэра Вильяма Бренчлей Рей (William Brenchley Reye), служившаго прежде въ Британскомъ музеѣ и доставившаго этотъ портретъ иктеру Меджору (R. H. Major); послѣдній помѣстилъ копию съ него въ своемъ англ. переводѣ соч. Герберштейна⁽⁴⁾.

Въ Петербургъ.

9) Въ Имп. Публ. Библіотекѣ, получившей этотъ портретъ въ даръ

(2) Fontes Rerum Austriacarum. I Abtheilung. 4 Band. Wien 1855. 8°. S. 123, въ примѣчаніи къ печатному тексту этой автобіографіи.

(3) Archiv für die zeichnenden Künste, Herausgeg. von Dr. Rob. Naumann, Unter Mitwirkung von Rud. Weigel. Leipzig 1866. 8°. S. 79.

(4) Notes upon Russia. London 1851. 8°. I, cxlvii.

отъ Г. Н. Геннади, который купилъ его на аукціонѣ послѣ маркиза Дураццо за 5 флор. 36 крейц. ⁽⁵⁾.

2. 3. Копія съ этого портрета:

2. Съ кустикомъ подъ правой ногой в. в. и съ подписями: справа — „Etched by W. Brenchley Rye, Esq.“ и ниже — „THE GRAND PRINCE VASILEY IVANOVICH. | From Herberstein's Rerum Moscoviticarum Commentarii“.

Грав. крѣпкой водкой. Величина одной фигуры: в. 4.10, ш. 3.7½; всей гравюры: в. 5.3, ш. 4.4. Въ книгѣ:

Notes upon Russia: by the Baron Sigismund von Herberstein. Translated and edited by R. H. Major. Vol. II. London. Printed for the Hakluyt Society. MDCCCLII. 8°.

3. Наяточнѣйшая, сдѣланная по способу г. Скамони съ экземпляра Спб. Публ. Библиотеки, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

4. Тоже, что № 1, только голова менѣе отклонена назадъ, руки болѣе разставлены, ноги сближены и поджаты подъ скамью; послѣдняя безъ дельфиновыхъ головъ и безъ щита съ гербомъ; надъ головой в. в., вмѣсто стиховъ, — надпись: „WASILIVS REX RVTH. MAG. | DVX MOSCOVIE“.

На одномъ листѣ изъ трехъ отдѣленій и 16-ти подраздѣленій, съ 8 портретами другихъ коронованныхъ особъ того времени: имп. Максимилиана I, Карла V, Фердинанда I, Людовика Венгерскаго, Христіана Датскаго, Сигизмунда I, Сигизмунда II (въ медальонахъ, вверху), Сулеймана Турецкаго (съ лѣв. боку), и Сигизмунда Герберштейна (внизу), съ картой Московіи (всрединѣ), съ 4 изображеніями путешествій: въ саняхъ, въ телѣгѣ, верхомъ и на кораблѣ (въ самомъ низу), и съ подписью: „SIGMVNDVM VARIAS MVNDI RAPVERE PER ORAS | TERRA RATES VNDÆ NIX TRANA CVRRVS EQVI“.

Грав. на мѣди крѣпкой водкой, работы Авг. Гиршфогеля, 1547 г. Величина всего листа: по Барчу ⁽⁶⁾ — в. 10.3, ш. 7.3; по Наглеру ⁽⁷⁾ —

⁽⁵⁾ H. G. Gutekunst's Kunst-Auction in Stuttgart. № XI. Catalog der... Kupferstich-Sammlung des Marchese J. Durazzo. I. Stuttgart. 1872. 8°. — Preis-Liste der Stuttgarter Kunst-Auction vom 19 November 1872, № 2432.

⁽⁶⁾ Bartsch, P.-Gr., IX. 179. № 36.

⁽⁷⁾ Nagler, Monogram., III. № 616.

в. 10.5, ш. 7.6; по Бёрнеру ⁽⁸⁾ — в. 10.2, ш. 7.1, доски же: в. 10.4, ш. 7.5.

Предназначался, вѣроятно, для автобіографіи Герберштейна и замѣненъ потомъ гравюрой на деревѣ (ср. ниже № 16).

Извѣстные мнѣ экземпляры этого рѣдчайшаго листа находятся въ собраніяхъ гравюръ Гиршфогеля: въ Вѣнской имп.-кор. библіотекѣ (л. 45) и въ бывшемъ у Бёрнера.

5. Тоже; точная копія съ № 4, сдѣланная по способу г. Скамони съ фотографіи на желатинѣ, снятой вѣнскимъ придв. фотографомъ Лѣви съ экземпляра Вѣнской библіотеки, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

6. Вправо. Копія съ № 1, въ обратную сторону и со слѣдующими измѣненіями: въ лѣвую руку в. к. вставлена длинная палка съ шишкой на концѣ; подъ ногами его — трава, рядомъ съ лѣвой ногой — большой кустъ; позади его — пейзажъ съ деревьями и зданіями, вдали — горы; гербъ тоже въ обратную сторону, причемъ копые у св. Георгія косяе и хвостъ у его лошади пучкомъ.

Грав. на деревѣ: в. 4.4½, ш. 2. 10. На оборотѣ — ѣзда въ саняхъ. Находится въ итальян. переводѣ соч. Герберштейна:

COMENTARI DELLA MOSCOVIA | *Et parimente della Russia, & delle altre cose belle & | notabili, composti gia latinamente per il signor Sigis | mondo libero Barone in herberstain. Neiperger | & Guetnlag, tradotti nouamēte di latino | in lingua nostra uuolgare Italiana.* || SIMELMENTE VISITRATTA DELLA RELIGIONE DEL | li Moscouiti, et in che parte quella sia differēte della n̄ra bēche si chiamino chr̄iani. || ITEM una descrizione particolare di tutto L'imperio Moscouitico, toccando | ancora di alcuni luoghi uicini, come sono de Tartari, Lituaniani, | Poloni, & altri molti riti & ordini di que popoli. || In Venetia per Gioan Battista Pedrezzano. | Cum Priuilegio del Illustriss. Senato Venetiano. Per anni. x. M DL. (*Stampato in Venetia per Nicolo de Bascarini ad instantia di M. Batti | sta Pedrezano Anno. M. DL. — какъ сказано на об. 90 л.). 4°; съ полнымъ гербомъ Герберштейна (въ обратную сторону) на з. л.*

(8) Naumann's Archiv 1866, S. 80—81.

7. Тоже; точная копія съ № 6, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

8. Влѣво. Копія съ № 1, со слѣдующими измѣненіями: в. в. сидитъ въ комнатѣ съ прямымъ потолокомъ, двумя колонками по сторонамъ и четырьмя большими и широкими окнами, черезъ которыя видны горы и деревья; подъ окнами, у задней стѣны, — длинная широкая скамья; на подоконникѣ одного изъ оконъ, крайняго справа, годъ — „1551:“. Надъ портретомъ — четырехъ-угольная рамка для надписи.

Грав. на деревѣ. Величина: съ рамкой — в. $7.10\frac{1}{3}$, ш. $5.6\frac{1}{3}$; безъ рамки — в. $5.5\frac{1}{2}$, ш. $5.6\frac{1}{2}$. Находится въ 4 латинскихъ и 2 нѣмецкихъ базельскихъ изданіяхъ соч. Герберштейна:

a) RERVМ MOSCO | uiticarum Commentarij Sigis | mundi Liberi Baronis in Her|berstain, Neyperg, & | Guettenhag|... (далѣе — тоже, что и въ 1-мъ изд.). Accessit etiam locuples rerum & uerborum in his memo | rabilium Index. | BASILEAE, PER IO | annem Oporinum (ANNO | Salutis humane M. D. LI. | Mense Iulio. — какъ сказано въ концѣ книги). f^o.

b) RERVМ MOSCOVITI | carum Commentarij Sigismundi | Liberi Baronis in Herberstain, | Neyperg, & Guettenhag: | ... *Ad hæc, non solum nouæ aliquot Tabulæ, sed multa etiam alia nunc demum ab | ipso autore adiecta sunt: quæ, si cui cum prima editione conferre li | beat, facile deprehendet.* || (Слѣдуетъ значокъ Опориновой типографіи — Аріонъ). Cum Cæs. & Regiæ Maiest. gratia & priuilegio | ad decennium. | BASI-LEAE, PER IOAN | nem Oporinum. (Anno Salutis humanæ M. D. LVI. | Mense Augusto. — какъ сказано въ концѣ книги). f^o.

c) RERVМ MO | SCOVITICARVM COM | mentarij Sigismundi Liberi Ba | ronis in Herberstain, Neyperg, | & Guettenhag: | Quibus Russiæ ac Metropolis eius Moscouiæ descriptio, Cho | rographica tabulæ, Religionis indicatio, Modus excipiendi & | tractandi oratores, Itineraria in Moscouiam duo, | & alia quædam continentur. | HIS NVNC PRIMVM ACCEDVNT, | SCRIPTVM RECENS DE GRAECO | rum fide, quos in omnibus Moscorum natio | sequitur: | ET | COMMENTARIVS DE BELLIS MOSCORVM AD | uersus finitimos, Polonos, Lituanos, Suedos, Liuonios, & alios gestis, | ad

annum usque LXXI, scriptus ab Ioanne | Leuuenclaiio. || (Слѣдуетъ значокъ Оporиновой типографіи). Cum Cæs. & Regiæ Maiest. gratia & priuilegio | ad decennium. | *BASILEAE, EX OFFICINA OPO | RINIANA.* 1571. (PER POLYCARPVM ET HIERONY | MVM GE-MVSAEOS, & BALTHASARVM HAN, | Anno Salutis humane M. D. LXXI. | Mense Martio. — какъ сказано въ концѣ книги). 9° (9).

d) *RERVM | MOSCOVITI | CARVM AVCTORES | VARI: VNVM IN CORPVS | NVNC PRIMVM CONGESTI.* | Quibus & Gentis Historia, | continetur: | *ET REGIONVM ACCVRATA | DESCRIP-TIO.* | Additus est Index rerum & verborum in primis notabilium copiosus. || (Слѣдуетъ марка типографіи). FRANCOFVRTI | Apud hæredes Andreæ Wecheli, | Claud. Marnium & Ioan. Aubrium. | M. DC. 9° (10).

Во всѣхъ 4-хъ изданіяхъ — со стихами, напечатанными наборнымъ шрифтомъ въ рамкѣ надъ портретомъ: „*Russorum Rex & Dominus sum, iure paterni | Sanguinis: imperij titulos à nemine, quauis | Mercatus prece, u(v)el precio: nec legibus u(v)llis | Subditus alterius, sed Christo credulus u(v)ni, | Emendicatos alij(i)s asperror honores*“. При челъ въ изд. 1600 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой надписи буквы „j“ и „u“ замѣнены буквами „i“ и „v“, а въ изд. 1551 г. подъ портретомъ, какъ помѣта того листа, поставлена буква „A“. На оборотѣ его — предисловіе „*Ad lectorem*“, начинающееся большой гравированной на деревѣ буквой „M“, позади которой изображены: въ изд. 1551 г. — медвѣдь, мордой вправо; въ изд. 1556 г. — гоній, натягивающій лукъ; въ изд. 1571 г. — три гения, а въ изд. 1600 г. — плетеный орнаментъ съ крылатой кариатидой.

e) *Moscouiter | wunderbare Historien: In welcher | dess trefflichen Grossen land Reüssen, sampt der hauptstatt Moscauw, | vnd anderer nammhafftigen vmligenden Fürstenthumb vnd stetten gelegenheit, | Religion vnd seltzame gebreüch: Auch dess erschrockenlichen Grossfürsten zu | Moscauw härkommen, mannliche tathen, gewalt, vn̄ lands ordnung, | auff das*

(9) У Селлія (Burch. Ad. Sellius, Schediasma Literarium de Scriptoribus qui Historiam Rossiae scriptis illustrarunt. Revaliae 1736, p. 19) — показано еще изд. 1573 г., а у Мейселя (Mäusel, Literatur der Statistik) — 1574 г.; только и тамъ и здѣсь — вѣроятно к.-в. ошибка.

(10) Это изданіе, вѣроятно, и приведено у Дени, только съ вѣтренымъ годомъ; у него сказано: A. 1560 wiederholten die Oporinsche Ausgabe die Wechelschen Erben in Frankfurt (Denis. Wien's Buchdruckergeschichte, S. 657).

fleyssigest ordenlichen begriffen: so alles biss här | bey vns in Teütscher nation vnbe | kandt gewesen. || Erstlich durch den wolgebornen herren Sigmunden Freyherren zu | Herberstein, Neyperg, vnd Gutenhag &c. welcher zu etlichen malen Röm. Kay. vn̄ | König. May. in selbigen landen Legat gewesen, fleyssig zu latein beschriben: Jetz | zu malen aber, [zu ehren vnd wolgefallen dem wolgebornen herren JOHANS|GRAVEN ZV NASSAW &c.] durch (den ehrwürdigen) Heinrich Pantaleon, | der Freyen künsten vnd Artzney doctorn zu Basel, auff das | treüwlichest verteütschet vnd in truck verferti | get: Alles gantz wunderbar, nutzlich, vnd | kurtzweylich zu lesen⁽¹¹⁾. || Mit sampt H. Pauli Jouij Moscouitischer landen, vnd (h. Heinrich Pantaleon Littauwischen, | Polnischen, Schwedischen, Leyfflendischen, Nordwegischen, Vngarischen, Türckischen, vnd | Tartarischen völkeren, so zu ringharum an die Moscouiter stossend: demnach) H. Georgen Wernhern Vngarischer wun | derbaren wasserren beschreibung, auch etlichen schönen Figuren vnd Lands | tafeln, darzu einem vollkommenen Register bezieret. || Gedruckt zu Basel, Anno 1563. (bey Niclauss Brillin | ger vnnd Marx Russinger. — какъ сказано въ концѣ книги). f^o.

f) Idem (съ пропускомъ въ заглавіи — фразъ, заключенныхъ въ прямыхъ скобках, и съ прибавленіемъ — заключенныхъ въ круглыя), 1567. (bey Niclauss Brillinger erben | vnnd Marx Russinger). f^o⁽¹²⁾.

Въ обоихъ изданіяхъ—на оборотѣ з. л., со стихами, напечатанными наборнымъ шрифтомъ въ рамкѣ надъ портретомъ:

Moscouiten Grossfürst.

Der Reüsssen Kū(ō)nig vnd herre gut

Bin ich von meiner elteren blut.

Kein Tittel ich durch gelt vnd bitt

Von niemand je erkauffet nitt.

Keim herren ich gehorsam zwaar

Dann Christo Gottes sun ist waar.

(11) Въ изд. 1567 г. послѣдняя фраза поставлена передъ обозначеніемъ мѣста и года печати.

(12) Пожалуй, это изд. и помѣщено у Селлія (Sellius, Schediasma Literarium, p. 19) въ числѣ латинскихъ, съ 1567 г. — Въ Дрезденской корол. библіотекѣ есть точно такое изданіе, напечатанное въ Прагѣ въ 1567 г. (Adelung, Siegmund von Herberstein, 362).

9—11. Копія съ этого портрета :

9. Наиточнѣйшая — въ спб. перепечаткѣ 1795—1804 гг. нѣмецкаго базельскаго изданія Герберштейновой Московіи 1567 г.

Грав. на мѣди, того же размѣра.

10. Въ обратную сторону, безъ комнатной обстановки, съ подписью: „ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ | ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ“.

Грав. на камнѣ: в. 5. 7, ш. 4. 1.

11. Болѣе точная, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи (13).

12. Влѣво. Копія съ № 1, со слѣдующими измѣненіями: въ перспективѣ, особенно справа, видны горы; щитъ съ гербомъ — безъ бѣлой полосы сверху; св. Георгій представленъ уже не нагимъ мальчикомъ, а взрослымъ мужчиной съ бородой, въ развивающемся по вѣтру плащѣ; онъ повернулся корпусомъ къ лошадиному хвосту и копье держитъ обѣими руками. драконъ уже не лежитъ на спинѣ, поднявъ хвостъ, а уперся лапами въ землю и, повернувъ голову вправо, открылъ пасть; хвостъ у лошади опущенъ; подъ правой ногой в. к. — камушекъ, подъ лѣвой — другой, четырехугольный, съ годомъ „1556“.

Грав. на деревѣ: в. 5. 6, ш. 3. 11 $\frac{1}{2}$. Находится въ сочиненіяхъ Герберштейна:

a) *Moscouia der Hauptstat* | in Reissen, durch Herrn Sigmun | den Freyherrn zu Herberstain, Neuperge vnd Gueten | hag Obristen Erbcamrer. vnd obristen Erbtruckhsessen in Kärntn, | Römischer zu Hungern vnd Behaim Khü. May. &c. Rat, Camrer vnd Presi | denten der Niederösterreichischen Camer zusammen getragen. || Sambt des Moscouiter gepiet, vnd seiner anrainer | beschreibung vnd anzaigung, in weu (*sic*) sy glaubens | halb. mit vns nitgleichhellig. || Wie die Potschafften oder Gesanten durch sy em | phangen vnd gehalten werden, sambt zwayen vnder | schidlichen Raisen in die Mosqua. || Mit Rö. Khü. May. gnad vnd Priuilegien | Getruckht zu Wienn in Osterreich durch Michael | Zimmerman in S. Anna Hoff. | 1557. f^o (13^a); на оборотѣ предисловія къ читателю, помѣченнаго

(13) 4-я, литографическая, копія — въ изд. Висковатова: Рисуны Одежды и Вооруженія Росс. Войскъ (Спб. 1843), въ 1.

(13^a) У Штука (Gotl. Heinr. Stuck's Verzeichniss von ält. und neuern Land- und Reist-

внизу буквой „Aiiij“. Вверху, въ черной коѣмкѣ, обрамляющей этотъ портретъ, напечатано наборнымъ шрифтомъ:

Ich bin der Reissen Herr vnd Khünig
Meines Andlichen Erbs benuegig
Hab von nyembt nichts erbetn noch gekhauft
Bin in namen Gottes ain Christ getaufft.

b) GRATAE POSTERI | TATI SIGISMVNDVS LIBER BARO
IN HER | berstain Neiperg & Guettenhag, Primarius Ducatus Carinthiae
Hæ | reditariusq; & Camerarius & Dapifer &c. Immunitate meritorum
ergo | donatus, actiones suas à puero ad annum vsq; ætatis suæ septua |
gesimum quartum, breui commentariolo | notatas reliquit. || (Слѣдуетъ
грав. на деревѣ малый, но полный гербъ Герберштейна). VIENNÆ AV-
STRIÆ EXCV | debat Raphael Hofhalter | ANNO | M. D. LX. f^o (14); на
оборотѣ листа В, содержащаго грав. на деревѣ изображение Герберштейна въ
ростѣ, въ костюмѣ, въ какомъ онъ представлялся польскому королю Сигиз-
мунду и вел. кн. московскому Василию, — съ 1559 годомъ, справа внизу.

13. Тоже; точная копія съ № 12, сдѣланная посредствомъ фотоли-
тографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ — съ от-
тиска изъ „Московіи“ Герберштейна 1557 г., — въ изданіи Д. Ровинскаго:
Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

14. Вправо. Копія № 6 (?), со слѣдующими измѣненіями: в. к. си-
дять не на скамьѣ, а на стулѣ о четырехъ ножкахъ, но тоже съ высокой
спинкой и съ дельфиновыми головами по бокамъ; щитъ съ гербомъ не при-
слоненъ къ сидѣнью, а сдѣланъ справа, противъ головы в. к.

Маленькій портретъ въ лѣвомъ нижнемъ углу скопированной съ
Гиршфогеля карты Московіи, съ надписью въ лѣвомъ верхнемъ углу: „BRE-
VIS EXACTAQVE | MOSCOVIÆ DESCRIPTIO“. Подъ картой — двѣ

beschreibungen. I, 142. № 662) упоминается перепечатка этого изданія, сдѣланная въ Вѣнѣ, въ
1618 г., въ л., съ картами. Тоже извѣстіе повторено у Аделунга (Uebersicht der Reisenden I, 174
и Обзоръ Путешественниковъ I, 114) и у другихъ писателей о Герберштейнѣ.

(14) Въ некоторыхъ экземплярахъ этой книги портретъ в. к. раскрашенъ такимъ образомъ,
что шапка сдѣлана бѣлая, съ соболей опухой, а сапоги — красные (см. Adelong. S. v.
Herberst., 73).

строки стиховъ: „RVSSORVM REX ET DOMINVS SVM, IVRE PATERNI SANGVINIS: IMPERII TITVLOS A NEMINE, QVAVIS MERCATVS PRECE, VEL PRECIO: | NEC LEGIBVS VLLIS SVBDITVS ALTERIVS, SED CHRISTO CREDVLVS VNI, EMENDICATOS ALIIS ASPERNOR HONORES:“

Грав. на мѣди. Величина портрета: в. 1.1, ш. 0.9 $\frac{1}{2}$; съ гербомъ — 1. 0 $\frac{1}{2}$; величина карты: в. 5. 2 $\frac{1}{2}$, ш. 7. 10 $\frac{1}{2}$. Находится въ соч. Герберштейна:

RERVМ MOSCO | VITICARVM COMMEN | tarij, Sigismundo Libe | ro authore. || RVSSIAE breuissima descriptio, & de reli | gione eorum varia inserta sunt. || Chorographia totius imperij Moscici, & vic | norum quorundam mentio. (Слѣдуетъ типографская марка) ANTVERPIÆ, In ædibus Ioannis Steelsii. | M. D. LVII. | Cum gratia & priuilegio Cesareo. (Typis Ioannis Latij. — какъ сказано въ концѣ книги). 8° (15).

15. Тоже; точная копія съ № 14, сдѣланная посредствомъ фотоли- тографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ — съ экзе- пляра, принадлежащаго П. Я. Дашкову, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Ко- піи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

16. Влѣво. Копія съ № 4, только шапка — гречневикомъ и болѣе отклонена назадъ; подъ ногами в. к. — два небольшихъ камушка; слѣва — холмы, вдали — зданіе съ башенкой и дерево; прибавленъ также гербъ, скопированный съ № 12, причемъ хвостъ у лошади — поднять. Вверху надпись: „WASILIVS. | MAG DVX. MOSCOVIE“.

Грав. на деревѣ: в. 2. 8 $\frac{1}{2}$, ш. 1. 7 $\frac{1}{2}$. Находится въ сочиненіяхъ Герберштейна:

а) Gratæ Posteritati Si | GISMVNDVS LIBER BARO | IN HERBER- STEIN, NEIPERG ET | Guetenhag, primarius ducatus Carin | thiæ here- ditariusq; & Camerarius & | Dapifer &c. imunitate meritorum | ergo donatus, actiones suas à pu | ero ad annum vsq; ætatis suæ | septuage- simum tertium | breui commentario | lo notatas reli | quit. || VIENNÆ AVSTRIÆ EXCV | debat Raphaël Hofhalter. | ANNO | M. D: LVIII:

(15) Въ «Bibliotheca Historica» (Hamburg, Cent. IV. Art. 87. S. 267) приведено Амстер- ское изд. 1557 г., въ 1., — какъ лучшее; чего вовсе нельзя сказать о вышеупомянутомъ.

4°; на оборотѣ листа Aiiij, содержащаго грав. на деревѣ медальонъ съ портретомъ Сигизмунда I.

b) Sigmund Freyher zu Herberstain | Neyperg vnd Guttenhag, oberster | Erbcamrer vnd oberster Druch | sas in Karntn. || Den Gegenwurtign vnd nach | komendn Freyherrn zu | Herberstain. || Gedruckt zu Wienn in Osterreich, | durch Raphaeln Hofhalter. (1558). 4° (16); на оборотѣ таковаго же медальона, какъ и въ предыдущей книгѣ, только по бокамъ портрета в. к. — цифры: M. D.—XVII.

c) Sigmundt Freyherr zu Herberstain, Neyperg, vnd Guttenhag, Oberster Erbcamrer vnd Oberster Erbdruksas in Kärnthn, des Röm: Kayser Ferdinanden Ratt, Camrer vnd president der Niderösterreichischen Camer. Den Viertn Khayser erlebt, den Dreyen In Kriegen, achte jn Ratn, Potschaftn hie vertzaichnet, vnnnd vilen andern auch gefेरlichen Raysn, vier und viertzig, die thuen zwae vnd funfftzig Jar gedient. M. D. lviii. in Maio. f° (17); на з. л., отпечатанъ вмѣстѣ съ портретами 7 разныхъ европейскихъ государей того времени (въ медальонахъ) и турецкаго султана Сулеймана (въ четырехъ-угольнике), съ 5-ю сценами путешествій: въ телѣгѣ, верхомъ, на корабляхъ, пѣшкомъ и въ лодкахъ, наконецъ въ саняхъ, и съ малымъ полнымъ гербомъ Герберштейна.

d) Sigmundt Freyherr zu Herberstain, Neyperg, | vñ Guttenhag, Oberster Erbcamrer vñ Ober | ster Erbdruksas in Kärnthn, des Röm: Kayser Fer | dinanden Ratt, Camrer, vnd president der | Niderösterreichischen Camer. | Mein alters im LXXIII. || DEN Vierdtн Khayser erlebt, Den Dreyen In | Kriegen, Achte jn Ratn, Potschaften hie vertzaichnet, vnnnd vilen andern auch gefेरlichen | Raysn, fünffvndviertzig Jar ge | dient. M. D. LIX. | in Decemb. f°; на раскрашенномъ з. л., съ тѣми же изображеніями, какъ и въ предыдущей книгѣ. На оборотѣ — двѣ грамоты, данныя имп. Максимилианомъ I Герберштейну въ 1514 и 1516 гг., и начало третьей. По Дени, тотъ же листъ находится въ изданіи:

(16) Годъ 1558 не обозначенъ на з. л., но онъ вытѣсненъ на кожанномъ переплетѣ экземпляра этой книги, который принадлежалъ самому Герберштейну и находится теперь въ Вѣнской имп.-кор. библиотекѣ (BE. X. Q. 32).

(17) Adelung, S. v. Herberstein, 422—424 (по экз. Румянцевскаго музея); см. также Notes проп Russia, by Herberstein. Translated . . . by Major. I, lxxxvii—lxxxviii (объ экз. Британскаго музея).

Sigmund Freyherr zu Herber | stain Neyperg, vnd Guttenhag, ober-
ster Erb | camrer vnd oberster Druchsas in Kärnttn. || Den Gegenwur-
tign vnd nachko | mendn Freyherrn zu | **Herberstain.** || Seines thuns
dienstn vnnnd Raisens mit trewer | vermannung sich zu Tugenden vnd |
guetem weesn schicken. || Gedruckt zu Wienn in Osterreich | durch
Raphaeln Hoffhalter. (1559). f^o (18).^{*}

e) PICTVRAE VARIAE | Quæ Generosum ac Magnifi | cum Domi.
Dominum Sigis | mundum liberum Baronem in | Herberstain Neyperg &
Gutten | hag etc. varias legationes | obeuntem expri | munt. || (Слѣдуетъ
грав. на деревѣ малый, но полный гербъ Герберштейна). VIENNÆ AVSTRLE
EXCVDE | VAT RAFAEL | HOFHALTER. | ANNO | M. D. LX.
f^o; на 2-мъ з. л., вмѣстѣ съ такими же изображеніями, какъ и въ преды-
дущей книгѣ (расположенными даже въ томъ же порядкѣ, только сдвиги
путешествій верхомъ и на корабляхъ перестановлены), и съ 16-ю строками
латинскихъ стиховъ: „Arms Tydidem, . . . laude fuit“, подписанными:
„Joh: Langus D.“, — вмѣсто заголовка. На оборотѣ — сотеріи: „Itala me
primo . . .“, подписанныя: „Joan. Rosinus“.

f) **Sigmund Freyherr zu Herberstain, | Neyperg, vnnnd Guttenhag,**
Oberster Erbcamrer vnd Ober | ster Erbdrucksäs in Kärnthn, des Röm:
Khaysers Ferdi | nanden Rath, Camrer | vnnnd President der Nider | öster-
reichischen Camer. || **VNder Kayser Friderichs Regierung** | im 1486. ge-
porn, Hernach den dreyen Khaysern acht Jar in | Khriegen, darinnen im
1514. mit Ritterlicher wierde be | gabt, Auch an Höfen, in Räten, vilen
Pottschaftten | nit on gefar, dann in Ambtern biss in May dises | 1561.
Jars, vnd seines alters im 75. trew | lich vnnnd fleissig gedient. f^o; на з. л.,
вмѣстѣ съ прочими изображеніями, какъ и въ предыдущей книгѣ, раз-
мѣщенными только въ прежнемъ порядкѣ и раскрашенными. Тотъ же з. л.
но не раскрашенный, находится также въ изд. :

Sigmund | Freyherr zu Herberstain, | Neyperg, vnd Guetenhag, Obri-
ster Erb | Camrer, vnd Obrister Truchsäss | inn Cärndten, || Denen
Gegenwürtigen vnd Nach | komenden Freyherrn zu | **Herberstain.** || Sei-

(18) У Дени (Denis, Wien's Buchdruckergeschichte, S. 687. № 740) — объ вещи съ
1560 г.

nes Thuens, Diensten, vnd Raysens, | mit trewer vermannung, Sich zu |
Tugenden vnd guetem | wesen zeschicken (*sic*). || Zu Wienn in Osterreich,
durch Michaeln | Zimmerman gedruckt, im | MDLXI. | Jar. f^o.

g) Sigmund Freyherr zu | Herberstain Neuyperg, vn̄ Guetenhag, | Ober-
ster Erb Camrer vnd Oberster Drucksass | in Kärntn: Dreyen Rō:
Kaysern in Kriegen, | an Höfen, in Rāthn, vnd hie verzaichen | den
Bottschaften gedient angefan | gen 1506. || (Слѣдуетъ грав. на деревѣ
малый полный гербъ Герберштейна). Gedruckt zu Wienn inn Osterreich,
durch | Michael Zimmerman, M. D. L Xij. 4°; на слѣд. листѣ, вмѣстѣ съ
4 медальонами: Людовика Венгерскаго, Христіана Датскаго, Сигизмунда I,
Сигизмунда II, и съ портретомъ Сулеймана. На оборотѣ — 5 сценъ путе-
шествій: въ телѣгѣ, на корабляхъ, въ саняхъ, пѣшкомъ и въ лодкахъ,
верхомъ, и 4 строки текста (о различныхъ способахъ путешествія).

h) Siegismundi Liberi Baronis in Herberstein . . . Tribus Imperato-
ribus Seruitia bello consilio et legationibus ab anno MDVI usque MDLXII
praestita, descripta et depicta. Viennae, exc. Michael Zimmermann. Ao.
M. D. LXII. 4^o(¹⁹); на слѣд. листѣ, вмѣстѣ съ грав. на деревѣ изображеніями
императоровъ и королей и сценами путешествій, надъ которыми надпись:
„Sigmundum varias mundi parure per oras | Terra, rates, undae, nix, traha,
currus, equi“.

17. Тоже; точная копія съ № 16, сдѣланная посредствомъ фотоли-
тографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ — съ оттиска,
помѣщеннаго въ книгѣ: „Picturae Variae“ 1560 г., — въ изданіи Д. Ро-
винскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

18. Вправо. Копія съ № 6, со слѣдующими измѣненіями: в. к. —
уже не съ орлинымъ, а съ прямымъ носомъ, и съ ровной бородой, но тоже
въ длинномъ кафтанѣ, только не съ 4 нашивными петлями на груди, а съ
12 пуговицами въ два ряда, и въ шапкѣ — гречневикомъ, отороченной
мѣхомъ по краямъ; онъ положилъ только правую руку на колѣно, въ лѣвой
же держитъ скипетръ (длинную палку съ шишкой на концѣ); ноги у него
подобраны подъ скамью; скамья эта, съ высокой спинкой, отогнутой вверху

(¹⁹) Götz, Merkwürdigkeiten der Dresdener Bibliothek, III. 187. — Denis, Merkwürdig-
keiten der k. k. Gallerischen öffentl. Bibliothek am Theresiano. Wien 1780. S. 306.

не назадъ, а впередъ, и съ дельфиновыми головами, вмѣсто ручекъ, — поставлена на четырехъ-угольномъ возвышеніи; въ ней прислоненъ овальный щитъ съ гербомъ въ обратную сторону, причеъ конь св. Георгія сдѣланъ съ опущеннымъ хвостомъ; такой же щитъ, какъ видно, помѣщенъ и съ другаго боку скамьи.

Грав. на мѣди: в. 2. 2, ш. 2. 0. Наход., вмѣстѣ съ изображеніями русскаго всадника (ѣдущаго влѣво) и разнаго оружія (въ четырехъ группахъ), заимствованными изъ Герберштейна, — въ правомъ верхнемъ углу карты Московіи, скопированной изъ итальянскаго перевода его книги и сдѣланной въ видѣ трапеціи, съ надписью справа всрединѣ:

a) *Nota Descriptione de la Moscouia per l'esce^{to} M. Giacomo gastaldo piemontese cosmographo In Venetia Anno M. D. LXII'VIII. Ferando Berteli exc.* (Въ Британскомъ музеѣ $\frac{916}{101}$, р. 50).

b) *Idem. . . Anno M. D. LXVI. Apresso Gio Franc^o Cam in Ven'* (Въ собр. П. Я. Дашкова, въ Спб.).

19. Тоже; точная копія съ № 18 (одного портрета в. к.), сдѣланная посредствомъ фотолиитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

20. Вправо. Копія съ № 4 (?) или 12, судя по стихамъ, со слѣдующими измѣненіями: на конусообразной шапкѣ, надъ опушкой, — зубцы, какъ у короны; въ правой рукѣ — скипетръ; ноги поставлены рядомъ, скамья рѣзная, безъ откинутаго на спинку платья; передъ в. к. — картушь съ четверостишіемъ:

Ick bin der Reissē Herr vnd Khunig
Meins Andlichem Erbs benuegig
Hab vō niembt nichts erbten noch gekauft
Bin in namen Gottes ain Christ getauft.

Грав. на мѣди. Наход., вмѣстѣ съ другими изображеніями, заимствованными изъ Герберштейна, какъ напр.: его гербъ, четверо саней съ путешественниками, четыре пѣшехода, всадникъ (всѣ вправо, вверху), еще трое вооруженныхъ всадника (ѣдущихъ въ ту же сторону, справа), буйволъ

и зубрь (одинъ противъ другаго, внизу), и расположенными вокругъ перспективнаго плана Москвы оттуда же, — въ лѣвомъ нижнемъ углу огромной карты Европейской и Азіатской Россіи на трехъ большихъ листахъ вдлину (в. 18. 7, ш. 37. 10), съ надписью сверху :

„REGIONVM SEPTENTRIONALIVM, MOSCOVIAM, RVTENOS, TARTAROS, EORVMQVE HORDAS CONPREHENDENTIVM, EX ANTONII IENKESONII (sic) ET SIGISMVNDI LIBERI BARONIS AV HERBERSTEIN ITINERARIIS, NOVA DESCRIPTIO“.

На картѣ этой, въ разныхъ мѣстахъ, — гербы представленныхъ на ней странъ, изображенія представителей различныхъ народностей и принадлежности ихъ быта, разные нумера (вѣроятно, для ссылокъ въ текстѣ) и пять пояснительныхъ надписей; справа въ срединѣ — масштабъ: 10—100, съ надписью: „Miliaria Germani | sa et Ruthenica quorum quatuor unū germanicum efficiunt“, а въ самомъ низу: „Ioannes a duetecum | Lucas a duetecum“. (Въ собр. П. Я. Дашкова, въ Спб.).

21. Тоже; точная копія съ № 20 (одного лѣваго нижняго угла карты, гдѣ планъ Москвы), сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

Подъ-типъ Тэвэ.

Профильный, поколѣнный.

22. Вправо, съ короткой бородой; въ шубѣ и остроконечной шапкѣ, отороченныхъ мехомъ. Великій князь, положивъ лѣвую руку на колѣно и держа въ правой, поднятой вверхъ, — свертокъ, сидитъ въ креслѣ, къ которому, въ мѣстѣ прикрѣпленія ручки къ спинкѣ, придѣлана львиная морда съ листьями кругомъ.

Грав. рѣзцомъ: в. 6. 3, ш. 5. 3. Въ оттискахъ двоякаго рода:

а) Безъ всякой подписи — въ Парижской Национальной библиотекѣ (въ собраніи портретовъ) и у Д. А. Ровинскаго.

б) Съ подписями сверху: „De A. Theuet, Liure V.—389. || *BASILE DVC DE MOSCOVIE* | *Chapitre 56*“; при чемъ на оборотѣ — текстъ, съ надписью сверху: „Vies des hommes illustres“. Въ книгѣ:

Vrais | Pourtraits | et vies | des hommes illustres | Grecz, Latins et Payens | Recueilliz de leurs Tableaux | Liures, Médailles antiques et | Modernes | Par | André Thevet Angoumoysin | Premier Cosmographe du Roy. | A Paris | Par la vefve Chaudiere | Rue S^t. Jacques. | 1584 | Avec priuilege du Roy. f^o (Въ Парижской Национальной библиотекѣ).

23. Тоже; точная копія съ № 22, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, съ оттискомъ изъ собранія Д. А. Ровинскаго, — въ его изданіи: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

24. Тоже; уменьшенная копія съ № 22, съ подписью: „*BASILE DVC DE MOS | COVIE*“.

Грав. рѣзцомъ: в. 4.6, ш. 2.8. Наход. въ книгѣ:

а) HISTOIRE | DES PLUS ILLUSTRÉS | ET | SCAVANS HOMMES | DE LEURS SIECLES. | Tant de l'Europe, que de l'Asie, Afrique & Amerique. | Avec leurs Pourtraits en Taille-douce, | tirez sur les veritables Originaux. | Par A. THEVET, *Historiographe*. | DIVISÉ EN HUIT TOMES. || A PARIS, | chez François Mavger, au quatrième Pilier de la grand'salle du Palais, au grand Cyrus. M. DC. LXXI. | Avec Priuilege du Roy. 12°; Vol. V, chapitre XXII, p. 331 (Въ Парижской Национальной библиотекѣ).

б) Idem. . . Chez la Veuve SEB. MABR. CRAMOISI, | Rue S^t. Jacques. | M. DC. XCV. Avec priuilege du Roy (Achevé à l'imprimerie pour la premiere fois le 4 Mars 1670. — какъ сказано въ концѣ книги). 12° (Въ Берлинскомъ музеѣ).

II. Типъ Штиммера-Іовія.

Прямоличный, поясной.

25. Почти поясной, немного влѣво, съ 5-ю складками на лбу, съ длинной раздвоенной бородой и торчащими изъ-подъ шапки волосы; въ кафтанѣ съ двумя нашивными петлями на груди и съ большимъ отложнымъ воротникомъ; въ остроконечной шапкѣ съ небольшимъ трехъ-угольнымъ разрѣзомъ спереди, посрединѣ, и съ тремя нашивками съ каждой стороны послѣдняго; въ овалѣ, образуемъ изогнутой вѣтвью съ листьями. Пор-

треть заключенъ въ четырехъ-угольную (почти квадратную) фигурную рамку съ разными орнаментами.

Грав. на деревѣ. Величина овала: в. 3. 11, ш. 3.0. Находится въ соч. *Iovia* и въ разныхъ извлеченіяхъ изъ него:

a) PAVLI IOVII | NOVOCOMENSIS | EPISCOPI NVCKERINI |
Elogia | Virorum bellica virtute | illustrium, | Septem libris iam olim ab
Auctore | comprehensa, | Et nunc ex eiusdem MVSÆO ad viuum | expres-
sis Imaginibus | exornata. || Petri | PERNÆ TYPOGRAPHI | BASIL.
OPERA AC STVDIO | СЮ ІО LXXV. (SVMPTIBVS VERO HENRI |
CO PETRI ET SIBI. | COMMVNIBVS. . . Calendis Februarijs. — какъ
сказано въ прибавленіи къ тому же адресу, въ концѣ книги). f^o (Въ Спб.
Публ. Библ.).

Портретъ вставленъ въ *passee-par-tout*: по бокамъ — двѣ человѣческія фигуры въ ростъ, слѣва — женщина съ отрубленной головой въ рукахъ (Помона), справа — мужчина съ зайцемъ и посохомъ (Вертумнъ); надъ ними — маска, съ гирляндами по сторонамъ; подъ ними — баранья голова, съ купидонами по бокамъ. Величина гравюры: в. 5.10, ш. 5.6. Внизу наборнымъ шрифтомъ: 12 строкъ тексту, съ помѣтой листа — „Dd“; вверху: „LIBER VI.—313. || Basilius Moscouiæ | Princeps“, на оборотѣ: „314. ELOGIORVM.“

b) MVSAEI IOVIANI | IMAGINES | Artifice manu ad viuum ex |
pressæ. | *Nec minore industria THEOBALDI | MVLLERI Marpur-*
gensis | Musis illustratæ. || BASILEAE | Ex Officina Petri Pernæ | ANNO |
СЮ ІО LXXVII. (. . . sumptibus communi | bus cum D. Henrico Petri...
Mense Martio. — какъ сказано въ прибавленіи къ тому же адресу, въ концѣ
книги). 4°, съ нenum. листами (Въ Спб. Публ. Библ.).

Кругомъ портрета *passee-par-tout*: по бокамъ — по рыцарю на пьедесталѣ, сверху и снизу — по маскѣ. Величина гравюры: в. 5. 4, ш. 4. 2. Внизу наборнымъ шрифтомъ: 6 строкъ стиховъ „Grandia quæ . . . ipse metu“, съ помѣтой листа — „n₈“; вверху: „BASILIVS MOSCOVIÆ | Princeps“; на оборотѣ — поясной, профилью влѣво, портретъ съ надписью: „ANTONIVS LEVA HISP.“ — вверху и съ 6-ю строками стиховъ — внизу.

c) Eigentliche vnd gedenkwürdige Contrafacturen oder anbildungen, wolverdienter vnnnd weitberümpfter Kriegshelden, auss des Bischoffs Pauli

IOVII Elogiis oder Rhumschriften gezogen . . . Durch Theobaldum Müller von Marpurck. Basel. P. Perna (1577). 4° (20).

Подъ портретомъ — 6 строкъ нѣмец. стиховъ.

d) Bildnisse, vi | ler zum theyle von vral | ten, zum theyle von Newlichern | zeiten her, Kriegs und anderer Weltlicher Händel hal | ben, bey Christen vnd Vnchristen gewesener berühmter Keyser, | Könige. Fürsten, Grauen vnd Edeln, in massen dieselbige Paulus Jo | vius vor weilen Bischoff von Nocera, durch allerley gelegenheyt | zusammen gebracht, vnd in seiner Bibliotheca oder | Librareje zu Newen Como abgemalt | hinderlassen. || Mit Kurtzverfassten Beschreibungen jhres jedes Geführ | ten Lebens vnd Wesens, . . . erklärt, vnd jetzt erstlich in | offenen Truck verordnet: || Durch | Michaëlem Beuther von Carlstatt, der Rechten Doctorn || ... Getruckt zu Basel, bey Peter Perna. | M. D. LXXXII. f^o, съ подписью подь предисловіемъ: Strassburg, 13 Mertzen, 1582. (Въ Спб. Публ. Библ.).

Кругомъ портрета passe-par-tout: по бокамъ — двѣ вооруженныхъ фигуры въ ростъ; надъ ними — разные военные доспѣхи; подь ними — двѣ лежащихъ фигуры, съ двумя птицами по сторонамъ. Величина гравюры: в. 5. 9, ш. 5. 5. Внизу помѣта листа — „Z₃“; вверху наборнымъ шрифтомъ: „Basilius, | GROSFVRST ODER GROSHERTZOG | von der Mosqua, Nowgard &c. — 279“; на оборотѣ: „280. Basilius von Mosqua“.

e) [Mich. Beuther's] Warhafftiger kurtzer Bericht von mannigerley Kriegs vnd andern fürnemen Händeln, viler . . . (какъ въ изд. 1582 г.) berühmter Keyser, Könige, Fürsten, Grauen, Edlen . . . (тоже). Desgleichen von Leben vnd Wesen der . . . Könige zu Dänemark, Sueden . . . aus Oldenburgischen Grauen Stamme. Basel 1588. f^o (21).

f) ICONES HEROVM BELLICA VIRTUTE MAXIME ILLUSTRIVM. Nempé REGVM VI. DANIAE . . . ET RANZOVIORVM III.. Imagines ELOGIIS illustratae à VALENTINO THILONE LIGIO. Tum IOVIANI MVSEI HEROES, aliquot ICONIBVS aucti & Musis illustrati. BASILEAE. Typis CONR. VALDKIRCHII. M. D. LXXXIX. 4° (22).

(20) Rud. Weigel's Kunstlager-Catalog. Leipzig 1847. 8°. III B., 19 Abth., S. 23. № 16359.-Andresen, Der Deutsche Peintre-Graveur. Leipzig 1866. 8°. III, 93.

(21) Weigel, III B., 15 Abth., S. 20, № 13366. — Andresen, P.-Gr., III. 94.

(22) Weigel, I B., 7 Abth., S. 17, № 7787. — Andresen, P.-Gr., III. 94.

Подъ портретомъ—6 строкъ латинскихъ стиховъ, но иныхъ, чѣмъ въ изд. 1577 г.

g) Pauli Jovii... Elogia... (какъ въ изд. 1575 г.). Basileae... СЮ Ю ХСVІ. f^o (Въ Спб. Публ. Библ.).

Вокругъ портрета passe-partout: по бокамъ — полуобнаженные фигуры, стоящія на глобусахъ; сверху и внизу — по маскѣ. Въ самомъ низу помѣта листа — „s“; надъ портретомъ напечатано: „LIBER VI.—205.“, на оборотѣ вверху: „206.—ELOGIORVM.“

26. 27. Копіи съ этого портрета въ ту же сторону:

26. Сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, съ оттиска *a*, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

27. Сдѣланная въ Спб. въ 1855 г., съ оттиска *b*, — по заказу кн. М. А. Оболенскаго. Величина портрета въ этой копіи: в. 3.10¹/₂, ш. 2.11¹/₂; рамки: в. 5.3¹/₃, ш. 4.1¹/₂ (23).

28. Вправо. Копія съ № 25, въ обратную сторону, съ сохраненіемъ 5 складокъ на лбу и 3-й пуговицы подѣ двумя нашивными петлями на груди; въ овальной рамкѣ, заключенной въ четырехъ-угольную. Подѣ портретомъ: „Obijt Anno 1584“ (24). Кругомъ овала—надпись, справа внизъ: „BASILIUS MAGNVS-DVX MOSCOVLÆ RVSSIÆ IMPERATOR etc. *“. Подѣ оваломъ: „Basilius Grootvorst in Moscovien. Keyser { van Russien etc.“.

Грав. крѣпкой водкой: в. 5.7¹/₂, ш. 4.5. Въ оттискахъ двоякаго рода:

а) Безъ печатнаго текста вверху и на оборотѣ. (Въ Спб. Публ. Библ.).

б) Съ печатной надписью: „Basilius ende Iohannes Grootvorsten van Moscovien“, 8-ю строками стиховъ вверху и переносомъ „Beschryvinghe“ внизъ, а также съ текстомъ на оборотѣ, начинающимся словами: „Beschryvinghe des Conincrycx Sicilia 205“ и кончающимся такъ: „Ende des beschryvinghe van Sicilien“. Въ книгѣ:

(23) Третья копія, грав. очеркомъ, съ номеромъ «36. bis» справа вверху и съ подписью: «IVAN H, IVANOVICH», — помѣщена въ изд.: Atlas de l'histoire de Russie... Par P.-Ch. Levesque. A Paris, 1812. 4°.

(24) Это годъ смерти царя Ивана Васильевича, съ которымъ, очевидно, издатель портрета смѣшалъ в. к. Василія Ивановича.

Toonel der Keysern en Coningen van Christenryet. Tot Delf 1615. f°.

29. Влѣво. Копія съ № 25, причѣмъ волосы сдѣланы такъ, что имѣютъ видъ опушки отъ шапки, и на груди уничтожена 3-я пуговка подъ двумя нашивными петлями; въ овалѣ, образуемомъ двумя вѣтвями, идущими снизу вверхъ. Подъ портретомъ широкая лента или завитокъ, съ надписью: „*Basilius Magnus Dux | Moscovice*“.

Грав. крѣпкой водкой. Величина овала (внутри): в. 2. 1, ш. 1.6^{1/2}; вмѣстѣ съ лентой: в. 3. 7, ш. 1. 10. Находится въ книгѣ:

Asiatischer | **Schauplatz**, | Das ist, | Aussföhrliche Beschreibung | der Türckischen, Persianischen, | Moscovischen und Chinischen (sic) | Beherrschern, | ... sam't deren | in Kupffer gestochenen Con | tarfaiten. | mit Fleiss beschrieben von | ALBERTO HEIDENFELD, BATAVO. || Franckfurt, | zu finden im Bencardischen Buchladen, | Im Jahr 1678. 12°, и относится къ 54—79 стр. 3-й части⁽²⁵⁾.

30. Тоже; точная копия съ № 29, сдѣланная посредствомъ фотолюмографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

III. Фантастическіе портреты.

31. Поясной, ^{3/4} вправо, съ длиннымъ носомъ и усами и съ бритою бородой; въ узорчатомъ кафтанѣ съ разрѣзными рукавами, опушенными мѣхомъ, и съ отложнымъ мѣховымъ воротникомъ; въ чалмѣ съ высокой головкой, въ видѣ горшка, и съ зубцами, въ видѣ короны. Великій князь подбоченился лѣвой рукой, а въ правой держитъ скипетръ.

Грав. на деревѣ: в. 4. 3^{1/2}, ш. 3. 7. Находится на з. л. въ соч. Герберштейна:

a) Die Moscovitische | **CHRONICA** | Das ist Ein | grundtliche be-

⁽²⁵⁾ Во 2-мъ изд. той же книги, вышедшемъ подъ заглавіемъ: *Aussführliche Beschreibung der Orientalischen Königreichen ... Frankfurt, 1680. 16°* (см. выше подъ № 33), копія съ этого портрета въ обратную сторону, съ прибавкой 3-й нашивной петли на груди, и въ овальной рамкѣ изъ двухъ параллельныхъ линій (величина овала: в. 2.2^{1/2}, ш. 1.7; доски: в. 2.9, ш. 2.1), — копирована какъ портретъ Сулеймана, вверху котораго напечатано: «(66) Ur-Chan Asiatischer König, | und Beherrscher», а внизу — 6 строкъ стиховъ: «Ur-Chan Solyman ... genommen».

schreibung | oder Historia, dess mechtigen vnd gewaltigen Grossfürsten in der | Moscauw, ... Erstlichen durch den Hochgelerten Herrn Paulum Jouium, dessgleichen durch den | Wolgeborenen Herrn Sigmund Freyherrn zu Herberstein, &c. der Röm. Kay. May. Raht | selbst persönlich erfahren, vnd folgendts durch den Ehrnuesten vnd Hochgelerten Herrn Doctor | Pantaleon, meniglich zu nutz, auss dem Latein ins Teutsch gebracht... || Getruckt zu Franckfurt am Mayn, M. D. LXXVI. (durch Johannem Schmidt in verle | gung Sigmund Feयरabends. — какъ сказано въ прибавленіи къ тому же адресу, въ концѣ книги). f².

b) Idem... M. D. LXXIX. f⁰ (26).

32. Тоже; точная копія съ № 31, сдѣланная посредствомъ фотоли-тографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

33. Грудной, профилею вправо; съ усами, но безъ бороды; въ чалмѣ и въ накидеѣ, съ двумя пуговицами на груди и съ отложнымъ мѣховымъ воротникомъ; въ овальной рамкѣ, состоящей изъ двухъ параллельныхъ линій.

Грав. крѣпкой водкой. Величина овала: в. 2.2½, ш. 1.7; доски: в. 2.8, ш. 2.2. Вверху напечатано: „(401) Basilius Gross-Fürst in der | Moskau“; внизу — 6 строкъ стиховъ: „Dieser sein Gemahl... nit mehr verletzet“. Находится въ книгѣ:

Aussführliche | Beschreibung | Der | ORIENTALI | schen Könige-
reichen, | Asien, Persien, Mosscou, und | China, | ... sam̄t deren LIII.
nutz | lichen Kupffer, und Conter | faiten. | mit Fleiss beschrieben von |
ALBERTO HEIDENFELD, BATAVO. || Franckfurt, | zu finden bey Arnold
Hiler Buchhandlern, | Jm Jahr 1680. 16°, и относится къ стр. 401 (27).

(26) У Гебауера (Geo. Chr. Gebaueri Progr. de vita, fatis et scriptis Sigismundi L. B. ab Herberstein ... Gottingae 1738. 4°) упоминается, какъ 4-е нѣмецкое изд. Герберштейновыхъ Записокъ о Московіи, — die Moscovitische Chronica. Franckfurt, Sigm. Feयरabend, 1589, въ 1.; но это указаніе относится, вѣроятно, къ одному изъ Фейерабендовскихъ изданій 1576 или 1579 г., смотря потому, принялъ ли Гебауеръ въ расчетъ нѣмецкій переводъ самаго Герберштейна 1557 г., или же овъ считалъ только Панталеоновскіе переводы 1563 и 1567 гг.

(27) Въ 1-мъ изд. той же книги, вышедшей подъ заглавіемъ: Asiatischer Schauplatz. . . Franckfurt, 1678. 12° (см. выше подъ № 29), оригиналъ этого портрета въ обратную сторону, въ овалѣ, образуемомъ двумя вѣтвями, и съ подписью на лентѣ внизу: «Ur-Chan Turcar | Sul-

34. Тоже; точная копія съ № 33, сдѣланная посредствомъ фотографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

35. Въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вправо, съ длинными волосами и круглой бородою; въ рыцарскомъ костюмѣ: въ шляпѣ съ широкими полями и съ перьями, въ латахъ и въ мантии; съ обнаженнымъ мечомъ въ лѣвой рукѣ и съ гербовымъ щитомъ въ правой (гербъ представляетъ льва на заднихъ лапахъ, съ человѣческой головой); справа — маленькій фонтанчикъ, вдали — готическая церковь и другія зданія и деревья. Слѣва внизу монограмма Христофа ванъ Зихема, состоящая изъ соединенныхъ вмѣстѣ буквъ CVS (Christoffel van Sichen).

Грав. на деревѣ: в. 3.10, ш. 3.0. Вверху надпись наборнымъ шрифтомъ: „Hoe desen Basilius hem alder-eerst den Tijtel van Keyser gegeven heeft“. Находится въ книгѣ:

(J. Danckaert's) Beschryvinghe van | MOSCOVIEN | OFTE | RUSLANDT....||t'AMSTERDAM, Gedruckt|By GILLIS IOOSTEN SAEBHMAN, . . . (1663). 4°; на стр. 13.

36. Тоже; точная копія съ № 35, сдѣланная посредствомъ фотографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

в. *Новые.*

(вымышленные).

IV. Типъ Дорша.

37. Грудной, $\frac{3}{4}$ вправо, съ короткими волосами и длинной бородою; безъ шапки, въ узорчатой мантии, съ отложнымъ горностаевымъ воротникомъ, поверхъ латы; въ овалѣ. Вверху — двѣ лавровыхъ вѣтви, внизу — плита съ надписью: „VAZILI IV | IVANOVITZ | monte sur le trône en 1505 | et regne 28 ans“ и разное оружіе. Надъ портретомъ: „Tome II. — Page 256“. Подъ нимъ: „Dessiné par Chevalier. — Dirigé par Née. — Gravé par Fessard L^{ne}“.

tan» (величина овала: в. 2.2, ш. 1.6 $\frac{1}{2}$; доски: в. 2.9, ш. 1.6 $\frac{1}{2}$), — помещенъ какъ портретъ турецкаго султана при 67 стр. 1-й части.

Грав. рѣзцомъ. Находится въ книгѣ:

Histoire . . . de la Russie ancienne. Par M. Le Clerc. Paris 1783. 4°. (См. Ивана III, № 4).

38. Тоже; въ кружечкѣ съ надписью: „ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИОАННОВИЧЬ“.

Грав. пунктиромъ; на одномъ листѣ съ 14 портретами другихъ великихъ князей русскихъ, съ подписью: „Drawn & Engraved by I. Charpentier . . .“. Находится въ книгѣ:

History of Russia, By W. Tooke. Vol. II. London 1800. 8°. (См. Ивана III, № 5).

39. Тоже, копія съ № 37; надъ овальной рамкой—двуглавый орелъ, подъ ней—плита съ подписью: „ВАСИЛІЙ IV | *Вел. Кн. Россійскій*“.

Грав. пунктиромъ. Находится въ книгѣ:

Пантеонъ Россійскихъ Государей . . . Филиповскаго. М. 1807. 4°. (См. Ивана III, № 6).

40. Поясной, $\frac{3}{4}$ влѣво (голова вправо); въ мантии, опушенной горностаемъ, поверхъ латъ; съ подписью: „44 | *Великій Князь, | Василій IV Иоанновичь. | род. 1473 год. княж. отъ 1505 по 1533. || 153*“.

Грав. пунктиромъ, плохой работы (Аванасьева?); на одномъ листѣ съ 7 портретами другихъ князей и царей русскихъ, а также въ книгахъ: а) Россійская Исторія... Соч. С. Ушаковымъ. Спб. 1811. 8°, и б) Собраніе портретовъ Великихъ Князей, . . . Прод. у В. Логинава. М. 1825. 8°. (См. Ивана III, № 7).

41. Грудной, влѣво; въ четырехъ-угольной рамкѣ. Справа вверху— „42“, внизу — „VASSILI IV, IVANOVICH“.

Грав. очеркомъ. Находится въ книгѣ:

Atlas de l'histoire de Russie . . . Par Levesque. Paris, 1812. 4°. (См. Ивана III, № 8).

42. Тоже, вправо; въ кружечкѣ съ надписью: „44. ВАСИЛІЙ 4 *Ивановичь. род. 1473 к съ 1505. до 1533.—59*“.

Грав. пунктиромъ; на большомъ листѣ съ 63 портретами князей и царей русскихъ, съ подписью: „ВЕЛИКІЯ КНЯЗЬЯ...“ (См. Ивана III, № 9).

43. Тоже; на большомъ листѣ съ 53 портретами князей и царей рус-

свихъ, съ помѣтой „Dessiné par Chavalier“ и подписью: „**ВЕЛИКІЕ КНЯЗЯ** . . .“, а также въ книгѣ: Памятникъ событій . . . Соч. Я. Орловымъ. Спб. 1816 и М. 1818. 8°. (См. Ивана III, № 10).

44. Тоже, съ подписью: „**ВАСИЛІЙ IV. ІОАННО | ВИЧЬ.** || *Вел. Кн. Россійскій.* || 43“.

Грав. пунктиромъ, раб. А. Аванасьева. Въ трехъ изданіяхъ книги Д. Похорскаго:

Россійская Исторія. М. 1819, 1823 и 1837. 8°; въ послѣднихъ двухъ съ прибавленіемъ къ прежней подписи — „съ 1505 по 1533“. (См. Ивана III, № 11).

45. Тоже; въ книгѣ:

Краткая Исторія Россійскаго Государства. М. 1824 и 1828. 18°. (См. Ивана III, № 12).

46. Тоже, съ подписью: „*Василій IV. Іоанновичъ | Великій Князь Россійскій*“.

Грав. пунктиромъ. Находится въ книгѣ:

Исторія Государства Россійскаго (Изд. Е. Андреева). Ч. 2. М. 1824. 12°. (См. Ивана III, № 13).

47. Тоже; въ овальной рамкѣ, съ той же подписью, какъ № 46.

Грав. пунктиромъ. Находится въ книгѣ:

Исторія Государства Россійскаго. Ч. 2. М. 1829. 12°, представляющей 2-е изд. предыдущаго сочиненія. (См. Ивана III, № 14).

48. Оплечный; въ овалѣ, заключенномъ въ четырехъ-угольникъ; подъ оваломъ — № „44“, ниже — бѣлая дощечка съ надписью: „*Василій 4. Іоанновичъ*“.

Грав. пунктиромъ; въ собраніи 64 мал. портретовъ рус. князей и царей. (См. Ивана III, № 15).

49. Поясной; въ кружечкѣ подъ № 44, рядомъ съ портретомъ Іоана III, въ другомъ кружечкѣ подъ № 43, и съ краткими жизнеописаніями обоихъ.

Грав. пунктиромъ. Принадлежитъ къ изданію:

Ручныя таблички Россійской Исторіи, А. А. Осипова. М. 1839. 16°. (См. Ивана III, № 16).

50. Тоже; съ № „43“ вверху и съ подписью: „ВАСИЛІЙ ІV ІОАН-
НОВИЧЪ | Велик. Кн. Россійскій; всту | нилъ на престолъ въ 1505
году; | померъ въ 1534 году кня | жилъ 29 лѣтъ“.

Грав. пунктиромъ, плохой работы. Находится въ книгѣ:

Слава Россіи или Історія Государства Русекаго... Изд. Д. Тре-
губова. М. 1845. 12°. (См. Ивана III, № 17).

51. Въ ростъ; въ шубѣ поверхъ кафтана, опирающийся на палку; съ
подписью: „ЦАРЬ ВАСИЛІЙ. ІV. | Отъ 1505 до 1533 г. || 45“.

Грав. очеркомъ съ легкой тѣнью. Находится въ изд.:

Портреты 66-ти Россійскихъ Государей... Изд. Х. Ваханскаго.
М. 1847. продолг. 4°. (См. Ивана III, № 18).

V. Типъ Пинара.

52. Грудной, $\frac{3}{4}$ влѣво; съ вьющимися волосами и съ небольшой бо-
родкой; въ средневѣковомъ костюмѣ: въ мантии, съ отложнымъ горностае-
вымъ воротникомъ, и въ круглой шляпѣ, съ зубцами въ видѣ короны сверху
и съ перомъ сбоку; въ овалѣ, съ подписью на широкой лентѣ: „25. || ВА-
СИЛІИ. || Третій снѣ Іоанна третіаго... 1534“ (7 строкъ) ⁽²⁸⁾.

Грав. рѣзцомъ; на большомъ листѣ съ 33 изображеніями князей и
царей русскихъ по сторонамъ портрета Петра I въ ростъ, раб. П. Пинара
1717 г. (См. Ивана III, № 19).

53. Тоже, съ подписью: „василіи | третіи... 1534“.

Грав. рѣзцомъ; на большомъ листѣ лубочной работы 2-й половины.
XVIII стол., съ 42 портретами князей и царей русскихъ по бокамъ изоб-
раженія Екатерины II съ Павломъ Петровичемъ въ ростъ, передъ Кремлемъ.
(См. Ивана III, № 20).

VI. Типъ Зубова.

54. Грудной, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ великокняжеской шапкѣ и въ мантии, опу-
щенной горностаевымъ мѣхомъ; въ кружочкѣ, съ надписью: „Василіи Че-
твертыи Великіи Кнзь (sic) Россійскіи. || 48“.

⁽²¹⁾ Тотъ же портретъ, только въ обратную сторону, помѣщенъ на гравюрѣ А. Зубова
1725 г. (см. ниже № 54), съ подписью — «43: Іоанъ Второй Великіи Кнзь Россійскіи».

Грав. рѣзцомъ; на большомъ листѣ съ 56 изображеніями князей и царей русскихъ вокругъ портрета Екатерины I въ ростъ, раб. А. Зубова 1725 г. (См. Ивана III, № 21).

55. Тоже, съ надписью: „ВАСИЛІИ ЧЕТВЕРТЫИ ВЕЛИКІИ КНѢЗЬ РОССІИСКІИ. || 48“.

Грав. крѣпкой водкой; на большомъ листѣ лубочной работы 1-й половины XVIII стол., съ 58 изображеніями князей и царей русскихъ вокругъ портрета Анны Иоанновны въ ростъ. (См. Ивана III, № 22).

С. Портреты Ивана IV (*).

а. Древніе.

1. Копія съ портретовъ Василія IV.

1. Типъ Гиршфогеля-Герберштейна.

Профильный, въ ростъ.

1. Копія съ портрета Василія Ивановича № 8 (немного увеличенная), въ обратную сторону и со слѣдующими измѣненіями: на скамьѣ у задней стѣны стоитъ подносъ съ кувшиномъ и лежитъ свернутое полотенце со спущеннымъ до пола концомъ. Надъ капителю лѣвой колонны — инициалы „IV“.

(*) Иованъ IV (въ монашествѣ Іона), сынъ Василія IV Ивановича и супруги его Елены Глинской, род. 25 авг. 1530 г.; княжилъ сперва подъ опекой матери и бояръ; вѣнчался въ мѣсто 16 янв. 1547 г.; † 18 марта 1584 г. Онъ былъ женатъ 7 разъ: 1) на Анастасіи, дочери боярина Романа Юрьевича Захарьина (съ 13 февр. 1547; † 7 авг. 1560), отъ которой имѣлъ сына: Теодора; 2) на Маріи, дочери черкесскаго владѣтеля Темгрюка (съ 21 авг. 1561; † 1 сент. 1569); 3) на Марѣѣ Васильевнѣ Собакиной, дочери новгородскаго купца (съ 28 окт. 1571; † 13 нояб. того же года); 4) на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской (съ 27 апр. 1572 г.; постр. въ монахини въ 1573 г.); 5) на Аннѣ Васильчиковой (ок. 1575 г.); 6) на вдовѣ Василисѣ Мелентьевой; 7) на Маріи, дочери сановника Фед. Фед. Нагого (съ сент. 1580 г.), отъ которой имѣлъ сына Дмитрія.

«Царь Іванъ образомъ нелѣпнымъ очи имѣа стры і усь протяговенъ, носъ поклягъ, возрстомъ баше великъ, сухо тѣло имѣа, плещи имѣа высоки, груди широки, мышцы толсты» — такъ свидѣтельствуетъ его современникъ Сергій Кубасовъ въ главѣ «Написание вкратцѣ ѿ Царей Московскихъ, и образѣхъ ихъ, и ѿ возрастѣ і нравѣхъ» своей книги: «Гравографъ сартъчъ Итописецъ ѿ сотворенія свѣта», рукопись которой хранится въ библиотекѣ Моск. университета (см. Рус-

Грав. на деревѣ: в. 8.9¹/₂, ш. 5.9¹/₂. Находится въ книгахъ:

а) Kronika tho iesth Historya Swiata na szesc wiekow, a cztery Monarchie rozdzielona, z rozmaitych Historykow, tak w swietym pismie krzescianskim, zydowskim, iako i poganskim wybierana i na polski ięzyk wypisana, dosthateczniej niz pierwey s przydanim wiele rzeczy nowych: od poczatku swiata az do tego roku, który sie pisze 1564 s Figurami ochedoznemi i wlasnemi. — Drukowano | W Krákovie v Máttheussá Siebeneuchera. | Roku od Národzenia Páñskiego. | 1564 (какъ сказано въ концѣ книги). f^o; на оборотѣ л. 426 — съ надписью: „Księgi dziewiathe Kroniki wszystkiego świata.“ и съ краткимъ родословіемъ русскихъ князей отъ Рюрика до Ивана, 1563 г.

Надъ портретомъ напечатано наборнымъ шрифтомъ: „Iwan Kniáz Moskiewski.“ и далѣе, въ рамѣ:

Jestem ja Pan wielki Kniáz, z narodu Ruskiego,
Z dawna Diedzic w swey ziemi, Państwa Moskiewskiego.
Nie s cudzego národu do tej ziemi wzięty,
Spłodził mię w niey Jan Waśił, y Włodziemierz Swięty.
Nie ták iako sasiedni, Książęta Krolowie,
Przysšli do swoich dżierzaw, z inssych stron ná smowie.
Przeto dayćie ręcznika, na miednicy wody:
Bych vmył od nich ręce, niechęę snimi zgody.
(Въ Авад. Наукъ).

b) Zbiór odcisków drzeworytów w różnych dziełach polskich w XVI i XVII wieku odbitych a teraz w Bibliotece Uniwersitetu Jagiellońskiego

скія Достопамятности, издав. Обществомъ Ист. и Древн. Росс., учрежденнымъ при Имп. Моск. Унив. Ч. I. М. 1815. 8°, стр. 172). Авторъ же «Подробной Лѣтописи», приписываемой Теофану Прокоповичу и изданной Н. Львовымъ (Спб. 1792. 8°), говоритъ про Іоанна (ч. III, стр. 85): «Что же о его персовѣ принадлежить, онъ былъ человекъ зѣло видной, высокаго и крѣпкаго корпуса, и всѣ члены его тѣла зѣло были изрядны и пропорціональны, лице его нималаго на себѣ свирѣпства не казало, но самой Высокодержавнаго Монарха видъ казало, очи имѣлъ не весьма великія, но свѣтлыя и пронцательныя, носъ не малой выгнутаго, взгляды его всякой живости наполнены». Но уже въ 1565 г. «онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость, всѣ черты исказились, взоръ угасъ, а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса» — какъ описываетъ Іоанна Карамзинъ, со словъ Таубе и Крузе (см. его Ист. Гос. Росс. IX, стр. 46 и пр. 135—136).

zachowanych. Kraków 1849.—Recueil de gravures sur bois imprimées dans divers ouvrages polonais au XVI-e et au XVII-e siècle, dont les planches sont conservées à la Bibliothèque de l'Université de Jagellon. Cracovie 1849. (Издаль Iozef Muczowski, подписавшійся подь предисловіемъ). f^o; на л. 84 б., вмѣстѣ съ №№ 729—731, подь № 732 — новый оттискъ, безъ стиховъ и надписи. (Въ Акад. Наукъ).

2. Точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

3. Копія съ № 1, со слѣдующими измѣненіями: на кафтанѣ в. к. — не 4 нашивныхъ петли, а 6; лошадь у св. Георгія въ гербѣ — безъ хвоста; комната — съ круглымъ сводомъ, поддерживаемымъ двумя колоннами, и съ двумя узкими окнами въ задней стѣнѣ, черезъ которыя видны одѣ горы.

Грав. на деревѣ: в. 5. 10, ш. 4. 11. Находится въ книгѣ:

KRONICA | Sarmacyey Europskiej, | . . . Przez ALEXANDRA GWAGNINA . . . || W KRAKOWIE, | w Drukarniey Mikołajá Lobá, Roku | Ráńskiego 1611. f^o; на л. 43 — съ надписью: „X. Moskiewskiego (т. е. Opisanie)“ и съ помѣтой внизу „Fij“; надъ портретомъ — 11 строгъ текста, подь портретомъ — 4 (въ Спб. Публ. Библ.).

4. Точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

Подъ-типъ Тэвз.

Профильный, поколѣнный.

5. Копія съ портрета Василя Ивановича № 22 — увеличенная, причемъ отъ лвиной морды у ручки кресла одни остатки. Внизу подпись: „IOANNES BASILIDES | Grooten hertogh van Moscoyien.—fol. 273^a“.

Грав. рѣзцомъ: в. 9. 3, ш. 6. 2. Находится въ книгѣ:

KERCKELYCKE | HISTORIE | van de | Gheheele Werelt | namentlyck van de vorgaende | ende | teghenwoordighe eeuwe | . . . beschreven | Door Eerw. P. Cornelius HAZART, Priester | der Societeyt Iesu. |

Het vierde Deel. | . . . T'ANTWERPEN. | By Michiel Snoobbaert , . . . 1671. f^o (1). (Въ Парижской Национальной библиотекѣ).

6. Точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

II. Титъ Штиммера-Іовія.

Прямоличный, поясной.

7. Копія съ портрета Василя Ивановича № 25, въ обратную сторону, или точнѣе съ № 28, со смягченіемъ складокъ на лбу и съ уничтоженіемъ 3-й пуговицы подъ двумя нашивными петлями на груди; въ овалѣ, заключенномъ въ четырехъ-угольникъ, съ подписью: „*Iwan Basilowitz Szaar.* | 301“.

Грав. рѣзцомъ: в. 5. 3, ш. 4. 1. Въ оттискахъ четырехъ родовъ:

а) Безъ *rasse-par-tout*—въ Спб. Публ. Библ. и въ собр. Д. А. Ровинскаго.

б) Со слѣдующими украшеніями кругомъ: сверху — шлемъ съ перьями, знамена и трубы; внизу — широкій завитокъ, окруженный вѣтвями. Величина гравюры: в. 9. 11, ш. 6.0. Находится въ 1-мъ изд. книги:

(Khevenhillers) *Conterfet Kupfferstich* | ... deren jenigen regierenden grossen Herren, | So von | Käysers | Ferdinand dess Andern | Geburt, biss zu desselben seeligsten Tödtlichen Abschied | successivè regiert, | Darvon | Ertz Hertzog Carl, | Vatter Käysers Ferdinand dess Andern, | zum ersten gestellt worden. || Leipzig, | Bey Moritz Georg Weidmann, ... 1721. f^o. Tab. XI (въ I, 188).

(1) Есть нѣмецкій переводъ этого сочиненія, подъ заглавіемъ: *Kirchen-Geschichte* | Das ist: | Catholisches Christenthum | durch die gantze Welt ausgebreitet | Insonderheit | Bey nächst-verflossenen und anjetzo fliessenden Jahr-Hundert | Darinnen kürzlich beschrieben wird | ... (7 строкъ). In vilfältigen Kupffern in füglicher Erkandnusz abgebildet | Erstlich beschriben und an Tag gegeben durch | R. P. *Cornelium Hasart* | nunmehr aber | Ausz der Nider-in die Hoch-Teutsche Sprach übersetzt | und vermehrt durch | R. P. *Matthiam Soutermans*, | Beyde der Gesellschaft Jesu Priestern. || ... Gedruckt zu Wienn in Oesterreich | Durch Leopoldum Voigt einer löblichen Universität Buchdrucker. f^o. Der 1-ste Theil = M. DC. LXXVIII, Der II = M. DC. LXXXIV, Der III (zwei Absätze) = 1701. (Въ Берлинскомъ музеѣ). Но была ли издана 4-я часть, съ портретомъ Ивана IV, — мнѣ неизвѣстно.

с) Съ *passé-par-tout*: вверху — надъ фронтономъ съ маской посрединѣ сидитъ геній съ вѣтвой въ рукахъ; по бокамъ его лежатъ львы со щитами въ лапахъ; подъ ними — по маскѣ сатира въ профиль, отъ которой идутъ внизъ виноградныя вѣтви, огибая боковые выступы; внизу — овалный щитъ съ двумя геніями по сторонамъ; далѣе — по маскѣ съ фантастической птицей наверху; надъ ними возвышаются факелы, вплоть до упомянутыхъ виноградныхъ вѣтвей. Величина гравюры: в. 10. З, ш. 6. 5. Н. ходится во 2-мъ изд. названной книги, вышедшемъ въ томъ же году.

d) Съ тѣмъ же *passé-par-tout*, только у выступовъ по бокамъ портрета — иная туповка, именно: не въ мелкую влѣтку, а чешуей, и подъ верхней маской, что на фронтонѣ, — иной фонъ; подпись таже, только безъ числа 103 — въ Спб. Публ. Библ.

8. Точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ съ оттиска *a*, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

2. ОРИГИНАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ.

III. Типъ Вейгеля.

Профильный, поясной.

9. Влѣво, съ короткими волосами и длинной бородой; въ узорчатомъ кафтанѣ съ тремя нашивными петлями на груди и въ остроконечной шапкѣ съ мѣховой опушкой и зубцами въ видѣ короны сверху; на шеѣ — цѣпь, сбоку — скипетръ; вверху — арка, поддерживаемая двумя колонками; по бокамъ шапки — надписи наборнымъ шрифтомъ.

Слѣва: „Die Bildnus Ywan | Wasiliewitz des jetzig | en Grossfürsten in Rewsen | vn̄ der Moschkaw.

SChaw Mensch hie hast in der Figur
Ein warhaftig Contrafactur,
Entworfen vnd mit Farb gemalt,
Mit Kleydung, Bildnus vnd Gestalt,

Справа: Des Grossfürsten in Rewsen jetz
Ywan Wasiliewitz.
Der Moschkawiter wird genandt
Der jetzt mit gewaltiger Hand
Aus Newgarden Hauptstad
Ein mechtig Heer gefaret hat,
Wider Polotzko vnuerholn.
Des mechtigen Königs zu Poln, &c.

Gedruckt zu Nürnberg, durch | Hans Weygel Form | schneyder^a.

Раскрашенная грав. на деревѣ: в. 13. 10¹/₂, ш. 10. 10¹/₂.

Единственный извѣстный экземпляръ находится въ собр. Д. А. Ровинскаго.

10. Точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фотоли-
тографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ из-
даніи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

11. Грудной, вправо; копія съ № 9, причеъ верхняя часть шапки
срѣзана; въ четырехъ-угольной, почти квадратной, рамкѣ.

Грав. на деревѣ: в. 1.0, ш. 1.2. На загл. листѣ книги:

IOANNIS | BASILIDIS MA | GNI MOSCOVIAE | Ducis vita, |
A | PAVLO ODERBORNIO | *tribus libris 'conscripta* | AD | HEN-
RICVM IVLIVM EPISCO | *pum Halberstadensem, Brunonisuicano-*
rum | & *Luneburgensium Ducem magnani* | *tum & illustrissimum.* ||
ANNO M. D. LXXXV.—VVITEBERGÆ | Excudebant Hære | des
Ioannis Cra | tonis. | Anno M. D. LXXXV. (каеъ сказано въ концѣ
книги). pet. 8°.

12. Точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фотоли-
тографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ из-
даніи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

13. Поясной, вправо; въ двухъ кафтанахъ, причеъ верхній, узор-
чатый, сдѣланъ съ короткими рукавами и съ расходящимися полами, опу-
шенными мѣхомъ; кромѣ того прибавлена правая рука, въ которую и вста-
вленъ скипетръ. Внизу награвировано: „IOHANNES BASILIDES | MAG-
NVS MOSCOVITA | RVM DUX“.

Грав. рѣзцомъ: в. $4.5\frac{1}{2}$, ш. $3.2\frac{1}{2}$. Находится въ началѣ нѣмецкаго перевода соч. Одерборна:

Des | Grausamen Tyrannen | JOHANNIS BASILIDIS | sonst | Iwan
Wasilowitz | genannt, | Gewesenen Czaars | in der Moschkau, | Leben
und Thaten. | Aus dem Lateinischen ins Teutsche | übersetzt, | Bene-
benst einem Anhang von | der Moschkowitischen Religion, | Aus der alten
und neuen Kirchen-Historie | deutlich und gründlich zusammen getragen,
und herausgegeben. || Erffurth, | Verlegts Johann Christian Wohlfart,
Buchhändler in Leipzig, | Anno 1698. pet. 8°.

14. Точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фото-
тографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ
изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

IV. Анонимный (вѣнскій).

Прямоличный, поясной.

15. Влѣво, съ небольшими усами и бородой, но съ большими, торча-
щими изъ подъ шапки, волосами; съ руками, положенными на столъ, при-
чемъ въ лѣвой — свертокъ; въ шитой жемчугомъ остренькой шапочкѣ съ
загнутыми еверху полями и въ узорчатомъ кафтанѣ съ разрѣзными рука-
вами и большимъ отложнымъ воротникомъ, изъ подъ котораго видѣнь дру-
гой, стоячій, унизанный жемчугомъ, — отъ нижняго, тоже узорчатаго, каф-
тана. Позади: слѣва — колонна и часть занавѣси, справа — другая часть
ея. Вверху наборнымъ шрифтомъ напечатано:

„Abcontrafactur | des Herren Quar, vnd Grosfürsten Iwan | Bassilo-
witz, aller Reusen ein Monarcha, zu Bladimir, Muscaw vnd Nawgarten,
Czair zu Casan, Czair zu Asbrogan, Herrn zur Plesskaw, Grossfürster
zu Schmalentzky, Twurski, | Joharsky, Jngosky, Brusky, Biasky, Pronisky,
Palogarsky, Bulkausy (sic), etc. Vnd anderer Herrschafften Herrn, Gross-
fürsten zu Nawgarten in vnterlanden, Gerinskusky, Rezonsky, Po-
lentzky, Rotonsky, Bilasersky, Odorsky, | Vdorsky, Könignisky, Jaroslaffsky,
Resolersky, vnd der gantzen Sebenischen Landschafft, der | Nordensaiten
Gebietern, vnd ein Herrn vieler ander Landen, etc.“

Грав. на деревѣ, въ большой листъ.

Единственный известный экземпляр находится в Имп.-Кор. библиотекѣ в Вѣнѣ.

16. Точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи в Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ по фотографіи на желатинѣ, снятой вѣнскимъ придв. фотографомъ Лѣви в 1879 г. съ оригинала, — в изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

17. Вправо, безъ рукъ и стола; полы верхняго кафтана сближены, колонка и завѣса уничтожены; в четырехъ-угольной фигурной рамкѣ.

Грав. на деревѣ: в. 3.0¹/₂, ш. 2.6¹/₂. Находится в книгахъ:

a) *Desz Durchleuchtigsten | Grossmechtigsten Fürsten vnnnd Herren, | Herren Jwan Bassilowitz, Herrschern der Reussen, &c. | Vnd Gross Fürsten zu Bladimir, Moscau vnnnd Nawgarten, &c. | Credentz vnnnd ander schreiben, so seine Durchleuchtigkeit, bey Her | ren Kutzen Sachary Jwancobitz Pulersecky, Stathaltern auff | Weyssensee, vnnnd Herren Andreen Archibarschaff, Fürstlichen | Moscouischen Ziacken vnnnd Secretario, sampt anderen | Abgesanten, Röm: Kay: May: zu Regenspurg | vberreichen lassen. || Daneben auch höchstgedachter Röm: Kay: May: | gegenschreiben vnd beantwortung: So jr May: &c. bey wolermelter | Botschafft, Fürstlicher Moscouischer Durchleuch | tigkeit wiederumb vberschickt (1576). 4°; на з. л. (Въ собр. сенатора Похвиснова).*

b) *Moscouische Niederlag, vnd Belege | rung der Statt Wenden. | ...M. D.—LXXIX...—Gedruckt zu Nürnberg, durch | Leonhard Heussler. (какъ сказано в концѣ книги). 4°; на оборотѣ з. л., съ надписью наборнымъ шрифтомъ:*

„Contrafactur eins Moscouischen | Knias oder Fürstens, wie sie in jrem | Fürstlichen Habit geziert“. (Въ Спб. Публ. Библ.).

c) *Polnische vnd Reussische Zeittungen. || M. D. LXXXII. || — Getruckt zu Nürnberg, bey Leonhard Heussler. (какъ сказано в концѣ книги). 4°; на з. л., съ надписью наборнымъ шрифтомъ по бокамъ:*

Contra-	factur dess
Moscouitti-	schen Gross-
fürsten, in sei-	nem Fürstli-
chen Habit.	(Въ Спб. Публ. Библ.).

18. Точная копія съ предыдущаго, сдѣланная посредствомъ фотоли-
тографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ съ оттиса
а, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся
до Россіи (²).

V. Титъ Гогенберга-Дженкинсона.

(фантастическій).

Прямоличный, въ ростъ.

19. Вправо, съ длинной бородой; въ шапкѣ въ родѣ чалмы съ высо-
кой головкой и въ мантии съ отложнымъ воротникомъ, поверхъ длиннаго каф-
тана; со скипетромъ въ лѣвой рукѣ и поднявъ вверхъ — правую, царь
сидитъ на тронѣ съ звѣринными лапами и мордами — виѣсто ножекъ и ру-
чекъ, внутри палатки съ подобранными полами. Внизу подпись: „*JOAN-
NES BASILIVS MAGNVS Imperator | Russiæ; Dux Mosconiæ &c.*”

Грав. рѣзцомъ. Маленькій портретъ въ лѣвомъ верхнемъ углу карты
Московіи, имѣющей слѣдующую надпись въ картушѣ, въ лѣвомъ нижнемъ
углу:

RVSSIAE, MOSCO | VIAE ET TARTA | RIAE DESCRIP | TIO.
*Auctore | Antonio Jenkensono Anglo, edita | Londini Anno. 1562. & de-
dicata illustriss: D. Henrico Sydneo. Walliæ presidi (³).*

20. Копія съ № 19, съ той же подписью, — на картѣ съ той же
надписью; въ изданіи:

(Abr. Ortelius) THEA | TRVM | ORBIS | TERRA | RVM. |
Auctoris ære & cura impressum absolutum que, | apud Ægid. Corpeniush
Diesth, | ANTVERPIAE | M. D. LXX. (какъ сказано въ концѣ кни-
ги). fº; на л. 46, съ текстомъ на оборотѣ.

(Надпись *VIARMIA* надъ портретомъ начинается нѣсколько вправо
отъ шпиль палатки, верхъ которой дѣлится двумя горизонтальными линиями
на три части).

(²) Литографическая копія съ оттиса *b* была помѣщена въ сборникъ: Русскія Древности,
издаваемая по Высочайшему повелѣнію подъ редакціей В. Прохорова. Спб. 1876. 4º.

(³) См. объ этой рѣдчайшей картѣ, которую я нигдѣ не могъ найти: *Lipenii Bibliotheca
philosophica. Francofurdi 1682. fº*; о ней упом. также Ортелий, при перечисленіи прежнихъ картъ
въ предисловіи къ своему атласу, о которомъ говорится подъ слѣд. №.

21. Точная копія съ № 20, съ той же подписью, — на картѣ съ той же надписью; въ изданіяхъ:

a) THEATRVM | oder Schawplatz des | orbodems, warin die Landt-
tafell der gant | zen weldt, mit sambt aine der selben kurtze | erklarung
zu sehen ist. | *Durch Abrahamum Ortelium.* — Durch beueleh vnnd becosti-
gung des Autors hatt diss Buch | getruckht Gieles von Diest geschwornor
Buchtruckher | der Kuniglicher Maiestat tzo Antorff, | M.CCCCC.LXXII.
(какъ сказано въ концѣ книги). f^o; на л. 46.

b) Idem, съ прибавкой внизу надписи: „Ihiets mitt vielen neuwen
Landtafflen gemehret“, M. CCCCC.LXXIII. f^o, съ раскрашенными картами;
на л. 46.

c) THEA | TRVM | ORBIS | TERRA | RVM. || Opus nunc denuò
ab ipso Auctore r^cognitum, | multisquè locis castigatum, & quamplurimis |
nouis Tabulis atque commentarijs auctum. || — Auctoris ære & cura im-
pressum absolutumque | apud Christophorum Plantinum. | ANTVER-
PIAE | M. D. LXXIX. (какъ сказано въ концѣ книги). f^o; на л. 82.

d) Theatrum | oder | Schawbuch | des | Erdtkreys. || Opus nunc
denuò... auctum (какъ въ предыдущемъ изданіи). || — In Antorff, | Bey Chri-
stoffel Plantin, | in verlegung Abraham Ortell, | M.CCCCC. LXXX.
(какъ сказано въ концѣ книги). f^o, съ раскрашенными картами; на л. 82.

e) THEA | TRVM | ORBIS | TERRA | RVM. || — ANTVER-
PIAE, | Auctoris ære & cura impressum absolutumque | apud Christo-
phorum Plantinum. | M. D. LXXXIII. (какъ сказано въ концѣ книги).
f^o; на л. 91.

f) Idem... 1588. f^o; на л. 91.

g) Idem... ANTVERPIAE, | IN OFFICINA PLANTINIANA, |
Auctoris ære et cura. | M. D. XCII. f^o; на л. 99.

h) — m) Idem (какъ изд. e и f)... 1594, 1595, 1598, 1600, 1608,
1611. f^o; на л. 91.

n) Idem... АВРАМАИ ОРТЕЛИ АНТВЕРП. | GEOGRAPHI
REGII. || ANTVERPIAE, | EXTAT IN OFFICINA PLANTINIANA.
M. DC. XII. (какъ сказано въ концѣ з. л.). f^o; на л. 117.

(Надпись VIARMIA начинается надъ самой палаткой, верхъ которой
украшенъ зубцами).

22. Тоже; точная копія съ № 21, сдѣланная посредствомъ фотографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

23. Копія съ № 20 или 21, съ той же подписью, — на картѣ съ надписью: „MOSCOVIÆ, RVSSIÆ REGIONES, NOVISSIMA DESCRIPTIO“. При книгѣ:

ANTONII | POSSEVINI | SOCIETATIS | IESV. | MOSCOVIA. |
Eiusdem nouissima descriptio. | ANTVERPIÆ, | Ex Officina Christophori
Plantini. | M. D. LXXXVII. 8°.

24. Уменьшенная копія съ № 20 или 21 — на картѣ съ надписью въ лѣвомъ нижнемъ углу: „*Russiae moscoui | æ et tartariæ de | scriptio*
autore An | tonio Jenkensono“. Въ изданіи:

EPITOME | THEATRI | ORTELIANI. | Praecipuarum Orbis Re-
gionum delineationes, | minoribus tabulis expressas, breuiaribusque |
declarationibus illustratas, continens. || ANTVERPIAE, | Philippo Gallæo
excudebat Christophorus Plantinus. M. D.LXXXIX. 8° obl.; на л. 83,
съ надписью: „RVSSIA“ и съ намѣтою „M₃“.

25. Увеличенная копія съ № 20 или 21, со слѣдующими измѣненіями: мантія — узорчатая и безъ отложнаго воротника, рукава кафтана — стѣганные; царь сидитъ въ комнатѣ, подъ навѣсомъ, на тронѣ съ тремя приступами внизу; у ногъ его лежитъ собака, мордою влѣво; по бокамъ — двѣ группы, взятая изъ изданнаго въ Прагѣ изображенія русскаго посольства въ Регенсбургъ въ 1576 г. (последнее будетъ описано у насъ подробно въ статьѣ о посольствахъ): слѣва — священникъ съ дьякономъ передъ престоломъ съ тремя образами, справа — три боярина въ двойныхъ кафтанахъ и въ шапкахъ (средній — въ мѣховой, крайніе — въ остроконечныхъ); въ задней стѣнѣ, по сторонамъ трона, — два широкихъ окна, черезъ которыя видны пейзажи съ горами и зданіями.

Гравюра на деревѣ; раскрашенная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ краской красной: в. 4.8¹/₂, ш. 3.7. На з. л. трехъ изданій соч: Одерборна.

Wunderbare, Erschreckliche, Vnerhörte Geschichte, vnd warhafftige Historien: Nemlich, Des nechst gewesenen Grossfürsten in der Mosckaw IOAN BASILIDES, (auff jre Sprach Jwan Basilowitz genandt) Leben. ||

In drey Bücher verfast, Vnd aus dem Latein verdeutscht, Durch Heinrich Räteln zu Sagan. ||

a) Gedruckt zu Görlitz, bey | Ambrosio Fritsch, | Im Jahr, M. D.LXXXVIII. kl. 4°.

b) Ibidem... M. D. LXXXIX.

c) Gedruckt zu Görlitz, bey Johann Rhambaw. | ANNO 1596.

26. Точная копія съ № 25, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

VI. Конные портреты.

27. Царь въ полномъ облаченіи, ѣдущій верхомъ влѣво; въ шапкѣ, украшенной короной, со скипетромъ въ правой рукѣ и держа узду въ лѣвой. Справа вверху — надпись: „Der Musca Wyter herr abkunterfect“. Ниже — 14 строкъ стиховъ: „Der Herr . . . Muscowiter“ и имя мастера: „Hans Guldenmundt zu nurnberg“.

Грав. на деревѣ: в. 10.3, ш. 7.6.

Гравюра эта, вмѣстѣ съ другой, однородной съ нею и того же мастера (Московитъ, ѣдущій влѣво, держа узду въ правой рукѣ и маленькую плетку въ лѣвой; съ надписью: „Also reyten die Muscabiter zu felde“; в. 11.0, ш. 7.3), принадлежала вѣроятно къ к.-н. скитѣ русскихъ костюмовъ, на манеръ изданной тѣмъ же Гансомъ Гульденмундомъ скитѣ турецкихъ костюмовъ (4).

Вышеупомянутый портретъ Ивана Васильевича, сколько мнѣ извѣстно, описать впервые Іосифомъ Геллеромъ (5), собраніе котораго поступило въ Бамбергскую бібліотеку; но, судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ докторомъ Лейтшу (Leitschuh) В. В. Стасову въ мартѣ 1879 г., тамъ нѣтъ этой гравюры; затѣмъ я не могъ найти ее ни въ одномъ изъ общественныхъ собраній большихъ городовъ Европы, какъ: Берлинъ, Вѣна, Мюнхенъ, Парижъ, Лондонъ.

(4) Nagler, Monogram., II. № 348.

(5) Joseph Heller, Zusätze zu Adam Bartsch's Le Peintre-Graveur. Nürnberg, 1854. 8°.

28. Царь на лошади; съ печатными стихами.

Грав. на деревѣ, гт. fol., въ отпечаткахъ двоякаго рода:

а) съ буквами I. W. и б) съ буквами H. W. (6).

29. Профилью влѣво, съ длинной бородой и усами; въ чалмѣ съ султанчикомъ на маковѣѣ, въ длинномъ кафтанѣ съ пятью нашивными петлями на груди, съ пашкой на поясѣ; держа въ правой рукѣ узду, а въ лѣвой палку, на которой надѣта мертвая голова. Подъ ногами лошади, на которой ѣдетъ царь, — голый ребенокъ, посаженный на сугъ отъ пня. Впередъ идетъ сборщикъ податей въ длинномъ кафтанѣ и остроконечной шапкѣ и собираетъ въ мѣшокъ деньги съ людей, идущихъ на встрѣчу къ нему изъ города, видимаго вдали. Сзади идутъ связанные мужчины, женщины и дѣти, погоняемые палкой всадникомъ. На дальнемъ планѣ, на пригоркѣ, — всѣлица и другіе образцы казни и пытки.

Грав. на деревѣ: в. $2.10\frac{1}{2}$ ш. $4.4\frac{1}{2}$. На з. л. книги:

(Johann Hoff's) Erschreckliche, greuliche, | vnerhorte Tyraney Jwan Wasilowitz, | jetzo regierenden Grossfürsten in Muscow, so er vorrückter Jar | an seinen Blutsuerwanten, Freunden, Vnderfürsten, Boiaren vnd ge | meinem Landuoelck vnmenschlicher weise, wider Gott vnd Recht erberm | lich geübet. Den jenigen, welche seines theils, vnd sich böser meinung an jhnen zubegeben willens, zur warnung | in Druck verfertigt. || (Naumburg) Anno M. D. L. xxxij. 4°.

30. Точная копія съ № 29, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копіи съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

Особое примѣчаніе.

Многіе иностранные писатели по художественной части приводятъ какъ портретъ Ивана Васильевича, — изображеніе Ивана Палеолога (по грудь, профилью влѣво; съ небольшой бородкой и длинными вьющимися волосами; въ остроконечной шапкѣ съ загнутымъ вверху козырькомъ; удерживающаго передъ себя правую рукою) на медали, рѣзанной итальянскимъ

(6) Nagler, Monogram., IV. № 648 и III. № 1702.

живописцем-медальеромъ Витторіо Пизани (работалъ въ 1444—49 гг.) и гравированной на мѣди голландскимъ мастеромъ Якобомъ де Гейномъ старшимъ (ученикъ Г. Гольціуса, род. въ Антверпенѣ въ 1565 г., † послѣ 1616 г.), съ надписью кругомъ: „ΙΩΑΝΝΗΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΑΙ ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ ΡΩΜΑΙΩΝ . Ο ΠΑΛΑΙΟΛΟΓΟΣ.“, которую западные иконографы передѣляли такимъ образомъ: „Ioannes Basilides Autocratator Russiae“ (?); а Другулинъ, приведшій въ своемъ каталогѣ подлинную надпись, прибавилъ только, что послѣдняя указываетъ вѣроятно на коронованіе царя греческою короною (?).

Точная копія съ этой гравюры, сдѣланная посредствомъ фотолитографіи въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи (8^а).

b. *Новые.*

VII. Типъ Пикара и Зубова.

31. Грудной, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ накидѣ, шитой каменьями и опушенной по краямъ мѣхомъ, и въ шапкѣ — гречневикомъ, опушенной тоже мѣхомъ, украшенной каменьями и зубцами въ два ряда и увѣчанной крестомъ; въ овалѣ, съ подписью на широкой лентѣ: „26. | ΙΩΑΝΝΗ | 4: Снъ василіа. 3: . . . 1584“. (9 строкъ).

Грав. рѣзцомъ; на большомъ листѣ съ 33 изображеніями князей и царей русскихъ по сторонамъ портрета Петра I въ ростъ, раб. Пикара 1717 г. (См. Ивана III, № 19).

(?) Huber u. Rost, Handbuch. Zürich 1804, V. 208. № 7. — Nagler, K.-L. (1837), V. 130. — Bryan, Dictionary. A new ed. by G. Stanley. London 1858, p. 279. — Le Blanc, Manuel, II. 288. № 124. — Passavant, P.-Gr., III. 119. № 12.

(*) Verzeichniss von Portraits und Stichen von Polen und Russland. Leipzig 1861. 8°. S. 23. № 687.

(8^а) Изданіе это до сихъ поръ еще не выходило въ свѣтъ, хотя я и ссылался на него неоднократно; но я имѣлъ возможность въ давномъ случаѣ пользоваться пробнымъ экземпляромъ самого автора. Д. А. Ровинскій давно собирается предпринять цѣлую серію выпусковъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, при чемъ каждый долженъ имѣть кромѣ того и свое специальное названіе, цитруемый же мною — долженъ появиться подъ заглавіемъ: Достоверные портреты первыхъ московскихъ государей и изображенія посольствъ ихъ времени.

32. Тоже; точная копія съ № 31, съ подписью: „Іоаннъ... 1584“.

Грав. рѣзцомъ; на большомъ листѣ лубочной работы 2-й половины XVIII стол. съ 42 портретами князей и царей русскихъ по бокамъ изображенія Екатерины II съ Павломъ Петровичемъ въ ростъ, передъ Бремлемъ (См. Ивана III, № 20).

33. Тоже, вправо; обезображенная копія съ № 31, въ обратную сторону; въ кружочкѣ съ надписью: „Іоанъ Четверты^а црѣ І великіи князь Россійскіи. || 49“.

Грав. рѣзцомъ; на большомъ листѣ съ 56 изображеніями князей и царей русскихъ вокругъ портрета Екатерины I въ ростъ, раб. А. Зубова 1725 г. (См. Ивана III, № 21).

34. Тоже; точная копія съ № 32, съ надписью: „ІОАННЪ ЧЕТВЕРТЫИ ЦРѢ ИВЕЛИКІИ КНѢЗЬ РОССІЙСКІИ. || 49“.

Грав. крѣпкой водкой; на большомъ листѣ, лубочной работы 1-й половины XVIII стол. съ 58 изображеніями князей и царей русскихъ вокругъ портрета Анны Іоанновны въ ростъ. (См. Ивана III, № 22).

VIII. Типъ Дорша.

(похожъ на Пакаровскій).

35. Грудной, $\frac{3}{4}$ вправо; въ шитомъ кафтанѣ, съ цѣпью на шеѣ и въ шапкѣ-коронѣ, увѣнчанной крестомъ; вверху—двѣ лавровыхъ вѣтви, внизу—плита съ надписью: „IVAN IV | VASILIEVITZ, | *second du nom.* Il regna en | 1533, et mourut en 1584“, и разное оружіе. Въ самомъ низу — подписи мастеровъ: „Dessiné par Chevalier—Dirigé par Néé—Gravé par Niquet.“

Грав. рѣзцомъ. Находится въ книгѣ :

Histoire... de la Russie. Par M. Le Clerc. Tome II. Paris 1733. 4°; при стр. 271 (См. Ивана III, № 4).

36. Тоже; въ кружочкѣ съ подписью: „ЦАРЬ И ВЕЛ. КН. ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ В. Р.“

Грав. пунктиромъ; на одномъ листѣ съ 14 портретами другихъ великихъ князей русскихъ, съ подписью: „Drawn & Engraved by I. Chapman...“
Находится въ книгѣ :

History of Russia, By W. Tooke. Vol. II. London 1800. 8°. (См. Ивана III, № 5).

37. Поколенный, $\frac{3}{4}$ вѣвво (голова вправо); царь стоитъ, облокотивъ руки на колонну, на которой лежитъ листъ съ надписью: „Судебникъ“, при этомъ въ правой рукѣ у него — скипетръ, а около лѣвой — держава. Внизу подпись: „45 | Царь, | Иоаннъ Васильевичъ. | род. 1530 год. царс. отъ 1533 по 1584. || 166“.

Грав. пунктиромъ, плохой работы (Афанасьева?); на одномъ листѣ съ портретами другихъ князей и царей русскихъ, а также въ книгахъ:

а) Россійская Исторія... Соч. С. Ушаковичъ. Спб. 1811. 8°, и б) Собрание портретовъ Великихъ Князей,... Прод. у В. Логинова. М. 1825. 8°. (См. Ивана III, № 7).

38. Грудной, вѣвво; въ четырехъ-угольной рамкѣ. Справа вверху — „43“, внизу — „IVAN IV, VASSILIÉVITCH“.

Грав. очеркомъ. Находится въ книгѣ:

Atlas de l'histoire de Russie... Par Levesque. Paris, 1812. 8°. (См. Ивана III, № 8).

39. Тоже, вправо; въ кружочкѣ съ надписью: „45. ЦАРЬ ИОАННЪ 4 Васильевичъ. ро. 1530. ца съ 1534. до 1584“.

Грав. пунктиромъ; на большомъ листѣ съ 63 портретами князей и царей русскихъ, съ подписью: „ВЕЛИКІЯ КНЯЗЬЯ...“ (См. Ивана III, № 9).

40. Тоже; на большомъ листѣ съ 53 портретами князей и царей русскихъ, съ помятой: „Dessiné par Chavalier“ и подписью: „ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ...“, а также въ книгѣ: Памятникъ событій... Соч. Я. Орловичъ. Спб. 1816 и М. 1818. 8°. (См. Ивана III, № 10).

41. Тоже, безъ рамки; съ надписью: „St. di Russia — T. 2.“ и съ подписью: „Ivan IV“.

Грав. крѣпкой водкой. Въ двухъ изданіяхъ книги:

Storia dell'Imperio russo compilata dal Cav. Compagnoni e pubblicata in continuazione al Compendio della Storia universale del Sig. Conte di Segur. Tomo II. Milano 1824 et 1829. 12°.

42. Оплечный; въ овалѣ, заключенномъ въ четырехъ-угольникъ; подъ

оваломъ—№ „45“, ниже—бѣлая дощечка съ надписью: „Царь Иоаннъ 4 | Васильевичъ“.

Грав. пунктиромъ; въ собраніи 64 мал. портретовъ рус. князей и царей. (См. Ивана III, № 15).

43. Грудной, безъ рамки; съ надписью: „Russie — 29“ и съ подписями: „Vernier. del. — Lemaitre. direxit — Moret sc.“ и ниже: „Jean le Terrible.“

Грав. крѣпкой водкой. Въ книгахъ:

a) L'Univers. Histoire et description de tous les peuples. — Russie, par M. Chopin. T. I. Paris MDCCCXXXVIII. 8°.

b) Panorama universal. Europa. Rusia. — Historia de la Rusia, por Mr. Chopin. Traducida al Castellano por los Editores del Guardia Nacional. Barcelona. 1839. 8°; съ прибавленіемъ къ французскимъ подписямъ на портретѣ еще слѣдующихъ испанскихъ: вверху—„Rusia“, внизу—„Juan el Terrible.“

44. Тоже; копія съ предыдущаго, съ надписью: „Russia — 29“ и съ подписями: слѣва—„D. Conte inc.“ и ниже—„Giovanni il Terribile.“

Грав. на стали. Въ книгѣ:

L'Universo. Storia e descrizione di tutti i popoli, ec.—Russia di Chopin. Traduzione a cura di A. Francesco Falconetti. T. I. Venezia 1842. 8°.

IX. Типъ Штенглина.

45. Поясной, $\frac{3}{4}$ влѣво; въ царскомъ одѣяніи: въ шитомъ гладью и каменьями кафтанѣ, съ крестомъ на шеѣ и въ шитой шапочкѣ, опушенной по краямъ мѣхомъ и увѣнчанной маленькой коронкой съ крестомъ на верху, со скипетромъ въ лѣвой рукѣ и съ державой—въ правой; въ овальной рамкѣ, прикрѣпленной къ колоннѣ, на базисѣ которой надпись: „ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ | Царь и Самодержецъ всероссійскій || Ioann Wassiljewicz | Tsar et Autocrator totius Russiae“.

Грав. черной манерой: в. 13. 2, ш. 9. 4. Принадлежитъ къ сюитѣ царскихъ портретовъ.

46. Тоже; копія (уменьшенная) съ предыдущаго, съ той же подписью.

Грав. рѣзцомъ: в. 5. 4, ш. 3. 9. Принадлежитъ къ сюитѣ царскихъ портретовъ. (Въ собр. П. А. Ефремова).

47. Тоже; на одномъ листѣ съ портретомъ Петра I Великаго.

Грав. на мѣди. Въ книгѣ:

Краткое изображение Россійской Имперіи. Соч. Г. Шлецера... Переводъ съ французскаго. Москва. Въ типографіи Платона Бекетова. 1805. 24°, съ 5-ю грав. листками, на которыхъ изображены (по два въ рядѣ): Рюрикъ и Владиміръ Великій, Святополкъ I и Всеволодъ III, Юрій II и Василій III (Темный), Иоаннъ Васильевичъ Грозный и Петръ I Великій, Екатерина I и Александръ I (*).

48. Тоже; копія (уменьшенная) съ № 45, съ нѣкоторыми измѣненіями (въ одеждѣ, въ рамкѣ и въ колоннѣ) и съ подписью: „ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ | Царь и Самодержецъ Всероссійскій“.

Грав. пунктиромъ: в. 7. 9, ш. 5. 3. Въ книгѣ:

Пантеонъ Россійскихъ Государей... Филиповскаго. М. 1807. 4°. (См. Ивана III, № 6).

49. Тоже; копія (уменьшенная) съ № 48, безъ рамки, съ подписью: „ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ | Царь и Самодержецъ Всероссійскій. || 44“.

Грав. пунктиромъ, раб. А. Аванасьева. Въ трехъ изданіяхъ книги Д. Похорскаго:

Россійская Исторія. М. 1819, 1823 и 1837. 8°; въ послѣднихъ двухъ съ прибавленіемъ къ прежней подписи „съ 1533 по 1584“ и буквы „П“ подъ № 44, справа. (См. Ивана III, № 11).

50. Тоже; копія (уменьшенная) съ № 48. Въ книгѣ:

Краткая Исторія Россійскаго Государства. М. 1824 и 1828. 18°. (См. Ивана III, № 12).

51. Тоже, вправо; съ подписью: „Іоаннъ IV Васильевичъ, | Грозный, | Царь и Самодержецъ Всероссійскій“.

Грав. пунктиромъ. Въ книгѣ:

Исторія Государства Россійскаго. (Изд. Е. Андреева). Ч. 2. М. 1824. 12°. (См. Ивана III, № 13).

52. Тоже, безъ державы; въ овальной рамкѣ, съ той же подписью, какъ № 51.

(*). См. Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1868 г., стр. 200, и Гевнеди, Русскія книжныя рѣдкости. Спб. 1872. 8°, стр. 75.

Грав. пунктиромъ. Въ книгѣ:

Исторія Государства Россійскаго. Ч. 2. М. 1829. 12^о, представляющей 2-е изд. предыдущаго сочиненія. (См. Ивана III, № 14).

53. Поясной; въ кружочкѣ съ подписью: „45. Царь Іоаннъ IV. | Васильевичъ Грозный, 1530 г. . . . св. 1584 г. п. в. А. С.“; рядомъ съ портретомъ Федора Іоанновича, въ кружочкѣ съ подписью: „46. Царь Федоръ I. . . . непрерывно“.

Грав. пунктиромъ. Принадлежитъ къ изданію:

Ручныя таблички Россійской Исторіи, А. А. Осипова. М. 1839. 16^о. (См. Ивана III, № 16).

54. Тоже, влѣво; со скипетромъ и державой въ рукахъ, съ „№ 44“ вверху и съ подписью: „ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ | ГРОЗНЫЙ || Царь и Самодержецъ Всероссій | скій; принялъ престолъ въ 1534 году; | померъ въ 1584 году; Царствовалъ 50 лѣтъ.“

Грав. пунктиромъ. Въ книгѣ:

Слава Россіи или Исторія Государства Русскаго. . . Изд. Д. Трубева. М. 1845. 12^о. (См. Ивана III, № 17).

55. Въ ростъ; въ длинномъ кафтанѣ; съ подписью: „ІОАННЪ. IV грозн. | Отъ 1533 до 1584 г. | 46“.

Грав. очеркомъ съ легкой тѣнью. Находится въ изданіи:

Портреты 66-ти Россійскихъ Государей. . . Изд. Х. Ваханскаго. М. 1847. продолг. 4^о. (См. Ивана III, № 18) (9^а).

(9^а) При перечисленіи разныхъ Исторій Россіи съ портретами князей и царей русскихъ, я упоминалъ лишь только тѣ, гдѣ приложены грав. на мѣди. Но существуютъ еще таковыя и съ грав. на деревѣ, какъ напр.:

1. Хронографическое обозрѣніе русской исторіи по методу А. Язынскаго. Спб. 1845. мал. 8^о (портреты дѣланы съ тѣхъ же оригиналовъ, что и во всѣхъ другихъ Исторіяхъ Россіи);

2. Отечественная исторія въ разсказахъ для народныхъ и высшихъ школъ и вообще для дѣтей старшаго возраста. Съ портретами замѣчательнѣйшихъ лицъ. Составилъ С. Рождественскій. Портреты рисованы И. Пановымъ, гравированы Л. Сѣраковымъ. Спб. 1873, 1875, 1877, 1890. 8^о и Краткая отечественная исторія въ разсказахъ. Для начальныхъ народныхъ училищъ и вообще для народа. Съ портретами замѣчательныхъ лицъ. Составилъ С. Рождественскій. Спб. 1874, 1875, 1877, 1878, 1879. 16^о (портреты дѣланы съ совершенно новыхъ оригиналовъ, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ Исторіяхъ Россіи; они перечислены въ моей статьѣ: «Жизнь и произведенія гравера Л. А. Сѣракова»—въ Рус. Старинѣ, т. XXXI, 1881, июнь, стр. 322)

Х. Портреты, похоніе на Штенглиновскій.

56. Поясной, $\frac{3}{4}$ вправо; съ длинными волосами и большой круглой бородой; со скипетромъ и державой въ рукахъ; въ фигурной рамкѣ, съ подписью: „ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ | Царь и Самодер: Всеросс:“.

Грав. крѣпкой водкой, раб. Франческо Гандини (безъ его подписи). (Доска хранится въ Акад. Худож. и даетъ хорошіе оттиски).

57. Тоже; точная копія съ предыдущаго, съ нѣкоторымъ отличіемъ въ подписи, а именно: „ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ | Царь и самодер. всееро.“.

Грав. крѣпкой водкой. Находится въ книгѣ:

Мѣсяцесловъ Исторической на 1769 г. При Имп. Акад. Научъ. 12^о.

58. Поясной, $\frac{3}{4}$ вправо; съ небольшой бородой; съ крестомъ на шеѣ, но безъ скипетра и державы въ рукахъ; съ подписью: „Грав. Николай Уткинъ, Профессоръ И. А. Х.—Декабря 22 дня 1832 года.“ и ниже: „ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ“.

Грав. рѣзцомъ. Въ трехъ изданіяхъ книги:

Сказанія Князя Курбскаго. Изд. Н. Устрялова. Спб. 1833, 1842 и 1868. 8^о, при чемъ въ послѣднемъ — съ доски, пройденной И. Пожалостиннымъ и помѣченной пунетиромъ слѣва: „И. Пож. 1866.“ (10).

59. Прямоличный, съ подписями мастеровъ: „Jacob. Loest ab Arches. I. Alexand. Böner sc.“.

Грав. рѣзцомъ, 8^о, новѣйшаго времени (Въ Имп. собраніи въ Вѣнѣ) (11).

60. Грудной, впрямь, съ наклоненной головой; въ подрясникѣ и въ суконьѣ. Снимокъ со статуи М. М. Антокольскаго, съ помѣтами: слѣва — „18 $\frac{19}{IV}$ 71 г.“, справа — „Н: Ш:“, ниже — „Gravure Héliographique, exécutée à l'Expéd. pour la Confection des Papiers | de l'État à St.-Petersbourg, d'après le procédé de Mr G. Scamoni. || A. ILLINE, ÉDITEUR à ST.-PÉTERSBOURG || Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 7 февраля 1873 г.“

Находится въ изданіи: Коллекція хелиографюръ по системѣ г. Ска-

(10) Хромофотографическій снимокъ съ подобнаго портрета изъ одной грамоты 7079 (4574) г. библиотеки Ал. Дм. Черткова — помѣщенъ въ книгѣ: Достопамятности Москвы. Изд. Корнилія Троюмова. М. 1845. 8^о.

(11) Сообщ. Д. А. Ровинскимъ.

мони. Тетрадь первая. С.-Петербургъ. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. 1873. f^o.

XI. Не подходящiе ни подъ одинъ типъ.

61. Въ ростъ, $\frac{3}{4}$ влѣво; съ вьющимися волосами и большой бородой; въ высокой мѣховой шапкѣ и шубѣ поверхъ длиннаго кафтана, опушеннаго мѣхомъ. Царь сидитъ справа, держа въ лѣвой рукѣ скипетръ и указнымъ правую впередъ; противъ него сидитъ слѣва на тронѣ Петръ I, окруженный шестью аллегорическими фигурами; вдали видны — деревья, здания и корабли. Внизу помѣта: „83 und 84“ (справа) и четыре строки нѣмецкихъ стиховъ: „Der heut, dem Ansehn nach, . . . ist Schatten-gleiche-Luft.“

Грав. крѣпкой водкой. Въ двухъ изданiяхъ книги:

a) *Gespräche | In | dem Reiche derer Todten, | Drey und Achtzigste ENTREVUE, | Zwischen | dem vortreflichen Moscovitischen Czaar, | PETRO MAGNO | Und | IVAN BASILOWIZ II. | Ebenfalls einen grossen Czaar von Moscau, | . . . Frankfurth und Leipzig, 1725. 4°; къ стр. 157—222.*

b) *Idem, съ прибавкой на з. л. передъ именемъ Ивана Васильевича—фразы: „dem grossen Tyranen“; къ стр. 157—228, при чемъ подъ гравюрой, вмѣсто цифръ 83 и 84, стоитъ только 83.*

62. Въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вправо, съ большой бородой; въ остроконечной шапкѣ, въ длинномъ кафтанѣ съ широкими рукавами и съ крестомъ на шеѣ. Передъ Иоанномъ стоятъ: гр. Б. П. Шереметевъ и Ѳ. А. Головинъ. Слева внизу—монограмма гравера: „г. М.“; подъ гравюрой — подпись: „Отъ Шереметева внимаютъ Иоаннъ | о дѣйствiяхъ Петра и какъ Имъ Коръ поправъ“.

Грав. на мѣди.

63. Въ ростъ, $\frac{3}{4}$ влѣво; похожiй на № 62. Иоаннъ сидитъ на диванѣ вмѣстѣ съ Петромъ I; позади ихъ стоятъ подъ деревьями: гр. Шереметевъ и Головинъ; слѣва вдали—бесѣдка и четыре человѣческихъ фигуры. Внизу подпись: „Се внемлетъ Иоаннъ | что въ жизни Петръ творилъ | какъ грады покорилъ и какъ | враговъ разилъ.“

Грав. на мѣди.

Объ гравюры (№№ 62 и 63) находятся въ соч. П. Н. Крекшина:

Краткое описаніе Славныхъ и Достопамятныхъ дѣлъ Императора Петра Великаго | ... представленное | разговорами въ царствѣ мертвыхъ, ... *Третье тисненіе*. Съ прибавленіемъ противъ прежняго изданія многихъ примѣчаній и съ присовокупленіемъ гравированныхъ фигуръ. Москва. Въ вольной типографіи А. Рѣшетникова. 1794 года. 8^о и *Четвертое тисненіе* . . . 1808 года. 8^о; при стр. 1 и 99 (1²).

64. Юный Іоаннъ Васильевичъ, сидящій на престолѣ и окруженный своимъ дворомъ. Внизу подпись: „По благословенію Отца своего Великаго Князя Василя Ивановича, | возшествіе на престолъ Царя Івана Васильевича. Смотри. стра. 35. строк. 7“.

Грав. очеркомъ. Находится въ изданіи:

Царственная книга, то есть лѣтописецъ царствованія Царя Іоанна Васильевича, отъ 7042 году до 7061, напечатанъ съ писменнаго, которой сысканъ въ Москвѣ въ Патріаршей Библиотекѣ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1769 года. 4^о.

XII. Совершенно вымышленные.

(конные).

65. Иванъ грозный въ видѣ рыцаря, верхомъ на конѣ; съ подписью: „Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. | въ Метал: Сергѣевой. Печат. Позв. Мос: 1832 года Маія 12 дня. Ценз: В: Флеровъ“.

Грав. рѣзцомъ и пунктиромъ, лубочной работы, въ л. (1^{2а}).

66. Верхомъ, ѣдущій влѣво; въ разукрашенной кольчугѣ, въ каскѣ съ султаномъ, держа въ правой рукѣ мечъ. Царь командуетъ войсками въ виду укрѣпленнаго города. Внизу подпись: „ЦАРЬ ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ“. Правѣе: „*Изданіе Михайлы Дмитріева. Печат. въ Метал. Ахметьева | Печат. позвол. Цензор. Д. Ржевскій 2 Ноября 1851 Года*“.

(1²) Въ этой книгѣ есть еще 3-я картинка, изображающая бесѣду Петра I съ Карломъ XII, Александромъ Македонскимъ и Соломономъ, въ присутствіи Шереметева и Головина, стоящихъ позади.

(1^{2а}) Сообщ. Д. А. Ровинскимъ.

Грав. лубочной работы, въ л.

Новыя изданія:

а) Дозволено Цензурою М. Октября 14 д. 1867 г. — Лит. Голышева въ С. Мстерѣ 1867 г.

б) Дозволено Цензурою. Моск. 3 Мая 1867 г. — Печ: въ Лито: И. Говрилова Мясниц. Час: 3 Квар: Д: Гофмана. — изданіе П. Н. Шарарова.

с) Изданіе П. Н. Шарарова. — Дозволено Цензурой Москва, 7 февраля 1876 г. | Печ. въ Литогр. А. Стрѣлцова. Моросс. Д. Челов. люб. ком. въ Москвѣ.

Литографическія копии:

а) Дозволено Ценсурой М. 3 Марта 1865 г. — Лит. Голышова въ С. Мстерѣ 1865 г.

б) Дозволено Цензурою Іюля 26 д. 1866 г. — Лит. Голышова въ С. Мстерѣ 1866 г.

(Всѣ изданія и копии — въ Спб. Публ. Библ.).

67. Верхѡмъ, ѣдущій вправо; въ подобномъ же костюмѣ, какъ на № 66. Царь ведетъ войска противъ татаръ, которые отбиваются у стѣнъ горящаго города. Внизу таже подпись, чтѡ и на № 66, съ прибавленіемъ: „Печат: Позв: Москва 1850 года Февраля 10 дня Цензоръ Н. Зерновъ“. Правѣе: „издан. Ефим. Яковлев. печ. въ Литогр. А. Эрина.“

Грав. лубочной работы, въ л.

Литографическія копии съ нея:

а) Дозволено Цензурою. Моск. 21 Августа 1865 г. — Печат. въ Литогр. Е. Яковлева. Мясницкой части 2 кварт. въ Д. Митьковой.

б) Дозв. ценз: Моск. 3 декабря 1866 г. — Печ. въ Лит. Е. Яковлева Мясницкой Части 2 кв. въ д. Митьковой.

с) = а), только цензурный пропускъ — 17 февраля 1868 г.

д) дозв. ценз. Моск. 16 Генваря 1871 г. — Литогр. Е. Яковлева на 2-й Мѣщанской улицѣ | въ собственномъ домѣ.

(Гравюра и копии — въ Спб. Публ. Библ.).

ПРИМЪЧАНІЯ.

Къ портретамъ Ивана III.

1. André Thevet род. въ Англемѣ въ 1502 г., † въ Парижѣ 23 ноября 1590 г.; былъ сперва францисканскимъ монахомъ, путешествовалъ на Востоку въ 1549—54 г.г. и издалъ описаніе своего путешествія подъ заглавіемъ «Cosmographie de Levant» (Lyon 1554. 4° и 1556. f^o; Anvers 1556. 8°), состоялъ затѣмъ придворнымъ священникомъ королевы Екатерины Медичи, наконецъ историографомъ и космографомъ короля (1); кромѣ названной уже «Cosmographie Universelle», онъ выдалъ еще книгу «Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres» (Paris 1584. f^o), о которой будетъ говорено въ портретахъ Василия IV, подъ № 22. Главу, посвященную Россіи во «Всемирной Космографіи» Тэвэ, князь Августинъ Голицынъ издалъ отдѣльно подъ заглавіемъ: «Cosmographie moscovite» (Paris 1858. 16°), но къ сожалѣнію съ сокращеніями; такъ у него выпущены (на стр. 61 и 107) любопытныя подробности, сообщаемыя Тэвэ объ идолѣ «Златая Баба» и о вел. кн. Иванѣ III (II, 847—848 и 853—854). Касательно перваго, Тэвэ говоритъ, что изображеніе «Златой Бабы» далъ ему одинъ польскій панъ въ г. Филиппополѣ (II, 848); относительно втораго, — что портретъ Ивана III онъ сдѣлалъ съ рисунка карандашемъ, который далъ ему одинъ грекъ въ г. Прушѣ, въ Галатіи (II, 853) (2).

Для «Cosmographie Universelle» гравировали на деревѣ монограммисты: PR, т. е. Pierre Raëfus или Raëfé (временъ Карла IX и Генриха III), — всѣ 200 изображеній, отпечатанныхъ въ текстѣ; O. G., т. е. O. Goujeon, — карты (3) и M M, неизвѣстный мастеръ (работавшій въ Парижѣ въ 1570—90 г.г.), — виньетки (4).

3. Гравюры Харитонова и Макарова (числомъ 36—2), можетъ быть, должны были служить сперва образцами, по которымъ предназначалось вырѣзать лицевыя стороны для серіи историческихъ медалей въ память разныхъ событій изъ древней русской исторіи, хотя пять портретовъ четырехъ первыхъ русскихъ князей, встрѣчающіеся на 94 медаляхъ этой серіи, чеканенныхъ по повелѣнію Екатерины II, во многомъ отличаются отъ вышеупомянутыхъ гравюръ; пор-

(1) Grand Dictionnaire Universel du XIX-e Siècle. Par M. Pierre Larousse. Paris 1876. gr. 4°. XV, 116.

(2) Привожу это мѣсто цѣликомъ: «Ce prince Jean estoit fort vaillant et debonnaire, et si simple en habits, qu'il ne differoit aucunement de ceux des Princes et Seigneurs de sa Cour: le pourtrait duquel ie vous ay bie voulu icy apres représenter, suyant le creon qui m'en fut donne par un Grec en la ville de Pruse, pais de Galatie, situee entre les riuieres Hippie et Cagarie, avec d'autres, desquels i'espere vne autre fois vous faire part, pour contenter le Lecteur amateur de toutes choses rares».

(3) Traité historique et pratique de la gravure en bois. Par J. M. Papillon. A Paris MDCCLXVI. 8°. I, 250. (Подпись PI. RAEFVS встрѣчается на гравюрѣ л. 795 об.).

(4) Nagler, Monogram., III. № 2001.

третъ эти — слѣдующіе: Рюрика, раб. Гасса (Johann Balthasar Gass, 1768—1797), — на 22 медаляхъ; Игоря (младенца и взрослого) — на 27: рабѣ Вехтера (Johann Georg Waechter, 1768—1800) — на 8, Юдина (Самуила Юдича, 1762—1800) — на 9, Ъгера (Johann Caspar Jaeger, 1772—1790) — на 8, Гасса — на 2; Святослава, раб. Иванова (Тимофея, 1762—1800), — на 36; Ярополка, раб. Пванова же, — на 9⁽⁵⁾; штемпеля всѣхъ 94 медалей находятся на Слб. монетномъ дворѣ.

Раньше того было сдѣлано три серіи медалей великихъ князей и царей русскихъ и послѣ того — еще одна:

1) Овальныхъ — отъ Рюрика до Анны Ивановны, — рѣзанныхъ на себирской зеленой яшмѣ нюренбергскимъ художникомъ Доршемъ (Johann Christoph Dorsch, † 1732), заказанныхъ еще Петромъ I и продолженныхъ до Екатерины II — Академіей Наукъ, гдѣ и хранятся подлинные штемпеля этихъ медалей⁽⁶⁾.

2) Овальныхъ же (в. 3', ш. 2'6" — въ сант. и милим.), скопированныхъ съ предыдущихъ и штемпеля которыхъ находятся на Слб. монетномъ дворѣ: ихъ всего 38 №№, причѣмъ 12 № — двойной.

3) Круглыхъ большихъ (3'9" въ діам.) — отъ Рюрика до Елисаветы, — скопированныхъ съ тѣхъ же медалей, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями и съ прибавленіемъ многихъ новыхъ, равно какъ и легендъ на оборотѣ (?); они рѣзаны: Вехтеромъ, Гассомъ, Ъгеромъ, Юдинымъ и Ивановымъ, и выпущены въ свѣтъ въ 1772 г.⁽⁸⁾; надъ продолженіемъ — до Николая — трудились: Федоръ Александр. Лалинъ (1805—46), Карлъ Мейснеръ (1810—14), Алексѣй Алексѣевъ, Клепиковъ (съ 1824), Лоренцъ (съ 1859); штемпеля хранятся на Слб. монетномъ дворѣ, нѣкоторые изъ прежнихъ — испорченные — замѣнены новыми, работы: Гасса (F. W. Gass, 1794—97), Якова Яковл. Рейгеля (съ 1802), Ф. А. Лалина, Вас. Безроднаго (съ 1807), Алексѣя Пантел. Приткало (съ 1807), Вас. Сумина (въ 40-хъ гг.), К. М. Канаева (съ 1855), Влад. Васильева († 1872); этихъ медалей 62 №№, причѣмъ 12 № — двойной⁽⁹⁾.

4) Круглыхъ маленькихъ (2'4" въ діам.) — отъ Рюрика до Александра I, — рѣзанныхъ Ф. А. Лалинымъ († 1848) и наклеенныхъ на бронзовомъ чеканномъ родословномъ деревѣ, раб. того же художника, съ изображеніемъ внизу Россіи въ видѣ цѣльной женской фигуры; всѣхъ медалей 61 №, при-

⁽⁵⁾ Д. Прозоровскій: Каталог русскихъ и западно-европейскихъ медалей и монетъ хранящихся въ минц-кабинетѣ Имп. Академіи Художествъ. Слб. 1868. 8^о. I, 16—34. — Ю. Иверсень: Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ. Слб. 1874. 4^о, стр. 1—2.

⁽⁶⁾ Н. Л. С. Vasmeister: Russische Bibliothek. St.-Petersburg, Riga u. Leipzig, 1774. 8^о. II, 72—73. — Осипъ Бѣляевъ: Кабинетъ Петра Великаго. Слб. 1800. 4^о. Отд. III, стр. 41.

⁽⁷⁾ См. Московскій любопытный мѣсяцесловъ на 1776 г. Изд. въ свѣтъ Вас. Григ. Рубинъ М. 1776. 8^о, стр. 29—36: Роспись Великихъ Князей, Царей и Императоровъ Россійскихъ, украшенная съ вырѣзанныхъ медалей съ ихъ портретами и слѣдующими историческими извѣстіями о времени ихъ вступленія на престолъ, владѣнія и жизни. — Последнія заимствованы изъ книги Лавровосова: Краткой Россійскій Лѣтописецъ. Слб. 1760. 8^о и 4^о.

⁽⁸⁾ Vasmeister, Russ. Bibl., II. 71. — Въ 1773 г. 58 изъ этихъ медалей продавались в Академіи Наукъ по 7 р. 60 к. за коллекцію; см. Д. Ровинскаго: Русскіе граверы. М. 1870. 8^о. стр. 101.

⁽⁹⁾ Прозоровскій, I. 1—15; Иверсень, Слов. мед., подъ соответств. именами.

чемъ № 12 — двойной. (Въ собр. Ю. Б. Иверсена, у котораго имѣются отпечатки медалей и первыхъ трехъ серій).

5. Въ концѣ предисловія къ своей книгѣ (т. I, стр. X) Тука говоритъ, что медали, съ которыхъ гравированы его таблицы, сдѣланы по приказанію имп. Екатерины II, для сохраненія портретовъ русскихъ государей, и что для полноты этой коллекціи отобраны отъ монастырей и другихъ древнихъ сооружений во всей Имперіи найденные тамъ рисунки, изъ нихъ нѣкоторые довольно грубые⁽¹⁰⁾. Судя по изображеніямъ и надписямъ, у Тука скопированы описанныя выше медали 3-й серіи; только у него ихъ 60 и онѣ расположены на 4-хъ таблицахъ, по 15—на каждой.

19. Текстъ для гравированнаго Пикаромъ въ 1717 г. листа дѣлалъ Теофанъ Прокоповичъ; по крайней мѣрѣ въ «оглавленіи его сочиненій» 1760 г., подъ № 24, упоминается: Родословная Росписъ Великихъ Князей и Царей Россійскихъ до Государя Императора Петра Великаго, съ краткимъ описаніемъ знатнѣйшихъ дѣлъ каждого и времени кончины. Печатана на гридированномъ листѣ подъ лицами каждого Государя 1717 г.⁽¹¹⁾ Также Роспись приведена и у митрополита Евгенія, въ его статьѣ о Теофанѣ Прокоповичѣ, но съ помяткою: «сочинена въ 1719 г. и напечатана въ 1720 г. на гравированномъ большомъ листѣ подъ лицами каждого Государя, но переплеталась и разрыванною въ книгѣ въ 4 д. л.»⁽¹²⁾. Вѣроятно тутъ просто ошибка и возникла она вслѣдствіе того, что Теофанъ Прокоповичъ въ письмѣ къ Марковичу отъ 10 мая 1720 г., при перечисленіи своихъ трудовъ за послѣднее время помѣстилъ впередъ всего: «Каталогъ Великихъ Князей и Императоровъ русскихъ, начиная съ перваго государя Рюрика до книгъ царствующаго монарха, съ краткимъ указаніемъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣлъ ихъ и съ точнымъ обозначеніемъ года смерти»⁽¹³⁾.

Къ портретамъ Василя IV.

1. Августинъ Гиршфогель, сынъ и ученикъ Фейта Гиршфогеля старшаго († 1526), род. въ Нюренбергѣ въ 1504 г.; жилъ нѣкоторое время въ Венеціи (1528—30?); посѣтилъ Вѣну (1530), вѣроятно на обратномъ пути изъ Италіи въ Германію; остальное время жизни провелъ въ Нюренбергѣ (до 1543) и въ Вѣнѣ, откуда ѣздилъ въ Лайбахъ (1540—1544)—въ Каринтію, въ Прагу (1547), въ Трансильванію и въ Венгрію (1549); умеръ въ Вѣнѣ до 5 марта 1553 г. Онъ занимался сперва попеременно: живописью на стеклѣ, музыкою, гончар-

⁽¹⁰⁾ The medals from which the plates are engraved were struck by order of her majesty Catharine II. for the sake of preserving the likenesses of the sovereigns, as well as they could be completed from the drawings, some of them sufficiently rude, that were found in the monasteries and other ancient buildings, throughout the empire, which she caused to be thoroughly ransacked for that purpose.

⁽¹¹⁾ Теофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. 8°. Ч. 4, въ концѣ.

⁽¹²⁾ Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви. Изд. 2 е. Спб. 1827. 8°. II, 304.

⁽¹³⁾ См. Теофанъ Прокоповичъ и его время, И. Чистовича. Спб. 1868. 8°, стр. 46.

нимъ дѣломъ (обжиганіемъ изъ глины и эмальеровкой, въ 1530—32 гг.), гра-
неніемъ камней (1533), потомъ: гравированіемъ на мѣди и на деревѣ (1540—
52), топографіей (1542—52), рѣзбой гербовъ (1543—50), математикой (гео-
метріей и перспективой) и инженернымъ искусствомъ (1543—52), наконецъ:
рѣзаніемъ штемпелей для монетъ (1546); былъ даже писателемъ. Подробности
объ его жизни и дѣятельности можно найти у Бергмана⁽¹⁾, Шлагера⁽²⁾, Бааде-
ра⁽³⁾ и Лохнера⁽⁴⁾, сообщившихъ новыя свѣдѣнія и документы о немъ. У Бар-
ча⁽⁵⁾ описано 136 №№ гравированныхъ произведеній Гиршфогеля, при чемъ
подъ №№ 1, 44 и 135 приведены сюиты: 1-я изъ 120 л., 2-я изъ 80, 3-я изъ
38, такъ что всѣхъ Гиршфогелевскихъ гравюръ выходило 371; но изъ нихъ
многія (анонимныя и особенно исполненныя послѣ 1553 г., слѣдовательно уже
послѣ его смерти, которую прежде относили неправильно къ 1560 г.) при-
саны ему ошибочно и принадлежатъ большею частію Гансу Себастьяну Лаутен-
зау († 1563, см. у Шлагера стр. 687 и 738); за то нѣкоторыя, дѣйствительно
сдѣланныя Гиршфогелемъ, помѣщены не подъ его именемъ или пропущены со-
всѣмъ. Поправки и дополненія къ Барчу см. у Бергмана (въ вышеуказанномъ
сочиненіи его), у Геллера⁽⁶⁾, Вейгеля⁽⁷⁾, Наглера⁽⁸⁾, Пассавана⁽⁹⁾ и Бёрне-
ра⁽¹⁰⁾.

Портретъ в. к. Василія Ивановича Гиршфогель гравировалъ, вѣроятно,
съ рисунка, доставленнаго Герберштейномъ, который могъ привести его съ
собою изъ Москвы. Латинскіе гексаметры, помѣщенные надъ портретомъ, пре-
водитъ нѣмецкій путешественникъ по Россіи 1589—90 гг., Іоаннъ Дамидъ

(1) *Medaillen auf berühmte und ausgezeichnete Männer des Oesterreichischen Kaiserstaates, vom XVI. bis zum XIX. Jahrhunderte. In treuen Abbildungen, mit biographisch-historischen Notizen, von Joseph Bergmann, erstem Custos am k. k. Münz- und Antiken-Cabinete und der k. k. Ambraser Sammlung. Erster Band. Wien, 1844. 4°. S. 280—296.*

(2) *Archiv für Kunde Oesterreichischer Geschichts-Quellen. Fünfter Band (III Heft). Wien 1850: XIV. Materialien zur österreichischen Kunstgeschichte von der zweiten Hälfte des 14. bis nahe zu jener des 18. Jahrhunderts. Von Joh. Ev. Schlager. S. 927—928.*

(3) *Beiträge zur Kunstgeschichte Nürnbergs von J. Baader, Königl. Archivs-Conservator. Nördlingen 1860 u. 1862. 8°. I, 40 u. II, 57—58; u. Jahrbücher für Kunstwissenschaft, herausgegeben von Dr. A. von Zahn. Zweiter Jahrgang. Leipzig 1869: Kleine Nachträge zu den Beiträgen zur Kunstgeschichte Nürnbergs. Von J. Baader. S. 77—78.*

(4) *Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Renaissance, herausgegeben von R. Eitelberger v. Edelberg. — X. Des Johann Neudörfer Schreib- und Rechenmeisters zu Nürnberg Nachrichten von Künstlern und Werkleuten daselbst aus dem Jahre 1547 nebst der Fortsetzung des Andreas Guldem, nach den Handschriften und mit Anmerkungen herausgegeben von D-r G. W. K. Lochner, Stadtarchivar zu Nürnberg. Wien 1875. 8°. S. 151—155.*

(5) *Le Peintre-Graveur. Par Adam Bartsch. Vienne 1808. 8°. IX, 170—207.*

(6) *Morgenblatt für gebildete Leser. Stuttgart und Tübingen. Verlag des J. G. Cotta'schen Buchhandlung. 1846. September. — Kunstblatt (Unter Mitwirkung von Dr. Ernst Förster in München und Dr. Franz Kugler in Berlin). № 44. S. 179—180: Augustin Hirschvogel. Von J. Heller (въ указана вся прежняя литература о Гиршфогелѣ).*

(7) *R. Weigel's Kunstcatalog. Leipzig 1838—43—44. 8°. I, 6950; II, 12914; III, 13545 c.*

(8) *Neues Allgemeines Künstler-Lexikon. Von Dr. G. K. Nagler. München 1838. 8°. VI, 197; u. Die Monogrammistens, etc. etc. München 1863. 8°. III. № 616. S. 193—196.*

(9) *Le Peintre-Graveur par J. D. Passavant. Leipsic 1862. 8°. III, 258—259.*

(10) *Archiv für die zeichnenden Künste... Herausgegeben von Dr. Robert Naumann, unter Mitwirkung von Rudolph Weigel. Leipzig 1866. 8°. S. 73—100: Ueber das Kupferstichwerk des Augustin Hirschvogel. Nach Aufzeichnungen des verstorbenen J. A. Börner in Nürnberg.*

Вундереръ (11), какъ вырѣзанные золотыми буквами вверху царскаго кресла изъ слоновой кости, стоявшаго въ залѣ выборовъ въ Псковской крѣпости, т. е. въ тамошнемъ Кремлѣ, отъ котораго почти ничего не осталось теперь.

Аделунгъ (12), сообщая извѣстiе Вундерера, замѣчаетъ, что это та самая надпись, которая, сколько онъ знаетъ, красовалась только на тронѣ в. к. Василiя Ивановича, покорившаго, какъ извѣстно, Псковъ въ январѣ 1510 г. — Послѣ Василiя, Иоаннъ IV не неоднократно бывалъ въ Псковѣ, какъ напр.: въ 1546 г., въ февралѣ 1570, въ сентябрѣ 1577, въ августѣ и сентябрѣ 1579 (13); слѣдовательно тронъ Василiя могъ быть перевезенъ въ Псковъ въ одинъ изъ царскихъ прiѣздовъ туда и тамъ остаться.

Сидѣнье Василiя, какъ оно представлено у Гиршфогеля, — иное, чѣмъ «кресла изъ слоновой кости» греческаго императора Еммануила II, привезенныя въ Россiю посланникомъ Дмитрiемъ Траханиотомъ, сопровождавшимъ сюда Софiю Палеологъ въ ноябрѣ 1473 г., и находящiяся теперь въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ (14).

Кромѣ портрета в. к. Василiя Ивановича, Гиршфогель награвировалъ на мѣди, для 1-го изданiя Герберштейновыхъ Записокъ о Москвитинѣ, карту — съ надписями: «MOSCOVIA SIGISMVNDI LIBERIBARONIS IN NEBRERSTEIN NEIPERG|ET GVTHAG. ANNO. M. DXLIX» (слѣва вверху) и «HANC TABVLAM ABSOL|VIT AVG HIRSFOGEL|VĪ E: AŸS: CVM GRA : ET|PRIVI IMP» (справа ввереднѣ) и съ малымъ неполнымъ (безъ верхнихъ фигуръ и нижней арматуры) гербомъ Герберштейна (слѣва внизу); въ малый листъ: в. 9. 9, ш. 6. 1 — по Барчу (№ 135), а по Бѣрнеру (S. 87) — в. 9. 8, ш. 6. 1 1/2.

Мнѣ извѣстны 7 оттисковъ этой рѣдной карты:

1—3) въ экземплярахъ соч. Герберштейна «Regum Moscoviticarum Commentarii» (Viennae 1549. f^o), находящихса: у гр. Палена въ Гофшумбергѣ близъ Митавы, въ Августинскомъ монастырѣ въ Герцогенбургѣ въ Австрiи и въ Вiенской имп.-корол. библиотекѣ (63. В. 2).

4—5) въ «вѣрахъ» Гиршфогеля въ Вiенской имп.-корол. библиотекѣ (л. 41) и въ описанномъ у Бѣрнера (см. выше).

6) въ экземплярѣ нѣмецкаго перевода Герберштейновыхъ Записокъ, подъ заглавiемъ «Moscovia» (Wienn 1557. f^o), принадлежавшемъ самому Герберштейну и поступившемъ послѣ Дубровскаго къ гр. Румянцеву.

7) въ картографическомъ отдѣленiи Имп. публ. библиотеки въ Спб. (26. 35. З. С. 1).

(11) Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte, herausgegeben von J. C. von Fichard, genannt Bauer von Eyseneck. Frankfurt a. M. 1812: Joh. Dav. Wunderer's Reisen nach Dennemarek, Russland und Schweden 1589—90. II, 201.

(12) Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. St.-Petersburg u. Leipzig 1846. 8°. I, 433; и Критико-Литературное Обзорiе Путешественниковъ по Россiи до 1700 г. Перев. съ нѣмец. А. Клеванова. М. 1864. 8° (изъ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс.). I, 272.

(13) Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. въ изд. Эйверлинга. VIII, 54 (и пр. 153); IX, 90 (и пр. 297), 156, 178.

(14) См. изображенiя послѣднихъ въ изданiяхъ: Историческое Описанiе Древняго Россiйскаго Музеума, подъ названiемъ Мастерской и Оружейной Палаты, въ Москвѣ обрѣтающагося. Ч. I. 1807, въ л. (стр. 114) и Древности Россiйскаго Государства, изданныя по Высоч. повелѣнiю Гос. Имп. Николая I. Москва (1851). Рисов. Ак. Ѳ. Солдатовымъ, въ л. (Отд. II. №№ 84—87).

Наглеръ (Monogram., III. № 616) думаетъ, что въ этой картѣ принадлежалъ гравированный Гиршфогелемъ листъ съ разными изображениями, описанный нами въ портретахъ Василія Ивановича, подъ № 4.

Копія съ этой карты находятся:

1) Точная, литографическая (какъ первый опытъ литографскаго искусства этого рода въ Россіи), — при книгѣ Фридр. Аделунга: «Siegmund Freiherr von Herberstein» (St. Petersburg 1818. 8°); см. у него стр. 344.

2) Уменьшенная — на вышеупомянутомъ листѣ Гиршфогеля съ разными изображениями; см. портреты Василія IV, № 4.

3) Нѣсколько увеличенная, гравированная на деревѣ, съ помѣщеніемъ масштаба и подписи подъ нимъ «DISTANTIA PER MILIARIA» — на мѣстѣ подписи Гиршфогеля; при изданіяхъ Герберштейновыхъ Записокъ въ 1-хъ латинскихъ (Basileae 1551, 1556, 1571; Francofurti 1600) и 2-хъ нѣмецкихъ (Basel 1563, 1567); см. тамъ же, № 8.

4) Тоже, гравированная на мѣди, съ тѣми же измѣненіями, — при петербургской перепечаткѣ 1795—1804 гг. нѣмецкаго базельскаго изданія 1567 г. тѣхъ же Записокъ; см. тамъ же, № 9.

5) Тоже, литографическая, — при англійскомъ переводѣ тѣхъ же Записокъ 1852 г. (т. II); см. тамъ же, № 2.

6) Тоже, гравированная на деревѣ, съ нѣмецкими надписями, — при 1-мъ нѣмецкомъ изданіи тѣхъ же Записокъ (Wienn 1557. f°); см. тамъ же, № 12.

7) Уменьшенная, гравированная на мѣди, — при латинскомъ изданіи тѣхъ же Записокъ въ 8° (Antverpiae 1557); см. тамъ же, № 14.

8) Въ настоящую величину, гравированная на деревѣ, съ замѣной Герберштейновскаго герба — Гваньиньевскимъ, въ Хроникѣ Гваньини на польскомъ языкѣ, изд. въ Краковѣ въ 1611 г.; см. портреты Ивана IV, № 3.

Но помимо вышеупомянутой карты Россіи, Гиршфогель награвировалъ еще другую, въ четверо бѣдшую, тоже на мѣди, тремя годами ранѣе той. На большой его картѣ слѣдующія надписи: «MOSCOVIA SIGISMVNDI LIBERI | BARONIS IN HERBERSTEIN NEI- | PERG ET' GVTHENHAG * M * D XLV | (слѣва вверх) и «HANC TABVLAM ABSOLVIT AVGVVS- | TINVS HIRSFOGEL VIE AVS OVM | GRACIA ET PRIVILEGIO IMPE:» | , съ монограммой Гиршфогеля изъ соединенныхъ вмѣстѣ буквъ АНФ между цифрами 15—46 (справа впереди), и полный (съ верхними фигурами) гербъ Герберштейна (слѣва внизу).

Карта эта еще рѣже предыдущей, такъ что Аделунгъ⁽¹⁵⁾ знаетъ о ней только изъ соч. Шиндта Физельдека⁽¹⁶⁾, служащаго дополненіемъ къ труду Миллера о русскихъ ландкартахъ⁽¹⁷⁾, и считалъ даже Шиндтово указаніе ошибочнымъ⁽¹⁸⁾. Мнѣ извѣстны всего два экземпляра этой рѣдчайшей карты:

(15) Ueber die ältern ausländischen Karten von Russland, bis 1700 — въ изд.: Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, herausgegeben von Baer und Helmersen. 4 Bändchen. St.-Petersburg 1841. S. 20. Anmerk. 14, и О древнихъ картахъ Россіи до 1700 г. — въ Журн. Мия. Нар. Пров. 1840, т. XXVI, отд. II, стр. 20.

(16) Christoph Schmidt gen. Phiseldeck, Beiträge zur Kenntniss der Staatsverfassung von Russland. Riga 1772. 8°. S. 196.

(17) Gerh. Fr. Müller, Sammlung Russischer Geschichte. VI Band. St.-Petersburg 1761. 8°. гдѣ древнѣйшею картою Россіи названа гравированная на деревѣ — въ Космографіи Министера (Basel 1550. f°).

(18) Adelong, S. v. Herberstein, 377.

1) въ «вѣрѣ» Гиршфогеля въ Вѣнской имп.-корол. библиотекѣ (№ 63).

2) въ картографическомъ отдѣленіи Британскаго музея (⁸⁵⁸⁸⁰/₁₀₅₁).

Вѣроятно карта эта была заказана Герберштейномъ для 1-го изданія его Записокъ о Московіи, но такъ какъ она вышла черезчуръ уже велика для книги, то вмѣсто нея и была сдѣлана другая, мѣньшая, описанная нами выше.

Въ виду чрезвычайной рѣдкости 1-го изданія Герберштейновыхъ Записокъ о Московіи, не лишнимъ считаю привести здѣсь хоть краткое описаніе его; тѣмъ болѣе, что всѣ прежнія описанія не совсѣмъ точны. Изданіе это вышло, безъ обозначенія мѣста и года печати, въ Вѣнѣ въ 1549 г., въ малый листъ (1⁹), и состоитъ изъ трехъ отдѣловъ или серій, на 78 (12+29+37) нум. и 3 ненум. листахъ, съ двумя гравюрами на мѣди (описанными выше) и пятью — на деревѣ (о которыхъ будетъ говорено въ статьѣ о посольствахъ); въ томъ числѣ находится — гербъ Герберштейна на оборотѣ з. л.; при этомъ текстъ напечатанъ на одной бумагѣ, печатки — на другой.

1-я серія (fol. II—XII, съ помѣтками внизу Aij—Ciiij) содержитъ: Герберштейново посвященіе кор. Фердинанду, разныя сотеріи въ честь автора и описаніе путей въ Московію: ITINERA IN | MOSCOVIAM; 2-я (fol. II—XXIX, съ помѣтками Aij—Ev), имѣющая особое заглавіе: MOSCOVIAE SI|GISMVNDI LIBERI | BARONIS IN HER | BERSTAIN NEY | PERG ET GVETN | HAG, заключаетъ свѣдѣнія объ исторіи Московитовъ, ихъ религіи, обычаяхъ, и проч. 3-я (fol. II—XXXVII, съ помѣтками Aij—G), имѣющая также особое заглавіе: NVNC CHOROGRA | PHIAM PRINCIPATVS ET DOMINII | MAGNI | DVCIS MOSCOVIAE AGGREDIAR... , содержитъ историко-географическія свѣдѣнія о разныхъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ Московіи, этнографическія, — о приѣмѣ и отпускѣ пословъ; въ видѣ приложения — печатки (на 3 ненум. листахъ) (1^{9a}).

Это 1-е изданіе Герберштейновыхъ Записокъ о Московіи дошло до насъ въ двухъ видахъ, отличающихся другъ отъ друга редакціей посвященія. Въ *первомъ* — нѣкоторыя мѣста изложены иначе (то сокращеннѣе, то подробнѣе),

(1⁹) «Historiam Moscoviae stilo simplice congressi, eandemque Typis excudi curavi» — говорятъ Герберштейнъ подъ 1549 г. (когда находился въ Вѣнѣ), въ своей автобіографіи подъ заглавіемъ: Gratæ posteritati Sigismundus L. B. in Herberstein... actiones suas... notatas reliquit. Viennae Austriae, Anno M. D. LVIII. 4° и M. D. LX. 1°.

«Fueri quidem obiter hi (т. е. commentarii) apud nos excusi (ut sunt apud nos chalcographi) sed adeo corrupte, adeoque absurdis typis, uti uides, ut ni tua industria accedat, opus mehercule memorabile iniuriam patiatur» — жалуется *вѣнскій* медикъ Вольфгангъ Лацій въ письмѣ къ *базельскому* издателю Іоанну Опорину, при посылкѣ ему Герберштейновыхъ Записокъ для напечатанія вновь; см. на оборотѣ з. л. во 2-мъ изд. этого соч. Герберштейна (Basileae 1554. 1°).

«Sigismundus L. B. in Herberstein etc. scripsit rerum Moscovitarum commentarios, excusos Viennæ primum Austriae, deinde Basileae apud Joan. Oporinum, 1554» — сказано въ книгахъ: Appendix Bibliothecae Conradi Gesneri. Tigvri. Anno. M. D. LV. 1°, p. 97, и Epitome.... *ibid.*, p. 166.

Слѣдовательно у Бентковского ошибочно показано: Basileae per Joh. Oporinum 1549. fol. (Felix Bantikowski, *Historja Literatury Polskiej*. W Warszawie i Wilnie 1814. 8°. II, 629):

По свѣдѣтельству кн. Курбскаго (см. его Сказанія въ изд. Устрялова. Спб. 1868. 8°, стр. 5), Герберштейнъ написалъ эти Записки въ Миланѣ (Медіоланѣ), развѣ въ 1546 г., такъ какъ 1547—49 гг. онъ провелъ въ Вѣнѣ.

(1^{9a}) Къ этому же изд. принадлежитъ вѣроятно и родословная австрійскихъ, польскихъ и московскихъ государей (1548 г.), о которой уюм.: Denis, *Wien's Buchdruckergesch.*, 642, и *Ade-lung*, S. v. Herberst., 409.

тѣмъ во *второмъ* (откуда посвященіе это перепечатано въ послѣдующихъ издавіяхъ уже безъ всякихъ измѣненій), сдѣланы небольшія вставки, одѣ слова замѣнены другими, принято иное правописаніе; есть разница и въ подписи, въ концѣ: въ 1-мъ — *Viennæ Austriæ prima Martij M. D. XLIX*, во 2-мъ — *Viennæ Austriæ prima Matrij M. D. XLIX*.

Вообще 1-е изданіе напечатано неряшливо и наполнено опечатками (см. письмо Лація къ Опорину, о которомъ говорено уже въ выноскѣ 19). Его могли выдать вѣнскіе типографчики: Matthäus et Johannes Singenii, наследники Іоанна Зингренія, не означавшіе иногда адреса на своихъ книгахъ, которыя вообще не отличались изяществомъ, или, что впрочемъ менѣе вѣроятно, Johann Carbo, иначе Khol, и Aegidius Aquila, иначе Adler⁽²⁰⁾.

Мнѣ извѣстны 6 экземпляровъ 1-го изданія соч. Герберштейна. Изъ нихъ экз. Британскаго музея (Thos Grenville Collection) и одинъ изъ экз. Вѣнской имп.-кор. библіотеки (63. а. 75, съ 3 л. печатокъ), оба безъ картинокъ, принадлежатъ къ *первой* категоріи; другой экз. Вѣнской же библіотеки (63. В. 2, съ подписью подѣ посвященіемъ: ich Sigismundus. . .), со всѣми гравюрами, и экз. Имп. публ. библіотеки въ Спб. (купленный Г. Н. Геннаді на толкучемъ рынкѣ въ 1852 г. за 1 р. 50 к.)⁽²¹⁾, только съ 5 гравюрами на деревѣ,—относятся къ *второй* категоріи; экземпляровъ гр. Л. Палена (проданъ ему Ѡ. К. Эльгольцомъ изъ библіотеки акад. Шуберта) и Августинскаго монастыря въ Герцогенбургѣ (описанъ у Дени) я не видалъ.

4. У Бергмана (I, 285) 7 медальоновъ съ портретами разныхъ государей (1' 9"—въ діаметрѣ), съ тѣми же надписями, показаны какъ отдѣльно отпечатанные и замѣчено при этомъ, что тѣже портреты существуютъ въ медальонахъ большей величины. Относительно *первыхъ* Бёрнеръ (стр. 91) предполагалъ не безъ основанія, что Бергманъ видѣлъ просто медальоны, вырѣзанные изъ Гиршфогелевскаго листа съ разными изображеніями; *вторые* помѣщены въ Герберштейновой автобіографіи: Gratae Posteritati. . . Viennae 1560. f^o (о чемъ будетъ говорено ниже, подѣ № 12 b). Карта Московіи и портреты: в. к. Василія Ивановича, Сулеймана и Герберштейна существуютъ также въ гравюрахъ Гиршфогеля большей величины (см. выше подѣ № 1 и ниже подѣ № 12 b). Въ большемъ видѣ, только въ обратную сторону, имѣются и сдѣны, изображенія Герберштейна путешествующимъ: верхомъ (въ Данію въ 1516 г.), въ саняхъ (въ Россію, Польшу и Литву въ 1517 г.), въ телегѣ и въ лодкѣ (въ Венгрію въ 1518 г. и въ Турецкій лагерь подѣ Офеномъ въ 1541 г.), на кораблѣ (въ Испанію въ 1519 г.); всѣ онѣ украшены гербами тѣхъ странъ, въ которыя ѣздилъ Герберштейнъ, и помѣчены монограммой Гиршфогеля съ 1546 г.; величина ихъ: по Барчу (№№ 19—21 и 78)—в. 10. 3 и ш. 6. 6, а по Бёрнеру (стр. 79 и 83)—в. 10. 1¹/₂ и ш. 6. 5 (первыхъ двухъ), 10. 3 и 6. 6 (3-й), 10. 3 и 6. 5 (4-й); всѣ эти гравюры находятся въ «зврьѣ» Гиршфогеля въ Вѣнской имп.-кор. библіотекѣ (л. 28 и 41); предвзначались онѣ вѣроятно для большаго автобіографіи Герберштейна, можетъ быть той, что хранится въ рукописи въ Тайномъ Архивѣ въ Вѣнѣ и напечатана въ изданіи: Fontes Regum Austriae—

⁽²⁰⁾ Ср. у Дени, *Wiens Buchdruckergeschichte*, S. X—XII.

⁽²¹⁾ Отчетъ И. П. Б. за 1853 г., стр. 28.

rum. 1-е Abth. 1-er Band. Herausgeg. von Th. G. von Karajan. Wien 1855. 8° (S. 69—396).

6. Аделунгъ⁽²²⁾ нашелъ въ одномъ рукописномъ извѣстїи указанїе, что итальянскїй переводъ Герберштейновыхъ Записокъ о Московїи сдѣлалъ Ф. Корвинъ; но, не имѣя доказательствъ, не могъ поручиться за подлинность этого сообщенїя. Тихменевъ⁽²³⁾ предполагалъ напротивъ, что переводчикомъ былъ Джакомо Гастальдо Пьемонтскїй, исправитель приложенной къ книгѣ карты Россїи въ видѣ трапеціи, съ надписью: «*Descriptione de la Moscovie par Giacomo gastaldo piemontésé | Cosmographo in Venetia. M. D. L.*» (о другой картѣ его 1566 г. см. здѣсь ниже № 18). Кромѣ карты и портрета Василя Ивановича, съ изображенїемъ Герберштейнова путешествїя въ саняхъ — на оборотѣ, къ итальянскому переводу приложены еще 4 картинки, отпечатанныя на 2-хъ листахъ съ двухъ сторонъ (о нихъ будетъ говорено въ статьѣ о посольствахъ). Въ книгѣ нѣтъ указанїя, кто дѣлалъ приложенныя къ ней гравюры; очень можетъ быть, что Mattio Pagani — граверъ на деревѣ, работавшїй въ Венеціи съ 1543 г.⁽²⁴⁾ и рѣзавшїй карты по рисункамъ Гастальдо, изъ которыхъ одна — Пьемонта — издава въ 1555 г.⁽²⁵⁾

8. Латинскїя базельскїя изданїя Герберштейновыхъ Записокъ о Московїи 1551 и 1556 гг., исправленныя и дополненныя самимъ авторомъ (какъ видно изъ предисловія къ его нѣмецкому переводу 1557 г.), представляютъ уже много отличїй противъ 1-го изд. 1549 г.:

- 1) серїя размѣщена въ иномъ порядкѣ (сперва *Moscovia*, затѣмъ *Chorographia*, потомъ уже *Itinera*) и имѣютъ общую нагладию;
- 2) начало статьи «*Moscovia*» (гдѣ излагается способъ правописанїя русскихъ словъ латинскими буквами) — выдѣлено и озаглавлено «*Ad lectorem*»;
- 3) опечатки исправлены;
- 4) карта и портретъ гравированы на деревѣ;
- 5) гербъ помѣщенъ въ концѣ книги;
- 6) прибавлены: соч. Павла Ювія о посольствѣ в. к. Василя къ папѣ Клименту VII и алфавитный указатель ко всему тому.

Кромѣ того въ 1556 г. замѣчаются еще слѣдующїя перемѣны:

- 7) сдѣланы многія прибавки въ текстъ (на стр. 1, 17—19, 24—25, 44—46, 110, 143, 145—149);
- 8) картины (которыхъ нѣтъ въ изд. 1551 г.), кромѣ портрета, гравированы въ обратную сторону (о нихъ будетъ говорено въ статьѣ о посольствахъ);
- 9) приложены: еще одна карта Московїи (вся въ лѣсахъ, съ рамкой изъ разныхъ изображенїй) и планъ г. Москвы (въ началѣ), изображенїя буйвола и зубра (въ самомъ текстѣ), родословная таблица московскихъ, литовскихъ и польскихъ государей, и другая — австрїйскихъ 1553 г. (въ концѣ);

⁽²²⁾ Uebersicht der Reisenden I, 169 и Обзорѣніе Путешественниковъ I, 112.

⁽²³⁾ Сборникъ, издаваемый студентами Имп. Петербургскаго университета. Вып. I. Спб. 1857. 8° — Приложение: Записки о Московск. бытѣ. Соч. Сигмунда бар. Герберштейна, стр. 20.

⁽²⁴⁾ Haller, Praktisches Handbuch für Kupferstichsammler. Leipzig 1850. 8°. S. 513.

⁽²⁵⁾ Papillon, Traité historique et pratique de la gravure en bois. Paris MDCCLXVI. 8°. I. 224.

10) прибавлены: новыя сотерін и соч. Георга Вернера о венгерскихъ водахъ, съ письмомъ къ автору отъ Герберштейна.

Тѣже отличія (какъ первыя, такъ и вторыя) встрѣчаются и въ базельскомъ изд. 1571 г., а также во франкфуртскомъ 1600 г. (гдѣ помѣщены еще въ началѣ разныя грамоты, относящіяся до Герберштейна и напечатанныя прежде въ его изд.: *Pisturae Variae*. . . 1560. f^o; см. ниже подъ № 16 е).

Нѣмецкія базельскія изданія 1563 и 1567 гг., сверхъ упомянутыхъ выше измѣненій, заключаютъ особую, вставленную въ текстъ, статью (Appendix), служащую продолженіемъ Герберштейновой исторіи Московскаго государства и написанную переводчикомъ Панталеономъ, на основаніи разныхъ источниковъ; переводъ послѣдняго, сдѣланный по латинскому изданію 1556 г., отличается отъ перевода самаго Герберштейна 1557 г. (о которомъ говорится ниже подъ № 12 е) буквальною точностію и обозначеніемъ краткаго содержанія текста на поляхъ книги.

Кто дѣлалъ гравюры для базельскихъ изданій неизвѣстно. Ладій въ концѣ своего письма къ Опорину, помѣщеннаго на оборотѣ з. л. въ изд. 1551 г., говоритъ только:

«De praerogativa uti tu statues, res certa erit: eo enim loco is uir est Sed cupit insignia sua sub finem, et chorographiam à frontispicio Operis collari; *quae tuo sumptu curabis sculpti*».

Наглеръ, въ статьѣ о монограммистѣ ИН, замѣчаетъ, что такъ какъ Hans Herbst (страсбургскій уроженецъ и живописецъ, родившійся въ 1468 г. и приѣхавшій въ Базель въ 1491 г.) жилъ въ Базелѣ въ домѣ своего сына, типографщика Іоанна Опорина, то могъ дѣлать рисунки для изданій послѣдняго (онъ иллюстрировалъ напр. Географію Птолемея, напеч. въ Страсбургѣ въ 1522 и 1524 гг.) и даже самъ гравировать ихъ на деревѣ, отказавшись въ качествѣ протестанта, отъ писанія свящ. изображеній; въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, приводя монограмму изъ буквъ ІО на одномъ Опориновскомъ изданіи 1553 г., допускаетъ, что и послѣдняя можетъ принадлежать вышеупомянутому художнику, если только онъ былъ живъ еще въ то время⁽²⁶⁾. Но съорѣе всего монограмма изъ буквъ ІО относится къ его сыну Іоанну Опорину, называвшему себя такъ по стиху Марціала: «Si daret autumnus mihi nomen, ὀπωρινός εσσην». Онъ род. въ Базелѣ 25 января 1507 г., былъ сперва корректоромъ, потомъ завелъ собственную типографію въ компаніи съ Робертомъ Викторомъ, съ которымъ впрочемъ разошелся впослѣдствіи. Послѣ его смерти, 6 іюля 1568 г., наследниками его типографіи сдѣлались Р. & Н. Gemusaei & В. Hahn⁽²⁷⁾. Не лишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что портретъ В. Ладія, печъ-

⁽²⁶⁾ Nagler, Monogram., III. № 2504; IV. № 2634.

⁽²⁷⁾ Биографическія свѣдѣнія объ Іоаннѣ Опоринѣ можно найти: 1) на портретѣ, грав. рѣцомъ, въ 8°, съ надписью: «IOANNES OPORINVS. | Basileensis. | Primum Rector Scholae patriae. deinde Theophrasti | Paracelsi Amanuens. postea Graecae Linguae Pro | fessor Publ. in Academia Basileensi. et denique relictus | Professione ad Typographiam transiit. | Nat. A. 1507. d. 25. Jan. — Den. A. 1568. d. 6 Julij. | Ex collectione Frederici Roth Scholtzei Norimberg. — K. fec.» (въ Имп. Публ. Библ. въ Спб.); и 2) въ книгѣ: *Oratio de ortu, vita et obitu Joannis Oporini Basiliensis, Typographicorum Germaniae Principis, recitata in Argentinensi Academia ab Ioanne Henrico Hainzelio Augustano. Authore Andrea Jodisco Silensio Ethicorum in eandem Academia professore. Adiunximus librorum per Ioannem Oporinum excursorum Catalogum. Argentorati, Excudebat Theodosius Ribelius, M. D. LXIX. 16°.*

тавшаго свои сочиненія у Опорина, гравировалъ Hans Sebald Lautensack въ 1559 г. ⁽²⁸⁾, и что самъ В. Лацій наконецъ гравировалъ на мѣди и на деревѣ ⁽²⁹⁾; одному изъ нихъ могутъ принадлежать гравюры и къ соч. Герберштейна.

Стихи, напечатанные надъ портретомъ в. в. Василя Ивановича въ нѣмецкихъ базельскихъ изданіяхъ 1563 и 1567 гг., подобны тѣмъ, которые Іоаннъ Грозный велѣлъ въ сент. 1577 г. вырѣзать на стѣнахъ Дерптскихъ церквей ⁽³⁰⁾; въ нѣмецкомъ вѣнскомъ изданіи 1557 г.—тѣже стихи, въ иной редакціи.

9. Петербургская перепечатка нѣмецкаго базельскаго изд. 1567 г. Герберштейновыхъ Записокъ о Московіи сдѣлана, по повелѣнію имп. Екатерины II, придворнымъ типографомъ Вейтбрехтомъ, подъ редакціей Вакмейстера. Для этого онъ заказалъ нарочно въ Парижѣ желтоватую бумагу, на манеръ старой, но шрифтъ не отлилъ вновь, а воспользовался самымъ старымъ, какой нашелся въ его типографіи. Печатаніе было начато въ 1795 г. и кончено въ одинъ годъ, оставалось сдѣлать карты и рисунки, какъ смерть императрицы замедлила дѣло. Въ 1802 г. умеръ самъ Вейтбрехтъ и типографія его перешла къ его бывшему фактору Лиснеру, вмѣстѣ со всеми экземплярами этой перепечатки. Лиснеръ уже изготовилъ карты и рисунки и кончилъ все въ 1804 г. Кромѣ нѣкотораго изгочія въ бумагѣ и шрифтѣ, перепечатка эта отличается отъ подлинника еще тѣмъ, что на з. л. рядомъ со львомъ (старой типографской маркой) отпечатавъ маленькій черный двуглавый орелъ. Напечатана она всего въ числѣ 100 экз. и сдѣлалась еще болѣею рѣдкостью, чѣмъ самъ оригиналъ ⁽³¹⁾.

12 а. Нѣмецкій переводъ Герберштейновыхъ Записокъ о Московіи 1557 г. сдѣланъ самимъ авторомъ и потому во многомъ отличается отъ латинскаго оригинала (лишнимъ предисловіемъ къ читателю, прибавками и выпусками въ текстѣ и измѣненіемъ самаго порядка главъ); ближе всего онъ подходит еще къ изд. 1549 г. ⁽³²⁾; изъ послѣдняго взяты и 4 картины (о которыхъ будетъ говорено въ статьѣ о посольствахъ), зато гербъ автора, карта Московіи и планъ г. Москвы, какъ и портретъ Василя Ивановича, — иные, чѣмъ тамъ: карта и планъ скопированы съ изд. 1556 г., причѣмъ вокругъ карты сдѣлана такая же рамка, какая въ послѣднемъ украшаетъ 2-ую карту Московіи (покрытую лѣсами), которой совсѣмъ нѣтъ здѣсь (по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мнѣ экземплярахъ), — но въ обратную сторону и съ прибавленіемъ внизу герба типографщика съ буквами M Z по бокамъ; изъ изданія же 1556 г. заимствованы и изображенія буйвола и зубра—въ обратную сторону и въ уменьшенномъ видѣ, а равно родословная австрійскаго дома (1552 г.) — другой родословной опять нѣтъ. Затѣмъ къ нѣмецкому переводу 1557 г., въ экз. Румянцевскаго

⁽²⁸⁾ Nagler, Monogram., III. № 1543. S. 649. n° 40.

⁽²⁹⁾ Andresen, Der deutsche Peintre-Graveur. Leipzig 1865. 8°. II, 69. 421.

⁽³⁰⁾ Они приведены у Карамзина (IX, пр. 476 къ стр. 155—156).

⁽³¹⁾ См. объ этой перепечаткѣ: Adeling, S. v. Herberstein, 364—367; Тихменевъ, Сборн. студ., I. 5—6.

⁽³²⁾ Тихменевъ, Сборн. студ., I. 14.

музея (принадлежавшимъ, повидимому, самому автору и находившимся потомъ въ собраніи Дубровскаго), приложены въ началѣ: 1) портретъ Герберштейна 1547 г. и 2) карта Московіи 1549 г., раб. Гиршфогеля; 3) 6-ть изображеній Герберштейна въ разныхъ костюмахъ (о нихъ будетъ говорено въ статьѣ о посольствахъ); 4) з. л. съ 15 разными изображениями къ одному Герберштейновскому изданію 1559 г. (указанному у насъ ниже подъ № 16 с), и 5) 4 сцены изъ юношеской жизни Герберштейна⁽³³⁾ (приложенныя и въ эд. Имп. Публ. Биб.).

Михаилъ Циммерманъ, напечатавшій это и другія сочиненія Герберштейна 1561.—62 гг. (см. здѣсь подъ №№ 16 f—h), приобрѣлъ типографію въ Вѣнѣ послѣ Аввилы или (иначе) Адлера, женившись на его вдовѣ, и работалъ тамъ съ 1553 до 1565 г. включительно, послѣ чего въ его заведеніи печатали книги его вдова въ 1566 г., а затѣмъ Caspar Stainhofer въ 1567 г.⁽³⁴⁾

12 b. Gratae Posteritati... 1560. f^o — представляетъ 2-е дополненное изданіе книги, напечатанной подѣ тѣмъ же заглавіемъ въ 1558 г. въ 4° и приведенной у насъ подъ № 16 а. Въ новомъ изданіи, къ прежнимъ стихамъ разныхъ авторовъ въ честь Герберштейна, прибавлены еще другіе: частію тѣ, что напечатаны въ началѣ Записокъ о Московіи разныхъ изданій, частію — новыя, въ томъ числѣ стихи на «Московію» Герберштейна, на изображенія буйвола и зубра, эпиграммы на гравюры съ изображеніями подвиговъ Герберштейна, сoterii на портреты его въ разныхъ костюмахъ, на его жизнь и дѣянія, на его гербъ, а равно собственное оправданіе Герберштейна противъ нападокъ на него — въ видѣ письма къ Глазеву. Кроме того къ изд. 1560 г. приложены изображенія Герберштейна въ разныхъ костюмахъ (о которыхъ будетъ говорено въ статьѣ о посольствахъ). Въмѣсто гравированныхъ на деревѣ и помѣщенныхъ въ 1-мъ изданіи Gr. Post. портретовъ разныхъ государей, къ которымъ имѣлъ отношеніе Герберштейнъ, — здѣсь отпечатаны гравированныя Гиршфогелемъ на мѣди въ медальонахъ въ болѣшую величину и все почти въ обратную сторону (в. 4. 2, ш. 4.1 — по Бёрнеру), за исключеніемъ гравированныхъ на деревѣ: Фердинанда (съ монограммой DL — Давида Либальда?), Василия Ивановича (1556 г., изъ нѣмецкаго перевода Записокъ о Московіи 1557 г.) и Сулеймана (изъ 1-го изданія книги Gratae Posteritati 1558 г.), хотя и эти послѣдніе существуютъ въ гравюрахъ на мѣди, раб. Гиршфогеля.

Рафанъ Гофгальтеръ, печатавшій названное и другія сочиненія Герберштейна 1558—60 гг. (см. здѣсь подъ №№ 16 а—е), самъ гравировалъ на деревѣ въ 1556—59 гг.⁽³⁵⁾; онъ происходилъ изъ польской дворянской фамиліи Skrzetuski, покинулъ отечество по религиознымъ причинамъ и провѣлъ нѣкоторое время въ Нидерландахъ и въ Цюрихѣ, затѣмъ печаталъ въ Вѣнѣ въ 1556—62 гг. (сначала въ сообществѣ съ Каспаромъ Крафтомъ), потомъ скрылся отсюда, опять изъ за своего протестантизма⁽³⁶⁾.

⁽³³⁾ Adelung, S. v. Herberstein, 343—344, 346—347, 422—423.

⁽³⁴⁾ Denis, Wiens Buchdruckergeschichte, S. XIII.

⁽³⁵⁾ О Либальдѣ и Гофгальтерѣ, какъ гравёрѣ, см. статью Schlager'a, въ изд.: Archiv für Kunde Oesterreich. Geschichts-Quellen 1850. V, 740 u. 731.

⁽³⁶⁾ Denis, Wiens Buchdruckergeschichte, S. XIV—XV.

Бергманъ⁽³⁷⁾, при описаніи вышеупомянутыхъ гравированныхъ на мѣди медальоновъ, замѣчаетъ между прочимъ, что изображенный на одномъ изъ нихъ имп. Максимилианъ 55-ти лѣтъ (слѣдовательно въ 1514 г.) не могъ быть гравированъ Гиршфогелемъ, бывшимъ въ то время еще мальчикомъ, а затѣмъ ставить вопросъ: слѣдуетъ ли вообще эти медальоны, необозначенные никакой монограммой и отпечатанные въ изданіи, появившимся всего въ 1560 г., приписывать Гиршфогелю, умершему въ 1553 г., или Г. С. Лаутензау, или наконецъ какому либо другому художнику? На это я отвѣчу: что касается до возраста императоровъ и королей, изображенныхъ на этихъ медальонахъ, то они представлены въ томъ возрастѣ, въ какомъ ихъ засталъ Герберштейнъ; дагѣ медальоны эти находятся также въ рукописной автобіографіи Герберштейна, доведенной только до 1553 г. и напечатанной въ 1855 г.⁽³⁸⁾; кромѣ того нѣкоторые изъ этихъ медальоновъ были вклеены въ книгу съ гравюрами Гиршфогеля, принадлежавшую повидимому ему самому и описанную Бёрнером⁽³⁹⁾.

Есть еще 7 портретовъ коронованныхъ особъ въ ростъ, работы Гиршфогеля, съ его монограммой и 1546 г. Изъ нихъ на трехъ принцы изображены сидящими на тронахъ (по Барчу № 10—12: в. 8.1, ш. 5.3), на четырехъ напротивъ — стоящими (по Барчу № 13—16: в. 7.5, ш. отъ 3.9 до 4.2).

Гравюры подъ №№ 11—12 (по Барчу) — находятся въ «ѣврѣ» Гиршфогеля въ Вѣнской имп.-кор. библіотекѣ (л. 22) въ двухъ экземплярахъ: одни — не обрѣзанные и не раскрашенные; другіе — обрѣзанные и раскрашенные, съ надписями: «A. MAXI | MILIANO» и «A. FERDI | NANDO» и съ изображеніями орла: двуглаваго и одноглаваго.

Барчъ⁽⁴⁰⁾ замѣчаетъ, что гравюры 10—12 предназначались повидимому къ какому нибудь генеалогическому путешествію; очень возможно, добавимъ мы отъ себя, что всѣ 7 должны были служить иллюстраціями къ одной изъ автобіографій Герберштейна.

Вѣроятно для той же цѣли предназначались также — гравированные Гиршфогелемъ: гербъ Герберштейна (о которомъ будетъ говорено въ статьѣ о посылствахъ) и два портрета его:

1. Грудной, (почти) профилею вправо, въ овалѣ съ надписью кругомъ: «SIGMVND FREIHER ZV HERBERSTAIN NEIPERG VND GVETENHAG», и другою на дощечкѣ вверху: «SEXAGINTA ANS FVERA IAM NATVS ET VNV | EFFIGIES SIMILIS CV FVIT ISTA MIHI», и съ цифрами по угламъ внизу: «15—47». f^o (в. 10.4, ш. 5.7 $\frac{1}{2}$ — по Бёрнеру).

Мнѣ извѣстны 4 экземпляра этого портрета:

1) въ нѣмецкомъ переводѣ Герберштейновыхъ Записокъ о Московіи 1557 г. — въ Румянцевскомъ музеѣ (см. выше).

2) — 4) въ ѣврахъ Гиршфогеля: въ Вѣнской имп.-кор. библіотекѣ (л. 61),

⁽³⁷⁾ Bergmann, Medaillen, I. 285—286.

⁽³⁸⁾ Въ изд.: Fontes Rerum Austriacarum, 1-е Abth. 1 er Band; см. тамъ стр.: 81, 92, 111, 192, 225, 250, 345.

⁽³⁹⁾ Naumann's Archiv 1866, S. 80 п. 90.

⁽⁴⁰⁾ Bartsch, Le Peintre Graveur, IX. 173.

въ бывшемъ у I. Геллера⁽⁴¹⁾ и въ описанномъ у Бёрнера (стр. 81, гдѣ прибавлено къ нѣмецкой подписи: «Seines Alters im LX. J.»).

Гравированная пунетиромъ копія съ него (*Neuer dir.*) приложена къ книгѣ Аделунга: S. v. Herberstein, гдѣ (на стр. 343) ошибочно сказано, будто оригиналъ гравированъ на деревѣ.

2. Поясной, профилью вправо, съ 3 гербами вверху и съ поимѣн: «S—15—48—H».

Мнѣ извѣстны 2 экземпляра этого портрета, оба въ ѳврахъ Гиршфогелъ въ Вѣнѣ: въ Имп.-кор. бібліотекѣ (л. 45) и въ Альбертинѣ (л. 37).

14. Антверпенское изданіе Герберштейновыхъ Записокъ о Москвитинѣ 1557 г. въ 8^о наполнено ошибками и сдѣлано вѣроятно безъ вѣдома автора⁽⁴²⁾; кромѣ карты съ маленькимъ портретомъ в. к., въ немъ нѣтъ другихъ изображеній.

16. Изъ приведенныхъ подъ этимъ № книгъ, *a* — заключаетъ родословную, біографію и дневникъ Герберштейна, а также сотеріи разныхъ авторовъ въ честь его, то новыя, то напечатанныя уже въ концѣ Записокъ о Москвитинѣ 1556 г. и слѣдующихъ годовъ; *b* — есть нѣмецкое изданіе той же книги, со многими впрочемъ отличіями въ текстѣ и съ замѣной сотерій грамотами и письмами Фердинанда къ Герберштейну; *c* — вѣроятно одного содержанія, съ книгами *d* и *f*, которыя содержатъ всего по 3 грамоты, относящіяся до Герберштейна, и служатъ приложеніями ко 2-му и 3-му изданіямъ книги *b* (всѣ три изданія послѣдней отличаются одно отъ другаго); *e* — заключаетъ главнымъ образомъ разныя грамоты, относящіяся до Герберштейна (но нима, чѣмъ въ книгахъ *d* и *f*), равно нѣкоторыя изъ сотерій, встрѣчающихся во 2-мъ изд. книги *a* (т. е. Gratae Posteritati... 1560; см. выше подъ № 12 *b*); *g* — содержитъ лишь краткія свѣдѣнія о Герберштейнѣ и о различныхъ способахъ путешествія; *h* — вѣроятно есть латинское изданіе той же книжки. Всѣ упомянутыя выше изданія украшены гравюрами на деревѣ: *a* — 7-ью портретами въ текстѣ (Максимиліана I, Сигизмунда I, Василія Ивановича, Людовика Венгерскаго, Фердинанда I, Сулеймана, Сигизмунда II), въ которыхъ въ концѣ *b* прибавлены еще два (Христіана Датскаго и Карла V); *c*, *d* и *f* — всѣми 9-ью портретами, отпечатанными на з. л., съ прибавленіемъ еще 5 сценъ путешествій и герба Герберштейнова; *g*, а вѣроятно и *h*, — тѣми же 9-ью портретами 5 сценами путешествій въ текстѣ; 2-е и 3-е изданія книги *b* (1559 и 1561 гг.), а также книга *e*, — 6-ью изображеніями Герберштейна въ разныхъ костюмахъ, какъ и 2-е изд. книги *a* (т. е. Gratae Posteritati... 1560; см. выше подъ № 12 *b*), — о послѣднихъ будетъ говорено въ статьѣ о посольствахъ.

Гравюры на деревѣ къ автобіографическимъ сочиненіямъ Герберштейна, изданнымъ въ Вѣнѣ въ 1558 и слѣд. годахъ, могъ дѣлать Рафаэль Гофгалтеръ, печатавшій нѣкоторыя изъ нихъ (ср. выше № 12 *b*).

(41) Kunstblatt 1846, № 44. S. 179.

(42) Adelong, S. v. Herberstein, 331.

18. Ferrando Berteli или Ferdinando Bertelli, рѣзавшій эту карту, — граверъ на мѣди и издатель, родившійся въ Венеціи въ 1525 г. ⁽⁴³⁾ и работавшій тамъ въ 1566—69 гг. ⁽⁴⁴⁾. Есть еще его изданіе:

Omnium fere Gentium nostrae Ætatis Habitus, nonquam ante hac æditi. Ferdinando Bertelli Æneis Typis Excudebat. Venetijs Anno 1569, pet. f^o, съ гравированными на мѣди изображеніями представителей разныхъ народностей, въ томъ числѣ: 8. Sclauonice mulier и 9. Sclahonicæ; при чемъ нѣкоторые листы помѣчены 1563 г. ⁽⁴⁵⁾.

20. Lucas et Ioannes Deutesum или Doetesum, гравировавшіе упомянутую нами карту, происходили изъ голландскаго городка того же имени. Изъ нихъ Іоаннъ, по прозванію старшій (Aldus или de Oude), работалъ сперва въ Антверпенѣ въ 1559 и 1580 гг., вмѣстѣ съ Лукасомъ, своимъ братомъ? — что впрочемъ еще не рѣшенный вопросъ; затѣмъ въ Лейденѣ въ 1583 и 1590 гг. (суда по картамъ къ тамошнимъ изданіямъ 1584—85 и 1592 гг. сочиненій Wagenaer'a о мореплаваніи, перепечатанныхъ впослѣдствіи въ Амстердамѣ въ 1605 и 1596 гг.), — въ послѣднемъ году вмѣстѣ съ Іоанномъ младшимъ (Іоаннесъ junior или de Jonge), своимъ сыномъ или племянникомъ; потомъ снова въ Антверпенѣ въ 1594 г. (суда по атласу Корнелиа de Iode) и опять вмѣстѣ съ Лукасомъ; наконецъ въ Амстердамѣ въ 1596—1601 гг. (суда по картамъ къ путешествіямъ Linschoten'a въ Остъ Индію и на сѣверъ Европы, изд. въ 1596—1614 и 1601—24 гг.), вмѣстѣ со своимъ сыномъ Баптистомъ (какъ видно изъ послѣдняго соч. Linschoten'a). Баптистъ, гравировавшій и отдѣльно отъ отца (см. его карты въ разныхъ изданіяхъ путешествій Veer'a на Сѣверъ, напеч. въ Амстердамѣ въ 1598, 1600, 1601, 1605 и 1609 гг., на разныхъ языкахъ), печаталъ альманахи въ Девентерѣ въ 1606 г. и работалъ въ Амстердамѣ еще въ 1610 г. (см. его карты къ путешествію S. Olivier du Nord вокругъ Свѣта) и даже въ 1646 г. (суда по гравюрамъ къ Исторіи Нидерландской Остъ-Индской Компаніи), — въ послѣднемъ году вмѣстѣ съ Іоанномъ младшимъ.

Статьи объ этихъ художникахъ у Наглера ⁽⁴⁶⁾ и Крамма ⁽⁴⁷⁾ довольно сбивчивы.

22. Въ 56-й главѣ своего текста, въ статьѣ «Basile Duc de Moscovie» (т. II, стр. 389 и слѣд.), Тэвэ говоритъ между прочимъ, что портретъ царя онъ заимствовалъ изъ одной книги, напечатанной на языкѣ московитовъ и ихъ буквами ⁽⁴⁸⁾, а нѣсколько выше, — что книгопечатаніе заведено у московитовъ

⁽⁴³⁾ A biographical and critical Dictionary of painters and engravers. By Michael Bryan. A new edition... by George Stanley. London M DCCC LVIII. 4°, p. 74.

⁽⁴⁴⁾ Heineken, Dictionnaire des artistes, dont nous avons des estampes. Leipzig 1788. 8°. II, 641.

⁽⁴⁵⁾ Ch. Le Blanc, Manuel de l'amateur d'estampes. Paris 1854. 8°. I, 308. № 15—16.—Brunet, Manuel du libraire. Paris 1860. 8°. I, 816.

⁽⁴⁶⁾ Nagler, Monogram., I. № 1670. 1680; II. № 206; III. № 231. 759; IV. № 73 u. 1687.

⁽⁴⁷⁾ Kramm, De levens en werken de Hollandsche en Vlaamsche Kunstschilders. Amsterdam 1857. 8°. II, 352—353.

⁽⁴⁸⁾ Quant est du nom de Roy blanc, qu'on lui baille, il est fondé sur-ce, que tout ainsi que le Roy de Perse est appelé Kisil-passa ou Caselbaz, pour ce que son ornement Royal, qu'il

всего съ 1560 г. однимъ русскимъ купцемъ, пустившимъ въ ходъ буквы, которыми они напечатали потомъ довольно прекрасныя изданія, послѣ чего однако нашлись люди, которые сожгли эти буквы, изъ боязни, чтобы книгопечатаніе не пропало какойнибудь переменою или перелома въ ихъ убѣжденіи и религіи, и что если по этому поводу не было сдѣлано никакого розыска или преслѣдованія со стороны князя или его подчиненныхъ, то единственно потому, что они чрезвычайно уважаютъ и чтутъ свою религію, и проч. ⁽⁴⁹⁾. Всѣ эти свѣдѣнія сообщилъ автору въ 1576 г., какъ видно изъ начала той же главы, одинъ англичанинъ, прожившій посланникомъ въ Московіи цѣлыя 7 лѣтъ; у Тэва онъ не названъ по имени, но очень вѣроятно, что это — Антоній Джениксонъ, прѣѣзжавшій въ Россію пять разъ (въ 1557, 1558, 1561—63, 1566—67 и 1571—72 г.г.) и проведеншій въ ней въ общей сложности 7 лѣтъ ⁽⁵⁰⁾. До насъ не дошло однако, сколько извѣстно, такое московское изданіе XVI в., гдѣ бы находилось изображеніе, подобное тому, что приложено къ соч. Тэва.

Занятія о заведеніи въ Москвѣ типографіи начались гораздо ранѣе 1560 г.: еще въ 1547 г. Hans Slitte, знавшій русскій языкъ и посланный Іоанномъ Грознымъ въ Германію для приглашенія въ Россію разныхъ ученыхъ и художниковъ ⁽⁵¹⁾, долженъ былъ привезти съ собою и типографщика ⁽⁵²⁾, но былъ арестованъ въ Либавѣ, по просякамъ Ганзы и Ливонскаго Ордена, бывшимъ просвѣщенія въ Россіи, и посаженъ въ тюрьму, откуда бѣжалъ впрочекъ черезъ 1½ года; послѣ чего онъ обратился съ просьбой къ датскому королю Христіериу III о дозволеніи ему вернуться въ Россію черезъ Данію ⁽⁵³⁾, и

porte en teste, est rouge: aussi le Moscouite est nommé blanc, parceque l'habit est blanc, dont vous voyez, que luy ay fait courir la teste par son pourtrait, que s'ay tiré d'un vicil livre, imprimé en langage Moscouique et en leurs caracteres, là où il est représenté de la face qu'il y vous le voyez équipé...

⁽⁴⁹⁾ Quant à l'imprimerie, ils n'en ont en l'usage, que depuis l'an mil cinq cent soixante, qu'elle leur fut descouverte par un Marchand Russien, qui fit employer des caracteres, dont ils ont par apres mis en lumiere de fort beaux livres. Toutes-fois, comme ils sont scrupuleux et font des difficultés, où n'y a aucune apparence, à l'exemple de leurs Sictateurs Grecs aucuns d'entre eux par subtiles ruses et personnes interposées trounerent moyen de faire brusler leurs caracteres, de peur qu'ils auoient que l'Impression n'apportast quelque changement en breuilles en leur opinion et religion, et si pour cela n'en fut faite aucune recherche ou poursuite par le Prince ou ses sujets. Faut bien qu'ils honorent et reuerent grandement leur religion, d'auoir tout en vn coup laissé perdre vn si precieux et excellent joyau, seulement pour la conception dont ils s'embeguinerent, que ceste clarté pourrait descouurir quelque chose qui avec le temps terniroit et esblouiroit le lustre de ceste religion Monachale Basillienne...

⁽⁵⁰⁾ О Джениксонѣ, см. у Аделунга: Uebersicht der Reisenden I, 214—220 и Обзоріе Путешественниковъ I, 138—141.

⁽⁵¹⁾ Въ Ватиканскомъ Архивѣ (Arm. V, Cas. 5, № 12) хранится рукопись 1550 г.: De Deputazione Lohannis Schlitten a Ioanne Magno Moscoviae Duce in Germaniam pro adducendis viris eruditis atque artificibus (см. Аделунга, Uebersicht der Reisenden I, 208 и Обзоріе Путешественниковъ I, 135).

⁽⁵²⁾ Какъ видно изъ бумагъ самаго Шлитта, хранящихся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ (см. Карамзина VIII, пр. 206).

⁽⁵³⁾ Подлинное письмо Шлитта хранится въ Королевскомъ Архивѣ въ Копенгагенѣ; подробное извѣстіе о немъ можно найти въ статьѣ Бюшинга: Archiv. Nachrichten von alten Unterhandlungen, welche zwischen dem russischen u. dänischen Hofe von 1554 bis 1677 gepflogen worden. въ его изд.: Magazin für die neue Historie u. Geographie. Halle 1773. 4°. VII, 299 (см. несправедливое сочиненіе Аделунга).

салъ затѣмъ Іоанну Грозному изъ Аугсбурга 5 марта 1555 г., а глѣтомъ 1557 г. былъ уже въ Москвѣ⁽⁵⁴⁾. вмѣсто нѣмецкаго типографщика, вслѣдствіе письма царя отъ 1550 г., въ Россію былъ посланъ датскій — копенгагенскій уроженецъ Гансъ Миссенгеймъ, съ нѣсколькими духовными книгами для перевода и распространенія здѣсь, при письмѣ того же датскаго короля Христіерна III въ Іоанну Грозному отъ 3 мая 1552 г.⁽⁵⁵⁾; въ 1553 г. царь Іоаннъ повелѣлъ устроить въ Москвѣ на свой счетъ печатный дворъ и работать тамъ діакону церкви Николая Чудотворца Гостунскаго Ивану Ѳедорову (Москвитину) и Петру Тимошееву Мстиславцу⁽⁵⁶⁾, которыми и напечатана, подъ наблюденіемъ Ганса Вокбиндера⁽⁵⁷⁾ или Миссенгейма (какъ онъ названъ въ письмѣ датскаго короля), и можетъ быть при участіи мастера печатныхъ книгъ Маруши Нефедьева и выписаннаго изъ Новгорода въ 1556 г. рѣщика Васюка Никифорова⁽⁵⁸⁾, книга — Апостолъ, съ 1563 на 1564 г., а затѣмъ Часовникъ въ 1565 г., — оба съ обозначеніемъ мѣста и года печати (прежде же вышедшія въ Москвѣ книги не имѣли этого обозначенія). Но обвиненные въ ереси за печатаніе исправленныхъ противъ рукописей книгъ, по зависти лицъ, жившихъ переписываніемъ таковыхъ, первые московскіе типографщики должны были бѣжать въ Литву и тамъ продолжать свое дѣло: сперва вмѣстѣ — въ Заблудовѣ (Гродненской губ.) и во Львовѣ⁽⁵⁹⁾, потомъ порознь: первый въ Острогъ, второй въ Вильнѣ. Впрочемъ и по ихъ отъѣздѣ изъ Москвы, тамъ продолжалось печатаніе книгъ Никифоромъ Тарасіевымъ и Андроникомъ Тимошеевымъ Невѣжею, издавшими Псалтирь въ 1568 г.; пока сама типографія ни была сожжена наконецъ ночью, какъ полагали, суевѣрами⁽⁶⁰⁾, послѣ чего книгопечатаніе было перенесено въ Александровскую слободу⁽⁶¹⁾. Известно всего 15 книгъ, напечатанныхъ первыми московскими типографщиками отъ основанія типографіи до 1576 включительно: 1) Тріодъ постная въ 2-хъ изданіяхъ въ л. (Москва до 1563); 2) Тріодъ цвѣтная въ л. (Москва до 1563); 3) Евангеліе въ 5-хъ изд. въ л. (Москва до 1563 — три изд. [^{61а}]; Заблудовъ 1568 —

(54) Карамзинъ VIII, пр. 207.

(55) Письмо это напечатано въ изданіяхъ: Theologisk Bibliothek, udgivet af Jens Möller. Kjöbenhavn 1846, X. 326, и Ergänzt. Blätter zur Jen. Allg. Zeit. 1847. № 25 (см. Adelung, S. v. Herberstein, 496 и Тихмеева, Сборн. студ., I. 38); а также, съ русскимъ переводомъ, въ статьѣ Ив. Снегирева: О сношеніяхъ Датскаго короля Христіана III съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ, — въ изд.: Русскій Историческій Сборникъ, издан. Обществомъ Ист. и Древн. Росс., подъ ред. профессора Погодина. М. 1840. 8°. Т. IV. Кн. 1, стр. 119—123.

(56) См. послѣсловіе къ Московскому Апостолу 1564 г.

(57) Сошниковъ, Опытъ рос. бібліографіи. Спб. 1843. 8°. I, LVI.

(58) См. Свѣдѣнія о гравированіи и граверахъ при Московскомъ печатномъ дворѣ въ XVI XVII стол., сообщ. В. Е. Румянцевымъ, — въ книгѣ: Русскіе граверы, Д. Ровинскаго. М. 1870, стр. 359, и въ отд. оттискѣ, на стр. 4.

(59) См. послѣсловіе къ Львовскому Апостолу 1574 г.

(60) Giles Fletcher, Of the Russe common wealth. London 1591. 8°, л. 85 об. — Карамзинъ IX, пр. 94.

(61) Antonii Possevini... Moscovia... Vilnae 1586. 8°, р. 8. — Сошниковъ I, LVI. — Карамзинъ, тамъ же.

(61 а) См. рефератъ А. Е. Викторова: Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде первопечатнаго Апостола 1564? — въ изд.: Труды Третьяго Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г. Кіевъ 1878. 4°, II. 212—213 и 217.

69; Вильна 1574—75),—изъ нихъ послѣднія два съ грав. на деревѣ изображеніями 4-хъ евангелистовъ; 4) Апостолъ въ 3-хъ изд. въ л. (Москва 1563—64; Львовъ 1573—74; Вильна 1576), съ грав. на деревѣ изображеніями еванг. Луки; 5) Часовникъ въ л. (Москва 1565); 6) Псалтирь въ 3-хъ изд. въ 4^о (Москва 1568; Заблудовъ 1569—70, съ Часословцемъ; Вильна 1575—76), съ грав. на деревѣ изображеніями царя Давида (62). Но нигдѣ нѣтъ и намека на изображеніе, подобное приложенному къ соч. Тэвэ. Правда, внутри дубоваго орла, гравированнаго на деревѣ и оттиснутаго на современномъ перелетѣ Моск. Апостола 1564 (судя по яз. этой книги, бывшему въ библиотекѣ Царскаго), была изображена голова Іоанна IV (3/4 вправо), въ великокняжеской шапкѣ, но совсѣмъ иного типа (63). Скорѣе всего помѣщенный у Тэвэ портретъ Василя Ивановича заимствованъ просто съ Герберштейновскаго.

Въ предисловіи (при I т.) Тэвэ говоритъ, что для гравированія портретовъ онъ долженъ былъ выписать лучшихъ мастеровъ изъ Фландріи и что онъ первый ввелъ въ моду въ Парижѣ печатаніе съ мѣдныхъ досокъ, какъ оно существовало въ Лионѣ, въ Антверпенѣ и въ другихъ мѣстахъ (64). По Наглеру (65) портреты для Тэвэ гравировалъ монограммистъ НР, т. е. Jehan Rabel (рол. въ Beauvais между 1540 и 1550 г., былъ въ Парижѣ уже въ 1575 г., † 5 марта 1603); у Роберта-Дюмениля (66) описаны портреты его работы, болѣею частію одной величины (в. 0,090; ш. 0,070),—съ его подписью и монограммы,—изъ которыхъ нѣкоторые принадлежать къ разнымъ книгамъ въ 8^о и 12^о.

24. Въ предисловіи ко 2-му изданію соч. Тэвэ (при I т.) сказано, что издатель пользовался услугами одного изъ лучшихъ граверовъ и не жалѣлъ ничего, чтобы только подлинность портретовъ была также вѣрно передана, какъ въ 1-мъ изданіи, и чтобы оригиналы, собранныя Тэвэ съ такою заботливостію, не были испорчены во 2-мъ изданіи его книги, которое напротивъ того онъ, издатель, желалъ сдѣлать еще совершеннѣе и оконченнѣе, чѣмъ было 1-е изданіе (67).

(62) См. Ив. Каратаева, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кириллицей буквами 1491—1730. Спб. 1878. 8^о. I, 130. 132. 139. 142. 150. 164. 167. 169. 172.

(63) См. Достопамятностіа Москвы. Изд. Корнелія Тромянина. М. 1845. 4^о, стр. 23—24 (гдѣ приложено и автографическій снимокъ съ упомянутаго перелета).

(64) D'ailleurs a falu, que j'aye recerché les ouuriers, les quels l'entendoye estre experts, bien duits et entendus pour grauer et représenter au naïf l'air et le pourtrait des personages que ie propose. Et pour cet effect a falu, que de Flandre j'aye attiré des meilleurs graveurs, que ie pouuoye choisir: Si bien, par la grace de Dieu, à refussy ma diligence, que ie me puis vanter estre le premier, qui ay mis en vogue à Paris l'imprimerie en taille douce, tout aussi qu'elle estait à Lyon, Anuers et ailleurs...

(65) Nagler, Monogram., III. № 1322. S. 523.

(66) Robert-Dumesnil, Le Peintre-Graveur Français. Paris 1850 et 1874. 8^о. VIII, 121—139 et XI, 295.

(67) Pour les figures j'ay employé un graveur des plus habiles de son Art, et je n'ay rien esparné pour cela, afin que la vérité du Portrait fut aussi sincere que celle de l'Histoire, et que les Originaux que le Sieur Thevet avoit recouvré avec tant de soin, ne fussent pas corrompus dans la seconde Edition de son Livre, que voulois rendre encore plus parfaite et plus achevée que la premiere ne l'avoit esté...

25. Изъ поименованныхъ подъ этимъ № книгъ: *a, d, e* и *g*—состоятъ изъ 129 портретовъ (в. 4, ш. 3.1), въ рамкахъ 6 сортовъ (6.6, ш. 5.6); *b* и *c*—изъ 134 портретовъ, въ другихъ рамкахъ (в. 5.6, ш. 4.4); *f*—изъ 139 портретовъ, въ тѣхъ же рамкахъ, какъ *b* и *c*, но съ иными стихами внизу.

По Андресену⁽⁶⁶⁾ портреты къ соч. П. Ювія «*Elogia virorum bellica virtute illustrium*» рисовалъ Tobias Stimmer; по Зейберту⁽⁶⁷⁾ гравировалъ ихъ — Christoph van Sichen старшій. Товій Штиммеръ — сынъ баварскаго уроженца, каллиграфа Кристофа Штиммера, переселившагося въ Шафраузенъ въ 1535 г.,—родился тамъ 7 апрѣля 1539 г., былъ живописцемъ и рисовальщикомъ и работалъ въ своемъ родномъ городѣ, а также во Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Страсбургѣ (съ 1570 г.), гдѣ и умеръ въ 1582 г. Страсбургскіе типографчики: граверъ на деревѣ Bernhard Jobin (1570—75, 80, 91), Josias Rihel (1571, 1580) и Theodosius Rihel (1574—76), базельскіе: Henric Petri (1571), Peter Perna (1575—78) и Thomas Gwarin (1576), франкфуртскіе: Sigmund Feyerabend, Johann Schmidt и Johann Spies,—украшали свои изданія гравюрами, исполненными по его рисункамъ (даже послѣ его смерти); гравюры эти дѣлали: L. Fry, B. Jobin (BI, J), Corn. Marschall (CM ?), Lucas Maug или Maier (LMF, MF), Christ. van Sichen (CVS) и Joh. Christ. Stimmer (братъ Товія), а также монограммисты: AH, EP, FO, G, GM, GW, H, HB, MB, WS. — Кристофъ ванъ Зихемъ старшій, граверъ на деревѣ, работалъ въ Базелѣ (съ 1573), въ Страсбургѣ и во Франкфуртѣ на Майнѣ; его гравюрами украшали свои изданія типографчики: страсбургскій—Theodosius Rihel (ок. 1576), базельскій—Peter Perna (1577) и франкфуртскій—Sigmund Feyerabend⁽⁷⁰⁾; гравюры его встрѣчаются даже въ изданіяхъ 1601 г.⁽⁷¹⁾.

Относительно оригинала, съ котораго дѣланъ портретъ Василія Ивковича, приложенный къ вышеупомянутой книгѣ, Ювію, въ началѣ своей статьи о войскахъ и войнахъ в. к., говоритъ между прочимъ, что живописное изображеніе царя въ такомъ нарядѣ (какъ у него) привезъ имъ въ Римъ Дмитрій легатъ⁽⁷²⁾. Судя по заглавію соч. Ювія, портретъ этотъ въ оригиналѣ или въ копіи находился потомъ, вмѣстѣ съ другими, въ библиотекѣ Ювія въ Novo Somo, гдѣ тотъ былъ епископомъ. Упомянутый Ювіемъ Дмитрій легатъ есть толмачъ Герасимовъ, учившійся въ Ливоніи и хорошо знавшій латинскій языкъ; онъ былъ неоднократно употребляемъ великимъ княземъ въ посольствахъ: шведскомъ, датскомъ, прусскомъ, вѣнскомъ, римскомъ, и сообщилъ Ювію въ Римѣ въ 1525 г. не мало свѣдѣній о своемъ отечествѣ, на основаніи которыхъ тотъ и составилъ специальное сочиненіе о Россіи: *Libellus de legatione Basilii magni Principis Moschoviae ad Clemente VII. Pont. Max. in qua situs Regionis antiquis*

(66) Andresen, Der deutsche Peintre-Graveur. Leipzig 1864. 8°. III, 89. (У Андресена на стр. 7—15 помѣщены свѣдѣнія о жизни и работахъ Штиммера, а на стр. 16—217 подробный каталогъ его произведеній).

(67) Fr. Müller, Die Künstler aller Zeiten und Völker. 4-er Band. Nachträge seit 1857. Bearbeitet von A. Seubert. Stuttgart 1870. 8°. S. 399.

(70) Nagler, Monogram., II. № 803. S. 309.

(71) Müller, Neuestes Künstler-Lexikon. Stuttgart 1864. 8°, III, 535.

(72) «Isquem diximus Demetrius legatus qui Regis imaginem hoc habita nobis pictam detulit, pereunantibus referebat, latissimos esse Regni fines, etc.»; см. въ 1-мъ изданіи книги Ювія: Florentiae, In officina Laurentii Torrentini, M. DLI. 4°, p. 277 (гдѣ однако, какъ и въ слѣдующихъ изданіяхъ до самаго 1575 г., нѣтъ ни этого, ни другихъ портретовъ).

incognitus, Religio gentis, mores, et causae legationis fidelissime referentur (Romae, ex edibus Francisci Minitii Calvi. Anno M.DXXV. 4°), выдержавшее не мало изданий и переведенное на языки: итальянскій (1545), нѣмецкій (1563) и русскій (1837). Какъ можно заключить изъ первыхъ словъ этого сочиненія, къ нему слѣдовала карта Россіи (73); но карты нѣтъ ни въ одномъ изъ изданій этой книги (74). Карамзинъ, говоря о портретѣ, который показывалъ Іовію Дмитрій Герасимовъ, замѣтилъ, что онъ былъ писанъ безъ сомнѣнія не русскимъ художникомъ (75). Въ одномъ хронографѣ 1512 г., писанномъ однако на лощеной бумагѣ въ л., полууставомъ XVII в., переходящимъ въ скорописъ, съ прибавками 1681 г., и сходномъ по содержанію съ хронографами Московскаго Румянцевскаго музея (подъ №№ CCCLIV и CCCLV по описанію Востокова), находится нѣсколько гравюръ на мѣди и на деревѣ и нѣсколько рисунковъ тушью и красками, между послѣдними — портреты русскихъ царей: Василя Ивановича, Ѳедора Ивановича и Михаила Ѳедоровича, — небольшіе, выпрѣзанные и наклеенные на особыхъ листкахъ, въ статьѣ объ историческихъ событіяхъ въ Россіи. «Особенно любопытны, пишетъ И. Е. Забѣлинъ, портреты Василя Ивановича и Ѳедора Ивановича. Сколько намъ извѣстно, подобныя изображенія являются въ первый разъ; можно думать, и съ большимъ вѣроятіемъ, что оригиналы, съ которыхъ они срисованы, принадлежать иностранцамъ и можетъ быть заимствованы изъ какого нибудь путешествія въ древнюю Москву. Русскому художнику того времени едва ли бы пришло на мысль изобразить царя въ простой, обыкновенной одеждѣ, а не въ царскомъ нарядѣ, съ которымъ тѣсно связано было его понятіе о священной особѣ государя... В. к. Василій Ивановичъ изображенъ въ верхней одеждѣ краснаго цвѣта, вѣроятно въ *опашинѣ* съ *отложнымъ ожерельемъ* или воротникомъ темнаго цвѣта; на груди опашень застегнутъ двумя пуговицами съ нашивками. На головѣ Великаго князя шапка, на которой видны также двѣ нашивки. Лицо изображено довольно суровымъ, усъ протягновенъ, борода большая раздвоенная. Вверху изображенія надпись: «КНЗЪ ВЕЛИКІЙ ВАСИЛІЙ ІВАНОВЪ | МОСКОВСКІЙ». Внизу: «dux magnus Wasilius Ioan. moscoviae» (76).

Портретъ этотъ, добавимъ мы отъ себя, имѣетъ большое сходство со Штимеровскимъ, приложеннымъ къ соч. Іовія, только рисованъ въ обратную сторону; носъ, правда, у Штимеровскаго не такъ длиненъ, усы и борода не такими сосульками, воротникъ — больше, шапка — выше, нашивокъ на ней — три, мѣховая опушка — въ видѣ торчащихъ изъ подъ шапки волосъ (на копчѣ со Штимера, рѣзанныхъ на мѣди, вмѣсто этой опушки ясно уже сдѣланы волосы, в. н. на портретѣ Василя Ивановича, описанномъ у насъ подъ № 29).

Копія съ описаннаго Забѣлинымъ портрета находятся:

1) гравированная на деревѣ, съ обѣими надписями, — въ Архивѣ Калачова, кн. I. отд. VI. стр. 40;

(73) «Regionis primo situs pressa breuitate describitur et in tabula typis figurabitur».

(74) Аделунгъ, Uebersicht der Reisenden, I. 189 и Обзорніе Путешественниковъ, I. 123 (гдѣ вообще можно найти свѣдѣнія о Іовіѣ).

(75) Карамзинъ, VII. 135.

(76) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. Кн. I. М. 1850. Отд. VI. Археологическія замѣтки, указанія и новости. Ст. II. Важнѣйшій хронографъ особаго состава, И. Забѣлина. Стр. 39—40.

2) тоже, съ одною русскою подписью, — на з. л. соч. Забѣлина: Быть русскихъ царей (М. 1862. 8^о);

3) фото-литографическая — въ изданіи Д. Ровинскаго: Копія съ рѣдкихъ гравюръ, относящихся до Россіи.

28. Кромѣ портрета Василя Ивановича, въ книгѣ «Тоопеел» находятся еще портреты царя Ѳедора Ивановича и Дмитрія Самозванца.

31. Подъ заглавіемъ «Die Moscovitische Chronica» перепечатанъ переводъ Папалеона (о которомъ говорено у насъ подъ №№ 8 е и 8 f); оба изданія этой перепечатки совершенно одинаковы. Издатель ея Sigmund Feuegabend, собственно Beham, можетъ быть сынъ типографщика Фридриха Бехама въ Майнцѣ⁽⁷⁷⁾, род. во Франкфуртѣ на Майнѣ и умеръ 22 апрѣля 1590 г.⁽⁷⁸⁾ Въместо 5 большихъ гравюръ и 3 карты, украшавшихъ прежнія изданія Герберштейновыхъ Записокъ о Московіи, онъ помѣстилъ въ своихъ перепечаткахъ 16 небольшихъ гравюръ, на которыхъ изображены: приемы пословъ, сраженія и представители нѣкоторыхъ народностей (татары, литовцы); большая же часть изъ этихъ гравюръ представляетъ разныхъ восточниковъ, нѣкоторые изъ нихъ оттиснуты по 2 и по 3 раза (такъ что собственно въ книгѣ 9 гравюръ); встрѣчаются онѣ и въ другихъ изданіяхъ Фейерабенда. На одномъ приѣмѣ пословъ (л. 110) стоятъ инициалы IA, на изображеніяхъ татаръ и литовцевъ (л. 75 и 88)—монограмма изъ соединенныхъ вмѣстѣ буквъ MB. Первая принадлежитъ Юсту Амману, вторая — неизвѣстному граверу на деревѣ. Iost Amman, живописецъ, рисовальщикъ и граверъ, род. въ Цюрихѣ въ іюнѣ 1539 г.; въ 1560 г. поселился въ Нюрнбергѣ, гдѣ работалъ для издателей Вейгелей (съ 1571 г.), а также и въ сообществѣ съ Виргиліемъ Солисомъ (въ 1576 г.); главнымъ же образомъ онъ, подобно Товію Штимуеру, иллюстрировалъ изданія Фейерабенда во Франкфуртѣ на Майнѣ (съ 1564 г. до самой смерти своей); съ его рисунковъ гравировали: Lucas Frieg (LF), Lucas Maier или Maug (MF), Christoph van Sichen, Christoph Stimmer (CS), и монограммисты: СК, ГН, МВ, МО (sic), PS; умеръ онъ въ мартѣ 1591 г.⁽⁷⁹⁾ — Неизвѣстный граверъ на деревѣ MB рѣзалъ по рисункамъ I. Аммана, Товія Штимуера и Христофа Маурера картинки для изданій С. Фейерабенда въ 1571—87 гг.⁽⁸⁰⁾

35. Christoph (Cristoffel) или иначе Cornel van Sichen junior, гравировавшій портретъ Василя Ивановича въ рыцарскомъ костюмѣ, — можетъ быть родственникъ, но не сынъ старшаго художника того же имени, жившаго и работавшаго въ Страсбургѣ и Базелѣ, — родился, какъ полагаютъ, въ Дельфтѣ около 1580 г., жилъ сперва въ Лейденѣ, потомъ въ Амстердамѣ, гдѣ развилъ свою дѣятельность до широкихъ размѣровъ въ 1600—46 гг. и основалъ даже художественное заведеніе. Особенное значеніе имѣютъ иллюстрированныя имъ

⁽⁷⁷⁾ Nagler, Monogram., II. № 1914. S. 703.

⁽⁷⁸⁾ Ph. Friedr. Gwinner, Kunst und Künstler in Frankfurt am Main 1862. 8^о. S. 55 u. 567

⁽⁷⁹⁾ Andresen, P.-Gr., I (1864). 99—108; 109—148 (гдѣ на стр. 338—339, въ подробномъ каталогѣ произведеній Аммана, описано и соч. Герберштейна въ изд. Фейерабенда).

⁽⁸⁰⁾ Nagler, Monogram., IV. № 1651.

книги, которыя издавалъ Pieter Jacobsz Paets. Большая часть листовъ, гравиръ по рисункамъ Гольциуса, помѣчена его именемъ; напротивъ сдѣланнымъ копіемъ съ Дюрера—обозначены монограммой⁽⁸¹⁾. Мнимый портретъ Василія Ивановича вѣроятно былъ помѣщенъ прежде совсѣмъ въ другой книгѣ въ прежнихъ изданіяхъ соч. Данкерта, бывшаго въ Москвѣ въ 1609 и 1611 гг. и издавашаго свое путешествие въ первый разъ въ 1615 г., вѣтъ этого портрета⁽⁸²⁾.

Къ портретамъ Ивана IV.

1. Мартинъ Бѣльскій, авторъ упомянутой Хроникъ, род. въ Бѣлѣ, служилъ въ молодости въ военной службѣ и участвовалъ въ походахъ (1534), † въ 1575 г.; онъ былъ протестантомъ, что отразилось и на его книгѣ, напечатанной сперва въ Браковѣ у Шарфенбергера въ 1554 г. и попавшей впоследствии въ Index librorum prohibitorum, чѣмъ можетъ быть отчасти и объясняется неимовѣрная рѣдкость этого сочиненія. Снялъ его Іоакимъ, вернувшійся въ лоно католической церкви, переделалъ и перепечаталъ отповскую книгу, подъ заглавіемъ: Kronika Polska Marcina Bielskiego, powo przez Іоachima Bielskiego wydana. W Krakowie u Іаkóba Siebeneuchera 1597. f^o, съ прежними гравюрами мастера ІВ⁽¹⁾. Кто былъ этотъ художникъ — въ точности неизвѣстно. Мучковский, въ предисловіи къ названному выше «Сборнику отписокъ съ гравюръ на деревѣ изъ польскихъ книгъ XVI и XVII в.» замѣтилъ въ особомъ примѣчаніи (стр. 10), что литерами ІВ означалъ свое имя Hans Vrosamer, который, въ качествѣ живописца, рисовальщика и гравера на деревѣ, работалъ въ Фульдѣ и дѣлалъ между прочимъ гравюры для Лютеровой Библии, издаваемой въ Виттенбергѣ въ 1550 г. — Наглеръ, со словъ варшавскаго живописца А. Лессера, полагалъ напротивъ, что подъ этими литерами скрывается Jörg Brückner, сынъ Якова Брюкнера, работавшій въ Бреславлѣ съ 1560 до 1570 г.⁽²⁾ Какъ извѣстно, его выписалъ въ Краковъ Іан Іанушковскій Лазаровицъ, владѣлецъ (съ 1572 г.) самой знаменитой въ то время въ Польшѣ краковской типографіи Лазаря, для котораго онъ и работалъ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1594 г. отъ раны, полученной во время стрѣльбы школьникомъ въ дѣль; послѣ него остались незаконченными портреты: трехъ королей — Болеслава Храбраго, Генриха Валуа и Стефана Баторія и двухъ сенаторовъ королевства — канцлера Денбинскаго и великаго маршалка Опалинскаго⁽³⁾. Но подлежить сильному сомнѣнію, онъ ли дѣлалъ гравюры, помѣченныя литерами ІВ съ 1563 г.: 1) Jan Januszowski Lazarowicz едва ли бы называлъ ранней у-

⁽⁸¹⁾ Nagler, Monogram., II. № 803. S. 309—310.

⁽⁸²⁾ О Данкертѣ см. Адолунга, Uebersicht der Reisenden II, 292 и Обзоръ Путешественниковъ II, 175.

⁽¹⁾ Michała Wiszniewskiego Historia Literatury Polskiej. W Krakowie 1845. 8°. VII. 420. 421. 438.

⁽²⁾ Nagler, Monogram., III. № 662. 1953

⁽³⁾ J. Muczkowski, Zbiór odcisków, str.) . — A. Essenwein, Die Mittelalterlichen Kunstdenkmale der Stadt Krakau. Leipzig 1869. kl. fol., Beilage. S. XXXI.

ратой — смерть художника, работавшаго слишкомъ 30 лѣтъ⁽⁴⁾; 2) Jörg или Georg Brückner означалъ свои работы буквами GB (какъ напр.: фронтисписъ къ Статутамъ Сарницкаго 1594 г., въ л., и портретъ Іоанна Замойскаго, въ мал. 4^о); 3) художникъ, выставявшій на своихъ гравюрахъ литеры IB, означалъ инья монограммой HB и наконецъ гравюры съ тѣми и другими знаками встрѣчаются кажется только въ книгахъ, которыя печатали Mattheusz Siebeneucher (1564) и его дядя Mikołai Scharffenberger (1575 и 1597), затѣмъ Matthias Wierzbicka (1578) и Mikołai Lob (1611). Въ срединѣ XVI стол. въ Краковѣ было два живописца, которые одинаково могли обозначать свои работы какъ литерами IB, такъ и монограммой HB, а именно:

1) Jan Burkath, принявшій краковское гражданство въ 1539, работавшій въ 1541—42 и бывшій въ живыхъ еще въ 1557 г., а можетъ и позднѣе;

2) Jan Burgstin, старшина цѣха живописцевъ въ 1583 г., работавшій въ 1589—94 гг. и умершій около 1613 г.⁽⁵⁾. Оба они конечно могли заниматься также и гравированіемъ на деревѣ.

Гравюры, помѣченныя литерами IB, иногда съ 1563 г. и съ гравюрными рѣзцомъ, встрѣчаются въ Хроникахъ: Бѣльскаго 1564 г. (к. н.—портреты въ ростъ: Сигизмунда I, л. 404 об., и Сигизмунда Августа, л. 421, — оба съ годомъ, а также изображенія двухъ битвъ, лл. 409 и 411 об.) и 1597 г. (тѣже), Гваньини 1578 г. (польскій сеймъ — на большомъ листѣ, вмѣстѣ съ мастеромъ WS) и 1611 г. (полной портретъ Яна Ольбрахта—съ 1563 годомъ, I. 114, и обѣ битвы, I. 136, 191); гравюры съ монограммой HB, иногда съ 1564 г., попадаютъ въ Хроникахъ: Бѣльскаго (к. н. — четыре женскихъ фигурки въ ростъ; см. у Мучковскаго подъ №№ 763, 785—787) и Гваньини 1578 г. (мал. портретъ Ванды въ ростъ, I. 10). Есть также библейскія сцены, помѣченныя буквами IB (к. н. — Адамъ и Ева, блудный сынъ съ отцемъ; см. у Мучковскаго подъ №№ 280, 785) и монограммой HB, — послѣднія въ Библии Яна Леополита Вухалиуса, напеч. Николаемъ Шарфенбергеромъ въ 1575 г. (см. тамъ же №№ 180, 181 и 183); въ той же Библии находятся гравюры, помѣченныя буквами WS, каждой отдѣльно и обѣими вмѣстѣ (см. тамъ же №№: 134 и 162, 109, 111, 115, 129, 140, 146, 149, 153, 160), — вѣроятно то же мастера, который работалъ вмѣстѣ съ монограммистомъ IB надъ гравюрой съ изображеніемъ польскаго сейма въ Хроникѣ Гваньини 1578 г.⁽⁶⁾. Три художника могутъ подразумѣваться тутъ:

1) Wasław Stopezka z Dobczuc — краковскій живописецъ 1566 г.;

2) Wolfgang Sprager—живописецъ и граверъ изъ г. Байрѣйта, работавшій въ Олнвѣ (въ 1593 г. и съ 1605 г.) и въ Данцигѣ (въ 1604—05 гг.) и умершій въ 1614 г.⁽⁷⁾;

3) Wolfgang Stuber—рисовальщикъ и граверъ на мѣди, а можетъ быть и

(4) См. въ концѣ его изданій: Sarnicki, Statuta, 1594. f^о, и Icones xiążąt i królów polskich, 1605. f^о.

(5) См. А. Essenwein, S. XXIV. — Edwarda Rastawieckiego, Słownik malarzów polskich. Warszawa 1850—57. 8^о. I, 84; III, 151.

(6) Буквы WS встрѣчаются также на изображеніи еванг. Луки въ Львовскомъ Апостоли 1574 г., напеч. Иваномъ Ѳеодоровымъ на церк.-слав. языкѣ (см. Д. Ровинскаго, Русскіе граверы и ихъ произведенія. М. 1870. 8^о, стр. 15 и 178).

(7) См. Rastawiecki, Słownik, II. 226 і 204; III. 401.

на деревѣ, работавшій въ Нюрнбергѣ въ послѣдніа десятилѣтія XVI стол.⁽⁹⁾; затѣмъ 4) Wendelinus Formschneider — краковскій граверъ 1580 г.⁽¹⁰⁾, и наконецъ 5) братъ типографшика Матвѣя Сибенейхера († 12 декабря 1582) — Wasław, бывшій въ живыхъ еще въ 1593 г., если только онъ занимался гравированіемъ. Оба послѣдніе были сыновья Мартына Сибенейхера († около 1543), женатаго на дочери Марка Шарфенбергера († 1545) и сестрѣ Николая († 1606) и Станислава (до 1584), — также типографшиковъ; послѣ Матвѣя Сибенейхера книги печаталъ въ его типографіи вышеупомянутый сынъ его Яковъ (до 1604 г.)⁽¹¹⁾.

Кромѣ портрета Ивана IV, въ Хроникѣ Бѣльскаго помѣщено на стр. 440 изображение разныхъ предметовъ русскаго вооруженія подъ навѣсомъ — копи съ Герберштейновскаго.

3. Гравюры, находящіяся въ Хроникѣ Гваньини 1611 г., частью взыты изъ книгъ Мѣховскаго (1521 г.) и Бѣльскаго, частью награвированы вновь. Портретъ Ивана Васильевича, очевидно, дѣланъ уже въ XVII стол., такъ какъ въ 1-мъ изданіи Гваньини 1578 г. его нѣтъ еще, и замѣнилъ собою — помѣщенный у Бѣльскаго, который оказался вѣроятно попорченнымъ; по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ послѣдній оттиснуть у Мучковскаго.

Кромѣ портрета Ивана Васильевича, въ Хроникѣ Гваньини 1611 г. помѣщены еще портреты: Аванасія Власьева, Дмитрія Самозванца, Марии Маншекъ и Вас. Ив. Шуйскаго, а также скопированная съ Герберштейновской карта Россіи, съ надписью: «Mappa abo opisanie Ksiestwa Moskiewskiego, y państw | do niego należących, ze wszystkimi iego okolicznościami» и съ гербомъ Гваньини.

Александръ Гваньини, родомъ изъ Вероны, еще въ молодости пришелъ въ Польшу и поступилъ на службу къ королю Сигизмунду III; онъ участвовалъ въ войнахъ поляковъ съ русскими и былъ капитаномъ пѣхоты въ крѣпости Витебскъ; умеръ въ Краковѣ въ 1614 г., 75 лѣтъ отъ роду.

Его «Kronica Sarmacye Europeyskiej» 1611 г. есть дополненный польскій переводъ книги «Sarmatiae Europaeae et Asiaticae descriptio» 1578 г., на которую Матвѣй Стрыйковскій, авторъ Хроникъ Польской (Krolewicz 1582.⁽¹²⁾) ссылается какъ на свой трудъ, изданный только Гваньини подъ чужимъ именемъ⁽¹³⁾.

5. Портретъ самаго Газарта, приложенный къ его «Церковной исторіи», гравировалъ — Richard Collin, ученикъ I. Sandrart'a, родившійся въ Люксембургѣ въ 1626 г. и работавшій въ Римѣ, въ Антверпенѣ и въ Брюсселѣ до 1697 г.⁽¹⁴⁾; вѣроятно имъ гравированы и другіе портреты къ соч. Газарта, въ томъ числѣ и портретъ Ивана Васильевича, заимствованный изъ книги Тэза: «Les vrais portraits et vies des hommes illustres» 1584.

(9) См. Andresen, P.-Gr., IV. 14.

(10) См. A. Grabowski, Dawne zabytki miasta Krakowa. Kraków 1850. 8°, стр. 169.

(11) Baudtkie, Hist. druk. Krak., 346—353.

(12) О Гваньини см. у Аделунга, Uebersicht der Reisenden I, 226—230 в Обзорѣи Путешественниковъ I, 146—147.

(13) Christ. Kramm, De levens en werken de Hollandsche en Vlaamsche Kunstschilders. I. 256.

7. Кромѣ портрета Ивана Васильевича, въ книгѣ Кевенгюллера (Leipzig 1721) есть еще портреты: Ѳеодора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрія Самозванца и Миханла Ѳеодоровича. Портреты для этого изданія гравировали лейпцигскіе художники: Martin Berningroth (р. 1670, † 1733), Joh. Friedr. Rosbach († 1735) и Joh. Chrystoph Sysang (1703—57); въ 1-мъ изданіи той же книги (Regensburg 1640. f^o), для которой работали: Sebastian Furck, Н. Iac. Gabler, В. Kilian, Wolfgang Kilian, Исаак Major, Moncornet, Ioannes Sadeler, Elias Widman, — портреты иные, часто даже съ другихъ оригиналовъ, и при томъ русскихъ совсѣмъ нѣтъ (12).

9. Hans Weugel, граверъ на деревѣ и печатальщикъ г. Амберга и гражданинъ г. Нюрнберга (13), появился вмѣстѣ съ Мартыномъ Вейгелемъ (своимъ братомъ?) вскорѣ послѣ 1550 г. и извѣстенъ множествомъ гравюръ на деревѣ, которыя издавалъ часто раскрашенными, такъ что долженъ быть причисленъ къ брифмалерамъ; дѣятельность его продолжалась до 1590 г.—Портретъ Ивана Васильевича дѣланъ имъ очевидно по случаю покоренія Полодца въ августѣ 1579 г. (14), на чтѣ намекаютъ напечатанные на этой гравюрѣ стихи. Пассаванъ и Наглеръ приводятъ тотъ же портретъ съ инициалами Н. W. и (въ другихъ отпечаткахъ) I. W. (15); у послѣдняго кромѣ того приведенъ съ тѣми и другими буквами — верховой портретъ Ивана Васильевича (16), неизвѣстный однако Андрезену, составившему самый полный и подробный каталогъ всѣмъ произведеніямъ и изданіямъ обоихъ Вейгелей (17).

11. Павелъ Одерборнъ, родомъ изъ Поморья, былъ евангелическимъ проповѣдникомъ въ Ковнѣ (1580), въ Ригѣ (1587) и въ Митавѣ (1589) (18). Портретъ Ивана Васильевича, помѣщенный на з. л. его сочиненія, могъ гравировать самъ типографщикъ—Crato или Krafft (19).

13. Пассаванъ (20), приводя Вейгелевскій портретъ Ивана Васильевича съ печатными стихами и съ буквами Н. W. и I. W., замѣчаетъ, что нѣкоторые признаютъ существованіе гравированной на мѣди копіи съ этого портрета, но что это оспаривается тѣмъ не менѣе; тоже говорить и Наглеръ (21). Упоминаемая ими гравированная на мѣди копія съ Вейгелевскаго портрета, безъ сомнѣнія, и есть приведенная у насъ подъ № 13.

(12) Объ авторѣ книги см.: Jodok Stülz, *Jugend und Wanderjahre des Grafen Franz Christoph von Kheuenhüller*. Archiv für Kunde Oesterreich. Geschichts-Quellen 1850, IV. 334—395.

(13) Какъ онъ самъ называетъ себя подъ посвященіемъ Людвигу, Пфальцграфу Рейнскому, своей книги: *Habitus praecipuorum populorum... singulari arte depicti... Nürnberg 1577. f^o*.

(14) См. у Карамзина IX, 177—178.

(15) Passavant, *Le P.-Gr.*, IV (1862). 310.

(16) Nagler, *Monogram.*, III. № 4702; IV. № 648.

(17) Andresen, *Der P.-Gr.*, IV (1874). 93—128 (гдѣ на стр. 96, подъ № 3, описанъ портретъ и Ивана Васильевича); I (1870). 390.

(18) См. Адельунга, *Uebersicht der Reisenden I*, 359—364 и *Обозрѣнію Путешественниковъ I*, 226—227.

(19) Ср. Наглера, *Monogram.*, II. № 570. S. 276.

(20) Passavant, *P.-Gr.*, IV. 310.

(21) Nagler, *Monogram.*, III. № 4702.

15. Судя по манерѣ гравированнаго на деревѣ большого анонимнаго портрета Ивана Васильевича и по сходству его съ маленькимъ портретомъ того же царя на з. л. изданной въ Нюрнбергѣ въ 1576 г. брошюры, гдѣ помѣщены грамоты, которыми обмѣнялись русскій царь и германскій императоръ на Регенсбургскомъ сеймѣ того года, можно съ достовѣрностію предположить, что большой портретъ Ивана Васильевича дѣланъ одними лицами съ изданнымъ въ Прагѣ въ 1576 г. огромнымъ изображеніемъ шествѣя посольства Сугорскаго въ Регенсбургѣ, на 4 л. (о которомъ будетъ говорено въ статьѣ о посольствахъ), и что онъ принадлежитъ даже къ тѣмъ гравюрамъ.

17. Во второй половинѣ XVI стол., вскорѣ послѣ изданія Герберштейновыхъ Записокъ о Московіи, въ Европѣ стало появляться особенно много брошюръ и летучихъ листовъ, по поводу разныхъ событій въ Россіи и сношеній ея съ иностранными государствами (Германіей) или столкновеній съ соседями (Ливоніей, Польшей). Такія брошюры издавали преимущественно: въ Нюрнбергѣ—Georg Kreydlein (1561), Niclas Klogge (1564), главнымъ же образомъ Leonhart Heussler (1578—82 и даже позднѣе), а равно въ Аугсбургѣ—Valtin Otmar (1563) и Mattheus Francken (1564), въ Любекѣ—Johann Balthorn (1577), въ Кельнѣ—Niclaus Schreiber (1578), въ Данцигѣ—Jacob Rhodus (1580). О событіяхъ, описанныхъ въ упомянутыхъ брошюрахъ изданія Гейслера: о русскомъ посольствѣ кн. Захарія Ивановича Сугорскаго и дьяка Андрея Артемашева въ Регенсбургъ въ 1576 г.; о взятіи Вендена Литовцами и Шведами въ октябрѣ 1578 г.; объ осадѣ Пскова Стефаномъ Баторіемъ въ августѣ 1581 г. и заключеніи мира при посредствѣ Антонія Поссевина, — подробно говорится въ Исторіи Карамзина, подъ тѣми годами (42).

NB. Портретъ № 17^b отпечатанъ не на обор. з. л., а на самомъ з. л.

19. Ант. Дженкинсовъ былъ 5 разъ въ Россіи: въ 1557, 1558, 1561—63, 1566—67, 1571—72 гг.; описанія его путешествій напеч. въ сборникахъ:

The principal navigations, voyages, trafiques, and discoveries of the English Nation. . . By Richard Hakluyt. London 1588, I. 310. 324. 365. 397. 426, и Collection of the early voyages, travels and discoveries of the English Nation. By Richard Hakluyt. London 1598, I. 346. 362. 384. 410. 552. Отдѣльнаго изданія я не знаю.

20—21. Ортелий говоритъ въ концѣ предисловія къ своему атласу, что всѣ карты для него гравировалъ Franciscus Hogenbergus (23).

Franz Hogenberg, сынъ Ганса Гогенберга старшаго, родомъ изъ Мехельна, жилъ около 1560 г. въ Англіи, гдѣ работалъ для книгопродавцевъ, переселился потомъ въ Кельнъ (около 1570), гдѣ работалъ много лѣтъ—до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1590 г. Его подпись: «Franciscus Hogenbergus sculpsit» встрѣчается на 1-й картѣ: TYPVS ORBIS TERRARVM, и

(22) Томъ IX, стр. 143 (и пр. 442); 168—169 (и пр. 509); 194—206 (и пр. 567, 570, 574, 577—584, 594—602).

(23) «Vale, et fuere; atque Francisci Hogenbergi artificiosae manui, cuius vnus indefatigabile diligentia ferè omnes hae Tabulae caelatae sunt, bene faueto».

атласъ Абраама Ортелиа: THEATRVM ORBIS TERRARVM... Giefes von Diest... tzo Antorff, 1572, gr fol. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ этой книги, появившихся послѣ смерти Ортелиа († 1588), съ адресомъ: Antverpiae, apud Ioannem Bart. Vrintivm, Anno 1603,—карты частію регушированы, частію замѣнены новыми⁽²⁴⁾.

22. Антоніо Поссевино, род. въ Мантуѣ въ 1534 г., 16-ти лѣтъ пріѣхалъ въ Римъ, въ 1559 г. былъ принятъ въ орденъ іезуитовъ, въ 1577 г. папа Григорій XII послалъ его въ Швецію къ королю Іоанну III, а въ 1581 и 1582 гг.— въ Россію къ царю Іоанну IV. Сочиненіе его о Московіи было напечатано на латинскомъ языкѣ въ Вильнѣ въ 1586 г., въ 8° (два раза въ одномъ году); потомъ перепечатано въ Кёльнѣ въ 1587 и 1595 гг., въ л.; наконецъ на итальянскомъ въ Феррарѣ въ 1592, въ 8°, и въ Мантуѣ въ 1596 и 1611, въ 4°⁽²⁵⁾. Но ни въ одномъ изъ изданій, кромѣ Антверпенскаго 1587 г. въ 8°, сколько я знаю, нѣтъ карты.

27. Hans или Johann Guldenmund или Guldinmund старшій, вѣроятно переведшій свое имя съ латинскаго—Ioannes Chrysostomus, жилъ въ Нюрнбергѣ и терпѣлъ сперва однѣ неудачи: то конфисковали и истребляли его эротическіе и сатирическіе листы и книжки, которые онъ издавалъ въ 1513—35 гг. (какъ напр.: сочиненіе священника Осіандера о паденіи папства, со стихами Ганса Сакса и картинками, рѣзанными на деревѣ при помощи Іеронима, въ 1521 г., или книжечку съ гравюрами Ганса Шварценпергера изъ Аугсбурга, въ 1535 г.), самъ же онъ подвергался тюремному заключенію или штрафу; то ему запрещали выдавать историческіе листы, на томъ основаніи, что привилегія на нихъ была выдана уже другому (какъ напр.: изображеніе осады Вѣны турками въ 1530 г., разрѣшенное къ печати—живописцу Николаю Мельдеману). Для болѣе безопасности Гульденмунду приходилось иногда увозить свои изданія, для распространенія ихъ, въ другія мѣста (во Франкфуртъ и Лейпцигъ), но и тамъ онѣ подвергались преслѣдованію; исключеніе, разумѣется, составляли серьезныя листы, въ родѣ Дюреровскихъ, изданныхъ имъ въ 1525 г. Въ 40-хъ годахъ счастье стало нѣсколько благоприятствовать Гульденмунду, когда ему удалось наконецъ приняться за виды, портреты и историческіе сюжеты (какъ напр.: видъ Алжира 1542 г.; портреты 12 первыхъ королей и князей германскихъ 1542 г.; рисунки для «Ehrenpforte» 1543 г.). Вообще же на Гульденмунда надо смотрѣть скорѣе какъ на издателя, чѣмъ какъ на автора: большинство изъ 200 гравюръ на деревѣ, изданныхъ съ его именемъ, дѣлано другими; часто это просто новыя оттиски со старыхъ досокъ, случайно доставшихся ему. Подлежитъ даже сомнѣнію, гравировалъ ли онъ еще самъ; на нѣкоторыхъ листахъ впрочемъ, хотя рѣдко, встрѣчаются инициалы H. G., но и они могутъ принадлежать не ему, а нюрнбергскому граверу и печатальщику Гансу Глазеру (1540—60). Всѣ листы Гульденмунда имѣютъ болѣе историческое, нежели художественное значеніе. Къ нему имѣли отношеніе многіе ху-

⁽²⁴⁾ Joh. Jac. Merlo, Kunst u. Künstler in Köln.—Nachrichten von dem Leben u. den Werken Kölnischer Künstler. Köln 1850. 8°. S. 188 u. 190.

⁽²⁵⁾ См. Адельунгъ, Uebersicht der Reisenden I, 321—349 и Обзоръ Путешественниковъ I, 204—221 (гдѣ подробно изложено содержаніе книги Поссевино).

дожники и ремесленники, которых онъ ссужалъ деньгами, въ томъ числѣ: Briefmaler Rangratz Kempf въ Магдебургѣ — въ 1552 г. и собственный слуга его Hans Guldenmund младшій, поселившійся во Франкфуртѣ, въ 1553 г. [Составлено по Ваадеру⁽²⁶⁾, Геллеру⁽²⁷⁾ и Наглеру⁽²⁸⁾].

28. Мнѣ неизвѣстенъ Вейгелевскій портретъ Ивана Васильевича въ такомъ видѣ (полной, того же мастера, — описанъ у насъ подъ № 9); можетъ быть у Наглера просто ошибка, а можетъ статься, что тутъ рѣчь идетъ о гравюрѣ, находящейся въ изданіи Ганса Вейгеля:

HARITVS | PRÆCIPVORVM POPV- | LORVM, TAM VIRORVM QVAM,
foeminarum singulari arte depicti: || Trachtenbuch: | Darin fast allerley vnd der
fur- | nembsten Nationen, die heutigs tags be- | kandt sein, Kleidungen, beyde wie
es bey Manns | vnd Weibspersonen gebreuchlich, mit allem vleiss | abgerissen
sein, sehr lustig vnd kurtz- | weilig zusehen. || Gedruckt zu Nürnberg bey Hans |
Weigel Formschneider. | . . . ANNO M.D.LXXVII. 20; съ ССХІХ гравированными
на деревѣ, по рисункамъ Юста Аммана и его учениковъ⁽²⁹⁾, изображеніями
въ ростъ, въ числѣ которыхъ встрѣчается и такое: «CLXXI. EQVES MOSCO-
VITICVS. || Ein Moscovitter zu Ross», со стихами въ два столбца:

Diss ist auch ein sonterer poss, Pflaget zu reitten alle zeit,
Wie ein Moscovitter zu Ross. Wann er ist gerüstet zum streit.

но безъ начальныхъ буквъ имени мастера.

29. Въ посвященіи Христіану, герцогу Саксонскому, помѣченномъ: «den 12 Junii. Anno 1581», Georg von Hoff (Schösser zu S. Georgen vor Naumburg) говоритъ между прочимъ, что матеріаломъ для его книги послужили рассказы очевидца московскихъ ужасовъ, который самъ пробылъ 6 лѣтъ въ цѣняхъ и 7 лѣтъ въ плѣну въ Москвѣ и котораго онъ встрѣтилъ въ Самогитіи, на возвратномъ пути изъ Литвы, куда ѣздилъ по своимъ дѣламъ прошлою зимою. Событія у него излагаются съ 1566 г. по 1573 г.

45. Описанный здѣсь портретъ Ивана IV принадлежитъ къ свѣтлѣ царскихъ портретовъ—отъ царя Ивана до имп. Елисаветы Петровны—, гравированныхъ черной манерой Иваномъ Штенглинымъ, съ оригиналовъ, находящихся, по свидѣтельству Штелина, въ старомъ Зимнемъ дворцѣ. По словамъ того же Штелина, 12 изъ этихъ портретовъ гравированы въ 1741—44 гг.⁽³⁰⁾ Въ спискѣ гравюръ, продававшихся при Академіи Наукъ (1777 г.), съ цѣнами и отиѣтками рукою Штелина сбавочныхъ цѣнъ, упоминаются «12 Pl.—Suite des Zaars (Ivan IV—Pierre II et Anne), man. noire... 6—5 R.»; а въ спискѣ досокъ, хранившихся при Академіи Наукъ, — «Цари съ

(26) J. Baader: Beiträge zur Kunstgeschichte Nürnbergs. Nördlingen 1860—62. 80. I, 40; II, 51—53.—Jahrbuch für Kunstwissenschaft, herausgeg. von Dr. Zahn. Leipzig 1868. 80. S. 227.

(27) J. Heller: Beiträge zur Kunst- und Literatur-Geschichte. Nürnberg 1822. 80. S. 99.—Geschichte der Holzschneidekunst. Bamberg 1823. 80. S. 105.

(28) Nagler, Monogram., III. № 971.

(29) Andresen, P.-Gr., I. 391.

(30) Д. Ровинскій, Русскіе граверы. М. 1870, стр. 194.

Юанна Васильев. IV до Елисавет. I, съ стар. карт. *Штенминъ*»⁽³¹⁾. Затѣмъ въ журналѣ «Санктпетербургскія ученныя вѣдомости» (№ 19. Маія 12 дня 1777 года, стр. 151—152) встрѣчается извѣстіе: «Портретъ Царевны Софіи Алексіевны, вырѣзанный на мѣди, тушевальною работою, при Императорской Академіи Наукъ, въ 1777 годѣ. . . Сей портретъ принадлежитъ къ собранію изъ 12 Царскихъ портретовъ состоящему, изданному при Императорской Академіи Наукъ, которые всѣ вырѣзывать находящейся при А. Н. гравировальщикъ *Штенминъ*. Но сей послѣдній вырѣзанъ хуже всѣхъ». Немногимъ раньше было напечатано въ газетѣ «Санктпетербургскія вѣдомости» (Прибавленіе къ № 5, генваря 17 дня 1777 года)—объявленіе: «Для дополненія вырѣзанныхъ давно уже, при Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ, на мѣди темною работою, портретовъ Россійской Императорской Фамиліи, начиная отъ Царя *Ивана Васильевича*, по Императрицу *Елисаветъ Петровну*, вырѣзанъ нынѣ и портретъ *Софіи Алексіевны*, Сестры Государя Петра Великаго, по древнему точному живописному Портрету, и продается также въ Академической Книжной Лавкѣ, какъ особенно одинъ по 25-ти коп., такъ и обще съ помянутыми Императорской Фамиліи Портретами, по установленной преждѣ цѣнѣ». Нѣсколько лѣтъ спустя въ тѣхъ же «вѣдомостяхъ» (№ 85. Октября 24 дня 1783 года, и № 67. Августа 21-го дня 1789 года) появляются извѣстія: 1) «Въ Академической книжной лавкѣ продаются слѣдующіе портреты: *тушевальной работы*, древнихъ Россійскихъ Государей, отъ Царя *Бориса Феодоровича Годунова* до Государыни Императрицы *Елисаветы Петровны*, по 25 коп. каждый.—*Штиховальной работы*, Государя Императора Петра Перваго, Царя Юанна Алексѣевича, Государыни Императрицы Анны Юанновны; Царевны Анны Петровны, Герцогини Шлезвигъ-Голштинской; Цесаревича Алексѣя Петровича, Супруги Его Принцессы Шарлоты Христіны Софіи, и Государя Царя Алексѣя Михайловича, каждый по 50 коп.»—2) «Портреты *тушевальные* древнихъ Государей, отъ Государя Царя *Бориса Феодоровича Годунова* до Государыни Императрицы *Елисаветы Петровны*, каждый 20 к. — Портретъ Государя Императора *Петра Перваго*, 25 к. — Весьма искусно гравированный портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя *Павла Петровича*, въ листъ 45 коп. И многіе другіе».

Д. А. Ровинскій въ своемъ «Словарѣ портретовъ» (Спб. 1872, стр. XLII) упоминаетъ три изданія этой сюиты, находящіяся въ его собраніи: 1) 1742 г.—изъ 12 портретовъ (1. Ивана Грознаго, 2. Феодора Ив., 3. Годунова, 4. Шуйскаго, 5. Михаила Феод., 6. Алексѣя Мих., 7. Феодора Ал., 8. Ивана Ал., 9. Петра I, 10. Екатерины I, 11. Анны Петр. и 12. Петра II, изъ которыхъ портреты 9—11, съ монограммой AST, — гравированы А. Зубовымъ); 2) время Елисаветы Петровны, съ перетушеванныхъ досокъ,—тоже изъ 12 портретовъ; 3) 1777 г.—изъ тѣхъ же портретовъ, съ прибавленіемъ 13-го (Анны Ив.). Послѣ того онъ имѣлъ въ рукахъ экземпляры: 4) Берлинскаго музея (отд. гравюръ), съ прибавленіемъ еще трехъ портретовъ (14. Филарета Никитича, 15. Инокіи Марѳы, г. е. Ксенія Ив., и 16. Софіи Ал.); 5) библиотеки Гёттингенскаго университета, съ прибавленіемъ еще одного (17. Елисаветы Петр.); 6) вновь приобретенный имъ самимъ, съ прибавленіемъ еще одного портрета (18. Натальи Кирил.).

(31) Тамъ-же, стр. 98 и 100.

Сопоставляя всё изложенные здѣсь факты, можно придти къ двумъ заключеніямъ: 1) если портреты Петра I, Екатерины I и Анны Петровны гравированы не Зубовымъ, а Штенглинымъ, то портреты названной сюиты могли выходить именно въ томъ порядкѣ, какъ указано выше; 2) если напротивъ упомянутые три портрета гравированы не Штенглинымъ, а Зубовымъ, то къ прежде изданнымъ 12 портретамъ *раб. Штенглина* должно быть принадлежали: 1. Иванъ Грозный, 2. Ѳедоръ Ив., 3. Борисъ Годуновъ, 4. Василій Шуйскій, 5. Филаретъ Никитичъ, 6. Ксенія Ив. (инокиня Марѳа), 7. Михаилъ Ѳед., 8. Алексѣй Мих., 9. Ѳедоръ Алекс., 10. Юванъ Алекс., 11. Петръ II и 12. Анна Ив.; затѣмъ въ 1777 г. къ нимъ прибавлена была: 13. Софья Алекс.; потомъ присоединены портреты *раб. Зубова*: 14. Петра I, 15. Екатерины I и 16. Анны Петровны; далѣе портреты *раб. Штенглина*: 17. Елисаветы Петр. и наковецъ 18. Натальи Кирил. — Въ обоихъ случаяхъ будетъ понятно, почему: 1) въ «Спб. Учен. Вѣд.» 1777 г. названо 12 царскихъ портретовъ — всѣ *раб. Штенглина*, къ которымъ былъ прибавленъ тогда портретъ Софій Алекс.; 2) въ «Спб. Вѣд.» того же года сказано, что портреты эти — *отъ* Ивана Вас. и Елисаветы Петр., и 3) въ спискѣ академическихъ гравюръ, составленномъ очевидно до издания портрета Софій Алекс., въ янв. 1777 г., показано 12 портретовъ, начиная съ Ивана IV и кончая Анной Ив. — Причина, почему встрѣчаются экземпляры сюиты изъ 12 портретовъ, гдѣ нѣтъ Филарета Никитича, Ксеніи Ив. и Софій Алекс., но есть Петръ I, Екатерина I и Анна Петр. легко объясняется предположеніемъ, что всѣ портреты *раб. Штенглина* выходили постепенно и что къ нимъ могли прибавляться портреты *раб. Зубова*, какъ до такъ и послѣ выхода всей сюиты. Оригиналы этихъ портретовъ писаны Вильскимъ ^(31a).

46. Описанный тутъ портретъ Ивана IV принадлежитъ къ сюитѣ изъ 18 царскихъ портретовъ, скопированныхъ въ концѣ XVIII стол. въ уменьшенномъ видѣ рѣзцомъ съ портретовъ *раб. Штенглина* черной манерой (сл. № 45).

58. Гравированный Уткинымъ портретъ Ивана IV скопированъ, подъ руководствомъ А. Н. Оленина, съ рисунка водяными красками, изъ старинной рукописи: «Книга, а въ ней собраніе, откуда произыде корень великихъ государей российскихъ» — состроено въ 1780 г. (1672), гдѣ собраны портреты русскихъ царей и святителей до XVII в., а также современныхъ Алексѣю Михайловичу западныхъ вѣнценосцевъ. Рукопись эта принадлежала некогда гр. А. Н. Мусину-Пушкину и поступила потомъ въ Спб. Академію Художествъ ⁽³²⁾.

Н. П. Собко.

^(31a) Какъ сообщ. мнѣ Д. А. Ровинскій.

⁽³²⁾ См. Сказанія кн. Курбскаго (изд. Н. Устрялова), въ концѣ статьи о жизни и сочиненіяхъ его; объ этой рукописи говорится у насъ подробно въ концѣ введенія, при перечисленіи коллекцій портретовъ русскихъ государей.

ИВАНЪ III.

Типъ Тэвэ, №.

ВАСИЛІЙ I

Типъ Гаршфогеля

РЪЧИ И ОТЧЕТЫ

ЧИТАННЫЕ

ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТЪ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЕГО СОБРАНИИ

•
15 ФЕВРАЛЯ 1881 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лнн., № 12.)

1881.

Печатано по распоряженію Археологическаго Института.

● Директоръ *Н. Калачовъ.*

О взаимной связи между науками, преподаваемыми въ Археологическомъ Институтѣ.

Мн. гг. Прошло уже три года съ тѣхъ поръ какъ существуетъ нашъ Археологическій Институтъ. Первые шаги его на новомъ поприщѣ знаній и предстоявшихъ ему работъ, чтобы проводить въ средѣ любителей отечественныхъ древностей необходимыя свѣдѣнія, относящіяся до народнаго быта, его культуры и ихъ разработки, были, какъ вамъ извѣстно, не только робки, но и запутаны неясностію во взаимныхъ отношеніяхъ между немногими домашними членами нашей семьи. Но два послѣдніе года нашей жизни мы могли уже покойно и усердно трудиться надъ задачей, которую сами себѣ поставили съ одобреніемъ правительства и съ сочувствіемъ общества. Въ этотъ короткій промежутокъ времени мы могли вполнѣ убѣдиться, что задача—быть руководителями надлежащаго распространенія археологическихъ свѣдѣній — раздѣляется съ нами не только цѣлымъ рядомъ современныхъ намъ знаменитыхъ ученыхъ, но и правительствами многихъ западныхъ государствъ. Возникшія въ послѣднее время въ Германіи археологическія учрежденія, послѣ дружественнаго привѣта, сдѣланнаго мнѣ Парижскою *École des chartes*, вступили, по собственному почину, въ ближайшія съ нами сношенія, а затѣмъ и Америка, въ лицѣ двухъ своихъ Институтовъ, протянула намъ руку содѣйствія и помощи. Мы сами могли уже вскорѣ послѣ того высылать нашимъ заграничнымъ собратьямъ начатки нашихъ работъ на поприщѣ еще такъ мало у насъ извѣданномъ — первыя четыре книги издаваемаго нами Сборника, и уже удостоились сочувственнаго объ

немъ отзыва иностранныхъ ученыхъ и журналовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, среди нашихъ занятій, мы не могли не придти къ заключенію, что мы сами еще недостаточно подготовлены къ великому дѣлу, которое взялъ на себя нашъ Институтъ; что археологія понимается у насъ только какъ одинъ изъ предметовъ досужаго занятія, но что она не вошла еще въ общее народное сознаніе какъ необходимая для насъ наука; что наконецъ самому Институту предстоитъ не только основать должныя кафедры для преподаванія разныхъ отдѣловъ археологіи, но и возбудить въ своихъ слушателяхъ стремленіе и неутомимую дѣятельность къ приобрѣтенію знаній, потребныхъ для профессуры въ этомъ учрежденіи. И вотъ, мн. гг., дѣйствительно слабая сторона нашего учрежденія—недостатокъ строгаго археологическаго приѣма если не во всѣхъ, то въ большей части нашихъ лекцій; невозможность, по неизбѣжно средствамъ, самимъ слушателямъ посвящать себя вполне излюбленному ими предмету; наконецъ неподготовленность самихъ учебныхъ пособій, которыя должны состоять не только въ сочиненіяхъ, необходимыхъ для изученія археологіи, но и въ разнородныхъ коллекціяхъ по всѣмъ отдѣламъ древностей въ устроенномъ при Институтѣ музеѣ.

Не разъ приходилось мнѣ бесѣдовать съ лицами, сочувствующими нашему дѣлу, и слышать отъ нихъ такой отзывъ: вы одновременно принялись за многое; основать-бы вамъ одну какую нибудь школу, наприм. по изученію архивнаго дѣла или по церковнымъ древностямъ, или по египтологіи, и т. под. Не могу не сознаться, что этимъ значительно облегчилась бы задача, которую я взялъ бы лично на свою долю: я бы не затруднился посвятить себя и моихъ слушателей исключительно архивному дѣлу. Но, мн. гг., мысль объ Археологическомъ Институтѣ принадлежитъ не мнѣ одному: она есть результатъ долговременныхъ думъ и занятій Комиссіи, вызванной 1-мъ и 2-мъ археологическими съѣздами, которымъ я въ самомъ дѣлѣ предложилъ принять лишь мѣры къ устройству нашихъ архивовъ. Но эта Комиссія пришла къ заключенію о тѣсной связи, соединяющей между собою разные отдѣлы археологіи и о необходимости изучить въ основахъ всѣ такіе отдѣлы, чтобы затѣмъ съ большою пользою посвятить себя одному какому-либо предмету. Кромѣ того мнѣ лично представилась при этомъ еще и другая важная цѣль нашего Института — готовить своихъ слушателей къ разслѣдованію древностей въ разныхъ мѣстностяхъ нашего обшир-

наго государства, гдѣ, по окончаніи курса, они будутъ состоять на службѣ, въ званіи архиваріусовъ, бібліотечарей, членовъ статистическаго комитета и т. под. Но и эта мысль принадлежит не мнѣ, а подали мнѣ ее западные архивисты, изъ коихъ я видѣлъ многихъ то работающихъ въ бібліотекѣ или архивѣ, гдѣ они занимаютъ опредѣленное мѣсто, то посѣщающими городскія и загородныя древности, описывающими ихъ и приводящими найденныя предметы въ составляемые ими такимъ образомъ музеи. Здѣсь ученый архивистъ или бібліотечарь приноситъ пользу цѣлой подлежащей его посѣщеніямъ мѣстности, не исключая отсюда и безграмотныхъ крестьянъ, въ которыхъ любовь и уваженіе къ древностямъ интеллигентныхъ лицъ ихъ края усиливаетъ привязанность къ своей родинѣ и къ ея прошлому.

Приведенныя данныя побуждаютъ меня, мм. гг., остановиться на предметѣ, который — смѣю думать — не недостойнъ вашего вниманія, именно на вопросѣ о тѣснѣйшей взаимной связи между отдѣльными науками, преподаваемыми въ Археологическомъ Институтѣ.

Приступая къ начертанію Положенія о нашемъ учрежденіи, Комmissія, которая его выработала, имѣла въ виду одну обширную задачу: содѣйствовать изученію древняго быта нашего отечества во всѣхъ его проявленіяхъ. На первомъ планѣ представляется для этого изученія обширная равнина, прорѣзанная могучими рѣками, на которой въ доисторической древности обитали невѣдомые намъ роды и племена, а затѣмъ возникли княжества и наконецъ развилась изъ нихъ Русь Московско-Литовская. Географическая картина этой мѣстности, съ бассейнами ея водъ и орографическими очертаніями ея границъ, должна служить фономъ, на которомъ изслѣдователямъ предстоитъ на первый разъ размѣстить различныя народности, здѣсь обитавшія или проходившія. Но гдѣ искать указаній относительно этихъ различныхъ населеній? Намъ предъявляютъ преданія и рассказы Грековъ, Византійцевъ и Арабовъ, которыми мы конечно не можемъ не дорожить, но которые между тѣмъ не довольно точны и ясны и сами, въ свою очередь, требуютъ многихъ дополненій и повѣрокъ. И вотъ является намъ на помощь наука еще юная, но обѣщающая богатѣйшіе матеріалы для возстановленія этого дѣвственнаго состоянія нашего отечества, которое, по видимому, пропало для насъ безвозвратно и безслѣдно. Какъ назвать эту науку общимъ именемъ, мы еще не знаемъ; но она вскрываетъ намъ нѣдра

земли и извлекаетъ изъ разрытыхъ кургановъ и насыпей скелеты — черепа и отдѣльныя части погребенныхъ въ нихъ поколѣній съ ихъ бытовою обстановкою; достаетъ изъ рѣкъ и озеръ уцѣлѣвшіе въ нихъ остатки древнихъ надъ водою жилищъ и современныхъ имъ судовъ, снастей и другихъ снарядовъ — такъ называемыя свайныя постройки съ ихъ принадлежностями; отыскиваетъ по берегамъ тѣхъ же рѣкъ и озеръ въ навѣянныхъ вѣтрахъ песчаныхъ холмахъ непреложныхъ свидѣтелей жизни, дѣятельности и самыхъ разнородныхъ проявленій человѣческихъ страстей, непріязненныхъ или мирныхъ между разными племенами сношеній и остатки орудій, которыми они пользовались или сами выдѣлывали и обрабатывали въ тѣхъ мѣстахъ — такъ называемыя дюны, тянущіяся не только длинными полосами вдоль водныхъ окраинъ, но и углубляющіяся нерѣдко въ твердую землю въ противоположномъ направленіи; наконецъ находятъ и на гранитахъ скалы, теперь высоко стоящихъ надъ водами, какія-то начертанія или рѣзы, а въ горахъ пещеры и корридоры съ костями и слѣдами бывшихъ здѣсь обитателей. Съ помощью этихъ матеріаловъ географическія данныя разныхъ мѣстностей оживляются плотью и духомъ и передъ нами возстаетъ дивная картина человѣка, сбрасывающаго съ себя свой вѣковой покровъ, чтобы повѣдать о своей жизни и дѣяніяхъ въ тѣ первобытныя эпохи, которыя уже принято называть вѣками каменнымъ, бронзовымъ или мѣднымъ и желѣзнымъ. Но человѣкъ всегда жилъ и живетъ подъ вліяніемъ природы, которую съ другой стороны самъ болѣе или менѣе измѣняетъ, воздѣлываетъ, украшаетъ. Такимъ образомъ географія идетъ рука объ руку съ исторіей, и слушателямъ Археологическаго Института приходится изучать ее и по извлекаемымъ изъ земли и воды остаткамъ первобытныхъ вѣковъ и на основаніи памятниковъ, оставленныхъ намъ о себѣ ближайшими поколѣніями. Эти памятники чрезвычайно плодотворны: по преимуществу они письменны, но попадаются и межевые знаки, высѣченные изъ камня или начертанные на деревѣ, особенно же хорошо можетъ быть изучаема и обработана географія Россіи съ XV-го столѣтія, когда стали у насъ составляться такъ называемыя писцовыя и межевыя книги. Соответственно этимъ матеріаламъ — однимъ вѣковъ первобытныхъ, а другимъ — нашей уже исторической жизни, матеріаламъ еще почти вовсе невоздѣланнымъ, нашимъ слушателямъ приходится самимъ приступать къ ихъ разработкѣ. Что сдѣлано ими въ

томъ и другомъ отношеніи въ прошедшемъ году, я буду имѣть честь сообщить въ нашихъ ближайшихъ вечернихъ собраніяхъ. Теперь же перейду къ другимъ предметамъ входящимъ въ составъ нашего преподаванія.

Если древняя и вообще историческая географія должна пользоваться памятниками минувшей жизни лишь для уясненія физическаго состоянія разныхъ мѣстностей въ различныя времена, то все остальное, что доставляютъ намъ пытливыя розысканія неутомимыхъ дѣятелей, описывающихъ памятники прошлыхъ столѣтій, есть достояніе этнологіи, этнографіи, статистики, антропологіи, исторіи, культуры и другихъ отраслей знаній, относящихся непосредственно къ человѣку, его физическому строенію и развитію, его успѣхамъ и невгодамъ въ разныхъ направленіяхъ его дѣятельности. Всѣ эти науки раскрываютъ намъ его внутренній бытъ, его духовный и внѣшній міръ, его стремленія и идеалы съ ихъ осуществленіемъ или неудачей. Изученіе этого внутренняго народнаго быта распадается такимъ образомъ на различныя отрасли знаній, которыя тѣмъ не менѣе находятся не только въ тѣснѣйшей между собою связи, но и непонятны или могутъ быть истолкованы совершенно односторонне и превратно безъ приведенія ихъ въ единство какъ пояснителей одного и того же тѣла и духа, но только въ ихъ различныхъ проявленіяхъ. Конечно слабыя силы нашего Института не могутъ обнять въ своемъ преподаваніи всѣ эти отдѣлы знаній; но какъ учрежденіе только подготовляющее и направляющее молодыхъ ученыхъ, которые стремятся сдѣлать своей задачей изученіе всего что касается минувшей жизни нашихъ предковъ съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго даже столѣтія — Институтъ обязанъ въ своемъ преподаваніи не только указать, но и раскрыть способъ съ одной стороны къ уясненію себѣ его слушателями всего уже добытаго на разныхъ поприщахъ науки о человѣкѣ и его дѣятельности, а съ другой — къ самостоятельному розысканію и изученію матеріаловъ еще мало изслѣдованныхъ или даже вовсе неизвѣстныхъ. Здѣсь уже разомъ представляются нашимъ преподавателямъ различныя требованія, которымъ они должны удовлетворить каждый по мѣрѣ своихъ знаній и опытности. Но и въ этомъ отношеніи не всѣ предметы, требующіе основательнаго знанія со стороны самого профессора, доступны нашему учрежденію. Такова, наприм., палеографія славянская и русская, которая пока лишь отчасти практически преподается мною по памятникамъ съ XVI столѣтія, такъ какъ безъ

умѣнья читать столбцы и книги московскаго государства, а затѣмъ и разбирать почерки XVIII-го стол. наши слушатели не могли-бы работать въ архивахъ. Съ чтеніемъ латинскихъ документовъ, необходимымъ для назначающихъ себя въ занятіямъ въ западныхъ архивахъ, знакомить слушателей профес. Миллеръ. Самое же изложеніе основныхъ началъ и развитія внутренней жизни составляетъ предметъ преподаваемыхъ въ Институтѣ церковныхъ древностей, юридическаго быта древней Россіи вообще и земскаго, а также полицейскаго строя нашего государства преимущественно въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ. Преподаваніе это раздѣлили между собой три профессора: Андреевскій, Покровскій и я. Остаются конечно за тѣмъ еще разныя стороны народной жизни, какъ-то: искусство, домашній бытъ, военное дѣло, которыя не имѣютъ преподавателей, но ихъ замѣняютъ вечернія чтенія, на коихъ знатоки той или другой части сообщаютъ свои свѣдѣнія. Одинъ же изъ такихъ предметовъ — денежныя цѣнности, вѣсомыя и мѣрныя единицы, данныя о времени и протяженіяхъ такъ важны и разнообразны, что одинъ изъ нашихъ ученыхъ — Д. И. Прозоровскій, составилъ изъ него особый курсъ, который и называлъ „метрологіей“. Онъ самъ, мм. гг., предложилъ вамъ послѣ моего чтенія схему своего преподаванія которое, по его важности, мы признали полезнымъ ввести въ кругъ нашихъ утреннихъ чтеній. Сверхъ того мною преподается предметъ, который составляетъ, безспорно самую существенную задачу Археологическаго Института, хотя онъ лишь съ недавняго времени получилъ надлежащее значеніе не только у насъ, но и за границей. Я говорю объ архивномъ дѣлѣ и позволяю себѣ остановиться на оцѣнкѣ этого предмета, какъ особаго курса въ моемъ преподаваніи, въ томъ вниманіи, что, кромѣ его необходимости для нашихъ слушателей, означенный курсъ въ прошедшемъ и настоящемъ году сопутствовалъ осуществленію мысли, задуманной нашимъ министерствомъ юстиціи относительно сооруженія новаго образцоваго зданія для егъ Московскаго архива. Чтобы объяснить вамъ, мм. гг., настоящее значеніе этого важнаго предпріятія, считаю долгомъ познакомить васъ въ короткихъ словахъ съ содержаніемъ документовъ, наполняющихъ этотъ архивъ.

Въ началѣ XVIII-го столѣтія, когда Петръ Великій уже учредилъ Правительствующій Сенатъ, онъ приписалъ къ нему тѣ древнія учрежденія, которыя съ одной стороны завѣдывали служебными силами московскаго го-

сударства, именно Разрядъ или Разрядной Приказъ, а съ другой снабжали нашихъ тогдашнихъ дѣателей на поприщѣ военномъ и гражданскомъ надлежащими средствами для выполненія ихъ обязанностей, т. е. землями и денежными окладами, каковы были Приказы Вотчинный и Помѣстный. При Императрицѣ Екатеринѣ II, когда административныя и судебныя учрежденія Петровскаго времени были замѣнены новыми, документы, хранившіеся въ первыхъ, сданы также въ особый архивъ при Сенатѣ, который получилъ названіе Государственнаго старыхъ дѣлъ архива. Въ 1852 году всѣ эти архивы получили названіе Московскаго архива министерства юстиціи, въ который однако вскорѣ послѣ открытія новыхъ судебныхъ учрежденій стали сдаваться изо всѣхъ концовъ Россіи судебныя дѣла и другіе документы упраздненныхъ мѣстъ по 1800 г., а также и нѣкоторыхъ административныхъ учрежденій, въ послѣднее же время въ составъ его вошли и дѣла бывшихъ московскихъ департаментовъ Сената, подъ названіемъ „Сенатскаго отдѣленія“.

Первопрестольная Москва поняла истинное значеніе этого драгоценнаго имущества, которое цѣлымъ рядомъ столѣтій скопилось въ священныя стѣнахъ ея Кремля. Усматривая, что въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, когда новыя судебныя учрежденія вытѣснили этотъ залогъ древней жизни и дѣяній нашихъ предковъ изъ Сенатскаго зданія, онъ не можетъ найти достойнаго и вполне безопаснаго для себя помѣщенія и министерство юстиціи напрягаетъ тщетно всѣ свои усилія, чтобы устроить его надлежащимъ образомъ, — Московская Городская Дума не только приняла на себя заботу объ оказаніи содѣйствія Правительству въ этомъ смыслѣ, но и предложила увеличить массы уже собранныхъ имъ документовъ, присоединяя къ нимъ свои городовыя архивы. Задавшись въ тоже время высокою мыслію составить на основаніи данныхъ, хранящихся въ этихъ матеріалахъ, и самихъ урочищъ знаменитаго города его исторію, Дума поручила руководство этою работою археологу, который такъ много изучалъ и изучаетъ московскую старину — И. Е. Забѣлину. Для возведенія же новаго зданія подъ Московскій архивъ министерства юстиціи она принесла министерству въ даръ двѣ десятины земли, окруженныя недавно устроеннымъ паркомъ, съ шоссевыми вокругъ ихъ дорогами. Это высокое центральное мѣсто на такъ называемомъ Дѣвичьемъ полѣ, откуда взорамъ представляется съ одной стороны новый памятникъ

нашего спасенія въ тяжелую годину 12-го года, ожидающій вскорѣ своего освященія—знаменитый по своему зодчеству храмъ Спасителя, а съ другой — обитель, игравшая важную роль въ XVII-мъ столѣтїи, а нынѣ служащая усыпальницей для многихъ славныхъ родовъ Московскихъ бояръ и вельможъ — Новодѣвичій монастырь. Министерство юстиціи, въ свою очередь, задавшись мыслию воздвигнуть здѣсь образцовое зданіе, безъ всякихъ новыхъ расходовъ для казны, а лишь съ небольшимъ отъ него временнымъ пособіемъ, которое должно ей возвратиться — вызвало составленіе этому зданію полныхъ глубоко-обдуманыхъ проектовъ, за начертаніе коихъ назначило три премїи съ тѣмъ, чтобы эти проекты удовлетворяли всѣмъ добытымъ въ послѣднее время наукою архитектурнымъ требованіямъ по архивному дѣлу. Эти проекты, достойные своей задачи по положенію на нихъ труда, выставлены въ числѣ 10 на нынѣшній день въ библиотечной залѣ нашего Института и составляютъ безспорно весьма цѣнное украшеніе нынѣшняго акта.

Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ, мм. гг., ввести васъ теперь же въ кругъ занятій, которыя посвящаютъ наши почетные и дѣйствительные члены и наши слушатели архивному дѣлу. Но не могу и не хочу скрывать отъ васъ то радостное чувство, которое наполняетъ мое сердце, когда я читаю и перечитываю тѣ не только частныя письма, но и официальные бумаги, которыя получаютъ мною, какъ директоромъ Института, изъ министерствъ, отъ начальниковъ губерній, архивариусовъ, ученыхъ и земскихъ учрежденій съ разными предложеніями, свѣдѣніями и запросами, относящимися къ архивамъ, приведенію ихъ въ порядокъ и описанію документовъ. Такъ министерство внутреннихъ дѣлъ ассигновало Институту 1000 рублей на поѣздку его слушателей въ Оренбургъ для устройства и описанія тамошняго правительственнаго архива. Такъ архивариусъ Вилевскаго центрального архива Спрогисъ проситъ выслать ему изъ нашихъ слушателей помощника въ его дѣйствительно тяжелыхъ работахъ. Такъ сношенія съ Харьковскимъ университетомъ подають намъ отрадную надежду, что Институтъ будетъ въ состояніи содѣйствіемъ одного изъ своихъ почетныхъ членовъ и трудами нашего слушателя, уже готовящагося къ дѣлу, устроить и описать привезенный сюда недавно изъ Чернигова архивъ малороссійской коллегїи, который пока, за неимѣніемъ ни денегъ, ни людей

къ его устройству, сваленъ въ безпорядкѣ въ одномъ изъ университетскихъ свободныхъ помѣщеній. Такъ губернаторы Вятскій и Новгородскій и мѣстные власти разныхъ городовъ обращаются къ намъ за совѣтами относительно устройства библиотекъ и музеевъ при мѣстныхъ статистическихъ комитетахъ. Сами члены и слушатели наши успѣваютъ въ свободное отъ другихъ занятій время работать въ разныхъ архивахъ, продолжая начатыя ими труды, каковы: новое изданіе Уложенія царя Алексѣя Михайловича; составленіе историческаго описанія рязанскихъ древностей; начертаніе карты засѣвъ и проч. Но особенно считаю долгомъ упомянуть здѣсь о приступленіи нами къ описанію Институтскаго домашняго архива, который возникъ совершенно случайно, благодаря приношенію намъ въ даръ двумя частными лицами — гг. Михайловскими — цѣлой массы драгоцѣнныхъ документовъ, относящихся къ постройкѣ разныхъ зданій въ Петербургѣ, начиная со времени Петра Великаго до Екатерины II. Говоря объ нихъ, мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что и Петербургская Городская Дума могла бы сдѣлать для исторіи своего города тоже, что уже дѣлаетъ Москва. Въ ближайшихъ вечернихъ нашихъ собраніяхъ мы надѣемся однако познакомить нашихъ гостей съ упомянутымъ выше архивомъ въ рефератахъ, которые сдѣлаютъ о важнѣйшихъ его матеріалахъ профессоръ Андреевскій и дѣйствительный членъ Мейчикъ. Съ другой стороны я не считаю себя въ правѣ умолчать здѣсь о важной, представленной мнѣ на дняхъ двумя нашими членами — княземъ Путятинымъ и Б. А. Шапошниковымъ — находкѣ, сдѣланной ими во время нашихъ лѣтнихъ экскурсій съ цѣлью раскопки кургановъ и осмотра древностей, именно о фигурныхъ издѣліяхъ изъ кремня, кварцита и шифера, о какихъ еще робко и боязливо писали доселѣ западные ученые за неизмѣнимъ подъ рукою достаточно данныхъ въ подтвержденіе своихъ выводовъ, между тѣмъ какъ Б. А. Шапошниковъ признаетъ такими цѣлыя тысячи найденныхъ имъ и кн. Путятинымъ издѣлій. Замѣчу наконецъ, что и самыя наши лѣтнія экскурсіи приносятъ пользу и въ другомъ отношеніи. Онѣ сближаютъ насъ съ мѣстными владѣльцами раскопываемыхъ кургановъ и осматриваемыхъ древностей и вызываютъ не только въ нихъ, но и въ ихъ сосѣдяхъ желаніе пользоваться нашимъ содѣйствіемъ въ изслѣдованіи своихъ древностей, которые они сами начинаютъ затѣмъ изучать и описывать. Это сознаніе, что мы такимъ образомъ

работаемъ не тщетно, а напротивъ что чѣмъ болѣе будетъ кругъ принимающихъ въ Институту членовъ и слушателей, тѣмъ болѣе будутъ разнесены ими во всѣ концы Россіи плодотворныя указанія и знанія, а ими самими собираться матеріалы для изученія не только прошлаго, но и тѣмъ связаннаго съ нимъ настоящаго, — такое сознаніе одушевляетъ насъ, даетъ намъ новыя силы и заставляетъ, не смотря на наши ежедневно оскудѣвающія средства, съ теплою надеждою ожидать предстоящей намъ будущности.

Н. Калачовъ,
Директоръ Института

О значеніи и составѣ древней русской метрологіи.

Милостивые государи и милостивыя государыни. Не могу, безъ крайняго смущенія, предстать передъ вами съ рѣчью, которая едва ли будетъ достойна вашего вниманія. Меня смущаетъ въ особенности то, что я долженъ бы говорить о предметѣ, далеко не выясненномъ учеными, а потому составляющемъ для меня область невѣдомыхъ соотношеній, гдѣ идея остается безъ опредѣленнаго содержанія, не смотря на обиліе матеріаловъ. Я не въ состояніи, а потому и не берусь прибавлять ко множеству сужденій и мое сужденіе по вопросу: что такое археологія по ея предметности и составу? Вопросъ этотъ слишкомъ обширенъ для того, чтобы могъ быть рѣшенъ какимъ-либо сужденіемъ, тѣмъ болѣе сужденіемъ летучимъ, поверхностнымъ. Если я и могу теперь что выразить, то это — убѣжденіе въ томъ, что археологія, существующая пока въ идеѣ, должна быть знаніемъ самостоятельнымъ, съ критическимъ приемомъ, наукою, вѣдѣнію которой подлежитъ все, что осталось отъ древности: памятники, преданія, повѣрья, обычаи, законы, философія и проч.; слѣдовательно, такой составъ археологіи очень сложенъ, такъ что осуществленіе идеи единичнымъ трудомъ представляется неудобноисполнимымъ. Для достиженія этой цѣли необходима совокупность труда, и если представить себѣ общество ученыхъ, рѣшившихся выработать археологію какъ особую научную систему, то самое образованіе такого общества было бы первымъ важнымъ шагомъ къ осуществленію идеи. Мнѣ кажется, учрежденіе Археологическаго Института и есть этотъ шагъ. Уже одно то важно, что археологія теперь имѣетъ своего спеціального предста-

вителя въ средѣ другихъ специальностей, и затѣмъ Институту остается идти по пути самостоятельнаго практическаго развитія идеи. Разумѣется, здѣсь слово „развитіе“ имѣетъ значеніе нѣсколько отличное отъ того, какое дается ему въ другихъ случаяхъ: жизнь археологій составляетъ то, что уже отжило, слѣдовательно, ей несвойственъ прогрессъ текущей жизни; ея прогрессъ состоитъ въ правильномъ ея строеніи, какъ научной системы, а правильно будетъ она построена тогда, когда овладѣетъ всею массою подлежащихъ археологической разработкѣ матеріаловъ и чрезъ то обниметъ всѣ стороны и оттѣнки древняго быта; тогда она будетъ истинною помощницею исторіи по вопросамъ, судьба которыхъ заключена въ нѣдрахъ археологій. Постройка этой системы есть ни что иное, какъ группированіе памятниковъ по ихъ родамъ, которые и составляютъ отдѣлы археологій. До сихъ поръ вполне сгруппированъ въ русской археологій отдѣлъ нумизматическій, имѣющій множество своихъ представителей въ видѣ нумизматическихъ кабинетовъ, а также и свою установившуюся литературу, и весьма успѣшно группируется отдѣлъ библіографіи, то же имѣющій свое представительство и свою, по справедливости, замѣчательную литературу. За тѣмъ растетъ отдѣлъ древняго искусства, преимущественно строительнаго; далѣе слѣдуетъ медленное возрастаніе отдѣла народности, признаки отдѣла палеографіи и т. д. Археологическій Институтъ, принявъ на себя дальнѣйшую разработку этихъ отдѣловъ, не ограничился ими, но на первыхъ же порахъ своего существованія выставилъ на видъ новый отдѣлъ, именно древнюю русскую метрологію, предметъ, давно требовавшій спеціальнаго изученія, такъ какъ отъ него зависитъ разъясненіе многихъ экономическихъ вопросовъ нашей исторіи и экономическихъ условій древняго народнаго быта. Такимъ образомъ нельзя не признать, что въ лицѣ Археологическаго Института археологія, какъ самостоятельная историческая наука, начала дѣйствительно свое существованіе и можно надѣяться, что со временемъ она сформируется въ тотъ составъ, ясное представленіе котораго столь затруднительно для теоретическихъ соображеній, такъ какъ археологическій характеръ данныхъ подробности предмета, условія изслѣдованій могутъ быть опредѣлены только путемъ практики. Къ сожалѣнію, для такого важнаго предмета, какъ древняя русская метрологія, не нашлось человѣка, достаточно подготовленнаго научнымъ образованіемъ, такъ что волей-неволей пришлось предметъ

этот поручить человеку, хотя и специально занимающемуся имъ, но безъ научной подготовки, а единственно по внутреннему увлеченію. Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ Институтъ успѣлъ завершить полный курсъ русской метрологіи, причемъ выяснились какъ ея программа, т. е. содержаніе, составъ, источники, способъ обработки ихъ и послѣдовательность ея частей, такъ и ея значеніе по отношенію къ историческимъ вопросамъ, требующимъ метрологическаго приѣма для ихъ разрѣшенія.

Что же такое русская метрологія ?

Подъ словомъ „Метрологія“ разумѣютъ обыкновенно простое практическое наглядное познаніе различныхъ единицъ, служащихъ для опредѣленія величинъ вещества, тяжести, разстоянія и времени, т. е. единицъ вѣса, единицъ цѣнности, единицъ объема, единицъ протяженія, единицъ времени. Но когда слово „Метрологія“ будетъ перенесено въ область археологіи, гдѣ имѣетъ значеніе только давнопрошедшее, сдѣлавшееся для позднѣйшихъ временъ непонятнымъ или по своей сущности, или по своему имени, тогда оно получаетъ другой характеръ. Это будетъ уже не узкое практическое знаніе, а цѣлое ученіе объ исторіи единицъ, и въ такомъ-то именно смыслѣ древняя русская метрологія становится предметомъ научнымъ и истинно важнымъ на столько, на сколько она въ состояніи помочь разрѣшенію историческихъ задачъ.

Русская исторія богата вопросами, которые остаются нерѣшенными собственно потому, что мы не знаемъ въ точности древнихъ единицъ вѣса, цѣнности и мѣръ, а также счисленія времени, преимущественно періодическаго и суточного. При такой неизвѣстности очень естественно, что народный и гражданскій бытъ древней Руси для насъ не вполне понятенъ съ экономической и практической стороны. Такъ не зная цѣнности куны, мы не можемъ отчетливо понимать финансовую сторону Русской Правды, на столько отчетливо, чтобы въ состояніи были опредѣлить: къ какому именно времени относятся упоминаемыя въ ней цѣнности и цѣны на разные предметы; не зная гривень, не можемъ опредѣлительно заключать ни о различныхъ пошлинахъ, поборахъ, даянхъ и о вліяніи ихъ на бытъ народа, ни о силѣ контрибуцій, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и актахъ; не зная вѣсовъ, не можемъ догадаться, что такое была капъ, что значило „точное серебро безъ 10 золотникъ“, какую силу имѣла торговля воскомъ, для чего упо-

треблялся ансырь и проч.; не зная мѣръ вмѣстимости, не можемъ даже приблизительно опредѣлить отношеніе цѣнъ къ количествамъ продуктовъ, напримѣръ цѣнъ на хлѣбъ, существовавшихъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ, цѣнъ на соль, цѣнъ на пиво и вино и проч.; не зная мѣръ протяженія, не можемъ уяснить себѣ тѣхъ разностей, которыя насъ сбаваютъ съ толку при разсматриваніи Книги Большаго Чертежа и другихъ памятниковъ, упоминающихъ мѣры этого рода; не зная единицъ земельного надѣла и распредѣленія, не можемъ представить себѣ сошное писмо въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ данныя времена; не зная наконецъ ни счисленія часовъ, которое, по всей видимости, состояло изъ нѣсколькихъ системъ, ни народнаго распредѣленія времени по періодамъ, мы не понимаемъ: почему одно и то же событіе относится разными памятниками къ разнымъ частямъ сутокъ или къ разнымъ временамъ года, и не въ состояніи опредѣлить времени, съ котораго начинались работы и въ которое отсчитывались, въ какое время обѣдали и ужинали, въ какіе по нашему часу совершались Богослуженія и т. д. Однимъ словомъ, при такомъ незнаніи, мы не можемъ представить себѣ: въ какой степени древняя жизнь, по отношенію къ современнымъ ей обстоятельствамъ, была легче или труднѣе, удобнѣе или неудобнѣе, правильнѣе или неправильнѣе нынѣшней, вращающейся въ обстоятельствахъ, ей присущихъ, на сколько древній человекъ былъ довольнѣе въ своемъ быту противъ человека нынѣшняго, на сколько, при условіяхъ времени, потребности того человека были уже, чѣмъ потребности нынѣшняго человека, и проч. Сознавая незнаніе всего сказаннаго, неужели мы должны оставаться при этомъ самомъ незнаніи тогда, когда намъ же самимъ извѣстно по памятникамъ, что всѣ роды единицъ существовали у насъ издревле въ видѣ правильно построенныхъ системъ, ни въ чемъ не уступавшихъ метрическимъ системамъ Запада? Неужели мы должны только смотрѣть на данныя, не стараясь ихъ выяснить? Думаю, что мы все не должны оставаться въ такомъ безцвѣтномъ положеніи, а скорѣе должны спросить себя: откуда же взялся у насъ этотъ стройный порядокъ одного изъ важнѣйшихъ условій народно-гражданскаго быта?

Многіе убѣждены, что однѣ изъ единицъ наши самородныя, а другія заимствованныя. Вообще это, конечно, справедливо, но если разсматривать вопросъ въ его частностяхъ, то отвѣтъ сформулируется нѣсколько иначе

и заимствованія выставляются ясныѣ. Мы видимъ, что еще за долго до начала исторіи Русскаго народа и государства у Славянъ, подъ какими бы названіями они ни были извѣстны Грекамъ и Римлянамъ, существовали единицы вѣса и мѣры, по всей видности, заимствованныя, именно тѣ, которыя должны были употребляться ими какъ народомъ, находившимся подъ ближайшимъ вліяніемъ императорскаго Рима. Русскія свѣдѣнія о вѣсахъ и мѣрахъ не простираются далѣе конца X вѣка; изъ устава св. В. К. Владиміра о церковныхъ десятинахъ и судахъ видно, что вѣсы и мѣры при немъ были не новымъ установленіемъ, точно также, какъ не была тогда какою-либо новостью и торговля, для которой правильная система вѣсовъ и мѣръ — существенная необходимость, а что эта система была тогда построена правильно, свидѣтельствомъ тому служить завѣтъ Владиміра: „городскыѣ и торговныѣ всякая мѣрила и спуды и звѣсен ставила пискупу блюсти бес павости, ни умалити, ни умножити“; слѣдовательно, единицы были опредѣлены точно. Памятники удостовѣряютъ, что русская торговля въ древности стояла не на низкой ступени развитія, а по договорамъ Олега и Игоря съ Греками надобно заключать, что русскіе купцы широко торговали съ Царьградомъ, а потому и со всѣми племенами Дунайскими. Святославъ съ силою указывалъ на значительность русской торговли въ Переславцѣ Дунайскомъ. Торговые центры: Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ искони находились на окраинахъ земли Русской и давали направленіе торговлѣ внутренней, условія которой вполнѣ зависѣли отъ торговли внѣшней. Все это наводитъ на мысль, что въ древности существовали такія единицы вѣса и мѣры, которыя были общи всѣмъ торговымъ и промышленнымъ народамъ. Дѣйствительно, мы во всей Западной Европѣ видимъ чисто римскія единицы, т. е. тѣ самыя, которыя отъ древняго Рима наслѣдовалъ новый Римъ — Византія. По этому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тѣ же римскія единицы достались и Руси путемъ торговли съ Византією и Западомъ, особенно единицы вѣса и цѣнностей, которыя съ самой глубокой древности переходили отъ народа къ народу также посредствомъ торговли. Во всякомъ случаѣ, вникая въ метрологію древней Руси по тѣмъ памятникамъ, которые до насъ дошли, усматриваемъ, что почти всѣ русскія единицы вѣса и цѣнностей тождественны съ иноземными по ихъ размѣрамъ и дѣленію. Да едва ли и можно исключать древнюю Русь изъ числа народовъ,

подвергшихся когда либо, въ томъ или другомъ отношеніи, вліянію всемірнаго властителя — Рима, которое, какъ примѣтно, распространялось не на одни подчиненные народы, но и на народы независимые; такъ у Китайцевъ, признаваемыхъ за народъ, совершенно чуждый цивилизаціи античнаго міра, употребляется драхма, унція и александрійская мина подъ названіями чинъ, ланъ, гинъ.

Замѣчательно то, что римская метрологія, не терявшая своей природы въ Западной Европѣ, приняла на Руси такой характеръ, который сильно препятствуетъ воспроизведенію ея родословія. Трудность состоитъ особенно въ томъ, что русскія названія единицъ совершенно самостоятельны, ни откуда не заимствованы и принадлежатъ единицамъ, повидимому, не совсемъ сходнымъ съ иноземными, и что относящіяся къ этимъ единицамъ данныя разбѣяны по памятникамъ въ видѣ мелкихъ указаній и замѣтокъ, неимѣющихъ между собою сколько нибудь примѣтной метрологической связи. Правда, до насъ дошло нѣсколько памятниковъ, съ характеромъ до нѣкоторой степени метрологическимъ (это: память, какъ торговали Новгородцы кунами, Торговая Книга, замѣтка о хлѣбныхъ мѣрахъ, книги соннаго письма, Счетныя Мудрости, Дизимъ), но и эти свѣдѣнія остаются для насъ не разъясненными, потому что онѣ ограничиваются только своею современностью, не дѣлая никакихъ указаній на отношенія описанныхъ имъ единицъ къ единицамъ прежняго времени; это всего разительнѣе показываетъ память о новгородской торговлѣ кунами, гдѣ куны оцѣнены современными памяти деньгами, а тѣ ли куны были и прежде — не объяснено; объ этомъ надобно узнавать посредствомъ большихъ розысканій, сличеній, соображеній. Такимъ образомъ, чтобы привести все въ ясность, необходимо выдѣлать изъ памятниковъ все метрологическое, распредѣлить данныя по ихъ родамъ, и въ этихъ группахъ поискать той связи между древними и позднѣйшими единицами, понятіе о которой давно утрачено; вмѣстѣ съ тѣмъ выясненныя съ этой стороны единицы надобно сопоставить съ одноврѣменными единицами древняго міра, что, при неопредѣленности русскихъ единицъ, было невозможно. Этими способами устранятся препятствія въ изысканіи исторіи русской метрологіи, которая, по приведеніи ея въ извѣстность, и будетъ служить значительнымъ пособіемъ въ рѣшеніи зависящихъ отъ нея историческихъ вопросовъ. Не малою причиною затрудненій

были и сами изслѣдователи, принимавшіеся за дѣло не такъ, какъ бы надлежало: напримѣръ, вопросъ о кунахъ они усиливались рѣшить путемъ историко-филолого-нумизматическимъ, тогда какъ, при неизмѣнн на лицо кунъ, нумизматика ничему не поможетъ, точно также какъ и филологія, не имѣющая опоры ни въ нумизматикѣ, ни въ исторіи, которая сама ждетъ отъинуду объясненія слова „куны“, употребляемаго ею безъ яснаго пониманія его первобытнаго значенія. Изыскатели не хотѣли знать, что столь темный вопросъ можетъ быть, и то при благоприятныхъ для изслѣдователя обстоятельствахъ, рѣшенъ исключительно путемъ метрологическимъ; имъ казалось, что вся задача состоитъ въ растолкованіи словъ: куна, ногата, мордеа, векша и проч. и въ сближеніи ихъ съ кунцами, векшами, бѣлками. По этому вся масса изслѣдованій о кунахъ не привела ни къ какимъ выводамъ, а только запутала задачу произвольными толкованіями. Но если бы для разбора этого вопроса былъ употребленъ метрологическій приѣмъ, то изслѣдователи, при ихъ дружныхъ усиліяхъ, неизбѣжно пришли бы къ выводамъ, болѣе или менѣе положительнымъ, и получили бы исторію кунъ какъ цѣнностей, и уже затѣмъ могли бы разсматривать ихъ въ качествѣ монетныхъ знаковъ, споря о томъ: мѣховые ли были эти знаки, или металлическіе. Конечно, въ прежнее время не было такого обилія въ матеріалахъ, какъ нынѣ, когда всѣ заботы ученыхъ изслѣдователей русскихъ древностей, при поощрительныхъ пособіяхъ правительства, обращены на открытіе, изданіе и всестороннее изученіе памятниковъ, остававшихся прежде въ неизвѣстности.

Можно затѣмъ сказать утвердительно, что изученіе древней русской метрологіи ведетъ къ болѣе правильному пониманію быта древней Руси съ экономической стороны. Получивъ возможность переводить древнія единицы въ наши, намъ современныя, нами употребляемыя, намъ извѣстныя, мы легко составимъ себѣ идеаль древняго семейнаго хозяйства, поймемъ тогдашнія потребности, способы ихъ удовлетворенія, разгѣръ стоимости продуктовъ и работъ, словомъ, намъ представится возможность сравнивать условія древняго быта съ нынѣшними, чего доселѣ сдѣлать было нельзя. Въ настоящему случаю, въ пригѣръ сравненія, приведу простой фактъ: въ началѣ XVI вѣка, при большомъ урожаѣ, мѣра ржи, довольно близкая къ нашему нынѣшнему булю по вѣсу, стоила дешевою цѣною 7 денегъ новго-

родскихъ, изъ которыхъ каждая, по наличнымъ вещественнымъ экземплярамъ, стоитъ около 4 коп. серебромъ, откуда слѣдуетъ, что 7 денегъ равнялись почти 30 коп. серебромъ; теперь кулъ ржи стоитъ 13 руб. серебромъ, что составляетъ цѣну слишкомъ въ 40 разъ высшую древней цѣны: стало быть, древній бытъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, былъ въ 40 разъ проще теперешняго, или иначе: предки наши, въ данномъ случаѣ, были въ 40 разъ сытѣ насъ, но мы въ своемъ положеніи во столько же разъ ихъ богаче. Причины вздорожанія и самую послѣдовательность его хода можно выслѣдить при посредствѣ метрологіи, которая, показывая измѣненія въ единицахъ цѣнности, вѣса и мѣры, выяснитъ, что первою причиною возвышенія цѣны на жизненные припасы было уменьшеніе величины денегъ и измѣненія въ величинѣ мѣръ, и уже потомъ увеличеніе потребностей и усиленіе сбыта продуктовъ, т. е. вывоза ихъ съ мѣстъ производительности въ мѣста потребленія.

Надѣюсь, что все сказанное убѣждаетъ въ необходимости выдвинуть древнюю русскую метрологію на видъ и изучать ее специально, какъ одну изъ существенныхъ отдѣловъ археологіи. Это и сдѣлано Археологическимъ Институтомъ, который, вѣроятно, постарается развить ея преподаваніе и выработаетъ программу, болѣе отчетливую, чѣмъ нынѣшняя, первоначальная. Для того, чтобы дать понятіе о содержаніи и составѣ курса древней русской метрологіи, представлю сѣбѣ слѣдующій очеркъ нынѣшней программы.

Такъ какъ русская метрологія состоитъ въ видимой родовой связи съ метрологіею древняго міра, то сначала необходимо опредѣлить метрологію вообще; какъ понятіе, выяснитъ ея основанія, происхожденіе мѣръ, вѣсовъ и цѣнностей, ихъ развитіе и приведеніе въ порядокъ; обозрѣть метрологію Евреевъ, Грековъ и Римлянъ; наконецъ указать на распространеніе греко-римской метрологіи и на ея преобразованія въ Западной Европѣ, а также на знакомство съ нею Славянскихъ племенъ, въ томъ числѣ и Руся.

Затѣмъ слѣдуетъ переходъ къ русской метрологіи, введеніе въ которую составляютъ: обзоръ письменныхъ памятниковъ, какъ источниковъ для ея изслѣдованія и обзоръ изслѣдованій, относящихся до этого предмета, какъ пособій для новыхъ розысканій; указаніе на необходимость въ собраніи вещественныхъ памятниковъ: гирь, мѣръ и цѣнностей; сужденія объ отношеніи метрологіи къ археологіи и исторіи, о способѣ ея изслѣдованія

путемъ сравненій и о происхожденіи русскихъ единицъ вѣса, мѣры и цѣнностей; опредѣленіе объема русской метрологіи, указанія на разнообразія вѣсовъ и мѣръ по временамъ и мѣстностямъ, на завѣдываніе вѣсами и мѣрами въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Псковѣ, Москвѣ и на распространеніе московской системы вѣсовъ и мѣръ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній должны послѣдовать отдѣлы метрологіи: 1) вѣсъ; 2) цѣнности; 3) мѣры продольныя; 4) мѣры вмѣстимости: а) для жидкихъ и густыхъ тѣлъ, б) для сыпучихъ тѣлъ; 5) единицы объемныя и примѣрныя; 6) мѣры и единицы поземельныя; 7) единицы заводскія и промышленныя; 8) времячисленіе.

Говоря о вѣсѣ, надлежитъ выяснитъ: какъ онъ представляется въ памятникахъ, показать роды вѣса: монетный, серебряный, торговый, и опредѣлить составъ вѣса въ единицахъ, изъ которыхъ доселѣ извѣстны: золотникъ, почка и ихъ виды, ансырь, фунтъ, гривенка, литра, унка, безѣвѣтъ, пудокъ, пудъ, капъ, берковецъ, четверть вошаная, контарь. Всѣ эти единицы надобно сличить съ греко-римскими: граномъ, скрупуломъ, драхмою, денаромъ, секстуломъ, солидомъ, либрою, миною, талантомъ, а также съ западными: маркою, каратомъ, ассомъ, фунтомъ, лисфунтомъ, шиффунтомъ, центнеромъ, ластомъ. Черезъ это вѣсъ выяснится во многихъ чертахъ и явится возможность узнать происхожденіе нынѣшнихъ единицъ вѣса, первоначальная исторія которыхъ довольно темна.

Цѣнности, въ собственномъ смыслѣ, въ коренномъ ихъ значеніи, суть не что иное, какъ видоизмѣненіе вѣса, который составляетъ ихъ основу. Цѣнности имѣли у насъ свои періоды. До введенія въ Россіи талерной, т. е. рублевой системы, было два періода: періодъ кунъ и періодъ денегъ. Въ первомъ періодѣ были, кромѣ системы Русской Правды, системы смоленская, новгородская, псковская, владимірская, тверская, а во второмъ системы великаго княженія, удѣльныя, автономныя (новгородская и псковская) и наконецъ система московская, поглотившая всѣ прочія системы. Метрологія, предоставляя нумизматикѣ изслѣдованіе вида, вещества кунъ, обязана выяснитъ исторію кунныхъ цѣнностей, опредѣлить пропорціональныя отношенія между единицами и переходъ отъ кунъ къ деньгамъ, выяснитъ различіе денежныхъ системъ по вѣсу и пробѣ, ихъ выдѣлку и отношеніе ихъ къ западнымъ талерамъ, а также значеніе у насъ червонцевъ и

ефимочной монеты, выпущенной при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; затѣмъ представить исторію мѣдныхъ монетъ, начиная съ пуля, и наконецъ чертить завѣдываніе денежнымъ дѣломъ.

Разсматривая мѣры продольныя, необходимо имѣть въ виду древнее измѣреніе градуса и древній московскій углоуѣръ, найденный покойнымъ Терещенко въ развалинахъ Сарая; съ этими данными можно обратиться къ разбору разстояній, значущихся въ книгѣ Вольшаго Чертежа, равно и знаменитомъ Тмутороканскомъ камнѣ и въ замѣткахъ объ измѣреніяхъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Не говорю о находящихся въ памятникахъ измѣреніяхъ городскихъ стѣнъ, потому что полезность подобаго рода свѣдѣній опредѣляется степенью ихъ вѣроятности, а какъ городскія стѣны не оставались безъ измѣненій, то и вѣроятность ихъ древнихъ измѣреній не можетъ выдержать критики. При изслѣдованіи мѣръ протяженія большое значеніе имѣетъ сравненіе ихъ съ древними греко-римскими единицами.

Мѣры вмѣстимости дѣлились на два рода: однѣ употреблялись для жидкихъ и густыхъ тѣлъ, а другія для тѣлъ сыпучихъ. Это были двѣ правильно образованныя системы, которыя въ частностяхъ различались по мѣстностямъ. Свѣдѣнія о нихъ до того сбивчивы, что для опредѣленія ихъ величинъ требуется кропотливости не меньше той, какая нужна для опредѣленія вѣса и цѣнностей.

Въ памятникахъ упоминаются единицы, не принадлежація ни къ какому отдѣлу метрологіи. Я не могу назвать ихъ иначе, какъ объемно-примѣрными. Таковы: голважня, горсть, пасмо, кербъ, рогозина, дубъ, возъ, острамокъ, снопъ, сотница, стогъ, скирда, стягъ, полоть. Собственно это были единицы народныя, но какъ правительственные акты упоминались наравнѣ съ единицами торговыми, рыночными, то ихъ и нельзя исключить изъ состава древней метрологіи, тѣмъ болѣе, что для узаконенныхъ видѣмъ и для взиманія пошлинъ онѣ признавались за единицы самостоятельныя.

Поземельное владѣніе опредѣлялось не только единицами точными, но и примѣрными. Къ роду первыхъ принадлежали тѣ мѣры, которыя пропорціонально относились другъ къ другу: соха, сошка, обжа, десятина, четверть, копна, веревка, выть, а во вторыхъ: лукъ, дворище, село, полгъ, перевара и проч. Для приведенія всего этого въ ясность полезны старинныя руководства къ познанію сошнаго писъма.

Въ отдѣлу заводскихъ и промышленныхъ единицъ причисляются оброчныя и податныя единицы: солотареннаго производства — цренъ, соль, сапецъ, цѣпень; рыболовныя: езь, неводъ, тагасъ, частичкъ, переметь; рыночныя: лавка, скамья, шесть.

Въ отдѣлѣ времясчисления разсматриваются: древній счетъ вѣка, различный счетъ годовъ, предѣлы весны, лѣта, осени и зимы, языческое дѣленіе года на мѣсяцы, счисленіе часовъ, отличное отъ нынѣшняго, дѣленіе сутокъ, и наконецъ пасхалія, какъ пособіе для повѣрки лѣтописной хронологіи.

Вотъ все, что я могъ сказать о значеніи и составѣ древней русской метрологіи.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить увѣренность, что какъ бы ни былъ слабъ набросанный мною очеркъ предмета, только что явившагося на свѣтъ, но просвѣщенные слушатели отнесутся къ этой слабости снисходительно, вниманіе же свое обратятъ на самый предметъ настоящей рѣчи, оцѣнятъ его значеніе въ области археологіи и степень полезности его для исторіи, не откажутъ въ своемъ сочувствіи развитію этого предмета и пожелаютъ, чтобы Археологическій Институтъ не только существовалъ, но и процвѣталъ, блистая не внѣшней пышностью учености, а твердымъ, неуклоннымъ и успѣшнымъ преслѣдованіемъ своихъ задачъ, изъ которыхъ въ настоящее время главная — приведеніе археологіи въ систему.

Д. Прозоровскій.

ОТЧЕТЪ

О состояніи Археологическаго Института за 1880 годъ.

Милостивые государи и государыни. Въ день празднованія третьей годовщины Археологическаго Института, Совѣтъ Института имѣеть честь представить вашему просвѣщенному вниманію отчетъ о составѣ и дѣятельности его за истекшіи 1880 годъ.

а) Составъ Института.

Въ составъ Института въ отчетномъ году входили: 1) почетные члены, 2) дѣйствительные члены и 3) члены-сотрудники, 4) профессора и 5) слушатели Института.

1) *Составъ почетныхъ членовъ Института.* Въ составъ почетныхъ членовъ, въ отчетномъ году, избраны: министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, испр. должн. министра народнаго просвѣщенія Андрей Александровичъ Сабуровъ, товарищи министра юстиціи Эдуардъ Васильевичъ Фришъ и народнаго просвѣщенія Павелъ Алексѣевичъ Марковъ и оказавшіи значительное содѣйствіе Институту своими учеными трудами и пожертвованіями для музея и библіотеки сызранскій поѣщикъ Александръ Васильевичъ Толстой. Сверхъ того, на основаніи § 14 Высочайше утвержденнаго положенія о принятіи въ число почетныхъ членовъ Института лицъ, вносящихъ въ пользу Института ежегодно по 500 р., утвержденъ почетнымъ членомъ с.-петербургскій купецъ Дмитрій Ивановичъ Прилуковъ.

2) *Составъ действительныхъ членовъ.* Въ составъ действительныхъ членовъ, согласно § 7 положенія объ Институтѣ, включены всѣ окончившіе въ прошедшемъ году курсъ институтскихъ наукъ и изъявившіе въ особой подпискѣ директору Института согласіе содѣйствовать своими трудами цѣлямъ Института, съ представленіемъ въ оный ежегодно своихъ изслѣдованій, размысканій и другихъ научныхъ работъ или по крайней мѣрѣ удовлетворительнаго о нихъ отчета. Всѣ эти лица (числомъ 11) въ отчетномъ году успѣли уже оказать посильное содѣйствіе цѣлямъ Института своими учеными трудами.

3) *Составъ членовъ сотрудниковъ.* Въ число членовъ сотрудниковъ избраны въ отчетномъ году: баронъ Давидъ Гораціевичъ Гинцбургъ, бывшій слушатель Института Романъ Ивановичъ Доброхотовъ, уфимскій губернской предводитель дворянства Валентинъ Аполлоновичъ Новиковъ, генераль-майоръ Александръ Ивановичъ Савельевъ, студентъ с.-петербургскаго университета Илья Александровичъ Шляпкинъ, Варвара Федоровна Москвитина, Петръ и Ѳеодоръ Николаевичи Михайловскіе и Василій Алексѣевичъ Самаряновъ.

4) *Составъ профессоровъ.* Въ составѣ профессоровъ не послѣдовало въ истекшемъ году никакихъ перемѣнъ. Всѣхъ профессоровъ числилось 7: директоръ Института Николай Васильевичъ Калачовъ, академикъ Аѳанасій Ѳеодоровичъ Бычковъ, тайный сов. Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ, профессоръ с.-петербургскаго Университета Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, профессоръ филологическаго Института Луціанъ Адамовичъ Миллеръ, доцентъ с.-петербургской духовной Академіи Николай Васильевичъ Покровскій и дѣств. ст. сов. Павелъ Ивановичъ Саввантовъ. Сверхъ того почетный членъ Дмитрій Ивановичъ Прозоровскій продолжалъ чтеніе лекцій по древне-русской метрологіи въ качествѣ преподавателя-спеціалиста.

5) *Составъ совѣта.* Совѣтъ Археологическаго Института состоялъ изъ наличныхъ профессоровъ. Къ участію въ занятіяхъ его приглашаемъ былъ также правитель дѣлъ и почетный членъ Института инженеръ-подполковникъ Николай Абрамовичъ Сытенко.

6) *Составъ правленія.* Наряду съ совѣтомъ Института существовало учрежденное въ 1879 году особое правленіе для завѣдыванія хозяйственными дѣлами Института. Въ составъ его входили: директоръ Института,

три почетныхъ члена, именно Н. Н. Салифонтовъ, баронъ Г. О. Гинцбургъ, П. I. Губонинъ и одинъ изъ наличныхъ профессоровъ Института Н. В. Покровский. Сверхъ того, на случай невозможности быть кому либо изъ членовъ правленія въ назначенное время въ Институтъ, избраны два кандидата къ нимъ—А. Н. Куломзинъ и баронъ П. Г. Черкасовъ.—Должность секретаря правленія поручена была А. П. Ясенскому.

7) *Составъ слушателей.* Въ составъ слушателей Института вступили слѣдующія лица: кандидатъ правъ университета св. Владиміра Андрей Гродзкій, докторъ философіи Іенскаго университета Алексѣй Марковъ, окончившій курсъ въ бывшей лѣсной академіи Фердинандъ Родзевичъ, кандидатъ правъ с.-петербургскаго университета Тимофей Софійскій, кандидатъ историко-филологическаго факультета московскаго университета Михаилъ Великановъ, кандидатъ правъ с.-петербургскаго университета Николай Виноградовъ, кандидатъ естественнаго факультета с.-петербургскаго университета Мстиславъ Бочетовъ, кандидатъ с.-петербургской духовной академіи Аполлинарій Львовъ, бывший консулъ въ Бульдѣжъ кандидатъ казанской духовной академіи Константинъ Павлиновъ, кандидатъ правъ с.-петербургскаго университета Николай Позняковъ, кандидатъ правъ университета св. Владиміра Николай Рагозинъ, кандидатъ московской духовной академіи Иванъ Скворцовъ и кандидатъ историко-филологическаго факультета с.-петербургскаго университета Николай Смирновъ. Кроме того, по опредѣленію совѣта Института и съ вѣдома бывшаго министра народнаго просвѣщенія, допущены къ слушанію лекцій въ Институтъ, въ качествѣ частныхъ слушателей, неокончившіе курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: подполковникъ корпуса флотскихъ штурмановъ Алексѣй Петровъ, преподаватель 1-й военной гимназіи Григорій Песковъ и дворянинъ Петръ Черневскій. Такимъ образомъ всѣхъ слушателей Института было 16. Двое изъ нихъ пользовались стипендіями Института въ размѣрѣ 300 р. въ годъ. Сверхъ того дѣйств. членъ Д. М. Мейчикъ, оставленный при Институтѣ для ученыхъ занятій, пользовался стипендіею въ размѣрѣ 600 р.

б) Дѣятельность Института.

1) *Занятія совѣта Института.* Дѣятельность совѣта Института выразилась въ особыхъ собраніяхъ, предметами обсужденія которыхъ слу-

жили: избраніе членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ, сношенія съ различными учрежденіями и лицами по дѣламъ Института, распространеніе свѣдѣній объ Институтѣ въ средѣ русскаго общества съ цѣлію привлеченія любителей старины къ занятіямъ археологіею, постановка учебнаго дѣла въ Институтѣ, увеличеніе институтской бібліотеки и музея, устройство археологической выставки, организація практическихъ занятій слушателей Института и назначеніе имъ пособій. Всѣ главнѣйшія стремленія совѣта увѣнчались желательнымъ успѣхомъ; особенно полезною совѣтъ признаеть прошлогоднюю поѣздку слушателей во внутреннія губерніи Россіи для раскопокъ кургановъ.

2) *Занятія правленія.* Правленіе Института въ засѣданіяхъ своихъ обсуждало вопросы, касающіеся хозяйственной стороны Института, какъ то: увеличенія, способовъ сохраненія и расходованія суммъ Института, изысканія средствъ на предпринятое Институтомъ изданіе справочной книги по археологіи въ память двадцати-пяти-лѣтняго юбилея царствованія Государя Императора, повѣрки институтскихъ суммъ и движимости, доставленія слушателямъ Института возможности даровыхъ проѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ для раскопокъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и проч. Годичный опытъ существованія правленія доказалъ цѣлесообразность его для хозяйственной стороны жизни Института: благодаря его заботамъ, Институтъ получилъ возможность въ истекшемъ году расширить нѣкоторыя стороны своей ученой дѣятельности, подвинуть впередъ подготовительныя работы по изданію вышеназваннаго сборника и пополнить музей древностей многими новыми предметами изъ курганныхъ раскопокъ.

3) *Занятія профессоровъ.* Дѣятельность профессоровъ Института, помимо ихъ стороннихъ занятій, выразилась въ отношеніи къ Институту въ чтеніи лекцій и участіи въ трудахъ по составленію 3-й и 4-й книжекъ сборника археологическаго Института. Профессоръ Н. В. Калачовъ въ первую половину отчетнаго года читалъ объ юридическомъ бытѣ въ XVIII вѣкѣ; во вторую — о научныхъ основаніяхъ архивнаго дѣла, именно: о составѣ архивовъ, ихъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ; кромѣ того редактировалъ издаваемый при Институтѣ „Сборникъ археологическаго Института“. Профессоръ И. Е. Андреевскій — читалъ о полицейскихъ учрежденіяхъ XVII и XVIII ст., въ связи съ общиннымъ и союзнымъ складомъ русскаго

общества; анализъ тѣхъ памятниковъ, изъ коихъ можно извлечь данныя о приемахъ и методахъ администраціи, объ отношеніи ея къ общинамъ и союзамъ, о способахъ выполненія законовъ и т. п. Профессоръ Л. А. Милеръ въ первую половину года занимался съ слушателями систематическимъ отдѣломъ латинской палеографіи, пользуясь особенно руководствомъ известнаго своими учеными трудами Ваттенбаха, во вторую половину года — ознакомилъ слушателей съ практическими приемами, безъ которыхъ нельзя съ успѣхомъ заниматься палеографическими изслѣдованіями. Д. И. Прозоровскій продолжалъ чтеніе курса древней русской метрологіи, именно: о сошномъ письмѣ, о мѣрахъ вмѣстимости, объ единицахъ счетныхъ, объемныхъ, промышленныхъ и наконецъ о времясчисленіи. Въ исторіи сошнаго письма указано его начало и его основанія; единицы мѣръ опредѣлены настолько, насколько позволяли имѣющіяся подъ рукою данныя, а въ единицахъ времясчисленія особенно много труда потребовало счисленіе языческаго періода Руси, отъ котораго остались доселѣ лишь какіе-то осколки, дающіе поводъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ. Было не менѣе трудно привести пасхалию въ тотъ видъ, который вполне удовлетворялъ бы желающихъ повѣрять христіанскую хронологію памятниковъ, для чего составилъ особаго рода таблица, находящаяся въ Институтѣ. Профессоръ Н. В. Покровскій излагалъ археологію христіанскаго искусства по вещественнымъ и письменнымъ памятникамъ древности, именно: древнѣйшія формы христіанскихъ храмовъ на востокѣ и на западѣ и преимущественно типы такъ называемый базилическій и центрическій, въ связи съ обзорѣмъ неперенятыхъ христіанскихъ сооружений; формы храмовъ византійскихъ, особенно въ ихъ отношеніи къ древнѣйшимъ формамъ русскаго храмозданія; древнѣйшіе храмы кіевскіе, новгородскіе (деревянные и каменные), владимиро-суздальскіе и московскіе до XVII вѣка включительно; наконецъ древній символическій періодъ христіанской иконографіи. Всѣ означенныя группы памятниковъ разсматривались какъ со стороны ихъ художественнаго выполненія, такъ и со стороны ихъ примѣнимости къ предназначеннымъ цѣлямъ.

4) *Занятія слушателей.* Слушатели Института, кромѣ обычныхъ занятій въ институтской аудиторіи, имѣли еще особенныя занятія по различнымъ специальнымъ вопросамъ археологіи и сообщали результаты своихъ ученыхъ изысканій въ вечернихъ собраніяхъ. Минувшимъ гѣтомъ, въ

видахъ ознакомленія съ приемами курганныхъ раскопокъ, а также и для ученыхъ изслѣдованій кургановъ, предпринята была слушателями Института, подъ руководствомъ г. директора, поѣздка во внутреннія губерніи Росіи: произведены были раскопки кургановъ въ подольскомъ уѣздѣ московской губ., въ бѣжецкомъ уѣздѣ тверской губерніи, въ ярославскомъ уѣздѣ и въ валдайскомъ и устюжскомъ уѣздахъ новгородской губерніи. Всего раскопано было до 40 кургановъ, и все найденные здѣсь предметы доставлены въ музей Института. Сверхъ того одинъ изъ слушателей Института г. Песковъ производилъ археологическія разслѣдованія кургановъ и пещерныхъ сооружений въ Крыму и нашелъ здѣсь нѣсколько цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ.

5) *Вечернія собранія*: а) *публичныя* и б) *частныя*. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ отчетномъ году происходили въ Институтѣ *публичныя* вечернія собранія; такихъ собраній было 5, а количество предложенныхъ рефератовъ по разнымъ вопросамъ археологии простиралось до 12-ти. Референтами были: директоръ Института Н. В. Калачовъ, проф. Н. В. Покровский, проф. спб. университета А. А. Иностранцевъ, проф. спб. духовной академіи Н. И. Барсовъ, проф. медико-хирургической академіи Л. К. Ивановскій, почетный членъ Института князь П. А. Путятинъ, дѣйств. членъ Института И. Г. Даниловъ, членъ-сотрудникъ И. А. Шляпкинъ и слушатели Института А. К. Марковъ и Ф. О. Родзевичъ. Съ октября мѣсяца прошедшаго года организованы были *частныя* еженедѣльные собранія членовъ и слушателей Института: такихъ собраній было 10, а рефератовъ предложено 17. Предметами ихъ служили: разработка новыхъ данныхъ по изданію Уложенія царя Алексѣя Михайловича, приведеніе въ порядокъ и научная оцѣнка древностей, добытыхъ слушателями Института во время лѣтнихъ экскурсій, сообщеніе топографическихъ свѣдѣній о неразвѣданныхъ курганахъ, извѣстія о древнихъ монастыряхъ, малоизвѣстныхъ преданіяхъ, рукописяхъ и монетахъ, вопросы о рациональномъ устройствѣ музеевъ, архивовъ, археологическихъ выставокъ и проч. Референтами въ этихъ собраніяхъ, вмѣстѣ директора Института, были члены и слушатели Института: А. В. Гавриловъ, Я. И. Зарницкій, Д. М. Мейчикъ, К. А. Шапошниковъ, И. А. Шляпкинъ, Г. Н. Песковъ, Н. А. Рагозинъ и Ф. О. Родзевичъ.

6) *Библіотека Института* въ началѣ отчетнаго года состояла изъ

372 названій книгъ, заключающихъ въ себѣ 890 томовъ, и до 120 рукописей. Въ теченіи года количество книгъ увеличилось на 209 наименованій, въ которыхъ 224 тома, и 113 рукописей. Всѣхъ книгъ въ библиотекѣ въ настоящее время 581 въ 1114 том. и 233 рукописи. Цѣнныя пожертвованія для институтской библиотекы сдѣланы были; императорскою археологическою комиссіею, с.-петербургскимъ археологическимъ обществомъ, комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, обществомъ любителей древней письменности, и М. И. Семейскимъ, пожертвовавшимъ библиотеку свои изданія. Въ пользованіи Института находилась также библиотека г. директора Института.

7) *Музей.* Въ музей Института вновь поступило болѣе 200 монетъ, пожертвованныхъ усерднымъ ревнителемъ Института покойнымъ И. А. Спигинимъ, а также нѣсколько предметовъ древности, принесенныхъ въ даръ Институту Т. В. Кибальчичемъ, В. А. Прохоровимъ, А. В. Толстымъ и И. А. Шляпкинымъ. Какъ за означенныя пожертвованія, такъ равно и за содѣйствіе нѣкоторыхъ любителей древности устройству открываемой сегодня археологической выставки при Институтѣ, совѣтъ не можетъ не выразить своей глубокой благодарности.

8) *Архивъ.* Въ отчетномъ году положены первыя основанія Институтскаго архива, въ видахъ ближайшаго практическаго ознакомленія слушателей Института съ архивнымъ дѣломъ. Въ составъ его вошли до 250 томовъ различныхъ дѣлъ XVIII в., пожертвованныхъ гг. Михайловскими и отобранныя изъ предназначенныхъ министерствомъ государственныхъ индустриальныхъ дѣлъ бывшей Рязанской палаты сего министерства. имѣющія немаловажное значеніе для изученія народнаго быта и современнаго дѣлопроизводства.

Въ заключеніе отчета совѣтъ Института беретъ на себя смѣлость въ настоящемъ торжественномъ собраніи остановиться, мм. гг., ваше вниманіе на тѣхъ, хотя и не многихъ, явленіяхъ институтской жизни, которыя даютъ основаніе сказать, что дѣятельность Института въ отчетномъ году не ограничилась предѣлами, намѣченными практикою предшествовавшихъ лѣтъ, но получила дальнѣйшее развитіе. Во 1-хъ, включеніе бывшихъ слушателей Института перваго выпуска въ число дѣйствительныхъ членовъ оправдало возлагаемыя на нихъ Институтомъ надежды и увеличило значительно на-

личный составъ институтскихъ дѣателей. Поддерживая непрерывно живое общеніе съ Институтомъ, они приносили сюда не только свое сочувствіе начатому Институтомъ дѣлу, но и свои труды и такимъ образомъ положили прочную основу для живаго общія мыслей и вопросовъ, который поддерживается съ неменьшею энергіею и слушателями втораго институтскаго курса. Во 2-хъ, вновь учрежденное при Институтѣ правленіе, при настойчивомъ содѣйствіи г. директора, доставивъ нѣкоторые удобства для лѣтнихъ экскурсій слушателей втораго курса, оказало несомнѣнную пользу дѣлу въ томъ отношеніи, что открыло имъ возможность на практикѣ ознакомиться съ наиболѣе цѣлесообразными приемами археологическихъ разысканій и такимъ образомъ съ пользою послужить цѣлямъ археологій: лучшимъ доказательствомъ цѣлесообразности этой мѣры служить постепенно подготовляемая слушателями Института научная оцѣнка лѣтнихъ археологическихъ находокъ и наблюденій. Наконецъ, въ 3-хъ, сообщенія и запросы со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учреждений, обращенныя къ Институту, интересъ, съ которымъ продолжало относиться къ нему наше интеллигентное общество и пресса безспорно ручаются какъ за полезность этого рода учреждений, такъ и за извѣстную степень довѣрія къ нашему Институту. А при такихъ условіяхъ Институтъ смѣло можетъ продолжать и развивать начатую имъ дѣятельность на пользу родной старины и въ интересахъ русскаго самоопредѣленія.

Н. Покровский.

**Рѣчь, произнесенная директоромъ московскаго главнаго архива
министерства иностранныхъ дѣлъ барономъ Ф. А. Бюлеромъ.**

Милостивыя государыни, милостивые государи. Со времени открытія Археологическаго Института мнѣ въ первый разъ привелось быть въ этой почтенной средѣ. Цѣль учрежденія Института не могла не быть мнѣ въ высшей степени сочувственна, какъ директору архива. Поэтому и самое избраніе меня въ почетные члены Института* было мнѣ чрезвычайно лестно, и я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы исполнить сердечный долгъ принесеніемъ совѣту Института изустнаго выраженія моей глубочайшей благодарности за столь высокое отличіе.

Я старался и стараюсь заслужить и оправдать это отличіе. Мнѣ также особенно пріятно привѣтствовать молодыхъ слушателей Института на поприщѣ ихъ постоянной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ уже занимались изслѣдованіями въ Высочайше ввѣренномъ мнѣ архивѣ. Они надежда и упованіе нашихъ богатыхъ архивовъ и имъ предстоитъ важная задача ихъ каталогизаціи, а кто-же не знаетъ, что каталогъ, составленный научно-подготовленнымъ архивистомъ, есть въ переносномъ смыслѣ настоящій ключъ архива.

Еще до учрежденія Института, многоуважаемый директоръ онаго уже управлялъ московскимъ архивомъ министерства юстиціи. Связь между нѣмъ и московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ давнишняя. Они постоянно оказываютъ взаимное содѣйствіе одинъ другому и являютъ собой рѣдкій примѣръ двухъ учрежденій, идущихъ рука объ руку. Это я въ правѣ отнести не только къ высокимъ личнымъ свойствамъ Николая Васильевича и его просвѣщеннаго сотрудника А. А. Орлова; но и тому обстоятельству, что управляющій архивомъ министерства юстиціи началъ свою службу въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и, своею плодотворною въ немъ дѣятельностью, оставилъ по себѣ прекрасную память и примѣръ достойный подражанія, которымъ мы справедливо гордимся. Вообще какъ москвичь, могу завѣрить, что Николай Васильевичъ имѣетъ въ Москвѣ по крайней мѣрѣ столько же усердныхъ почитателей, какъ и въ Петербургѣ.

Въ заключеніе, позвольте мнѣ высказать мое живѣйшее пожеланіе полнаго успѣха всѣмъ благимъ начинаніямъ какъ Археологическаго Института, такъ и московскаго архива министерства юстиціи.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ОТЧЕТЫ О ДОХОДАХЪ И РАСХОДАХЪ

ТЕКУЩИХЪ СУММЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ЗА 1880 ГОДЪ.

№	П Р И Х О Д Ъ.	Сум
		Руб
1.	Остатокъ отъ 1879 года.....	10,155
2.	Членскіе взносы отъ почетныхъ членовъ: барона Г. О. Гинцбурга, П. I. Губонина, А. П. Мещеринова, М. М. Попова, Д. И. Прилукова, Э. Ф. Розенбаума, Н. А. Сытенко, И. Г. Харитоненко, барона П. Г. Червасова по 500 руб. отъ каждого, всего.....	4,500
3.	Единовременныя помертвованія: отъ Почетнаго Члена барона Г. О. Гинцбурга, (въ счетъ 3,000). " " " Д. И. Прилукова..... " " " В. А. Прохорова..... " Члена-сотрудника, барона Д. Г. Гинцбурга.	2,000 15 29 100
4.	Изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на приведеніе въ порядокъ архива Управленія Оренбургскаго Генераль-Губернатора.....	1,000
5.	Проценты на свободныя суммы, находившіяся въ обращеніи изъ 6%.....	367
6.	Отъ продажи изданій Института.....	295
Всего въ приходѣ...		18,355

Директоръ Института *Н. Калачов.*

Правитель дѣлъ почетный членъ *Н. Сытенко.*

Р А С Х О Д Ъ.	С у м м а.	
	Руб.	Коп.
По учебной части :		
а) жалованье профессорамъ	3,300	—
б) стипендіи слушателямъ	975	—
в) вознагражденіе членамъ и слушателямъ за поѣздки и работы съ научною цѣлью	335	—
г) производство раскоп. въ теченіи лѣта 1880 г.	403	98
д) покупка книгъ, географ. картъ и инструмент.	244	65
По изданію 3 и 4 книгъ „Сб. Археолог. Инстит.“ (*).		
а) плата сотрудникамъ	965	—
б) изготовленіе рисунковъ	945	80
в) бумага, печать и брошюровка	1,053	—
Подготовит. работы къ изд., „Справ. книги по Археол.“:		
Выборка матеріаловъ и ихъ переписка	530	—
По хозяйственной части :		
а) плата за квартиру, занимаемую Институтомъ съ 1 января 1880 г. по 1 января 1881 г.	3,000	—
б) плата за квартиру, занимаемую архивомъ Института, съ 22 іюня по 22 декабря 1880 г.	150	—
в) витрины для предметовъ древности	57	25
г) содержаніе канцеляріи, наемъ прислуги и канцелярскія принадлежности	585	—
д) расходы по акту, бывшему 22 февраля 1880 г., по „вечерн. чтен. и бесѣд.“, печатан. объявл., почтов. расх., освѣщ. и другіе мелочн. расходы.	635	43
Всего въ расходѣ . . .	13,180	11
Въ остаткѣ къ 1 января 1881 года . . .	5,205	62
Б а л а н с ъ	18,385	73

(*). Часть расходовъ по 4-й книгѣ отнесена на 1881 годъ.

Директоръ Института *Н. Калачовъ.*

Правитель дѣлъ почетный членъ *Н. Сытенко.*